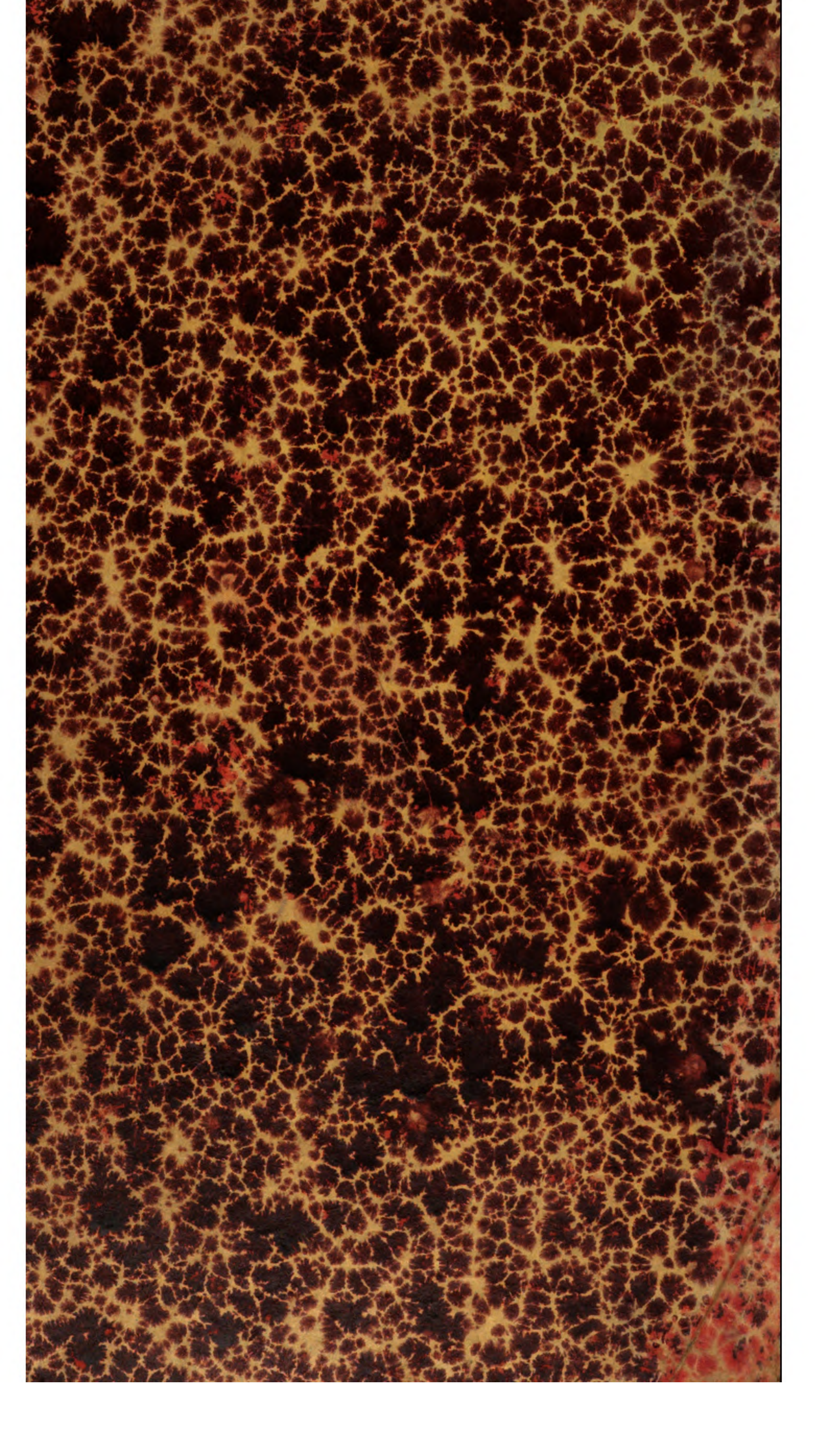
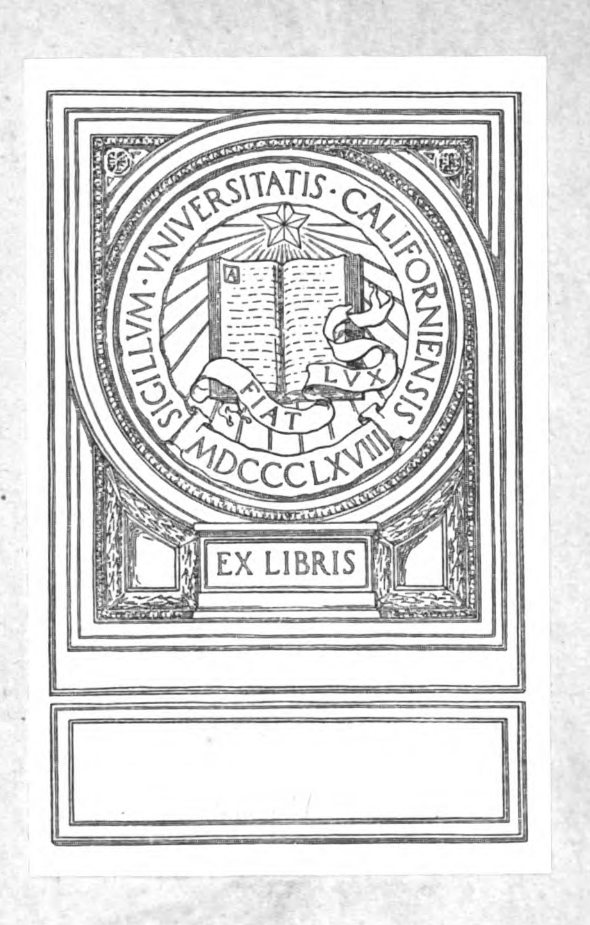



SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ XI-й. № 11-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

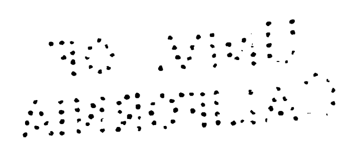
НОЯБРЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1902.



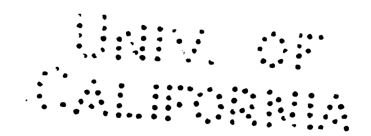
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го октября 1902 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.



АНТИЧНАЯ ТРАГЕДІЯ.

(Публичная лекція).

I.

Жаркій августъ, и часъ дня. По пыльнымъ улицамъ и скучнымъ бульварамъ, среди безобразныхъ вывѣсокъ и рекламъ торговаго города, одинъ за другимъ катятся легкіе экипажи. Быстро скользятъ вагоны электрическаго трама, гдѣ площадки пестрѣютъ отъ лентъ и цвѣтовъ на дамскихъ шляпахъ, и группами, все въ одну сторону, идутъ оживленные люди съ биноклями, а мѣстами все это нарядное движеніе скрещивается съ другимъ, совершенно на него не похожимъ: пыля и громыхая, тянутся вереницы тяжело нагруженныхъ платформъ. Неимовѣрной величины першероны, потные отъ солнца, усилій и войлочныхъ подушекъ, везутъ горы бочекъ, и около нихъ идутъ пыльные и жаркіе люди, у которыхъ лица стали бронзовыми.

Мы въ центрѣ французскаго винодѣлія, въ Безье, въ какомъ-нибудь часѣ ѣзды отъ Средиземнаго моря и старой греческой Агды. Черезъ нѣсколько дней въ сѣрыхъ поляхъ, пыльной и скучной пеленою лежащихъ вокругъ города, начнется сборъ винограда, и передъ нами теперь развертываются двѣ стороны кумирослуженія Діонису. Черезъ полчаса эти праздничныя группы размѣстятся въ открытомъ театрѣ Аренъ, который устроенъ по образцу античнаго, и тамъ парижскіе актеры будутъ играть «Прометея»; что касается до бронзовыхъ людей съ бочками, то они везутъ даръ Діониса, вино, на увеселеніе того стараго сатира, который носитъ громкое имя человѣчества.

Подвигаясь за толпою, я невольно начинаю думать о времени, когда обѣ стороны Діонисова культа не были еще такъ разобщены, и мнѣ хочется представить себѣ совсѣмъ иную картину. Мартъ въ Аѳинахъ, т.-е. полный расцвѣтъ южной весны, той весны, когда, по выраженію Пиндара, «возрождается жизнь, когда на безсмертной землѣ гущей разрослись фіалки и розы, чтобы, сплетаясь, вѣнчать людей». Гавань полна кораблей, а улицы пышныхъ посольствъ съ дарами для города, на который съ благоговѣніемъ и завистью смотритъ вся Эллада. Сегодня первый день праздника городскихъ Діонисій, и весь городъ

на улицѣ. Вотъ и процессія. Ее открываетъ самъ Эпонимъ, первое лицо города и хозяинъ праздника, за нимъ сановники, жрецы. Въ густой толпѣ, среди цѣлой тысячи молодыхъ людей въ короткихъ хламидахъ съ блестящими копьями и легкими щитами высоко надъ ними движется старая, наивная деревянная статуя Діониса, дорогой символъ всего эллинскаго міра, а въ процессіи за статуей выдѣляется своей красотой и свѣжестью группа канефоръ: это знатныя дѣвушки въ бѣломъ, которыя въ золотыхъ корзинахъ несутъ первые весенніе плоды. Но, кажется, наряднѣе всѣхъ въ процессіи хореги, т.-е. тѣ аѳинскіе граждане, которымъ выпалъ жребій въ этомъ году ставить драмы на театрѣ,—и хоръ изъ аѳинскихъ гражданъ, который ихъ сопровождаетъ. Гиматіи ихъ отливаютъ золотомъ вышивокъ и пурпуромъ или шафраномъ ткани, а волосы прижаты золотыми вѣнками, въ которыхъ играютъ лучи мартовскаго солнца. Черезъ два дня люди, составляющіе эту процессію, будутъ въ театрѣ, на священной землѣ Діониса, гдѣ не только актеръ или хористъ, но и всякій зритель будетъ находиться подъ защитой бога, столь же неприкосновенный, какъ на ступеняхъ Зевсова алтаря.

Мы же покуда дошли за толпой до аренъ Безье. Вернемся къ впечатлѣніямъ дѣйствительности. Огромный, слабо защищенный отъ солнца амфитеатръ. Мѣста идутъ широкими ступенями. Они переполнены пестрой толпой, которая на нѣсколько минутъ поглощаетъ все наше вниманіе. Тутъ, пожалуй, тысячъ 8 человѣкъ. На самой аренѣ, гдѣ въ другіе дни происходитъ бой быковъ, теперь расположилось три оркестра музыкантовъ, а надъ ними высится характерная голова Fauré извѣстная всему міру по портрету Сарджента. Вотъ и сцена. Декорація представляетъ дикія скалы, изрѣзанныя ущельями и потокомъ Особенно хорошъ задній планъ сцены—совсѣмъ воздушный. Горы идутъ до самаго горизонта, гдѣ онѣ сливаются съ настоящимъ синимъ небомъ. Въ немъ съ утра ходятъ бѣлыя облачка, по временамъ наводя тѣнь на всю эту небывалую, дивно-красивую картину, но они никого не пугаютъ, потому что вѣтеръ не съ моря. Чу... первые звуки оркестра. Вамъ казалось по его размѣрамъ (я насчиталъ 21 арфу, но не могъ сосчитать скрипокъ), что онъ оглушитъ васъ, и вы нѣсколько разочарованы. Вѣтеръ разноситъ звуки, зной разслабляетъ струны. Занавѣса, конечно, нѣтъ, а кулисы замѣняются горными проходами. Французы пошли въ этомъ отношеніи дальше древнихъ грековъ, у которыхъ хоть надъ сценой былъ навѣсъ...

Вотъ и начало представленія. На сцену сбѣгаетъ хоръ: мужчины и женщины. Первое впечатлѣніе прямо сказочное. На фонѣ голубого неба и пепельныхъ горъ одна за другой слагаясь въ причудливыя живыя сочетанія, набѣгаютъ золотистыя краски легкихъ шелковыхъ туникъ, синихъ, розовыхъ, желтыхъ, кремъ, которыя книзу кажутся гуще. Вотъ картина дорисовалась. На нѣсколько минутъ вы цѣликомъ

захвачены ея свѣжестью: вамъ кажется, что передъ вами ожила и развернулась одна изъ венеціанскихъ фресокъ Веронезе. Вы невольно ждете такого же яркаго, такого же свѣжаго аккорда звуковъ, но съ первыхъ же тактовъ хора, разочарованы. Гармонія не захватываетъ, она не покоряетъ васъ, и скоро ухо начинаетъ мучительно завидовать глазу. Вы понимаете теперь, почему театральная музыка грековъ требовала иллюстраціи въ видѣ мимики и балета, и почему на древней эллинской орхестрѣ царила не арфа, а кларнетъ и литавры. Но вотъ и самъ Прометей. По наружности это настоящій сценическій титанъ, гордый, таинственный, прекрасный. Вѣтеръ кружитъ его желтый плащъ и темную гриву волосъ. Пьесы собственно нѣтъ. Есть интересныя лирическія мѣста, монологи прекрасно декламируются, много красоты въ стихахъ, положеніяхъ, позы пластичны, но сильное чувство негодованія, жалости, ужаса и удивленія ни на минуту не охватываетъ васъ. Авторы французской передѣлки сдѣлали изъ самой загадочной и величественной трагедіи древности, гдѣ дѣйствующими лицами были только боги, эффектный спектакль,—и только. Самая красота поэзіи не похожа на античную. Напримѣръ, страшная рана Прометея, которому коршунъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ непрестанно разрываетъ его вѣчно наростающую печень, изображена въ слѣдующихъ звучныхъ стихахъ:

Plus mûr et plus saignant que le raisin des treilles
Que dévore en automne un lourd essaim d'abeilles,
Et puis qu'achevera le bec d'oiseaux pillards,
Un dieu vivant, la chair et les membres épars *).

Не чувствуете ли вы, что живописное сравненіе разорванной раны титана съ краснымъ виноградомъ трельяжа, добычей пчелъ и птицъ, въ дѣйствительности ужасно? Оно не только не смягчаетъ представленія о ранѣ, но, напротивъ, переноситъ представленіе грязной раны въ красивую картину трельяжа. Я не буду детально разбирать французскаго Прометея. Меня интересуетъ пока самый спектакль.

Вѣтеръ, который дѣлаетъ такія красивыя складки и покоряется такими красивыми жестами, скоро надоѣдаетъ вамъ. Онъ мѣшаетъ слушать. Вотъ вы уловили у Прометея хриплую ноту,—и вы чувствуете, что къ борьбѣ титана съ Зевсомъ примѣшивается другая, едва ли не болѣе для него трудная, съ вѣтромъ. Кромѣ того, черезъ какіе-нибудь полчаса вы обязательно замѣчаете, что вамъ чего-то не достаетъ. Какъ ни живописны, какъ ни красивы фигуры, которыя движутся, говорятъ и поютъ на сценѣ, для глаза это все же только деталь того, что васъ окружаетъ, деталь амфитеатра. Недостаетъ того исключительнаго, того таинственнаго четыреугольника, который такъ властно приковываетъ глазъ къ сценѣ въ нашемъ закрытомъ

*) Спѣлѣе и кровоточивѣе, чѣмъ виноградъ трельяжа, который по осени пожирается тяжелымъ роемъ пчелъ и приканчивается клювомъ пернатыхъ хищниковъ, богъ еще живой, съ растерзаннымъ тѣломъ.

театрѣ. Есть и еще причина дающей себя подъ конецъ знать... скуки. Дѣйствіе передъ вами не движется, и вся красота музыки, поэзіи, игры не можетъ выкупить этого основного сценическаго недочета. Дѣло въ томъ, что сцена съ начала до конца лирической трагедіи освѣщена одинаково. Два часа не даютъ вамъ иллюзіи драматическихъ сутокъ съ разнообразіемъ свѣтилъ и тѣней и смѣны настроеній. Положимъ, у грековъ этого тоже не было, но въ томъ-то и дѣло, что у насъ вѣдь это есть, и уже давно.

Что же такое античная трагедія? Вмѣсто отвлеченныхъ опредѣленій обратимся лучше всего къ той самой пьесѣ, которую копировали парижане въ Безье.

Прошло уже гораздо болѣе полувѣка отъ начала трагическихъ состязаній, т.-е. театра, когда въ одинъ изъ мартовскихъ дней на аѳинскую сцену поставили двухъ эсхиловскихъ Прометеевъ: Прикованнаго и Освобожденнаго. До насъ дошелъ только Прикованный. Драма начинается съ того, что на сцену съ навѣсомъ и грубой декораціей горнаго пейзажа выходятъ три актера и одинъ статистъ. Актеры изображаютъ: титана Прометея, бога подземнаго огня, Гефеста, и другого бога, Кратоса—силу. Статистъ играетъ безмолвную роль бога Насилія. Три бога приходятъ отъ своего новаго повелителя, Зевса, который только что, послѣ упорной борьбы, получилъ власть надъ міромъ. Зевсъ велѣлъ имъ приковать Прометея къ пустынной скалѣ Кавказа за то, что этотъ титанъ, похитивъ божественный огонь, передалъ его людямъ, вмѣстѣ съ начатками науки, искусства и религіи. Прометей значитъ Провидецъ: дѣйствительно, этотъ богъ обладаетъ цѣнными тайнами и въ томъ числѣ такими, которыхъ не знаетъ самъ Зевсъ, хотя онѣ прямо его касаются, и новый царь не даромъ боится своего недавняго помощника.

Судьба сдѣлала Зевса сильнѣе Прометея, а Прометея мудрѣй Зевса, по крайней мѣрѣ, старой мудростью тайнъ и откровеній, и въ этомъ лежитъ основаніе ихъ трагической коллизіи. Въ драмѣ, какъ въ жизни, сила рукъ торжествуетъ надъ силой ума, но состраданіе, ужасъ и негодованіе, которые вспыхиваютъ въ зрителяхъ передъ зрѣлищемъ неравной борьбы и мукъ, подъятыхъ титанномъ ради блага людей, невольно даютъ Прометею нравственный перевѣсъ надъ Зевсомъ.

Первая сцена превосходна. Титанъ не произноситъ ни одного слова, пока Гефестъ противъ собственной воли, подъ давленіемъ жестокаго и прямолинейнаго Кратоса, съ разстановкой и фатальной артистичностью, изъ которой зрители, конечно, не теряли ни одной детали, вгоняетъ гвоздь за гвоздемъ въ тѣло бога и налагаетъ на него цѣпь за цѣпью.

Кому бы, какъ не Гефесту, кажется, было мстить титану за похищеніе его стихіи—огня? А между тѣмъ, этотъ богъ тяготится своей ролью; онъ помнитъ объ узахъ родства и дружбы. Воля Зевса, наобо-

ротъ, символизируетъ совершенно новый міропорядокъ, и этотъ міропорядокъ только ярче выступаетъ на видъ по контрасту съ сожалѣніемъ божественнаго кузнеца. Цѣлыхъ три характера выпукло выступаютъ передъ нами въ этой первой и короткой сценѣ. Самъ титанъ обрисовывается словами другихъ и собственнымъ молчаніемъ. Только оставшись одинъ, Прометей обращаетъ жалобы къ эѳиру, облакамъ, источникамъ, ко всему, что молча его окружаетъ. Это злыя и гордыя жалобы. Титанъ не ищетъ помощи или состраданія: онъ взываетъ къ свидѣтелямъ неправды. Гордость его не допускаетъ и мысли о томъ, чтобы онъ, Прометей, былъ осиленъ хитростью, и онъ говоритъ, что заранѣе, когда спасалъ людей отъ Зевса, онъ уже зналъ о своей участи. Но вотъ прикованному слышится невнятный шумъ крыльевъ, до него долетаетъ какое-то слабое дуновеніе, признакъ жизни. Одна мысль о приближеніи живого существа невыносима для униженнаго бога.

«Я боюсь,—говоритъ онъ,—всего, что приближается». На орхестру, при помощи наивной театральной машины, появляется хоръ океанидъ. Пора сказать нѣсколько словъ о сценической обстановкѣ древнихъ. Теперь актеръ тѣмъ лучше играетъ, чѣмъ болѣе даетъ онъ намъ иллюзіи дѣйствительности. Изгоняютъ все условное, даже гриммъ, потому что въ артистѣ должна свободно проявляться душа человѣка. Не то было въ древней греческой трагедіи. Напротивъ, игра актера должна была отрывать душу зрителя отъ реальности.

На сценѣ появлялись особые, идеализированные люди, которые были грандіознѣе, прекраснѣе и патетичнѣе настоящихъ. Этому помогалъ искусственно увеличенный ростъ и объемъ тѣла, неподвижная бѣлая маска, гдѣ были нарисованы даже глаза, высокій треугольный лобъ часто съ привязанными волосами и четыреугольный рупоръ рта, откуда звучалъ яркій голосъ жителя горъ. До самаго пола ниспадала длинная и широкая одежда шафраннаго, бѣлаго или пурпуроваго цвѣта, затканная хитрымъ узоромъ. Масокъ было еще не много и онѣ распредѣлялись по типамъ. «Старикъ», «блѣдная женщина съ распущенными волосами»; традиція, а иногда только текстъ драмы помогали зрителямъ опредѣлить, кого маска должна была въ данномъ случаѣ изображать.

Океаниды выражаютъ нѣжное и тактичное участіе къ мукамъ титана, а насъ съ первыхъ же нотъ плѣняетъ красивый и полный контрастъ между женскимъ началомъ жалости и мужскимъ началомъ дерзанія, да и въ самихъ океанидахъ чувствуется какъ бы двоеніе: душа нимфы колеблется между стыдомъ закрыть глаза передъ страшной мукой и страхомъ грубо или неумѣло выразить свое участіе. Но титана не раздражаетъ участіе бывшихъ свидѣтельницъ его счастья: онъ говоритъ нимфамъ о томъ, какъ раньше помогалъ Зевсу, и сливается съ ними въ воспоминаніи и жалости... у него это—жалость къ людямъ. Океаниды уже готовы, сойдя съ своей крылатой колесницы

приблизиться къ его страшному посту—съ глубокой ироніей титанъ самъ назвалъ себя «жалкимъ сторожемъ», но въ это время на сцену появляется новое лицо,—Океанъ. Старикъ, еще совсѣмъ недавно, вмѣстѣ съ Прометеемъ, возсталъ противъ крайностей новаго тирана—Зевса; но онъ успѣлъ во-время остановиться и теперь, какъ бы изъ чувства приличія, является навѣстить своего бывшаго союзника. Передъ нами новый контрастъ и, пожалуй, новая параллель къ титану.

Два типа ума: большой творческій умъ Прометея и маленькій практическій умъ Океана, и двѣ воли: дерзкая воля и осторожная воля. Мы не знаемъ, какъ изображался на сценѣ Океанъ, но достаточно теперь прочесть въ текстѣ первыя слова сцены, чтобы увидѣть, что въ самомъ языкѣ новаго гостя Эсхилъ хотѣлъ показать, насколько умъ этого бога, такъ сказать, низкопробнѣе Прометеева ума. Я не перевожу всей сцены изъ опасенія переводомъ видоизмѣнить разницу между двумя языками, на которыхъ говорятъ эти боги. У Океана нѣтъ ни тѣни идеализма или экстаза, но рѣчь его все-таки цѣликомъ принадлежитъ міру трагедіи, и на русскомъ языкѣ я не умѣю рельефно показать этого драгоцѣннаго оттѣнка.

Отношеніе Прометея къ Океану—это одинъ изъ психологическихъ chef d'oeuvr'овъ Эсхила. Титанъ разгадалъ цѣль визита ранѣе, чѣмъ Океанъ успѣлъ раскрыть ротъ для выраженія своего участія. И вотъ, слабодушной мудрости старца, который ищетъ спрятаться за неопредѣленными обѣщаніями помочь, уговорить, устроить,—титанъ противопоставляетъ страшную, подавляющую картину мукъ, какъ результата дерзаній. Онъ говоритъ Океану о наказаніи другихъ титановъ. Тамъ у Геспера мучится Атлантъ, задавленный грузомъ цѣлаго міра, а на блаженномъ островѣ стоголовый Тиѳонъ, у котораго нѣкогда однѣ молніи глазъ убивали все живое, лежитъ инертной массой, придавленный Этною, и Гефестъ, сидя на ея вершинѣ, куетъ добѣла раскаленныя глыбы желѣза. Но придетъ день, когда Тиѳонъ «изрыгнетъ свою ярость, и огненные потоки хлынутъ изъ горячихъ челюстей чудовища на плодоносныя и широкія равнины Сициліи». Презрѣніе не позволяетъ титану сердиться на покинувшаго его союзника.

Вотъ конецъ сцены:

Океанъ.

Чѣмъ же можетъ грозить мнѣ предусмотрительность? забота? объясни, пожалуйста!

Прометей.

Она была бы лишнимъ бременемъ и, кромѣ того, наивнымъ легкомысліемъ.

Океанъ.

Ну что-жъ. Предоставь мнѣ эту долю страданія. Прикрыть расчетъ простотой бываетъ иногда очень выгодно.

Прометей.

Ты не долженъ брать на себя этого грѣха, потому что онъ мой.

Океанъ.

Итакъ, ты меня рѣшительно прогоняешь.

Прометей.

Да, берегись, какъ бы, оплакивая меня, ты не вызвалъ бы гнѣва.

Океанъ.

Гнѣва? чьего? или того бога, который только что завладѣлъ трономъ?

Прометей.

Да, берегись разбудить его гнѣвъ...

Океанъ.

Прометей! Твой жребій будетъ мнѣ урокомъ.

Прометей.

Ступай же, ступай—да береги хорошенько свою мудрость.

По уходѣ Океана, титанъ снова говоритъ съ океанидами и снова о своей любви къ людямъ; «я ни въ чемъ не упрекаю ихъ—прибавляетъ онъ—но мнѣ пріятно вспоминать о томъ, что я для нихъ сдѣлалъ изъ любви». И вотъ, не останавливаясь на томъ, что онъ далъ богамъ, Прометей подробно разсказываетъ нимфамъ, какъ изъ существъ едва зрячихъ, подобныхъ сновидѣнію, онъ сдѣлалъ людей тѣмъ, чѣмъ они стали. Океаниды съ чисто женскимъ искусствомъ наводятъ рѣчь на роковую тайну Прометея, которая касается Зевса, но богъ заставляетъ ихъ молчать. Онъ хранитъ эту тайну, потому что будетъ день, когда, чтобы узнать ее, Зевсу придется снять съ Прометея его позорныя цѣпи. Въ слѣдующемъ хорѣ океанидъ звучитъ нота такого глубокаго пессимизма, который былъ рѣдокъ даже въ греческой трагедіи. Обращаясь къ титану, хоръ такъ поетъ о людяхъ: «Неужто-жъ ты не видишь недвижной слабости, подобной сну, которой скованъ слѣпой родъ мужей? Нѣтъ, никогда не смести волѣ смертныхъ Зевсова міропорядка...»

Но вотъ является Іо. Здѣсь мнѣ придется сдѣлать маленькое отступленіе.

«Прометей» былъ самой высокой и самой отобщенной отъ жизни драмой эллиновъ. Зрители видѣли на его сценѣ уже не какую-нибудь Электру съ ея всѣмъ понятной любовью къ брату, завистью къ матери и ненавистью къ вотчиму, и если актеры то и дѣло повторяютъ, что Зевсъ свѣжеиспеченный тиранъ, то все же никто изъ зрителей не смѣшалъ бы его съ вульгарнымъ тираномъ, вродѣ Лика или Креонта. Зрители все время чувствовали бога гдѣ то надъ сценой, незримо присутствующимъ и судящимъ. Да и для насъ еще ощути-

тельно въ Зевсѣ высшее, идеальное начало: богъ недоволенъ людьми и готовится создать для земли новый родъ обитателей; титанъ тоже не простой закононарушитель, котораго можно судить, какъ Антигону или Ореста. Онъ богъ и соперникъ бога. Въ трагедіи нѣтъ людей, даже бѣдная Іо только телка.

Люди, вчерашніе троглодиты, копошатся гдѣ-то тамъ, внизу, и имъ нѣтъ мѣста на сценѣ, трагедія творится ради нихъ, а не ими; и французскіе поэты безмѣрно принизили своего героя, сдѣлавъ титана какимъ-то эмиссаромъ человѣчества. У Эсхила даже связываетъ Прометея съ эфемерами не эросъ—любовь, а евноя—благосклонность, т.-е. чувство, которое можетъ быть не чуждо и доброму рабовладѣльцу. Самыя благодѣянія титана людямъ, въ ущербъ новой расѣ, которую замышлялъ Кронидъ, не были лишены нѣкотораго полемическаго жара.

Во всякомъ случаѣ въ мірѣ античной трагедіи Прометеи Эсхила были одиночнымъ явленіемъ. Никто не рѣшался касаться этой таинственной концепціи, полной загадокъ и противорѣчій, и геніальной въ своей парадоксальности. Въ новомъ мірѣ Прометей, наоборотъ, именно благодаря высотѣ и общности символа, сталъ любимой темой для творческихъ умовъ: Кальдеронъ, Мильтонъ, Гете, Байронъ, Шелли создали каждый своего Прометея. Было бы неправильно, однако, исчерпывать значеніе эсхиловскаго Прометея его общечеловѣческими элементами и забывать о томъ, чѣмъ трагедія была для первыхъ зрителей. Нѣтъ сомнѣнія, что для амфитеатра «Прометей» былъ, прежде всего, δρᾶμα τερατῶδες, драмой чудесъ, и актеръ, игравшій Іо, своей маской, вѣроятно, напоминалъ зрителямъ, что безумная дочь Инаха была обращена ревнивою Герой въ телку, которую неотвязная оса наполняла бредомъ, отчаяніемъ и вѣчнымъ желаніемъ двигаться.

Прометей молчалъ въ сценѣ съ палачами. Онъ говорилъ океанидамъ о своей славѣ и страданіи, т.-е. о людяхъ; онъ рисовалъ передъ трусливымъ Океаномъ титановъ, которые грозятъ Зевсову міру даже въ своемъ униженіи и своихъ мукахъ. Теперь передъ Іо онъ станетъ пророкомъ; тронутый состраданіемъ къ этому символу человѣческихъ мукъ, онъ обнаружитъ сущность своей исключительной божественной природы, чтобы потомъ холодной и острой, какъ мѣдь, дерзостью въ послѣдней сценѣ съ Гермесомъ безмѣрно усилить собственныя муки и тѣмъ еще ярче показать міру всю безполезность Зевсова гнѣва. Такъ постепенно развертывалъ Эсхилъ характеръ своего трагическаго героя. Сцена титана съ Іо полна драматическаго значенія, мы узнаемъ изъ этой сцены, что отъ Іо черезъ двѣнадцать поколѣній родится спаситель Прометея, и титанъ не безъ вызова невидимо присутствующему Зевсу предрекаетъ это несчастной жертвѣ его любви. Но сцена съ Іо нѣсколько длинна, и въ ней есть подробности, хотя и очаровательныя, но слишкомъ древне-эллинскія. Такъ, титанъ въ два пріема передаетъ въ блестящемъ миѳологическомъ разсказѣ, гдѣ была Іо и гдѣ еще ей

придется скитаться. Но не надо забывать, что половина 5-го вѣка была какъ разъ эпохой самаго оживленнаго интереса къ географическимъ описаніямъ, этой причудливой смѣси легендъ съ замѣтками путешественниковъ. За пытливыми разспросами океанидъ вы будто еще чувствуете напряженное любопытство амфитеатра. Не слѣдуетъ упускать изъ вида и того обстоятельства, что древніе греки болѣе, чѣмъ мы цѣнили детали своихъ пьесъ, такъ какъ имъ не надо было слѣдить за ихъ содержаніемъ: миѳъ былъ извѣстенъ заранѣе, а при Эсхилѣ онъ къ тому же былъ еще почти каноничепъ.

Къ художественнымъ контрастамъ пьесы прибавляется въ сценѣ Іо еще одинъ, и едва ли притомъ не самый полный и не самый патетическій. Это контрастъ между Прометеемъ и Іо, и онъ обрисовывается на почвѣ близкой судьбы и общаго страданія. Нѣжная дочь Инаха, которая ничего не дѣлала въ своемъ теремѣ, чтобы понравиться Зевсу, и дерзкій титанъ, который сдѣлалъ все, чтобы его ужаснуть—оба являются жертвами олимпійца на длинный рядъ лѣтъ. А на сценѣ передъ нами съ одной стороны богъ, прикованный молотомъ Гефеста, съ другой—чудовище—телка, гоняемая по всему міру осой. Съ одной стороны трезвый и ясный умъ мужа и даръ провидѣнія бога, съ другой безуміе и бредъ женщины.

Конецъ сцены Іо полонъ глубокаго паѳоса. Вотъ что говоритъ она, покидая сцену:

«Увы! Увы! Судорога снова пронизала меня. Безуміе стало опять мучить мою душу, жало колетъ и жжетъ меня... а сердце отъ ужаса колотится о стѣны груди. Мои глаза раскатываются, блуждая, тяжкое дыханіе Лиссы срываетъ меня съ мѣста, и мои смятенные крики бьются о волны ненавистнаго грѣха».

Подъ вліяніемъ пророческаго жара, который вызванъ въ Прометеѣ зрѣлищемъ несправедливыхъ и родственныхъ ему мукъ человѣка, злоба его противъ Зевса вырывается въ страстномъ монологѣ. Титанъ пророчитъ новому царю смиреніе и паденіе и предрекаетъ ему торжествующаго врага. Прометей ищетъ борьбы: такъ реагируетъ мужественное сердце на впечатлѣніе отъ новой неправды, которая ему больнѣе собственной обиды. Но вмѣсто Зевса является его посолъ. Въ Гермесѣ передъ нами новый типъ друга власти. Это уже не тяжеловѣсно-покорный, пассивно-добрый Гефестъ, не тупо-жестокій Кратосъ, не сладкорѣчивый и мудрый Океанъ. Это тонкій союзникъ, les grands moyens тиранніи. Чтобы дать вамъ возможность судить, хотя бы по блѣдной копіи, о заключительной сценѣ скованнаго Прометея, я приведу вамъ ее въ дословномъ переводѣ:

Гермесъ.

Я говорю съ тобой, софистъ, продерзностный, съ тобой, который, погрѣшивъ передъ богами, почтилъ людей, съ тобой, похититель огня.

Отецъ приказываетъ тебѣ объяснить, о какомъ это бракѣ ты хвастливо вѣщаешь, будто изъ-за него Зевсъ лишится власти? Выскажись яснѣй и не заставляй меня приходить вторично. Ты, кажется, видишь, что подобныя рѣчи не изъ тѣхъ, которыя смягчаютъ Зевса.

Прометей.

Эта пышноустая и кичливая рѣчь какъ нельзя лучше подобаетъ слугѣ боговъ. Новые цари новаго царства, вы думаете, что бѣда не посмѣетъ васъ тронуть за вашей твердыней. Но развѣ я не видалъ, какъ оттуда уже пало два властелина? Третій сидитъ тамъ сегодня, и я надѣюсь увидѣть его очень быстрое и очень позорное крушеніе. Ты думалъ, можетъ быть, что я буду остерегаться, что я боюсь новыхъ боговъ. Нѣтъ, я рѣшительно ничего не боюсь. А ты ступай той же дорогой, по которой пришелъ: на вопросы свои никакого отвѣта не получишь.

Гермесъ.

А между тѣмъ, благодаря именно такому же упорству, ты очутился въ этой безднѣ мукъ.

Прометей.

Знай, что я не смѣнилъ бы своего злополучія на твое рабство.

Да, лучше, пожалуй, быть рабомъ этой скалы, чѣмъ вѣрнымъ посломъ Зевсу.

Гермесъ.

А тебя, кажется, тѣшитъ это? (Указываетъ на цѣпи и скалу).

Прометей.

Пусть бы это тѣшило также моихъ враговъ и тебя перваго.

Гермесъ.

Развѣ я сколько-нибудь виноватъ?

Прометей.

Я ненавижу всѣхъ васъ, боговъ, вообще, потому что, въ отплату за мои благодѣянія, вы несправедливо меня мучите.

Гермесъ.

Однако, ты серьезно боленъ... умомъ...

Прометей.

Боленъ умомъ, да... если это значитъ ненавидѣть враговъ.

Гермесъ.

Знаешь, что: ты былъ бы невыносимъ, будь на твоей сторонѣ сила?

Прометей.

Увы!

Гермесъ.

Вотъ слово, которому не обученъ Кронидъ.

Прометей.

Всему научитъ старѣющее время.

Гермесъ.

Только не тебя... покуда... скромности.

Прометей.

Я бы не отвѣчалъ тебѣ тогда, холопъ.

Гермесъ.

Итакъ, ты не дашь отцу никакого отвѣта?

Прометей.

Послать ему благодарность?..

Гермесъ.

Ты, кажется, забавляешься мною, какъ ребенкомъ.

Прометей.

Да ты и есть ребенокъ, даже глупый ребенокъ, если ты думаешь что-нибудь у меня выпытать. Нѣтъ той пытки и нѣтъ той хитрости, которою Зевсъ могъ бы выжать изъ меня хоть слово, прежде чѣмъ не будутъ разбиты бременящія меня оковы. Пусть разитъ меня ярое пламя, пусть Зевсъ перевернетъ эту землю въ бѣломъ вихрѣ снѣга силою своихъ подземныхъ громовъ. Нѣтъ, я не скажу ему, кто лишитъ его престола.

Гермесъ.

Подумай лучше, къ чему тебѣ это послужитъ?

Прометей.

О, все уже давно обдумано и рѣшено.

Гермесъ.

Еще разъ, безумецъ, оглянись, дай вразумить тебя твоими же несчастьями.

Прометей.

Ты докучаешь мнѣ, но съ такой же пользой, какъ если бы ты говорилъ волнамъ. Постарайся освободиться отъ мысли, что я могу отъ ужаса передъ рѣшеніемъ Зевса обратиться сердцемъ въ женщину и, по женски поднимая руки, молить того, который мнѣ ненавистенъ, чтобы онъ избавилъ меня отъ цѣпей. Я далекъ отъ всего этого.

Гермесъ.

Да, повидимому, я говорилъ и много, и совершенно безполезно. Ты ни въ чемъ не уступаешь и рѣшительно не сдаешься на мои просьбы.

Какъ молодой едва объѣзженный конь, ты закусилъ удила и не хочешь покориться возжамъ. Но борьба твоя лишена смысла. Вообще упрямство никогда не приноситъ пользы человѣку, который не хочетъ разсуждать. Посмотри, если ты не послушаешься моихъ совѣтовъ, какая буря, какой неизбѣжный потопъ бѣдствій готовъ на тебя обрушиться.

Сначала отецъ раздавитъ эти скалы огнемъ молній и тяжестью своихъ громовъ. Онъ поглотитъ твое тѣло, и его унесутъ отсюда каменныя объятія. И долго будешь ты лежать погребеннымъ, пока не возродишься для солнца, а тогда крылатый песъ Кронида, жадный до крови орелъ, примется жадно пожирать обильные останки твоего тѣла. Незванный гость, онъ будетъ прилетать что ни день, и будетъ рвать твою черную печень, и не разсчитывай, чтобы эта кара когда-нибудь кончилась. Для этого кто-нибудь изъ боговъ долженъ занять твое мѣсто и сойти въ темный Аидъ, въ глубокіе туманы Тартара.

Подумай, Прометей, вѣдь это не ложная и не пустая угроза, слово это ближе къ дѣйствительности, чѣмъ ты, можетъ быть, думаешь. Уста Зевса не умѣютъ лгать, и реченное ими твердо. Подумай же, размысли, можетъ быть, ты и не захочешь, въ концѣ концовъ, предпочесть упрямство благоразумію.

Хоръ.

Да, намъ кажется, что Гермесъ говоритъ хорошо. Онъ хочетъ чтобы ты бросилъ упорство ради благоразумія, ради мудрости. Повинуйся ему. Стыдно Мудрому уклоняться отъ прямого разсудка.

Прометей.

Мнѣ извѣстно все, что онъ здѣсь говорилъ и повторялъ. Справедливо и то, что врагъ терпитъ поношенія отъ врага. Но пусть падетъ на меня крылатый змѣй, пусть Эѳиръ содрогнется отъ грома и ярости вихря, пусть буря съ корнями вырветъ землю изъ ея устоевъ, пусть волны морей съ хриплымъ клокотаніемъ хлынутъ на пути небесныхъ свѣтилъ, а Зевсъ швырнетъ мое тѣло въ самую глубь Тартара, и оно летитъ туда, безсильно кружась,--онъ не можетъ меня убить.

Гермесъ.

Да, такъ должны говорить и думать люди, охвачнные безуміемъ. И это совершенно понятно. Онъ боленъ и бредитъ, а ярость не допускаетъ его до уступокъ.

(*Къ хору*). Но вы, которыя стонете надъ его муками, не должны болѣе оставаться здѣсь, если вы не хотите, чтобы ужасный ревъ грома лишилъ васъ разсудка.

Хоръ.

Говори иначе. Дай другой совѣтъ Этимъ ты не убѣдишь меня. Твои слова невыносимы. Ты вызываешь меня сдѣлать низость. Съ

нимъ я хочу страдать, если надо: онъ выучилъ меня ненавидѣть измѣнниковъ. И нѣтъ недуга позорнѣе предательства.

Гермесъ.

Пусть такъ, но я васъ предупреждалъ. Объяты бѣдствіемъ грѣха, не вините потомъ судьбы и не повторяйте, что Зевсъ неожиданно ввергъ васъ въ несчастье. Вы, конечно, будете захвачены вмѣстѣ съ нимъ огромной сѣтью бѣдствія, но не внезапно и не благодаря западнѣ, а сознательно и благодаря вашему безумію.

(*Уходитъ*).

Прометей.

Земля начинаетъ колебаться... Да... Это не слова... Это такъ... До слуха доносится хриплое мычанье грохочущаго грома. Зигзаги, сшибаясь, загораются. Вихри крутятъ пыль. Вѣтры мѣшаются въ яростной схваткѣ. Эѳиръ сливается съ моремъ. Да, Зевсъ открыто нападаетъ на меня и разитъ меня ужасомъ. О, священная мать, о ты клубящійся Эѳиръ, ты солнце, единое для всѣхъ. Глядите, отъ какой неправды я гибну.

(*Проваливается*).

Что можетъ быть проще этой драмы по структурѣ, ужаснѣе по безысходному трагизму положеній и характера и эффектнѣе по контрастамъ и заключенію?

Я не буду говорить о второмъ Прометеѣ, который у Эсхила и на сценѣ непосредственно примыкаетъ къ первому. Это завлекло бы меня слишкомъ далеко. Мнѣ надо было только хотя бы на одномъ примѣрѣ показать моимъ слушателямъ, что такое античная трагедія и что понимали древніе эллины подъ именемъ трагическаго. А теперь пойдемъ искать источниковъ трагедіи: она не вышла, какъ Паллада, готовою изъ головы Зевса.

Трагедія получила начало изъ легенды и культа Діониса. Когда я теперь повторяю это имя, то представляю себѣ Діониса въ видѣ божественнаго присно-отрока: того puer aeternus Овидія, который былъ позднѣйшимъ отзвукомъ праксителевскаго Діониса. Но чѣмъ глубже мы уходимъ въ исторію Діониса, котораго подъ разными именами чтилъ весь древній міръ, тѣмъ пестрѣе и неопредѣленнѣе мелькаетъ передъ нами этотъ образъ, временами даже не образъ, а символъ—то быкъ, то лоза, то пѣсня. Несомнѣнно, что въ эллинскомъ Діонисѣ очень рѣзко смѣшались черты двухъ совершенно разнородныхъ боговъ: ѳракійскаго бога, культъ котораго отличался экстатическимъ характеромъ, а легенды кровавыми подробностями, и мирнаго эллинскаго бога виноградной лозы—дендрита, съ его веселыми хорами, маскарадомъ и шутливыми импровизаціями. Аѳиняне, которые не любили признавать, что они что-нибудь заимствовали у другихъ, и тѣ дѣлали исключеніе для культа

Діониса. Въ томъ самомъ демѣ, откуда происходилъ первый извѣстный намъ трагикъ, создалась слѣдующая поэтическая легенда:

Къ царю Икарію нѣкогда пришелъ Діонисъ съ дружиной, царь принялъ его радушно, и въ награду Діонисъ далъ ему вина, наказавъ только припрятать его хорошенько. Но пастухи Икарія открыли лакомство по его аромату. Они попробовали вина, потомъ перепились и, наконецъ убили Икарія, а тѣло его скрыли въ ямѣ, забросавъ его каменьями. И вотъ дочь Икарія, Эригона, идетъ искать отца. Когда, при помощи вѣрной собаки Мэры, она нашла, наконецъ, его могилу, то съ горя тутъ же повѣсилась. Діонисъ взялъ всѣхъ троихъ на небо, гдѣ Икарій и Эригона и Мэра стали звѣздами. Но на землѣ смерть Эригоны вызвала массу подражаній—одна за другой стали вѣшаться мѣстныя дѣвушки, и только искупительныя жертвы прекратили, наконецъ, эту страшную болѣзнь.

Не надо большой проницательности, чтобы угадать смыслъ и бытовую сторону этого ботаническаго миѳа. Убитый и забросанный камнями Икарій—это виноградъ подъ прессомъ, Эригона и эпидемія самоубійствъ, это ягоды новаго винограда, которымъ обвѣсилась лоза, когда провяленный и выжатый виноградъ уже далъ свой перебродившій, пьяный сокъ, пастухи выпили одно вино, и тогда убили Икарія, т.-е. стали готовить другое. Переходъ Діониса въ Аттику изъ Ѳракіи знаменуется новой его разновидностью: изъ вакхическаго, т. е. такого, который, по выраженію Геродота, заставляетъ бѣсноваться, Діонисъ становится Лисіемъ, т.-е. разрѣшителемъ узъ. Въ трагедію, хотя не въ равной мѣрѣ, вошли, конечно, оба Діониса. Вообще же и въ сказкахъ, и въ кумирослуженіи этого бога были всѣ данныя, чтобы сдѣлать именно его богомъ сцены. Во-первыхъ, Діонисъ всегда является въ сопровожденіи свиты и въ самомъ появленіи его есть уже, такимъ образомъ, зерно драмы. Во-вторыхъ, жизнь этого бога полна приключеній, полна причудливой смѣны страданій и торжества; въ-третьихъ, въ его служеніи были и экстазъ, и тайна.

Еще ребенкомъ Діониса водятъ густокосыя нимфы, его кормилицы; потомъ эта горсть спутницъ выростаетъ въ блистательный ѳіасъ, т.-е. дружину: тамъ и бѣлоногія мэнады съ тирсами, бубнами, плющемъ или змѣями въ волосахъ, сатиры, полу-люди съ козьимъ хвостомъ и лошадиными ушами, пьяницы и лакомки, страстные музыканты и неутомимые танцоры, Панъ, который изобрѣлъ свирѣль, фригійскій богъ потоковъ, Силенъ, тамъ румяный мальчикъ Ойнопій наливаетъ богу вина, а Ойносъ, олицетворенное вино, танцуетъ съ зажженнымъ факеломъ, тамъ цѣлый рядъ красивыхъ нимѳъ, и Лоза въ цвѣту, и Головокруженіе, тамъ и три божественныхъ подруги Діониса: Опьяненіе, Прелесть и Миръ.

Ѳіасъ Вакха, такъ дивно изображенный Еврипидомъ въ одной изъ лирическихъ сценъ его «Вакханокъ», былъ не только сказкой; въ жизни

были тоже θіасы, только, конечно, не такіе яркіе и легкіе, какъ въ мечтѣ: это были религіозныя братства, которыя, внѣ оффиціальной религіи, быстро распространялись по Малой Азіи, Греціи и Италіи и заключали въ своей средѣ и женщинъ, и вольноотпущенныхъ, и даже рабовъ. Однако, не пестрому θіасу, а другой болѣе тѣсной и интимной, и притомъ чисто эллинской, свитѣ Діониса довелось положить начало театру. Діониса чтила вся Эллада, и хотя не коренной греческій богъ, онъ именно здѣсь-то, вѣроятно, и сталъ богомъ виноградной лозы. Не было деревни, гдѣ бы сборъ винограда или проба перваго вина не сопровождались играми въ честь Діониса, и именно въ Элладѣ его свита получила хотя менѣе яркій, но зато болѣе мирный и упорядоченный видъ хора сатировъ или траговъ, козловъ,—трагическій хоръ.

Хоръ внѣшній, заносный, Θіасъ имѣлъ въ основѣ женщинъ—одержимость, экстазъ; хоръ мѣстный эллинскій, куда Діонисъ вошелъ гостемъ, но откуда онъ мало-по-малу вытѣснилъ стараго Дендрита, имѣлъ въ основѣ мужское начало,—почина, изобрѣтательности и развитія; ему же и пришлось стать творческимъ началомъ трагедіи. Отзвукъ Θіаса остался въ лирикѣ, да въ живописи, а на сценѣ онъ мелькнулъ своимъ нарядвымъ роемъ лишь подъ самый конецъ классическаго вѣка драмы.

Для развитія трагедіи было важно и то обстоятельство, что она развилась изъ оффиціальной религіи, и что государственная община могла взять ее подъ свою опеку. Дѣйствительно, родившіе трагедію хоры, какъ позже сама трагедія, рано сдѣлались одной изъ основъ власти надъ сердцами: потому-то тираны Сикіона, Аθинъ, Сиракузъ и Македоніи и демагоги, какъ Θемистоклъ и Периклъ, особенно много дѣлали для сцены.

Легенды Діониса полны приключеній, какъ его собственныхъ, такъ и его враговъ и жертвъ. Я напомню моимъ слушателямъ гомеровскій гимнъ. Темнокудрый юноша въ пурпуровомъ фаросѣ схваченъ тирренскими пиратами. Они крѣпко вяжутъ бога, но синіе глаза его только смѣются. Кормчій предупреждаетъ товарищей, что имъ не будетъ добра отъ этой дивной добычи; но пираты неумолимы, потому что они ждутъ богатаго выкупа. И вотъ они въ открытомъ морѣ. Здѣсь начинаются чудеса.

Вдругъ на быстрый и черный корабль ароматной волною
Хлынула сладкая вакхова влага, и чудный повсюду
Запахъ пошелъ отъ вина. И дивяся сидѣли пираты.
Смотрятъ: по парусу слѣдомъ и зелень лозы виноградной
Внизъ потянулась, и парусъ покрылся и гроздья повисли.
Темною зеленью плющъ пополэъ, расцвѣтая, на мачту.

Слѣдомъ на кораблѣ появляется страшный левъ. Моряки въ ужасѣ: они бросаются въ волны и дѣлаются дельфинами, а Діонисъ награждаетъ кормчаго и называетъ себя:

Въ легендахъ Діонисъ почти всегда окруженъ врагами, причемъ эти враги обыкновенно борются въ его лицѣ противъ экстатичности его культа и вносимаго имъ въ жизнь безпорядка. Такъ, ѳракійскій царь Ликургъ преслѣдуетъ съ оружіемъ въ рукахъ маленькаго Діониса, который, разгуливая со своими кормилицами по лѣсамъ Ѳракіи, наполнялъ ихъ слишкомъ веселымъ шумомъ. Діонисъ въ ужасѣ бросается отъ царя въ море, на Ликурга же въ наказаніе нападаетъ слѣпота.

Ѳракіецъ убиваетъ собственнаго сына, а самому себѣ обрубаетъ ноги, въ помраченіи принявъ ихъ за ненавистныя ему виноградныя лозы.

Ѳиванскій царь, Пенѳей, наказанъ еще болѣе жестоко: раздразнившій его Діонисъ мелькаетъ передъ нимъ въ образѣ быка, котораго тотъ, послѣ отчаянныхъ усилій, привязываетъ къ столбу, думая, что привязалъ бога, потомъ, въ наказаніе за дерзость, Пенѳей сходитъ съ ума и въ женскомъ платьѣ идетъ смотрѣть на тайныя женскія оргіи Діониса, гдѣ его разрываютъ бѣшеныя почитательницы бога, съ его собственной матерью во главѣ. Превращеніями и торжествомъ бога надъ людьми полны легенды всѣхъ греческихъ боговъ, но въ сказкахъ Діониса есть одна характерная особенность. Замѣтьте, что Діонисъ обманываетъ людей призракомъ своего униженія и страданія что онъ увлекаетъ ихъ, играетъ съ ними, дурачитъ ихъ, то бросаясь отъ нихъ въ воду, то давая себя связывать, и что при этомъ его страданіе и униженіе только призрачное, а страданіе его жертвъ уже настоящее.

Бытовымъ дублетомъ къ превращенію былъ шуточный маскарадъ, бытовымъ дублетомъ къ призрачной, но ужасной по послѣдствіямъ борьбѣ Діониса съ людьми стала греческая трагедія.

Я говорилъ объ обманахъ Діониса. Слѣдующій характерный анекдотъ, сохраненный Плутархомъ, показываетъ, какъ тѣсно въ сознаніи первоначальнаго зрителя трагедіи сценическая иллюзія сплеталась именно съ обманомъ.

Старикъ Солонъ, этотъ законодатель-счетчикъ, послѣ одного изъ сценическихъ успѣховъ Ѳесписа, создателя трагедіи, тяжко упрекаетъ его за неправду; стуча посохомъ, онъ сердито повторяетъ, что, чего добраго, обманъ теперь со сцены перейдетъ и въ расчеты и въ договоры.

Но обратимся къ культу Діониса.

Въ культѣ тоже проходятъ двѣ неслiянныхъ струи: экстатическая и освободительная. Символомъ первой является кровь. Символомъ второй—пировое вино. Первая выразилась въ Агріоніяхъ и оргіяхъ. Оргіи справлялись женщинами, ночью на лѣсистыхъ вершинахъ Парнаса, Киѳерона или Гема и сопровождались страстнымъ призываніемъ бога, кровавой жертвой и безумной пляской, а вина тамъ, кажется, не было вовсе. Съ другой стороны, въ Аттикѣ, въ центрѣ Діонисій, стоялъ

мирный культъ виноградной лозы, и царило вино. Уже давно было замѣчено, что въ миѳологіи растеніе очень рано становится символомъ мысли, обращенной на исконные вопросы человѣческаго бытія. Дѣйствительно, растенія съ ихъ незамѣтно развивающейся жизнью, расцвѣтомъ и замираніемъ, нѣжной отзывчивостью на стихійныя явленія и красотой, не похожей на человѣческую, не такъ легко ассимилируются въ миѳологическомъ творчествѣ человѣческому міру, какъ животныя, и если это можно сказать обо всемъ прозябающемъ, то къ колосу и лозѣ, этимъ основамъ человѣческаго благополучія, мистическая символика оказалась особенно примѣнимой. Хотя хлѣбъ сталъ называться Деметрой, а вино Діонисомъ, но и колосъ, и вино остались священными символами, а первый, т.-е. колосъ, создалъ вокругъ себя стройный міръ мистерій.

Аттическія Діонисіи, представляли яркій контрастъ съ экстазомъ оргій: вмѣсто безпокойнаго исканія бога въ радѣніи и кровавыхъ ж твахъ оргій, здѣсь видимъ попытки таинственнаго соединенія съ омъ въ символѣ, пирѣ, гаданіи, поминовеніи усопшихъ; вмѣсто слѣпленія души экстазомъ, находимъ разрѣшеніе ея узъ, ея временное очищеніе отъ житейской плѣсени. Трагедія, не чуждая экстаза оргій и дикаго Діониса, болѣе подходила къ культу аттическаго узорѣшителя. Не даромъ же черезъ 200 лѣтъ послѣ ея начала Аристотель считаетъ цѣлью трагедіи очистить душу отъ страстей. Мужской хоръ и разбавленное пировое вино, эти неизмѣнные спутники аттическихъ діонисій стали источникомъ и ареной драматическаго творчества. Отъ ихъ союза родились тѣ импровизаціи запѣвалъ, которымъ суждено было стать зерномъ трагическихъ монологовъ.

Самая пѣсня траговъ, диѳирамбъ, была первоначально лишь отзвукомъ страстнаго призыванія Діониса. Позже въ своемъ недолгомъ расцвѣтѣ диѳирамбъ сдѣлался блестящей музыкальной драмой, а затѣмъ мало-по-малу, въ качествѣ ея текста, спустился до роли шаблоннаго опернаго либретто, такъ что въ IV-мъ вѣкѣ говорили уже «пошло, какъ диѳирамбъ». Трагедію диѳирамбъ отдѣлилъ отъ себя между первымъ и вторымъ изъ отмѣченныхъ моментовъ, въ тотъ періодъ, когда изъ безпорядочной жреческой молитвы онъ сталъ дѣлаться правильно организованной хоровой пѣснею, когда лиризмъ сталъ вытѣсняться изъ него, съ одной стороны, интереснымъ содержаніемъ, а съ другой игрою, т.-е. зерномъ драмы, когда, благодаря запросамъ на изобрѣтательность, вымыслы, новизну, уже не одинъ Діонисъ, а мало-по-малу и другіе боги или герои стали дѣлаться центромъ диѳирамба, и когда, наконецъ, самая импровизація запѣвалъ, благодаря организаціи хора, стала обращаться въ двѣ раздѣльныхъ задачи—творчество съ одной стороны, и обученіе хора и его парастатовъ—съ другой.

Но въ вопросѣ о происхожденіи трагедіи не надо забывать и самаго свойства греческихъ сказокъ. Миѳы эллиновъ давали много неразвитыхъ

трагедій. Иліада была полна паѳоса, а ея образы и положенія, независимо отъ наивныхъ условностей эпическаго стиля (въ родѣ повтореній, постоянныхъ эпитетовъ, громоздкихъ сравненій) и мѣстами грубой фантастики, наполняютъ насъ и теперь такимъ ужасомъ и даютъ намъ вкусить такое чистое состраданіе, что мы невольно забываемъ объ особомъ драматическомъ культѣ этихъ эмоцій. Возстановите въ памяти самый яркій моментъ Иліады: ея трагическій конецъ: какимъ ужасомъ вѣетъ отъ молчаливой, злой погони Ахилла за Гекторомъ, въ опустѣломъ полѣ, въ виду примолкшихъ троянскихъ стѣнъ, какую затѣмъ чисто эврипидовскую по своей жизненности жалость возбуждаютъ въ насъ слова Андромахи о жребіи ея маленькаго Астіанакса, и съ какимъ художественнымъ тактомъ поэтъ заставилъ говорить объ этомъ жребіи именно мать.

Но эпическая поэзія не только давала поэтамъ матеріалъ для трагедій: она наставляла ихъ открывать трагедіи въ жизни и миѳахъ, она учила великому искусству ужасать и трогать сердца.

Не менѣе важнымъ стимуломъ для трагическаго творчества оказались и историческія событія. Возьмите хотя бы тотъ промежутокъ, въ который умѣстилась организація трагедіи, отъ начала сценическихъ агоновъ въ 536 г. до первой побѣды Софокла надъ Эсхиломъ, т.-е. перваго успѣха той сложной, психологической драмы, которая живетъ до нашихъ дней. На начальной грани вы найдете паденіе лидійскаго царства, т.-е. первую угрозу востока эллинской культурѣ; на второй изгнаніе Кимона изъ Аѳинъ, т.-е. первые успѣхи той рѣзко порвавшей съ прошлымъ демагогіи, которой суждено было оказать неисчислимыя благодѣянія человѣчеству и ускорить паденіе аѳинскаго могущества. Чего не пережила въ этотъ промежутокъ Эллада, а въ ней интенсивнѣе всѣхъ конечно, Аѳины? Паденія царствъ, начала, дорогой блескъ и концы тираній, опустѣніе цѣлыхъ странъ, сожженіе городовъ, Мараѳонъ, Ѳермопилы, Саламинъ... Я ищу въ исторіи трагедіи не корней, а причинъ ея быстраго и плодотворнаго развитія,—причинъ, по которымъ изъ наивной импровизаціи на безобидную тему эллинскаго миѳа она стала такъ скоро серьезной и глубокой по этическимъ задачамъ формой художественнаго творчества и пріобрѣла всемірно-историческое значеніе.

Борьба, страданіе, жертва, религіозный законъ, всѣ эти исконные элементы трагедіи получаютъ такой глубокій, такой вѣчный смыслъ именно потому, что великіе трагики Эллады жили прямымъ или отраженнымъ свѣтомъ грандіозной трагедіи человѣческой жизни. Паѳосъ, пережитый Элладой въ великой борьбѣ, далъ ей настоящій паѳосъ, настоящее знаніе: онъ сковалъ иное Зевсово человѣчество вмѣсто того инертнаго, изъ-за котораго упрямо страдалъ великій титанъ. Мы сказали *страданіе*: возьмемъ примѣръ самый элементарный, Ореста: ребенокъ, на которомъ лежатъ грѣхи ряда поколѣній, грузъ кровавой

и страшной исторіи, дерзаетъ совершить величайшее изъ преступленій онъ убиваетъ мать; за этотъ страшный грѣхъ онъ претерпѣваетъ нечеловѣческое наказаніе: его мучатъ эринніи, мучатъ скитаніями, безволіемъ, безуміемъ, бѣшенствомъ, мучатъ, пока мука не прекращается Аѳиной на славу ея города. Правда Эллады и ея палладіумъ-ареопагъ направляютъ ко благу людей самихъ эринній, этихъ хранительницъ прометеевской мудрости, а страданіе дѣлаютъ урокомъ. Мы сказали *борьба*: слабая Антигона борется противъ тирана Креонта, борется безъ всякой поддержки со стороны, но во имя вѣчнаго религіознаго закона, запрещавшаго всѣмъ народамъ надругаться надъ трупомъ. Она гибнетъ на театрѣ, но побѣждаетъ въ амфитеатрѣ, потому что на сторонѣ ея правда, и поэтъ заставилъ зрителей это почувствовать.

Мы сказали «жертва». Нѣжная Алькеста рѣшается отдать свою жизнь, чтобы продлить жизнь мужа: жизнь приносится въ жертву, но не лицу, и не въ безумномъ порывѣ или въ силу рабскаго подчиненія традиціи, а свободно, во имя общественнаго сознанія, для поддержки семьи, основы государства.

Нравственное значеніе греко-персидскихъ войнъ лучше всего отразилось въ двухъ благороднѣйшихъ твореніяхъ эллинскаго генія: въ исторіи Геродота и въ поэзіи Эсхила. Ни тѣни кичливости побѣдителей или національной исключительности, но вездѣ и всегда на первомъ мѣстѣ вопросъ о божественной справедливости. Я удовольствуюсь однимъ примѣромъ. Въ 472 году, т. е. черезъ 8 лѣтъ послѣ Саламинской битвы, Эсхилъ ставилъ на аѳинскую сцену историческую трагедію «Персовъ»: въ ней нѣтъ «славы побѣдителей», а только паѳосъ побѣжденныхъ. Ксеркса побѣдили не греки, его наказали боги. Но въ пьесѣ является и идеалъ монарха, мудраго и религіознаго, а потому и счастливаго. Этотъ идеалъ—тѣнь Дарія, того самаго перса, который началъ греко-персидскія войны и особенно ненавидѣлъ аѳинянъ.

II.

Принято говорить, что греческая трагедія прожила 60 Олимпіадъ (отъ 61 до 120), это значитъ, что въ теченіе 240 лѣтъ ставили на сцену новыя трагедіи. Но мы даже приблизительно не можемъ опредѣлить теперь, сколько за это время ихъ было поставлено; преданіе говоритъ, что сначала требовалось въ годъ по три трагедіи, потомъ по шести, но были періоды, когда ихъ ставилось по 12 и даже по 24. Сумма всѣхъ произведеній болѣе или менѣе значительныхъ трагиковъ составляетъ отъ 1.500 — 1.600, но, конечно этимъ числомъ далеко не исчерпывается богатство трагическаго творчества. Что же мы имѣемъ теперь отъ этого богатства? 33 трагедіи трехъ трагиковъ, появившіяся въ теченіе 70 лѣтъ: 7 отъ Эсхила, 7 отъ Софокла и 19, украшенныхъ

именемъ Еврипида (въ томъ числѣ одна «драма сатировъ»), да, кромѣ того древняя литература сохранила намъ около трехъ съ половиною тысячъ указаній или отрывковъ изъ не дошедшихъ до насъ трагедій. Прибавьте сюда нѣсколько римскихъ подражаній греческимъ трагикамъ цѣликомъ, и довольно большое количество ихъ въ отрывкахъ, наконецъ росписныя вазы, гдѣ живописцы могли передавать мотивы или сцены изъ старыхъ трагедій, и вы получите довольно богатый матеріалъ для характеристики античной трагедіи, но отнюдь не для ея исторіи. Лучше всего, хотя и односторонне освѣщенъ Еврипидъ.

Хотя тріада корифеевъ V-го вѣка и стояла несомнѣнно въ центрѣ трагедіи античнаго міра, но историку, да, пожалуй, и эстетику все же приходится пожалѣть, что взамѣнъ «Персовъ» Эсхила, «Электры» Софокла и «Гекубы» Еврипида, судьба не сохранила намъ по одной трагедіи Фриниха, Агаѳона и старшаго Астидаманта.

Фринихъ былъ самый замѣчательный изъ трагиковъ до Эсхила, онъ сдѣлалъ переворотъ въ трагедіи, введя туда женскія роли.

Агаѳонъ былъ другъ Еврипида, но моложе его и принадлежалъ вѣку Платона; этотъ изящный поэтъ придумывалъ для трагедій новые миѳы и плѣнялъ аѳинянъ утонченностью стиля и виртуозностью музыки. Это былъ декадентъ, но только не отверженный какъ у насъ, а напротивъ безсмѣнно вѣнчанный. Наконецъ Астидамантъ съумѣлъ въ IV-мъ вѣкѣ, во время упадка творчества, добиться мѣдной статуи передъ театромъ наряду со статуями трехъ корифеевъ V-го вѣка.

Но для историка были бы интересны не только геніальныя и самобытныя произведенія трагическаго генія. Въ процессѣ эволюціи такія пьесы являлись все же только точками.

Историку не достаетъ, съ одной стороны, фона шаблонныхъ драмъ, характерныхъ по наивной ограниченности концепціи и неприкрыто выраженному направленію, а съ другой стороны, произведеній молодыхъ, задорныхъ, боевыхъ, во вкусѣ сцены Электры съ рабомъ, гдѣ Еврипидъ полемизируетъ съ театральными пріемами Эсхила. Эволюція трагедіи шла не по волѣ геніевъ, а по равнодѣйствующей двухъ силъ: силы вещей и традиціи, съ одной стороны, и генія, и критики — съ другой.

Въ самомъ творчествѣ древнихъ трагиковъ кромѣ ихъ удивительной плодовитости надо отмѣтить три характерныхъ черты. Во-1-хъ, преемственность профессіи: родъ Эсхила, напр., оставался на аѳинской сценѣ болѣе $1^1/_2$ столѣтій. Во-2-хъ, совмѣстность работы. Въ писаніи хоровъ Еврипиду помогалъ, напримѣръ, его домашній секретарь, нѣкій Кефисофонтъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что сыновья не разъ передѣлывали посмертныя пьесы своихъ отцовъ, сохраняя, впрочемъ, на этихъ пьесахъ славныя отцовскія имена. Я строго различаю, конечно, эти, такъ сказать, непосредственныя передѣлки отъ тѣхъ позднѣйшихъ, которыя дѣлались актерами, переписчиками и моралистами, и отъ ко-

торыхъ теперь критикѣ удается иногда хотя отчасти освобождать текстъ античныхъ трагедій. Въ-3-хъ, дѣятельность драматурга была гораздо сложнѣе у древнихъ грековъ, чѣмъ у насъ. Такъ какъ трагедія вырабатывалась на почвѣ хора и путемъ постепеннаго расширенія роли его запѣвалы, то на драматурга силою вещей возлагалось три роли: сочинить пьесу, или сначала пѣсню-пьесу, потомъ обучить ей хоръ и наконецъ или играть самому, или обучить актера (до начала V-го вѣка одного, потомъ въ теченіе 40 лѣтъ двухъ и позже трехъ). Кромѣ того, драматургъ не только сочинялъ текстъ пьесы и обучалъ хоръ или актеровъ словамъ и жестамъ, но онъ долженъ былъ сочинять музыку и пляску трагедіи и обучить музыкѣ флейтиста и хоръ, а пляскѣ хоръ или актеровъ. Не только первоначальные трагики участвовали въ исполненіи своихъ пьесъ, но даже Софоклъ танцовалъ въ роли Навсикаи.

Съ развитіемъ театральныхъ профессій обученіе хора и актеровъ могло происходить, конечно, и помимо автора, но даже въ концѣ V-го вѣка, при извѣстіи о смерти Еврипида, Софоклъ выводитъ на сцену свой хоръ самъ. Очевидно, связь между хоромъ и трагикомъ долго не порывалась. Зато античнымъ трагикамъ почти никогда не приходилось сочинять сюжетовъ. Они дѣлали выборъ изъ готовыхъ. Интересно отмѣтить нѣсколько точекъ въ развитіи трагическихъ сюжетовъ. Трагедія начала съ боговъ. Вначалѣ призрачный Діонисъ былъ еще нераздѣльно и первымъ корифеемъ, и первымъ актеромъ. Его миѳъ сталъ первой трагедіей, а его страданія и жертвы элементами перваго паѳоса. Но боги не остались въ центрѣ трагедіи. И на это было нѣсколько причинъ. Во-первыхъ, Олимпъ Гомера былъ слишкомъ ярокъ и канониченъ, чтобы его переносить на сцену. Онъ годился развѣ для феерін или живой картины, и именно въ этомъ видѣ одинъ разъ Эсхилъ воспользовался сценой изъ Иліады. Въ трагедіи «Взвѣшиваніе жизней» на сценѣ являлся на минуту Зевсъ: онъ показывался надъ царскими дверьми, на высокомъ выдвижномъ алтанѣ. У бога были въ рукахъ золотые вѣсы, гдѣ онъ взвѣшивалъ жребіи Ахилла и Мемнона, а по обѣ стороны Олимпійца на колѣняхъ стояли съ мольбой матери героевъ, Ѳетида и Эосъ.

Кромѣ того, на Олимпѣ жили существа, которыя не подходятъ къ понятіямъ борьбы и страданія. Они избѣгаютъ тревогъ и ищутъ только наслажденій. Они ῥεῖα ζώοντες — «легко живущіе». Даже разсказъ о печальной судьбѣ Гефеста, котораго когда-то Зевсъ въ гнѣвѣ бросилъ съ Олимпа и изуродовалъ на все время его божественнаго существованія, возбуждаетъ у боговъ Иліады только веселый, гомерическій смѣхъ. Страданія и страсти человѣка—для боговъ только игра. Вотъ отчего даже въ трагедіяхъ Діониса героями-мучениками становятся его жертвы: Ликургъ, Гиппасъ, Пенѳей, а не самъ онъ, призрачный, улыбающійся, синеглазый страдалецъ. Кромѣ того, боги не подходили

къ трагедіи, какъ существа, чуждыя грѣха и смерти. Прометей Эсхила одинокъ въ античной трагедіи. Надо было дерзость генія и мараѳонскаго солдата, чтобы допустить судъ надъ Зевсомъ (а главное для этого надо было быть человѣкомъ слишкомъ глубоко и смѣло религіознымъ). Кромѣ того, Прометей былъ уже пережитымъ, не каноническимъ богомъ, и цѣлое міровоззрѣніе, яркое и новое, отдѣляло побѣжденнаго сына земли отъ блаженныхъ Олимпійцевъ. Но въ центрѣ трагедіи не стали и люди, и этому не надо удивляться. Даже героическіе характеры Аристогитоновъ и Леонидовъ влекли бы за собой стѣснительную реальность, цѣлый грузъ жизненныхъ мелочей, изъ которыхъ они ярко выдѣляются для насъ, но еще не выдѣлялись для древнихъ грековъ. Кромѣ того, и авторы, и зрители старыхъ Аѳинъ слишкомъ высоко ставили эстетическую цѣнность трагедій, чтобъ, не задумываясь, примѣшивать къ ней вчерашній день. Въ исторіи драмы есть одинъ характерный аттическій примѣръ «боязни дѣйствительности». Фринихъ поставилъ на сцену: «Взятіе Милета». Успѣхъ былъ полный. Зрители плакали. Но судьи были выше минутной иллюзіи и слезъ, гдѣ было болѣе патріотическаго чувства, чѣмъ эстетически просвѣтленнаго сознанія, и Фринихъ заплатилъ 1.000 драхмъ пени. Штрафъ оказалъ свое дѣйствіе. Черезъ 20 лѣтъ трагикъ обучилъ актеровъ новой исторической пьесѣ, и несмотря на то, что самъ Ѳемистоклъ, тогда въ апогеѣ своей славы, былъ хорегомъ и далъ пьесѣ Фриниха неслыханный дотолѣ блескъ, она, кажется, прошла тихо, безъ слезъ... и безъ пени.

Героями трагедіи послѣ боговъ стало ихъ смертное поколѣніе, стали существа, которыя безмѣрно превосходили людей силами, красотой, славой и несчастьями; существа которыя двойственностью своего рода, двумя неслившимися токами крови въ ихъ жилахъ создавали особую избранную расу, болѣе человѣчную, чѣмъ боги, и болѣе божественную, чѣмъ люди, расу, которая носила трагизмъ въ самой неслiянности двухъ началъ своей природы. Миѳъ дорогъ былъ трагикамъ и ихъ публикѣ не только по эстетическимъ достоинствамъ и традиціи, не только, какъ часть ихъ духовнаго бытія, форма ихъ мысли, но и какъ привычный стадій, для состязанія трагическихъ борцовъ каждый атлетъ могъ на этой общей для всѣхъ аренѣ выказать и гибкость, и силу, и красоту своего ума, не забывая тѣхъ рамокъ и той нормы, которыя обуздывали его прихотливую фантазію.

Кромѣ того, не надо забывать, что миѳъ, несмотря на обязательность для Эдипа жениться на матери, а для Ореста ее убить, предоставлялъ трагику много свободы въ развитіи деталей, обрисовкѣ характеровъ и положеній.

Въ эстетическомъ же отношеніи онъ былъ незамѣнимъ, потому что допускалъ возбужденіе чисто эстетическихъ эмоцій и лицезрѣніе красоты, не загрязненной прикосновеніемъ реальности. Наконецъ, миѳы

сами по себѣ были уже прекрасными созданіями человѣческаго генія. Я не буду напоминать вамъ классическихъ исторій Эдипа и Агамемнона. Но вспомните Мелеагра, этого второго Ахилла, по благородству, огненной дерзости и трагической судьбѣ.

Одна изъ Паркъ при его рожденіи предрекла Алтеѣ—его матери, что жизни ему будетъ столько же, сколько одному изъ горѣвшихъ передъ ней въ то время углей, и мать, разумѣется, тотчасъ же спрятала драгоцѣнный залогъ жизни своего Мелеагра, но когда герой выросъ, онъ убилъ въ битвѣ братьевъ своей матери, и вотъ судьба Мелеагра, въ видѣ черной головешки, очутилась въ рукахъ раздраженной женщины, сердце которой колеблется между сыномъ и братьями.

Въ одномъ этомъ остовѣ миѳа вы уже чувствуете трагедію. А трагики обладали къ тому же еще драгоцѣнной возможностью сплетать свои пьесы изъ отдѣльныхъ миѳовъ, образуя изъ этихъ печальныхъ асфоделей вѣнки, полные таинственной красоты. Такъ, Еврипидъ для своего Мелеагра свилъ съ миѳомъ Алтеи миѳъ Аталанты, осиленной и любимой Мелеагромъ амазонки, изъ за которой въ его пьесѣ герой убивалъ своихъ дядей, а Алтея бросала въ огонь роковой залогъ его жизни.

Миѳъ не былъ чѣмъ-нибудь ограниченнымъ и замкнутымъ. Миѳы вѣчно *творились*, они легко накидывали свою тонкую сѣть на текущую жизнь и историческія событія, возрождая ихъ въ идеальныхъ формахъ. Читая «Персовъ» Эсхила, вы почти не различите теперь: что передъ вами, историческія ли лица или созданья фантазіи?

Миѳическій языкъ давалъ самый гибкій матеріалъ для трагическаго творчества и самое естественное, самое идеальное выраженіе для благородныхъ побужденій души.

Послѣднею драмой Софокла былъ Эдипъ въ Колоннѣ. Эпосъ не зналъ миѳа, который бы приводилъ изгнаннаго ѳиванскаго царя въ Аѳины, Софоклъ *изобрѣлъ его* самъ, но вся трагедія строго миѳична и проникнута самымъ чистымъ идеализмомъ. Несчастный скиталецъ, муками искупившій утѣхи своего призрачнаго счастья, находитъ пріютъ въ Аттикѣ у благороднаго Ѳесея и точно таетъ въ своей свѣжелиственной могилѣ въ священной рощѣ Эвменидъ, становясь геніемъ—покровителемъ страны.

Наконецъ, кромѣ свитія миѳовъ и миѳическаго творчества, въ распоряженіи трагиковъ былъ еще выборъ между варіантами. Напримѣръ, Еврипидъ представилъ въ одной изъ своихъ трагедій, что Елена, изъ за которой происходила страшная 10-лѣтняя борьба грековъ съ троянцами, не была даже невольной причиной этой борьбы. Парисъ похитилъ только ея подобіе, а настоящая дочь Зевса и Леды скрывалась въ Египтѣ, у Протея, вѣрная своему мужу. Этотъ варіантъ легенды Еврипидъ нашелъ у лирика Стесихора.

Въ началѣ у трагиковъ миѳы трактуются строго. Эсхилъ не только не понижаетъ игрою фантазіи тона миѳа, но онъ склоненъ, напротивъ, дѣлать его *болѣе строгимъ*. Миѳъ о Прометеѣ, наказанномъ похитителѣ огня, вовсе не содержалъ въ своей эпической формѣ того мрачнаго колорита и того особенно глубокаго моральнаго смысла, который въ немъ провидѣлъ и возсоздалъ Эсхилъ. Этого мало—Эсхилъ вовсе не думалъ ограничить представленіе о Зевсѣ фигурой тирана, котораго на сценѣ достойно замѣняютъ Кратосъ, Океанъ и Гефестъ. Трагедія Прометея не только въ томъ, что онъ страдаетъ за гонимое и обездоленное Зевсомъ человѣчество, а въ томъ, что, снабдивъ «эфемеровъ» благами культуры, онъ все же могъ создать лишь то безсильное, вялое, тусклое человѣчество, на которое жалуются океаниды. Лишь проведя его черезъ горнило страданій, опыта, заставивъ добывать знаніе мукой μάθος Πάθει, Зевсъ Орестіи, завѣтный идеальный Зевсъ Эсхила, котораго никогда не пойметъ Прометей, сынъ земли и змѣя, создастъ поколѣніе, которое наполнитъ міръ аѳинской славой и научитъ людей исполнять ихъ первую и идеальную обязанность—достойно чтить боговъ.

Софоклъ, создатель сложной психологической драмы долженъ былъ, конечно, нѣсколько свободнѣе трактовать миѳы, но и онъ не выбиралъ такихъ, которые бы унижали боговъ. Софоклъ любилъ миѳы съ женскимъ центромъ: вродѣ Антигоны, Федры, Электры; кромѣ того ему особенно дороги были сюжеты чисто аттическіе, напримѣръ миѳъ о Триптолемѣ, связанный съ началомъ праздника Ѳесфоморій и элевзинскихъ мистерій, одной изъ сокровеннѣйшихъ святынь города Аѳины. Только Еврипидъ сталъ обращаться съ миѳами свободно: напримѣръ, представляя униженіе дочери Агамемнона онъ выдавалъ ее замужъ за мужика. Деталь сама по себѣ была не лишена драматизма и даже довольно искусно сплеталась съ драмой Ореста, но самый миѳъ утрачивалъ съ нею свою строгую красоту и переходилъ изъ области идеальной въ бытовую. Кромѣ того, нельзя сказать, чтобы при выборѣ миѳа Эврипидъ думалъ о сохраненіи, а тѣмъ менѣе углубленіи его этической сущности. Герои и боги соблазняющіе дѣвушекъ, матери, открывающіяся въ любви пасынкамъ, нечестивый бракъ между братомъ и сестрой, человѣкъ посягающій на богиню, жрица упрекающая въ жестокости богиню, герои въ видѣ бродягъ или калѣкъ, все это слишкомъ яркой и густой полосою проходитъ черезъ сцену Еврипида, чтобы стоило оправдывать его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Вообще для Еврипида миѳъ былъ только сюжетомъ, а не этическимъ цѣлымъ, какъ для Эсхила, и не зерномъ психологическаго цѣлаго, какъ у Софокла; роль бога для Еврипида была только однимъ изъ элементовъ сюжета, и притомъ отнюдь не всегда самымъ интереснымъ и самымъ моральнымъ. Сюжеты трагедіи часто повторялись; такъ у всѣхъ трехъ корифеевъ было по Филоктету, по Оресту, по Иксіону,

но еще гораздо болѣе общихъ миѳовъ можно найти въ репертуарахъ Софокла и Эврипида. Что же касается до позднѣйшихъ, то они не только не увеличили числа сюжетовъ, а, напротивъ, свели ихъ къ весьма немногимъ излюбленнымъ темамъ. Новые миѳы творилъ только Агафонъ, но, къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ объ этомъ, и даже самое названіе трагедіи «Цвѣтокъ» можно прочитать «Антей».

Перейдемъ къ обработкѣ миѳа. Одною изъ первыхъ заботъ создателей трагедіи было освободить ее отъ обязательнаго хора сатировъ. Вѣроятно, когда у Діониса явился на сценѣ замѣститель, какой-нибудь Танталъ или Антей, они привели съ собою новый хоръ уже не спутниковъ Діониса, а оруженосцевъ героя. Хоръ же сатировъ сохранилъ лишь почетное положеніе на праздникахъ Діониса, мало по малу на сценѣ создалась даже новая форма творчества, драма сатировъ, которая замыкала собою три подрядъ даваемыя трагедіи одного автора и отличалась тѣмъ же блескомъ постановки. Но легче было на сценѣ замѣнить хоръ сатировъ новымъ трагическимъ хоромъ, чѣмъ освободить самую трагедію отъ буффонады. Свойства первоначальнаго хора оказались на дѣлѣ устойчивѣе самой формы.

Когда черезъ сто лѣтъ послѣ начала трагедіи Еврипидъ поставилъ свою «Алькесту», эта пьеса, не смотря на ея трогательный сюжетъ—гдѣ жена добровольно умираетъ за мужа, содержала въ себѣ странную подмѣсь фарса; смерть являлась тамъ въ видѣ какого-то чудовища со вкусами вурдалака, а Гераклъ выходилъ на сцену съ кубкомъ, подогрѣтый виномъ и съ философіей сатира на губахъ. Не сразу также установилось въ трагедіи и правильно развиваемое дѣйствіе, а лирическое происхожденіе трагедіи давало себя знать почти до самаго конца сценической дѣятельности Эсхила. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ранѣе, чѣмъ отойти въ антракты, пѣсни хора были главнымъ устоемъ пьесы, и что первые актеры говорили только во время передышекъ хора.

У Эсхила есть пьесы, гдѣ главный драматическій интересъ заключается именно въ хорѣ, таковы его «Молящія». Молящія—это дочери царя Даная, которыя бѣжали изъ Ливіи въ Аргосъ отъ ужасавшаго ихъ брачнаго союза съ двоюродными братьями (сыновьями Египта). Дѣйствія въ пьесѣ почти нѣтъ. Данаиды молятъ, аргосскій царь колеблется, пока аргосцы не сдаются на мольбы гонимыхъ, причемъ вражескій герольдъ только даромъ расточаетъ угрозы. Здѣсь элементы драмы еще въ броженіи; она точно не успѣла выдѣлиться изъ лиро-эпическаго цѣлаго, не лишеннаго, однако, своеобразной прелести; особенно красиво передается настроеніе данаидъ въ тѣ моменты, когда надежда и ужасъ почти одновременно волнуютъ душу. Мы видѣли изъ анализа «Прикованнаго Прометея», что драма Эсхила была еще очень проста по структурѣ: перипетіи ея не характерны, а катастрофа подготовляется съ того момента, какъ Прометей произнесъ первое слово.

Самъ герой настолько выше и сильнѣй всего, что его окружаетъ, что дѣйствіе скользитъ по его характеру, лишь время отъ времени прикрывая тайну его божественной природы. Иногда кажется даже, будто борьба Прометея съ Зевсомъ творится гдѣ-то надъ сценой, а до насъ доносится только ея отзвукъ.

Кромѣ несложности дѣйствія трагедіи, вы замѣтили, конечно, что она заставляетъ насъ ждать продолженія борьбы. Гермесъ послѣдней сцены предсказывалъ Прометею коршуна и вѣка страданій и, дѣйствительно, за первымъ Прометеемъ шелъ второй, «Освобожденный», непосредственно къ нему примыкавшій и объединенный съ нимъ этически, такъ что зрители могли не покидать театра подъ игомъ смутной идеи безсильнаго въ своей жестокости Зевса. Отношенія между двумя міропорядками, въ концѣ концовъ, выяснялись. Но если Прометеевъ, связанныхъ между собою, было только два, то обыкновенно Эсхилъ ставилъ трилогіи, такъ что его простыя драмы являлись какъ бы дѣйствіями трехчленной драмы, впрочемъ тоже несложной въ смыслѣ сценическомъ, а лишь законченной этически. До насъ дошла одна трилогія Эсхила цѣликомъ*): «Агамемнонъ»—«Жертва на гробѣ» и «Эвмениды». Въ первой пьесѣ жена и ея любовникъ убивали Агамемнона. Во второй—сынъ мстилъ за смерть отца. Въ третьей—этотъ сынъ, Орестъ, терпѣлъ наказаніе и, наконецъ, спасенный, завершалъ старый міръ родовыхъ отношеній, жившій подъ эгидой темной мудрости боговъ земли, знаменуя наступленіе новой эры Олимпійцевъ и торжество вѣчной эллинской правды.

Софоклъ, кажется, не любилъ трилогіи въ эсхиловскомъ смыслѣ. Но его трагедія стала зато сама по себѣ законченнымъ и сложнымъ цѣлымъ, гдѣ части объединялись если не этически, то психологически, гармоническимъ раскрытіемъ характеровъ. Въ этомъ отношеніи я не знаю примѣра болѣе яркаго, чѣмъ его Эдипъ царь. Предполагая эту пьесу извѣстную моимъ слушателямъ, я попрошу ихъ только припомнить то дивное мастерство, съ которымъ развивается дѣйствіе пьесы, и особенно тотъ тактъ, съ которымъ поэтъ сначала ускоряетъ его темпъ по мѣрѣ того, какъ въ насъ растетъ ужасъ ожиданія, а потомъ даетъ этому ужасу мало-по-малу сойти на степень удивленія предъ величіемъ духа Эдипа и, наконецъ, перелиться въ тихое чувство глубокаго, но не столь тяжелаго для души состраданія. Въ «Эдипѣ» не было ни одной лишней сцены, не было ни одного новаго явленія безъ психологической задачи. Нѣтъ сомнѣнія, что сцена не знала даже послѣ Расина зданія болѣе гармоничнаго, чѣмъ драма «Эдипа тирана». Чтобъ удержать драматическую экономію на этой высотѣ театру нужно бы было цѣлую серію Софокловъ, а на самомъ дѣлѣ драма Софокла такъ и умерла вмѣстѣ съ нимъ: только трагедія не могла уже вер-

*) «Орестія».

нуться къ простой драмѣ Эсхила, и это было для театра огромнымъ шагомъ впередъ.

Драма Еврипида, если хотите, составляетъ шагъ назадъ въ стройности развитія сюжета. Драма теряетъ свою цѣльность. Дѣйствіе то останавливается, то идетъ съ лихорадочной быстротой. Пьеса почти неизмѣнно получаетъ ненормальное, чисто эпическое начало—прологъ. Сложный драматическій узелъ, вмѣсто того, чтобы осторожно распутываться, разрубается машиннымъ появленіемъ бога, который наскоро примиряетъ требованія миѳа съ осложненіями драмы.

Нерѣдко въ дѣйствіи являются эпизоды, или оно теряетъ основное единство, и въ серединѣ пьесы, за неоконченной первой частью начинается вторая. Все это можно видѣть, напримѣръ, въ «Орестѣ» и «Финикіянкахъ». Но если Еврипидъ является, такимъ образомъ, менѣе искуснымъ, чѣмъ Софоклъ, въ постройкѣ драмы, то отчасти и въ его пьесахъ все же нельзя не видѣть дальнѣйшей эволюціи того психологическаго элемента драмы, который былъ выдвинутъ Софокломъ. Мы увидимъ ниже разницу въ обрисовкѣ характеровъ у Софокла и у Еврипида. Это цѣльные гармоничные люди у перваго и, наоборотъ, натуры тронутыя рефлексіей, полныя душевной борьбы и противорѣчій, у Еврипида; немудрено что его Орестъ и Агамемнонъ и самую драму какъ бы формовали по своимъ причудливымъ контурамъ. Нельзя также огуломъ осуждать въ новой драмѣ ея пролога и апоѳеоза, эпизодовъ и даже раздвоенности сюжета. Если эти детали мѣшали цѣльности и движенію драмы софокловскаго типа, то, съ другой стороны, онѣ же создавали интересную задачу для будущихъ трагиковъ. Развѣ эпизоды и раздвоенность не помогли «Зимней сказкѣ» стать одною изъ самыхъ причудливыхъ орхидей въ вѣнкѣ Шекспира? Но чтобы не идти такъ далеко, самъ Еврипидъ далъ поэтическое оправданіе пролога въ своемъ «Орестѣ» или «Гераклѣ», такъ какъ въ этихъ пьесахъ прологъ не только непосредственно примыкалъ къ дѣйствію, но и очень искусно освѣщалъ его. Совершенно другой характеръ таинственной божественной угрозы, въ которой было тоже не мало своеобразнаго обаянія, имѣли прологи «Ипполита» и «Вакханокъ».

А боги въ исходѣ трагедіи? Что можетъ быть поэтичнѣе явленія Артемиды надъ ложемъ умирающаго Ипполита. Герой узнаетъ свою подругу по нѣжному дуновенію ея безсмертныхъ одеждъ, а она заставляетъ звучать въ его голосѣ такія струны, которыхъ мы въ немъ и не предполагали. И развѣ состраданіе наше становится слабѣе или менѣе цѣнно эстетически отъ того, что къ умирающему юношѣ спускается небожительница, а не къ человѣку съ окровавленными глазами подходятъ ласкаться его маленькія дѣти?

Перейдемъ въ сферу характеровъ. Самый яркій изъ характеровъ Эсхила былъ Этеоклъ, сынъ Эдипа и наслѣдникъ его ѳиванскаго престола. Дѣйствіе драмы «Семеро противъ Ѳивъ» происходитъ въ Ѳивахъ,

осажденныхъ аргосцами съ братомъ Этеокла Полиникомъ во главѣ. Отъ Этеокла еще вѣетъ жестокой и упорной борьбой. Это олицетвореніе гордой злобы. Самая любовь героя къ родинѣ, даже религіозное чувство, окрашены у него ненавистью къ врагамъ и въ немъ невольно чувствуется мараѳонскій боецъ. Вотъ слова, съ которыми Этеоклъ обращается къ хору ѳиванскихъ дѣвушекъ:

«Скажите мнѣ, о невыносимыя твари, ненавистныя для всякаго, кто разсуждаетъ: неужто съ воплями и криками припадать къ кумирамъ боговъ, защитниковъ города, это лучшее, что можно сдѣлать для города и осажденныхъ? О, пусть боги избавятъ меня отъ необходимости, въ счастьи ли, или въ несчастьи, жить бокъ-о-бокъ съ женщинами. Улыбнись имъ жребій, онѣ несносно дерзки, но если только охватитъ ихъ ужасъ, зло, благодаря имъ становится еще сильнѣе и для города, и для дома. Вотъ и теперь ваша смута, ваше безполезное перебѣганіе съ мѣста на мѣсто вселило между граждан трусливое отчаяніе и придало силы врагу. И что же выходитъ? Мы раздираемъ другъ друга. Вотъ что значитъ жить около женщины. Слушайте же вы: если кто-нибудь ослушается меня, мужчина ли, женщина-ль,—тотъ осужденъ, и его побьютъ камнями. Мужчины, ваше дѣло смотрѣть, чтобы ни одна женщина не мѣшалась въ то, что будетъ твориться за оградой стѣнъ. Если ее запереть, она неопасна. (къ хору). Ты слышала, или я говорилъ глухой?»

И далѣе на замѣчаніе хора, что богамъ нельзя не молиться, потому что ихъ сила выше всего:

«Дѣло мужей закалывать жертвы и приносить ихъ богамъ, когда подходитъ врагъ, а ваше дѣло только молчать и не переступать за порогъ вашихъ домовъ».

Въ разсказѣ герольда Эсхилъ проводитъ передъ глазами робкаго хора и дерзкаго Этеокла цѣлый рядъ ужасовъ: одинъ грознѣе другого рисуются тѣ семеро, которые подступаютъ подъ ѳиванскія стѣны. Аргосцамъ не придется, однако, торжествовать, такъ какъ Этеоклъ смѣется надъ грозными или хвастливыми эмблемами ихъ щитовъ, игрушкой, которая, по его словамъ, способна испугать развѣ ребенка.

Каждому изъ враговъ онъ намѣчаетъ достойнаго соперника. Но вотъ миновало шестеро, и герольдъ называетъ седьмого—это самъ Полиникъ. Увы! Этеоклу достается на долю поединокъ съ роднымъ братомъ. Не только ужасъ нарушенія священнѣйшихъ узъ и протестующій голосъ крови, не только вопли вокругъ, но и проклятіе самого Эдипа, которое заранѣе осудило его сыновей на святотатственный поединокъ,—все разомъ поднялось на Этеокла. Но за Этеокла правда, за нимъ родной городъ,—и ни тѣни сомнѣнія, ни минутной оторопи, ни ноты упрека жребію не звучитъ въ его голосѣ, когда онъ рѣшается идти въ бой:

«Врагъ на врага, царь на царя и братъ на брата».

Да, это цѣльный характеръ. Цѣльный, идеальный, но одноцвѣтный.

Лучшій по художественной обработкѣ характеръ Софокла—его Антигона. Это тоже цѣльный характеръ и притомъ онъ не менѣе идеаленъ по его обрисовкѣ, чѣмъ Этеоклъ Эсхила. Между сестрой и братомъ есть даже общія черты и въ этомъ отношеніи очень характеренъ первый лозунгъ Антигоны:

«Я остановлюся, когда болѣе не въ силахъ буду дѣйствовать».

Но героиня Софокла обрисована гораздо полнѣе и изящнѣе, чѣмъ Этеоклъ Эсхила.

Въ чемъ же заключается эта полнота и какъ вообще обрисовываетъ характеры драма?

Драма не можетъ, подобно роману, давать развитія характера, она только раскрываетъ намъ готовый характеръ, и драматургъ дѣлаетъ это двумя способами: 1) въ контрастахъ; 2) во времени.

Натура Антигоны кажется намъ особенно богатой, а ея характеръ упорнымъ и страстнымъ отъ ея сопоставленія съ нѣжной и робкой Исменой. Если бы рядомъ съ Антигоной не было хора, мы бы не почувствовали такъ ярко всей разницы между добродѣтелью зауряднаго человѣка и героизмомъ, и, наконецъ, если бы своимъ дерзаніемъ Антигона не вызвала Креонта на толкованіе закона и прерогативъ власти, мы бы не увидѣли съ такой ясностью, что такое религіозный законъ въ отличіе отъ закона внѣшняго. Второй способъ раскрытія, конечно, не можетъ дать контура, онъ не даетъ даже линіи, а только нѣсколько точекъ, но зато это точки въ пространствѣ, тогда какъ романъ рисуетъ контуръ на плоскости. Мы застаемъ Антигону, когда она уже рѣшилась похоронить брата, закономъ лишеннаго погребенія, и для этого опаснаго дѣла ей, въ сущности, вовсе не надо помощи. Если она и предлагаетъ сестрѣ раздѣлить ея дерзаніе и участь, то лишь потому, что она хотѣла бы убѣдиться, что сестра также горячо любитъ брата, какъ и она, Антигона. Не злоба, а горечь звучитъ въ ея словахъ, когда Исмена отказалась идти за ней. Далѣе Антигона мелькаетъ передъ нами въ словахъ сторожа. Мы видимъ, что она не запиралась и молча послѣдовала за людьми Креонта. Затѣмъ слѣдуютъ ея сцены съ тираномъ и сестрой. Передъ Креонтомъ Антигона является не только смѣлой, но гордой защитницей нравственнаго закона. Между ея словами нѣтъ ни одного для собственной защиты.

«Развѣ тебѣ мало умертвить меня, если я въ твоихъ рукахъ?»— говоритъ она тирану. Ему же говоритъ она и свой второй девизъ:— «я назначена природой для того, чтобы дѣлить любовь, а не ненависть»

И дѣйствительно, было бы ошибкой смѣшивать Антигону съ людьми своенравными и протестующими по склонности. Въ основѣ ея трагедіи и характера лежитъ не гнѣвъ и не ненависть, а любовь къ несчастному брату: о другой, дѣвической любви къ Гемону, сыну тирана, она

не говоритъ изъ гордости, и о ней напрасно напоминаютъ царю старики и Исмена. Но тотъ высшій Эротъ, который владѣетъ сердцемъ Антигоны, и котораго нѣтъ не только у Креонта, но ни у Исмены, ни у хора, ни у стражника, это жажда подвига любви.

Когда Исмена готова раздѣлить ея участь, горькимъ упрекомъ вырывается у Антигоны слово, направленное противъ бездѣятельной любви.

«Я не люблю тѣхъ, которые любятъ меня только на словахъ».

Исмена не умерла съ Антигоною, но если бы эта дѣвушка упрямствомъ и добилась ея участи, насъ, вѣроятно, бы не тронула ея жертва; для жертвы въ смерти Исмены не хватало бы нравственнаго урока, который составляетъ всю красоту и, главное, весь смыслъ самопожертвованія Антигоны. Антигона вызвала упрекъ въ безуміи. Его повторяли на сценѣ и Исмена, и хоръ; теперь, когда они молчатъ, потому что имъ совѣстно, это слово произноситъ Креонтъ.

Но Антигона не безумна. Только она сама объясняетъ коренное различіе между своимъ умомъ и умомъ Исмены.

«Ты (*указываетъ она Исменѣ на хоръ*) говоришь умно для этихъ людей, а я казалась умною мертвымъ».

Въ послѣдней сценѣ мы видимъ всю полноту жизни, которая подсѣкается властолюбіемъ тиранна. Свободно и страстно льются жалобы Антигоны, но въ ея высокой душѣ нѣтъ мѣста для проклятій: самую смерть свою она не рѣшается даже назвать прямо несправедливой, да и не все ли ей равно въ сущности, права она или нѣтъ. Она знаетъ, что не могла поступить иначе. «Если боги оправдываютъ мою смерть— говоритъ она —и я готова признать справедливой свою казнь, а если неправы эти люди, пусть испытаютъ они не болѣе того, къ чему присудили меня».

Эти слова, одни изъ послѣднихъ, произнесенныхъ Антигоной, лучше всѣхъ характеризуютъ ея чисто софокловскую гармоничность и этичность, т.-е. абсолютную нравственность ея природы, если такъ можно выразиться. Но на характерѣ Антигоны не остановилось искусство греческихъ трагиковъ въ изображеніи людей. Еврипиду принадлежитъ Федра. Къ сожалѣнію, мы знаемъ этотъ образъ лишь въ смягченныхъ чертахъ... Я предполагаю, что всѣмъ извѣстна печальная исторія мачехи, которая полюбила пасынка и не встрѣтила взаимности.

Въ первомъ «Ипполитѣ» Федра сама признавалась Ипполиту, и когда онъ отвергалъ ее даже послѣ этого ужаснаго, безповоротнаго шага,— она умирала, оклеветавъ его письмомъ передъ отцомъ его, Ѳесеемъ.

Въ уцѣлѣвшей драмѣ личнаго признанія уже нѣтъ: Федру замѣнила передъ Ипполитомъ болтливая и неискусная служанка, и гнѣвъ ея, такимъ образомъ, менѣе мотивированъ. Царица не испытала жгучаго стыда признанія, да и Ипполитъ слишкомъ легко, пожалуй, повѣрилъ безтолковой женщинѣ, которая могла и не понять свою госпожу

или оклеветать ее. Дѣлая центромъ трагедіи Федру, не безъ тонкаго психологическаго такта Сенека предпочелъ перваго Ипполита второму.

Но и та Федра Еврипида, которую мы знаемъ, интересный и сложный характеръ. Если Антигона будто вся свѣтится идеальнымъ огнемъ, лучей котораго она не можетъ и не хочетъ скрывать, то Федру, наоборотъ, невидно сжигаетъ темное пламя страсти. На сценѣ передъ нами проходитъ ея смутное томленіе, проносятся вихремъ мечты, гдѣ она своеобразно и причудливо «замѣняетъ» Ипполита, то на морскомъ побережьи, то на охотничьей стоянкѣ, то въ бѣшеной погонѣ за ланью. Но мы видимъ, что страсть уже давно начала свои опустошенія въ сердцѣ царицы, Федра не только больна, она теряетъ надъ собой волю, и смерть, какъ единственный выходъ изъ этихъ тяжкихъ осложненій, рисуется ей все заманчивѣе. Федра не мечтательница и не та истерически-чувственная женщина, за которую могъ бы принять ее поверхностный наблюдатель. Еврипидъ рисуетъ ее, наоборотъ, натурой разсудочной, гордой и стыдливой. Если бы не сѣть изъ ласки, любопытства и бѣсовской хитрости, Федра, вѣроятно, унесла бы въ могилу свою темную и безысходную драму. Но вотъ признаніе вымотано; зубъ, дѣйствительно, вырванъ, но крови остановить уже нельзя; скоро для Федры не останется честнаго выхода даже въ смерти.

Гордо и стойко выслушиваетъ она упреки Ипполита, смыслъ которыхъ слишкомъ хорошо понятенъ всѣмъ присутствующимъ, несмотря на то, что Ипполитъ, произнося ихъ, будто даже не замѣчаетъ мачехи, и за эту молчаливую пытку въ ней созрѣваетъ адскій планъ мщенія. Кому? Сама она заслужила только казнь, и рабская петля— вотъ все, чего она достойна.

Но погибнуть, не оставя слѣда отъ пережитой борьбы и отъ долгихъ мукъ,—не значитъ ли это—покорно передать на судъ рабскихъ устъ свое имя вмѣстѣ съ именемъ дѣтей? Нѣтъ, Федра должна спасти честь неповинныхъ малютокъ... а для этого ей не остается другого выхода, какъ вооружить таинственнымъ и неотразимымъ оружіемъ собственный трупъ. Какое другое средство спасло бы ея память отъ издѣвательствъ и поруганія, которыхъ она все-таки не заслужила? Энергія царицы, хитрость пола и злоба отвергнутой женщины пишутъ страшную клевету. Вина Федры заключается при этомъ въ ея слѣпотѣ: она уноситъ въ могилу образъ холоднаго и злого ритора, который, навѣрно, не станетъ молчать при видѣ ея трупа и особенно подъ угрозой ея загробнаго обвиненія. А можетъ быть, мимовольно, въ безумной грезѣ проносится передъ нею мысль: «Не доставайся же никому, разъ ты не достался мнѣ» или «раздѣли мое страданіе, если ты не захотѣлъ дѣлить моей любви». Послѣднія слова Федры на сценѣ полны мрачной и злой рѣшимости, въ нихъ нѣтъ ни ноты любви, ни тѣни желанія, но мы и не ждемъ ихъ: Федра одна изъ тѣхъ женщинъ, слова которыхъ не столько открываютъ характеръ, сколько застав-

ляютъ насъ съ безнадежностью всматриваться въ глубокую тайну сердца.

Этого бѣглаго разбора довольно, я думаю, чтобы показать, насколько психологическій образъ Федры сложнѣе душевнаго облика Антигоны. Ему еще далеко до леди Макбетъ, но это уже болѣе не фотографія въ три краски.

Трагическій паѳосъ, т.-е. та особенная эмоція, которую возбуждаетъ въ насъ преступленіе и кара героевъ трагедіи имѣлъ тоже свою эволюцію. Онъ былъ однотоннѣе у Эсхила и получилъ у Еврипида болѣе жгучія краски.

Мы видѣли муки Прометея, гвозди, вогнанные въ его тѣло тяжкимъ молоткомъ бога, погребеніе заживо, печень, вѣчно наростающую и вѣчно пожираемую окровавленнымъ клювомъ коршуна, мы видѣли ужасъ данаидъ, бѣгущихъ отъ преслѣдованія, видѣли вѣчную и безумную скиталицу Іо, униженнаго Ксеркса, блѣдныхъ эринній, которымъ не даетъ минуты покоя кровавая тѣнь Клитемнестры. Въ паѳосѣ Эсхила не достаетъ нотъ состраданія. Муки титана вызываютъ въ сердцѣ зрителя негодованіе и ужасъ, безъ жгучаго зуда сле

Вотъ типъ другого паѳоса — Андромаха изъ «Троянокъ» Еврипида:

«Троянки», это—рядъ драматическихъ сценъ, поэтическій складень, гдѣ Еврипидъ развертываетъ передъ нами яркую картину ужасовъ войны, всѣ эти безвинныя жертвы и злодѣйства, сдѣланныя мимоходомъ; наканунѣ сицилійскаго похода («Троянки» относятся къ 415 году) поэтъ, какъ его Кассандра, точно предчувствовалъ будущій погромъ Аѳинъ и торжество Лисандра.

Андромаха уже знаетъ о своей участи: рабыней ее увезутъ въ Грецію, и она раздѣлитъ ложе одного изъ злодѣевъ своего Гектора. Но вотъ Талтибій приноситъ ей новое рѣшеніе грековъ. Одиссей внушилъ вождямъ, что оставлять жизнь сыну Гектора было бы крайне неразумно, и теперь герольду поручено вырвать ребенка изъ рукъ матери, чтобы сбросить его съ троянской башни. Онъ совѣтуетъ Андромахѣ не сопротивляться: во-первыхъ, споры безполезны и неприличны, а во-вторыхъ, Андромаха вообще должна быть осторожна: если проклятія на греческое войско вырвутся изъ ея устъ, маленькаго покойника лишатъ даже гроба, погребенія. Послѣ этого вступленія, краснорѣчиваго комментарія, во всякомъ случаѣ, къ будущей сценѣ разлуки матери съ ребенкомъ, Андромаха нѣсколько минутъ молча плачетъ и цѣлуетъ малютку, потомъ начинаетъ говорить. (Tro. 740—679):

«Мое дитя, мой любимый, неоцѣненный. Враги хотятъ убить тебя и оставить жизнь твоей несчастной мамѣ... Не въ прокъ тебѣ, видно, пошла и отцовская слава! О, моя несчастная, моя горькая свадьба! и зачѣмъ я шла въ домъ Гектора.

«Думала тогда: вотъ рожу сына—будетъ у него царство—золотое дно, а родила сына, чтобы отдать его грекамъ, убійцамъ, на смерть...

Ты плачешь, моя дѣточка? Развѣ ты чувствуешь, что съ тобой будетъ? Что-жъ ты такъ сжалъ меня ручонками, такъ прильнулъ къ моему платью, какъ птичка подъ крылышко. Нѣтъ, онъ не придетъ, нашъ Гекторъ, не отобьетъ насъ копьемъ: ему не встать около тебя стѣной изъ земли. И никого, никого-то у тебя нѣтъ: ни братьевъ отцовскихъ, ни нашего царства. А тебя вотъ сейчасъ безъ всякой жалости возьмутъ отъ меня и сбросятъ со стѣны; ты ударишься головкой объ землю и вздохнешь... въ послѣдній разъ... и я не буду больше чувствовать на рукахъ твоего милаго тѣльца, дышать тобой...

«Зачѣмъ же эта грудь вскормила тебя, зачѣмъ я тебя пеленала? Зачѣмъ я хлопотала, изводилась по тебѣ? Ну приди же, поцѣлуй свою маму въ послѣдній разъ, прилягъ ко мнѣ, вотъ такъ; обойми свою маму за шею ручками и приложи свой ротикъ къ моимъ губамъ...»

Но вотъ злоба начинаетъ душить Андромаху.

«Жестокіе греки, вы хуже варваровъ! Зачѣмъ вамъ смерть этой крошки? Что онъ вамъ сдѣлалъ?»

Всѣ ея проклятія обрушиваются на Елену, она боится проклинать вождей. Между тѣмъ, Талтибій торопитъ ее, и она, не глядя, передаетъ ему плачущаго сына.

«Ну нате, нате ребенка, уносите его, бросайте, ѣшьте его. Ужъ если боги рѣшили насъ погубить, развѣ я вырву его у смерти?»

Талтибій уноситъ Астіанакса, а Андромаха, закрывая лицо кричитъ:

«Только спрячьте меня, спрячьте меня, бросьте куда-нибудь на дно корабля, ничего не видѣть...»

Вы видите, что этотъ паѳосъ потерялъ уже характеръ таинственнаго, стихійнаго, гдѣ-то давно рѣшеннаго ужаса эсхиловскихъ изображеній, но зато онъ сталъ жизнью.

Поэзіи будущаго предстояла задача художественнаго синтеза двухъ паѳосовъ—мистическаго, холоднаго ужаса Эсхила и цѣпкаго, жгучаго паѳоса Еврипида.

Этическое значеніе театра въ эллинской жизни было громадно. Это былъ своеобразный народный университетъ античнаго міра и притомъ въ рѣдкіе моменты своей жизни такой одушевленный и прекрасный, какіе больше уже не повторялись. Драма стала символомъ высшаго образованія древнихъ, когда Гомеръ сдѣлался удѣломъ школьниковъ. Самая торжественность и рѣдкость театральныхъ представленій дѣлала нравственные уроки сцены особенно яркими и дорогими. Оживленіе праздника и сознаніе единства между десятками тысячъ людей, говорящихъ на одномъ языкѣ, энтузіазмъ и благочестіе, новизна и традиція сливались въ сердцахъ зрителей въ такой полный и гармоничный аккордъ, что эти сердца широко открывались для нравственныхъ уроковъ сцены. Но думать, чтобы театръ былъ неизмѣннымъ спутникомъ религіи, значило бы не понимать ни того, ни другого. Театръ, возникшій подъ прикрытіемъ шутки и обмана сатировъ, очень

рано, несмотря на пылавшій жертвенникъ Діониса, достигъ той свободы, для которой религіи потребовалось едва ли не двѣ тысячи лѣтъ. Никто не вмѣнялъ Эсхилу въ преступленіе упреки Зевса въ тираніи, и Эврипиду надо было заходить уже слишкомъ далеко въ откровенности своихъ религіозныхъ сомнѣній, чтобъ подвергаться нападкамъ. Античный театръ вообще не любилъ только большой откровенности, и если Еврипиду ставили въ упрекъ его Меланиппу или Гекубу, то лишь за то, что эти женщины говорили, будто онѣ не знаютъ, что такое Зевсъ. Между тѣмъ, ироническое замѣчаніе діоскуровъ насчетъ Аполлона, «объ умѣ котораго они не смѣютъ судить, потому что онъ ихъ начальникъ», проходило безнаказаннымъ. Прикрытость, мистификація, иронія—вотъ тѣ формы критики, которыя были освящены традиціей сцены и ея происхожденіемъ изъ культа божественнаго обманщика.

Этическое вліяніе сцены сказывалось, конечно, ярче всего въ изображеніи Олимпійцевъ, гдѣ мы можемъ отмѣтить два момента. Первый у Эсхила, который соединяетъ идею верховнаго промыслителя съ образомъ Зевса, а посредницей между нимъ и людьми, или, что то же, аѳинянами, дѣлаетъ его мудрую и чуждую страсти дочь—Аѳину-Палладу. Второй—у Еврипида, гдѣ идея божественной мудрости и справедливости внѣдряется въ души зрителей, такъ сказать, драматической критикой миѳа, т.-е. Олимпійцевъ: Аполлонъ, Артемида, Афродита, Посейдонъ затѣваютъ съ людьми слишкомъ жестокія игры, поэтъ же отнюдь не затушевываетъ ихъ, а, наоборотъ, подчеркиваетъ яркимъ изображеніемъ чинимой ими муки; такъ, въ «Ипполитѣ» Артемида откровенно высказываетъ желаніе отомстить Кипридѣ за смерть своего спутника убійствомъ одного изъ ея любимцевъ. Ифигенія объявляетъ каннибальскій культъ Артемиды отвратительнымъ, а Іонъ упрекаетъ, положимъ заочно, Феба, своего блистательнаго патрона, за то, что онъ обманываетъ дѣвушекъ и потомъ бросаетъ своихъ дѣтей. И тотъ, и другой способъ этическаго воздѣйствія имѣли свои корни въ условіяхъ времени; первый, эсхиловскій, подходилъ къ средѣ, гдѣ еще жива была вѣра въ личныхъ боговъ, и гдѣ были нужны человѣкоподобные символы вѣры, а второй соотвѣтствовалъ вѣку рефлексіи, т.-е. времени, когда аѳинскіе портики кишѣли философами и риторами разныхъ величинъ, а алтари видѣли только ритуальныхъ посѣтителей. Если первый моментъ можно назвать этико-богословскимъ, то второй заслуживаетъ названіе этико-философскаго.

Эволюція трагедіи не всегда сказывалась, однако, ростомъ ея элементовъ. Въ греческой трагедіи были элементы, исторія которыхъ была исторіей ихъ паденія. Чѣмъ болѣе развивается діалогъ и лирика въ своемъ главномъ, музыкальномъ моментѣ, тѣмъ болѣе теряетъ и въ значеніи, и въ колоритности трагическій хоръ. Посмотрите на хоры Эсхила, какъ они разнообразны: вотъ старые сверстники Агамемнона, вотъ смятенныя ужасомъ ѳиванки, вотъ нѣжныя и благородныя океа-

ниды, а вотъ и странная, уродливая цѣпь высохшихъ эринній съ факелами въ р-кахъ и змѣями въ сѣдыхъ космахъ, съ ихъ воплями, темной рѣчью и нездѣшними жалобами.

Хоръ Софокла нейтраленъ и безцвѣтенъ; этотъ поэтъ не давалъ ему принимать живого участія въ дѣйствіяхъ. Положимъ, и у него, и у Еврипида пѣсни хора являлись иногда превосходными по лирической силѣ и красотѣ, но роль хора была недраматична, и данаиды никогда уже на вернутся на сцену. Еще одинъ шагъ, и у Агаѳона пѣсни хора сходятъ безвозвратно на роль драматическихъ паузъ, музыкальныхъ нумеровъ.

Стиль трагедіи и ея языкъ отличались у Эсхила не только отъ обыденной рѣчи, но и отъ рѣчи эпоса. Аристофанъ восхищаясь словами мараѳонскаго бойца, называетъ ихъ «словами, осѣдлавшими коней». Дѣйствительно, лишите эти слова крылатыхъ коней поэзіи, и они будутъ казаться неповоротливыми, безсмысленными и даже смѣшными, а ихъ тяжелые звонкіе и громоздкіе доспѣхи потеряютъ всякое обаяніе величавой красоты. Къ мрачной титанической поэзіи, которая любила изображать явленія загробной жизни, сны, предчувствія, темныя пророчества и демоновъ, эти звучныя, изысканныя, странныя выраженія идутъ, какъ идутъ къ ней блѣдныя и страшныя маски, съ четыреугольными темными ртами, котурны и широкія складки длинной и росписной одежды. Рядъ оттѣнковъ можно найти, конечно, и въ стилѣ Эсхила смотря по тому, говоритъ ли Клитемнестра или ея тѣнь, Прометей или Океанъ, Орестъ или его кормилица, но основной характеръ стиля Эсхила соотвѣтствуетъ все-таки ея нездѣшнимъ краскамъ и ея мрачному пылу.

Для образца вотъ рѣчь тѣни Клитемнестры, когда она будитъ эринній отъ ихъ минутнаго сна:

«Вы бы все спали... Гей... Какая польза отъ спящихъ? А я одна среди мертвыхъ обезчещена, я одна скитаюсь въ позорѣ, и меня не покидаетъ укоръ отъ тѣхъ, кого я убила. Я говорю вамъ, они мучатъ меня за мое преступленіе, я претерпѣла такой ужасъ отъ самыхъ любимыхъ, и никто изъ боговъ изъ за меня не исполнится гнѣва, изъ-за меня, заколотой матереубійственными руками. Посмотрите на эти раны сердца. Откуда онѣ? Умъ, когда спитъ, свѣтится очами, но днемъ его удѣлъ не видѣть вдали... Вы пресытились жертвами изъ моихъ рукъ и вкусили той чуждой вина струи талаго снѣга и меда. Это я... я... посвящала вамъ на святой трапезѣ ночи передъ очажнымъ огнемъ, брашна въ часъ, котораго не дѣлитъ съ вами ни одинъ богъ...»

Полный контрастъ этой странной и вычурной рѣчи даетъ стиль Еврипида, одинъ изъ главныхъ источниковъ долгаго, можетъ быть, вѣчнаго обаянія его поэзіи. Главное достоинство рѣчи Еврипида заключалось въ томъ, что этотъ поэтъ заставлялъ своихъ героевъ говорить обыденными словами, а слушателямъ казалось, что это тотъ

же языкъ, которымъ говорятъ и они, но, вслушиваясь и вдумываясь въ музыкальныя строки трагедій, аѳиняне обрѣтали въ нихъ такое богатство оттѣнковъ и такую тонкость въ разграниченіяхъ, которыхъ не могла бы передать обыденная рѣчь. Чтобы составить себѣ понятіе о рѣчи Еврипида, прочтите сначала Пушкинскаго «Анчара» и потомъ «Валерикъ» Лермонтова. Вы почувствуете тогда въ извѣстной мѣрѣ разницу между двумя типами красоты, которые родились изъ мрачной загадки Эсхила. Рѣчь Софокла унаслѣдовала ея синтетичность, стиль Еврипида развилъ и разработалъ богатые залежи мысли, которые таились въ вѣщемъ словѣ стараго сфинкса. Мнѣ кажется, что въ языкѣ Еврипидъ разрѣшилъ задачу союза между глубокимъ одушевленіемъ страсти и ясной гибкой мыслью.

Его поэтическая рѣчь открыла свободную арену для безконечнаго развитія языка человѣческихъ чувствъ, когда они проходятъ черезъ призму анализирующаго ума.

III.

Въ исторіи греческой трагедіи есть страница, въ которой, несмотря на сознаніе, что законы историческаго развитія неумолимы, что они дѣйствуютъ медленно и непримѣтно, изслѣдователь не можетъ не поразиться художественнымъ сочетаніемъ явленій. Эта страница принадлежитъ характеристикѣ корифеевъ трагедіи. Не только въ самомъ созданіи этой единственной въ мірѣ тріады, но и въ обработкѣ каждой изъ трехъ индивидуальностей жизнь оказалась истиннымъ поэтомъ.

Эсхилъ былъ одною изъ тѣхъ рѣдкихъ, исключительныхъ натуръ, которымъ суждено стоять въ жизни одиноко, рождаться и умирать волнующей міръ загадкой.

Въ такихъ натурахъ есть что-то трагическое, совершенно независимо отъ счастливой или несчастной обстановки ихъ жизни и даже отъ степени ихъ душевнаго равновѣсія: ихъ сжигаетъ трагизмъ геніальности. Два человѣка художественно сочетались въ натурѣ Эсхила: злой и упорный борецъ Мараѳона и Саламина и геніальный фантастъ-аристократъ. Аристократизмъ натуры не позволилъ поэту стать бардомъ побѣдителей и, осудивъ мараѳонца Этеокла, Эсхилъ не побоялся идеализировать того мудраго монарха, который сдѣлалъ ненависть къ аѳинянамъ содержаніемъ своей старческой жизни. Съ другой стороны, то, что для массы было грубой жаждой независимости, дерзостью храбрецовъ,—для избранника стало стремленіемъ къ полной духовной обособленности. Глубоко религіозный Эсхилъ исповѣдывалъ особаго, символическаго Зевса, въ которомъ пророчески воплотился весь смыслъ человѣческаго существованія, потому что въ немъ страданіе получало цѣль, а знаніе цѣнность и красоту. Но строгое богопочтеніе не помѣшало поэту устами своего прикованнаго титана предрекать гибель и самому Зевсу, а въ лицѣ его гибель всякому личному богу.

Исторія не знаетъ фантазіи болѣе смѣлой и мощной, чѣмъ фантазія Эсхила.

Я не говорю о драмахъ чудесъ, но дать психологическую реальность тѣни Дарія или упрекамъ мертвой Клитемнестры, могъ только тотъ, кто силой вѣщаго прозрѣнія не только спускался въ страну тѣней, но научился понимать движенія устъ, навсегда лишенныхъ дыханія. Не надо забывать, что Данте не былъ первымъ въ мірѣ загробныхъ воздаяній, и что онъ не только велъ съ собою Вергилія, впитавшаго въ себя весь эллинскій міръ, но что за нимъ были галлюцинаціи мистиковъ, между тѣмъ какъ до Эсхила въ страну тѣней спускался только одинъ безмолвный Орфей. Дерзость фантазіи Эсхила не остановилась даже передъ элевзинской тайной, и только боевыя заслуги сыновей Эвфоріона спасли титана поэзіи отъ тяжкой кары за лишнее благодѣяніе, которое онъ хотѣлъ оказать толпѣ непосвященныхъ.

Если, съ одной стороны, фантазія вносила блескъ и разнообразіе въ поэзію Эсхила, то съ другой—глубина мысли созидала внутреннее единство между его разнородными твореніями. Такъ объединяются для насъ его вѣщій Прометей и вѣщая Кассандра: ихъ сливаетъ трагизмъ, лежащій въ несоизмѣримости человѣка съ его средой. Мы невольно проводимъ и другую параллель: между Прометеемъ и эринніями, поколѣніемъ земли и наслѣдниками ея старой, таинственной, но завистливо-безплодной мудрости. А, кажется, что общаго въ этихъ столь яркихъ и столь самобытныхъ созданіяхъ фантазіи Эсхила.

Стиль Эсхила, какъ я уже говорилъ, отмѣченъ тѣмъ же поистинѣ чудовищнымъ синтетизмомъ, тою же тревожною тайною и нѣсколько брезгливой отобщенностью отъ обычной рѣчи, какъ и его миѳологія и поэзія.

Въ исторіи литературы Эсхилъ стоитъ одиноко. Если загадочность построеній является иногда удѣломъ глубокой, фатально двоящейся мысли, то въ жизни отъ нея только шагъ до претенціозной темноты оракуловъ. Еще легче возвышенная, нездѣшняя рѣчь, если ее не одухотворяетъ величіе поэтической концепціи, обращается въ звонкое бряцаніе, за которымъ можетъ скрываться самая холодная и мелкая душа. Вотъ отчего у Эсхила не было видныхъ подражателей и продолжателей. Зато поэты всего міра до сихъ поръ живутъ огнемъ, который когда-то похитилъ для нихъ елевсинскій титанъ.

Софоклъ и Еврипидъ, хотя между датами ихъ рожденій лежитъ цѣлыхъ 15 лѣтъ, принадлежали одному поколѣнію. Это были дѣти свободныхъ и счастливыхъ Аѳинъ, и образъ города Паллады вызывалъ у обоихъ одинаково нѣжныя чувства. Оба поэта вышли изъ буржуазной среды, а на сценѣ и тотъ и другой развивали одну и ту же сложную психологическую драму, причемъ обезличенный хоръ у обоихъ отступалъ на второй планъ. Оба, наконецъ, были равно чужды эсхиловской драмѣ боговъ. Сравните, напримѣръ, Аѳину Евменидъ съ тою же богиней въ Аянтѣ или Ифигеніи: первой приходится спорить: она

покоряетъ Эринній, она живетъ на сценѣ, тогда какъ Аѳинѣ Софокла и Еврипида остается только безотчетно и полновластно распоряжаться судьбой Ифигеніи и Теламонида. Она стала безплотнымъ духомъ, почти символомъ.

Но этимъ можетъ быть и исчерпывалось все сходство между младшими трагиками. Если вы были въ Латеранскомъ музеѣ Рима, то не могли не замѣтить статую красиваго кудряваго человѣка, съ открытымъ лицомъ: небольшая голова его поставлена энергично, а нѣсколько пухлый ротъ обрамленъ густой и курчавой бородой. Эффектная драпировка плаща позволяетъ угадывать красивые контуры сильнаго и гармонично сложеннаго тѣла. Это Софоклъ. Если вы хотите испытать всю силу художественнаго контраста, посмотрите послѣ Софокла на слѣпокъ съ бюста Еврипида изъ Брауншвейгскаго музея: вы увидите склоненную отъ тяжести пристальной мысли голову человѣка, стоящаго уже на грани старости. Лицо его полно сосредоточенной скорби, но не личной, которая обыкновенно придаетъ чертамъ непріятное выраженіе; въ лицѣ Еврипида скорбь не тронула мягкой складки губъ, она провела только надъ глубоко сидящими глазами и большимъ «носомъ несчастья» двѣ вертикальныхъ морщины, да развила и разрѣдила пряди волосъ, небрежно напущенныя на слегка выпуклый лобъ и щеки.

Эпитафія назвала Софокла блаженнымъ μάχαρ Ξοφοχλέης, и, дѣйствительно, онъ былъ, кажется, не только красивымъ человѣкомъ и гармоничной натурой, но и счастливцемъ въ жизни. Аѳины платили ему любовью за любовь и щедро надѣляли его участіемъ въ той славѣ, которую онъ увеличивалъ своей дѣятельностью. Болѣе 90 лѣтъ прожилъ онъ, и послѣдняя изъ написанныхъ имъ трагедій «Эдипъ въ Колоннѣ» не показываетъ ни упадка таланта, ни погасающаго одушевленія. Еще юношей на праздникѣ Саламинской побѣды красивый сынъ Софилла велъ хоръ юношей за своей искусной флейтой. Совсѣмъ молодымъ авторомъ онъ одержалъ на драматическомъ состязаніи побѣду надъ геніальнымъ Эсхиломъ, и съ тѣхъ поръ рѣдкій годъ тетралогія его не признавалась первой, а ниже второго мѣста онъ не спустился ни разу. Когда сошли со сцены сначала Кимонъ, потомъ Периклъ, Софоклъ оставался для аѳинянъ какъ бы символомъ пережитаго блеска, и къ эстетической оцѣнкѣ его театральныхъ судей не могло, вѣроятно, не примѣшиваться дозы народной гордости. Софоклъ испыталъ всѣ радости, которыя могла дать эллину жизнь. Въ молодости онъ не боялся выступить на сцену въ роли соперника музъ и восхищалъ зрителей, танцуя Навсикаю, а въ зрѣломъ возрастѣ дважды былъ стратегомъ. Его жизнь не была омрачена ни завистью, ни интригой, и, одинъ изъ трехъ корифеевъ трагедіи, онъ остался навсегда вѣренъ Аѳинамъ такъ какъ ни одно изъ предложеній иностранныхъ дворовъ не имѣло у него успѣха. Жизнь Еврипида, наоборотъ, не могла назваться счастливой. Успѣхи баловали его рѣдко, и порою онъ долженъ былъ уступать поэтамъ, память которыхъ не осталась надолго даже въ Аѳинахъ.

Его семейныя несчастья повторяются легендой слишкомъ часто, чтобы можно было въ нихъ усомниться. Но вѣроятно, неудачи только усилили въ немъ природную склонность къ уединенной и созерцательной жизни. Если Софоклъ былъ, по словамъ его біографа, добрымъ гражданиномъ и обладалъ умѣреннымъ политическимъ честолюбіемъ, то Еврипидъ тщательно уклонялся отъ всякаго участія въ общественной жизни, а въ его драмахъ зачерчена не одна злая карикатура на политикановъ. Легенда заставляетъ Еврипида сидѣть или въ своей богатой библіотекѣ, или въ землянкѣ на Саламинѣ, откуда видно море и не видно людей. Онъ ненавидитъ атлетовъ, гимнастику, но зато легенда настойчиво говоритъ о его связяхъ съ такими смѣлыми мыслителями, какъ Анаксагоръ, Продикъ и Сократъ. Тѣсная связь Еврипида съ отцомъ раціонализма, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, потому что она проходитъ довольно яркой полосой даже въ остаткахъ его поэзіи. Тщательное образованіе и даже такая роскошь въ немъ, какъ обученіе живописи, даетъ себя чувствовать: Еврипидъ далеко переросъ своихъ современниковъ и обладалъ умомъ не только высокой природы, но и тонкой культуры.

Принято говорить для контраста, что Софоклъ изображалъ людей, «какими они должны быть», а Еврипидъ такими, «какъ они есть». Этотъ контрастъ, дѣйствительно, оченьярокъ, но онъ далеко не вполнѣ точенъ, такъ какъ онъ несправедливо лишаетъ Еврипида идеализма, а Софокла драгоцѣнныхъ чертъ жизненной правды.

Коренная разница заключается, можетъ быть, не въ этомъ, а въ томъ, что синтетическій умъ Софокла могъ съ бо́льшимъ успѣхомъ оперировать надъ миѳомъ, сохраняя его цѣльность, красоту и повышая его этическое значеніе, чѣмъ острый аналитическій умъ Еврипида. Софоклъ поневолѣ, какъ трагикъ, принадлежалъ душой прошедшему, потому что прошедшее всегда стройнѣй и поэтичнѣе, чѣмъ настоящее, съ его неустойчивостью, грудой мелочей и пестрой смѣсью концовъ и началъ. Еврипидъ, въ силу особенностей своей природы, наоборотъ, дѣлался поэтомъ будущаго. Люди въ родѣ Меланиппы, проповѣдовавшей философію Анаксагора, какъ основу нравственныхъ воззрѣній, или Амфіона, умѣвшаго остаться въ жизни чистымъ созерцателемъ, или, наконецъ, люди душевнаго разлада, какъ Орестъ, все это были контуры изъ «міра гипотезъ», міра будущаго. Ни миѳъ, ни гражданская община V-го вѣка не удѣляли имъ никакой роли. Если положительной стороной своего идеала Еврипидъ принадлежалъ будущему — оно-то и оцѣнило его; современники наслаждались въ Еврипидѣ не тѣмъ, что восхищало людей новой эры,—то еще болѣе отразилась мечта на отрицательной сторонѣ его твореній: плачущіе герои, порочные боги, воинственные или пляшущіе старцы и сентиментально настроенная богиня безумія Лисса,—у Еврипида можно найти цѣлый рядъ такихъ олицетворенныхъ разнорѣчій между дѣйствительностью и идеализированнымъ миѳомъ, причемъ въ нихъ, безусловно, нельзя видѣть сатиры.

То, что мы называемъ чувствомъ дѣйствительности, вовсе не отсутствовало у Софокла, только это чувство умѣрялось у него характерной чертой его чисто аттической натуры, наклонностью къ порядку и гармоніи. Реализмъ Софокла еще далеко не вполнѣ оцѣненъ. А между тѣмъ, у этого поэта была удивительная тонкость и отчетливость наблюденій и это должно было особенно сильно дѣйствовать благодаря строго миѳической обстановкѣ его драмъ. Въ «Трахинянкахъ» превосходно изображенъ, какъ показалъ это проф. Зѣлинскій, опытъ Деяниры надъ силой органическаго яда, въ крови кентавра. Но реализмъ Еврипида кажется ярче, потому что въ его натурѣ не было такой гармоніи, какъ у Софокла. Самый сильный паѳосъ у Софокла разрѣшается картиной возмездія или постепеннымъ ослабленіемъ трагическаго ужаса. Еврипидъ же не заботился ни о томъ, ни о другомъ. Зато, если у Софокла паѳосъ составлялъ лишь одинъ изъ художественныхъ элементовъ драмы, то у Еврипида онъ былъ цѣлью и содержаніемъ трагедіи. Трагедіи Еврипида, представляются мнѣ иногда звеньями какой-то одной гигантской драмы человѣчества: эти скованныя геніальнымъ мастеромъ звенья распались, и робкій ученикъ придѣлалъ къ нимъ начала и концы, чтобы дать имъ обличье самостоятельныхъ трагедій.

Въ четвертомъ вѣкѣ трагедія уже вырождается. Сюжетовъ становится все меньше. Орестъ и Эдипъ, Алкмеонъ и Телефъ смѣняютъ другъ друга постоянно блѣднѣющей чередой. Герои становятся скучно типичными, точно маски. Изрѣдка мелькнетъ счастливая по блеску картина, въ родѣ лагеря вакханокъ у Херемона, или удачная деталь въ сценѣ признанія Ореста изъ Таврической Ифигеніи. Трагики проходятъ черезъ школу Исократа, и, конечно, трагедіи ихъ безупречны, въ риторическомъ отношеніи; но при этомъ онѣ нерѣдко болѣе расчитаны на детальную оцѣнку ювелирныхъ красотъ пьесы въ чтеніи, чѣмъ на общій сценическій ея эффектъ; мало-по-малу, лишенная творческихъ силъ, замкнутая въ узкій кругъ миѳическихъ условностей, драма теряетъ даже банальную ясность. Дошедшая до насъ отъ III-го в. монологическая трагедія Ликофрона, гдѣ изображены темныя пророчества Кассандры, заключенной въ темницу, представляетъ собою какъ бы агонію миѳологическаго творчества. Пройдя черезъ область вѣры, поэзіи и риторства, миѳы становятся здѣсь какой-то вычурной тайнописью, а тѣ географическія свѣдѣнія, которыя старый Эсхилъ умѣлъ облекать въ сценѣ Прометея съ Іо своеобразной прелестью, скорѣе способны запутать читателя «Александры», чѣмъ что-нибудь ему уяснить.

Вся поэзія Ликофрона есть только игра ума, которая, можетъ быть, и не была лишена для его современниковъ нѣкотораго наслажденія, но, во всякомъ случаѣ, держала ихъ въ очень ограниченномъ кругѣ идей. Я не буду говорить вамъ о римской драмѣ, потому что, хотя и связанная съ эллинской — миѳами и сценической традиціей, она бы завлекла меня слишкомъ далеко. Вѣдь если говорить о Сенекѣ, то отчего бы не говорить и о Расинѣ.

Я позволю себѣ въ заключеніе остановить ваше вниманіе лишь на одномъ вопросѣ: какое значеніе имѣютъ для современной литературы и театра классическія драмы эллиновъ?

Чуть ли не каждая изъ нихъ обросла большой литературой переводовъ, передѣлокъ, подражаній, и не одна внушила поэтамъ вдохновенныя созданія. «Ифигенія» Гете настолько самобытное произведеніе германскаго генія, что было бы несправедливо разсматривать ее только какъ переработку античной трагедіи. Художественная литература, примыкающая къ античнымъ драмамъ, растетъ съ каждымъ днемъ. Мы имѣемъ или имѣли еще вчера Р. Браунинга, Грилльпарцера, Леконта де-Лиль. Отъ подражанія готовымъ образцамъ поэзія идетъ къ реконструкціи погибшихъ по отрывкамъ, мысль, которая занимала еще Гёте и которая такъ блистательно выполнена была Сюинберномъ въ его «Аталантѣ». Но было бы столь же неестественно связывать область творчества филологическими проблемами, какъ и стѣснять научное изслѣдованіе поэтической формой.

Область фрагментовъ изъ античныхъ трагедій и миѳовъ должна являться, по моему, лишь однимъ изъ источниковъ для свободной творческой работы. Лишь свободному возсозданію греческихъ миѳовъ суждено пойти далѣе школьнаго упражненія на готовую тему.

Но что же привлекательнаго въ античной трагедіи сохраняется для поэта до сихъ поръ? Во-первыхъ, въ миѳахъ есть просторъ для самаго широкаго идеализма. Въ нихъ есть и силуэты тѣхъ героическихъ поднимающихъ душу образовъ и ситуацій, и тѣ благородно-мажорныя ноты, которыхъ не хватаетъ современнымъ темамъ, и которыхъ мы такъ справедливо ждемъ отъ театра. А что лучше: насиловать ли дѣйствительность, оставаясь въ ея рамкахъ, или на минуту оживить вѣру въ тѣ сказки, которыя составляли нѣкогда душу великаго народа?

Затѣмъ, нельзя закрывать глазъ и на то обстоятельство, что античная трагедія давно уже понемногу овладѣваетъ желаніями современнаго зрителя, но что люди точно боятся высказать эти желанія. Всѣ мы хотимъ на сценѣ, прежде всего, красоты, но не статурной и не декоративной, а красоты, какъ таинственной силы, которая освобождаетъ насъ отъ тумана и паутинъ жизни и даетъ возможность на минуту прозрѣть несозерцаемое, словомъ, красоты музыкальной, а эта-то именно красота и составляла идеалъ античной трагедіи, именно она своими блестками и сдѣлала драму эллиновъ великой и безсмертной.

Я думаю, наконецъ, что, сообразно цѣли, и нѣкоторые пріемы античной сцены ждутъ своей очереди на нашей. Рѣчь идетъ, конечно, не объ открытыхъ театрахъ, маскахъ или котурнахъ, а объ музыкѣ и балетѣ, т.-е. о широкомъ развитіи лиризма и мимики, которые были такъ долго и такъ несправедливо разобщены съ трагедіей, этой универсальной формой творчества, поскольку оно является вѣчнымъ исканіемъ тайны красоты. **И. Анненскій.**

ОГОНЕКЪ.

И землю, и цвѣты, и радость, и желанья —
Все, все рука зимы подъ снѣгомъ погребла.
И въ мертвомъ холодѣ царитъ сѣдая мгла
И неподвижное молчанье...

* * *

И только вдалекѣ синѣющій дымокъ
Надъ крышами домовъ встаетъ непобѣдимо...
И въ глубинѣ души чуть брезжетъ огонекъ
Живой мечты неугасимой...

Г. Галина.

* * *

Изнемогающая вялость,
За что-то мстящая тоска,—
Въ долинахъ блѣдная усталость,
На небѣ злыя облака.

Не видно счастья голубого,—
Его затмили злые сны.
Лучи свѣтила золотого
Сѣдой тоской поглощены.

Федоръ Сологубъ.

Авдотья и Ривка.

Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ.

Пароходъ качало. Съ каждымъ новымъ взмахомъ волны одна стѣна большой каюты уходила куда-то въ бездну, а другая поднималась такъ высоко, что люди, лежавшіе въ глубинѣ гробообразныхъ коекъ и не въ конецъ измученные тошнотой, судорожно хватались руками за края, опасаясь съѣхать внизъ. Время отъ времени какой-нибудь недостаточно крѣпко привязанный узелъ вылеталъ изъ потаеннаго угла и катился черезъ всю каюту, какъ живой, попадая подъ ноги служителю, который переходилъ отъ стѣны къ стѣнѣ, балансируя руками, чтобы сохранить равновѣсіе.

Большая часть пассажировъ, впрочемъ, не подавала признаковъ жизни. Все это были люди, негодные для путешествій и впервые увидѣвшіе море: австрійскіе и русскіе евреи—малокровные, истощенные наслѣдственнымъ недоѣданіемъ; польскіе мужики, привыкшіе къ полному простору и задыхавшіеся въ этой непровѣтриваемой духотѣ; итальянскіе рудокопы, отравленные сѣрными испареніями или насквозь пропитанные мелкой угольной пылью. Больше половины было безграмотныхъ, ихъ загнали сюда, какъ быковъ въ ограду, пищу имъ разносили, какъ мѣсиво телятамъ, въ низкихъ деревянныхъ ушатахъ; матросы толкали ихъ и обращались съ ними, какъ съ арестантами. Они терпѣли молча и безропотно. На родинѣ приходилось выносить еще и не такія вещи.

Въ первый день, пока погода была хороша, они разглядывали другъ друга и понемногу знакомились между собой. Люди разныхъ національностей, которыхъ случай помѣстилъ на сосѣднихъ койкахъ, не имѣя общихъ словъ, обмѣнивались улыбками и оказывали другъ другу мелкія услуги. Ободранные итальянскіе ребятишки играли и дрались съ такими же черномазыми и курчавыми жиденятами, русинскія бабы изъ Галиціи помогали нянчить шведскихъ младенцевъ, толстыхъ и бѣлыхъ, какъ молодые поросята. Всѣ эти изгнанники европейской тѣсноты были проникнуты

смутнымъ, но стихійнымъ чувствомъ общности несчастья, которое вырвало ихъ съ насиженныхъ мѣстъ вмѣстѣ съ корнемъ и заставило пуститься въ неизвѣстную страну, гдѣ, по слухамъ, каждый человѣкъ самъ себѣ голова, и простой сапожникъ получаетъ три большихъ серебряныхъ „далера“ на день.

На третій день на площадкѣ передъ бакомъ собрались музыканты разнаго племени со скрипками, гармониками и даже дудками, и составился импровизированный балъ, гдѣ крѣпкіе коломыйскіе чоботы старались плясать нѣмецкую польку, хотя кованые каблуки сами собой сбивались на гопака, и ирландскіе широкіе башмаки вдругъ начинали выбивать дробь замысловатой джиги среди чопорныхъ фигуръ международной кадрили. Молодые люди начали перемигиваться и заводить обычную игру.

Но на четвертый день море устроило собственную пляску, и внезапный штормъ сорвалъ съ верхней палубы двѣ лодки. На полу подъ нижнимъ ярусомъ коекъ два раза показывалась вода. Больше половины эмигрантовъ, впрочемъ, не имѣли объ этомъ никакого понятія. Истощившись отъ судорожныхъ, но безполезныхъ усилій выворотить свой желудокъ на изнанку, съ головой тяжелой, какъ свинецъ, они лежали ничкомъ на своихъ соломенныхъ подушкахъ, равнодушные ко всему. Они бы, кажется, не замѣтили, если бы пароходъ сталъ тонуть, или кто-нибудь обрилъ бы имъ голову, или простыни ихъ жесткой постели внезапно загорѣлись.

Авдотья высунула голову съ самой нижней койки и поглядѣла по сторонамъ. Къ собственному своему изумленію, она не чувствовала ни тошноты, ни головной боли, но неугомонная качка раздражала ее, какъ неотвязная рука, дергающая человѣка за полу, и наводила на нее тоску, сѣрую и густую, какъ туманъ, который со всѣхъ сторонъ окружалъ эмигрантское судно.

Авдотья была женщина широкой кости, но тощая тѣломъ, съ крѣпкими и тонкими плечами, какъ будто вырубленными изъ дубовой доски. Лицо ея было блѣдно, большіе сѣрые глаза глядѣли сердито и недовѣрчиво, и забота прорѣзала на лбу двѣ глубокія морщины.

Она была одѣта въ синюю юбку и пеструю ситцевую кофту, ноги ея, торчавшія изъ койки, были обуты въ козловые башмаки „со скрипомъ“, а на плечахъ лежалъ шелковый полушалокъ самаго, несомнѣнно, отечественнаго происхожденія.

„Грѣхъ! — говорила она сама себѣ. — Хозяйка, ковалиха!.. Бросила дѣтей, усадьбу, весь родъ, поднялась, Бо-знать, куда!..

Когда она спрашивала себя, какъ она попала изъ своего родного села Красного, что подъ городомъ Добрынцемъ, на эту

узкую койку, въ чрево желѣзного кита, ей казалось, что она видитъ сонъ.

Было ли это дьявольское навожденіе, — шопотъ носился въ воздухѣ, слухъ переходилъ изъ одного села въ другое, что гдѣ-то далеко за моремъ есть земля, гдѣ бѣдные люди ѣдятъ пироги каждый день и жить просторно всѣмъ—мужикамъ и бабамъ.

А потомъ пріѣхалъ Осипъ Жизка, мужикъ изъ Заверухъ, привезъ деньги и купилъ двѣ лошади. Онъ разсказалъ, что въ Америкѣ паспорта не надо, и послѣдняя прислуга получаетъ двѣнадцать „далеровъ“ на мѣсяцъ.

„Плачутъ теперь дѣточки!— соображала Авдотья. — Клашкѣ девять скоро, а Антосику всѣ одиннадцать... Не ѣвши сидятъ... Тотъ, пьяница, развѣ накормитъ? Одно у него дѣло—драться. И стараго таточку, должно быть, со двора согналъ...“

„А чтобъ ты не дождалъ, проклятый“—подумала она вдругъ съ привычнымъ чувствомъ гнѣва, которое копилось у ней за всѣ десять лѣтъ ея брачной жизни и, наконецъ, перелилось черезъ край, какъ брага изъ ушата.

„Иродъ, пьяница!.. мысленно называла Авдотья своего постылаго брошеннаго мужа.—Хвалился ты, пьяная морда: закопаю тебя живьемъ и кричать не дамъ! Вотъ тебѣ, собака, сраму на все село!.. Говорила я тебѣ, гадинѣ, убѣгу на край свѣта!..“

Она невольно пощупала лѣвой рукой правое плечо, гдѣ подъ платьемъ горѣлъ и саднилъ большой синякъ, слѣдъ послѣдней ласки коваля Наркиса Бабули.

„Майся теперь!—прибавила она, стиснувъ зубы.—Во дворѣ четыре коровы, овцы, лошади, быкъ!.. Кто съ животомъ управится?.. Помирать ты станешь, дуракъ, никто тебѣ и ногъ не прикроетъ!..“

Много побоевъ приняла Авдотья за эти десять лѣтъ. Даже тѣло ея одеревенѣло, лишнее мясо сошло съ костей и краска съ лица, и она выглядѣла теперь, какъ недокормленная рабочая лошадь.

„Рождаются же такіе изверги на бѣломъ свѣтѣ! — Молоко продаешь, гдѣ деньги дѣваешь?.. Возжи измочалю объ тебя!..“

„А за что? — спросила себя Авдотья. — Развѣ я тоже не человѣкъ?“

Авдотьѣ понадобилось десять лѣтъ, чтобы додуматься до этого первобытнаго вопроса, но отвѣтъ на него она дала не словами, а своимъ отчаяннымъ дѣломъ.

Теперь Авдотья вспоминала свои послѣдніе дни въ Красномъ. Давно уже она клала грошъ къ грошу, затаила свою кишеню, какъ кошка кнышъ, за пять лѣтъ не разступилась хоть злотымъ

на кварту пива, переносила мужнины кулаки и вожжи и накопила пятьдесятъ рублей. Думала, дочкѣ на приданое, а пригодилось на другое.

Авдотья вспомнила, что Клашка въ послѣдніе дни все держалась за ея юбку и говорила: „Живите съ нами, мамо!“—ибо дѣти догадались, что она хочетъ уйти.

„А что же мнѣ въ могилу съ вами лягти?“—сказала она почти вслухъ, какъ будто оправдываясь передъ отсутствующими дѣтьми.

„Плачте, не плачте! И какой вамъ прибытокъ, кабы матку до смерти забили? Теперь матка жива будетъ, можетъ, и васъ вызволитъ!..“

Поговорила она съ Жизкой, сказала:

— Если есть въ тебѣ христіанская душа, дай мнѣ свѣтъ увидѣть, доправь меня до Америки!

А Жизка говоритъ:

— Я—американскій человѣкъ, я вижу насквозь, какая твоя каторжная жизнь... Покажу тебѣ путь и платы не возьму, а только деньги нужно на дорогу, сто рублей...

Тутъ Ковалиха призналась въ первый разъ.

— Половина,—говоритъ,—есть, а половину достану!

Продала она футраную (мѣховую) шубу хорошую, еще отъ матери осталась, городской дипломатъ, шелковая шаль была большая, тоже продала, только полушалокъ остался, сбила всѣ сто рублей.

Потомъ уговорились они съ Жизкой, онъ будто пріѣдетъ въ Красное муку покупать, а назадъ будетъ ѣхать ночью и проѣдетъ мимо ковалевой усадьбы. Авдотья выйдетъ навстрѣчу и онъ довезетъ ее въ Добрынецъ на машину.

— Ты мнѣ знакъ подай!—попросила Авдотья.—Ночи теперь темныя, не наскочить бы мнѣ на чужого человѣка!

— Ладно!—согласился Жизка.—Когда буду идти около воза, крикну на лошадь не „но!“ а по—американски: „Горы опъ!“ (hurry up—торопись).

И вотъ Авдотья крадется съ узломъ за плечами. Темно кругомъ, хоть глазъ выколи. Дѣти спятъ, попрощаться хочется, да страшно, еще разбудишь. Тотъ сатана услышитъ.

Эхъ, прощай, Красное! Прощай, поле и нивы! Прощайте волы и коровы и всѣ добрые люди!...

Вонъ слышно въ темнотѣ ѣдетъ человѣкъ, машетъ кнутомъ на лошадь.—„Горы опъ!“

Тошно рослому дереву выдернуть корни изъ родной земли... Свѣтитъ ли въ той Америкѣ солнце по нашему, текутъ ли свѣжія рѣки, зелено ли растетъ трава?..

Прощайте, православные! Поѣхала ковалиха къ самому старому дѣду на рога!..

Ночь и день Ковалиха ѣхала по машинѣ. Вмѣстѣ съ ней ѣхали разныя лица, поляки, жиды, хохлы; хоронятся другъ отъ дружки, не признаются. Одинъ говоритъ: „Я ѣду къ брату въ Судоплавль“, а другой говоритъ: „А я въ Шавелево землю снимать“. Согрѣшила и Авдотья съ ними.

— Я, говоритъ, ѣду въ Вильну, поклониться Владычицѣ Острой Брамѣ!..

Пока не пришелъ факторъ жидъ.

— Дураки—говоритъ,—чего хоронитесь? Всѣ въ одно мѣсто ѣдете!..

Еще черезъ два дня они „украли границу“. Собралось ихъ пять человѣкъ, да два нѣмца, чтобы дорогу показывать. А узлы поѣхали по чистой дорогѣ съ губернаторскимъ паспортомъ. У кого паспортъ былъ, такъ съ тѣми...

Полночь была. Опять такая же темень. Пошли они по дорогѣ. Гаечекъ тутъ встрѣтился. Отворотили по тропинкѣ, шли, шли, пришли къ глубокой канавѣ, слѣзли люди въ канаву, стали выдираться наверхъ, а ей не въ силу. Одинъ нѣмецъ, долгій такой: „Ну, говоритъ, давай рука!“—вытащилъ ее наверхъ.

За канавой свѣтлѣе стало. Прошли мало времени по полю, „нашли на домъ“, въ окнахъ огонь горитъ, въ родѣ корчмы.

Не вытерпѣла Авдотья, спросила:

— А гдѣ ваша граница?

А нѣмецъ говоритъ:

— Овва! А канава гдѣ? *Давайте на складке, водке пить*!

А люди крестятся и говорятъ:

— Слава Богу!

Потомъ они опять поѣхали по машинѣ до города Ямбурга (Гамбурга). Перестали люди говорить по-русски. Кабы не жиды, „нѣкакъ бы хлѣба купить“.

„Слава тебѣ, Господи!—искренно подумала Авдотья.—Вездѣ ихъ Господь насажалъ, жидочковъ нашихъ. Всетаки землячки“!

Мужики въ Красномъ не очень любили жидовъ, особенно Мошку кабатчика. Но за послѣднія двѣ недѣли Авдотья уже научилась считать каждаго, кто умѣлъ сказать три слова по русски, землякомъ и братомъ.

Въ Ямбургѣ ихъ посадили въ эту желѣзную неволю и повезли по морю. Везутъ, везутъ, кто тамъ знаетъ, когда будетъ конецъ. Она опять высунула голову изъ койки и посмотрѣла черезъ каюту. Навстрѣчу ей смотрѣло другое лицо, маленькое, смуглое, увѣнчанное огромной гривой жесткихъ и вьющихся во-

лосъ, кое-какъ скрученныхъ на темени и издали похожихъ на черную мѣховую шапку.

— Але вы не спите, Рива?—спросила Авдотья.

Рива отрицательно качнула своей мѣховой шапкой.

— Тошно мнѣ, Рива!—призналась Авдотья.

— И что такое тошно?—презрительно переспросила Рива, думая, что Авдотью тошнитъ отъ морской болѣзни. — *Пхе!* Я уговаривала себѣ, что я не стану *ломать* и вотъ я здоровъ!..

Ломать вмѣсто блевать было переводомъ еврейскаго слова brechen.

Авдотья покачала головой.

— Ой, нѣтъ, Рива! — сказала она.—Скажи лучше, на что мы въ Америку поѣхали?

— *Псш*—прошипѣла Рива.—На что поѣхали?.. Кусокъ счасця искать, доле!..

Она говорила такъ увѣренно, какъ будто въ новой странѣ за океаномъ счастье валялось на улицахъ или раздавалось даромъ каждому желающему.

— А какъ же мы жить будемъ?—продолжала Авдотья.

Разговоръ этотъ почти безъ всякихъ измѣненій происходилъ десять разъ, но Авдотья никакъ не могла имъ насытиться. Несокрушимая увѣренность и энергія словъ и жестовъ Ривки дѣйствовали, какъ электричество, и въ минуту унынія Авдотья спѣшила зарядить свою опустѣлую душу отъ этой живой лейденской банки.

— *Атъ!*—сказала Ривка съ непоколебимымъ видомъ.—Бархатъ и шелкъ станемъ мы носить. Шляпки надѣнемъ, какъ барыни!

— А я куда пойду?—сказала Авдотья.—Языка нѣту. Ничего не умѣю городское!..

— Въ прислуге пойдешь!—сказала Ривка увѣренно.—Видишь, какая ты здоровая!.. Я бы такая была, ухъ, что бы я надѣлала!..

— А ты тоже пойдешь въ прислуги?—спросила Авдотья.

Лицо Ривки пріобрѣло угрюмый видъ.

— А ни!—сказала она.—Я буду сама себѣ человѣкъ!..

— Что же ты будешь дѣлать?—настаивала Авдотья.

— Сигаренъ,—сказала Ривка,—и попиросенъ. Я вже видала и въ старомъ мѣстѣ, якъ ихъ дѣлаютъ. У кого умъ есть, то завше не трудно вывчиться!..

— Я бы тоже испытала,—сказала. Авдотья.

— А ни!—убѣдительно повторила Ривка. — Отъ папиросенъ духъ идетъ. Ты не привыкъ.

— А ты вѣдь тоже не привычна! — возразила Авдотья, сообразивъ, что ея спутница только еще хочетъ „вывчиться“ новому ремеслу.

— *Фа!* — сказала Ривка. — Ты деревенскій гое *), ты любишь вольны духъ, а я виленска. Виленскій крѣпкій вонь, мой носъ привыкъ.

Авдотья ничего не возражала.

— За того ты лучше иди въ прислуге! — разсудительно продолжала Ривка. — Въ Америкѣ кушать много даютъ. Толстѣть станешь, бѣлый будешь, новый мужъ возьмешь.

Ривка знала подробности Авдотьиной исторіи и относилась къ нимъ въ высшей степени легкомысленно.

— А ты почто не пойдешь въ прислуги? — опять спросила Авдотья немного недовѣрчиво.

Ривка окончательно разсердилась.

— Нехай ихъ всѣ черты возьмутъ! — сказала она со злобой. — Ты — ковалиха, ты въ хозяяхъ жила. А я съ измалечки въ людяхъ. Мало они мой кровя пили? Нехай они себѣ лопнутъ!..

— Теперь южъ досыть! — прибавила она немного успокоившись. — Я буду себѣ сама, сама!..

Ривкѣ, какъ и Авдотьѣ, было тридцать лѣтъ; она была еврейская прислуга и получала жалованье по третямъ, — шесть, восемь рублей въ треть, а если помѣсячно, то по два рубля въ мѣсяцъ. Изъ этихъ денегъ она еще должна была помогать старой полуслѣпой матери, которая торговала пряниками и иголками въ одной изъ каменныхъ нишъ городской стѣны.

Стремленіе уѣхать въ Америку захватило Ривку еще молодой дѣвушкой. Даже когда Абрумка Рукавекъ, который служилъ „попихачемъ" у богатаго Ефроима, вдругъ задумалъ провести ее подъ свадебнымъ балдахиномъ, она сурово отвѣтила:

— Сперва поѣзжай въ Америку, посмотри на бѣлый свѣтъ; заработай немного денегъ, чтобы наши дѣти не мучились, какъ нищіе!..

Но у Абрумки были маленькіе слезящіеся глазки, которые не могли смотрѣть на бѣлый свѣтъ, не щурясь; онъ такъ и остался попихачемъ и не завелъ даже собственнаго „краму", а Ривка стала понемногу копить деньги, по рублю въ мѣсяцъ, по три рубля въ треть и за десять лѣтъ накопила-таки деньги, необходимыя для переѣзда въ Америку.

Зато, вступивъ на бортъ переселенческаго корабля, она сразу отреклась отъ всей старой жизни и даже отъ Абрумки и была полна рѣшимости пуститься по совсѣмъ новой дорогѣ и добиться тѣхъ бархатовъ и шелковъ, которые она видѣла по праздникамъ на своихъ многочисленныхъ барыняхъ. Ея душа стала острой и зубастой. Она походила теперь на небольшую

---

*) Христіанка, крестьянка.

бродячую кошку, которая готова пуститься на самыя отчаянныя штуки, забираться въ чужія чуланы, красть голубей изъ голубятенъ, построить независимое гнѣздо между амбарами, на зло собакамъ, мальчишкамъ и дворникамъ.

II.

Пароходъ пришелъ въ нью-іорскую гавань поздно вечеромъ и простоялъ до утра на якорѣ у Песчанаго залива. На другой день съ полудня маленькіе казенные пароходы стали свозить эмигрантовъ на островъ Эллисъ, гдѣ американскіе чиновники сортировали ихъ и однихъ выпускали на волю, другихъ оставляли впредь до разрѣшенія, а третьихъ опредѣляли къ обратной отправкѣ въ Старый Свѣтъ.

Обширная зала съ окнами въ два свѣта, вся изрѣзанная переходами и перегородками, стала наполняться эмигрантами. Они проходили одинъ за другимъ въ узкія двери по длинному извилистому проходу, какъ овцы, пропускаемыя въ загонъ. Лица ихъ были блѣдны и еще носили слѣды морской болѣзни.

Передъ дверью стоялъ докторъ въ бѣломъ кителѣ, безцеремонно хваталъ каждаго за шиворотъ, и заглядывалъ ему въ глаза, стараясь рѣшить, нѣтъ ли у него какой-нибудь заразительной болѣзни. Какой-то еврей съ паршами на головѣ былъ немедленно уведенъ въ сторону, какъ уличенный контрабандистъ. Его должны были отправить въ госпиталь и сначала вылечить отъ грязной болѣзни, а потомъ все-таки отправить назадъ, какъ будто въ наказаніе за провозъ контрабандной болѣзни.

Кругомъ стѣнъ залы обходила высокая желѣзная рѣшетка, оставляя неширокій корридоръ, въ которомъ толпились родственники и друзья эмигрантовъ, вызванные телеграммами, корреспонденты газетъ и всякіе случайные посѣтители.

Лица чиновниковъ напоминали тюремныхъ надзирателей. Это дѣйствительно была тюрьма. За рѣшетчатымъ корридоромъ тянулся другой, гдѣ помѣщались камеры для задержанныхъ. Двери ихъ были заложены тяжелыми деревянными брусьями и въ самомъ концѣ были устроены даже настоящія желѣзныя клѣтки, гдѣ сидѣли люди, осужденные на возвращеніе. Проходя мимо, можно было видѣть нѣсколько жалкихъ фигуръ, которыя держались руками за желѣзные прутья и печальными глазами смотрѣли сквозь нихъ на Божій міръ. По эту сторону рѣшетки стоялъ сторожъ, который отгонялъ каждаго, желающаго заговорить съ арестованными. Эти люди не были нужны ни Новому, ни Старому Свѣту. Ихъ бѣдность и болѣзнь были хуже преступленія, и

ноги ихъ, ступивъ на свободную почву Америки, попали на мѣсто, окруженное тройной оградой и охраняемое часовымъ.

Черезъ полчаса всѣ загородки были биткомъ набиты. Люди Стараго Свѣта тѣснились въ нихъ узкими и длинными толпами, разбившись по языкамъ и національностямъ, и другъ за другомъ выходили къ допросу.

Каждый чиновникъ былъ полиглотъ, и въ общемъ они представляли чуть не всѣ языки Европы и Азіи. Въ разныхъ концахъ залы говорили по-нѣмецки, по-шведски, по-итальянски и даже по-армянски и по-сирійски, какъ будто на другой день послѣ столпотворенія.

Американскіе посѣтители изъ-за другой стороны рѣшетки съ любопытствомъ разглядывали новоприбывшихъ. Большая часть ихъ въ свое время прошли по той же дорогѣ, но теперь они выглядѣли какъ будто люди другой породы. Они были въ соломенныхъ шляпахъ и короткихъ пиджакахъ, съ открытой грудью крахмальной цвѣтной рубашки и широкимъ пестрымъ галстухомъ съ развѣвающимися концами. Шляпы были сдвинуты на затылокъ, глаза смотрѣли задорно, и на губахъ какъ будто дрожало дерзкое слово, составляющее въ Америкѣ необходимое оружіе самообороны.

Эмигранты тоже одѣлись въ свое лучшее платье, но толстыя славянскія свитки, огромные чоботы, грубыя шерстяныя куртки сѣверянъ и кожаные лапти итальянцевъ имѣли странный и неуклюжій видъ. У многихъ на груди были приколоты клочки картона съ крупно написаннымъ адресомъ, какъ будто на ящикѣ съ кладью. Котомки на плечахъ придавали имъ видъ вьючныхъ животныхъ, привезенныхъ въ Америку для черной работы, которою брезгуютъ коренные жители.

У рѣшетки разыгрывались смѣшныя и трогательныя сцены. Двѣ дамы, очень прилично одѣтыя и очень похожія другъ на друга, съ смуглыми лицами и большими черными глазами, вѣроятно, армянки или гречанки, внѣ себя отъ возбужденія трясли руками желѣзныя прутья. Изъ толпы эмигрантовъ навстрѣчу имъ поднималось лицо высокой пожилой женщины подъ узкой парчевой наколкой и съ шелковымъ платкомъ, странно повязаннымъ сзади. Она не могла жестикулировать, ибо руки ея были заняты узлами, и была слишкомъ взволнована, чтобы кричать, но глаза ея улыбались и по щекамъ катились крупныя свѣтлыя слезы. Это была встрѣча двухъ дочерей и матери послѣ многолѣтней разлуки.

Эмигранты выходили одинъ за другимъ съ узлами, женами и дѣтьми, безпомощно останавливаясь на порогѣ американской воли. Какая-то еврейская семья совсѣмъ застряла въ проходѣ,

загораживая всѣмъ дорогу. Мужъ былъ съ длинной бородой и въ кафтанѣ до пятъ, жена въ буромъ парикѣ, подвязанномъ за ушами толстымъ чернымъ шнуркомъ. За нею слѣдовали шестеро дѣтей, маленькихъ и оборванныхъ, съ кистями лапсердаковъ, торчавшими изъ-подъ лохмотьевъ, и безъ всякой обуви. Въ дверяхъ произошло смятеніе, ибо шестой мальчикъ оказался не принадлежащимъ къ этой семьѣ и безсознательно шелъ сзади, потому что ему не съ кѣмъ было оставаться. Чиновникъ поймалъ его за руку и отвелъ къ конторкѣ, гдѣ высокій и тощій посѣтитель съ горбатымъ носомъ и въ бѣдной одеждѣ спрашивалъ ломанымъ англійскимъ языкомъ Лейзера Бранеса, своего сына.

— Это вашъ сынъ?—спросилъ чиновникъ, подводя мальчика.

Посѣтитель смущенно улыбнулся.

— Это, должно быть!—сказалъ онъ, замявшись.

— Ты Лейзеръ Бранесъ, да?—обратился онъ къ мальчику по-еврейски.

Мальчикъ молчалъ и смотрѣлъ исподлобья на своего предполагаемаго отца.

— Какъ же вы не можете узнать?—недовѣрчиво спросилъ чиновникъ.

Америка дорожитъ дѣтьми и, поэтому, распространяетъ множество легендъ объ ихъ похищеніи. Большая публика склонна въ каждомъ незнакомомъ человѣкѣ предполагать такъ называемаго „охотника за малолѣтними“.

— Откуда мнѣ знать,—возразилъ посѣтитель,—когда я его оставилъ вотъ этакимъ,—онъ отмѣрилъ на пальцѣ воображаемую величину,—а теперь онъ вонъ какой!

— Вы посмотрите въ спискахъ, пожалуйста!—попросилъ онъ.—Я Мозесъ Бранесъ, а мой сынъ Лейзеръ Бранесъ. Ему на Пасху восемь лѣтъ минетъ.

— А съ кѣмъ онъ пріѣхалъ?—спросилъ чиновникъ.

— Съ билетомъ, да!—отвѣтилъ Бранесъ, не разобравъ.—Одинъ пріѣхалъ, съ евреями!..—тотчасъ же прибавилъ онъ.

Чиновникъ что-то проворчалъ и торопливо обернулся къ другимъ посѣтителямъ, которые толпою стояли у конторки.

Мозесъ Бранесъ нетерпѣливо пожалъ плечами и, вынувъ изъ-подъ мышки пару небольшихъ дѣтскихъ башмаковъ, принялся отъ нечего дѣлать разсматривать и вертѣть ихъ въ рукахъ.

На лицѣ мальчика вдругъ показался интересъ.

— Это мнѣ, да?—спросилъ онъ подходя ближе.—Я Лейзеле маминъ!

— А какъ вы узнали, что онъ босой?—вдругъ спросилъ чиновникъ, на минуту прерывая разговоръ съ другимъ посѣтителемъ и даже не оборачиваясь.

— Фа!—сказалъ Бранесъ.—Какъ бы я *не* узналъ? У насъ въ Новой Жабкѣ *всѣ* мальчики босые... Я беру его!—прибавилъ онъ, беря мальчика за руку.

Чиновникъ махнулъ рукой и окончательно повернулся къ другимъ посѣтителямъ.

Авдотья попала въ толпу евреевъ и со страхомъ и изумленіемъ смотрѣла на чиновника, сидѣвшаго на соломенной качалкѣ съ высоко задранными ногами и производившаго допросъ. Это былъ огромный мулатъ, съ коричневымъ лицомъ, толстыми оливковыми губами и курчавой шерстью на головѣ, похожей на мелкія черныя смушки. Но онъ говорилъ съ евреями на виленскомъ нарѣчіи, и даже губы его сжимались характерными „литвацкими“ ужимками.

— Von wonnen bist du (откуда ты)? — задалъ онъ Авдотьѣ первый обычный вопросъ.

— Я изъ Рассеи! — отвѣтила Авдотья по-русски. Какъ и многіе жители Бѣлоруссіи и Литвы, она понимала еврейскій жаргонъ, но говорить на немъ не умѣла и поневолѣ перешла на свой родной языкъ.

Къ еще большему ея удивленію, мулатъ немедленно перешелъ на славянскій жаргонъ, довольно странный и смѣшанный изъ русинскаго, польскаго и еврейско-русскаго нарѣчій, но совершенно понятный для Авдотьи.

— Иле мѣешь гроши?—спрашивалъ онъ.—Знаемыхъ въ краю, адресы?

Авдотья давала отвѣты, поглядывая на мулата подозрительнымъ взглядомъ. Ей пришло въ голову, что „мурины“, мучители грѣшниковъ на томъ свѣтѣ, должно быть, имѣютъ такія же лица и задаютъ новымъ пришельцамъ такіе же вопросы.

Денегъ у ней оставалось всего пять рублей, но Жизка, „американскій человѣкъ“, предупредилъ ее о необходимости запастись адресами и даже списалъ для нея три адреса на бумажку.

— Що ты вмеешь робить?—спросилъ чиновникъ.

— Все!—отвѣтила кратко Авдотья. Она невольно подняла и показала ему свои большія руки, покрытыя мозолями и заскорузлыя отъ грубой деревенской работы.

— А здѣсь що робитимешь?—продолжалъ мулатъ.

Авдотья немного подумала, потомъ окончательно рѣшилась.

— Пойду въ прислуги!—сказала она твердо. Она какъ будто давала обязательство заниматься въ Америкѣ именно уборкой и чисткой чужихъ вещей и квартиръ.

Чиновникъ поднялъ Авдотьину бумажку и сталъ смотрѣть адреса. Жизка-таки постарался, и сквозь его запутанную русско-

польско-англійскую орѳографію явственно проступали реальныя названія улицъ и номера домовъ.

— А то якіе люди?—спросилъ чиновникъ мимоходомъ.

— То паны!—отвѣтила Авдотья съ убѣжденіемъ.

Жизка хвалился, что его знакомцы въ Америкѣ всѣ хорошіе люди. Истина, однако, требуетъ засвидѣтельствовать, что фамилія одного изъ нихъ была Айзексъ, а другого Броадъ въ сокращеніи изъ Бродскій.

— А взяли бы они тебя?—спросилъ чиновникъ.

— А чому бы они не взяли?—возразила Авдотья немного обиженнымъ тономъ.—Я себѣ, слава Богу, здорова!

Мулатъ немного подумалъ и махнулъ рукой.

Чиновникамъ было предоставлено дискреціонное право пропускать или не пропускать эмигрантовъ, сообразно ихъ внѣшнему виду и связности ихъ отвѣтовъ. Но послѣдняя недѣля отличалась большой придирчивостью, и нѣсколько десятковъ человѣкъ уже были запрятаны въ различныхъ камерахъ и палатахъ острова. Теперь запасъ жестокости истощился. Просьбы мужчинъ и слезы женщинъ успѣли пронять даже заскорузлые нервы пріемщиковъ, и съ Авдотьи должна была начаться новая, болѣе кроткая недѣля. Чиновникъ соображалъ, что въ Нью-Іоркѣ вѣчный недостатокъ въ прислугѣ; глядя на мозолистыя руки Авдотьи, онъ подумалъ, что, навѣрное, эта суровая и крѣпкая баба не останется безъ работы въ американскомъ Вавилонѣ.

Авдотья взвалила на плечи свой узелъ и, пробравшись сквозь толпу писцовъ, служителей и носильщиковъ острова Эллиса, которые съ озабоченнымъ видомъ сновали взадъ и впередъ, стала спускаться съ лѣстницы, выводившей на дворъ. Она не имѣла яснаго представленія о томъ, чего отъ нея хотѣлъ этотъ огромный чернолицый мужикъ, похожій на чорта, но она чувствовала, что была опутана неволей и теперь выбирается на свободу. На дворѣ ярко свѣтило горячее іюньское солнце, зеленая травка покрывала откосы острова, гладкая вода разстилалась кругомъ, какъ зеркало, и легкій вѣтерокъ уносилъ тонкій туманъ, открывая громаду зданій незнакомаго города. Авдотья вышла на дворъ подъ открытое небо и стала обѣими ногами на твердую землю, послѣ четырнадцатидневнаго пребыванія въ плавучей желѣзной тюрьмѣ. И вдругъ не только этотъ пароходный плѣнъ, но вся предыдущая жизнь показалась ей безпросвѣтной тюрьмой, гдѣ она мучилась такъ много лѣтъ вмѣстѣ со всѣми другими людьми.

У каждаго была своя цѣпь и свой сторожъ, и никто не смѣлъ поднять голову и сказать громкое слово.

Ей пришлось убѣжать ночью изъ дому, красться по лѣсамъ и болотамъ, отдаться на чужую власть и ласку, выносить непо-

нятную брань, грубые жесты и толчки, чтобъ дождаться до перваго солнечнаго просвѣта.

Для того, чтобы съѣхать на берегъ, нужно было добраться, пока отойдетъ очередной пароходъ. На площадкѣ передъ мосткомъ собралась цѣлая толпа освобожденныхъ эмигрантовъ; агенты дешевыхъ гостинницъ и комиссіонныхъ конторъ, искатели дешеваго труда и разные темные бродяги еврейскаго и ирландскаго квартала. Какой-то маленькій человѣкъ съ бритымъ лицомъ и въ фуражкѣ съ козырькомъ прошелъ мимо Авдотьи и вдругъ заговорилъ съ ней по-польски.

— А цо, пани, машь ту робицъ?—спросилъ онъ, значительно сжимая свои тонкія губы.

Авдотья молчала.

— Я моге для пани зналезць ббовёнзокъ (я могу найти для васъ найти занятіе),—не унимался человѣкъ.

— Не надо!—коротко отвѣтилъ Авдотья.

— То пани бендзешь сѣ тылько задаремно мучила (въ татомъ случаѣ вы будете только напрасно мучиться),—настаивалъ незнакомый доброхотъ.

— Отвяжись, сатана!—грубо отвѣтила выведенная изъ себя Авдотья.—Проживу я безъ твоей *подяки* (услуги)!.. Сгинь съ обовёнзкомъ своимъ. Здѣсь вольная земля...

Грубый и вольный воздухъ Америки уже заразилъ ее, и она тоже готова была толкаться въ толпѣ и драться съ каждымъ встрѣчнымъ, чтобъ вырвать себѣ „кусокъ новаго счастья", какъ говорила Ривка.

Еврейка тоже вышла на дворъ, сгибаясь подъ тяжестью своихъ узловъ. Она смѣло объявила себя папиросницей и ее пропустили безъ затрудненій. Кромѣ того, у ней осталось еще тридцать пять рублей отъ десятилѣтнихъ сбереженій.

Пароходъ переѣзалъ проливъ и причалилъ къ пристани у батареи. Толпа эмигрантовъ хлынула на улицу. У самыхъ дверей стоялъ городовой гигантскаго роста и чудовищной толщины и, помахивая увѣсистой дубиной, сердито подгонялъ каждаго, кто медлилъ выйти изъ прохода. Его грубое лицо заросло короткой рыжей бородой и выглядѣло необычайно свирѣпо. Его какъ будто нарочно выбрали и поставили здѣсь, чтобы внушить эмигрантамъ, что и въ Америкѣ полиція можетъ при случаѣ показать кузькину мать.

Потомъ и этотъ послѣдній тюремный сторожъ остался сзади. Группы эмигрантовъ стали переходить черезъ площадь, направляясь къ подъему на воздушную желѣзную дорогу. Прохожіе невольно останавливались и глядѣли на этихъ новыхъ пришельцевъ съ тяжелыми мѣшками и неувѣренными движеніями. На каждомъ

шагу эмигранты встрѣчали что-нибудь непривычное, къ чему надо было присмотрѣться и освоиться.

Недалеко отъ входа на лѣстницу группа пожилыхъ евреевъ въ длиннополыхъ сюртукахъ, съ большими нечесанными бородами и завитыми пейсами, застряла у круглой рогатки. Они никакъ не могли взять въ толкъ, что каждый поворотъ пропускаетъ только одного человѣка, и лѣзли всѣ вмѣстѣ, одновременно тыкая вѣтки рогатки въ противоположныя стороны. Прохожіе смѣялись. Одна худощавая американка въ сѣромъ платьѣ, съ длинной сѣрой шеей и свѣтлыми глазами, похожая на сѣрое змѣиное чучело, подошла поближе.

— Пусть учатся!—говорила она нравоучительнымъ тономъ.— Пусть привыкаютъ, какъ нужно ходить въ Америкѣ!..

Она собиралась уже собственноручно показать евреямъ, какъ проходятъ въ рогатку, но въ это время сзади подбѣжалъ собственный проводникъ еврейской группы, такой же неуклюжій нечесанный, но въ шнурованныхъ ботинкахъ и шляпѣ котелкомъ, и безцеремонно расталкалъ своихъ кліентовъ въ разныя стороны.

— Вы, дураки! — торопливо говорилъ онъ — и того не умѣете!..—Вотъ смотрите—показывалъ онъ черезъ дорогу:—это—*каръ* (вагонъ электрической дороги), а тамъ вверху—*элевейтедъ* (воздушная желѣзная дорога); а тутъ вездѣ *шапы* (мастерскія) и *сторгаузы* (магазины), а на углахъ *дрог-сторы* (аптеки), а это *шейнъ*.

Послѣднее нѣсколько непонятное слово относилось къ деревянному позолоченному трону, на который итальянскій чистильщикъ сапогъ сажалъ своихъ кліентовъ. Обученіе эмигрантовъ, очевидно, начиналось съ перваго момента ихъ выпущенія на почву новой земли.

Черезъ пятнадцать минутъ обѣ путешественницы опять шли пѣшкомъ въ самомъ центрѣ еврейскаго квартала, который на русско-еврейскомъ жаргонѣ носитъ названіе Дантана (Down town—нижній городъ). Онѣ направлялись къ огромному дому на улицѣ Черри, который сверху до низу былъ набитъ нищенскими квартирами и дешевыми пристанищами для бѣдныхъ эмигрантовъ. Авдотья съ удивленіемъ смотрѣла кругомъ. Дѣйствительно, зрѣлище окружавшей ее жизни не имѣло себѣ подобнаго на всемъ земномъ шарѣ и могло поразить даже менѣе простодушнаго человѣка. Улицы, прорѣзанныя совершенно прямо и перекрещивавшіяся, какъ квадраты шахматной доски, были обставлены шести и восьмиэтажными домами. По асфальтовой мостовой на сложныхъ рельсовыхъ колеяхъ бѣжали, скользили и летѣли разнообразные вагоны, конные, электрическіе съ воздушной тягой, электрическіе съ подземнымъ проводникомъ.

Четыре линіи воздушной желѣзной дороги тянулись по главнымъ улицамъ на тридцативерстную длину, поддерживаемыя безчисленными желѣзными столбами, массивными какъ колонны. На столбахъ лежала сѣть желѣзныхъ шпалъ, просвѣчивавшихъ на солнцѣ, какъ короткія прямыя ребра. Черезъ каждыя полторы минуты съ грохотомъ и визгомъ пробѣгали поѣзда, переполненные пассажирами, которые все ѣхали взадъ и впередъ и не могли проѣхать мимо.

Однако, кромѣ мостовой, вагоновъ и домовъ, все остальное было иное, не американское. Даже среди вывѣсокъ, которыми были унизаны сверху до низу фасады зданій, на каждомъ шагу попадались характерныя квадратныя буквы еврейскаго письма. Высокій доска-человѣкъ шагалъ по мостовой двухъ-саженными ходулями и на его груди и спинѣ висѣли ярко исписанныя доски еврейской рекламы; газетные мальчишки, шнырявшіе на перекресткахъ, продавали только еврейскія газеты. Это было настоящее еврейское царство. На каждомъ шагу эмигрантамъ попадались подробности уличной жизни, странно и ярко напоминавшія картину, знакомую съ дѣтства. На гладкой асфальтовой мостовой лежалъ слой знакомой городской грязи, обрывки бумаги, обломки разбитой посуды, арбузныя и апельсинныя корки; въ одномъ мѣстѣ даже попалась дохлая кошка, которую кто-то ночью выкинулъ на улицу, чтобы не платить за ея уборку обществу вывоза падали. Чистильщики улицъ убирали эту грязь дважды въ день, но жители успѣвали вываливать вдвое больше того, что было очищено, и въ нѣкоторыхъ узкихъ мѣстахъ образовались настоящія залежи гуано. По тротуарамъ взадъ и впередъ сновала и переливалась неисчислимая толпа, и, глядя на окружавшія лица, Авдотья ясно увидѣла, что все это земляки, пришельцы изъ Вильно, Люблина и Балты. Вмѣстѣ съ англійскимъ языкомъ раздавалась еврейская, а мѣстами даже русская рѣчь, ибо выходцы изъ Москвы и Одессы до сихъ поръ говорили между собой по-русски. Мелкія лавочки выглядѣли совсѣмъ, какъ въ бѣлорусскомъ мѣстечкѣ. Въ окнахъ были выставлены вѣнки лука, большія ржавыя селедки, бѣлыя крутыя булки съ плетешкомъ на коркѣ. Передъ дверью стояли мѣшки съ орѣхами, кадки съ солеными огурцами и капустой, патока, даже деготь и подсолнечныя сѣмечки.

На окнахъ табачныхъ лавокъ даже красовался двуглавый орелъ надъ крупной русской надписью: „здѣсь продаютъ русскій табакъ средней и мелкой крошки".

На нѣкоторыхъ улицахъ тротуары и даже мостовыя были сплошь заставлены возами и ручными телѣжками, вокругъ которыхъ происходила дѣятельная торговля, какъ на импровизи-

рованной ярмаркѣ. Нью-Іоркскій городской уставъ запрещаетъ такую торговлю, но даже тяжелыя палки ирландскихъ полисменовъ ничего не могли подѣлать съ еврейской суетой. Впрочемъ, многія монументальныя фигуры, неподвижно стоявшія на перекресткахъ, съ гутаперчевымъ шлемомъ на головѣ и четвероугольной бляхой на груди, имѣли тѣ же знакомые крючковатые носы и мелкіе завитки темнорусыхъ кудрей на лбу и на вискахъ, какъ и приватные прохожіе. Еврейскій кварталъ давалъ контингентъ не только для городовыхъ, но даже для кулачныхъ бойцовъ, жокеевъ, профессіональныхъ игроковъ въ мячъ и бѣгуновъ на велосипедахъ.

Вся дѣятельная работа этой кипѣвшей, какъ въ омутѣ, жизни производилась тѣми же евреями. Носильщики съ крупными носами и курчавыми пейсами, слипшимися отъ пота, перетаскивали мебель, катали десятипудовыя бочки, погоняли тяжелые фургоны, наполненные до верху готовыми фабричными товарами. На всѣхъ углахъ строились дома, кишѣвшіе такими же черными и курчавыми каменьщиками. Изъ улицы въ улицу тянулся непрерывный рядъ крупныхъ портняжныхъ мануфактуръ, гдѣ создавались груды готоваго платья, которымъ еврейскій кварталъ Нью-Іорка снабжаетъ всю сѣверную и даже южную Америку. Несчастные факторы и фантастическіе мелкіе торговцы, которые задыхались и умирали съ голоду въ мелкихъ мѣстечкахъ западнаго края, вступивъ на американскій берегъ, попали въ самое жерло рабочаго водоворота, и безпокойная Америка сразу переучила ихъ и научила такимъ вещамъ, о которыхъ они не имѣли понятія въ первую половину своей жизни. Все это скопище жестикулировало, орало, суетилось и грызлось съ неудержимымъ азартомъ, какъ на бердичевскомъ базарѣ въ пятницу. Однако, другія подробности этой странной жизни также громко говорили объ иныхъ условіяхъ, болѣе просторныхъ и счастливыхъ, чѣмъ на старой родинѣ.

На каждой улицѣ возвышались солидно построенные школьные дома, настоящіе дворцы, въ шесть этажей, съ облицовкой изъ сѣраго гранита, откуда по временамъ сквозь высокія арки воротъ выливался на улицу потокъ мальчиковъ и дѣвочекъ, пестро перемѣшанныхъ и дравшихся на ходу.

Табуны ребятишекъ, безстрашно шнырявшіе по улицамъ между быстро летѣвшими вагонами, всѣ были въ крѣпкихъ башмакахъ и штанишкахъ безъ заплатъ. На каждомъ углу, гдѣ толпа была порѣже, подростки играли въ мячъ, безцеремонно перекидывая его черезъ голову прохожихъ.

Итальянецъ съ шарманкой на колесахъ остановился у тротуара и сталъ вертѣть ручку машины. Дѣти сбѣжались со всѣхъ

сторонъ. На тротуарѣ немедленно начался импровизированный балъ, нѣсколько десятковъ миніатюрныхъ паръ взапуски кружились, сходились, расходились, продѣлывали самыя мудрыя па. Четырехлѣтняя дѣвочка вся въ бѣлокурыхъ кудряшкахъ, перевязанныхъ на темени голубымъ шелковымъ бантомъ, высоко подобравъ бѣлое платьице, сѣменила на одномъ мѣстѣ голыми пухлыми ножонками, представляя вѣчный камень преткновенія для кружившихся паръ. Нѣсколько самыхъ отчаянныхъ сорванцовъ, взявшись за руки, скакали въ сторонкѣ, выжидая удобную минуту, чтобы врѣзаться въ кругъ танцующихъ и превратить его въ еще болѣе веселый и шумный „цѣпной хороводъ."

Шарманщикъ получилъ обильную дань съ толпы зрителей, собравшихся вокругъ, и покатилъ дальше свою музыкальную телѣжку. Цѣлый отрядъ дѣтей послѣдовалъ за нимъ, чтобы продолжать свое веселье на каждой остановкѣ. На ходу они старались всячески донимать итальянца, садились на телѣжку и заставляли его тащить себя, дергали его за полы, даже пролѣзали между катившимися колесами, но шарманщикъ переносилъ все съ неистощимымъ терпѣніемъ и даже угощалъ болѣе выдающихся танцоровъ паточными конфектами. Авдотья удивлялась молча и пассивно. Глядя на танцовавшихъ дѣтей, она вдругъ припомнила Клашку и Антосика, которые остались тамъ, далеко, и сердце ея больно сжалось. Но восторгъ Ривки не имѣлъ границъ. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Это все наши сдѣлали!—неутомимо повторяла она.—Русскіе... жиды!

Сквозь ея восторгъ пробивалась мысль, что если еврейскіе переселенцы построили столько домовъ и завели такія большія мастерскія, то и она, Ривка Шмалцъ, съумѣетъ чего-нибудь добиться.

Нѣсколько мальчишекъ, отставшихъ отъ шарманщика, обратили свое вниманіе на эмигрантовъ.

— Гринеры идутъ!—кричали они.—Зеленые рога тащутся... Съ мѣшками, съ потрохами, съ бебехами! *)

Двое или трое забѣжали впередъ эмигрантовъ и съ комическимъ видомъ выступали передъ ними, передразнивая ихъ движенія. Маленькій карапузъ въ короткихъ штанишкахъ, цвѣтной полосатой фуфайкѣ и красной фригійской шапкѣ подошелъ къ Ривкѣ вплотную.

— Гдѣ башмаки покупала, землячка?—спросилъ онъ ее по-еврейски съ совершенно серьезнымъ видомъ.

---

*) Эмигрантовъ въ Америкѣ дразнятъ greeners (зеленые) и green horns (зеленые рога).

Башмаки Ривки съ резиновыми вставками и четвероугольными носками, дѣйствительно, были не похожи на американскую шнурованную, трижды простроченную обувь.

— Го-го!—распѣвали мальчишки импровизированную пѣсню.— Идутъ эмигранты зеленые рога, въ кожаныхъ лаптяхъ, веревкой подпоясаны, у нихъ „зеленые" башмаки съ „зелеными" заплатками, „зеленые" локти съ „зелеными" дырами, зеленыя лица съ зелеными глазами!..

Начинался маленькій уличный скандалъ, и грузный полисменъ, лѣниво стоявшій у фонаря, тяжелымъ шагомъ направился навстрѣчу эмигрантамъ.

— Копъ, копъ идетъ! *)—закричали ребятишки, разсыпаясь въ разныя стороны. Они совсѣмъ забыли объ эмигрантахъ и съ тѣмъ же увлеченіемъ стали изображать тяжелую поступь огромнаго копа. Сорванецъ, разговаривавшій съ Ривкой, надулъ щеки и взбилъ на брюхѣ рубашку, изображая одутловатую фигуру новаго непріятеля.

„Копъ" съ равнодушнымъ видомъ отошелъ въ сторону и опять сталъ у фонаря. Дѣти въ Америкѣ пользуются большой безнаказанностью и позволяютъ себѣ затрагивать самые непреоборимые авторитеты.

Пріятельницы помѣстились въ маленькой, совершенно темной квартирѣ, гдѣ и безъ нихъ было уже человѣкъ десять жильцовъ. Хозяйка отвела имъ общую постель въ углу комнаты съ платой по четвертаку за ночь. Днемъ всѣ уходили по своимъ дѣламъ, а къ ночи собирались, какъ тараканы въ щель, и ложились спать на полу въ повалку.

Огромный домъ былъ населенъ паріями населенія, бѣдными, больными и ни къ чему непригодными людьми, въ перемежку съ бѣднѣйшими изъ зеленыхъ эмигрантовъ. Здѣсь были собраны отбросы Вильны и Варшавы, изъѣденные золотухой и покрытые коростой, съ руками тонкими, какъ спички, съ ввалившеюся грудью и отравленною кровью. Они были слишкомъ тощи и голодны, чтобы научиться чему-нибудь среди окружающей суеты. Общество еврейской благотворительности тратило на нихъ ежегодно сотни тысячъ долларовъ, вносило за нихъ квартирную плату, дѣлало еженедѣльныя выдачи на пищу и лекарства, но безъ всякаго видимаго результата, ибо эти люди роковымъ образомъ уже не могли измѣниться.

Ривка, впрочемъ, тотчасъ убѣжала съ одной изъ знакомыхъ, пріобрѣтенныхъ по дорогѣ, и вернулась поздно вечеромъ. Издали ее трудно было узнать. Она сняла старую виленскую тальму,

*) Копъ—уличная кличка нью-іоркскихъ городовыхъ.

похожую на свитку, и „зеленые“ башмаки. Теперь на ногахъ ея красовались низко вырѣзанныя туфли изъ желтой кожи со шнуровкой, достигавшей до носковъ. Плоская грудь ея была обтянута бѣлой брилліантиновой блузкой съ прошивками, а голова покрыта широкополой шляпой съ большимъ перомъ, окрашеннымъ въ модный огненно-красный цвѣтъ.

— Вотъ какъ ты одѣлась!—сказала Авдотья не безъ нѣкоторой зависти.

Она еще не усвоила ни одного англійскаго слова, но успѣла понять, что въ этой странѣ цѣна человѣка, прежде всего, опредѣляется платьемъ.

— Атъ!—сказала Ривка какъ будто въ подтвержденіе. — Я сама дура, пускай моя одежа будетъ умная!..

— Чисто сковородка! — сказала Авдотья, разглядывая новое пріобрѣтеніе подруги.—Много, небось, денегъ!

Въ головѣ ея промелькнула на минуту мысль, нельзя ли и ей пріобрѣсти такую соломенную сковороду, обвитую ярко-красными перьями.

— Что наши деньги!—презрительно фыркнула Ривка.

Она пустила въ ходъ остатки своихъ сбереженій, ни мало не разсчитывая впередъ.

— Вотъ здѣсь такъ деньги, кому Богъ счастья пошлетъ! Постманъ имѣетъ сто далеровъ на мѣсяцъ, шлесеръ три далера на день!..

— Ну,—недовѣрчиво воскликнула Авдотья.—А прислуга?

— Что прислуга!—не унималась Ривка. — Нѣтъ, ты послушай! Ты себѣ только послушай! Ихній далеръ будто какъ рубъ, а по нашему два рубля. Это вѣдь шесть рублей на день, а! Страхъ, какія деньги!..

— Что-то ужъ очень много!—недовѣрчиво сказала Авдотья.— Въ Красномъ, кажется, даже у пана не было такихъ страшныхъ денегъ.

— А еще здѣсь Юнія есть!—продолжала разсказывать Ривка.— Вотъ это такъ хозяйка! Платитъ по три далера, еще по три съ половиной, а день короткій! Еще слонце не зашло, иди домой, гуляй до вечера. А работа у ней весь годъ не кончается!

— Какая Юнія, католицкая? — спросила Авдотья смущеннымъ голосомъ.

Въ головѣ ея все спуталось, и она была недалека отъ того, чтобы связать эти шальныя деньги съ антихристовой печатью.

— Есть и католицкая,—сказала Ривка, — а есть и жидовская. Просто сказать, всѣхъ вѣръ.

У Авдотьи отлегло отъ сердца. Конечно, ни Антихристъ, ни

католицкая Юнія не стали бы платить наличныя деньги за еврейскія души.

— Зачѣмъ же она нанимаетъ людей? — спросила она уже съ любопытствомъ.

— Я сама не знаю!—призналась Ривка.—Но я узнаю!—прибавила она своимъ непоколебимымъ тономъ. — Я до всего докопаюсь въ этой Америкѣ.

— Вотъ намъ бы наняться къ ней!—сказала Авдотья.

— Я уже нанялась!—сообщила Ривка съ невозмутимымъ видомъ.

— Тьфу!—даже сплюнула Авдотья. -- Какая ты проворная, Господь съ тобой! Говори почемъ!

Она готова была повѣрить, что Ривка пробралась къ невѣдомой, но щедрой Юніи и будетъ получать три съ половиной далера въ день.

— Я по два далера,-—сказала Ривка, — въ недѣлю! Развѣ это мало?—прибавила она, видя разочарованіе на лицѣ Авдотьи.— Ничего, потомъ будетъ больше! Дома, небось, еще меньше получали!—прибавила она, какъ будто для собственнаго утѣшенія.

Авдотья немного подумала.

— А день долгій?—спросила она дѣловымъ тономъ.

Хотя она не видѣла еще ни одного американскаго босса (хозяина), безпокойное чувство человѣка, продающаго свой трудъ, уже заговорило въ ней, и она интересовалась не только платой, но и длиной рабочаго дня.

— Отъ слонца до слонца!—кратко отвѣтила Ривка.

— Ого!—сказала Авдотья съ невольной насмѣшкой.—Какъ косари?

-— Ничего, мы привычны!— сказала Ривка. — Дома, небось, еще дольше работали!

Авдотья опять подумала.

— Обѣщалась я начальнику здѣшнему въ прислугахъ счастья искать,—сказала она,—черному тому. Ужотко я попробую завтра!

Авдотья была чужда романтическаго идеала независимой жизни, увлекавшаго Ривку.

„Самостоятельная“ работа на фабрикѣ „отъ слонца до слонца“ за два „далера“ въ недѣлю не имѣла въ ея глазахъ никакой привлекательности.

III.

На слѣдующее утро оказалось, что три молодыя дѣвушки, пришедшія вмѣстѣ съ пріятельницами на одну и ту же квартиру, тоже нашли работу. Одна нанялась сметывать юбки, другая при-

шивать пуговицы, третья вмѣстѣ съ Ривкой пристроилась къ табачному дѣлу. Плата у всѣхъ была такая же, какъ у Ривки, два доллара въ недѣлю, но онѣ были на седьмомъ небѣ отъ восторга, сознавая, что это только первый шагъ.

Авдотья вмѣстѣ съ другой, довольно пожилой еврейкой, которая сознавала себя слишкомъ старой для обученія новой работѣ и тоже рѣшила наняться въ прислуги, отправилась въ ближайшую контору наемнаго труда.

Это была обширная комната въ нижнемъ этажѣ, увѣшанная объявленіями, съ маленькой конторкой въ углу, за которой стоялъ небольшой бритый человѣкъ въ крахмальной рубахѣ безъ сюртука и жилета и съ толстой сигарой въ зубахъ. Несмотря на широкій бѣлый воротникъ съ моднымъ перегибомъ и широкій проборъ посрединѣ головы, лицо человѣка за конторкой было до такой степени характерно, что Авдотья прямо подошла и безъ колебанія заговорила съ нимъ по-русски.

Агентъ не выказалъ особаго удивленія, но вѣжливо попросилъ Авдотью и ея спутницу немного подождать. Его русскій языкъ даже оказался правильнѣе и чище бѣлорусскаго нарѣчія Авдотьи.

У стѣны на соломенныхъ стульяхъ сидѣло около десятка хорошо одѣтыхъ барынь и ждало очереди. Авдотья и ея спутница отошли въ сторону и тоже усѣлись на стульяхъ у стѣны.

Передъ конторкой стояла пышно одѣтая дама въ свѣтломъ шелковомъ платьѣ, съ большимъ стальнымъ кошелькомъ на поясѣ.

— Я хочу имѣть прислугу! — сказала она по-англійски, но съ явнымъ иностраннымъ акцентомъ, ибо, несмотря на свой внѣшній видъ американской модной дамы, это была бывшая эмигрантка, какъ три четверти жителей Нью-Іорка.

— Всѣ хотятъ имѣть прислугъ!—возразилъ агентъ.— Но служить никто не хочетъ—вотъ бѣда!.. Два доллара!—прибавилъ онъ.

Дама безъ возраженій заплатила.

— Кого же вы мнѣ порекомендуете?—сказала она почти просительнымъ тономъ, несмотря на свой шумящій тренъ.

— Я самъ не знаю!—отозвался агентъ нѣсколько смягченнымъ тономъ.—Постойте! У меня есть то, что вамъ нужно.

— Миссисъ Странски! — выкликнулъ онъ, заглядывая въ списокъ.

Одна изъ барынь, сидѣвшая недалеко отъ Авдотьи, поднялась съ мѣста и лѣниво подошла къ конторкѣ. Она была одѣта нисколько не хуже первой, и на шляпѣ ея вмѣсто перьевъ былъ цѣлый огородъ цвѣтовъ и мелкихъ плодовъ и даже деревянный позолоченный лимонъ на зеленой вѣткѣ.

— Хотите пожить у этой дамы?—спросилъ агентъ.

— Мнѣ нужно знать условія! — сказала миссисъ Странски такимъ ломанымъ англійскимъ языкомъ, что нанимательница немедленно перешла на другой, болѣе знакомый.

— Естесь пани польска кобѣта? — спросила она тоже съ акцентомъ.

Эти дамы, кажется, ни на одномъ языкѣ не могли говорить безъ акцента.

— Такъ!—сказала миссисъ Странски.

Услышавъ знакомые звуки, Авдотья широко открыла глаза и стала внимательно прислушиваться.

— А сколько жалованья? — сурово спрашивала миссисъ Странски.

— Шестнадцать долларовъ!—кротко отвѣтила шелковая дама.

— А комната въ какомъ этажѣ?

— Въ пятомъ! — призналась дама. — Но очень свѣтлая, заново оклеенная!—прибавила она, видя выраженіе недовольства на лицѣ своей собесѣдницы.

— Я по утрамъ пиво пью!—сказала Странская.

— Хорошо!—отвѣтила просто нанимательница.

— И по воскресеньямъ съ полудня ухожу! — продолжала Странская.

Нанимательница опять согласилась.

— А гостей можно принимать?—спросила Странская.

— Разумѣется!—подтвердила нанимательница.

— Въ гостиной!—пояснила Странская.

Глаза нанимательницы злобно сверкнули.

— Мнѣ очень жаль,—сказала она по-англійски,—но я не могу на это согласиться!

Авдотья поняла, что непонятныя слова выражаютъ отказъ.

— Вотъ видишь!—сурово сказала Странская.—Хорошо, барыня!—рѣшительно сказала она.—Я согласна васъ испробовать *).

— Вѣдь если не понравится,—прибавила Странская разсудительнымъ тономъ,—то никто и не держитъ меня силой!..

Авдотья припомнила Ривку и ея два доллара въ мѣсяцъ и радостно подумала, что жизнь въ прислугахъ имѣетъ свои преимущества.

„Неужели у меня тоже будетъ своя комната и пиво?"—недовѣрчиво спросила она свою будущую судьбу.

Она осмотрѣлась по сторонамъ и замѣтила, что двѣ или три барыни не носили перчатокъ и имѣли большія красныя руки, свидѣтельствовавшія о долголѣтнемъ знакомствѣ съ мытьемъ посуды и возней у очага. Это, очевидно, были подруги госпожи

*) Послѣдняя фраза имѣетъ права гражданства у американскихъ служанокъ.

Странской, пришедшія сюда, что-бы сдѣлать свой выборъ между панимательницами, и тоже готовыя заявить притязаніе на пріемъ гостей въ господской гостиной.

На другой день къ вечеру Авдотья уже была на новомъ мѣстѣ. Ей предложили не шестнадцать долларовъ, а только восемь, стало быть, тѣ же два доллара въ недѣлю, но ея положеніе было гораздо лучше, чѣмъ у Ривки, ибо, кромѣ жалованья, она получала полное содержаніе и квартиру.

Хозяева ея были русскіе евреи, которые прожили въ Америкѣ двадцать пять лѣтъ, но дома все еще говорили между собою по-русски. У нихъ не было дѣтей, и они снимали небольшую квартиру въ пятомъ этажѣ въ верхнемъ Нью-Іоркѣ, вдали отъ душнаго, пыльнаго и крикливаго „Дантана".

Мужъ былъ еврейскимъ журналистомъ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ онъ не умѣлъ даже разбирать буквъ своего родного письма, но здѣсь въ Нью-Іоркѣ, вращаясь постоянно между евреями, онъ научился говорить на жаргонѣ и вмѣстѣ съ англійской словесной премудростью принялся за изученіе еврейской грамоты и литетературы.

Теперь онъ одинаково свободно писалъ слѣва направо латинскими или русскими буквами и справа налѣво странными еврейскими вавилонами, похожими на рукопись, отраженную въ зеркалѣ. Газета, въ которой онъ работалъ, печатала ежедневно сорокъ тысячъ нумеровъ, но ей приходилось выносить ожесточенную борьбу съ конкурентами. Онъ велъ отвѣтственный отдѣлъ и долженъ былъ постоянно быть насторожѣ. Каждый день онъ уходилъ изъ дому въ семь часовъ утра, часто писалъ дома по ночамъ и былъ занятъ даже по праздникамъ и по субботамъ.

Жена его была странное существо, какія выростаютъ только на большой дорогѣ переселеній, на международныхъ межахъ, гдѣ безчисленныя ноги прохожихъ вытоптали цвѣты и плевелы, и самые корни травы. Мужъ зарабатывалъ достаточно, и она могла ничего не дѣлать изо дня въ день. У ней не было никакихъ жизненныхъ интересовъ и даже привычекъ, ибо старыя она растеряла, а новыхъ не успѣла и не съумѣла пріобрѣсти. Хозяйства она не вела и никогда не сидѣла дома. Съ утра до вечера она бѣгала и ѣздила по квартирамъ своихъ знакомыхъ, гдѣ сидѣли такія же праздныя, русско-американскія женщины, которымъ мужья добывали содержаніе, и которыя, встрѣчаясь между собой, повторяли изо дня въ день однѣ и тѣ же мелкія сплетни, ибо больше имъ говорить было не о чемъ.

Авдотья кое-какъ прожила здѣсь мѣсяцъ, а потомъ не вытерпѣла, сбѣжала. Работы было очень мало, но она цѣлыми днями

оставалась одна въ пустой квартирѣ на верху дома, куда даже шумъ воздушной дороги долеталъ неясно.

Черезъ три дня послѣ разсчета она попала въ семью страхового агента, который былъ богаче журналиста и занималъ уже небольшой домъ особнякъ, какъ это въ обычаѣ у зажиточныхъ семей въ Англіи и Америкѣ.

Мужъ имѣлъ большія знакомства между еврейскими ремесленниками и ирландскими фабричными рабочими и съ необычайнымъ искусствомъ убѣждалъ ихъ страховать свою жизнь по двадцати центовъ въ недѣлю. Страховая компанія платила ему премію за каждаго новаго кліента, и изъ этихъ мелкихъ грошей составлялись ежегодно сотни и тысячи. Онъ принималъ также страхованіе отъ огня, страховые заклады на долголѣтіе королевы Викторіи и на удачу послѣдней финансовой затѣи банкира Моргана, родъ азартной игры, которая очень распространена въ Англіи и Америкѣ, наконецъ, подъ рукой даже участвовалъ въ полусекретной конторѣ для записыванія всевозможныхъ пари, дѣло, которое сопряжено съ нѣкоторымъ рискомъ, но всегда даетъ въ Америкѣ огромный доходъ.

Жена его была еще молодая и красивая дама, которая всѣми силами старалась походить на настоящую американку. Она завела у себя американскую кухню, къ которой мужъ ея никакъ не могъ привыкнуть, и Авдотьѣ пришлось выносить много огорченій изъ-за супа съ ракушками и острыхъ, вымоченныхъ въ уксусѣ, пикуль. Впрочемъ, и здѣсь барыни цѣлый день не было дома; она ѣздила на скачки и держала пари съ азартомъ нью-іоркской уличной львицы, регулярно каталась на велосипедѣ, была дѣятельнымъ членомъ клуба женской игры въ мячъ и другого литературнаго клуба, который уже другой годъ неуклонно разрабатывалъ вопросъ о томъ, кому принадлежитъ естественное право свататься: мужчинѣ или женщинѣ.

Однако, несчастьемъ всей ея жизни было то, что она никакъ не могла завести настоящихъ американскихъ знакомыхъ. Въ Нью-Іоркѣ такъ много эмигрантовъ, что природные американцы совсѣмъ тонутъ между ними; даже самые оригинальные, чисто американскіе съ виду клубы наполнены болѣе или менѣе ассимилировавшимися переселенцами. Въ концѣ концовъ, миссисъ Бремеръ вращалась попросту въ еврейскомъ кругу, среди такихъ же полубарынь, которыя стремились всѣми силами забыть свое прошлое и старались слѣдовать довольно фантастическому идеалу американской жизни, преувеличивая до нельзя всѣ ея смѣшныя и неудобныя стороны. Миссисъ Бремеръ, напр., даже стала по субботамъ ѣздить въ синагогу, ибо у порядочныхъ американокъ принято посѣщать по праздничнымъ днямъ свой приватный храмъ.

Авдотья прожила у Бремеровъ три мѣсяца и получила здѣсь первоначальное американское воспитаніе; она научилась ходить въ мелочную и мясную лавку и покупать все, что нужно, при помощи знаковъ, какъ глухонѣмая, принимать почту отъ почтальона и сдавать мусоръ мусорщику, пользоваться горячей водой изъ-подъ различныхъ крановъ и варить пищу на газовой печкѣ.

У Бремеровъ была маленькая дѣвочка Лили, которая, какъ и большая часть нью-іоркскихъ дѣтей, говорила только по-англійски. Она была первымъ учителемъ Авдотьи въ англійскомъ языкѣ. Отъ нея Авдотья научилась, что *гробъ* (grub) означаетъ ѣду, *ставъ* (stove)—печку, а *клинъ* (clean)—уборку комнаты.

Впрочемъ, кромѣ Лили, она познакомилась съ ирландскими и нѣмецкими горничными и кухарками своего квартала и даже вела съ ними дѣятельные разговоры, несмотря на отсутствіе общаго языка. Ирландки растолковали ей, что комната, которую она занимаетъ, черезчуръ темна и освѣщается только окномъ съ крыши, и что хозяйка стираетъ дома слишкомъ много бѣлья. Въ концѣ концовъ онѣ поссорились съ хозяйкой изъ-за лежалой ветчины, которую миссисъ Бремеръ хотѣла скормить ей на завтракъ, ибо къ этому времени Авдотья уже ясно сознавала за собой неотъемлемое право американской прислуги получать три раза въ день горячую пищу.

Слѣдующая хозяйка Авдотьи была ненавистница Америки и патріотка старой родины. Мужъ ея былъ инженеромъ и отсутствовалъ по цѣлымъ недѣлямъ, жена вела очень уединенную жизнь и съ утра до вечера читала, но она выписывала русскіе книги и журналы и старалась жить въ сферѣ русскихъ идей. Въ минуты, свободныя отъ чтенія, она проклинала мѣщанскій строй американской жизни, и отъ злости у ней дѣлались спазмы и подергивались мускулы лица, какъ въ пляскѣ святого Вита.

Это было ревнивое и упрямое сердце, и воздухъ изгнанія казался ей чернымъ и затхлымъ,—чѣмъ дольше, тѣмъ тяжелѣе. Она ненавидѣла даже американскую природу, высмѣивала долговязую кукурузу, которая замѣняетъ хлѣбъ на нивахъ восточной Америки, и пресловутыя купанья на морскомъ берегу, гдѣ рыхлый песокъ вмѣсто зелени покрытъ обрывками бумаги и осколками бутылокъ, и нельзя сдѣлать шагу, чтобы не наступить на спящаго человѣка. Ей казалось, что тамъ, по другую сторону океана, даже небо выше и море глубже, чѣмъ въ странѣ изгнанія. Особенно противна ей была американская культура съ религіей денежнаго мѣшка и ханжествомъ вмѣсто идеализма. Мужъ ея успѣлъ привыкнуть къ Америкѣ. Ему нравилось широкое поприще, которое открывается здѣсь передъ каждымъ человѣкомъ, умѣющимъ работать. Въ тѣ дни, когда они сходились дома, они

*

вели безконечные споры, и каждый выступалъ защитникомъ того отечества, которое ему было милѣе. Мужъ перебиралъ историческія язвы стараго европейскаго міра, жена упрекала Америку за ея грубый матеріализмъ и указывала, что здѣсь можно достать все, что покупается за деньги, но нельзя достать того, что не поддается оцѣнкѣ на доллары и пенсы.

Отъ нечего дѣлать она стала учить Авдотью читать по-русски. Къ собственному удивленію Авдотьи, грамота далась ей безъ особаго труда. Послѣ долгаго путешествія и внезапной перемѣны всѣхъ условій жизни, умъ ея не хранилъ прежней неподвижности, и она стала понимать теперь много такихъ вещей, которыя въ Красномъ показались бы ей совершенно недоступными или внушающими страхъ.

Авдотья прожила здѣсь полгода, потомъ господамъ пришлось переѣхать на западъ въ Чикаго, и она опять пошла въ контору.

Послѣ этого Авдотья стала мѣнять мѣсто за мѣстомъ, нигдѣ не заживаясь подолгу, но не выходя изъ широкихъ предѣловъ новаго Нью-Іорка, который захватилъ архипелагъ острововъ на перекресткѣ двухъ огромныхъ рѣкъ и считаетъ около четырехъ милліоновъ жителей. Этотъ огромный городской міръ постепенно сталъ ей близкимъ и знакомымъ. Она живала и въ Бронксѣ, возлѣ большого звѣринца, и на краю Гарлема, среди новозастроенныхъ пустошей, въ Бруклинѣ, около висячаго моста, и даже за рѣкой Гудсономъ, на высотахъ Бергена, и у форта Ли, среди фермъ, окруженныхъ огородами и перемежающихся парками.

Она узнала всѣ конные и желѣзнодорожные пути и въ дни своихъ отпусковъ безъ затрудненій переѣзжала изъ конца въ конецъ, по своему сговариваясь съ кондукторами, и постигла, какъ при помощи цѣлаго ряда пересадочныхъ билетовъ можно за тѣ же пять сентовъ проѣхать такъ долго и далеко по электрическимъ дорогамъ, что устанешь сидѣть на лавкѣ хуже, чѣмъ отъ ходьбы.

Постепенно она перевидала всѣ окрестности и гулянья, гдѣ по воскресеньямъ собираются сотни тысячъ рабочей публики и тратятъ деньги, не хуже господъ, и гдѣ тѣ же масляничные балаганы и катанье съ горъ усложнились, приняли болѣе культурный обликъ и выросли до невѣроятныхъ размѣровъ.

На островѣ Коней она скатывалась внизъ въ электрическомъ вагончикѣ, который съ разгону описывалъ вертикальную петлю, буквально оборачиваясь кверху дномъ, кружилась на гигантской каруссели, разсматривала панорамы и ѣла липкія бѣлыя тягучки, называемыя „поцѣлуями“, на Іоковейскомъ берегу скользила внизъ по деревянной плоскости, гладко натертой мыломъ, кувыркалась самъ-другъ въ такъ называемомъ „бочонкѣ любви“ съ

плотно привинченной крышкой и мягкими ватными стѣнками, смотрѣлась въ искривленныя зеркала и безпомощно ковыляла по лѣстницѣ-трясучкѣ, гдѣ ступеньки прыгаютъ подъ ногами, какъ будто въ припадкѣ лихорадки. Въ праздникъ американской независимости она ѣздила на дешевомъ пароходѣ на народное гулянье, гдѣ днемъ жарили на открытомъ воздухѣ цѣлыхъ быковъ, вечеромъ молодые люди состязались въ потѣшномъ бѣгѣ съ пирогомъ, а ночью тысячи молодыхъ паръ кружились подъ звуки музыки.

Мало-по-малу Авдотья полюбила этотъ богатый, грубый и веселый городъ, гдѣ отдѣльный человѣкъ тонетъ, какъ песчинка въ морѣ, и гдѣ пуританскій законъ провозглашаетъ „сухое воскресенье“, а практика отвѣчаетъ фонтаномъ въ 100.000 бочекъ пива отъ субботней полночи до воскресной вечерней зари.

Среди тѣсной толпы здѣсь людямъ жилось просторно, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, кто имѣлъ крѣпкіе локти. Здѣсь милліардеръ накапливалъ несмѣтныя богатства, но и бѣдный рабочій не позволялъ наступать себѣ на ногу и послѣ шести часовъ вечера гулялъ по улицѣ съ такимъ независимымъ видомъ, какъ будто тоже, по крайней мѣрѣ, собирался получить наслѣдство.

Жалованье Авдотьи постепенно возрастало и къ концу второго года дошло до пятнадцати долларовъ въ мѣсяцъ. Она тратила очень мало даже на одежду, ибо американскія барыни мѣняютъ туалеты еще чаще, чѣмъ въ Европѣ, и платье, поношенное или вышедшее изъ моды, поступаетъ прислугѣ. Черезъ три года у ней лежало уже 500 долларовъ въ банкѣ, и иногда ей приходило въ голову, что въ Красномъ съ такими деньгами можно завести хорошее маленькое дѣло.

Со своими господами она вела упорную борьбу, какъ и всѣ слуги въ Америкѣ, которые имѣютъ свои клубы и мѣстами уже основали союзы для защиты своихъ правъ.

Ирландскія, нѣмецкія и польскія подруги посвятили Авдотью во всѣ тонкости этой борьбы и внушали ей постоянно заявлять притязаніе на домашнее равноправіе. Самое имя служанки онѣ считали позорнымъ и замѣнили его болѣе благозвучнымъ названіемъ „наемной помощницы“. Авдотья, впрочемъ, и сама по себѣ не забывала, что она была ковалихой и хозяйкой въ Красномъ, и восьмилѣтняя семейная война прекрасно воспитала ее для мелкой домашней перестрѣлки.

Въ Америкѣ она очень скоро научилась различнымъ военнымъ хитростямъ. Напр., являясь на новое мѣсто, „испробовать хозяйку“, она никогда не привозила съ собой своихъ вещей, которыя оставались на одной изъ обычныхъ квартиръ, гдѣ ночуютъ прислуги, не имѣющія мѣста. Такимъ образомъ, если бы что ей

не понравилось въ первыя двѣ недѣли, она имѣла возможность уйти немедленно съ своимъ узелкомъ подъ мышкой.

Дѣйствительно, одинъ разъ поссорившись съ хозяйкой-докторшей изъ-за чистки мѣдныхъ дверныхъ ручекъ и имянной доски, Авдотья взяла и ушла въ шесть часовъ утра какъ разъ въ воскресенье, оставивъ взыскательную барыню на бобахъ ради праздника, ибо въ Америкѣ почти невозможно найти поденщицу на воскресный день, да еще такъ внезапно. Во время другой такой ссоры, когда барыня, обозлившись, обозвала Авдотью мерзавкой, та чуть не полѣзла въ рукопашную. Не довольствуясь этимъ, она немедленно ушла изъ дома и черезъ часъ привела себѣ на помощь самую бойкую изъ своихъ ирландскихъ подругъ. Явившись на поле битвы, онѣ стали кричать по-русски и по-англійски и, въ концѣ концовъ, довели оскорбительницу до слезъ. Послать за полиціей ретивая барыня боялась, ибо всѣ околотки были наполнены репортерами, которые любятъ подхватывать и раздувать подобные домашніе скандалы, а ничто такъ не страшно для американской „респектабельности", какъ перспектива сдѣлаться предметомъ газетныхъ толковъ хотя бы на нѣсколько часовъ между двухъ вечернихъ изданій „Нью-Іорскаго Журнала" и „Свѣта".

Съ хорошими смирными людьми Авдотья, впрочемъ, держала себя кротко. На четвертый годъ ей надоѣло скитаться изъ дома въ домъ, и она осѣла въ одной русской семьѣ. Мужъ прежде былъ золотошвеемъ, но теперь имѣлъ собственный магазинъ и зарабатывалъ довольно много денегъ. Жена работала на фабрикѣ рубашекъ, потомъ была продавщицей въ магазинѣ бѣлья, потомъ накопила немного денегъ и вышла замужъ. Теперь у нихъ было четверо маленькихъ дѣтей, и безъ надежной служанки они не могли въ одно и то же время выйти изъ дома. Американская горничная не станетъ замѣнять няньку, а новыя эмигрантки были почти все молодыя дѣвушки, которыя не любили и не годились присматривать за дѣтьми. Авдотья пришлась Стрѣлицкимъ ко двору, тѣмъ болѣе, что они были родомъ изъ той же —ской губерніи, стало быть, земляки. Они сами предложили ей семнадцать долларовъ въ мѣсяцъ. Молодая хозяйка въ будни дѣлала всю трудную работу, только бы получить возможность въ пятницу вечеромъ уѣхать въ театръ или къ знакомымъ, оставивъ свое потомство въ надежныхъ рукахъ. Она положительно тряслась надъ своей прислугой, ухаживала за Авдотьей, даже льстила ей, опасаясь, что она уйдетъ, или что ее перебьютъ. Авдотья заняла въ семьѣ Стрѣлицкихъ положеніе тещи или, по крайней мѣрѣ, старой тетки, а не служанки. Въ задней половинѣ квартиры она имѣла полную власть. Она водворила въ

домѣ Стрѣлицкихъ бѣлорусскую кухню и въ нѣсколько мѣсяцевъ научила всѣхъ дѣтей говорить по-русски. Впрочемъ, теперь ея собственная рѣчь была наполнена англійскими словами. Она называла крыльцо ступой (stoop), ложки—спонами (spoons), а маленькую Эмму, младшую дочь Стрѣлицкихъ, своей милой Бебичкой. Ея собственное имя тоже измѣнилось, и если дома ее еще звали Авдотьей, то въ сосѣднихъ булочныхъ и мелочныхъ лавкахъ она была извѣстна, какъ Addy, Russian woman (Адди, русская женщина).

Постепенно Авдотья стала привыкать къ дому и къ дѣтямъ; даже по воскресеньямъ, вмѣсто того, чтобы уходить къ подругамъ, забирала своихъ ребятишекъ и отправлялась въ Центральный паркъ. Американскіе балаганы и панорамы успѣли надоѣсть ей; теперь ей было пріятнѣе посидѣть среди зелени въ густомъ паркѣ, глядя на рѣзвившуюся Бебичку. Авдотья понемногу стала входить въ лѣта. Ей было тридцать пять, а пережитаго хватило бы на три бабьихъ вѣка въ Красномъ.

Наружно, впрочемъ, она не состарилась, скорѣе помолодѣла за эти четыре года. Кожа ея стала бѣлой, лицо округлилось и пріобрѣло двойной подбородокъ. Плечи не выступали болѣе такими костлявыми углами. Русая коса, въ которой не было ни одного сѣдого волоса, росла гуще и длиннѣе, чѣмъ прежде, когда ковалю случалось выдирать изъ нея цѣлыя пряди.

На другой годъ своей жизни въ Америкѣ, Авдотья попросила одну изъ своихъ хозяекъ написать письмо въ Красное ея двоюродной сестрѣ Аринѣ, которая тоже жила въ „хозяяхъ", но не съ такимъ постылымъ и драчливымъ мужемъ, какъ коваль. Она приложила свой адресъ и пять долларовъ „таточку на табакъ и дѣточкамъ на сѣмечки". На русской почвѣ пять долларовъ превратились въ десять рублей и произвели въ Красномъ цѣлый переполохъ.

Черезъ полтора мѣсяца Авдотья получила отвѣтъ, приватно написанный помощникомъ волостного писаря Броварникомъ, совмѣстно отъ имени Арины и авдотьиныхъ дѣтей.

Дѣти въ началѣ письма, какъ водится, кланялись земно и просили родительскаго благословенія нерушимо и навѣки. Потомъ слѣдовали безконечные поклоны всей деревенской родни. Потомъ кланялась сама Арина и просила прислать еще пять долларовъ собственно ей на бѣдность.

„А живемъ мы худенько! — писала Арина. —Прошлое лѣто ничѣмъ ничего не родилось. Хлѣбъ покупаемъ съ Рождества. Былъ падежъ на овецъ. Сѣно высохло.

„А у насъ по селу волочатъ,—прибавляла Арина,—будто ты

женилась за еврейскаго пана и живешь, какъ барыня. А правда ли, что въ Америкѣ отъ живого мужа жениться можно?

„А Коваль пьетъ крѣпко. Скотъ у него палъ: лошадь и корова. Хватился теперь, что свое счастье изъ дома прогналъ, — льстиво прибавляла Арина,—да не воротить, видно".

Въ самомъ концѣ, неизвѣстно кто, быть можетъ, самъ помощникъ писаря, Броварникъ, спрашивалъ Авдотью, не нужно ли ей послать паспортъ.

Авдотья послала Аринѣ не пять долларовъ, а два, и потомъ продолжала посылать черезъ каждые нѣсколько мѣсяцевъ письма и немного денегъ дѣтямъ на сѣмечки. Дѣти отвѣчали то черезъ того же Броварника, то черезъ какого-нибудь отставного солдата. Въ позапрошломъ году Антосикъ, наконецъ, прислалъ собственноручное письмо. Оно было написано большими неровными буквами, похожими на петли для ловли воробьевъ. Впрочемъ, Авдотья въ это время уже сама писала такими же кривыми каракулями и могла, поэтому, разобрать писаніе своего сына лучше, чѣмъ кто-нибудь другой.

Антосикъ писалъ, что хотя „тато не посылалъ его до школы", но у него было „дужо охоты" и онъ выучился „самоукомъ" у того же неистощимо полезнаго собирательнаго отставного солдата, для того, чтобы писать своей „матычкѣ рукою власною".

Съ тѣхъ поръ мать и сынъ стали обмѣниваться письмами собственноручно. Правда, на листѣ почтовой бумаги умѣщалось немного этихъ крупныхъ строкъ, и письмо поневолѣ выходило коротко, чтобы не платить за лишнія марки.

Все-таки, мало-по-малу въ сундукѣ у Авдотьи накопилась цѣлая коллекція писемъ и иногда, когда ей было скучно, она вынимала ихъ и перечитывала съ начала до конца, переворачивая полуистертыя страницы своими жесткими руками и тщательно разглаживая и складывая вмѣстѣ эти измятые лоскутки сѣрой бумаги, исписанные блѣдными деревенскими чернилами, измазанные бурыми кляксами и пятнами отъ грязныхъ пальцевъ.

И когда она вспоминала свою прошлую жизнь, ей казалось, что на свѣтѣ были двѣ разныя Адотьи, одна та, давнишняя, которая мучилась въ Красномъ съ постылымъ ковалемъ, другая здѣсь въ Америкѣ, которая три раза въ недѣлю брала ванну и имѣла особую комнату и деньги въ банкѣ.

По мѣрѣ того, какъ время шло впередъ, въ письмахъ изъ Краснаго являлись вѣсти о перемѣнахъ. Бабка Барчиха умерла. Она жила съ ковалемъ дворъ о дворъ, и Авдотья не разъ спасалась па ея огороды, когда пьяный мужъ гонялся за нею съ вилами. Анка Попелякова женилась за Терека Бѣлковича. Когда Авдотья убѣжала изъ Краснаго, Анкѣ было только двѣнадцать лѣтъ,

а Терешка въ самые послѣдніе дни она прогнала съ своихъ подсолнечныхъ грядъ хворостиной.

Арипа прислала еще письмо и опять просила денегъ на бѣдность. Она прибавила въ концѣ, что въ Красномъ всѣ люди поминаютъ Авдотью, особенно бабы, и даже такъ бываетъ, что если мужикъ черезъ мѣру дерется, то баба грозится ему: „Уйду, смотри, въ Амирику, какъ та ковалиха".

Авдотья опять подумала, что хорошо было бы ей теперь вернуться въ Красное, но суровая фигура мужа съ вилами или шкворнемъ въ рукахъ вставала, какъ непреодолимое препятствіе. Авдотья въ своихъ письмахъ ни разу не спросила о Наркисѣ. Антосикъ былъ пунктуальнѣе. Въ каждомъ письмѣ у него былъ особый параграфъ: „Еще кланяется вамъ тятенька Наркисъ Бабуля и посылаетъ супружескую любовь".

Каждый разъ доходя до этого мѣста, Авдотья отплевывалась въ сторону и говорила:

— Тьфу, мара!

Про себя она до сихъ поръ продолжала называть Наркиса проклятымъ или сатаной.

Въ послѣднемъ письмѣ Антосикъ сообщилъ, что таточка Авдотьи, а его дѣдко померъ.

IV.

Прошло шесть лѣтъ со времени пріѣзда Авдотьи въ Америку. Въ одно прекрасное майское воскресенье она сидѣла по обыкновенію въ Центральномъ паркѣ со своей малолѣтнею командой. Мальчики бѣгали съ собакой. Авдотья смотрѣла на старшую дѣвочку Фаню и смутно припоминала, что ея собственная Клашка была какъ разъ такая, когда она уѣхала изъ Краснаго. Ей казалось даже, что онѣ похожи лицомъ, обѣ имѣли блѣдныя лица, свѣтлые глаза и льняные волосы. Авдотья, увы, не могла очень ясно припомнить лица своей дочери и поневолѣ подставляла черты другой дѣвочки, которая была передъ ея глазами изо дня въ день. Клашка теперь была почти совсѣмъ невѣста, Антосику шелъ восемнадцатый годъ.

Гуляющихъ было мало, ибо Центральный паркъ лежитъ слишкомъ близко, а по американскимъ понятіямъ пріятной прогулкой считается только двухчасовая ѣзда на уличной конкѣ или желѣзной дорогѣ. Время отъ времени проходили уединенныя пары, ибо паркъ былъ очень удобнымъ мѣстомъ для подобныхъ встрѣчъ. Птицы громко щебетали. Крупные американскіе пересмѣшники, желтые съ чернымъ, гонялись другъ за другомъ въ вѣтвяхъ деревьевъ. Земляныя бѣлки, сѣрыя, съ жидкимъ и длиннымъ хво-

стомъ, похожимъ на старое страусовое перо перебѣгали парами дорогу; въ темныхъ мѣстахъ, какъ неопредѣленныя искры призрачныхъ брилліантовъ, переблескивали свѣтляки.

Кромѣ мысли о дѣтяхъ, въ душѣ Авдотьи шевелилось еще какое-то смутное чувство, какъ искушеніе или мечта. Иногда она внезапно оглядывалась, какъ будто кто-нибудь назвалъ ее по имени.

Мужчина и женщина прошли подъ руку такъ близко отъ Авдотьи, что она невольно посмотрѣла на ихъ лица и чуть не вскрикнула. Женщина была Ривка Шмалцъ, которую она не видѣла съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онѣ вмѣстѣ спали на одной постели въ бѣдномъ пристанищѣ для эмигрантовъ. Ихъ способы зарабатывать хлѣбъ были различны, и онѣ даже жили въ разныхъ концахъ города, ибо Ривкѣ приходилось тѣсниться въ дешевой комнатѣ около фабрики въ самомъ пеклѣ „Дантана“, а Авдотьѣ скитаться по зажиточнымъ домамъ въ верхнемъ городѣ и предмѣстьяхъ.

Ривка тоже немедленно узнала Авдотью и, видимо, обрадовалась. Минувшіе шесть лѣтъ сильно состарили ее. Ея небольшая фигура высохла, какъ щепка, и кожа ея лица пріобрѣла копченый цвѣтъ, какъ кончики пальцевъ у записного курильщика. Отъ нея какъ будто даже пахло крѣпкимъ табакомъ, съ которымъ она возилась ежедневно такъ много часовъ. Въ черной мѣховой шапкѣ пробивались довольно замѣтно сѣдыя нити. Зато Ривка была одѣта не только прилично, но даже съ шикомъ, нисколько не хуже авдотьиной барыни, когда она наряжалась вечеромъ, чтобы ѣхать въ театръ. На шляпкѣ ея вмѣсто дешеваго краснаго пера были два очень большія и пышныя, окрашенныя въ кремовый цвѣтъ подъ стать цвѣту шелковой юбки и легкой триковой кофточки.

Человѣкъ, сопровождавшій Ривку, былъ тоже очень прилично одѣтъ и имѣлъ такое же прокопченное лицо. Они походили вмѣстѣ на пару сигаръ, съ подрисованнымъ платьемъ и придѣланными очертаніями лицъ, какъ на рекламѣ табачнаго магазина.

— Это мой женихъ!—представила его Ривка.—Симонъ Симпсонъ. А по нашему Шимха Шимховичъ!—прибавила она.—Тоже табачный мастеръ, изъ Польши.

Она попробовала говорить по-русски, но тотчасъ же сбилась. Даже на еврейскомъ жаргонѣ она говорила хуже прежняго и все сбивалась на ломанный англійскій языкъ нижняго Нью-Іорка. Она разсказала Авдотьѣ, что зарабатываетъ пятнадцать долларовъ въ недѣлю, но Шимховичъ принадлежитъ къ юніону и зарабатываетъ двадцать пять. Потомъ сообщила, что они рѣшили въ это лѣто жениться и основать собственное маленькое дѣло.

— Ухъ, какъ мы много работали!—сказала она, какъ бы въ видѣ поясненія.

Во всякомъ случаѣ, было очевидно, что Ривка исполнила свое намѣреніе и докопалась до самой сути американской жизни, включая и юніонъ. Когда она упомянула о „собственномъ дѣлѣ", они обмѣнялись съ Симковичемъ взглядомъ, и Авдотья какъ-то вдругъ почувствовала, что ей скучно.

— А ты какъ живешь? — спрашивала Ривка. — Вышла замужъ?.. Это чьи дѣти, твои, быть можетъ?..

На лицѣ ея заиграла легкомысленная улыбка, съ которой нѣкогда она предсказывала Авдотьѣ, что та снова выйдетъ замужъ въ Нью-Іоркѣ.

— Такія большія?—съ упрекомъ сказала Авдотья.—Хозяйскія дѣти!—прибавила она уныло.

Ей стало еще скучнѣе, зависть разбирала ее, глядя даже на это прокопченное табачное счастье.

— Ну, такъ я тебѣ пришлю приглашеніе на мою свадьбу!— сказала Ривка.—Мы осенью вѣнчаемся!

Она заставила Шимховича записать адресъ Авдотьи, потомъ на клочкѣ бумаги написала свой собственный адресъ и отдала Авдотьѣ. Она оказалась настолько проворной, что выучилась не русской грамотѣ, какъ Авдотья, а англійской, конечно, болѣе полезной въ Америкѣ.

— Приходи въ слѣдующее воскресенье! — предложила она подъ конецъ.—Я тебя на скачки повезу; пускай ты тоже пару долларовъ выиграешь!

Къ великому удивленію Авдотьи, она говорила о скачкахъ, какъ о совсѣмъ знакомомъ дѣлѣ, и въ концѣ концовъ похвасталась, что въ прошлый мѣсяцъ выиграла пятьдесятъ долларовъ на закладахъ. Повидимому, она заранѣе подготовляла себѣ успѣхъ на случай вступленія изъ простого рабочаго міра въ болѣе высокій кругъ.

На другой день послѣ полудня Авдотья опять пошла съ дѣтьми въ паркъ, ибо въ лѣтнее время она почти не пропускала ни одного дня, чтобы не вывести своихъ питомцевъ на прогулку.

Въ будни въ паркѣ было еще меньше народу. Двѣ-три пожилыя женщины съ ребятишками, нѣсколько негритянскихъ нянь съ дѣтскими колясочками, пышно разодѣтыхъ, въ шляпахъ съ перьями и шелковымъ вуалемъ, заботливо опущеннымъ, какъ будто въ защиту противъ загара. Нѣсколько матерей, которыя, уходя въ паркъ, имѣли на кого оставить домъ. Группа мальчишекъ играла въ прятки между старыми деревьями. Другіе ломали зеленыя вѣтви кустовъ, ежеминутно оглядываясь, не идетъ ли садовый сторожъ. Изъ мужчинъ попадались только полицейскіе,

сугубо огромные, съ вытаращенными глазами и брюхомъ, раздувшимся отъ пива. Городской бродяга, прошатавшійся всю ночь безъ пристанища, дремалъ на скамейкѣ, свѣсивъ голову на грудь. Какой-то дряхлый старикъ усѣлся на широкій камень на краю дорожки и, доставъ изъ кармана бумажный свертокъ съ дешевыми орѣхами, принялся угощать бѣлокъ, со всѣхъ концовъ сбѣжавшихся на даровой пиръ.

Какой-то довольно пожилой господинъ съ просѣдью въ волосахъ, но въ легкомъ лѣтнемъ костюмѣ изъ свѣтлой фланели, прошелъ мимо Авдотьи. Она замѣтила его еще съ пятницы. У него, повидимому, было слишкомъ много досуга и онъ не дорожилъ своимъ временемъ. Онъ приносилъ съ собою газету и закуску въ бумажномъ мѣшкѣ, читалъ, дремалъ, гулялъ, ѣлъ, вообще старался, какъ могъ, убивать время.

„Чудной старикъ!“ подумала Авдотья. „Какого онъ племени? Должно быть, ай ришъ (ирландецъ) или нѣмецъ“...

Но въ эту минуту чудной старикъ, снова проходившій мимо Авдотьи, вдругъ остановился и обратился къ ней на чисто русскомъ языкѣ.

— Извините, пожалуйста!—сказалъ онъ.—Вы русская, должно быть?

— Ну! — сказала удивленная Авдотья. — А если русская, такъ что?

— А ничего!—сказалъ незнакомецъ.—У васъ русское выраженіе лица! И дѣти у васъ славныя!—прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на Бебичку, которая перебѣгала черезъ аллею, сѣменя ножками и тщетно стараясь донести на своей лопаткѣ ношу песку. Она затѣяла воздвигнуть песчаное укрѣпленіе около своей няни, но ея пухлыя ручонки были слишкомъ коротки, чтобы держать лопатку, какъ слѣдуетъ.

— Это не мои дѣти!—сказала Авдотья, сдерживая досаду. Въ два дня ей пришлось уже второй разъ отречься отъ Бебички.

— Да?—вѣжливо переспросилъ незнакомецъ. — А вы сами откуда?

— Я—вдова!—сказала Авдотья, какъ будто это было отвѣтомъ на вопросъ незнакомца.

— Я тоже вдовецъ!—сказалъ онъ печальнымъ голосомъ.— У меня жена умерла въ прошломъ году!

Авдотья еще разъ осмотрѣла своего новаго собесѣдника. Онъ, очевидно, имѣлъ деньги, ибо сапоги его были свѣтло вычищены, а изъ кармана для часовъ, придѣланнаго по американскому обычаю подъ поясомъ, свѣшивалась короткая и широкая золотая цѣпь. Но руки у него были грубыя съ короткими толстыми

пальцами, въ складки кожи въѣлись неизгладимые слѣды желѣзной и масляной копоти, а лицо было прорѣзано короткими прямыми морщинами, какія остаются послѣ долголѣтняго физическаго труда и постояннаго пребыванія на открытомъ воздухѣ.

— А вы кто будете, русскій?—спросила Авдотья.

— Да, русскій!..—сказалъ незнакомецъ.—Россійскій!.. Еврей, стало быть... Изъ-подъ Москвы я. Слесарь былъ. Звали Абрамомъ Маньковскимъ...

Онъ говорилъ съ широкимъ московскимъ акцентомъ и очень чистымъ языкомъ, безъ примѣси англійскихъ словъ и оборотовъ.

— Я православная!—сказала Авдотья.

— Ну, что жъ такое!—сказалъ Маньковскій.—Богъ одинъ, а всѣ люди братья.

— Меня зовутъ Авдотья Бабуля! — отрекомендовалась Авдотья.—Я—ской губерніи, изъ Краснаго села, изъ-подъ Добрынца. А въ Америкѣ шестой годъ!..

Въ умѣ ея вдругъ промелькнуло опасеніе, что Маньковскій могъ проѣзжать черезъ Красное, видѣть ее мужа, и стало быть, знать, что ея слова насчетъ вдовства были ложью.

— А я ужъ двадцать лѣтъ въ Америкѣ,—сказалъ Маньковскій, какъ бы въ опроверженіе ея опасеній.—А все назадъ хочется... Хорошо тамъ!..

Авдотья промолчала. Ея прошлая и настоящая жизнь всегда представлялась ей, какъ два различныя и несоизмѣримыя существованія, и она не чувствовала себя способной сравнивать ихъ хорошія и худыя стороны.

— Скучно здѣсь!—сказалъ Маньковскій.—Два дома у меня, сыновья большіе, а пойти не къ кому.

— А къ сыновьямъ?—возразила Авдотья.

— Э, что тамъ!—сказалъ Маньковскій, махнувъ рукой. — Они американскіе, а я русскій... Они и говорить не умѣютъ по нашему...

Они просидѣли минуту молча.

— Хорошо тамъ!—мечтательнымъ тономъ повторилъ Маньковскій.—Воздухъ легкій, трава, просторъ... Вся пища вкусная. А здѣсь все дорого, а вкусъ не тотъ...

Онъ немного подумалъ, пріискивая наглядную иллюстрацію.

— Напримѣръ, возьмите хоть арбузы. Такіе они здѣсь большіе, чисто колокола, а вкусъ, какъ у недоваренной капусты!..

— Да и душа не лежитъ!—прибавилъ онъ наивно.

Примѣръ былъ во всякомъ случаѣ выбранъ удачно, ибо американскіе арбузы гораздо хуже астраханскихъ.

— А языкъ!—продолжалъ Маньковскій. — Ау, гау! Гуга!.. Чертъ его знаетъ! Говоришь и самъ себя не понимаешь!..

— Дровъ нѣтъ!—продолжалъ онъ отыскивать недостатки американской жизни.—Топи углемъ... А теперь вонъ стачка, такъ и угля нѣтъ, антрацита, то-есть... Всѣ машины на курномъ углѣ сидятъ... Дымъ, копоть!..

— Или, напримѣръ, хоть городовые!..—Новый примѣръ пришелъ ему въ голову при видѣ одного изъ грузныхъ садовыхъ сторожей, проходившихъ медленно по аллеѣ. — Посмотрите, какое у него пузо!.. Даже неизвѣстно, городовой это или беременная баба... По моему, городовой долженъ быть сухой, костлявый, жиловатый, чтобъ земля подъ нимъ горѣла!..

— Ну, и эти тоже проворные!..— возразила Авдотья.

Нѣсколько недѣль тому назадъ она случайно была свидѣтельницей сцены уличныхъ безпорядковъ, гдѣ огромные полисмены вели себя, какъ настоящіе тигры, и разбили нѣсколько головъ своими дубинками.

— Есть у меня венгерецъ знакомый!—меланхолически сказалъ Маньковскій.—Онъ мнѣ говорилъ — у нихъ пословица есть такая, или пѣсня:

«Лучше родные камни, чѣмъ чужеродные люди,
«Лучше родная брань, чѣмъ чужестранная ласка».

— Вамъ бы поѣхать погостить,—сказала заинтересованная Авдотья.

— Какъ я поѣду,—возразилъ Маньковскій,—когда я одинъ на бѣломъ свѣтѣ? Послѣдняя жена была, и та умерла.

У него вышло такъ, какъ будто на своемъ вѣку онъ имѣлъ нѣсколько десятковъ женъ, которыя одна за другой исчезли или пришли въ негодность.

Постепенно они разговорились, т.-е. говорилъ преимущественно Маньковскій, а Авдотья слушала и иногда вставляла односложныя замѣчанія. Овдовѣвшій слесарь, повидимому, дѣйствительно давно не разговаривалъ по русски и теперь рѣчь его лилась неудержимымъ потокомъ. Онъ разсказалъ Авдотьѣ, что пріѣхалъ въ Америку съ женой, тремя маленькими дѣтьми и четвертакомъ въ карманѣ, и первое время сильно бѣдствовалъ. Потомъ онъ нанялся сносить мусоръ съ разрушеннаго дома, качалъ помпу на водокачкѣ, два года былъ кочегаромъ на небольшой землечерпалкѣ, наконецъ, пристроился при лавочкѣ, торговавшей старымъ желѣзомъ. Съ этой лавочки онъ и жить пошелъ. Теперь у него была механическая мастерская, которую онъ передалъ старшему сыну, и два каменныхъ дома въ Бруклинѣ. Конечно, то были небольшіе особняки обычнаго нью-іоркскаго типа, которые могли стоить около 20.000 долларовъ.

Дѣти его всѣ прошли черезъ школу. Второй сынъ работалъ инженеромъ на фабрикѣ, третій электро-техникомъ на воздуш-

ной желѣзной дорогѣ. Они женились здѣсь, и имъ нравится Америка, „самая великая страна въ мірѣ“—передразнилъ онъ обычное американское хвастовство.

— Мы со старухой жили себѣ отдѣльно, ихъ не трогали, а теперь она взяла да умерла!—повторилъ онъ и даже развелъ руками. Вѣчное недоразумѣніе человѣка передъ вѣчной тайной смерти звучало въ тонѣ его словъ.

— Знаете?—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ. — По ночамъ мнѣ мерещится. Кровать у насъ, знаете, здѣшняя, широкая... Заснешь это, и все мерещится, что кто-то рядомъ лежитъ... Кинешь руку, будто человѣческое лицо. А зажжешь огонь и никого нѣтъ...

— Привыкъ я очень вдвоемъ жить! — прибавилъ онъ, чуть не плача.—Совсѣмъ не могу быть одинъ.

Наступило продолжительное молчаніе. Авдотья уже подумала о томъ, что пора собираться домой.

— Что я вамъ скажу?—предложилъ совершенно неожиданно Маньковскій.—Вы мнѣ нравитесь, а мнѣ нужно жену. Выходите-ка за меня замужъ!..

— Кто, я?..—спросила Авдотья внѣ себя отъ изумленія.— Храни Богъ, да у меня мужъ есть въ Красномъ!..

— Вѣдь ты сказала, что ты вдова!—воскликнулъ Маньковскій, почти съ такимъ же удивленіемъ и внезапно переходя на ты.

— Есть у меня мужъ,—пьяница!..—съ ожесточеніемъ твердила Авдотья.—Бѣглая я, отъ мужа ушла... Не стерпѣла...

Маньковскій немного подумалъ.

— А давно ты здѣсь? — спросилъ онъ опять. — Правда, шесть лѣтъ?

— Ей-Богу правда!—сказала Авдотья.

Она со стыдомъ видѣла, что Маньковскій теперь расположенъ подвергать сомнѣнію каждое ея слово.

— А можетъ, онъ умеръ!—предположилъ Маньковскій.

— Живъ!—почти крикнула Авдотья.—Что ему, сатанѣ, сдѣлается?

Она почувствовала, что ненависть къ мужу выросла въ ея душѣ въ сто кратъ сильнѣе прежняго.

Маньковскій опять немного подумалъ.

— По моему, онъ тебѣ теперь не мужъ!—сказалъ онъ сдержанно. — Тамъ Россія, а здѣсь Америка. Все равно, будто ты умерла и попала на тотъ свѣтъ!

— Ну!—недовѣрчиво сказала Авдотья. Однако, слова Маньковскаго выразили ея собственное чувство.

— Право!—сказалъ слесарь.—А ты все равно выходи за меня замужъ!..

Авдотья промолчала.

— Ей-Богу, выходи!—настойчиво повторилъ Маньковскій.— У меня деньги есть, два дома собственныхъ. Хочешь, справки наведи... По крайней мѣрѣ, будетъ хоть разговаривать съ кѣмъ!..

— Да вѣдь вы—еврей,—возразила Авдотья нерѣшительно,— а я—православная!..

— А что тамъ!—опять сказалъ Маньковскій.—Богъ одинъ. У судьи повѣнчаемся, такъ же крѣпко будетъ!..

Авдотья опять промолчала. Она чувствовала себя совсѣмъ ошеломленной. Предложеніе вступить въ бракъ отъ живого мужа да еще съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ, перспектива вѣнчаться внѣ церкви и даже внѣ еврейской «школы»—могли смутить самую крѣпкую душу.

— Какъ это вдругъ вы?—сказала она, наконецъ, почти безпомощнымъ тономъ...

— А это по-американски!—сказалъ слесарь.—Въ Америкѣ все вдругъ!..

Въ его душѣ изъ-подъ волнъ тоски по старой родинѣ вдругъ проступили американскія идеи и привычки, нажитыя за послѣднія двадцать лѣтъ жизни на чужой землѣ.

— Ну, хочешь выходить, такъ скажи!—настаивалъ онъ.— У меня 10.000 долларовъ въ банкѣ есть... Хочешь такъ вмѣстѣ поѣдемъ *туда*!—легкомысленно прибавилъ онъ.

— Какъ мы поѣдемъ?—сказала Авдотья съ сердцемъ.—Схватятъ насъ обоихъ за такія дѣла, въ Сибирь еще сошлютъ...

— Ну такъ здѣсь останемся, — съ готовностью предложилъ Маньковскій.

Повидимому, его стремленіе услышать „родную брань“ уже прошло, какъ короткій припадокъ, и теперь онъ ничего не имѣлъ противъ дальнѣйшей жизни въ Америкѣ.

— Ну, отвѣчай!—продолжалъ онъ настаивать.—*Да*, такъ *да*, а *нѣтъ*, такъ *нѣтъ*!..

— Да я хоть до утра подумаю!—попросила Авдотья.

Она чувствовала себя, какъ купальщица, которая пробуетъ ногой глубокую и холодную воду.

— Ну хорошо!—уступилъ Маньковскій.—Завтра опять приду сюда!.. А на той недѣлѣ повѣнчаемся!—прибавилъ онъ безапелляціонымъ тономъ. Очевидно, онъ не сомнѣвался въ окончательной удачѣ своего сватовства, несмотря на отговорки Авдотьи.

— Ну прощай, Авдотья!

Онъ поглядѣлъ по сторонамъ и остановился, какъ будто ожидая чего-то. Толстой „копъ“ прошелъ мимо по аллеѣ и завернулъ за уголъ. Ближайшія скамейки были пусты. Предпріимчи-

вый слесарь вдругъ склонился къ авдотьиному лицу и поцѣловалъ ее въ губы.

Авдотья чуть не вскрикнула. Бебичка, опять переходившая аллею съ ношею песку, бросила лопатку на землю и радостно захлопала въ ладоши.

— Уокъ! — сказала она. — Еще! Do it again! (Сдѣлай это еще разъ!).

Авдотья вся залилась краской, какъ молодая дѣвушка.

— Пойду я лучше домой!—сказала она, отворачивая лицо.— Еще грѣха наживешь съ вами... Ишь вы какой!—стыдливо прибавила она, обводя слесаря прощальнымъ взглядомъ.

Онъ какъ будто выросъ въ ея глазахъ и сталъ моложе, свѣжѣе и интереснѣе.

„И совсѣмъ не сѣдой! — промелькнуло въ ея головѣ. "Что это мнѣ показалось?.. Такъ себѣ, чуть-чуть!.. Въ соку мущина!..“

Маньковскій, дѣйствительно, выглядѣлъ моложе, чѣмъ прежде.

— Помни—завтра!—оживленно воскликнулъ онъ вслѣдъ уходившей Авдотьѣ.—Я буду ждать!..

V.

Весь остатокъ дня Авдотья была необычайно задумчива. Квартира Стрѣлицкихъ показалась ей вдругъ тѣсной и нечистой. Съ улицы, вымощенной асфальтомъ, пахло какъ будто застоявшимся керосиномъ.

Съ поѣздовъ, пробѣгавшихъ мимо, доносился густой чадъ курного угля, похожій на запахъ жженныхъ перьевъ. Нигдѣ не было ни клочка зелени. Она невольно подумала, что на краю Бруклина среди капустныхъ огородовъ воздухъ, навѣрное, чище и свѣжѣе.

Она зашла въ собственную комнату и чуть не плюнула съ досады. Этотъ узкій и темный чуланъ показался ей теперь въ совершенно новомъ свѣтѣ.

— Залѣзла, какъ клопъ въ щель!—проворчала она съ сердцемъ. — Обрадовалась, тараканъ запечный!.. Лучше мѣста не нашлось для меня, дуры!...

Сердце ея внезапно стало ожесточаться противъ хозяевъ.

Она сѣла на кровать и стала думать о своей жизни.

„Все я одна!—думала она.—Чисто, кикимора!.. Деревянная, какъ эта кровать...—Она даже стукнула пальцами о твердую стѣнку.—Проспала я на ней два года, — подумала она, — одна одинешенька...“

Потомъ мысли ея смягчились и пріобрѣли другое направленіе. Она вспомнила предпріимчиваго слесаря, который еще утромъ былъ для нея совсѣмъ чужимъ человѣкомъ.

„Не человѣкъ, огонь!—подумала она, забывая, какъ онъ хныкалъ и жаловался на одиночество.

Ярче всего она помнила послѣднюю сцену, и даже губы ея подергивались и сами собой складывались для новаго поцѣлуя. Въ концахъ пальцевъ и въ плечахъ пробѣгали мурашки.

„Вотъ онъ какой!—сказала она себѣ, странно усмѣхаясь. „Сѣдина, молъ, въ бороду, а бѣсъ въ ребро...“

Почтальонъ позвонилъ внизу и засвисталъ въ свой свистокъ, сзывая хозяекъ и прислугъ принимать почту, ибо по американскому обычаю онъ не приноситъ ее дальше общей передней у входа. Авдотья тоже сошла внизъ и взяла свою часть. Между счетами большихъ магазиновъ, у которыхъ Стрѣлицкій забиралъ товаръ, она нашла грязное письмо, на которомъ знакомой рукой Антосика были выведены буквы ея имени. Антосикъ въ послѣдній годъ дошелъ до того, что собственноручно копировалъ даже англійскую часть адреса, хотя значеніе латинскихъ буквъ осталось для него загадкой. Нѣкоторыя изъ нихъ онъ пробовалъ писать по-русски, и „Corner of 8 Ave“ выходило у него „Согпег от 8 № Аге“.

Письмо было очень толстое, но марокъ на немъ было мало, и Авдотьѣ пришлось заплатить двадцать центовъ пени. Она носпѣшно отдала почтальону деньги и, взявъ письмо, съ бьющимся сердцемъ понесла его въ собственную комнату. Настроеніе ея внезапно упало. Во время встрѣчи съ Маньковскимъ она вспомнила о ковалѣ, но ни разу не подумала о дѣтяхъ.

„Должно быть, въ письмѣ были экстренныя новости, если за нихъ даже почтальону заплатить пришлось!—подумала она.

Черезъ минуту она уже сидѣла у окна и разбирала одинъ за другимъ кривыя слова каллиграфіи Антосика.

„Премногоуважаемое ваше письмо имѣли честь получить на прошлый мѣсяцъ!..—писалъ Антосикъ.—Кланяемся вамъ земно и просимъ родительскаго благословенія, потому у насъ ты одна осталась... Еще кланяется брательникъ Сергѣй Пимоновичъ и супруга его Аграпена и дѣти ихъ Ѳаддей и Ѳеклиста“.

Послѣ безчисленныхъ деревенскихъ поклоновъ слѣдовало:

„А таточка нашъ, а вашъ *супругъ* Наркисъ Савельевичъ Бабуля, прозвищемъ Коваль, приказали долго жить...“

„Грѣхъ!“—подумала Авдотья въ смятеніи. Сегодня утромъ она назвала себя вдовой, и слово ея какъ будто тотчасъ же стало дѣломъ. Она даже не подумала, что письмо шло двѣ недѣли изъ Краснаго.

„А теперь намъ жить худо!—гласило дальше письмо.—Мошка забралъ хату, будто за долгъ, а Василиса худобу со двора свела, корову да овцу ягную. Я, говоритъ, его цѣлый годъ кормила до

смерти! А коней таточка продали за восемдесятъ рублей, а денегъ тоже нѣту!.. А мы съ Клашкой недоумки и недосилки. Ходилъ я къ старостѣ за управой, а онъ управы не далъ. Говоритъ: Нѣтъ тебѣ управы! Поди ты долой!.. А таточка передъ смертью все васъ поминали. И мнѣ сказали: Ты съ ней списываешься, напиши, пускай пріѣдетъ, попрощаться то-есть. А потомъ заплакали и сказали: не судьба!

„А Василиса васъ изругала сквернымъ словомъ. А таточка сказали: Ахъ, ты стерва! Погоди, я встану! Огверчу я тебѣ башку за это слово! А потомъ позвали отца Андрея и причастилися Святымъ Тайнамъ и потомъ все говорили: грѣшно жилъ! А потомъ языкъ отнялся, съ тѣмъ померли. Всего хворали 43 дня, 43 ночи.

„А вы бы, матычка, пріѣхали въ Красное!—писалъ дальше Антосикъ.—Безъ васъ намъ очень худо жить; еще въ пастухи отдадутъ, не то въ работу. А у васъ, матычка, умъ мериканскій. А Василиса, дура, говоритъ: Подохнетъ у нихъ худоба безъ ѣды! А сѣна не на что купить. Гдѣ татыны деньги, не знаю. И вы бы, матычка, хоть бы сѣна купили для худобы той.

„А Клашка плачетъ слезами, говоритъ: Я маменьку смотрѣть хочу! Она стала совсѣмъ большая дѣвка. Скоро замужъ отдавать пора, а чѣмъ отдадимъ? И вы бы, матычка, къ намъ въ Красное побывали. По гробъ жизни вашъ сынъ Бабуля".

Авдотья читала письмо съ болѣзненнымъ и боязливымъ удивленіемъ.

Кто такая была эта Василиса, которая кормила Наркиса цѣлый годъ и забрала послѣднюю худобу изъ его двора? И куда дѣвались всѣ коровы и лошади коваля?

Василисъ въ Красномъ было нѣсколько, но ни одна не подходила. Василиса бобылка была стара и бѣдна и не могла бы хвастаться, что прокормила худобу. Васюта Янчуковна была молодая дѣвка. Еще была Василиса Лѣсникова и Василиса Чабачиха, двоюродная сестра старосты, но у обѣихъ были мужья и дѣти.

„Пришлая видно!—подумала Авдотья.—Не то овдовѣла какая нибудь".

Авдотья почувствовала припадокъ острой злобы противъ этой невѣдомой соперницы, забравшей послѣднее у ея дѣтей.

„У, стерва!—выругалась она тѣмъ же самымъ словомъ, которое употребилъ Наркисъ передъ смертью.—Накласть бы тебѣ хорошенько, знала бы, какъ къ чужимъ мужикамъ приставать!"

Жизнь въ Красномъ какъ будто воскресла передъ Авдотьей во всѣхъ подробностяхъ, и она почувствовала себя снова той же бѣлорусской бабой, которая когда-то жила въ селитьбѣ коваля

Наркиса. Они прожили десять лѣтъ вмѣстѣ. На второй годъ Наркисъ захворалъ трясавицей, провалялся недѣлю на лавкѣ и все просилъ холодной воды. А потомъ съ яру упалъ пьяный, чуть кости не выломалъ, тоже лежалъ сколько-то дней. А какъ сталъ поправляться, сказалъ ей тѣми же словами: „Смотри, стерва! Отверчу я тебѣ башку!"

Послѣднія слова Наркиса опять пришли ей въ голову.

„Грѣшно жили!—сурово подумала она.

— Дрался бы ты меньше!—выговорила она вслухъ, обращаясь къ далекому и уже покойному мужу, какъ къ живому собесѣднику.

Даже предъ лицомъ этой неожиданной смерти она все-таки признавала себя правой.

„Видишь, попрощаться хотѣлъ!—припомнила она.

Въ горлѣ ея что-то сжалось, она опустила голову на руки и заплакала сперва тихо, потомъ громче.

— Дѣточки мои, дѣточки! — понемногу стала она причитывать. — Позорилъ васъ родной тато! Ходите теперь по чужимъ окнамъ.

И вдругъ ей пришла въ голову утренняя сцена.

„Господи,—подумала она.—А вѣдь я въ десять разъ хуже"!

— Тьфу, тьфу!—она даже плюнула.—Бросила мужа, дѣтей, гадюка, а кого нашла? Бродягу на улицѣ.

Бѣдный Маньковскій уже казался ей подозрительнымъ уличнымъ бродягой.

„Вотъ до чего дошла,—перебирала она.—Прямо на улицѣ цѣловаться стала. Отъ живого мужа вѣнчаться хотѣла, безъ попа, по-басурмански, у какого-то судьи!"

Она какъ-будто очнулась отъ похмѣлья, и ей стало тяжело и противно.

„Подлая!—сказала она сама себѣ.—Съ жидами живешь, ожидовѣла совсѣмъ. Помнишь ли еще, какъ лобъ перекрестить? Ты и есть грѣшница, еще хуже Наркиса!—рѣшила она. Къ церкви дорогу забыла, у исповѣди сколько лѣтъ не была, ахъ ты, некрещеная! „Грѣхъ, грѣхъ, грѣхъ!—звучало въ ея душѣ.—Тоже умирать придется. что Богу скажу? Какой я человѣкъ? У жидовъ своя вѣра, у поляковъ своя, а у меня какая? Эхъ ты, жидовская невѣста!—укорила она себя опять.—Польстилась на чужія деньги. Своя душа, небось, дороже!"

Однако, нужно было принять какое-нибудь рѣшеніе. Она опять подумала, что, быть можетъ, дѣти ея ходятъ теперь по чужимъ дворамъ и просятъ куска у полунищихъ сосѣдей, и ей захотѣлось громко завыть отъ жалости.

Антосикъ звалъ ее пріѣхать въ Красное. Не долго размышляя, она рѣшила послѣдовать его призыву. Жидъ забралъ хату,

какая-то потаскуха увела корову. Она чувствовала, что это — свое, кровное, и заранѣе готовилась вырвать свою „хижу“ и „худобу“ изъ самаго горла у своихъ обидчиковъ.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, она выдвинула изъ-за кровати большой кованный сундукъ съ двойнымъ ременнымъ поясомъ и хитро-устроеннымъ замкомъ и стала приводить въ порядокъ свои вещи. Сундукъ былъ сверху до низу набитъ всякимъ бабьимъ добромъ. Сверху въ деревянныхъ рѣшеткахъ лежали накрахмаленные воротнички и бѣлыя кофточки, дальше слѣдовали всякія юбки. На днѣ лежали два платья, шелковое и шевіотовое, и еще одно сѣрое суконное висѣло въ шкафѣ, который былъ вдѣланъ въ стѣнѣ. По мѣрѣ того, какъ Авдотья снимала рѣшетку за рѣшеткой и дѣлала осмотръ своему разнообразному имуществу, она невольно вспоминала обстоятельства, при которыхъ были пріобрѣтены всѣ эти вещи. Эту кофточку ей дала Бремерша послѣ выигрыша на скачкахъ, а это платье осталось ей отъ барыни-докторши, послѣ того, какъ она развелась съ мужемъ. А эту рубашку съ кисейнымъ поясомъ она купила на распродажѣ по случаю пожара въ магазинѣ.

Когда Авдотья дошла до дна, она вдругъ увидѣла, что и шесть лѣтъ ея американской жизни тоже нельзя оттолкнуть въ сторону, какъ объѣденную арбузную корку. Изъ сундука какъ будто вылѣзла американская Addy, Russian woman и стала бороться съ той, съ бѣлорусской бабой, Авдотьей изъ Краснаго.

Подъ шкапомъ были выдвижные ящики, которые были наполнены простынями и полотенцами, ибо Авдотья постепенно стала очень чистоплотной и мѣняла бѣлье три раза въ недѣлю. На умывальникѣ въ большой жестяной коробкѣ съ тисненнымъ узоромъ лежало мыло, зубной порошокъ и щетка и даже пудра въ особыхъ коробочкахъ. Авдотья вспомнила, что въ Красномъ спятъ на лавкѣ, покрываются зипуномъ или полушубкомъ, носятъ лапти, моются безъ мыла и живутъ въ избѣ съ тараканами, и вдругъ ей стало жалко этого хорошаго и безпечнаго житья. Воротнички и полотенца какъ будто ожили и не пускали ее назадъ черезъ океанъ. Она однако продолжала сидѣть и перебирать свои вещи. Ихъ было слишкомъ много. Сундукъ и ковровый мѣшокъ, лежавшій подъ кроватью, не были достаточно помѣстительны. Нужно было купить еще что-нибудь.

Барыня, видя, что Авдотья такъ долго не показывается внизу, постучалась въ дверь и вошла въ комнату. Увидѣвъ авдотьины приготовленія, она невольно поблѣднѣла. Домашнее несчастье, котораго она опасалась, теперь воочію стояло передъ ней.

— Куда же ты собираешься?—спросила она храбрымъ, но не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ.

— Въ Красное ѣду!—сказала угрюмо Авдотья.

— Въ Красное? Зачѣмъ?..—съ удивленіемъ переспросила хозяйка.

— Мужъ померъ!—кратко пояснила Авдотья.

— Царство ему небесное!—сказала Стрѣлицкая.—А ѣдешь зачѣмъ?

Онѣ давно успѣли выспросить другъ у друга всѣ подробности ихъ прошлой жизни на старой родинѣ.

— Дѣти зовутъ,—объяснила Авдотья.—Домъ остался, худоба...

— Ува, худоба! — повторила скептическимъ тономъ Стрѣлицкая.—Велика важность!.. Захотѣлось тебѣ мякиннаго хлѣба на старости лѣтъ!..

— Ну, ужъ вы скажете! — проговорила Авдотья. — Мы съ ковалемъ завсе чистый хлѣбъ ѣли...

Она, однако, съ сожалѣніемъ вспомнила американскія булки, къ которымъ привыкла за эти годы.

— А какая худоба у тебя? — допытывалась Стрѣлицкая. — Земля, изба?..

— Избу жидъ забралъ!—призналась Авдотья.

— Ну, ну!—сказала Стрѣлицкая. — Что же ты хочешь тащить корову черезъ чердакъ въ избу? Дорога вѣдь денежки стоитъ, больше худобы твоей!..

— Сироты у меня остались!—буркнула Авдотья.

Стрѣлицкая немного подумала.

— Знаешь что?—сказала она наконецъ. — Ты лучше оставайся здѣсь. Зачѣмъ тебѣ ѣхать по водѣ? Еще несчастье случится... А дѣтямъ возьми да пошли шифъ-карты (пароходные билеты), пускай они тоже свѣтъ посмотрятъ... А здѣсь найдется мѣсто и для нихъ, въ Америкѣ. Сама знаешь!..—Да и мы, пожалуй, поможемъ!..

Стрѣлицкая даже просіяла отъ удовольствія. Она искренно хотѣла дать Авдотьѣ хорошій совѣтъ, но больше всего она была рада, что все можетъ устроиться къ ихъ обоюдному удобству.

Авдотья молча кончила перекладывать свои вещи, потомъ сошла внизъ, уложила дѣтей спать, убрала посуду и сдѣлала еще нѣсколько мелкихъ домашнихъ дѣлъ; все это время она обдумывала про себя слова Стрѣлицкой.

Практическая сметка, выработанная въ многолѣтней мелкой борьбѣ съ людьми и обстоятельствами, мало-по-малу снова взяла верхъ.

„А что я буду дѣлать въ Красномъ? — спросила она сама себя.—Хозяйства нѣтъ. Какая справдиная худоба—корова да

овца?.. Мужика нѣтъ, дѣти недосилки. Да и разнѣжилась я отъ здѣшней жизни... Привезу я три пары сотенъ, и тѣ проѣмъ съ дѣтьми. А потомъ что?..“

А на городскую руку въ Красномъ нѣту дѣлъ. Есть двѣ мелочныя лавки, но и торговцы живутъ немногимъ лучше мужиковъ и въ десять разъ хуже ея, авдотьиной жизни.

Духъ американскаго соблазна, который шесть лѣтъ тому назадъ выманилъ ее изъ подъ мужниной кровли, опять громко заговорилъ въ ея душѣ.

„Лучше я дѣтей вызову!—рѣшила она.—Пускай и они посмотрятъ, какъ другіе люди живутъ!.. Здѣсь въ Америкѣ не трудно дѣло устроить,—подумала она,—когда есть денегъ немного. Вотъ устроимъ прачешную съ дочкой. А сына въ мастерскую отдамъ. Будемъ жить въ собственной квартирѣ... Въ переднюю комнату мягкую мебель поставлю, зеркало на стѣну повѣшу, стану дочку на фортепіанахъ учить“!

Планы Авдотьи во всякомъ случаѣ не совпадали съ предположеніями госпожи Стрѣлицкой. Такъ или иначе она собиралась вить собственное гнѣздо. Мечты ея не были особенно несбыточны. Мягкую мебель въ Нью-Іоркѣ можно взять на выплату по доллару въ недѣлю. Фортепіано имѣется у многихъ рабочихъ семействъ, и немножко музыкальнаго умѣнья считается первымъ признакомъ женской порядочности даже въ мелко-мѣщанской и рабочей средѣ.

„Полно мнѣ жить съ чужой вѣрой!—сказала себѣ Авдотья. „Пора и Бога узнать. Стану ходить въ церковь, отыщу настоящихъ русскихъ людей“!..

Авдотья вспомнила, что гдѣ-то въ восточномъ городѣ въ глубинѣ чешскаго квартала живутъ православные люди, русины изъ Галичины, и такъ же, какъ она, выходцы изъ великой переселенческой волны, которая постоянно катится изъ Европы въ Америку.

— Со своими буду жить!—повторяла Авдотья.—Полно мнѣ по чужимъ шататься!..

Кое-кого изъ земляковъ она встрѣчала въ Дантанѣ. Все это были мужики отъ плуга и сохи, которые являлись вмѣстѣ съ евреями и работали въ еврейскихъ портняжныхъ мастерскихъ съ утюгомъ и швейной машиной, но въ послѣднее время они стали отбиваться въ сторону.

Пестрая человѣческая толпа, которая ежегодно вливается въ Америку черезъ двери Нью-Іоркскаго порта, таитъ въ себѣ великую центробѣжную силу. Мелкія человѣческія частички, ступивъ на чужой берегъ, тотчасъ же начинаютъ группироваться и

подбираться другъ къ другу, нѣмцы съ нѣмцами, евреи съ евреями и даже сирійцы и армяне съ такими же сирійцами и армянами.

Теперь и Авдотья почувствовала, наконецъ, потребность, оставаясь въ Америкѣ, отмежеваться отъ окружающей пестроты и воскресить свою вѣру и языкъ, хотя бы для домашняго обихода.

Всю эту ночь до самаго утра Авдотья просидѣла подъ газовымъ рожкомъ, сочиняя письмо Антосику.

Перо не слушалось ея и брызгало чернилами вправо и влѣво. Обтирая перо объ голову, она постепенно измазала лобъ и щеки. Число исписанныхъ листковъ выросло до неслыханныхъ размѣровъ, а Авдотья все не могла оторваться отъ стола и добраться до желаннаго конца.

„Милыя мои дѣточки!—писала Авдотья.—Остались вы сиротами на бѣломъ свѣтѣ... А какъ же я къ вамъ поѣду?.. Вода мокрая, а я старая; куда мнѣ тащиться? Да я же еще имѣю здѣсь хорошее мѣсто.

„Голубчики мои ласковые, Кларичка, Антосикъ!.. Надумала я, чтобъ вамъ ѣхать сюда. Богъ съ ней, съ худобой, накажетъ ихъ Господь за наши слезы!.. А здѣсь для бѣднаго человѣка самое хорошее мѣсто. По здѣшней пословицѣ: сапожникъ здѣсь бариномъ, а баринъ сапожникомъ. Есть работа, а по работѣ и деньги, а по деньгамъ и жизнь. Ѣда всякая, чего душа хочетъ.

„Дѣточки мои! Сердце мое не дождется, чтобы васъ повидать!.. Посылаю вамъ двѣ шифъ-карты. Поѣзжайте на Ямбургъ, да возьмите губернаторскій паспортъ, такъ дешевле!..

„Ласточка моя, Кася! Ты теперь стала большая, невѣста! Ночей не сплю, все о тебѣ думаю.

„Я проплакала всѣ глаза... Не давайте, дѣточки, на дурницу денегъ никому, бо все заплочено.

„Ягодки мои малиновыя! Поѣдете по водѣ, креститесь, да Богу молитесь. Подходить будетъ время, стану я каждый вечеръ бѣгать на морскую пристань. Куплю я длинную трубу, всѣ глаза просмотрю, провыглядываю, не бѣжитъ ли океанское судно, не везетъ ли мое червонное золото?..

„Алмазы мои неоцѣненные! Мучаюсь я за вами, какъ голодная... Были бы у меня крылья, полетѣла бы я вамъ встрѣчу".

Черезъ шесть мѣсяцевъ, въ воскресный вечеръ прекрасной американской осени, которая составляетъ лучшее время года, особенно у Атлантическаго океана, въ узкомъ паркѣ, прилегающемъ къ Восточной Рѣкѣ у восемьдесятъ пятой улицы, среди

безчисленной толпы народа стояла еще одна маленькая группа. Это была Авдотья съ „дѣтычками". Клашка, дѣйствительно, была невѣста, и молодые люди заглядывались на ея свѣтлорусую косу, которая спускалась по спинѣ ниже пояса. Безусое лицо Антосика имѣло дѣтскій видъ, но онъ уже переросъ на полголовы свою мать. Авдотья похудѣла и стала какъ будто старше, но лицо ея выглядѣло гораздо оживленнѣе прежняго. Она исполнила свое намѣреніе и открыла небольшую прачешную и теперь, кромѣ своей дочки, уже имѣла двухъ галичанокъ помощницъ. Дѣло обѣщало имѣть успѣхъ. Антосикъ ходилъ въ слесарную мастерскую и уже зарабатывалъ пять долларовъ въ недѣлю, что для начала было отлично. Кромѣ того, онъ сталъ учиться англійской грамотѣ по своему обычаю «самоукомъ», преодолѣвая упорнымъ трудомъ всѣ встрѣчавшіяся трудности и постепенно добираясь до сути. Немудрено, что Авдотья чувствовала себя счастливой.

Наверху въ бесѣдкѣ игралъ оркестръ, но говоръ тысячеголовой толпы совершенно заглушалъ звуки музыки. Если бы кто-нибудь стоялъ возлѣ этой новой семьи русскихъ переселенцевъ и прислушался къ ихъ разговору, онъ могъ бы разобрать, что Авдотья учитъ дѣтей говорить по-англійски, немилосердно коверкая, искажая слова и звуки, столь непривычные для восточноевропейскаго уха.

Танъ.

О МЕЖДУНАРОДНОЙ БИБЛІОГРАФІИ ПО ЕСТЕСТВОЗНАНІЮ И МАТЕМАТИКѢ.

Начало наступившаго столѣтія ознаменовалось осуществленіемъ весьма интереснаго и важнаго международнаго предпріятія: международной библіографіи по естествознанію и математикѣ. Ученая литература со всего земного шара по этимъ предметамъ, съ 1-го января 1901 года, войдетъ цѣликомъ въ составъ международной библіографіи, и ежегодно по каждой изъ наукъ будетъ выходить отдѣльный томъ съ точными заглавіями ученыхъ трудовъ и краткимъ обозначеніемъ ихъ содержанія. Труды эти будутъ распредѣлены двоякимъ образомъ: а) по алфавиту авторовъ и б) по предметамъ. Въ настоящее время предпріятіе это настолько уже подвинулось впередъ, что вышли въ свѣтъ два первые полутома одинъ по химіи, другой по ботаникѣ. Подробнѣе о нихъ сказано будетъ ниже.

Настало время позаботиться о преданіи широкой гласности этого предпріятія, съ цѣлью познакомить съ нимъ возможно бо̀льшее число лицъ, интересующихся успѣхами человѣчества въ области познаванія природы и совершенствованія одного изъ наиболѣе могучихъ орудій его—математики.

Подобный трудъ настолько грандіозенъ, что не по силамъ любому изъ ученыхъ обществъ, и не совладать съ нимъ ни одной изъ образованнѣйшихъ націй. Выполнимымъ представляется онъ лишь при совокупной работѣ всѣхъ образованныхъ націй, по заранѣе обдуманному и всѣми народами одобренному плану; для успѣха этого дѣла необходима до мельчайшихъ деталей выработанная организація международной кооперацiи, и участіе каждой націи какъ въ составленіи международной библіографіи, такъ и въ денежной поддержкѣ изданія этого небывалаго по размѣрамъ и ширинѣ задачи труда. Въ виду громаднаго интереса этого смѣлаго и труднаго предпріятія, я перехожу къ описанію его возникновенія и развитія.

Инициатива этого предпріятія принадлежитъ лондонскому Королевскому Обществу. Это знаменитсе общество уже заслужило всеобщую признательность ученаго міра за изданіе библіографіи по естествозна-

нію и математикѣ (такъ называемыхъ точныхъ наукъ) за періодъ отъ 1800 по 1883 годъ; это чрезвычайно полезное изданіе преслѣдовало, однако, цѣль гораздо болѣе скромную, именно: только каталогизацію статей по этимъ наукамъ, помѣщенныхъ въ періодической печати и притомъ лишь въ алфавитномъ порядкѣ по авторамъ. Оно отличается, слѣдовательно, отъ международной библіографіи 2-мя существенными недочетами: 1) въ немъ опущены всѣ ученые труды и статьи, вышедшіе въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ и книгъ; 2) въ немъ нѣтъ предметнаго каталога, болѣе необходимаго и цѣннаго, по мнѣнію многихъ специалистовъ, чѣмъ каталогъ авторскій.

Изданіе это заключаетъ въ себѣ болѣе 400.000 заглавій, изъ 1.500 приблизительно періодическихъ журналовъ, и вышло въ видѣ девяти объемистыхъ томовъ, подъ заглавіемъ «Catalogue of Scientific Papers». Неизбѣжную, при участіи лишь одного лондонскаго королевскаго общества, неполноту литературы (русская литература не вошла въ это изданіе) и отсутствіе распредѣленія статей по предметамъ лондонское Королевское Общество дополняетъ въ настоящее время; кромѣ того, оно предприняло каталогизацію журнальныхъ статей съ 1883 по 1901 годъ, съ устраненіемъ пробѣловъ по литературѣ и съ прибавленіемъ систематическаго указателя (classified index), долженствующаго замѣнить хотя отчасти каталогъ предметный.

Задумавъ изданіе «Международной библіографіи», предпріятія несравненно труднѣйшаго, чѣмъ «Catalogue of Scientific Papers», лондонское Королевское Общество рѣшило привлечь къ участію въ изданіи «Международной библіографіи» всѣ образованныя націи земного шара и разослало въ 1894 году до 200 циркулярныхъ обращеній въ различныя академіи и ученыя общества съ просьбою отвѣтить: 1) представляется ли предпріятіе изданія «Международной Библіографіи» при дружномъ и совокупномъ участіи всѣхъ народовъ, предпріятіемъ желательнымъ и исполнимымъ и 2) согласна ли академія или ученое общество принять посильное участіе въ этомъ изданіи? Какъ и слѣдовало ожидать, получены были, за исключеніемъ лишь 2-хъ или 3-хъ случаевъ, отвѣты въ утвердительномъ смыслѣ. Затѣмъ, въ 1895 году разосланы были лондонскимъ Королевскимъ Обществомъ заинтересованнымъ въ этомъ предпріятіи правительствамъ приглашенія прислать своихъ представителей для участія въ конференціи, созываемой по этому предмету въ Лондонѣ, въ 1896 году. Число съѣхавшихся къ назначенному сроку въ Лондонѣ представителей достигло 41. Къ сожалѣнію, представитель русскаго правительства Вл. В. Стасовъ, по болѣзни, не могъ принять участія въ этой конференціи.

На конференціи этой принято нѣсколько основныхъ положеній касательно характера «Международной Библіографіи». Между прочимъ, рѣшено:

1) Расположить ученыя работы какъ по содержанію работъ (пред-

метный каталогъ), такъ и по алфавиту именъ авторовъ (авторскій каталогъ). При этомъ намѣренно на первомъ планѣ поставленъ каталогъ по содержанію (предметный) и подчеркнуто, что онъ имѣетъ сравнительно бо̀льшее значеніе, чѣмъ авторскій.

2) Веденіе дѣла библіографіи рѣшено поручить Международному Совѣту (International Council). Окончательную же редакцію и печатаніе библіографіи Центральному Международному Бюро, подъ руководствомъ Международнаго Совѣта.

3. Каждая страна, которая изъявитъ согласіе на принятіе участія въ составленіи «Международной Библіографіи», обязуется собирать и классифицировать всѣ работы по естествознанію и математикѣ своего района согласно правиламъ Международнаго Совѣта и доставлять Центральному Бюро заглавія ихъ съ возможно краткимъ указаніемъ на ихъ содержаніе.

4) Въ библіографію должны войти всѣ самостоятельные труды по нижепоименованнымъ наукамъ, появляющіеся какъ въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ, статей и книгъ.

5) Центральное Бюро будетъ находиться въ Лондонѣ.

6) Положено просить Королевское Общество образовать коммиссію для разработки всѣхъ касающихся библіографіи вопросовъ, переданныхъ ему конференціей, а также не рѣшенныхъ первой конференціей; результаты же своей работы сообщить заинтересованнымъ правительствамъ. Этой же коммиссіи поручена была и выработка новой системы классификаціи, въ виду того, что существующія системы были признаны конференціей неудовлетворительными.

7) Положено для обоихъ отдѣловъ «Международной Библіографіи» принять англійскій языкъ, за исключеніемъ именъ авторовъ и заглавій, которыя будутъ печататься на языкѣ, на которомъ появилась работа или въ транскрипціи.

Полтора года потребовалось коммиссіи для принятія рѣшеній по предложеннымъ ей труднымъ и разнообразнымъ вопросамъ, какъ по отношенію къ выясненію въ деталяхъ плана изданія, такъ и необходимыхъ для обезпеченія этого предпріятія средствъ. Соображенія коммиссіи и послужили темой и основой разсужденій второй конференціи по «Международной Библіографіи», засѣдавшей въ Лондонѣ съ 11-го по 13-е октября 1898 года. На этой конференціи дѣло, однако, мало подвинулось впередъ; нѣкоторыми делегатами овладѣло даже сомнѣніе въ возможности успѣха предпріятія.

Изъ постановленій ея отмѣчу слѣдующія:

1) Для каждой науки, входящей въ библіографію, принята была классификаціонная схема, имѣющая оффиціальное значеніе; причемъ каждую науку положено обозначать особымъ символомъ.

2) Для каждой работы положено изготовлять, по крайней мѣрѣ, одну главную карточку (primary slip), съ обозначеніемъ имени автора и полнымъ заглавіемъ и указаніемъ на содержаніе работы.

3) Приняты конференціей выработанные Королевскимъ Обществомъ предложенія касательно учрежденія для организаціи работы: а) *Мѣстныхъ Бюро* (regional Bureau) въ каждой странѣ, на обязанности которыхъ должно лежать собираніе и предварительная классификація работъ района мѣстнаго бюро; б) *Центральнаго Бюро* (Central Bureau), ревизующаго карточки, доставляемыя мѣстными бюро; в) *Международныхъ Конгрессовъ* (International Convention), долженствующихъ собираться въ Лондонѣ въ 1905 и 1910 годахъ, а затѣмъ чрезъ каждыя десять лѣтъ для провѣрки и, если потребуется, и измѣненій въ постановкѣ библіографическаго предпріятія; г) *Международнаго Совѣта* (International Council), составленнаго изъ лицъ, выбранныхъ по одному каждымъ изъ мѣстныхъ бюро. Международному Совѣту поручается завѣдываніе библіографическимъ предпріятіемъ въ предѣлахъ постановленій, утвержденныхъ Международнымъ Конгрессомъ. Совѣтъ этотъ собирается каждые три года въ Лондонѣ, а также и по созыву предсѣдателя; д) *Международныхъ Комитетовъ* изъ спеціалистовъ (International Committies), для разрѣшенія вопросовъ по классификаціи.

4) Касательно ближайшаго веденія дѣла по «Международной Библіографіи» конференціей выработаны были слѣдующія постановленія: а) выбрать лицъ въ предварительный Международный Комитетъ и предоставить ему окончательную редакцію схемъ классификаціи. Въ составъ его вошли: Армстронгъ, Вальдейеръ, Вейсъ, Деканъ (Descamps), Ланглей, Пуанкаре, (Poincaré), Рюккеръ и Форстеръ; комитету было поручено увеличить число членовъ еще двумя лицами: представителями Россіи и Италіи; б) далѣе конференціей высказано было желаніе, чтобы делегаты, участвовавшіе въ конференціи, организовали въ подлежащихъ странахъ мѣстныя бюро (Regional Bureau) для обсужденія всѣхъ вопросовъ, касающихся библіографіи, и чтобы рѣшенія мѣстныхъ бюро были сообщены Международному Комитету по истеченіи шести мѣсяцевъ. Выбранному же Международному Комитету конференціей было поручено разработать отчетъ свой къ 31-му іюля 1899 года, который, по отпечатаніи его Королевскимъ Обществомъ, будетъ присоединенъ къ рѣшеніямъ конференціи.

5) Наконецъ, по разсмотрѣніи и обсужденіи представленныхъ смѣтъ расходовъ по «Международной Библіографіи», делегаты были приглашены сообщить Международному Комитету въ возможно скоромъ времени свѣдѣнія касательно взносовъ, отъ подлежащихъ странъ, для содержанія Центральнаго Бюро, въ видѣ подписки на опредѣленное число экземпляровъ библіографіи, или же какимъ-либо другимъ способомъ.

Въ 1899 году отъ 1-го—5-го августа происходили засѣданія предварительнаго Международнаго Комитета. Представительство Россіи было поручено Ѳ. П. Кеппену.

Международному Комитету предстояло прежде всего обсудить поступившія отъ мѣстныхъ бюро критическія замѣчанія касательно схемъ

«Международной Библіографіи», классификаціи наукъ и финансовую сторону предпріятія. По всѣмъ этимъ 3-мъ вопросамъ мнѣнія оказались настолько разнорѣчивыми, что вновь возникло сомнѣніе касательно возможности общаго соглашенія. Изъ положительныхъ результатовъ, приведу разработку схемъ классификаціи и принятую международнымъ комитетомъ классификацію наукъ, вошедшихъ въ библіографію, причемъ каждая наука подведена подъ одну изъ буквъ латинской азбуки; подъ буквой:

A. Математика.

B. Механика.

C. Физика.

D. Химія.

E. Астрономія.

F. Метеорологія (со включеніемъ земного магнетизма).

G. Минералогія (со включеніемъ петрографіи и кристаллографіи).

H. Геологія.

I. Географія (математическая и физическая).

K. Палеонтологія.

L. Біологія (général biologie).

M. Ботаника.

N. Зоологія.

O. Анатомія человѣка.

P. Физическая астрономія.

Q. Физіологія (со включеніемъ фармакологіи и экспериментальной патологіи).

R. Бактеріологія.

Кромѣ того было рѣшено, при докладѣ о конференціи отдѣльнымъ правительствамъ, обратить особое вниманіе на важность возможно скорѣйшаго устройства мѣстныхъ бюро. Англійскіе же представители были приглашены: 1) напечатать и издать въ возможно непродолжительномъ времени схемы, одобренныя предварительнымъ Международнымъ Комитетомъ; 2) составить исправленную смѣту расходовъ на библіографію; 3) издать полную ея программу, на основаніи совѣщаній на бывшихъ двухъ конференціяхъ и настоящаго комитета и 4) увѣдомить объ этомъ страны, содѣйствіе которыхъ желательно.

Для окончательнаго же рѣшенія по всѣмъ вопросамъ, касающимся библіографіи выражено желаніе созыва третьей международной конференціи къ Пасхѣ 1900 года. Въ виду этой цѣли было положено, что делегаты предстоящей конференціи запаслись бы полномочіемъ отъ правительствъ касательно какъ финансовыхъ, такъ и остальныхъ вопросовъ.

На состоявшейся въ назначенный срокъ 3-й конференціи, несмотря на отсутствіе довольно большого числа делегатовъ, удалось, наконецъ, настолько придти къ соглашенію по главнымъ пунктамъ, что предпріятіе изданія «Международной Библіографіи» можно было считать обезпеченнымъ, и предсѣдатель конференціи Горстъ въ заключеніе поздравилъ членовъ конференціи съ успѣшнымъ окончаніемъ организаціи этого грандіознаго предпріятія. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ со-

стоявшагося соглашенія была крупная уступка со стороны англійскихъ делегатовъ, они отказались отъ горячо отстаиваемой ими все время предложенія издавать «Международную Библіографію» не только отдѣльными томами, но и въ видѣ карточнаго каталога. Положено издавать библіографію ежегодно только томами, по каждой изъ вошедшихъ въ нее семнадцати наукъ, распредѣляя статьи какъ въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ, такъ и по предметамъ, согласно изданной Международнымъ Комитетомъ схемѣ.

Всѣ сношенія касательно изданія библіографіи возложены были на новый предварительный Международный Комитетъ, которому поручено сноситься, чрезъ посредство лондонскаго Королевскаго Общества, съ заинтересованными странами, съ цѣлью заручиться ихъ научнымъ и финансовымъ содѣйствіемъ по изданію «Международной Библіографіи».

Этими распоряженіями завершилась организаторская дѣятельность конференцій.

По предложенію директора Центральнаго Бюро каждое мѣстное бюро выбрало своего представителя въ Международный Совѣтъ. Со стороны Петербургскаго бюро былъ избранъ Ѳ. П. Кеппенъ.

Первое собраніе Международнаго Совѣта состоялось въ Лондонѣ 12-го декабря 1900 года; было рѣшено приступить къ изданію «Международной Библіографіи» перваго января 1901 года; кромѣ того выбранъ Исполнительный Комитетъ изъ делегатовъ лондонскаго Королевскаго Общества и изъ представителей четырехъ главнѣйшихъ подписчиковъ: Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Германіи, Франціи и Италіи

Въ составъ Международнаго Совѣта вошли слѣдующія лица:

Prof. H. E. Armstrong (Соединенные Штаты).
Dr. W. T. Blanford (Индія).
Dr. I. Brunhorst (Норвегія).
Dr. E. W. Dahlgren (Швеція).
Prof. Dr. I. H. Graf (Швейцарія).
Prof. I. W. Gregory (Викторія).
Prof. A. Heller (Венгрія).
Д-ръ Ѳ. П. Кеппенъ (Россія).
Dr. M. Knudsen (Данія).
Prof. D. I. Korteweg (Голландія).
Prof. H. Lamb (Австралія).
Prof. S. P. Langley (Соединенные Штаты).
Mons. D. Metaxas (Греція).
Prof. F. Del Paso y Troncoso (Мексика).
Prof. H. Poincaré (Франція).
R. Triemen Esq. (Капская колонія).
Dr. O. Uhlworm (Германія).
Prof. E. Weiss (Австрія).
Prof. I. Sakurai (Японія).

Директоромъ Исполнительнаго Комитета выбранъ *Dr. Forster Morley*.

Россія не осталась безучастной въ этомъ, въ высокой степени, важномъ и полезномъ международномъ предпріятіи. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ академіи наукъ. Физикоматематическое отдѣленіе въ засѣданіи 20-го ноября 1896 года постановило обратиться къ министру народнаго просвѣщенія съ запросомъ, не признаетъ ли онъ цѣлесообразнымъ предпринять какое-либо распоряженіе по поводу послѣдовавшаго дипломаческимъ путемъ приглашенія Россіи о принятіи участія въ изданіи «Международной Библіографіи». Отдѣленіе затѣмъ постановило помѣстить въ «Извѣстіяхъ», на русскомъ языкѣ, протоколы лондонской конференціи, состоявшейся въ іюлѣ текущаго 1896 года. Въ отвѣтъ за запросъ академіи былъ полученъ 20-го марта 1897 года отъ г. министра народнаго просвѣщенія отвѣтъ, въ которомъ г. министръ предложилъ Академіи образовать киммиссію для выясненія въ чемъ выразится участіе Россіи въ вышеозначенномъ предпріятіи а равно и опредѣлить примѣрную сумму для осуществленія предполагаемой работы. Положено образовать коммиссію въ составѣ академиковъ А. О. Ковалевскаго, С. И. Коржинскаго, М. Л. Рыкачева, А. С. Фаминцына и адъюнкта Ө. Н. Чернышева. Кромѣ того, для участія въ этой коммиссіи былъ приглашенъ библіотекарь публичной библіотеки Ө. П. Кеппенъ.

Нѣсколько было позже, въ 1898 году на съѣздѣ въ Кіевѣ, также возбуждено ходатайство объ участіи Россіи въ изданіи международной библіографіи; предложеніе это послѣдовало въ секціи математики, механики и астрономіи предсѣдательствовавшимъ въ этомъ засѣданіи профессоромъ А. В. Васильевымъ, при чемъ секціей было постановлено просить распорядительный комитетъ возбудить ходатайство объ участіи Россіи въ библіографическомъ изданіи лондонскаго Королевскаго Общества.

Въ виду вышеуказаннаго, неопредѣленнаго положенія дѣла объ изданіи «Международной Библіографіи» какъ на второй конференціи, такъ и на послѣдующемъ собраніи предварительнаго Международнаго Совѣта, коммиссія наша сочла болѣе разумнымъ обождать высказываніемъ своего окончательнаго сужденія относительно участія Россіи въ этомъ предпріятіи. Когда же въ 1900 году дѣло приняло явно благопріятный оборотъ, она энергично повела свою работу, пригласивъ въ свою среду: профессора И. П. Бородина, академика М. Я. Вилліе, ученаго секретаря метеорологической обсерваторіи Е. А. Гейнца, академиковъ К. Р. Залемана и Вл. Вл. Заленскаго, профессора А. А. Иностранцева, библіотекаря публичной библіотеки В. П. Ламбина, предсѣдателя русскаго библіографическаго общества А. М. Ловягина, профессора Н. А. Меншуткина, приватъ-доцентовъ с.-петербургскаго университета Б. К. Полѣнова и Д. Ф. Селиванова, академика А. А. Шахматова и библіотекаря зоологическаго музея Р. Г. Шмидта.

Въ этомъ усиленномъ составѣ коммиссія подвергла въ нѣсколькихъ

засѣданіяхъ стоящіе на очереди вопросы и пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) участіе Россіи въ изданіи «Международной Библіографіи» крайне желательно; 2) ближайшею заботою должно быть учрежденіе мѣстнаго бюро; 3) всего цѣлесообразнѣе, для обезпеченія успѣха дѣйствія мѣстнаго русскаго бюро, пріурочить его къ академіи наукъ; 4) составъ бюро опредѣленъ слѣдующій: предсѣдатель, вице-предсѣдатель и секретарь (первыя двѣ должности безплатныя) составляютъ правленіе. Бюро, представляется веденіе всего дѣла и оно же приглашаетъ спеціалистовъ для составленія карточекъ по «Международной Библіографіи» за опредѣленную плату. Карточки, составленныя сотрудниками, передаются секретарю, который руководитъ снятіемъ съ нихъ копій.

Нашей Коммиссіи предстояла довольно сложная задача, гораздо болѣе сложная, чѣмъ для большинства западныхъ европейскихъ народовъ. Въ виду того, что допущенными въ текстъ «Международной Библіографіи, были признаны только пять языковъ: латинскій, англійскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій, положено печатать заглавія статей на другихъ языкахъ, такъ и имена ихъ авторовъ латинскимъ шрифтомъ въ транскрипціи. Не уклоняясь отъ транскрипція, наша коммиссія сдѣлала, однако, въ Лондонѣ категорическое заявленіе, чтобы имена авторовъ русскихъ статей, а равно и полное заглавіе статей были бы печатаемы русскимъ гражданскимъ шрифтомъ, и что, въ случаѣ несогласія на наше предложеніе, мы находимъ невозможнымъ участіе Россіи въ этомъ предпріятіи. Получивъ согласіе на наше представленіе, коммиссія приступила къ исполненію возложеннаго на нее порученія: опредѣлить степень участія Россіи въ изданіи Международной Библіографіи, въ деталяхъ разработать организацію мѣстнаго бюро и подготовить почву для успѣшной его дѣятельности.

Съ этою цѣлью коммиссіей было сдѣлано слѣдующее:

1) Переведена на русскомъ языкѣ и напечатана полученная для мѣстнаго бюро инструкція по составленію карточекъ для «Международной Библіографіи» по естествознанію и математикѣ.

2) Составленъ полный списокъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи, по естествознанію и математикѣ, со включеніемъ журналовъ общаго содержанія, въ которыхъ встрѣчаются научныя статьи по вышеупомянутымъ наукамъ; заглавія періодическихъ изданій въ этомъ спискѣ даны и въ переводѣ на французскій языкъ съ соотвѣтственными сокращеніями. Въ составъ списка вошло 392 заглавія періодическихъ изданій.

3) Составлены и напечатаны правила транскрипціи фамилій и именъ авторовъ. По опредѣленію особой, составленной для выработки правилъ транскрипціи коммиссіи, положено было въ основаніе транскрипціи звуковое значеніе латинскихъ буквъ *чешской* азбуки, такъ какъ она совершеннѣе всѣхъ остальныхъ передаетъ звуковыя особенност русской рѣчи.

Напр. русскимъ шрифтомъ: Ягода, объявляю и проч.

Чешскими буквами: jagoda, objavlaju.

При этомъ способѣ транскрипціи безъ труда и при полномъ звуковомъ соотвѣтствіи передаются цѣлыя стихотворенія.

Напр. русскимъ шрифтомъ: Мой милый другъ, разстался я съ тобою.

Чешскими буквами: Moj milyj drug, razstalsia ja s toboju *).

4) Удалось значительно упростить предстоящую нашему бюро каталогизацію сношеніями съ Краковской Академіей наукъ и Финляндіей. Краковская Академія приступила, еще раньше осуществленія предпріятія «Международной Библіографіи» по естествознанію и математикѣ, къ изданію польской библіографіи независимо отъ мѣста появленія книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій, и затѣмъ приспособила это изданіе къ тому, чтобы оно могло войти цѣликомъ въ «Международную Библіографію». Поэтому предстоявшій намъ трудъ каталогизаціи польскихъ книгъ, выходящихъ въ Россіи, оказался излишнимъ, и Физико-математическое отдѣленіе, по представленію бюро, согласилось предоставить этотъ трудъ Краковской Академіи наукъ. Изъ сношеній съ Гельсингфорсомъ, именно съ профессорами Рамзаемъ и Тигерштетомъ, выяснилось, что въ Гельсингфорсѣ уже образовано мѣстное бюро, взявшее на себя каталогизацію всего, выходящаго въ Финляндіи по естествознанію и математикѣ. Отъ насъ никакого расхода на этотъ предметъ не потребуется, и гельсингфорское бюро вошло уже въ непосредственное сношеніе съ лондонскимъ бюро.

5) Коммиссія составила приблизительную смѣту необходимыхъ средствъ для участія Россіи въ «Международной Библіографіи».

Закончивъ такимъ образомъ возложенныя на нее порученія, Коммиссія обратилась въ Физико-математическое отдѣленіе съ просьбою о назначеніи лицъ въ составъ мѣстнаго бюро, при Академіи Наукъ и о ходатайствѣ передъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ ассигнованіи средствъ на работы по участію въ изданіи «Международной Библіографіи».

Физико-математическое отдѣленіе избрало предсѣдателемъ бюро академика А. С. Фаминцына, а товарищемъ предсѣдателя проф. Н. А. Меншуткина **), предоставимъ этимъ двумъ лицамъ выборъ секретаря бюро и сотрудниковъ. Секретаремъ избранъ былъ ученый секретарь Физической обсерваторіи Евгеній Альфредовичъ Гейнцъ.

Въ настоящее время сотрудниками бюро состоятъ слѣдующія лица:

---

*) Желающимъ ознакомиться съ правилами этой транскрипціи С.-Петербургское мѣстное бюро готово доставлять по почтѣ эти правила на запросы, адресованные по адресу: С.-Петербургъ, Главная Физическая Обсерваторія, г. ученому секретарю Евгенію Альфредовичу Гейнцу.

**) За выходомъ проф. Меншуткина, вице-предсѣдателемъ состоитъ въ настоящее время академикъ И. П. Бородинъ.

По *Математикѣ* (А) и *Механикѣ* (В) — приватъ-доцентъ университета *Д. Ф. Селивановъ.*

» *Физикѣ* (С)—проф. университета *И. И. Боргманъ.*

» *Химіи* (D)—проф. Михайловской артиллерійской академіи *В. Н. Ипатьевъ.*

» *Астрономіи* (Е)—старшій астрономъ Пулковской обсерваторіи *С. К. Костинскій.*

» *Метеорологіи* (F)—ученый секретарь главной физической обсерваторіи *Е. А. Гейнцъ.*

» *Геологіи* (Н) и *Минералогіи* (G) — секретарь и библіотекарь геологическаго комитета *Н. Ф. Погребовъ.*

» *Палеонтологіи* (К)—приватъ-доцентъ университета *Б. К. Полѣновъ.*

» *Географіи* (I) — вице-предсѣдатель отдѣленія физической географіи географическаго общества *Ю. М. Шокальскій.*

» *Біологіи* (L) и *Ботаникѣ* (М)—академикъ *И. П. Бородинъ.*

» *Зоологіи* (N)—библіотекарь зоологическаго музея *В. Г. Шмидтъ.*

» *Анатоміи* (О)—проф. женскаго медицинскаго института *В. Н. Тонковъ.*

» *Антропологіи* (Р) — приватъ-доцентъ университета *Д. А. Коробчевскій.*

» *Физіологіи* (Q) и *Бактеріологіи* (R) — д-ръ медицины *С. А. Новосельскій.*

Представителями другихъ учрежденій избраны: отъ Имп. публичной библіотеки: *Ѳ. П. Кеппенъ* и *В. П. Ламбинъ.* Отъ Русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла: академикъ *М. Я. Вилліе* и *В. В. Сабанинъ*, вице-предсѣдатель общества.

Ходатайство бюро о денежной поддержкѣ со стороны правительства увѣнчалось успѣхомъ. Г. министръ финансовъ нашелъ возможнымъ опредѣлить выдачу 4.000 руб. на 1901 годъ и по 10.000 руб. въ каждый изъ послѣдующихъ. Значительный размѣръ этой суммы вызванъ былъ ежегодною подпиской со стороны Россіи на опредѣленное число экземпляровъ «Международной Библіографіи», цѣнностью приблизительно въ 170 рублей за экземпляръ. По всестороннемъ обсужденіи вопроса о подпискѣ на опредѣленное число экземпляровъ «Международной Библіографіи», бюро постановило ограничиться выпискою 25 экземпляровъ, на сумму 4.250 руб., считая круглымъ счетомъ по 170 руб. за полный экземпляръ.

Мѣстное наше бюро, кромѣ главнаго предмета занятій: составленія карточекъ для «Международной библіографіи» съ транскрипціей имени автора и заглавія и перевода послѣдняго на одинъ изъ выше перечисленныхъ 5-ти языковъ, до послѣдняго времени продолжала разрабатывать въ деталяхъ транскрипцію и правила инструкціи, видоизмѣняя нѣкоторыя изъ нихъ и добавляя новыя сообразно съ неотложными

потребностями нашего бюро. Большая часть заглавій карточекъ за 1901 годъ (въ числѣ 6.850 карточекъ) уже отправлена въ іюнѣ въ Лондонъ; недостающія относятся лишь до статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ журналахъ, запаздывающихъ своимъ появленіемъ, отчасти же и вслѣдствіе запаздыванія передачи книгъ цензурнымъ комитетомъ, въ наши главныя книгохранилища: публичную библіотеку и въ библіотеку академіи наукъ.

Работа бюро особенно затрудняется малой разработанностью и несовершенствомъ изданныхъ въ Лондонѣ предварительнымъ международнымъ комитетомъ схемъ, обязательныхъ для мѣстныхъ бюро до 1905 года, т.-е. времени засѣданія международнаго конгресса, созываемаго, какъ выше было уже сказано, въ опредѣленные промежутки времени для просмотра и, если потребуется, измѣненій всякаго рода постановленій, касающихся веденія дѣла по международной библіографіи.

Касательно какъ деталей, такъ и всей системы классификаціи выработанной лондонскимъ Королевскимъ Обществомъ и положенным, хотя и съ крупными измѣненіями, въ основу «Международной Библіографіи», съ самаго начала высказывалось рѣзкое порицаніе со стороны французскихъ, бельгійскихъ, швейцарскихъ и нѣмецкихъ спеціалистовъ-библіографовъ.

Въ отчетѣ г. библіотекаря публичной библіотеки Ѳ. П. Кеппена о его командировкѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія на библіографическую конференцію въ Лондонѣ въ 1899 г., озаглавленномъ «Объ изданіи Международной Библіографіи по точнымъ наукамъ» находятся подробныя указанія касательно пяти критическихъ статей, указывающихъ на существенные недочеты классификаціонной системы въ «Международной Библіографіи». (см. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1900 годъ). Этимъ интереснымъ во многихъ отношеніяхъ и обстоятельнымъ отчетомъ я широко пользовался при составленіи настоящей статьи. Подобныя возраженія не перестаютъ раздаваться и въ настоящее время, и поведутъ, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ къ коренной реформѣ принятой системы. Пока же приходится поневолѣ мириться съ ея неудобствами, что ставитъ нерѣдко пишущаго заглавныя карточки въ очень затруднительное, подчасъ безвыходное положеніе. Наше бюро озабочено теперь собираніемъ мнѣній касательно схемъ не только своихъ сотрудниковъ, но и постороннихъ русскихъ ученыхъ и предполагаетъ, изъ свода полученныхъ заявленій, выработать подробный указатель неудобствъ системы и средствъ къ ихъ устраненію на будущее время.

Неудобства эти однако къ счастью не помѣшали началу осуществленія грандіознаго предпріятія «Международной Библіографіи». Уже напечатаны и нашимъ бюро получены два первыхъ полутома по ботаникѣ и химіи, in 8^0, первый въ 378, а послѣдній въ 468 страницъ.

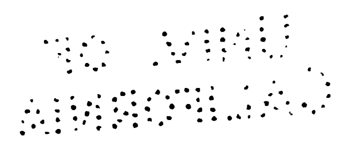
Каждый изъ этихъ полутомовъ снабженъ введеніемъ, схемой классификаціи наукъ и указаніемъ какъ пользоваться каталогами «Международной Библіографіи», авторскимъ и предметнымъ.

Примѣчаніе. Для желающихъ выписывать изъ Лондона изданіе «Международной Библіографіи» считаю не лишнимъ прибавить къ вышесказанному слѣдующее:

Первоначально была назначена цѣна всего годового изданія «Международной Библіографіи» въ 17-ти томахъ въ 17 фунтовъ стерлинговъ (170 руб.) или приблизительно по фунту стерлинговъ за томъ по каждой наукѣ. Въ настоящее время цѣна нѣсколько увеличена, именно; за все годовое изданіе 18 фунтовъ (приблизительно 180 руб.) и за каждый томъ приблизительно 11 рублей. Въ виду затрудненій, для частныхъ лицъ и обществъ, выписки этихъ книгъ изъ Лондона (London, Harisson and Son's, 45, St. Martins Lane) и желанія, съ своей стороны, содѣйствовать облегченію выписки «Международной Библіографіи» въ Россіи, С.-Петербургское мѣстное бюро рѣшилось взять на себя роль посредника въ этомъ дѣлѣ. Желающіе выписать это изданіе въ цѣломъ или отдѣльными томами приглашаются адресовать свой заказъ на имя ученаго секретаря физической обсерваторіи Евгенія Альфредовича Гейнца, по выше данному адресу, и съ приложеніемъ суммы, соотвѣтственной заказу. Болѣе подробныя указанія касательно сроковъ выписки и другихъ частностей будетъ сообщено отъ бюро въ свое время.

Эти вещественныя, неотразимыя доказательства успѣха позволяютъ надѣяться, что существующія еще, въ настоящее время, препятствія къ правильному ходу изданія «Международной Библіографіи» будутъ преодолѣны въ недалекомъ будущемъ: Дружными усиліями всѣхъ народовъ земного шара удастся, по всему вѣроятію, достигнуть желаемаго результата, особенно отраднаго и интереснаго какъ первая осуществленная попытка сліянія воедино всѣхъ націй, въ стремленіи къ одной и той же цѣли: водворенія на землѣ для всего человѣчества одной семьи, безъ враговъ внѣшнихъ и завистниковъ.

А. Фаминцынъ.



МЕТТЕРНИХЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

(Историческій очеркъ).

(*Продолженіе*) *)

X.

Фабула, задуманная драматургомъ, рѣдко бываетъ такъ сложна и запутана, такъ богата неожиданностями, сценическими эпизодами, неподражаемымъ комизмомъ, какъ исторія вѣнскаго конгресса. Тутъ было все: и интриги, и подкупы, и женщины, и громкія слова, за которыми скрывались низменные эгоистичные интересы, и торжественныя празднества въ честь «согласія и мира», на которыхъ подготовлялись измѣна и вѣроломство. Достаточно вспомнить о заключенномъ тайномъ союзѣ между Австріей, Англіей и Франціей противъ вчерашнихъ и сегодняшнихъ оффиціальныхъ союзниковъ первыхъ двухъ государствъ, Россіи и Пруссіи, чтобы можно было судить о духѣ, господствовавшемъ на конгрессѣ. Вѣрную характеристику вѣнскаго конгресса даетъ ближайшій сотрудникъ Меттерниха Генцъ, не стѣснявшійся въ своихъ частныхъ письмахъ называть вещи ихъ собственными именами. «Громкія фразы о преобразованіи общественнаго строя, объ обновленіи политической системы Европы, о прочномъ мирѣ, основанномъ на справедливомъ распредѣленіи силъ, и прочее, и прочее пускались въ ходъ, чтобы обманывать народъ и придать этому собранію характеръ достоинства и величія. Однако же, главною цѣлью было раздѣлить между побѣдителями добычу, отнятую у побѣжденнаго».

Добыча была очень обильная, а аппетиты у побѣдителей развиты до крайней степени. Пруссія, кромѣ своихъ старыхъ провинцій, хотѣла присоединить къ себѣ и все саксонское королевство, владѣтель котораго былъ въ союзѣ съ Наполеономъ; Александръ хотѣлъ присоединить къ Россіи варшавское герцогство, Австрія—свои бывшія владѣнія въ Германіи, Италіи и Галиціи. Цѣлая вереница большихъ и мелкихъ владѣтелей рейнской конфедераціи стремилась сохранить положеніе, созданное въ ихъ пользу Наполеономъ; детронированные по-

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь. 190 г.

слѣднимъ итальянскіе короли и князья желали вступить обратно на свои потерянные престолы. Послѣ территоріальныхъ вопросовъ шли вопросы политическіе, какъ, напримѣръ, будущее устройство Германіи.

Единственными государствами, которыя не требовали никакихъ территоріальныхъ увеличеній, были Англія и Франція. Интересы первой заключались въ уничтоженіи власти Наполеона, въ военномъ господствѣ на моряхъ и въ экономическомъ—на континентѣ. Положеніе Франціи было болѣе исключительнымъ. Хотя это уже не была Франція Наполеона, а Франція Бурбоновъ, предполагаемыхъ союзниковъ монархической Европы, но по тайному парижскому договору, заключенному въ 1813 году между Австріей, Россіей, Англіей и Пруссіей, она была поставлена подъ фактическимъ контролемъ послѣднихъ и низведена до степени неблагонадежной державы, которую слѣдуетъ устранять фактически отъ общихъ дѣлъ Европы. Поэтому, и въ первое время роль Франціи на вѣнскомъ конгрессѣ была совсѣмъ ничтожной. Делегаты четырехъ союзныхъ государствъ не допускали на свои предварительныя засѣданія французскихъ уполномоченныхъ и старались въ то же время изолировать ихъ отъ делегатовъ другихъ странъ. Такъ, напримѣръ, Меттернихъ негодовалъ на испанскаго посланника Лабрадора за его сношенія съ Талейраномъ. «Видѣлись ли съ г. Талейраномъ?—спросилъ баварскій король того же самаго посланника и, послѣ утвердительнаго отвѣта послѣдняго, прибавилъ:—я тоже хотѣлъ бы видѣться съ нимъ, но не рѣшаюсь». Однако, Франція скоро вышла изъ этого своего рода духовнаго запрещенія, благодаря возникнувшимъ между союзными государствами раздорамъ. Главная причина разногласія заключалась въ саксонскомъ и польскомъ вопросѣ. Австрія смотрѣла съ большимъ опасеніемъ на увеличеніе Пруссіи—своей вчерашней и завтрашней соперницы по вліянію на нѣмецкія государства. Этимъ объясняется и сопротивленіе, оказанное Меттернихомъ въ Парижѣ Пруссіи, желавшей получить часть французской территоріи съ лѣваго берега Рейна. Благодаря оппозиціи Меттерниха, дѣйствовавшаго въ этомъ случаѣ заодно съ Англіей, Пруссія не могла получить съ той стороны никакихъ увеличеній *). Но съ тѣмъ большимъ упорствомъ обиженные прусскіе дипломаты требовали на вѣнскомъ конгрессѣ присоединенія всего саксонскаго королевства къ прусскимъ владѣніямъ. Желанія Пруссіи встрѣчали полное сочувствіе Александра I, получившаго взамѣнъ поддержки, которую онъ давалъ Пруссіи, ея обѣщаніе содѣйствовать ему для присоединенія къ Россіи варшавскаго герцогства. Но если Австрія боялась усиленія Пруссіи, она точно также не могла смотрѣть безъ страха на распространеніе русскаго владычества и вліянія на среднюю Европу. Не меньше опасалась этого факта и Англія, не забывавшая своего исконнаго антагонизма съ Россіей на

*) Albert Sorel «Le traité de Paris». P. 1873. p. 71.

востокѣ. Эта несовмѣстимость интересовъ союзниковъ и открывала широкое поле для подпольныхъ интригъ, которыми занялись Меттернихъ и Талейранъ.

Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай говорить о бывшемъ аббатѣ Талейранѣ, служившемъ съ одинаковымъ усердіемъ и съ одинаковымъ вѣроломствомъ всѣмъ режимамъ, но здѣсь, на вѣнскомъ конгрессѣ, онъ выступилъ впервые во весь свой ростъ остроумнаго, смѣлаго и ловкаго интригана. Какой-то подпольный юмористическій листокъ, выходившій въ 1814 году въ Вѣнѣ, изображалъ французскаго уполномоченнаго съ шестью головами и подъ каждой изъ нихъ было написано· «Да здравствуетъ революція»!—«Да здравствуетъ республика!»—«Да здравствуетъ первый консулъ!»—«Да здравствуетъ императоръ»!—«Да здравствуетъ король»! Подъ шестой—«Да здравствуетъ...» (неизвѣстно что). Каррикатуристъ вѣрно предвидѣлъ: пятнадцать лѣтъ спустя, Талейранъ кричалъ: да здравствуетъ Луи-Филиппъ! Онъ началъ свою общественную карьеру аббатомъ—званіе, которое скоро бросилъ ради распутной свѣтской жизни, но подъ старость онъ захотѣлъ еще разъ обмануть и людей, и Бога, примирившись съ церковью. Остроумныя слова Талейрана обходили не только парижскіе, но и столичные салоны остальной Европы. «Глупѣе Маре есть только одинъ человѣкъ въ мірѣ,—говорилъ онъ,—это герцогъ Бассоно» *). «Штыками можно воевать, но на нихъ сидѣть нельзя», сказалъ Талейранъ при другомъ случаѣ. Но тотъ же самый Талейранъ говорилъ: «Остроуміемъ можно сдѣлать все и не добиться ни чего». Талейранъ принадлежалъ къ категоріи безнравственныхъ, ни во что невѣрующихъ сеньоровъ стараго режима, относившихся къ своимъ убѣжденіямъ, какъ къ монетѣ, которую можно размѣнять на власть, почести и удовольствія. Однако, и въ этомъ занятіи бываютъ люди неопытные, легко попадающіеся при первой продѣлкѣ, но бываютъ и такіе артисты, которые могутъ до конца жизни безнаказанно упражняться въ подобной торговлѣ. Къ послѣднимъ именно принадлежалъ Талейранъ. Его проницательность, осторожность, спокойствіе духа, находчивость и остроуміе способствовали ему лавировать среди самыхъ опасныхъ рифовъ политической жизни, о которые не одинъ менѣе ловкій дипломатъ разбивалъ свою будущность.

Мы уже видѣли, какъ Талейранъ, будучи министромъ и оберъ-камергеромъ Наполеона, велъ подозрительныя сношенія съ Меттернихомъ и позже съ Александромъ. Наполеонъ, возвратившись изъ Испаніи, лишилъ Талейрана этихъ должностей послѣ бурной сцены, во время которой онъ его назвалъ *государственнымъ преступникомъ*. Однако, это ничуть не смутило Талейрана. Онъ продолжалъ являться

*) Маре (герцогъ Бассоно) занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ.

первымъ на всѣхъ церемоніяхъ и своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ вызывалъ удивленіе всѣхъ, и въ особенности находившаго въ это время въ Парижѣ канцлера Румянцева. Въ своей длинной карьерѣ русскому сановнику приходилось видѣть, какъ воздвигались и рушились положенія многихъ знаменитыхъ людей, «но никогда,—писалъ онъ Александру,—я не видѣлъ человѣка, встрѣчающаго немилость съ такою гордостью, какъ Талейранъ». И послѣ своего паденія, Талейранъ продолжалъ тайныя сношенія съ Александромъ черезъ секретаря русскаго посольства въ Парижѣ Нессельроде или прямо письмами, въ которыхъ онъ давалъ полезныя указанія относительно внутренняго состоянія Франціи, политики Наполеона и пр.

По какимъ побужденіямъ дѣйствовалъ Талейранъ? Съ одной стороны, чуя близкое паденіе Наполеона, онъ хотѣлъ подготовить свою будущую карьеру, а съ другой — эти сообщенія приносили ему непосредственныя выгоды, о чемъ свидѣтельствуютъ письма съ просьбой денегъ, которыми онъ осаждалъ своего царственнаго корреспондента*). Благодаря покровительству послѣдняго, Таллейранъ сдѣлался главою временнаго правительства до возвращенія Бурбоновъ, а потомъ министромъ послѣднихъ.

Новый постъ Талейрана возлагалъ на него и новыя обязанности, въ которыя онъ входилъ такъ же легко, какъ легко забывалъ свои старыя обязательства. Теперь, временно, по крайней мѣрѣ, его личные интересы былъ солидарны съ интересами Бурбоновъ. Поэтому, всѣ его дѣйствія на вѣнскомъ конгрессѣ были направлены къ тому, чтобы пріобрѣсти для нихъ то почетное мѣсто, которое они должны были занимать, какъ владѣтели великой державы.

Отлично знавшій людей и событія, Талейранъ скоро оріентировался въ пестрой космополитической толпѣ государей и дипломатовъ, собравшихся въ Вѣнѣ. Еще съ перваго момента своего появленія онъ принялъ гордый и достойный тонъ и сталъ разыгрывать «министра Людовика XIV-го», какъ выражался Александръ. Это ему было тѣмъ легче, что Франція, не имѣя возможности требовать какихъ-либо территоріальныхъ вознагражденій, смѣло могла выступить въ роли защитницы международнаго права и сдѣлаться, такимъ образомъ, своего рода арбитромъ между борящимися странами.

Очень характерна, какъ для личности Талейрана, такъ и для личности Александра, бесѣда, описываемая самимъ Талейраномъ и происшедшая между нимъ и царемъ скоро послѣ пріѣзда перваго. «Теперь, — сказалъ царь, — пора поговорить и о нашихъ дѣлахъ. Нужно, чтобы мы ихъ здѣсь и покончили».—Это будетъ зависѣть отъ вашего величества. Они кончатся легко и скоро, если ваше величество пока-

---

*) Текстъ этихъ писемъ напечатанъ въ приложеніи къ книгѣ Н. К. Шильдера объ Александрѣ I.

жетъ то же благородство и величіе характера, какое вы показали въ дѣлахъ Франціи. — «Но нужно, чтобы всѣ получили удовлетвореніе своихъ интересовъ».—А также и всѣхъ своихъ правъ. Ваше величество должно желать сохранить только то, что приходится ему по праву.— «Я дѣйствую въ согласіи съ великими державами». — Не знаю, считаетъ ли ваше величество среди нихъ и Францію?—«Да, несомнѣнно. Если вы не желаете, чтобы каждый обезпечилъ свои интересы, то чего же вы можете желать?»—Я ставлю прежде всего права, а потомъ интересы.—«Интересы Европы--это права ея».—Эти слова, сиръ, не ваши. Они вамъ чужды, ваше сердце ихъ порицаетъ.—«Нѣтъ я повторяю: интересы Европы — это и ея права».

«Тогда я, — продолжаетъ Талейранъ, — повернувшись къ столику, возлѣ котораго сидѣлъ и, оперпись головой на руку, ударилъ кулакомъ и сказалъ: «Европа, Европа, несчастная Европа!» Потомъ повернувшись въ сторону императора, я спросилъ: «Развѣ вы согласитесь быть причиной ея гибели?» — «Скорѣе буду воевать, но не уступлю того, что занимаю». Я опустилъ свои руки и, принявъ выраженіе очень огорченнаго человѣка, готоваго сказать: «что же, если война будетъ, то не по нашей винѣ», хранилъ молчаніе. Царь тоже нѣсколько минутъ оставался въ раздумьи, потомъ началъ повторять: «Да, скорѣе война!» Я оставался въ томъ же положеніи. Тогда онъ, поднявъ руки, началъ размахивать ими — такимъ я его никогда не видалъ — и этимъ припомнилъ мнѣ живо послѣдній пассажъ рѣчи о Маркѣ Авреліи. «Уже время спектакля, — сказалъ царь.—Я долженъ идти, такъ какъ обѣщалъ императору Францу, который дожидается меня». Онъ ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ дверь снова открылась, онъ вошелъ, обнялъ меня обѣими руками и, прижавъ къ себѣ, сказалъ не своимъ голосомъ: «Прощайте, прощайте, мы еще увидимся».

При другомъ случаѣ Талейранъ заговорилъ съ Александромъ о польскомъ вопросѣ, предлагая поддержать его, если онъ серьезно желаетъ возстановить *независимую Польшу*. «Быть можетъ,—отвѣчалъ царь,— будетъ день, когда окажется возможнымъ возстановить Польшу, но теперь объ этомъ нельзя думать». Когда при третьемъ разговорѣ Александръ сказалъ, что слѣдуетъ наказать саксонскаго короля, присоединивъ его территорію къ Прусссіи, за то, что онъ измѣнялъ интересамъ Европы, Талейранъ отвѣтилъ съ ироніей: «Сиръ, это только вопросъ времени». Такой же отпоръ встрѣчала политика Александра и со стороны Англіи.

«Мы хотимъ сдѣлать хорошее и благородное дѣло,—говорилъ Александръ англійскому уполномоченному, лорду Stenart'y,—мы подымемъ Польшу и дадимъ ей въ государи или одного изъ моихъ братьевъ, или мужа моей сестры» (ольденбургской герцогини).—«Я въ этомъ не вижу независимости Польши», отвѣтилъ Stenart.

При такомъ настроеніи дипломатовъ, засѣданія конгресса легко

принимали очень бурный характеръ. Когда въ первый разъ Талейрану удалось попасть на одно изъ приготовительныхъ собраній, 6-го октября, онъ замѣтилъ, что, противъ принятаго регламента, возлѣ немецкаго министра Гарденберга сидѣлъ еще какой-то прусскій чиновникъ,—Гумбольдтъ, какъ оказалось потомъ,—Талейранъ сердито спросилъ: «А этотъ господинъ,—что ищетъ здѣсь?» «Гарденбергъ глухой,—объяснилъ кто-то: и Гумбольдтъ приставленъ къ нему въ помощники».

Талейранъ, хромой отъ рожденія, ударилъ своэй больной ногой о полъ, сказавъ: «Если недугъ даетъ право на помощника, я тоже требую его себѣ». На этомъ засѣданіи долженъ былъ быть составленъ окончательный протоколъ о порядкѣ занятій конгресса. Талейранъ, въ пику Пруссіи, потребовалъ внести, какъ предварительное замѣчаніе, въ протоколъ, что конгрессъ будетъ руководствоваться постановленіями международнаго права. Это предложеніе вызвало бурную траги-комическую сцену: «Г. де-Гарденбергъ,—пишетъ Талейранъ,—всталъ и, опираясь кулаками о столъ, началъ кричать громко, какъ всѣ люди, страждующіе его недугомъ: «Нѣтъ, милостивый государь, международное право... это безполезно. Почему говоримъ, что мы будемъ руководствоваться международнымъ правомъ? Это само собою понятно!» Я ему отвѣтилъ,—что «если это понятно безъ словъ, то тѣмъ понятнѣе оно станетъ, если упомянуть объ этомъ въ протоколѣ». Г. де-Гумбольдтъ возразилъ: «Какое дѣло до насъ международному праву?» Я же отвѣтилъ: «Оно дѣлаетъ то, что вы здѣсь». Талейранъ добился своего, а Генцъ, постоянный секретарь конгресса, вставая, сказалъ: «Господа, это засѣданіе будетъ записано на страницахъ исторіи, но, конечно, не я стану его записывать...»

Вернемся теперь къ Меттерниху.

XI.

Мы видѣли, что первыя дѣйствія Меттерниха были направлены противъ Талейрана. Снъ зналъ отлично его силу и боялся, что Талейранъ составитъ себѣ партію изъ мелкихъ властителей Германіи и Италіи, съ которыми у Австріи было не мало спорныхъ вопросовъ. Сужденія Талейрана о Меттернихѣ, въ эти первые дни его пребыванія въ Вѣнѣ, тоже были проникнуты враждебнымъ чувствомъ. Онъ его называетъ въ своихъ письмахъ «ребенкомъ», «человѣкомъ изворотливымъ, мѣняющимъ свои убѣжденія еженедѣльно».

Главнымъ желаніемъ Меттерниха было поссорить Пруссію съ Россіей. Съ этой цѣлью онъ выразилъ Александру намѣреніе поддержать его въ польскомъ вопроссѣ, но съ условіемъ, что тотъ, съ своей стороны, потребуетъ отъ Пруссіи отказаться отъ своихъ завоевательныхъ видовъ на Саксонію. Неизвѣстно, поддался ли Александръ интригѣ Меттерниха, но достовѣрно, что Меттернихъ сдѣлалъ одновременно

аналогичное предложеніе и Пруссіи: онъ обѣщался помогать ей овладѣть Саксоніей, если она будетъ сопротивляться русскимъ претензіямъ на Варшавское герцогство. Дабы еще больше запутать свою интригу, Меттернихъ далъ понять Гарденбергу, что Александръ не прочь оставить Пруссію, если Австрія согласиться уступить ему варшавское герцогство; министръ увидѣлъ въ этомъ фактѣ измѣну со стороны Александра, давшаго ему слово поддержать Пруссію, и при первой встрѣчѣ вступаетъ съ нимъ въ объясненіе. Здѣсь и обнаружилась вся интрига, подстроенная Меттернихомъ.

Результатомъ этого инцидента была бурная сцена между царемъ и австрійскимъ министромъ, закончившаяся полной ссорой. Меттернихъ старался взвалить все на глухоту Гарденберга, не понявшаго будто бы его словъ, но Александръ, отлично знавшій пріемы хитраго дипломата, не хотѣлъ принимать его объясненій.

«Меттернихъ единственный человѣкъ Австріи,—говорилъ онъ,—который позволяетъ себѣ столь мятежный языкъ» *). Александръ не ограничился этими словесными порицаніями; онъ послалъ Меттерниху вызовъ. По тѣмъ или другимъ причинамъ дуэль не состоялась, но царь и Меттернихъ перестали раскланиваться и избѣгали, насколько возможно, общихъ встрѣчъ**). Извѣстіе о ссорѣ Меттерниха съ царемъ обошло вѣнское общество, вызывая шумные толки, о которыхъ Талейранъ доносилъ и Людовику XVIII. Объ этой ссорѣ говоритъ и Генцъ въ письмѣ къ валашскому владѣтелю Караджа, но онъ ее объясняетъ кромѣ политическихъ причинъ еще и мотивами частнаго характера.

Столкновеніе Меттерниха съ Александромъ и Гарденбергомъ заставило его сблизиться съ Талейраномъ. Результатомъ ихъ совмѣстныхъ бесѣдъ, на которыхъ присутствовалъ и англійскій уполномоченный лордъ Кастельри, было заключеніе 28-го декабря 1814 г. тайнаго договора между Австріей, Франціей и Англіей противъ Россіи и Пруссіи. Союзники обязались выставить каждый по 150.000 солдатъ войска и назначить одного общаго главнокомандующаго. Война должна была быть объявлена, въ случаѣ, если Россія и Пруссія не согласятся уступить въ своихъ требованіяхъ. Особенно ликовалъ по этому поводу Талейранъ, котораго всего два мѣсяца тому назадъ не хотѣли даже принимать на приготовительныхъ засѣданіяхъ конгресса.

Этотъ секретный договоръ послужилъ поводомъ къ новой сценѣ между Меттернихомъ и Александромъ. Когда Наполеонъ вернулся съ о. Эльбы въ Парижъ, онъ нашелъ копію съ договора въ бумагахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и сейчасъ же послалъ экземпляръ Александру въ Вѣну. Разсказываютъ, что царь позвалъ къ себѣ Меттерниха и въ присутствіи Штейна спросилъ, показавъ ему бумагу:

---

*) Н. К. Шильдеръ, III, 285.

**) Metternich, I, 327.

«Извѣстенъ ли вамъ этотъ документъ?» Меттернихъ, не измѣнившись въ лицѣ, молчалъ, подыскивая отвѣтъ. Когда онъ хотѣлъ заговорить, Александръ прервалъ его словами: «Меттернихъ, пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора между нами. Теперь намъ предстоятъ другія дѣла. Наполеонъ возвратился, и поэтому нашъ союзъ долженъ быть крѣпче, чѣмъ когда-либо». Потомъ онъ бросилъ бумагу въ огонь *). Но очень правдоподобно и предположеніе Гервинуса, что о тайномъ договорѣ Александръ узналъ еще во время конгресса. Этимъ, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить уступчивость, которую онъ проявилъ, согласившись отдать часть варшавскаго герцогства Австріи и Пруссіи. Послѣдняя съ своей стороны оставила саксонскому королю часть его территоріи.

Такому концу переговоровъ много способствовали и горячія порицанія, которыя были вызваны въ англійскомъ парламентѣ поведеніемъ союзниковъ въ Германіи. Особенно негодовала палата общинъ на князя Репнина, который не дожидаясь рѣшенія конгресса, хотѣлъ отдать занятую русскими войсками Саксонію Пруссіи **).

Вѣнскій конгрессъ тянулся почти шесть мѣсяцевъ, по дѣламъ была посвящена только незначительная часть этого времени. Остальные часы делегаты проводили на охотѣ, концертахъ, балахъ, что заставило принца де-Линя сказать: «Le congrs dansèe, mais ne marche pas».

По случаю конгресса въ Вѣну пріѣхало множество королей, королевъ, наслѣдниковъ и великихъ княгинь. Здѣсь былъ и вюртенбергскій король, дородность котораго вошла въ пословицу—въ его столѣ была сдѣлана выемка, гдѣ онъ помѣщалъ свой животъ, и словоохотливый король Баваріи, и склонный къ хлѣбнымъ напиткамъ датскій владѣтель, и вызывающій всеобщее отвращеніе своимъ изуродованнымъ лицомъ гессенскій курфюстъ. Въ той же самой юмористической газетѣ, гдѣ была каррикатура на Талейрана, находились слѣдующія характеристики: «Датскій король: trinkt für alle, вюртембергскій—ist für alle, прусскій—denkt für alle, баварскій—spricht für alle, русскій Императоръ—liebt für alle и, наконецъ, Австрійскій императоръ: zallt für alle» ***).

О роскоши, которой отличались всѣ эти празднества «въ честь мира и любви» можно судить по тому факту, что они обходились обѣднѣвшей австрійской казнѣ ежедневно въ 250.000 гульденовъ,

На одномъ изъ этихъ празднествъ пришла въ Вѣну страшная вѣсть о возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы. Всѣ разногласія были

---

*) Н. К. Шильдеръ, III, 308.

**) Князь Сергѣй Волконскій — братъ Репнина, находившійся въ это время въ Лондонѣ, самъ былъ свидѣтелемъ горькихъ упрековъ англійскихъ депутатовъ по адресу его брата (Записки, 352—367).

***) Wälschinger. «Les discours de congrès de Vienne».

забыты. Меттернихъ послѣ трогательной сцены примиренія съ Александромъ совмѣстно составили планъ общаго дѣйствія.

Исходъ новой войны союзниковъ съ Наполеономъ извѣстенъ: онъ былъ разбитъ при Ватерлоо и на этотъ разъ окончательно. Иностранныя войска нахлынули въ Парижъ и заняли дворцы, въ которыхъ еще недавно раздавались приказанія Наполеона. «Я вчера обѣдалъ у Блюхера», пишетъ Меттернихъ изъ Парижа своей дочери Маріи,—«который остановился со своимъ штабомъ въ Сенъ-Клу. Онъ живетъ въ этомъ красивомъ дворцѣ, какъ генералъ гусаровъ, и куритъ вмѣстѣ со своими адъютантами тамъ, гдѣ мы видали дворъ императора въ его полномъ блескѣ. Я обѣдалъ въ залѣ, гдѣ такъ часто бесѣдовалъ съ Наполеономъ. Нѣмецкіе военные портные расположились въ залѣ спектаклей, а музыканты одного стрѣлковаго полка удятъ золотыя рыбки въ бассейнѣ замка. Когда мы гуляли по большой галлереѣ, старый маршалъ началъ говорить: «Нужно было быть сумасшедшимъ, чтобы бросить всѣ эти прекрасныя вещи и отправиться сражаться въ Москву!» Глядя съ балкона на громадный городъ, сверкавшій своими куполами при солнечномъ закатѣ, я подумалъ: «Это солнце и этотъ городъ будутъ еще существовать, когда о Наполеонѣ, о Блюхерѣ и больше всего обо мнѣ останутся только одни воспоминанія».

Взятый въ плѣнъ англичанами Наполеонъ въ это время приближался къ скалистымъ берегамъ острова св. Елены. Но его образъ продолжалъ владычествовать на нашемъ полушаріи, не только въ свѣжихъ еще воспоминаніяхъ людей, но и въ событіяхъ, разыгравшихся на почвѣ созданныхъ имъ перемѣнъ въ политической и общественной жизни Европы. Какъ бы ни было проникнуто деспотическимъ духомъ управленіе Наполеона, онъ оставался до послѣдней минуты, въ глазахъ европейскихъ монарховъ, «воплощеніемъ революціи». Послѣ его паденія нужно было еще уничтожить и тѣ, посѣянныя двадцати-пятилѣтнимъ соприкосновеніемъ Европы съ революціонной Франціей, надежды на политическое обновленіе.

Революціи нужно было противопоставить контръ-революцію. Во главѣ послѣдней и выступилъ Меттернихъ. Въ достиженіи своей цѣли онъ встрѣчалъ только одно препятствіе, которое слѣдовало, прежде всего, устранить. Оно заключалось въ личности, сильно выдвинувшейся въ послѣдней кампаніи противъ Наполеона и которая считалась отчасти оплотомъ европейскихъ либераловъ. Мы имѣемъ въ виду Александра I-го. На счастье австрійскаго канцлера, царь самъ переживалъ въ эту эпоху внутреннюю реакцію, которая сблизила его съ системой проповѣдуемой Меттернихомъ.

XII.

Рѣдко о какой-нибудь исторической личности было высказано столько противорѣчивыхъ мнѣній, какъ объ Александрѣ I-мъ. Одни востор-

гались его великодушіемъ, честностью, откровенностью, въ то время когда другіе не находили достаточно рѣзкихъ словъ для его характеристики. Вотъ, напр., нѣсколько образчиковъ такихъ взаимноисключающихъ мнѣній:

«Во всей ткани характера и жизни Александра,—говорилъ извѣстный нѣмецкій епископъ Эйлертъ,—нельзя найти ни одной дурной нити. Помочь, дать, обрадовать—вотъ въ чемъ заключались его естественныя наклонности» *).

Такихъ взглядовъ русскихъ и заграничныхъ почитателей Александра можно привести много. Имъ въ Тильзитѣ восхищался, хотя въ болѣе умѣренной степени, и Наполеонъ. «Я доволенъ своимъ знакомствомъ,—писалъ онъ Жозефинѣ,—съ молодымъ, красивымъ и добрымъ Александромъ, который обладаетъ бо́льшимъ умомъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ» **).

Однако, тотъ же самый Наполеонъ говорилъ на островѣ св. Елены: «Александръ уменъ, увлекателенъ, но довѣрять ему не нужно. Это человѣкъ безъ искренности; онъ настоящій византіецъ» *). «Искренній, какъ человѣкъ, во всемъ, что касается человѣчества,—писалъ Шатобріанъ,—Александръ былъ скрытнымъ, какъ полугрекъ, во всемъ, что что касается политики» ****).

«У Александра большой запасъ скрытности», говорилъ о немъ въ своихъ донесеніяхъ и Колленкуръ, французскій посланникъ въ Петербургѣ *****). Пятнадцать лѣтъ спустя, другой французскій посланникъ де Ла-Ферроне писалъ: «То, что мнѣ всего труднѣе и труднѣе удается понять и узнать,—это характеръ самого императора. Я не думаю, чтобы можно было лучше говорить языкомъ искренности и прямоты, чѣмъ онъ. Разговоръ съ нимъ оставляетъ у васъ отрадное впечатлѣніе... а между тѣмъ, опытъ, исторія его жизни и то, что я вижу ежедневно, говорятъ, что всему этому не слѣдуетъ довѣряться».

Всѣ эти мнѣнія, въ сущности, сводятся къ констатированію факта, что у Александра между словомъ и дѣломъ была большая разница. По природѣ онъ былъ добръ, мягокъ, одаренъ большой чуткостью и и впечатлительностью и способенъ увлекаться гуманными, либеральными и даже республиканскими идеями,—его воспитаніемъ занимался впродолженіи 12 лѣтъ извѣстный республиканецъ, швейцарецъ Лагарпъ,—но у Александра отсутствовали необходимая энергія и воля, чтобы проводить свои идеалы въ жизни. Громадное несоотвѣтствіе между воображеніемъ и волей—вотъ основная черта его психики. Онъ при-

*) I. H. Snitzler. «Histoire intime, de la Russie» Bruxelles, 1847, I. 245.
**) Tatischeff, p. 153.
***) «Mémorial de s-te Hélène», II, 365 (Snitzler, II, 244).
****) «Congrès de Verone», I, 186 (Id., I, 90).
*****) Vandal, I. 64.

надлежалъ къ типу людей созерцательныхъ, инстинктивно избѣгавшихъ всякаго усилія и напряженія. Вмѣсто того, чтобы властвовать надъ людьми и надъ событіями, онъ, идя по линіи наименьшаго сопротивленія, подчинялся и однимъ, и другимъ.

«Mon frère est une tête et un caractere faible,—говорила великая княгиня Екатерина Павловна,—et si quiconque parvient à mettre la main dessus l'a en son pouvoir». *).

И дѣйствительно, Александръ, не чувствуя достаточно силъ въ самомъ себѣ, искалъ всегда нравственную опору въ какомъ-нибудь другѣ, совѣтникѣ—люди, игравшіе такую преобладающую роль во всей его жизни. Онъ подчинялся имъ, онъ ихъ терпѣлъ даже и тогда, когда бывалъ убѣжденъ въ ихъ негодности. Извѣстны слова его, сказанныя прусскому королю въ 1820 г., что король и онъ самъ «окружены негодяями», прибавляя при этомъ, въ свое извиненіе, что онъ «многихъ хотѣлъ бы прогнать, но на ихъ мѣстѣ явились бы такіе же» **). «Люди —мерзавцы»,—говорилъ Александръ 19-го марта 1812 г., на другой день послѣ ссылки Сперанскаго, по адресу тѣхъ, въ угоду которымъ онъ разошелся со своимъ совѣтникомъ.—«Тѣ, которые еще вчера ловили его улыбку, тѣ сегодня меня поздравляютъ и радуются его высылкѣ»; сказавъ это, онъ взялъ со стола книгу и съ гнѣвомъ бросилъ ее опять на столъ, говоря съ негодованіемъ: «О подлецы! вотъ кто окружаетъ насъ, несчастныхъ государей!» ***).

Если царь былъ скрытенъ по отношенію къ людямъ, то онъ, прежде всего, былъ скрытенъ по отношенію къ самому себѣ. И въ его словахъ къ прусскому королю, и въ сужденіяхъ, высказанныхъ послѣ высылки Сперанскаго, видны старанія скрыть истину передъ самимъ собою, оправдывая въ собственныхъ глазахъ снисходительное отношеніе къ различнымъ совѣтникамъ. Такъ какъ онъ не былъ въ силахъ уничтожить зло, онъ старался не смотрѣть на него. Отсюда и замѣчаемое у него «желчное» отношеніе къ русской дѣйствительности. Онъ на каждомъ шагу видѣлъ разницу между Западомъ и Россіей и старался, насколько возможно, скрывать ее. «Государь нами стыдился», пишетъ съ горечью кн. Сергѣй Волконскій по поводу строгаго воспрещенія русскимъ офицерамъ являться въ Тильзитъ ****). То же самое чувство проявлялъ Александръ къ русскимъ и на вѣнскомъ конгрессѣ *****).

Эта, постоянно мучившая его, внутренняя неудовлетворенность усугублялась замѣчаемымъ учителями еще въ его дѣтствѣ самолюбіемъ.

---

*) Дѣятели и участники въ паденіи Сперанскаго (изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова, «Русская Старина», мартъ 1902, стр. 474).

**) А. Н. Пыпинъ. «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I», Спб 1900, 881.

***) Н. К. Шильдеръ, III, 48.

****) Записки кн. С. Волконскаго, 54.

*****) Ibidem.

Непріятную дѣйствительность онъ замѣнялъ иллюзіями. Внѣшнія обстоятельства еще больше способствовали ломкѣ характера Александра. Онъ провелъ свою юность въ самыхъ тяжелыхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ. Любовь бабушки возбуждала противъ него ненависть и подозрѣнія отца, предполагавшаго, что Екатерина, миновавъ послѣдняго, оставитъ Александра наслѣдникомъ престола. Это враждебное отношеніе Павла къ сыну развило именно скрытность и лукавство Александра *). А потомъ, когда онъ, послѣ смерти отца самъ занялъ престолъ, окружавшая его лесть еще больше развивала въ немъ самолюбіе.

Какъ у всѣхъ слабыхъ людей, у Александра, подъ вліяніемъ какого-нибудь сильнаго потрясенія, бывали моменты подъема духа и воли, когда онъ съ горячностью брался за дѣло. «Этотъ слабый характеръ,—писалъ де-ла Ферронэ,—могъ временами испытывать приступы энергіи и раздраженія, и этотъ приступъ могъ заставить его принять самыя рѣзкія рѣшенія, послѣдствія которыхъ могли быть неисчислимы» **).

Въ такомъ возбужденномъ состояніи находился Александръ I-ый во время отечественной войны. На вѣнскомъ конгрессѣ, «отбросивъ прежнюю нерѣшительность, онъ сдѣлался самодѣятеленъ, твердъ и придирчивъ» ***). Но чѣмъ сильнѣе бывали эти приступы, чѣмъ больше онъ тратилъ въ извѣстный срокъ весь запасъ своей энергіи, тѣмъ сильнѣе бывали у него потомъ пониженія жизненнаго тонуса. Тогда онъ дѣлался легко жертвой всякихъ постороннихъ вліяній.

Съ возрастомъ, съ постепеннымъ паденіемъ физическихъ силъ у него росло и безволіе. Больше чѣмъ когда-либо онъ началъ бояться всякихъ препятствій и трудностей, избѣгать людей и предаваться внутреннему созерцанію. Въ этотъ послѣдній періодъ его жизни—періодъ мистицизма, Александръ велъ, по словамъ одного очевидца, «жизнь настоящаго анахорета» ****).

Съ основною чертою характера Александра—отсутствіемъ твердой воли,—связана и та перемѣнчивость, которую онъ проявлялъ въ отношеніи своихъ взглядовъ. Онъ легко увлекался всякими идеями, но потомъ наступала скука, усталость, отвращеніе и онъ бросался въ другую сторону. По вычисленіямъ Меттерниха, различные фазисы политической эволюціи Александра длились въ среднемъ по пяти лѣтъ: въ первые два года онъ увлекался, на третьемъ году увлеченіе доходило

*) См. отзывъ Штейна объ Александрѣ I-мъ (Пыпинъ, 40).
**) Snitzler, 93.
***) Н. К. Шильдеръ, III.
****) «L'Ermite en Russie» (Snitzler, II, 246).

до максимума, а въ послѣдніе два года у него происходила реакція. «Мои первыя сношенія съ Александромъ, — пишетъ Меттернихъ, — относятся къ эпохѣ моей жизни въ Берлинѣ (1805). Тогда онъ былъ либераломъ въ широкомъ смыслѣ слова и ярымъ врагомъ Наполеона.

«Въ 1807 г. началось увлеченіе Наполеономъ. Въ 1812 году—новая перемѣна.

«Если даже Наполеонъ не объявилъ бы войну Россіи, тѣмъ не менѣе чувства Александра къ нему угасли бы.

«Его старыя идеи либерализма и филантропіи не только взяли верхъ, но и усугубились подъ вліяніемъ вѣяній, господствовавшихъ тогда въ Европѣ. Въ 1814 году его либерализмъ дошелъ до апогея. Въ 1815 году онъ уступилъ мѣсто уже религіозному мистицизму. Въ 1817 году характеръ его идей глубоко перемѣнился. Въ 1818 г., когда я съ нимъ встрѣтился на ахенскомъ конгрессѣ, онъ уже былъ горячимъ защитникомъ консервативныхъ принциповъ и отъявленнымъ врагомъ революціонныхъ тенденцій; при этомъ у него опять начиналась религіозная реакція».

Въ общемъ, схема Меттерниха вѣрна, въ чемъ можно убѣдиться, просмотрѣвъ идеи Александра въ различныя эпохи его царствованія.

Будучи еще наслѣдникомъ въ 1796 году, Александръ высказывалъ своему другу Адаму Чарторыйскому свободолюбивые взгляды. «Онъ признавался мнѣ,—пишетъ Чарторыйскій,—что ненавидитъ деспотизмъ... любитъ свободу и что она должна равно принадлежать всѣмъ людямъ...» *).

Александръ I-ый не забывалъ своихъ либеральныхъ идей и тогда когда вступилъ на престолъ. Онъ разрѣшилъ открытіе масонскихъ обществъ, уничтожилъ тайную экспедицію, которую, впрочемъ, черезъ годъ возстановилъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, и вошелъ въ близкія отношенія съ республиканскимъ правительствомъ Франціи. Вспоминая ученіе энциклопедистовъ, въ которое его посвящалъ Лагарпъ, что воспитаніе—все, онъ отправляетъ въ 1803 г. генерала Хитрово со спеціальной рекомендаціей къ «гражданину, первому консулу французской республики» изучить на мѣстѣ, во Франціи, школьныя системы **). Въ то же самое время онъ ищетъ вдохновенія въ совѣтахъ своего бывшаго учителя Лагарпа, съ которымъ находится въ постоянной перепискѣ.

---

*) «Al. I, et le prince Czartorisky», Paris, 1865, стр. X—XXVIII (Пыпинъ 30—33).

**) Tatischeff, 48.

Интересно отмѣтить въ этихъ письмахъ строгое осужденіе, которое Александръ выражалъ по адресу Наполеона, когда тотъ заставилъ избрать себя пожизненнымъ консуломъ. «Онъ самъ лишился,—пишетъ Александръ Лагарпу,—лучшей славы, доступной смертному, и единственной, которую ему оставалось пріобрѣсти: а именно, доказать, что онъ работалъ безъ личныхъ расчетовъ, исключительно на пользу и славу своей родины и, оставаясь вѣренъ конституціи, которой онъ клялся, снять съ себя власть по истеченіи десятилѣтняго срока. Вмѣсто всего этого онъ предпочелъ подражать европейскимъ дворамъ, нарушая конституцію своей страны. Теперь—онъ одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ тирановъ, какихъ только создавала исторія» *). Подъ этими словами Александра подписались бы всѣ республиканцы Франціи. Два года спустя, такой же взглядъ высказывалъ Поль-Луи Курье, бывшій тогда офицеромъ, по поводу избранія Наполеона въ императоры: «Быть Бонапартомъ и сдѣлаться императоромъ—это значитъ падать» **).

Послѣ охлажденія къ Наполеону, которое достигло своей высшей точки въ 1805—1807 г., Александръ на тильзитскомъ свиданіи опять сдѣлался горячимъ поклонникомъ не только его личности, но и его системы. Увлеченіе Александра доходило до того, что онъ начинаетъ невольно или сознательно копировать жесты и слова Наполеона ***). Потому ли, что союзъ съ Наполеономъ встрѣтилъ сильную оппозицію среди русской аристократіи и, въ особенности, среди русскаго офицерства, жаждавшаго отомстить за Эйлау и Фридландъ, или потому, что Наполеонъ обманулъ довѣріе Александра, у послѣдняго пробуждается враждебное чувство къ французскому императору. Тѣмъ не менѣе, на свиданіи въ Эрфуртѣ онъ его еще не обнаруживаетъ и старается казаться такимъ же поклонникомъ Наполеона, какъ и раньше. Во время представленія вольтеровскаго «Эдипа», когда актеръ произнесъ слова:

L'amitié d'un grand homme
Est un bienfait des Dieux,

Александръ поднимается и, среди аплодисментовъ партера, королей и королевъ, пожимаетъ руку Наполеона ****).

Но внутреняя реакція у него уже началась. Онъ окружаетъ себя врагами Наполеона: тутъ и Штейнъ, и Арндтъ, и въ особенности ловкій шведскій авантюристъ Армфельдъ. Антифранцузскому теченію и ари-

---

*) Ibidem, 43.
**) Paul Louis. «Oeuvres (Préface d'Armand Carrel) lettres d'Italie».
***) Tatischeff, 205.
****) Vandal, I, 441.

стократическимъ предразсудкамъ Карамзина и его друзей онъ жертвуетъ Сперанскимъ, считавшимся приверженцемъ союза съ Наполеономъ и поклонникомъ гражданскаго строя Франціи. Хотя во внутренней политикѣ Россіи Александръ сталъ придерживаться охранительныхъ началъ, въ своихъ сношеніяхъ съ другими народами онъ старался казаться либеральнымъ. Еще до начала отечественной войны, Александръ I-ый пробуетъ привлечь поляковъ варшавскаго герцогства на свою сторону, обѣщая имъ автономію и конституцію *). Послѣ войны онъ защищаетъ французовъ отъ неумѣренныхъ требованій союзниковъ **) и даетъ либеральные совѣты Людовику XVIII-му. Характерно также письмо, которое онъ пишетъ еще во время войны Лагарпу, посылая къ его соотечественникамъ Каподистрію своимъ уполномоченнымъ. «Каподистрія человѣкъ весьма достойный по своей честности, мягкости въ обращеніи, по своимъ познаніямъ и либеральнымъ взглядамъ. Онъ родомъ изъ Корфу, слѣдовательно республиканецъ, и выборъ мой остановился на немъ потому, что мнѣ извѣстны принципы, которыми онъ руководствуется» ***). Александръ посѣщаетъ въ Парижѣ либеральный салонъ г-жи де-Сталь, гдѣ собираются представители французскаго общества, порицаетъ Бурбоновъ за ихъ «неисправимость» ****) и обѣщаетъ уничтожить скоро крѣпостничество въ Россіи. Во время своего пребыванія въ Англіи, относящагося къ той же эпохѣ, онъ вступаетъ въ бесѣду съ вождями англійской либеральной оппозиціи и спрашиваетъ у лорда Грея, какъ ему взяться, чтобы создать и въ Россіи «un foyer d'opposition» *****).

Но уже разочарованіе мало-по-малу начинаетъ закрадываться въ его душу. Реакція наступаетъ. Отчасти причиной этого явилось недостаточное вниманіе и уваженіе, которыя онъ встрѣчалъ въ европейскомъ обществѣ. Мы видѣли уже, какъ на каждомъ шагу Меттернихъ создавалъ ему трудности и старался уничтожить его вліяніе на европейскія дѣла. Но Меттернихъ, по крайней мѣрѣ, былъ представителемъ государства, раздѣлявшаго съ Россіей всѣ успѣхи и неудачи; какое же чувство долженъ былъ испытывать Александръ къ тѣмъ Бурбонамъ, къ тому Людовику XVIII-му, котораго онъ возстановилъ русскими штыками на престолъ, когда тотъ держался съ нимъ гордо и надменно, какъ какой-нибудь римскій цезарь? Извѣстно, какъ король бралъ для себя кресла, а Александру предлагалъ стулъ и кричалъ

*) Vandal, III.
**) Н. К. Шильдеръ, 335—339.
***) Ibid, 181.
****) Ibid, 228.
*****) Ibid, 244.

своему лакею: «мнѣ—впередъ!» когда тотъ подносилъ блюда сначала царю. Къ этимъ маленькимъ уколамъ, которые не могли не оказать своего дѣйствія на самолюбиваго Александра, нужно прибавить и то физическое изнеможеніе, являвшееся естественнымъ слѣдствіемъ столь сильныхъ напряженій, которыя потребовали отъ него три года войны и конгрессовъ. Неудивительно, когда современники отмѣчаютъ, что царь возвратился въ Россію «скученъ и сердитъ».

На этой почвѣ душевной усталости и пресыщенія развился его мистицизмъ. Будучи еще за границей, онъ знакомится въ Гейльброннѣ съ извѣстной баронессой Крюденеръ и проводитъ съ ней три часа въ разговорахъ о религіи, «опустивъ голову на руку и проливая обильныя слезы». Это было въ природѣ его нервнаго и сентиментальнаго характера. Послѣ сраженія при Фридландѣ онъ точно также остановившись подъ деревомъ на полѣ сраженія, горько оплакивалъ печальный исходъ боя.

Подъ вліяніемъ религіозно-мистическаго настроенія, Александръ задался цѣлью основать надѣлавшій такъ много шуму «священный союзъ».

Это случилось послѣ Ватерлоо, въ началѣ сентября 1815 года. Александръ, съ помощью г-жи Крюденеръ, составилъ и предложилъ своимъ союзникомъ подписать договоръ, начинающійся словами: «во имя святой и единой Троицы» и главное значеніе котораго заключалось въ слѣдующемъ параграфѣ: «Согласно заповѣдямъ Священнаго Писанія, обязывающимъ всѣхъ людей смотрѣть другъ на друга, какъ на братьевъ, трое подписавшихся въ договорѣ монарховъ, считающіе себя связанными узами истиннаго и нераздѣльнаго братства и членами одного и того же отечества, обѣщаютъ поддерживать и помогать другъ другу во всякомъ случаѣ и мѣстѣ» *). Этотъ договоръ подписали Пруссія и Франція, Англія же отказалась. Ея уполномоченный, лордъ Кастельри, заявилъ о невозможности «совѣтовать англійскому регенту подписать этотъ договоръ, ибо парламентъ, состоящій изъ людей положительныхъ, можетъ дать свое согласіе лишь какому-нибудь практическому договору о субсидіяхъ или союзѣ, но никогда простой деклараціи библейскихъ принциповъ, которая перенесла бы Англію въ эпоху святого Кромвеля и круглыхъ головъ» **). «Къ чему все это?— говорилъ какой-то современникъ.—Развѣ монархи до сихъ поръ не считали своею обязанностью руководствоваться этими принципами? И не извѣстно ли всему міру братское чувство, воодушевляющее этихъ

---

*) A. Sorel. «Traite de Paris», 135.
**) Ibid, 436.

прекрасныхъ владѣтелей? Польшѣ, Венеціи, Генуѣ, Ломбардіи и Бельгіи они хорошо знакомы» *).

«Лишняя роскошь выражать на кускѣ пергамента чувства трехъ монарховъ, ибо никогда бумага не будетъ такъ внушительно говорить, какъ ихъ собственное дѣйствіе» **).

Австрія тоже вошла въ священный союзъ, но только чтобы угодить Александру. Меттернихъ считалъ этотъ договоръ «пустымъ и безсодержательнымъ, проникнутымъ религіознымъ чувствомъ и неопредѣленнымъ филантропическимъ духомъ и лишеннымъ всякаго практическаго смысла».

Австрійскій канцлеръ желалъ слушать не моральныя наставленія, а видѣть факты и дѣла, въ духѣ его реакціонной системы. Для этого нужно было уничтожить у Александра послѣдніе остатки либерализма. И онъ берется съ энергіей вселить въ его душу страхъ и недовѣріе къ его приближеннымъ. Въ Вѣнѣ, во время конгресса, онъ слѣдитъ черезъ своихъ сыщиковъ, за поведеніемъ и разговорами русскихъ офицеровъ и доноситъ на нихъ Александру. Въ Парижѣ интригуетъ противъ Чарторыйскаго, Штейна, въ Лайбахѣ противъ Каподистріи; тамъ же раздуваетъ ничтожный инцидентъ съ солдатскимъ бунтомъ въ Семеновскомъ полку, представляя его дѣломъ подпольныхъ обществъ, и, наконецъ, добивается, ловко разставляя сѣти своихъ интригъ, увлечь Александра въ свою политику. Но предварительно мы должны коснуться отношеній европейскаго общества, на почвѣ которыхъ укрѣплялся союзъ двухъ прежнихъ антагонистовъ.

XIII.

Революціи и войны, длившіяся двадцать пять лѣтъ, съ 1789 до 1815 г., имѣли неисчислимыя и самыя противоположныя по своему характеру послѣдствія. Онѣ послужили для Европы могучимъ толчкомъ, вызвавшимъ къ жизни всѣ запасы духовной и физической энергіи, скрывающейся во всякой націи. Это была эпоха великой борьбы, интенсивной жизни, когда и народы, и интеллигенція, и короли должны были проявить максимумъ пониманія и воли, на которыя они были способны.

Войны противъ Наполеона сблизили различныя страны, сплотили ихъ политическія силы во имя одного общаго идеала. Хотя въ наше

---

*) Какъ извѣстно, по вѣнскому договору, Польша отошла къ Россіи; Венеція и Ломбардія къ Австріи; Бельгія къ Голландіи.

**) Ibid, 137.

время, благодаря успѣхамъ просвѣщенія и техники, *международная жизнь* дѣлаетъ большой прогрессъ, но можно сказать, что мы теперь живемъ обособленной, замкнутой, національной жизнью, въ сравненіи съ тѣмъ, что представляла первая половина XIX столѣтія. Въ наше время въ международномъ правѣ господствуетъ доктрина *невмѣшательства*: никакое государство не должно вмѣшиваться во внутреннія дѣла другого государства. Не то было въ описываемой нами эпохѣ. На вѣнскомъ конгрессѣ Англія, Франція и Россія могли обсуждать государственное устройство германскаго союза, точно также какъ потомъ на ахенскомъ обсуждались внутреннія дѣла Франціи, на лайбахскомъ—Неаполя, на веронскомъ—Испаніи и Португаліи. Общность во взглядахъ и дѣйствіяхъ проявляла и либеральная оппозиція. Революція въ Испаніи вызвала революцію въ Неаполѣ и Пьемонтѣ, успѣхи тайныхъ обществъ и военныхъ заговоровъ на Западѣ и въ особенности въ Италіи наводили на аналогичные проекты будущихъ декабристовъ. Успѣхи іюльской и февральской революцій въ Парижѣ вызвали подобныя движенія въ Италіи, Польшѣ, Германіи и Австріи. Паденіе какого-нибудь министерства въ одномъ государствѣ, казалось, въ состояніи повлечь за собою паденіе министерства и въ другомъ *). Европа переживала одинаковыя надежды и разочарованія.

Къ той же эпохѣ всеобщаго обновленія относится и появленіе романтизма. Различные фазисы этого теченія, распространившагося не только въ литературѣ, но и на философію, на религію, на политическую жизнь, свидѣтельствуетъ объ одинаковыхъ перемѣнахъ, происходившихъ въ европейскомъ обществѣ. Онъ развился на почвѣ реакціи и разочарованія, вызванныхъ ходомъ событій во Франціи.

Объявленіе революціи, провозглашеніе правъ человѣка и гражданина было встрѣчено всеобщимъ восторгомъ. Кантъ, Фихте, Гегель въ Германіи, Альфьери въ Италіи, не находили достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить свое восхищеніе. Въ 1793 году Фихте защищалъ «законность революціи», а въ 1795 году Гегель выставилъ на своемъ знамени «разумъ и свободу» и говорилъ, что народы, узнавъ изъ философіи свое достоинство, «не станутъ просить у другихъ свои попранныя права, но сами возвратятъ ихъ себѣ» **). Но скоро послѣдствія парижскаго террора, ужасы гильотины, разорительныя войны Бонапарта вызвали разочарованіе въ предполагаемой добротѣ человѣческой природы. Французы сдѣлались теперь «тиграми», какъ ихъ

---

*) Ламенэ въ своихъ письмахъ выражаетъ надежду, что паденіе кабинета Пиля вызоветъ и паденіе министерства Гизо («Correspondance inedite avec baron de Vitrolle» p. 425).

**) Розенкранцъ. «Hegels Leben», 73 (Гервинусъ, I, 268).

называлъ Альфіери. «Покончить съ революціей»—вотъ всеобщій крикъ, поднявшійся во всей Европѣ, не исключая Франціи. На этомъ, собственно, и создалось владычество Наполеона, являвшагося въ глазахъ массы укротителемъ революціи, возстановителемъ порядка и католической церкви. Эта реакція, политическая и религіозная, выразилась опять-таки въ романтизмѣ, въ «Геніи христіанства» Шатобріана, въ предисловіи къ которому онъ писалъ: «я плакалъ и увѣровалъ», въ проникнутыхъ разочарованіемъ произведеніяхъ итальянскихъ писателей: пылкаго Уго Фосколо, созерцательнаго, религіознаго Манцони и мистически настроеннаго нѣмецкаго писателя Гофмана. Къ той же эпохѣ, 1800—1807 года, Гервинусъ относитъ и новое, чисто спекулятивное направленіе философіи Фихте и Шеллинга и религіозныя проповѣди Шлейермахера *). Отвращеніе къ жизни, равнодушіе къ политикѣ, стремленіе къ одиночеству, къ замкнутому міру отвлеченнаго мышленія и поэтическаго созерцанія—вотъ характерные признаки духовной жизни той эпохи.

Однако, если романтизмъ, по своему содержанію, являлся реакціоннымъ, въ своей сущности онъ былъ способенъ примириться съ самыми крайними политическими идеалами. Въ этомъ отношеніи онъ даже былъ болѣе пригоденъ, чѣмъ подчиняющійся строгимъ эстетическимъ и этическимъ требованіямъ классицизмъ. Самая отличительная черта романтизма, какъ литературной формы, заключалось въ «освобожденіи писательскаго *я*» **). Другими словами, романтизмъ являлся протестомъ противъ стѣсненія и насилія, связывающихъ свободное развитіе личности. Если жаждущая свободы личность не могла ее добиться, она бросалась въ мистицизмъ, но въ глубинѣ души продолжало жить желаніе преобразовать дѣйствительность, что и обнаруживалось съ наступленіемъ болѣе благопріятныхъ политическихъ условій.

Послѣ пораженія Австріи при Аустерлицѣ въ 1805 г. и Пруссіи при Іенѣ въ 1806 г., сами правительства двухъ этихъ государствъ стараются сблизиться съ обществомъ и ищутъ его поддержки въ борьбѣ противъ Наполеона. Тогда, какъ извѣстно, было образовано въ Пруссіи тайное общество «Союзъ добродѣтели», занимавшееся патріотической пропагандой среди нѣмецкаго народа. Борьба съ Наполеономъ представлялась борьбой противъ тираніи и за политическую свободу. Либерально-патріотическимъ духомъ были проникнуты и прокламація австрійскаго императора во время войны съ Франціей въ 1809 г. ***).

---

*) Id., 273—275.

**) F. Brunetière. «La litterature au XIX siècle» см. переводъ Е. П. Раковской «Міръ Божій», 1901 годъ, августъ, 181.

***) Vandal, II, 81; см. тоже: «Metternich und seine auswärtli he Politik».

Особенно характерны въ этомъ отношеніи были прокламаціи союзниковъ во время кампаніи 1813—1815 г. Будучи еще въ Варшавѣ, Александръ I-й въ воззваніи отъ 22-го февраля 1813 г. обращается къ германскимъ народамъ, приглашая ихъ возстать «Если даже ваши государи,—писалъ Александръ,—продолжаютъ изъ боязни переносить чужое иго, нужно, чтобы подданные поднялись и заставили ихъ сражаться во имя славы и мщенія». Приготовленная уже пропагандой патріотическаго «Союза добродѣтели», Германія встрѣтила Александра, какъ избавителя. Часть прусскаго войска, подъ начальствомъ генерала Іорка, покинула своего союзника Наполеона и пристала къ русскимъ. Скоро то же самое сдѣлалъ и прусскій король. «Мы стоимъ за вѣру противъ безвѣрія, за свободу—противъ властолюбія, за человѣчество—противъ звѣрства», говорилось въ другой прокламаціи Александра, изданной 26-го марта того же года *). Воззваніе, изданное въ то же самое время Кутузовымъ въ Калишѣ 13-го (25-го) марта отъ имени Александра I-го и прусскаго короля, говорило объ освобожденіи народовъ, о чести и свободѣ **). Всѣ эти обѣщанія нашли какъ бы подтвержденіе на вѣнскомъ конгрессѣ, гдѣ даже Меттернихъ согласился внести въ союзный актъ германской конфедераціи статью (XIII), обѣщавшую нѣмецкимъ народамъ конституцію.

XIV.

Однако, всѣ эти обѣщанія были исполнены только отчасти. Лишь владѣтели южной Германіи ввели въ своихъ государствахъ конституціонныя учрежденія; прусскій же король, подъ различными предлогами, откладывалъ дарованіе конституціи, а австрійскій императоръ совсѣмъ отказался вводить какія бы ни было преобразованія. Это и понятно, такъ какъ всякія либеральныя и національныя движенія угрожали господству габсбургскаго дома. Давно говорилось объ Австріи, что она—только понятіе географическое. Австрія состояла изъ народностей всѣхъ расъ, которыя при политической свободѣ стали бы стремиться къ самостоятельности. Но габсбургскій домъ имѣлъ всѣ причины опасаться либеральныхъ движеній не только своего государства, но еще и либеральныхъ движеній сосѣднихъ. Объединеніе Италіи угрожало лишить его Ломбардіи и Венеціи; объединеніе Германіи явилось бы для него такимъ же смертельнымъ ударомъ, ибо оно перенесло бы центръ политическаго вліянія къ чисто нѣмецкимъ странамъ; наконецъ, освобож-

*) Н. К. Шильдеръ, III, 143.
**) Пыпинъ, 285.

деніе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ отняло бы у Австріи тотъ оплотъ противъ Россіи, который она находила въ существованіи Турціи. Другими словами, господство габсбургской династіи было возможно только при сохраненіи полной неподвижности европейской политической системы. Охранительная политика вполнѣ совпадала, какъ мы видѣли, съ характеромъ Меттерниха, а еще больше съ характеромъ личности самого императора Франца.

Францъ былъ, какъ увидимъ, человѣкомъ, не лишеннымъ нѣкоторыхъ добрыхъ чувствъ, но въ то же самое время коснымъ, лѣнивымъ и равнодушнымъ. Во время дрезденскаго сраженія, на которомъ рѣшалась участь Европы, онъ продолжалъ предаваться своему любимому занятію—музыкѣ. Когда, за отсутствіемъ другого помѣщенія, попросили императора Франца уступить одну изъ комнатъ занимаемаго имъ дома для раненыхъ офицеровъ, онъ отвѣтилъ: «И прекрасно, мы можемъ продолжать нашу игру внизу», и совершенно довольный онъ принялся за смычекъ въ нижнемъ этажѣ *). Неудивительно, если объ немъ разсказываютъ столь, можетъ быть, невѣрные, но правдоподобные анекдоты, въ родѣ того, что во время конгрессовъ, когда всѣ были поглощены разрѣшеніемъ разныхъ спорныхъ вопросовъ, онъ искалъ развлеченія въ ловлѣ мухъ.

Политическіе взгляды Франца находились на высотѣ его лѣниваго характера: онъ былъ консерваторомъ до мозга костей. Въ мемуарахъ Меттерниха напечатанъ любопытный автографъ австрійскаго императора, представляющій рескриптъ главнокомандующему князю Шварценбергу. Первоначальный проектъ этого рескрипта былъ составленъ Меттернихомъ, но императоръ Францъ собственноручно сдѣлалъ въ немъ слѣдующія характерныя исправленія: во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ упомянуто было слово: «Mein Vaterland» (мое отечество) онъ исправилъ: «моя имперія» или «мои народы». Слово «отечество» приводило австрійскаго императора въ такой же ужасъ, какъ и слово «конституція», которое онъ не могъ слушать даже тогда, когда оно употреблялось, какъ медицинскій терминъ. Понятно послѣ этого негодованіе Франца на Александра I, когда тотъ даровалъ Польшѣ конституцію. При этомъ, какъ всѣ ограниченные и бездарные люди, императоръ Францъ былъ мнителенъ до крайней степени. Онъ окружилъ своихъ братьевъ сыщиками, доносившими ему о каждомъ ихъ словѣ и движеніи.

Въ своей личной жизни Францъ проявлялъ часто отеческое и сострадательное сердце. Княгиня Меттернихъ разсказываетъ о немъ слѣдующій, относящійся къ началу тридцатыхъ годовъ, анекдотъ. Однажды

---

* Н. К. Шильдеръ, IV, 166.

императоръ Францъ, возвращаясь во дворецъ со своимъ адъютантомъ генераломъ Аппелемъ, встрѣтилъ похоронную процессію; за гробомъ, кромѣ священника, слѣдовало только двое мужчинъ. «Бѣдный покойникъ,—сказалъ Францъ:—за нимъ почти никого нѣтъ!» И онъ пригласилъ своего адъютанта проводить вмѣстѣ гробъ до могилы.

Но въ системѣ управленія страны онъ держался неуклонно политики стѣснительныхъ и жестокихъ репрессалій и часто даже превосходилъ самого Меттерниха. Характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій случай. Будучи въ Теплицѣ въ 1819 г., Меттернихъ совѣтовалъ прусскому королю, вмѣсто обѣщанной конституціи, дать своимъ подданнымъ провинціальные сеймы, съ очень ограниченными правами. Императоръ Францъ нашелъ опаснымъ и это «нововведеніе». «Лучше всего,—пишетъ онъ Меттерниху,—держаться тѣхъ совѣтовъ, которые я вамъ давалъ, т.-е. не поступать легкомысленно и не рисковать употребленіемъ средствъ и проведеніемъ мѣръ, которыя вызвали бы старое зло лишь подъ другой формой или, пожалуй, создали бы новое зло».

Какими средствами думали бороться Францъ и Меттернихъ со «зломъ», можно судить по мѣропріятіямъ, которыми ознаменовалась исторія Австріи послѣ вѣнскаго конгресса. 10-го августа 1814 года былъ изданъ законъ, строго запрещающій массонскія общества; гражданскій строй, введенный Наполеономъ въ имперскихъ провинціяхъ, которыя возвращались Австріи, былъ уничтоженъ и замѣненъ дореволюціонными законами, обязывающими гражданъ быть доносчиками. Суды снова стали выносить приговоры, въ которыхъ утаивались основанія, на какихъ осуждались виновные. Но самымъ главнымъ стремленіемъ правительства было заглушить общественное мнѣніе.

Мы уже замѣтили, что кампанія противъ Наполеона вызвала и въ Австріи то же самое броженіе въ обществѣ, какъ и въ остальной Европѣ. Еще тогда руководители австрійской политики смотрѣли на это обстоятельство со страхомъ. «Я чувствую,—писалъ Генцъ Меттерниху 10-го іюня 1613 г.,—что гораздо больше слѣдуетъ руководить общественнымъ мнѣніемъ, чѣмъ подчиняться ему. *Оно* не должно остаться такимъ, какимъ мы его видимъ теперь, если не желаемъ, освободившись отъ французскаго гнета, попасть подъ другой, болѣе ужасный. Нужно, чтобы люди снова пріучились *вѣрить* и *слушаться*; нужно, чтобы они разсуждали въ тысячу разъ меньше, чѣмъ теперь, а то иначе невозможно будетъ *управлять*. Зло приняло чудовищные размѣры и угрожаетъ разрушить все. Мы слишкомъ много смѣялись надъ этимъ зломъ и слишкомъ надменно относились къ нему; мы слишкомъ долго оставались равнодушными къ крикамъ агитаторовъ; мы потѣшались ихъ безуміемъ, а когда ихъ происки дѣлаются опасными, то мы, самое большее, что дѣлаемъ—возмущаемся и сердимся; но ихъ нападки обезсиливаютъ, подрываютъ, дискредитируютъ власть...»

Съ наступленіемъ мира наступило время для пресѣченія зла, о которомъ говоритъ Генцъ. Правительство дѣйствовало одновременно на общество и на молодежь. Для перваго были усилены постановленія цензуры, которой удалось уменьшить число вѣнскихъ газетъ до двухъ. Не полагаясь на усердіе цензоровъ, Меттернихъ возложилъ на тайную полицію обязанности слѣдить за ними; она тоже слѣдила за словами и дѣйствіями гражданъ и чиновниковъ и не только въ обществѣ, но и дома. Для достиженія послѣдней цѣли къ полиціи были привлечены швейцары и прислуга. Не полагаясь вполнѣ на тайную полицію, Меттернихъ создалъ полицію надъ полиціей. Изъ школъ были изъяты учебники, которые могли бы наводить юношей на либеральный образъ мыслей; они были замѣнены катехизисомъ, подобнымъ тому, который ввелъ Наполеонъ въ школахъ французскихъ, гдѣ говорилось объ обязанностяхъ подданныхъ къ императору и установленнымъ властямъ. Во время какихъ-то ученическихъ безпорядковъ въ Прагѣ императоръ Франъ велѣлъ, въ видѣ кары, отдать всѣхъ совершеннолѣтнихъ юношей въ солдаты *). Но Австрія не довольствовалась тѣмъ, что проводила эти мѣры только у себя дома, она хотѣла еще распространить ихъ и въ другихъ государствахъ, выступивъ въ роли всеевропейскаго жандарма, или «камеры лордовъ Европы», какъ выражался Талейранъ. Этой цѣлью и задался Меттернихъ. Съ одной стороны, онъ старался дѣйствовать на монарховъ и правителей Европы путемъ циркуляровъ, съ другой стороны, на общественное мнѣніе Европы посредствомъ газетной пропаганды. Его органомъ была вѣнская газета «Австрійскій Наблюдатель»; но онъ старался проводить свои взгляды и въ заграничной печати. «Кто возьметъ въ руки «Journal des Débats»,—писалъ Меттернихъ,—будетъ читать меня, не зная этого, ибо не проходитъ недѣли, чтобы я не прислалъ какой-нибудь статьи въ эту газету». Но самымъ могучимъ способомъ воздѣйствія на европейскія правительства являлись конгрессы, на которыхъ Меттернихъ могъ вступать въ личныя бесѣды съ королями и министрами.

Первый конгрессъ былъ созванъ въ Ахенѣ, въ ноябрѣ 1818 года. На немъ, кромѣ дипломатовъ пяти великихъ государствъ, присутствовали еще императоры Австріи и Россіи и король Пруссіи. Поводомъ къ собранію конгресса была статья парижскаго договора 1815 года, обязывавшая союзныя державы вывести изъ Франціи остававшіяся еще тамъ ихъ войска, если за этотъ періодъ внутреннее спокойствіе не будетъ нарушено. Франція требовала исполненія этого обѣщанія. Союзники пошли навстрѣчу этому желанію, но они постановили въ

---

*) Гервинусъ, I, 358.

то же самое время, что, въ случаѣ новыхъ смутъ, снова прибѣгнуть къ военному вмѣшательству.

Францiя и теперь при Бурбонахъ, при господствѣ «былого террора», представлялась союзникамъ опасной страной. «Нельзя закрывать глаза передъ дѣйствительностью, нельзя не согласиться, что даже при теперешнемъ положенiи вещей,—писалъ Генцъ въ мемуарѣ, представленномъ Меттерниху,—Францiя является страной менѣе всего способной соблюдать всеобщiй мiръ; наоборотъ, она лучше всѣхъ поставлена и организована, чтобы нарушить общественное спокойствiе». Того же взгляда придерживался и Александръ I-й. Въ составленномъ имъ проектѣ-программѣ о работахъ ахенскаго конгресса онъ спрашивалъ себя: «Не налагаетъ ли болѣзненное состоянiе Францiи на европейскiя державы обязанности принять мѣры, которыя были бы способны предохранять ихъ отъ заразы, могущей явиться оттуда *)?» Эти мѣры какъ мы видѣли, заключались во взаимномъ соглашенiи занять опять Францiю союзными войсками при первомъ взрывѣ революцiи. Такимъ образомъ «священный союзъ», или «моральная пентархiя», какъ его еще называли, выходилъ уже изъ области религiозно-сентиментальныхъ мечтанiй и дѣлался орудiемъ всеевропейской реакцiи.

XV.

Послѣ ахенскаго конгресса, всѣ усилiя Меттерниха сосредототились на Германiи. Мы уже упомянули, что нѣкоторые германскiе владѣтели руководимые не столько, можетъ быть, либеральными убѣжденiями, сколько желанiемъ найти въ своихъ народахъ опору противъ гегемонiи Австрiи и Пруссiи, даровали имъ обѣщанныя на вѣнскомъ конгрессѣ конституцiи. Между ними на первомъ мѣстѣ стоялъ извѣстный покровитель наукъ и искусствъ и другъ Гёте—веймарскiй герцогъ, Карлъ-Августъ. Его примѣру послѣдовали короли Баварiи и Вюртемберга и великiй герцогъ Бадена. Но эти уступки могли только отчасти удовлеторять либеральное нѣмецкое общество. Оно ожидало отъ войны съ Наполеономъ чего-то большаго, его идеаломъ было политическое объединенiе Германiи и именно онъ-то остался неосуществленнымъ. Отсюда недовольство, усилившееся еще больше при явныхъ попыткахъ Австрiи и, находившейся подъ ея влiянiемъ, Пруссiи уничтожить и тѣ маленькiя преобразованiя, которыя были введены въ Германiи.

---

*) Н. К. Шильдеръ, IV, 120—124.

Это новое разочарованіе выразилось, съ одной стороны, въ религіозно-мистическомъ движеніи, а съ другой—въ цѣломъ рядѣ полемикъ, протестовъ и волненій, закончившихся убійствомъ Коцебу.

О мистическомъ движеніи этой эпохи интересные факты мы находимъ въ письмѣ Адама Мюллера, одного изъ негласныхъ агентовъ Меттерниха въ Германіи. Между прочимъ онъ сообщалъ, что въ Галлѣ студенты разныхъ факультетовъ постоянно переходятъ на теологическій и что старый и набожный профессоръ Кнаппе не знаетъ, какъ ему быть при такомъ необыкновенномъ наплывѣ слушателей на его лекціяхъ. Тамъ же появился новый мистикъ Шубертъ, пользующійся точно такимъ же успѣхомъ.

Въ Боннѣ врачъ Виндишманъ открылъ свой курсъ лекцій въ залѣ переполненной профессорами и студентами и закончилъ, среди всеобщаго одобренія, свою первую лекцію словами: «Только въ откровеніи Іисуса Христа можно найти успокоеніе своей совѣсти и примиреніе ея съ наукой».

Можно было подумать, что консерваторы посмотрятъ на это движеніе съ радостью, ибо оно отвлекало молодежь отъ общественно-политической жизни, но въ сущности они понимали, что у этихъ мистиковъ живетъ тотъ же безпокойный и алчущій жизни духъ, который, смотря по обстоятельствамъ, принимаетъ ту или иную форму.

«Очень замѣчательное явленіе,—писалъ Генцъ Меттерниху,—совершающаяся на нашихъ глазахъ эволюція многихъ людей, особенно молодыхъ, переходящихъ отъ политическаго фанатизма къ религіозному мистицизму. *Въ этомъ я ничего хорошаго не вижу*. Очевидно, что болѣзнь только мѣняетъ форму и поэтому противъ нея нужно бороться другими средствами... Если намъ не удастся повліять на умы и захватить зло въ его самыхъ глубокихъ корняхъ, мы должны признать себя побѣжденными».

Мистическое движеніе шло параллельно и часто совмѣстно съ политическимъ. Центромъ послѣдняго были литературные кружки и студенческія общества—*буршеншафты*, которые заняли мѣсто стараго союза добродѣтели. Борьба велась путемъ словесной пропаганды, полемики въ печати и публичныхъ демонстрацій.

Годъ спустя, во время Ахенскаго конгресса, Меттернихъ предлагаетъ прусскому королю принять общій планъ дѣйствія, главные пункты котораго намѣчены въ секретномъ письмѣ къ прусскому министру, князю Витгенштейну.

Прежде всего онъ требуетъ, чтобы король окончательно отказался отъ своего обѣщанія ввести конституцію въ Пруссіи. «Подобное нововведеніе—пишетъ Меттернихъ—не можетъ быть сдѣлано въ большомъ государствѣ безъ того, чтобы оно не повело къ революціи».

Послѣ этого Меттернихъ предлагаетъ цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣропріятій, касающихся не одной только Пруссіи, но всего германскаго союза. Съ одной стороны, эти мѣропріятія были направлены противъ общественнаго мнѣнія, съ другой—противъ молодежи. Для подавленія перваго онъ совѣтуетъ уничтоженіе свободы печати. Меттернихъ мирится еще съ мыслью допускать свободное печатаніе «серьезныхъ и научныхъ сочиненій», но не памфлетовъ и періодическихъ изданій. Онъ требуетъ, чтобы противъ послѣднихъ были изданы спеціальные «предохранительные или репрессивные законы».

Воспитаніе юношества тоже безпокоитъ Меттерниха. «Новаторы поняли безплодность своихъ затѣй,—пишетъ Меттернихъ,—и поэтому они перемѣнили образъ дѣйствія: они устремили всѣ свои взоры на грядущее поколѣніе. Но чтобы подготовить послѣднее къ его будущей миссіи, нужно овладѣть молодыми людьми еще теперь, съ ихъ ранняго дѣтства, и пріучать постепенно ихъ «умъ къ революціонной дисциплинѣ». Въ этомъ и заключается, по мнѣнію Меттерниха, роль гимнастическихъ обществъ, «этихъ подготовительныхъ школъ къ университетскимъ безпорядкамъ» и студенческихъ ассоціацій — *буршеншафтовъ*. Такъ какъ и гимнастическія общества, и буршеншафты больше всего распространены въ Пруссіи, то король полнымъ уничтоженіемъ тѣхъ и другихъ долженъ дать назидательный примѣръ остальной Германіи.

Пока прусское правительство обдумывало планъ Меттерниха, послѣдній возвращается въ Вѣну и оттуда отправляется въ Италію вмѣстѣ съ императоромъ Францемъ. Цѣлью этой поѣздки, кромѣ удовольствія, было познакомиться на мѣстѣ съ ходомъ дѣлъ на Аппенинскомъ полуостровѣ. Здѣсь и застало Меттерниха извѣстіе объ убійствѣ Коцебу, совершенное студентомъ Зандомъ въ Мангеймѣ 23-го марта 1819 года.

Еще во время ахенскаго конгресса вышла одновременно на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ брошюра русскаго дипломата Стурдзы, въ которой горячо осуждалось не только либеральное нѣмецкое движеніе, но и устройство германскаго союза. Появленіе ея вызвало страстную полемику въ нѣмецкой печати. Арндтъ, Герресъ, Янъ и другіе вожди либеральнаго движенія напали на автора брошюры; одна студенческая корпорація даже послала вызовъ Стурдзѣ. Писатели же, принадлежавшіе къ противоположному лагерю, взяли подъ свою защиту какъ идеи, высказанныя въ брошюрѣ, такъ и личность самого автора. Между этой второй категоріей писателей большей горячностью отличался Коцебу.

«Вотъ послѣдствія усилій—пишетъ съ ироніей Генцъ—*невинной и добродѣтельной нѣмецкой молодежи и ея благородныхъ учителей*, о ко-

торыхъ намъ столь много говорили, когда мы, послѣ вартбургскихъ буйствъ, осмѣлились указать на зло».

Теперь Генцъ совѣтуетъ принять серьезныя мѣры. Онъ считаетъ такими только тѣ, которыя дѣйствовали бы на міровоззрѣніе молодежи. Усиленіе университетской дисциплины, изгнаніе виновныхъ профессоровъ и студентовъ, уничтоженіе университетскаго суда—все это палліативы. «Революціонные принципы (какъ напр., отрицаніе всякой власти, независимость личнаго сужденія, борьба мнѣній и другія того же рода прекрасныя вещи) останутся нетронутыми; они примутъ другую форму, опять поднимутъ гордо голову и больше чѣмъ когда-либо будутъ насмѣхаться надъ всякими законами; духъ, который проникаетъ теперь въ университеты, не будетъ не только изгнанъ, но даже не будетъ ограниченъ; наоборотъ, раздражаемый безсильнымъ противодѣйствіемъ правительства, онъ сдѣлается болѣе опаснымъ и убійственнымъ».

Другой сотрудникъ Меттерниха—Адамъ Мюллеръ—видитъ зло еще глубже. «Университетскіе безпорядки,—пишетъ онъ,—ведутъ свое начало отъ реформаціи; вотъ откуда проистекаетъ зло; его нельзя искоренить, не уничтоживъ самую реформацію».

Самъ Меттернихъ встрѣтилъ событіе 23-го марта съ величайшимъ удовольствіемъ. Что могло быть пріятнаго въ этой кровавой исторіи, гдѣ одна жертва уже пала, а другая готовилась къ эшафоту?

Пріятное для Меттерниха заключалось въ томъ, что убійство Коцебу создавало для него прекрасный поводъ энергичнаго и быстраго вмѣшательства во внутреннія дѣла Германіи. «Благодаря одной изъ этихъ счастливыхъ случайностей,—пишетъ онъ Генцу:—которыя давали вамъ такъ часто случай привѣтствовать меня, я смогу поднять свое дѣло, обогативъ его примѣромъ, который далъ мнѣ этотъ превосходный Зандъ за счетъ бѣднаго Коцебу».

Болѣе практичный, чѣмъ Мюллеръ и Генцъ, онъ не пускается въ неосуществимые проекты искоренить реформацію и свободомысліе, а требуетъ, прежде всего, измѣненія университетской дисциплины. «Иначе мы ничего не добьемся», пишетъ Меттернихъ. Онъ даже иронизируетъ надъ Мюллеромъ, предложеніе котораго напомнило случай съ русскимъ дипломатомъ Головкинымъ, который хотѣлъ искоренять «первыя причины французской революціи». Въ тоже самое время Меттернихъ входитъ въ сношеніе съ различными нѣмецкими дворами, чтобы подготовить извѣстную карлсбадскую конференцію. Въ срединѣ іюля того же 1819 г. онъ пріѣзжаетъ въ Германію и имѣетъ свиданіе съ прусскимъ королемъ въ Теплицѣ. Первой мыслью Меттерниха, чтобы склонить короля на свою сторону, было посѣять въ немъ недовѣріе къ его окружающимъ, которыхъ Меттернихъ подозрѣвалъ въ сочувствіи либеральнымъ взглядамъ. Такимъ онъ считалъ, между прочимъ, самого

прусскаго канцлера, князя Гарденберга. «Я могу съ вашимъ величествомъ говорить открыто, какъ и прежде, тѣмъ болѣе, что и вы сами требуете отъ меня этого... Очагъ заговора находится въ Пруссіи: теперь всѣмъ извѣстны мелкіе заговорщики, но ихъ вожаки еще не открыты. Между тѣмъ, они принадлежатъ, несомнѣнно къ высшимъ сферамъ; они находятся среди Вашихъ собственныхъ сотрудниковъ. Вашему величеству извѣстно мое мнѣніе о князѣ канцлерѣ; онъ оказалъ Вамъ большія услуги, но теперь онъ старъ, слабъ тѣломъ и духомъ и часто, желая добра, онъ дѣлаетъ только зло». Съ другой стороны, Меттернихъ, чтобы оказать давленіе на князя Гарденберга, угрожаетъ раскрыть королю какія-то тайны интимнаго характера. Такими способами Меттерниху удается заставить короля и Гарденберга отказаться отъ конституціонныхъ проектовъ и дать ему обѣщаніе, что они будутъ поддерживать его политику на германскомъ сеймѣ.

Какъ извѣстно, вопросы, касающіеся общихъ интересовъ Германіи, разсматривались на сеймѣ, засѣдающемъ во Франкфуртѣ. Но хотя и ограниченная, гласность засѣданія сейма могла вызвать сильную оппозицію со стороны общественнаго мнѣнія и помѣшать планамъ Меттерниха. Вотъ почему онъ хочетъ, чтобы сначала министры всѣхъ германскихъ государствъ приняли сообща нужныя мѣропріятія, такъ чтобы сеймъ очутился бы передъ совершившимся фактомъ, который онъ долженъ былъ бы только подтвердить. Самымъ важнымъ для Меттерниха было согласіе Пруссіи, которымъ онъ заручился. Что касается мелкихъ владѣтелей Германіи, въ родѣ веймарскаго великаго герцога, прозваннаго въ насмѣшку «великимъ студентомъ» за его симпатіи къ учащейся молодежи, на нихъ Меттернихъ дѣйствовалъ угрозой или пользуясь чувствомъ страха, который вызвало среди нихъ убійство Коцебу. Имѣя въ виду этихъ владѣтелей, императоръ Францъ писалъ Меттерниху: «Мы имѣемъ дѣло со слабыми владѣтелями и правительствами и поэтому должны воспользоваться овладѣвшимъ ими чувствомъ страха, чтобы заставить ихъ принять строгія, но справедливыя мѣры».

Программа Меттерниха состояла изъ двухъ частей. Первая охватывала непосредственныя практическія мѣропріятія, которыя слѣдовало принять противъ либеральнаго движенія; вторая—въ измѣненіи XIII ой статьи органическаго закона германской конфедераціи, обязывающей отдѣльныя правительства дать своимъ подданнымъ конституціонныя учрежденія. Въ виду оппозиціи, которую могла вызвать такая коренная ломка основныхъ законовъ германскаго союза, Меттернихъ рѣшился дѣйствовать осторожно и методически.

На карлсбадской конференціи министровъ онъ ограничивается только проведеніемъ первой части своей программы. Здѣсь было рѣшено уничтожить свободу печати и усилить университетскую дисциплину, съ исключеніемъ изъ университетовъ и лишеніемъ правъ пре-

подаванія неблагонадежныхъ профессоровъ. Третья резолюція карлсбадскихъ совѣщаній создавала особую коммиссію, съ широкой слѣдственной властью, засѣдающую въ Майнцѣ, на которую была возложена задача открыть и наказать участниковъ заговора. Когда союзный сеймъ принялъ 20-го сентября 1819 года резолюціи министровъ, послѣдніе снова собрались на конфедерацію, на этотъ разъ въ Вѣнѣ. Тамъ была принята 4-го марта 1820 года резолюція, извѣстная въ исторіи подъ именемъ «Заключительнаго вѣнскаго акта».

Суть этой резолюціи заключалась въ слѣдующемъ. Основной законъ германской конференціи, хотя и обязываетъ отдѣльныхъ владѣтелей Германіи дать своимъ народамъ конституціонныя учрежденія, но онъ въ то же самое время признаетъ за ними право верховнаго суверенитета. Въ силу послѣдняго имъ предоставляется полное право опредѣлять характеръ и размѣры тѣхъ реформъ, которыя они могутъ дать своимъ подданнымъ. Однако, указывается, что суверенитетъ отдѣльныхъ владѣтелей дѣйствителенъ, но лишь по отношенію къ ихъ подданнымъ; наоборотъ онъ—фикція по отношенію ко всей конфедераціи. Дѣло въ томъ, что никакой германскій владѣтель не имѣетъ права предпринимать въ своемъ государствѣ что-нибудь такое, что угрожало бы *внутренней безопасности* его сосѣда. Наконецъ, по третьему пункту, эти рѣшенія входятъ въ силу, не требуя для этого согласія сейма, ибо здѣсь не идетъ рѣчи о какомъ - либо новомъ законѣ, а только о правильномъ *толковании* XIII статьи федеральной конституціи. Такимъ образомъ Меттернихъ устранялъ возможную оппозицію сейма на его маккіавелевскія толкованія и ставилъ всѣхъ нѣмецкихъ владѣтелей подъ фактическимъ господствомъ Австріи. Послѣдняя получала право вмѣшиваться во внутреннія дѣла каждаго нѣмецкаго государства и запрещать всякія нововведенія подъ предлогомъ, что они угрожаютъ ея собственной внутренней безопасности.

На этотъ разъ дѣло не обошлось безъ протестовъ. Конференція, которая должна была закончить свои работы въ нѣсколько дней, засѣдала нѣсколько мѣсяцевъ. Протестовала Баварія, протестовалъ и Вюртембергъ, обвинявшій Австрію и Пруссію, что онѣ хотятъ подъ другой формой возстановить наполеоновскій гнетъ. Тѣмъ не менѣе Меттерниху путемъ интригъ и угрозъ и эксплуатаціей убійства герцога берійскаго, которое ему пришлось весьма кстати, какъ и убійство Коцебу, заставляетъ, наконецъ, всѣхъ принять резолюцію 4-го марта.

Но въ то же самое время, когда онъ ликовалъ надъ слабыми нѣмецкими владѣтелями и надъ дезорганизованной нѣмецкой либеральной партіей, громомъ пронеслась вѣсть о возстаніяхъ въ Испаніи и Неаполѣ.

XVI.

Борьба противъ Наполеона вызвала въ Испаніи то же самое политическое броженіе, какъ и въ германскихъ государствахъ. Кортесы пошли на встрѣчу новымъ требованіямъ, провозгласивъ въ 1812 году либеральную конституцію. Но этому порядку вещей не суждено было долго существовать. Фердинандъ VII-ой, возстановленный на испанскомъ престолѣ въ 1814 г., уничтожилъ конституцію и ввелъ старый притѣснительный режимъ. Къ этой причинѣ неудовольствія прибавилась еще тяжелая и безплодная война съ южно-американскими колоніями. Еще до 1819 года было послано за океанъ 42.000 человѣкъ безъ всякой рѣшительно пользы.

Особенно сильное неудовольствіе существовало среди военныхъ, на которыхъ падала главнымъ образомъ тяжесть войны. Этимъ объясняются и тѣ частые бунты, которые происходили среди отправлявшихся въ Америку солдатъ. Параллельно съ этими единичными вспышками подготовлялось офицерами, участвовавшими въ масонскихъ ложахъ, настоящее возстаніе. Первый сигналъ былъ данъ астурійскимъ батальономъ, находившимся подъ командой офицера Рафаэля Ріего. Въ день новаго 1820 года, Ріего провозгласилъ возстановленіе конституціи 1812 года и двинулся со своими войсками для соединенія съ заговорщиками другихъ гарнизоновъ. Возстаніе постепенно распространилось по всей странѣ, охватило большіе города и нашло отголосокъ въ самой столицѣ. Седьмого марта, ровно три дня послѣ того, какъ въ Вѣнѣ былъ подписанъ «Заключительный актъ» Меттерниха, испанскій король присягалъ новой конституціи.

Испанская революція была первымъ громкимъ протестомъ народовъ противъ принциповъ священнаго союза. Но все-таки Испанія, вслѣдствіе своей отдаленности, не представляла для политики Меттерниха непосредственной опасности. Не то было съ революціей въ Неаполѣ, происходившей почти подъ воротами австрійской имперіи.

Реакція, наступившая въ Италіи послѣ уничтоженія французскаго владычества, отличалась той же свирѣпостью, какъ и въ Австріи. Возстановленные въ своихъ привилегіяхъ короли и князья спѣшили вознаградить себя неограниченнымъ пользованіемъ абсолютной власти за лишенія, перенесенныя въ изгнаніи. Между тѣмъ, въ итальянской жизни за этотъ періодъ произошли важныя перемѣны. Какъ извѣстно, вся Италія около пятнадцати лѣтъ находилась подъ владычествомъ Наполеона. На неаполитанскій престолъ былъ посаженъ его зять Мюратъ, а въ Римѣ—принцъ Евгеній, сынъ Жозефины. Если въ чисто политическихъ вопросахъ представители Наполеона проявляли ту же

нетерпимость и тотъ же деспотизмъ, который господствовалъ и во Франціи, то въ гражданскомъ строѣ они ввели радикальныя реформы. На Италію были распространены блага наполеоновскаго кодекса, который измѣнялъ старый режимъ, обезпечивая неприкосновенность собственности и личности и уничтожая существовавшія раньше сословныя различія. Этимъ открывалась дорога къ службамъ и къ общественной дѣятельности среднимъ слоямъ населенія. Съ другой стороны была уничтожена инквизиція, изгнанъ ненавистный орденъ іезуитовъ и вообще ограничена власть духовенства. Наконецъ, Наполеонъ пробудилъ у итальянцевъ надежду на созданіе особаго королевстна, охватывающаго всѣ итальянскія провинціи, во главѣ котораго онъ собирался поставить принца Евгенія, носившаго уже титулъ вице-короля Италіи. Всѣ эти нововведенія и всѣ эти надежды были разрушены реставраціей. Въ Неаполѣ былъ возстановленъ Фердинандъ III, который поспѣшилъ отмѣнить конституціи, дарованныя Мюратомъ Неаполю и лордомъ Бентикомъ-Сициліи. Ломбардія вмѣстѣ съ Венеціей отошла къ Австріи; римская область была возвращена папской власти. На мѣстѣ единой Италіи, на Аппенинскомъ полуостровѣ снова оказалось восемь различныхъ государствъ. Введенный Наполеономъ гражданскій строй былъ уничтоженъ; феодализмъ былъ возстановленъ, аристократія опять пріобрѣла господствующее положеніе въ администраціи и въ войскѣ. Точно также были возвращены и іезуиты, возстановлена инквизиція, и духовенство сдѣлалось такимъ же вліятельнымъ, какъ и раньше. Утвержденію этого новаго порядка вещей не мало способствовала Австрія, какъ примѣромъ, который она давала, управленіемъ Ломбардіи, такъ и непосредственнымъ воздѣйствіемъ, которое она оказывала на итальянскихъ владѣтелей. Въ Ломбардіи были введены всѣ притѣснительные законы, существовавшіе въ самой Австріи, но къ политическому гнету здѣсь прибавился еще гнетъ національный: всѣ итальянцы были лишены должностей, а ихъ мѣста были отданы австрійцамъ.

Въ то же самое время Меттернихъ завязываетъ постоянныя сношенія съ итальянскими владѣтелями и все время старается руководить ими. Во многихъ случахъ различные итальянскіе чиновники были прямыми агентами Австріи. «Намъ удалось — пишетъ Меттернихъ императору Францу,—завязать тайныя сношенія съ монсеньоромъ Пакка, директоромъ полиціи въ Римѣ, и мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобы заставить его слѣдовать во всѣхъ политическихъ дѣлахъ той же самой политикѣ, которой слѣдуемъ мы».

Не полагась вполнѣ на усердіе мѣстныхъ чиновниковъ, Меттернихъ наводняетъ Италію своими сыщиками; не полагаясь, наконецъ, и на нихъ, онъ посылаетъ туда въ 1817 году съ тайной миссіей бывшаго министра при Мюратѣ, продажнаго Тита Манци. Задача Манци

была проникнуть въ планы тайныхъ обществъ и узнать о намѣреніи различныхъ итальянскихъ правительствъ. Итальянскія правительства шли навстрѣчу желаніямъ Меттерниха. Ихъ сбиры дѣйствовали совмѣстно съ его агентами. Вся Италія была опутана сѣтью тайной полицейской организаціи, что оправдывало слова Огюста Барбье изъ его поэмы Кіая: «Изъ двухъ друзей, бесѣдующихъ вмѣстѣ, всегда одинъ—безнравственный доносчикъ». Мы уже упомянули, что Меттернихъ возложилъ на Тита Манти, между прочимъ, и миссію проникнуть въ намѣренія итальянскихъ правительствъ.

Правда, ихъ внутренняя политика вполнѣ совпадала съ политикой самого Меттерниха, но въ своей внѣшней политикѣ они казались подозрительными. Австрійское владычество на Аппенинскомъ полуостровѣ было непопулярно не только въ народѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ. Если народъ ненавидѣлъ Австрію за ея реакціонную политику, короли и князья опасались за потерю своей политической самостоятельности. Были и такіе владѣтели, какъ пьемонтскій король, мечтавшій выгнать Австрію съ Апеннинскаго полуострова и увеличить свою собственную территорію ея провинціями. Меттернихъ подозрѣвалъ, что такое желаніе встрѣчаетъ или можетъ встрѣтить поддержку Франціи и Россіи. Съ другой стороны, возстановленіе папской власти въ Римѣ пробудило надежды гвельфовъ, мечтавшихъ о ея распространеніи по всей Италіи. Тито Манци доносилъ Меттерниху, что самъ папа поддерживаетъ тайныя гвельфскія организаціи. Такимъ образомъ революціонное движеніе угрожало не только принципамъ священнаго союза, но, что еще важнѣе, австрійскому владычеству.

Въ 1817 году Меттернихъ предпринимаетъ путешествіе по итальянскимъ дворамъ. Личныя свиданія, какъ извѣстно, были однимъ изъ его любимыхъ пріемовъ воздѣйствія на королей. Съ глазу на глазъ онъ могъ сказать много такого, что не рѣшился бы довѣрить куску бумаги. Хотя въ это время въ Италіи еще все было спокойно, тѣмъ не менѣе Меттерниха охватываетъ какое-то дурное предчувствіе, когда онъ замѣчаетъ, что въ Ливорно агенты бостонскаго библейскаго общества раздаютъ итальянцамъ даровые экземпляры библіи. «Библейская болѣзнь охватила оба полушарія», пишетъ онъ своей женѣ. Мы знаемъ уже, какъ Меттернихъ приходилъ въ ужасъ отъ всякихъ проявленій самостоятельной мысли.

Еще до пріѣзда въ Ливорно онъ посылаетъ изъ Флоренціи австрійскому посланнику въ Петербургѣ Лебцельтерну записку о сектахъ въ центральной Европѣ, прося его узнать, какого мнѣнія держится русское правительство по данному вопросу. Въ этой запискѣ, между прочимъ, Меттернихъ обрушивается и на госпожу Крюденеръ. «Стремленія этой женщины болѣе опасны, чѣмъ всѣхъ другихъ сектантовъ, потому что цѣль всѣхъ ея проповѣдей—возбуждать неимущіе классы противъ

собственниковъ». Но его посланіе не успѣло еще прибыть въ Петербургъ, какъ получилось письмо графа Нессельроде съ протестомъ, хотя и составленнымъ въ дружелюбномъ тонѣ, противъ закрытія библейскаго общества въ Вѣнѣ. Меттернихъ отвѣтилъ, что онъ самъ тоже большой поклонникъ библіи, но что это такая книга, которую не слѣдуетъ распространять въ народѣ. Онъ согласенъ съ католической церковью, которая «не дозволяетъ чтеніе мистическихъ книгъ, наполненныхъ непристойными описаніями, какими изобилуетъ, напр., Библія».

Пересылая императору Францу письмо Нессельроде и копію съ своего отвѣта, Меттернихъ пишетъ: «Съ 1815 года императоръ Александръ оставилъ якобинскія идеи и бросился въ мистицизмъ. «Но такъ какъ его стремленія остаются революціонными, этимъ самымъ духомъ проникнуты и его религіозныя идеи. Послѣ моего письма... императоръ Александръ потеряетъ всякую охоту входить въ религіозныя бесѣды съ такими узкими христіанами, какъ ваше величество и его министръ».

Черезъ два года Меттернихъ опять посѣщаетъ Италію. На этотъ разъ, хотя онъ увѣряетъ Генца, «что неаполитанскій народъ положительно доволенъ своимъ королемъ», въ его другихъ письмахъ проглядываетъ сильное безпокойство. Онъ постоянно жалуется на «русскихъ агентовъ», которые будто бы вдохновляютъ вожаковъ тайныхъ карбонарскихъ обществъ. Онъ приводилъ позже въ доказательство, между прочимъ, тотъ фактъ, что во время путешествія великаго князя Михаила Павловича, котораго сопровождалъ Лагарпъ, карбонары встрѣчали послѣдняго съ раскрытыми объятіями.

Дѣйствительно, въ Италіи въ это время тайныя общества развивали лихорадочную дѣятельность. Какъ извѣстно, во главѣ находилась организація *карбонаріевъ*—бывшія масонскія общества, принявшія еще при французскомъ владычествѣ политическую окраску. Подъемъ общественнаго настроенія былъ виденъ и въ романтической литературѣ. «Теперь романтикъ сдѣлался синонимомъ либерала», писалъ Сильвіо Пеллико *). Въ 1819 г. подъ редакціей послѣдняго началъ выходить журналъ «Conciliatore», но который въ томъ же году былъ запрещенъ правительствомъ, какъ «пахнувшій углемъ». Во главѣ подготовлявшагося военнаго возстанія находился энергичный калабрійскій офицеръ Пепе. Онъ составилъ планъ захватить въ плѣнъ австрійскаго императора и Меттерниха, находившихся тогда въ Италіи. Объ этомъ неудавшемся заговорѣ мы находимъ въ письмѣ Меттерниха къ Генцу отъ 7-го мая слѣдующій отголосокъ: «Со всѣхъ сторонъ меня спрашиваютъ о подробностяхъ заговора, составленнаго въ Италіи противъ

---

*) Больтонъ Кингъ. «Исторія объединенія Италіи», Спб., 1901 г., I, 127.

императора. Если такой слухъ дойдетъ до васъ, то заявите прямо, что это изъ-за преступныхъ выдумокъ революціонной партіи».

Неаполитанская революція вспыхнула 1-го іюля 1820 года. Король былъ вынужденъ присягнуть новой конституціи и составить либеральный кабинетъ, въ который вошелъ, между прочимъ, и Пепе.

XVII.

Извѣстіе о неаполитанскихъ событіяхъ получилось въ Вѣнѣ только 15-го іюля. Оно вызвало у Меттерниха большое смятеніе. «Революція въ Неаполѣ,—писалъ онъ,—событіе, послѣдствія котораго неисчислимы. Два эскадрона кавалеріи низвергаютъ королевскій престолъ и угрожаютъ вызвать во всей Европѣ колоссальныя несчастія». Меттернихъ хотѣлъ бы дѣйствовать быстро и энергично, но онъ ждетъ, предварительно, съ большимъ нетерпѣніемъ, извѣстій изъ Петербурга. Хотя на ахенскомъ конгрессѣ царь вполнѣ примкнулъ къ политикѣ Меттерниха, но позднѣйшія дѣйствія австрійскаго канцлера въ Германіи вызвали нѣкоторое охлажденіе между ними. Русскій царь не могъ оставаться равнодушнымъ къ безцеремонному вмѣшательству Меттерниха во внутреннюю жизнь германскихъ государствъ, тѣмъ болѣе, что подъ предлогомъ защищать принципы священнаго союза, Меттернихъ, въ сущности, утверждалъ политическую гегемонію Австріи надъ остальной Европой. Этимъ и объясняется сильно разсердившій Меттерниха циркуляръ русскаго министра Каподистріи отъ января 1820 года, въ которомъ онъ приглашаетъ нѣмецкихъ владѣтелей сопротивляться поползновеніямъ Австріи. Мы видѣли, что другая причина охлажденія заключалась въ различномъ отношеніи двухъ кабинетовъ къ итальянскимъ дѣламъ. Во всемъ этомъ Меттернихъ считалъ виновнымъ не столько самого царя, сколько Каподистрію, противъ котораго онъ тратитъ весь запасъ своего желчнаго остроумія, называетъ его «лжеІоанномъ», а его циркуляры «апокалипсическими». Наконецъ, курьеръ изъ Петербурга прибылъ и съ вполнѣ благопріятными для Меттерниха извѣстіями. «Каподистрія окончательно побитъ!—восклицаетъ онъ съ радостью.—А мы двое—императоръ Александръ и я,сдѣлаемъ вмѣстѣ очень многое».

Нѣсколько дней послѣ онъ приводитъ въ другомъ письмѣ слова, сказанныя будто бы императоромъ Александромъ: «Я надѣлалъ много зла, но теперь постараюсь его загладить». И Меттернихъ опять радостно восклицаетъ: «Какъ видно, Каподистрія отходитъ на задній планъ, котораго, собственно, онъ и не долженъ былъ покидать».

Неаполитанская революція сдѣлалась предметомъ обсужденія на конгрессѣ въ Троппау, куда прибыли императоръ Александръ и Ка-

подистрія въ октябрѣ 1820 г. Еще изъ перваго свиданія съ Каподистріей и царемъ, Меттернихъ выходитъ торжествующимъ. Рѣдко вздутое самодовольство Меттерниха доходить до такихъ размѣровъ, какъ въ письмѣ, писанномъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его предполагаемой побѣды. «Я провелъ сегодняшнее утро,—пишетъ онъ,—перелистывая, такъ сказать, шефа русскаго кабинета. Представьте себѣ, каково было мое удивленіе: онъ не сдѣлалъ ни одной апокалипсической декларапіи! Это ненатурально, а тѣмъ не менѣе—правда; впрочемъ, истинное можетъ часто казаться неправдоподобнымъ. Что же такое произошло на седьмомъ небѣ Каподистріи? Онъ просто спустился на землю нагимъ, какъ истина, съ открытыми глазами. Я началъ нашу бесѣду, ставъ твердо на свою почву, т.-е. на почву здраваго разсудка. Представьте себѣ, я его нашелъ стоящимъ на той же почвѣ. Чтобы его испытать, я отступилъ, но онъ не послѣдовалъ за мною. Я снова вернулся и нашелъ его на томъ же мѣстѣ. Онъ сидитъ на своей солидной основѣ такъ же крѣпко, какъ Атласъ. Я набросился на его Апокалипсисъ, но онъ самъ предложилъ принести дровъ, чтобы сжечь произведеніе лже-Іоанна. А напалъ на его прошлое, онъ мнѣ вторилъ. Я началъ описывать будущее, какъ я его понимаю, онъ выразилъ мнѣ полное согласіе. Наконецъ, я началъ смѣяться,—онъ тоже. Я думаю, что, если бы я заплакалъ, изъ его глазъ тоже покатились бы слезы. Въ этотъ моментъ я подумалъ: мы теперь можемъ идти вмѣстѣ и, о чудо! онъ всталъ и пошелъ за мною...» «Императоръ Александръ,—пишетъ дальше Меттернихъ,—точно также вполнѣ слушается. Онъ извиняется и даже обвиняетъ самого себя... «Вы понимаете, почему я уже не тотъ?—говорилъ онъ.—Съ 1813 г. до 1820 г. прошло семь лѣтъ, которыя мнѣ кажутся цѣлымъ столѣтіемъ. Въ 1820 г. я ни за что не сдѣлаю того, что сдѣлалъ бы въ 1813 году. Перемѣнились не вы, а я. Вамъ не въ чемъ каяться, но я про себя не могу сказать того же самаго».

Внѣ всякаго сомнѣнія, на Меттерниха нельзя полагаться за точность передачи словъ царя, но смыслъ разговора несомнѣнно былъ таковъ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ писемъ самого императора Александра. «Мы собрались,—пишетъ онъ изъ Троппау,—дабы принять серьезныя и дѣйствительныя мѣры противъ пожара, охватившаго весь югъ Европы, и отъ котораго огонь уже разбросанъ во всѣхъ земляхъ... Согласіе, союзъ между государями и ихъ кабинетами были совершенные. Работали откровенно и хорошо. Поэтому, я надѣюсь, съ помощью божественнаго Провидѣнія, что работа такъ хороша, какъ она только можетъ быть, несмотря на великія трудности и препятствія, которыми она была обставлена. Благоразумныя мѣры уже приняты; рѣшено, что я буду служить, въ нѣкоторомъ родѣ, посредникомъ для передачи сообщеній изъ Неаполя. Мы имѣемъ нѣкоторую надежду вырвать короля

изъ рукъ карбонаріевъ и тогда дѣйствовать его властью съ поддержкой всей австрійской арміи» *).

На лайбахскій конгрессъ, который открылъ свои засѣданія въ началѣ 1821 г. дѣйствительно, пріѣхалъ и неаполитанскій король. Какъ только Фердинандъ III очутился среди монарховъ и дипломатовъ священнаго союза, онъ поспѣшилъ отречься отъ своей присяги новой конституціи. На Австрію была возложена обязанность усмирить возстанія и возстановить неограниченную королевскую власть.

Пока дипломаты засѣдали, вспыхнула революція и въ Пьемонтѣ, но уже рецептъ для усмиренія мятежей былъ составленъ и оставалось только его приложить къ Пьемонту. Въ слѣдующемъ году, на веронскомъ конгрессѣ, было рѣшено поступить точно также и съ Испаніей. На этотъ разъ роль усмирительницы взяла на себя Франція.

Изъ документовъ, относящихся къ той эпохѣ, большой историческій интересъ представляетъ пространная докладная записка, написанная Меттернихомъ еще въ Троппау Александру I. Этотъ документъ носитъ громкое заглавіе: «Политическое *credo* князя Меттерниха». Оно начинается описаніемъ послѣдствій, которыя вызвали въ европейской жизни открытіе Америки, изобрѣтенія пороха и типографическаго станка. Но, конечно, дѣло не въ самыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, а въ томъ, что они развили въ современныхъ поколѣніяхъ необыкновенную «самонадѣянность».

«Самонадѣянность,—пишетъ Меттернихъ, дѣлаетъ то, что такое множество людей сбиваются по пути заблужденій... Религія, мораль, политическая экономія, государственное управленіе—все это сдѣлалось теперь какъ бы общимъ достояніемъ... Для самонадѣяннаго человѣка опытъ не имѣетъ никакого значенія; вѣра для него тоже ничто; онъ ее замѣняетъ воображаемымъ личнымъ убѣжденіемъ. *Законы* для него точно также лишены всякаго авторитета, потому что онъ не принималъ участія въ ихъ составленіи... *Власть* заключается въ немъ самомъ; зачѣмъ же ему подчиняться тому, что создано для невѣждъ и незнающихъ?» Отвѣтственность за это настроеніе общества Меттернихъ бросаетъ на Англію, на Францію, на Наполеона, на нѣмецкихъ новаторовъ, на итальянскихъ карбонаріевъ, на ученыхъ, мистиковъ и на политиковъ. Наконецъ, онъ кончаетъ свое *credo* слѣдующей тирадой, написанной не безъ нѣкоторыхъ инсинуацій по адресу его царственнаго корреспондента. «Пусть каждое правительство заставитъ замолчать доктринеровъ своей страны и выразитъ презрѣніе къ доктринамъ другихъ странъ. *Пусть оно остерегается всякихъ дѣйствій, которыя могли бы дать поводъ думать, что оно относится сочув-*

*) Н. К. Шильдеръ, IV, 188.

ственно или равнодушно къ заблужденіямъ; пусть оно старается быть яснымъ и опредѣленнымъ въ каждомъ своемъ словѣ и пусть не стремится путемъ уступокъ привлечь на свою сторону партіи, единственнымъ желаніемъ которыхъ является разрушеніе всякой власти, не исходящей изъ нихъ. Это тѣмъ болѣе не слѣдуетъ допускать, что уступки такого рода не только не примиряютъ партіи съ правительствомъ, но, наоборотъ, усиливаютъ ихъ стремленіе захватить власть» (курсивъ вездѣ Меттерниха). Оказало ли политическое *credo* князя Меттерниха какое-нибудь дѣйствіе на воззрѣнія императора Александра, трудно сказать съ увѣренностью. Но очень вѣроятно, что оно могло ускорить въ немъ тотъ поворотъ къ охранительнымъ началамъ, который былъ замѣтенъ у царя послѣ отечественной войны.

XVIII.

Отечественная война возбудила въ извѣстныхъ слояхъ русскаго общества тѣ же самыя надежды, что и на Западѣ. Она объединила всѣ категоріи русскаго народа въ одной общей мысли о защитѣ родины и этимъ самымъ наносила нравственный ударъ сословнымъ различіямъ. Отечественная война имѣла еще другое послѣдствіе: сближеніе Россіи съ Западомъ. Въ прошлыхъ войнахъ съ Наполеономъ русскія войска не заходили дальше Австріи и Пруссіи. При этомъ, тогдашняя внутренняя жизнь германскихъ государствъ не представляла ничего поучительнаго и ободрительнаго. Наоборотъ, въ 1813 г. Германія воспламенилась патріотическимъ и свободолюбивымъ духомъ. Крикъ: «долой Наполеона» чередовался съ крикомъ: «да здравствуетъ свобода!» Еще большее впечатлѣніе на военныхъ должна была произвести Франція. Она, несмотря на пятнадцатилѣтній деспотизмъ Наполеона, сохраняла еще свою вѣру въ либеральные принципы. Самъ Людовикъ XVIII, держась одной рукой за штыки союзниковъ, другой—предлагалъ французскому народу конституціонную хартію. Ненависть къ французамъ, вызванная въ русскомъ офицерствѣ, послѣ Эйлау и Фридланда, уступила мѣсто дружелюбію и уваженію. Уваженіемъ проникались русскіе къ жизни всѣхъ западныхъ государствъ вообще. Вотъ, напр., какъ будущій декабристъ, кн. Сергѣй Волконскій разсказываетъ характерный случай, котораго онъ былъ очевидцемъ въ Лондонѣ. Народная толпа напала на домъ одного изъ противниковъ Corn-bill'я. Когда вблизи находящаяся полиція явилась охранять личность ненавистнаго депутата, тотъ попросилъ ее удалиться свѣдующими словами: «Господа военные, англичанинъ находится подъ защитой законовъ и ему не нужно помощи штыковъ. Поэтому, прошу васъ не имѣть попеченія о моемъ охраненіи!» Толпа,

бросавшая раньше камни въ депутата, услыхавъ его гордыя и достойныя слова, начала ему апплодировать *).

Какое впечатлѣніе произвели на Волконскаго какъ этотъ, такъ и другіе факты, наблюдаемые на Западѣ, можно судить по слѣдующему характерному признанію: «Зародышъ сознавія обязанности гражданина сильно ужъ началъ высказываться въ моихъ мысляхъ и чувствахъ. Причины этого были народныя событія 1814 и 1815 гг., вселившія въ меня, вмѣсто слѣпаго повиновенія и отсутствія всякой самостоятельности, мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественныя». У другихъ это сознаніе выливалось въ горькихъ, проникнутыхъ безотраднымъ чувствомъ словахъ: «Вмѣсто того, чтобы отправлять обратно на родину—говорилъ одинъ русскій полковникъ, оставляя съ своими войсками французскую Фландрію,—государь императоръ лучше бы сдѣлалъ, если бы утопилъ всѣхъ насъ въ Балтійскомъ морѣ» **). Еще болѣе проникнуты западническимъ духомъ были офицеры, получавшіе свое воспитаніе во Франціи и Германіи, какъ, напр., братья Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолъ, проводившіе свою молодость въ Парижѣ, и Пестель—въ Дрезденѣ.

Кромѣ того, въ самой Россіи находилось въ эту эпоху множество французскихъ и нѣмецкихъ эмигрантовъ. Среди послѣднихъ первое мѣсто занималъ извѣстный Штейнъ—гордость нѣмецкаго патріотическаго и либеральнаго движенія и вдохновитель знаменитаго Тугенбунда. При немъ, въ качествѣ секретаря, находился Николай Тургеневъ, одинъ изъ будущихъ основателей «Союза благоденствія».

Въ эпоху отечественной войны, какъ мы уже говорили, императоръ Александръ раздѣлялъ и поощрялъ вожделѣнія передовыхъ слоевъ русскаго общества.

Но въ это время уже происходилъ новый переломъ во взглядахъ императора Александра. Въ какой моментъ онъ начался? Трудно опредѣлить въ точности. Но еще въ 1814 г. въ его душѣ начали бороться политическій либерализмъ съ религіознымъ мистицизмомъ. Чѣмъ больше онъ поддавался послѣднему, тѣмъ быстрѣе первый терялъ свое обаяніе. Убійства Коцебу и герцога беррійскаго, испанская и неаполитанская революціи еще болѣе усилили происходившій въ его взглядахъ поворотъ. Теперь его главной заботой дѣлаются библейскія общества, за которыя, какъ мы видѣли, онъ заступается даже передъ австрійскимъ правительствомъ.

Будучи на лайбахскомъ конгрессѣ, императоръ Александръ I-ый получаетъ 3-го (17) ноября извѣстіе о бунтѣ, происшедшемъ въ его самомъ любимомъ Семеновскомъ полку. Хотя это событіе не имѣло ни-

*) Кн. Сергѣй Волконскій. «Записки», 350.

какого политическаго характера, и недовольство было направлено исключительно противъ жестокости полковника Шварца, но этого факта было достаточно, чтобы вызвать у царя сильное раздраженіе. Онъ опасался впечатлѣнія, которое произведетъ бунтъ на общественное мнѣніе не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Такъ говорилъ царь Меттерниху, который съ своей стороны усиливалъ значеніе этого факта. Въ письмѣ же къ Аракчееву, посланномъ въ то же самое время изъ Троппау, царь приписывалъ этотъ бунтъ пропагандѣ тайныхъ обществъ *). По возвращеніи въ Россію, на докладѣ 24-го мая 1821 г. Александръ I-ый узнаетъ отъ князя Васильчикова о фактѣ существованія тайныхъ обществъ среди офицерства. «Вы, который находились на службѣ у меня съ начала моего царствованія,—отвѣтилъ царь,—знаете, что я самъ раздѣлялъ и поддерживалъ эти иллюзіи и заблужденія» **).

Черезъ нѣсколько дней къ царю является старый масонъ Кушелевъ съ протестомъ противъ новыхъ вѣяній, которыя проникли въ русскія масонскія ложи.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ раскрытій и, можетъ быть, отчасти еще подъ свѣжими воспоминаніями бесѣдъ съ Меттернихомъ въ Троппау и Лайбахѣ, Александръ I-ый издаетъ на слѣдующій годъ въ августѣ рескриптъ, объявляющій закрытіе всѣхъ масонскихъ ложъ ***). Закрыты были также основанныя въ нѣкоторыхъ полкахъ ланкастерскія школы. Оставались лишь одни библейскія общества, которыхъ постигла та же самая участь, но уже при императорѣ Николаѣ въ 1826 году ****).

Новое направленіе политики Александра I-го не измѣнилось до конца его жизни. Изъ сотрудниковъ, которыми онъ окружилъ себя въ либеральной эпохѣ своего церствованія, оставался еще Парротъ — бывшій профессоръ дерптскаго университета. Но въ началѣ 1825 года царь отказался и отъ этого стараго друга, какъ отказался раньше отъ Сперанскаго. Уѣзжая изъ Петербурга, Парротъ въ послѣдній разъ оброщается къ своему царственному покровителю съ письмомъ.

Интересно отмѣтить въ письмѣ Паррота высказанное и раздѣляемое другими мнѣніе, что перемѣна взглядовъ императора Александра произошла въ эпоху конгрессовъ и что въ ней также виноваты иностранцы.

Но мы знаемъ, что вліятельнѣйшимъ изъ этихъ иностранцевъ и въ то же самое время душой конгрессовъ былъ Меттернихъ.

Могущество Меттерниха достигаетъ своей высшей точки въ періодъ 1815—1823 г., охватывающій такъ называемую эпоху конгрессовъ.

---

*) Пыпинъ, 447.
**) Н. К. Шильдеръ, IV, 203—204.
***) Пыпинъ, 329.
****) Snitzler III, 266.

Онъ фактически распоряжается судьбами Германіи и Италіи. Его вліяніе распространяется на Россію, Францію и даже на Англію; ея первый министръ, лордъ Кестельри — тотъ же самый, который назывался потомъ лордомъ Лондондерри, былъ его другомъ. Всѣ стараются снискать его расположеніе. Короли и министры обращаются къ нему за совѣтами; его одобренія и порицанія даютъ направленіе ихъ политикѣ. Что скажетъ князь Меттернихъ? Что думаетъ князь Меттернихъ? — вотъ первые вопросы, которые приходили въ голову европейскимъ государственнымъ людямъ, когда они желали предпринять что-нибудь или когда встрѣчались съ какою-нибудь трудностью. Меттернихъ усмиряетъ революціи, задаетъ тонъ общей политикѣ державъ, принимаетъ ближайшее участіе въ ихъ внутренней жизни. Здѣсь онъ интригуетъ противъ Гарденберга, тамъ противъ Каподистріи и Канинга, Россіи онъ совѣтуетъ закрытіе библейскихъ обществъ, Франціи—упраздненіе закона о печати и установленіе предварительной цензуры. Онъ думаетъ и дѣйствуетъ за всѣхъ, выступая здѣсь въ роли строгаго обличителя, тамъ — въ роли снисходительнаго друга и совѣтника. Какое значеніе придавалось тогда вліянію и словамъ Меттерниха, можно судить по слѣдующему факту. Извѣстно, что между Людовикомъ XVIII-мъ и его братомъ, графомъ д'Артуа — будущимъ Карломъ X — существовала взаимная вражда. Отъ этого, конечно, страдали интересы роялистской партіи. Кому же предложили французскіе роялисты попытаться примирить двухъ враждующихъ братьевъ? Конечно, князю Меттерниху.

Меттернихъ пожиналъ плоды своихъ побѣдъ въ формѣ орденовъ, титуловъ, денежныхъ наградъ и арендъ, которые сыпались на него отъ всѣхъ европейскихъ владѣтелей. Послѣ вѣнскаго конгресса онъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство. Послѣ лайбахскаго—онъ былъ назначенъ государственнымъ канцлеромъ. Министры германскихъ дворовъ посылали ему благодарственные адреса—въ родѣ того, который былъ написанъ послѣ вѣнскаго заключительнаго акта, а оффиціальные поэты сочиняли въ честь его оды и кантаты. «Привѣтъ тебѣ, о великій принцъ, тебѣ, честную руку котораго направляетъ само Провидѣніе, чтобы повести къ освобожденія насъ и всѣхъ нашихъ братьевъ!» Такъ начиналась кантата, составленная поэтомъ Вейтомъ 1823 году, когда, по случаю возвращенію Меттерниха въ Вѣну, ему была устроена серенада. Тріумфальными арками и серенадами встрѣчали повсюду Меттерниха и потомъ, когда онъ путешествовалъ по Италіи и Германіи.

Самъ Меттернихъ сознавалъ свою силу. Онъ не пропускалъ случая распустить свои павлиныя перья и хвастаться на всѣ лады, давая самому себѣ самые лестные эпитеты. Какимъ самомнѣніемъ и чувствомъ тщеславія проникнуты его письма, которыя онъ пишетъ во

время своихъ путешествій! «Меня здѣсь ожидаютъ, какъ *Мессію*, который долженъ избавить грѣшниковъ,—пишетъ онъ изъ Италіи.—Королю объединенной Италіи не устроили бы такихъ встрѣчъ, какія устраиваютъ мнѣ». Немного позже, въ томъ же году, онъ пишетъ изъ Франкфурта: «Трудно себѣ представить, какое блестящее впечатлѣніе произвело мое появленіе на сеймѣ!» «Какъ ужасно ѣхать человѣку въ моемъ положеніи!—пишетъ онъ изъ Германіи въ 1822 г. съ Лайбахскаго конгресса.—Я чувствую пресыщеніе какого нибудь короля отъ всякихъ празднествъ, которыя устраиваются по случаю моего пріѣзда. На меня напали, какъ на настоящаго оракула. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ посчастливилось уничтожить карбонаріевъ, всѣ воображаютъ себѣ, что стоитъ мнѣ только показаться гдѣ нибудь, чтобы исчезли всѣ препятствія, мѣшающія тому или другому...» «Люди смотрятъ на меня, какъ на своего рода *фонарь*, который долженъ освѣщать имъ дорогу въ теперешней болѣе или менѣе темной ночи» *).

И вотъ, когда Меттернихъ находился на вершинѣ своего могущества, когда онъ думалъ, что покончены его счеты съ революціей, что карбонаріи уничтожены, появилась греческая буря, которая потушила благодѣтельный фонарь австрійскаго канцлера.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Х. Г. Инсаровъ.

---

*) «Memoires», IV, 130—175

СКАЗКА.

Сонетъ.

Лампадка. Полу-мракъ. Старушка, вся сѣдая,
Въ кругу своихъ внучатъ разсказываетъ сказки.
И мальчикъ, въ тѣнь угловъ тревожный взоръ кидая,
Съ восторгомъ слушаетъ, раскрывъ широко глазки...
Онъ проживетъ года, напрасно поджидая
И славныхъ подвиговъ, и доброй феи ласки;
Ему не встрѣтится царевна молодая...
И сѣрой будетъ жизнь, и тусклы будутъ краски.
И много, много разъ—скучающій, усталый—
Онъ вспомнитъ дѣтскую, лампадки отблескъ алый
И жуткую, въ углахъ сгустившуюся тьму...
Тогда онъ былъ великъ... Онъ полонилъ Жаръ-Птицу
И змѣя онъ убилъ... За это Царь-Дѣвица,
Какъ солнце, улыбнулася ему.

Александръ Аръ.

ВЕНЕЦІАНСКІЙ ХРУСТАЛЬ.

Сонетъ.

Я такъ люблю тебя, Венеціи хрусталь,
Слегка подернутый отливами опала,
Прозрачно-дымчатый, расплывчатый, какъ даль,
Крапленый золотомъ, какъ лезвіе кинжала;
Какъ отблескъ жемчуга межъ отблесковъ корала,
Слезой дрожитъ въ тебѣ неясная печаль.
И какъ на одалискъ, что заперты въ сераль,
Изъ кружевъ на тебя одѣто покрывало.
Неясный идеалъ и радужныя грезы,
И золотые сны, и радость юныхъ силъ
Въ стеклѣ расплавленномъ художникъ растворилъ.
И въ искрометный сплавъ, блестя, скатились слезы—
Отвергнутой любви безмолвная печаль...
Душа художника живетъ въ тебѣ, хрусталь.

Александръ Аръ.

ИЗЪ ЛЕОПОЛЬДА СТАФФА.

(Переводъ съ польскаго).

I.

БЕЗСИЛЬЕ.

Съ тупымъ равнодушьемъ, усталый, безсильный,
Пустыней безбрежной куда-то спѣша,
Я въ склепъ опускаюсь холодный, могильный.
На ложѣ тамъ скуки уснула душа
И грезитъ лѣниво и вяло, внимая,
Какъ вьются летучія мыши, шурша.
Зловѣщая тьма поднялась, заливая
Въ глухой тишинѣ все отъ сводовъ до дна,
И въ страхѣ слѣпомъ ночь застыла нѣмая.
Безчувствія ядъ—эта смерти волна—
Мнѣ въ душу проникъ и конецъ свой безплодный
Слезами оплакать безсильна она.
Здѣсь тьма только плачетъ въ тоскѣ безысходной
На мраморѣ черномъ росою холодной.

II.

ВАЯТЕЛЬ.

Дыханье вѣчности внезапно ощутивъ,
Какъ океанъ, когда отъ пѣны заклубится,
Всей жизни полнотѣ хотѣлъ онъ дать излиться,
И творческой волны могучъ былъ въ немъ приливъ.
Изъ камня юношу рѣзцомъ онъ изваялъ,
Чтобъ дать въ немъ образецъ отваги, мощи, славы;
Чтобъ были члены всѣ прекрасны, величавы
И мускулъ каждый въ нихъ избыткомъ силъ игралъ.
И первый, видѣвшій тотъ образецъ творенья,
Палъ ницъ, твердя съ мольбой восторженной, покорной:
„Колѣни долженъ міръ весь предъ тобой согнуть".
Но, оттолкнувъ его, исполненный презрѣнья
Къ той силѣ, что раститъ плодъ слабости позорной,
Художникъ молотомъ разбилъ статуи грудь.

А. Калин—скій.

ПОЛЬСКІЙ ДВОРЯНИНЪ.

Разсказъ **Георга фонъ-Омптеды.**

Переводъ съ нѣмецкаго **М. Славинской.**

Кадеты проводили во дворѣ своего корпуса послѣобѣденное свободное время. Одни изъ нихъ стояли маленькими группами, большею частью по угламъ, чтобы укрыться отъ вѣтра: былъ непріятный, очень свѣжій осенній день; нѣкоторые быстро бѣгали взадъ и впередъ, чтобы согрѣться. Всѣ кадеты были безъ фуражекъ и перчатокъ.

На самой серединѣ двора, гдѣ земля для маршировки, была плотно утрамбована, прохаживалось нѣсколько кадетъ подъ руку, составляя длинную цѣпь.

Все это были выпускные воспитанники, которые должны были черезъ полгода кончить корпусъ и начать службу.

Всѣ разступались, давая имъ дорогу, только какой-то маленькій кадетикъ, одиноко стоявшій на ихъ пути, не пошевелился. Онъ стоялъ сгорбившись, задумавшись, и дрожалъ отъ холода въ своихъ тонкихъ туго натянутыхъ панталонахъ.

Когда первоклассники *) подошли почти вплотную къ нему, одинъ изъ нихъ, ефрейторъ Гаазе, плюгавенькій и тощій, злобно закричалъ:

— Прочь съ дороги, безмозглый полякъ.

Кадетикъ вздрогнулъ, очнулся и хотѣлъ бѣжать, но было уже поздно. Первоклассникъ фонъ-Грейфъ хотѣлъ поднять руку, чтобы пропустить мальчика, но Гаазе двинулся нарочно прямо впередъ, и сильно ударилъ мальчика колѣнкомъ сзади,—далъ «кулича», какъ это у нихъ называлось.

При этомъ у мальчика выпалъ изъ рукъ бутербродъ и упалъ на землю намазанной масломъ стороной, которая покрылась толстымъ слоемъ пыли.

Высокій симпатичный блондинъ, фонъ-Грейфъ сочувственно кивнулъ головой.

— Ну, что это за шутки, Гаазе?

---

*) Въ нѣмецкихъ корпусахъ старшій классъ—первый.

Гаазе, почти на двѣ головы меньше ростомъ Грейфа, проворчалъ:

— Такой проклятый полячокъ!

Кто-то спросилъ:

— Какъ его фамилія!

— Фонъ-Яновскій. Онъ у меня въ дортуарѣ.

Ефрейторъ замолчалъ, но фонъ-Грейфъ желалъ узнать разныя подробности о маленькомъ полякѣ. Гаазе давалъ уклончивые отвѣты. Онъ говорилъ только, что Яновскій лѣнивъ, грязенъ и неряшливъ, какъ всѣ поляки. Потомъ первоклассники заговорили о другихъ вещахъ: объ экзаменахъ, о томъ, въ какой полкъ имъ хотѣлось бы попасть, какъ плохо стали ихъ кормить, какъ надо успѣвать на службѣ, и о томъ, что первая, вторая и четвертая рота куда хуже знаютъ строй, чѣмъ они, третья рота.

Между тѣмъ время послѣобѣденнаго отдыха прошло. Дежурный воспитатель, необыкновенно длинный, сухопарый пѣхотинецъ, далъ знакъ трубачу, и зазвучалъ сигналъ къ командѣ: «Стройся!»

Со всѣхъ сторонъ обширнаго двора стали сбѣгаться кадеты и строиться по ротамъ, затѣмъ по взводамъ, каждый подъ начальствомъ своего старшаго первоклассника-ефрейтора, стоявшаго на правомъ флангѣ.

Длинный воспитатель стоялъ на верхней ступенькѣ крыльца корпуса. Къ нему подходили по одиночкѣ всѣ первоклассники-ефрейторы и докладывали, что ихъ взводъ уже готовъ.

Гаазе всегда гордился тѣмъ, что его взводъ готовъ раньше всѣхъ, и онъ можетъ доложить первымъ.

Въ этотъ же разъ всѣ успѣли доложить раньше него, такъ что воспитатель спросилъ его:

— Ефрейторъ Гаазе, почему вы не докладываете?

Гаазе густо покраснѣлъ, злымъ голосомъ скомандовалъ: «Смирно!» и доложилъ офицеру:

— Кадетъ фонъ-Яновскій еще не на мѣстѣ.

Въ это же самое мгновеніе полякъ появился. Стоя гдѣ-то въ уголкѣ двора, онъ не разслышалъ сигнала.

Маленькій кадетъ Голлеръ, его сосѣдъ въ строю, несмотря на команду «смирно», слегка толкнулъ Яновскаго, что должно было значить, чтобы онъ явился самъ къ воспитателю и при этомъ подсказалъ ему и слова:

— На мѣстѣ!

Яновскій съ минуту стоялъ въ нерѣшительности, потомъ побѣжалъ прямо къ воспитателю, принялъ какъ можно болѣе военную осанку (хотя онъ стоялъ совсѣмъ криво) и прокричалъ, не дожидаясь, чтобы начальникъ даже посмотрѣлъ на него:

— На мѣ-стѣ-ѣ-ѣ!

— Подождите же, я сначала долженъ принять вашъ докладъ. Явитесь еще разъ!—сказалъ ему офицеръ.

Яновскій отошелъ нѣсколько шаговъ назадъ, потомъ вернулся и снова прокричалъ, не дожидаясь вопроса, дѣлая еще послѣдніе шаги:

— На мѣ-стѣ-ѣ-ѣ!

Длинный воспитатель, съ трудомъ удерживая смѣхъ, сказалъ:

— Раньше нужно смирно стоять, а потомъ докладывать. Какъ васъ зовутъ?

— Фонъ-Яновскій.

Офицеръ поправилъ его.

— Кадетъ фонъ-Яновскій. Всегда нужно прибавлять свое званіе. Довольно.

Онъ кивнулъ головой, и маленькій полякъ былъ свободенъ. Мальчикъ просто побѣжалъ отъ него, такъ что долженъ былъ вернуться обратно, и его стали учить, что нужно сдѣлать «налѣво кругомъ» и потомъ уже пойти. Длинный воспитатель обратился къ его дортуарному старшему:

— Ефрейторъ Гаазе, такъ нельзя. Черезъ восемь дней будетъ смотръ новопоступившимъ, а у васъ происходятъ такія вещи. Возьмитесь послѣ обѣда за этого кадета и выучите его докладывать, поворачиваться и уходить.

Потомъ офицеръ вытянулся, взялся за шашку и скомандовалъ высокой фистулой, подымаясь на цыпочкахъ, какъ пѣтухъ передъ своимъ «ку-ка-реку»:

— Лѣвое плечо впередъ! Шагомъ маршъ!

Всѣ четыре роты двинулись разомъ, какъ одинъ человѣкъ, такъ что захрустѣлъ песокъ подъ ногами.

Съ пѣніемъ и свистомъ (хотя такой шумъ былъ, собственно, запрещенъ) пошли кадеты по длиннымъ корридорамъ и по лѣстницѣ наверхъ, въ свои классы. Теперь наступило время занятій по класснымъ комнатамъ.

Кромѣ старшаго, ефрейтора Гаазе, весь девятый взводъ былъ въ сборѣ, именно: второклассникъ графъ фонъ-Эльсгеймъ, третьеклассники Флюге и фонъ-Боадорвиль, четвероклассникъ Геллеръ и самый младшій фонъ-Яновскій.

Кадеты вынимали изъ своихъ партъ учебники и пеналы. Въ комнатѣ противъ двери въ корридоръ было два большихъ окна, которыя выходили въ садъ. Вдоль стѣнъ стояли парты, неуклюжія, похожія на колоды. Остальное мѣсто у голыхъ выбѣленныхъ стѣнъ занимали шкафы: у каждаго кадета былъ свой шкафъ. Дверь вела въ спальный дортуаръ. Посреди комнаты стоялъ громадный столъ съ шестью чернильницами, по числу занимавшихся. Надъ столомъ висѣли два газовыхъ рожка подъ зелеными абажурами.

Въ корридорѣ прозвучалъ сигналъ къ началу занятій. Тотчасъ же вошелъ Гаазе и проворчалъ:

— Почему вы не на мѣстахъ? Сигналъ уже давно былъ.

Оба третьеклассника, Флюге и Боадорвиль моментально заняли мѣста за столомъ. Геллеръ, который былъ въ тотъ день дежурнымъ, хлопотливо бѣгалъ по комнатѣ и мимоходомъ толкнулъ Яновскаго, чтобы тотъ скорѣе садился за работу.

Маленькій полякъ сѣлъ. Геллеръ быстро закрылъ его парту и доложилъ старшему:

— Комната въ порядкѣ!

Съ быстротой молніи сдѣлалъ онъ налѣво кругомъ и усѣлся за работу. Гаазе тоже придвинулъ свой стулъ.

Не на мѣстѣ былъ еще только графъ фонъ-Эльсгеймъ. Онъ что-то жевалъ и все доставалъ новое подкрѣпленіе изъ глубины своей парты. Онъ даже не старался показать видъ, что спѣшитъ тоже занять мѣсто. Ефрейторъ нѣсколько разъ съ нетерпѣніемъ оглядывался на него, но Эльсгеймъ преспокойно продолжалъ ѣсть.

Гаазе и онъ съ самой Пасхи не говорили другъ съ другомъ ничего, кромѣ самаго необходимаго, хотя приходилось видѣться ежеминутно. Высокій, стройный Эльсгеймъ, съ красивымъ, открытымъ лицомъ и съ бѣлокурыми усами, хотя ему еще не было и восемнадцати лѣтъ, не обращалъ никакого вниманія на Гаазе, который въ глубинѣ души былъ ему противенъ.

Оба они были до прошлаго года одноклассники, но разошлись потому, что отецъ Эльсгейма взялъ сына на полгода изъ корпуса. Такимъ образомъ, онъ остался на второй годъ въ томъ же классѣ, но сохранилъ много своихъ прежнихъ друзей, такъ что первый классъ считалъ его какъ бы своимъ.

Поэтому, Гаазе не рѣшался сдѣлать Эльсгейму замѣчаніе. Къ тому же онъ былъ очень силенъ и ловокъ, а Гаазе питалъ большое уваженіе къ сильному кулаку. Затѣмъ отецъ Эльсгейма былъ начальникъ дивизіи, и могло случиться такъ, что черезъ полгода Гаазе попалъ бы какъ разъ въ его дивизію.

Прошло добрыхъ четверть часа, пока Эльсгеймъ не усѣлся; онъ занялъ мѣсто насупротивъ Гаазе. Но вмѣсто того, чтобы начать заниматься, онъ сначала принялся потягиваться и ворочаться, къ великой радости обоихъ третьеклассниковъ, которые съ улыбкой слѣдили за нимъ.

Ефрейторъ обратился къ Флюге и Боадорвилю:

— Ну, нечего зѣвать. Работайте лучше!

Они тотчасъ же погрузились въ свои учебники. Флюге, толстый краснощекій мальчикъ, сынъ помѣщика изъ Помераніи, началъ учить латинскій урокъ, а Боадорвиль, тщедушный кадетъ, съ черезчуръ короткимъ туловищемъ на длинныхъ тонкихъ ногахъ, съ воспаленными глазами, сынъ отставного маіора, началъ писать нѣмецкое переложеніе.

Эльсгеймъ раскрылъ для вида какую-то книгу, вынулъ листикъ бумаги и сталъ писать письмо.

Яновскій смотрѣлъ на него съ нескрываемымъ любопытствомъ. На него производило сильное впечатлѣніе это полное игнорированіе строгаго старшаго. Но Гаазе скоро замѣтилъ разсѣянность мальчика и обратился къ нему:

— Отчего вы не учитесь? Что вы, вообще, сдѣлали до сихъ поръ? Покажите!

Яновскій вздрогнулъ и пролепеталъ:

— Я... я очень много сдѣла-л-лъ.

— Что же?

— Географію.

Дѣйствительно, передъ нимъ все время лежала раскрытая карта Южной Америки и онъ что-то искалъ въ ней.

Гаазе потребовалъ его записную тетрадь. Маленькій полякъ подалъ ему, и Гаазе сталъ ее перелистывать.

— У васъ только географія на завтра?—спросилъ онъ.

Яновскій сталъ бросать отчаянные взгляды на своего одноклассника Геллера, который украдкой изъ-за кучи книгъ показалъ ему свою записную тетрадь. Тамъ было написано: «*Французскій*: Слѣдующій переводъ. *Географія*: Оро-гидрографія Южной Америки. *Латинскій*: Повторить прошлый урокъ. *Математика*: Задачи 16—21». Гаазе потребовалъ отъ Геллера его записную тетрадь; тотъ быстро закрылъ ее, подсунулъ подъ свою латинскую грамматику и черезъ нѣкоторое время вынулъ обратно, какъ будто ему трудно было найти ее.

Гаазе наморщилъ лобъ.

— Яновскій, почему же вы не записали уроки? Вѣчно та же исторія; вы не умѣете ни докладывать, ни повернуться, ваша записная тетрадь пуста. А я... я долженъ изъ-за васъ получать выговоры. Девятый взводъ всегда былъ самый лучшій...

Эльсгеймъ началъ вдругъ громко кашлять. Гаазе бросилъ на него злой взглядъ, но продолжалъ:

— Все было хорошо, пока вы, проклятый новичокъ, не влѣзли сюда. Съ тѣхъ поръ я все время въ отвѣтѣ изъ-за васъ. Изъ-за такого глупаго поляка!

И вдругъ онъ вскипѣлъ и закричалъ Яновскому:

— Вы можете встать, когда я съ вами разговариваю.

Маленькій полякъ совершенно растерялся и сидѣлъ, не шевелясь съ разинутымъ ртомъ. Это окончательно вывело изъ себя старшаго; онъ вскочилъ, пробѣжалъ вокругъ стола и заоралъ на Яновскаго во все горло:

— Сію минуту слушаться!

Подталкиваемый Геллеромъ, Яновскій вскочилъ. Гаазе стоялъ передъ

нимъ и ругалъ его безостановочно, такъ что, наконецъ, Эльсгеймъ поднялъ голому и сказалъ:

— Это чортъ знаетъ, что такое! Дайте хоть возможность спокойно заниматься!

Гаазе повернулся къ нему. Онъ старался владѣть собой, но все-таки у него вышло довольно рѣзко.

— Эльсгеймъ, вы вѣдь совсѣмъ не занимаетесь!

Но Эльсгеймъ не любилъ, чтобы съ нимъ шутили:

— Ахъ, оставьте, Гаазе! Я, правда, пишу теперь письмо, но все-таки шумъ мнѣ мѣшаетъ! Даже больше, чѣмъ при занятіяхъ.

Такой отвѣтъ показался старшему обидой, особенно при младшихъ кадетахъ; онъ забылъ свою осторожность и съ волненіемъ воскликнулъ:

— Прошу васъ называть меня моимъ званіемъ.

Но Эльсгеймъ насмѣхался:

— Ефрейторъ это совсѣмъ не званіе. Я вообще не буду васъ никакъ называть; я жалѣю, что мнѣ иногда приходится съ вами говорить

Гаазе подавилъ свою злобу и ничего не отвѣтилъ, потому что онъ видѣлъ угрожающую мину Эльсгейма и его сжатый кулакъ, которымъ тотъ ударялъ по столу. Старшій снова сѣлъ на свое мѣсто, принялся за занятія, и водворилась полная тишина. Ее прервалъ только сигналъ къ окончанію занятій.

Гаазе поклялся отомстить Яновскому. Изъ-за него весь взводъ дошелъ до такой распущенности, изъ-за него онъ наслушался отъ Эльсгейма оскорбительныхъ рѣчей. Этого онъ не могъ забыть.

Гаазе старался не давать Яновскому ни минуты покоя. Онъ заставлялъ мальчика пришивать пуговицы къ своему мундиру и чистить платье. Еслибъ не помощь Геллера, который изъ сожалѣнія дѣлалъ за Яновскаго то то, то другое, онъ никогда не справился бы со всѣмъ, такъ какъ онъ никогда не успѣвалъ сдѣлать и собственныхъ дѣлъ.

Маленькій полякъ былъ страшно неряшливъ и неаккуратенъ. Когда раздавался сигналъ, онъ никогда не былъ готовъ; когда надо было идти, онъ еще и не думалъ взяться за чистку своего мундира. Когда наступалъ часъ приготовленія уроковъ, у него не были собраны книги. Онъ всегда носилъ грязные сапоги и аккуратно забывалъ отдать въ мойку перчатки, такъ что къ воскресенью у него не бывало чистой пары.

Сапоги, которые должны были стоять въ платяномъ шкафу, находились нерѣдко наверху, въ ящикѣ для книгъ; въ послѣдній моментъ, когда надо было скорѣе кончать, онъ бросалъ книги въ платяной шкафъ и, — что приводило Гаазе въ наибольшую ярость,—систематически оставлялъ ключъ въ замкѣ шкафа или парты.

Тогда на него сыпались упреки. Съ утра до вечера полякъ выслушивалъ выговоры за свою лѣность, глупость, неряшливость, тупость.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Яновскій былъ всѣмъ прочимъ каде-

тамъ очень неудобенъ. Изъ-за него надо было повторять нѣсколько разъ команды, изъ-за него не прекращались шумъ и брань. Но съ другой стороны онъ представлялъ то удобство, что былъ козломъ отпущенія, на которомъ вымещалось все.

Но графа Эльсгейма, которому нечего было бояться старшаго, раздражала эта вѣчная руготня. Онъ въ сущности тоже не долюбливалъ Яновскаго; для него онъ былъ слишкомъ грязенъ. Но когда маленькому кадету ужъ черезчуръ плохо приходилось, хотя онъ много самъ былъ виноватъ,—Эльсгейма это возмущало. И однажды вечеромъ, послѣ цѣлаго дня непрерывной брани Гаазе, Эльсгеймъ ложась въ постель, сказалъ, обращаясь къ Гаазе:

— Пусть этотъ полякъ будетъ чѣмъ угодно, но я больше не могу выносить этой каторги. Здѣсь съ ума сойдешь!

Гаазе ничего не отвѣтилъ. Въ свободный послѣобѣденный часъ онъ взялся за муштровку поляка. Сначала онъ поправилъ его стойку: вытянулъ его руки по швамъ, приставилъ плотнѣе ногу къ ногѣ, выпятилъ грудь впередъ. И такъ какъ Яновскій держался криво, то онъ сильно надавилъ ему внизъ одно плечо. Послѣ всей этой подготовки, маленькій кадетъ долженъ былъ учиться докладывать. Но это никакъ ему не удавалось.

Яновскій забывалъ, что̀ ему надо было сказать, широко разставлялъ ноги, чуть не падалъ при поворотѣ, не становился на надлежащее мѣсто. Гаазе часто пользовался приказаніемъ воспитателя обучать маленькаго поляка отъ 5 до 6 часовъ послѣ обѣда и этимъ избѣгалъ необходимости торчать на холодномъ дворѣ.

У Яновскаго дѣло шло съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, какъ будто онъ становился глупѣе и неуклюжѣе. При этомъ его неряшливость положительно росла. Онъ не понималъ, зачѣмъ всѣ пуговицы должны быть пришиты. Его брюки были всегда засучены, потому что онъ не носилъ подтяжекъ и былъ совершенно ошеломленъ, когда старшій сдѣлалъ ему по этому поводу замѣчаніе.

Однажды вся рота шла по корридору на обѣдъ. Ротный командиръ, полковникъ Роoръ, шелъ тоже въ строю. Вдругъ онъ остановился передъ Яновскимъ и сказалъ:

— Ефрейторъ Гаазе, посмотрите-ка на кадета Яновскаго. Онъ новичокъ, поэтому вы должны быть отвѣтственны за него. Посмотрите, на что онъ похожъ! Яновскій, сдѣлайте полуоборотъ!

Мальчикъ исполнилъ приказаніе. И при этомъ полковникъ указалъ ефрейтору, что у кадета изъ-за ворота высовывается сзади застежка галстуха. Нижній крючокъ воротника его блузы былъ разстегнутъ, и видно было что-то свѣтлое, не то рубашка, не то голая шея.

Поляку приказано было застегнуть воротникъ блузы, и когда оказалось, что галстухъ криво надѣтъ, не застегнутъ и разстегнута даже рубашка, полковникъ сказалъ:

— Ефрейторъ Гаазе! Какъ это случилось, что кадетъ у васъ ходитъ въ такомъ видѣ? Развѣ вы не осмотрѣли, какъ онъ одѣлся?

— Онъ не былъ готовъ, господинъ полковникъ!—отвѣтилъ Гаазе.

Но полковникъ потерялъ терпѣніе.

— Чортъ побери! Вы должны смотрѣть за тѣмъ, чтобы онъ былъ готовъ!

— Слушаю, господинъ полковникъ,—раздался отвѣтъ. При этомъ Гаазе бросилъ на Яновскаго взглядъ, какъ бы говорившій: «Погоди, я тебѣ это припомню».

Когда рота двинулась дальше и вошла въ столовую, ефрейторъ отозвалъ поляка и сказалъ:

— Яновскій, вы должны восемь дней ко мнѣ являться и докладывать. Поняли?

— Слушаю, господинъ ефрейтор-р-ръ.

Яновскій попытался сдѣлать какъ можно болѣе ровный поворотъ, но все-таки одно плечо неизмѣнно было поднято кверху. И при поворотѣ галстухъ его совершенно высунулся изъ-за воротника.

Гаазе его снова позвалъ:

— Господинъ полковникъ вѣдь только что вамъ сказалъ, что у васъ галстухъ не въ порядкѣ. Чортъ васъ возьми, если вы теперь не постараетесь его аккуратно надѣвать! Ну, маршъ!

И въ своей ярости онъ топнулъ ногой и вытянулъ ее, какъ будто хотѣлъ толкнуть поляка. Но онъ не досталъ его.

Являться съ докладомъ означало вотъ что: Яновскій долженъ былъ вставать за полчаса до утренней зори, надѣвать форменную одежду при оружіи, кэпи и перчатки. Потомъ, въ тотъ моментъ, когда трубили зорю, онъ долженъ былъ являться къ постели старшаго и сказать: «Я явился на осмотръ».

Ефрейторъ, очень аккуратный въ исполненіи своихъ обязанностей, сейчасъ же вставалъ и одѣвался, потомъ подходилъ съ полякомъ къ окну и тщательно осматривалъ его.

Одинъ день оказывалось, что кэпи криво надѣто, другой разъ пуговицы были не вычищены, разъ одна изъ нихъ была даже не застегнута. Однажды полякъ явился безъ подтяжекъ, а съ его галстухомъ происходили вѣчныя непріятности, такъ что вскорѣ эти восемь дней обратились въ постоянные шумные смотры и утромъ, и вечеромъ.

Случилось такъ, что Гаазе былъ занятъ нѣсколько дней и обязанность осмотра перешла къ Эльсгейму. Но для этого онъ былъ черезчуръ лѣнивъ, и когда Яновскій сталъ, вытянувшись около его кровати и заоралъ во все горло, какъ училъ его Гаазе: «Я явился на осмотр-р-ръ!» Эльсгеймъ разозлился:

— Ну и голосокъ! Убирайтесь къ чорту съ вашимъ проклятымъ осмотромъ. Я не желаю поправлять вамъ противный галстухъ и застегивать пуговицы!

Маленькій полякъ остался стоять и сдѣлалъ за его спиной очень радостное лицо; воспользовавшись этимъ, онъ никогда не являлся на осмотръ, когда Гаазе не было.

Но однажды Гаазе неожиданно вернулся назадъ, очень разсердился и сказалъ:

— Ну, скажите, о чемъ вы думаете? Я вѣдь вамъ приказалъ разъ навсегда являться на осмотръ! Такъ-то вы исполняете приказанія? Что же это за безобразіе? Проклятый полякъ!

При этомъ онъ сильно схватилъ Яновскаго за руку; но когда онъ дотронулся до него, полякъ такъ мрачно посмотрѣлъ на него, лицо его было такъ сурово и рѣшительно, что маленькій Гаазе невольно выпустилъ его руку.

Онъ сейчасъ же ушелъ, потому что совѣсть его была не совсѣмъ чиста. Съ этимъ вѣчнымъ осмотромъ онъ превысилъ свою власть: онъ имѣлъ право учить новичка только три дня.

Но все-таки онъ при всякомъ удобномъ случаѣ нападалъ на Яновскаго. Онъ вызывалъ его, ругалъ, угрожалъ ему, постоянно назначалъ его на дежурство.

Когда Гаазе издали слышалъ шаги полковника, которые всѣ различали, онъ обыкновенно сейчасъ же начиналъ задавать Яновскому какіе-нибудь вопросы. И когда командиръ входилъ, онъ спрашивалъ:

— Что это опять случилось съ Яновскимъ?

Тогда выяснялось, что у Яновскаго не ведется записная тетрадь, или что его книжка расходовъ въ безпорядкѣ. Дѣйствительно, его расходы никогда не сходились съ доходами, у него всегда былъ дефицитъ. И это было тѣмъ болѣе странно, что маленькій полякъ часто получалъ тайнымъ образомъ деньги изъ дому и, несмотря на дефицитъ, всегда имѣлъ деньги.

Происходили длинныя изслѣдованія съ цѣлью найти его потайную кассу. Но изъ нихъ ничего не выходило, потому что Яновскій былъ довольно хитеръ: онъ пряталъ деньги за шкафъ между двумя дощечками или въ трубы воздушнаго отопленія. Всѣ эти постоянные недочеты въ поведеніи Яновскаго засчитывались ефрейтору, и однажды полковникъ снова позвалъ его и сказалъ:

— Ефрейторъ Гаазе, я обратилъ ваше вниманіе на кадета фонъ-Яновскаго и сказалъ вамъ, чтобы вы имъ занялись и привели бы его въ порядокъ. Когда онъ поступалъ къ намъ, его отецъ особенно просилъ меня заботиться о немъ и сдѣлать изъ него человѣка. Дѣло въ томъ, что у него была уже бѣда съ однимъ сыномъ. Такъ вотъ, постарайтесь воздѣйствовать на него, или я принужденъ буду усумниться въ вашей способности къ воспитанію младшихъ. Это было бы очень жаль, потому что вы должны именно здѣсь научиться воспитывать другихъ такъ, какъ васъ воспитали. Для насъ, военныхъ, это необходимо, на этомъ, вообще, основана вся дисциплина.

Ефрейторъ осмѣлился возразить полковнику, что Яновскій неисправимый человѣкъ, но это только разсердило полковника.

— Что же, развѣ вы будете выбирать себѣ людей, когда будете въ полку? Надо брать тотъ матеріалъ, который есть. И каждый офицеръ обязанъ воспитывать своихъ солдатъ. Тутъ не спрашиваютъ о томъ, съ кѣмъ легче сладить, а съ кѣмъ труднѣе. Я васъ прошу, приведите кадета фонъ-Яновскаго въ порядокъ. Обращайтесь съ нимъ, насколько хотите строго, но нужно научить его уму-разуму.

Онъ уже хотѣлъ было отпустить Гаазе, но прибавилъ еще:

— Само собой разумѣется, и это должно быть и такъ понятно ефрейтору: вы можете быть строги, но непремѣнно должны быть справедливы; вы не должны превышать свою власть, и не должны мучить его и затруднять чрезмѣрно. Во-первыхъ, это сдѣлало бы его только забитымъ и озлобленнымъ, а во-вторыхъ, вы отлично знаете, какъ я думаю на этотъ счетъ. Когда я узнаю, что въ моей ротѣ кто-нибудь скверно обращается съ младшими товарищами, то со мной шутки плохи. Такого мальчика нужно исправлять сознательнымъ, строгимъ и серьезнымъ обращеніемъ, но не рѣзкостью и жестокостью. А затѣмъ, такъ какъ такой маленькій человѣчекъ не равенъ вамъ ни по силѣ, ни по возрасту, ни по власти, то притѣсненія такого мальчика я цѣликомъ осуждаю. Кто притѣсняетъ беззащитнаго, тотъ совершаетъ самое большое для военнаго преступленіе: онъ—трусъ. Вы поняли меня?

— Точно такъ, господинъ полковникъ,—отвѣтилъ Гаазе, сдѣлалъ поворотъ и ушелъ.

Послѣднія слова полковника звучали такъ, какъ будто онъ подозрѣваетъ, что маленькій Яновскій терпитъ притѣсненія. Правда, онъ одинъ разъ взялъ поляка за руку, но ничего ему не сдѣлалъ. Ну, теперь онъ будетъ остороженъ! Но въ немъ кипѣла злоба. Его бѣсило, что онъ, бывшій всегда примѣрнымъ кадетомъ, долженъ терпѣть такія обиды и сносить вѣчныя непріятности изъ-за этого уродца. Раньше онъ хотѣлъ просить полковника перевести поляка въ другой взводъ. Но теперь, послѣ этой рѣчи это было совсѣмъ невозможно.

И Гаазе сталъ все больше и больше раздражаться. Онъ злился, когда видѣлъ поляка стоящимъ гдѣ-нибудь въ углу во время свободнаго часа. Яновскій ни съ кѣмъ не дружилъ и, видимо, чувствовалъ себя въ корпусѣ страшно несчастнымъ.

«Вотъ хорошо было бы, если бы кто-нибудь его здорово вздулъ», думалъ по себя Гаазе и жалѣлъ, что кадеты этого никогда не устраиваютъ, хотя они и не любили его.

У Гаазе было одно вѣрное средство доставить Яновскому непріятность. За обѣдомъ старшій разливалъ супъ, и вотъ онъ мстилъ мальчику тѣмъ, что давалъ всѣмъ бо́льшія порціи, а поляку меньше всѣхъ.

Однажды за обѣдомъ, когда Яновскій не получилъ почти супу, пе-

ожиданно вошелъ высокій воспитатель, бывшій въ этотъ день дежурнымъ, подошелъ прямо къ столу, заглянулъ въ тарелки и сказалъ:

— Ефрейторъ Гаазе, почему кадетъ фонъ-Яновскій не получилъ супу?

Гаазе густо покраснѣлъ и пробормоталъ:

— Не хватило, господинъ поручикъ.

Воспитатель оглядѣлъ его сверху внизъ и сказалъ только:

— Я думаю, что съ вашей тарелкой хватило бы.

Потомъ онъ отошелъ вмѣстѣ съ Гаазе на нѣсколько шаговъ отъ стола и сказалъ вполголоса:

— Я уже второй разъ замѣчаю, что вы Яновскому почти не наливаете супу. Правда, онъ неряха, лѣнтяй, онъ плохой кадетъ, но все-таки это не даетъ вамъ права обдѣлять его ѣдой. Я ради дисциплины не оставлю такъ это дѣло и велю принести сейчасъ изъ кухни еще тарелку супу. Зарубите себѣ это на носу, ефрейторъ.

Гаазе пошелъ на свое мѣсто и снова сѣлъ.

Въ громадной столовой всѣ кадеты обратили вниманіе на этотъ разговоръ и прислушивались къ нему. И Гаазе который былъ страшно самолюбивъ, это такъ взволновало, что онъ не въ состояніи былъ ѣсть.

Между тѣмъ Яновскому принесли полную тарелку супу. Онъ сталъ жадно ѣсть, громко причмокивая и положивъ оба локтя на столъ.

Гаазе съ отвращеніемъ и злостью глядѣлъ на скверныя манеры Яновскаго, но боялся сдѣлать ему теперь замѣчаніе. Длинный воспитатель, между тѣмъ, стоялъ вблизи, онъ подошелъ къ Яновскому и сказалъ:

— Снимите локти; вы навѣрное, дома не позволили бы себѣ такъ сидѣть. И ѣшьте медленнѣе. Зачѣмъ вы такъ торопитесь глотать!

Яновскій поднялся съ своего мѣста, весь красный съ радостно сіяющимъ лицомъ, вымазаннымъ вокругъ рта жиромъ, и хотя воспитатель не требовалъ отъ него никакого отвѣта, отрапортовалъ:

— Потому что я стр-рашно голоденъ, господинъ поручикъ!

Кругомъ всѣ разсмѣялись; не смѣялся только одинъ Гаазе.

Вечеромъ онъ подошелъ къ поляку и отрывисто сказалъ:

— Отворите вашъ шкафъ!

Яновскій понялъ, что готовится ревизія его вещей, и такъ какъ въ его шкафу, какъ обыкновенно, все лежало свалено въ одну кучу, то онъ медлилъ исполнить приказаніе. Но Гаазе рѣзко сказалъ:

— Извольте сію минуту открыть шкафъ!

Какъ только Яновскій повернулъ ключъ въ замкѣ, изъ шкафа тотчасъ же выпали сапоги, книги, тетради, блузы, щетки, грязное бѣлье,—все въ кучѣ.

Старшій сказалъ:

— Такъ-съ. Я доложу объ этомъ полковнику.

Яновскій стоялъ спокойно, безъ всякаго страха или огорченія и

сталъ подбирать свои пожитки; добродушный Геллеръ помогалъ ему. Онъ разсказалъ Яновскому, что изъ одежды надо повѣсить на гвозди, потому что полякъ этого никакъ не могъ запомнить, затѣмъ они вмѣстѣ начали собирать грязное бѣлье.

Ефрейторъ снова вернулся и спросилъ:

— Вы въ воскресенье утромъ не отдали, какъ приказано, свое грязное бѣлье? Сегодня только вторникъ, и уже лежитъ эта огромная куча.

— Нѣтъ, господинъ ефрейтор-ръ.

— Но я вѣдь вамъ приказалъ!

— Нѣтъ, господинъ ефрейтор-ръ!

— Что такое? Вы смѣете такъ безстыдно отрицать, что я приказалъ, когда я, дѣйствительно, приказалъ!

Яновскій стоялъ на вытяжку, вытянувъ руки по швамъ, и снова выкрикнулъ, сдѣлавъ совсѣмъ отчаянное лицо:

— Нѣтъ, господинъ ефрейтор-ръ!

Тогда Гаазе заоралъ на него:

— Что вы, съ ума сошли, что ли? Опять говорите—нѣтъ!

Но маленькій полякъ опять заморгалъ глазами, его нижняя губа подергивалась, и онъ снова повторилъ упрямымъ голосомъ:

— Нѣтъ, господинъ ефрейтор-ръ!

Гаазе совершенно не зналъ, что дѣлать. Онъ только что собирался накинуться на маленькаго кадета, схватить его за плечи и хорошенько встряхнуть, какъ вмѣшался Эльсгеймъ:

— Развѣ вы не видите, что онъ перепуганъ до смерти? Онъ теперь отъ страха такъ отупѣлъ, что и самъ не знаетъ, что говоритъ. Конечно, нельзя прощать такія дерзости, но, право, это онъ теперь упрямится, потому что совсѣмъ одурѣлъ. Посмотрите, какъ онъ дрожитъ.

Гаазе уже нѣсколько успокоился. Вмѣшательство третьяго лица было ему очень непріятно, но все-таки онъ взглянулъ на поляка, который дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Потомъ Гаазе отвернулся, пожимая плечами, и оставилъ въ покоѣ Яновскаго.

Но на другое утро онъ подумалъ, что получитъ упрекъ за то, что оставилъ поляка безъ всякаго выговора. И когда кадеты шли обѣдать, онъ объявилъ Яновскому:

— Я раздумалъ. Я еще теперь ничего не разскажу о васъ полковнику. Но предупреждаю васъ, что если шкафъ будетъ слѣдующій разъ въ безпорядкѣ и бѣлье не отдано, то вы полетите ко всѣмъ чертямъ. Мнѣ надоѣло получать изъ-за васъ выговоры. Тогда я уже буду знать, какъ расправиться съ вами.

Всю недѣлю Гаазе не обращалъ почти никакого вниманія на Яновскаго. Наступило воскресенье. Гаазе былъ отпущенъ изъ корпуса и вернулся поздно, когда всѣ уже спали: ему было разрѣшено отлучаться на долгое время. Полякъ же никогда не уходилъ по воскресеньямъ. Его родители имѣли имѣніе въ Познани, а въ городѣ у него не было

ни родныхъ, ни знакомыхъ, къ которымъ онъ могъ бы быть приглашенъ.

Да и еслибъ даже ему было къ кому пойти, онъ все равно не могъ бы уйти изъ корпуса, потому что за недѣлю у него скоплялось столько провинностей и проступковъ, что онъ былъ бы непремѣнно лишенъ воскреснаго отпуска.

На слѣдующій день былъ срокъ, когда угрожала ревизія ефрейтора. Но Яновскій забылъ, какъ всегда, отдать свое бѣлье. Все время, назначенное для приготовленія уроковъ, онъ провелъ въ рисованіи зайцевъ *), и каждый рисунокъ передавалъ Геллеру.

Геллеръ критиковалъ достоинство рисунковъ. То онъ находилъ, что уши слишкомъ длинны; то, что слишкомъ коротки, то ноги неправильно поставлены, то заяцъ слишкомъ великъ, то малъ. Но особенно ему не нравились большіе зайцы и онъ шепнулъ Яновскому на ухо:

— Не дѣлайте ихъ такими большими! Нашъ заяцъ вѣдь маленькій звѣрекъ.

Потомъ листъ бумаги съ зайцами перешелъ къ Флюге и Боадорвилю, которые душились отъ смѣха и насилу сдерживали свою веселость, такъ какъ, разумѣется, Гаазе не долженъ былъ ничего замѣтить. Впрочемъ, онъ имѣлъ въ этотъ разъ много работы и не обращалъ на нихъ вниманія.

Затѣмъ листокъ съ зайцами перешелъ отъ Флюге къ Эльсгейму, котораго не боялись, какъ добраго товарища.

Сначало Эльсгейму показалось, что нельзя допустить, чтобы маленькій четвероклассникъ подшучивалъ надъ старшимъ. Но потомъ его разсмѣшили комичныя фигуры зайцевъ, и ему тоже захотѣлось подурачиться. Онъ взялъ карандашъ и нарисовалъ самому удачному изъ зайцевъ на лопаткахъ двѣ огромныя ефрейторскія пуговицы.

Это вызвало общій восторгъ. Гаазе сталъ подозрительно оглядывать всѣхъ. Но такъ какъ онъ увидѣлъ, что Эльсгеймъ смѣется, то сдѣлалъ видъ, что совсѣмъ ничего не замѣтилъ.

Между тѣмъ, прошло время занятій, раздался сигналъ къ ужину, а книги Яновскаго все еще не были убраны со стола.

Забывъ объ этомъ, Яновскій собирался идти, но Геллеръ предупредилъ его:

— Скорѣе убери книги. Брось ихъ въ парту!

Но въ партѣ Яновскаго лежала наверху блуза, которую онъ, собственно, долженъ былъ отдать въ починку, и для книгъ мѣста не было. Онъ не зналъ, что дѣлать, но потомъ рѣшился: открылъ свой шкафъ и бросилъ туда всѣ книги. При этомъ пара брюкъ сорвалась съ гвоздя и упала внизъ, такъ что картина безпорядка была та же, что и за недѣлю до этого.

---

*) Заяцъ—по-нѣмецки Hase. Въ видѣ зайца Яновскій изображалъ Гаазе.

Яновскій изъ-за зайцевъ совсѣмъ забылъ про ревизію; послѣ ужина онъ болталъ съ нѣкоторыми товарищами, съ которыми онъ все-таки успѣлъ сойтись.

Когда онъ вернулся въ дортуаръ, Гаазе уже былъ тамъ. Другіе кадеты всѣ разошлись, и полякъ остался съ ефрейторомъ наединѣ. Тотъ сразу же приказалъ ему:

— Доложите, что вы на мѣстѣ!

Яновскій сдвинулъ каблуки, принялъ свою обычную позицію съ немного кривой постановкой головы и прокричалъ:

— Я явился на мѣсто-о-о!

— Откройте вашъ шкафъ!

Яновскій испугался. Но нечего было дѣлать, надо было отворить. Какъ только онъ это сдѣлалъ, опять свалилась на полъ цѣлая куча разныхъ вещей, точь-въ-точь, какъ въ тотъ разъ.

Ефрейторъ, дрожа отъ ярости, закричалъ:

— Я вѣдь сказалъ вамъ, что буду сегодня смотрѣть ваши вещи! Что же вы съ ума сошли, ничего не соображаете? Проклятое польское отродье!

Яновскій сталъ поспѣшно складывать вещи. При этомъ обнаружился его мѣшокъ для грязнаго бѣлья. Гаазе схватилъ его, пощупалъ и спросилъ:

— Что это? грязное бѣлье? Но вѣдь сегодня понедѣльникъ.

При этомъ онъ разстегнулъ мѣшокъ и вытащилъ изъ него одну единственную, страшно грязную рубаху:

— Что же это должно обозначать?

— Это моя рубаха.

— Что за рубаха?

— Моя рубаха съ прошлой недѣли.

— Такъ вы не отдали вчера бѣлья?

— Я забылъ, господинъ ефрейто-р ръ.

Ефрейторъ не могъ ничего понять.

— Такъ гдѣ-жъ ваше остальное бѣлье!

Яновскій показалъ на злополучную рубаху и сказалъ:

— Вотъ это мое бѣлье, вотъ это, господинъ ефрейтор-ръ!

— Одна рубаха за всю недѣлю? И больше ничего? Ахъ, свинья вы этакая!

— Нѣтъ, господинъ ефрейто-р-ръ.

Этого уже Гаазе не могъ стерпѣть. Онъ схватилъ поляка за плечи и началъ трясти его, такъ что тотъ кивалъ головой во всѣ стороны.

Когда Гаазе его выпустилъ, полякъ отступилъ немного назадъ, лицо у него было совершенно искажено и онъ сказалъ:

— Господинъ ефрейтор-ръ, не трогайте меня! Этого я не допущу!

— Что? Вы не допустите? Какъ вы смѣете говорить со мной такимъ образомъ?

Онъ снова схватилъ его за плечи и сталъ сильно трясти. Маленькій полякъ поблѣднѣлъ, стиснулъ зубы и съ искривленнымъ лицомъ повторялъ:

— Не тр-рогайте меня, господинъ ефрейто-р-ръ! Вы не смѣете трогать!

Тогда Гаазе толкнулъ его отъ себя; при этомъ мальчикъ задѣлъ за столъ, такъ что тетрадь съ нарисованными зайцами, которую Яновскій вынулъ изъ шкафа во время ревизіи, упала со стола.

Открылась какъ разъ та страница, гдѣ былъ рисунокъ, и ефрейторъ въ одно мгновеніе угадалъ, что онъ обозначаетъ. Онъ поднялъ тетрадь и увидѣлъ зайца съ красивыми ефрейторскими пуговицами. Тогда имъ овладѣлъ безобразный, безсмысленный гнѣвъ. Онъ вытащилъ изъ шкафа палку, которая служила кадетамъ для выколачиванія платья; подбѣжалъ къ Яновскому и сталъ бить ею поляка по спинѣ. Тотъ не защищался и только выкрикивалъ какую-то фразу, которую ефрейторъ въ припадкѣ ярости не понималъ. Это были какія-то нѣсколько словъ, которыя онъ безпрерывно повторялъ.

Наконецъ, Гаазе усталъ, выпустилъ поляка и крикнулъ ему:

— Что ты орешь все время, проклятый полячишка?

Яновскій стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Гаазе, совсѣмъ не по военному, выдвинувъ впередъ одну ногу, но съ высоко поднятой головой. Глаза его были широко раскрыты, и въ нихъ стояли крупныя тяжелыя слезы, лицо было смертельно блѣдно, но взглядъ выражалъ горделивое презрѣніе истиннаго поляка къ тому, кто поднялъ на него руку, и онъ надменно повторялъ:

— Я родовитый польскій д-дворянинъ!.. я—польскій д-дворянинъ!.. я—польскій дворянинъ!..

Гаазе невольно попятился назадъ и выронилъ палку. А такъ какъ въ эту минуту вошли въ комнату другіе кадеты, то онъ бросилъ палку въ шкафъ Яновскаго и ушелъ.

Полякъ остался стоять, словно подавленный большимъ несчастьемъ.

На вопросъ маленькаго Геллера, что собственно произошло, онъ ничего не отвѣтилъ.

Потомъ, не говоря ни слова, Яновскій собралъ свои вещи и уложилъ ихъ въ порядкѣ въ шкафъ. Затѣмъ подошелъ къ окну и смотрѣлъ въ темноту, а кругомъ него другіе кадеты шумѣли, смѣялись, разсказывали другъ другу разныя исторіи, читали, занимались.

Нѣсколько разъ его окликали, но онъ не слышалъ и все стоялъ у окна неподвижно, весь погруженный въ мысли.

Его оставили въ покоѣ, и никто не интересовался имъ. Наконецъ, раздался сигналъ къ уходу; кадеты сложили свои книги, закрыли шкафы и пошли въ спальный дортуаръ.

Ефрейтора все время не было; онъ появился только теперь и сѣлъ за столъ заниматься. Онъ увидѣлъ Яновскаго у окна и обратился къ нему:

— Вы не слыхали сигнала? Идите же спать! Поворачивайтесь!

Лицо маленькаго поляка было серьезно и блѣдно. Онъ прошелъ мимо Гаазе безъ обычнаго «слушаю, господинъ ефрейторъ» въ дортуаръ. Гаазе хотѣлъ было вернуть его и потребовать отвѣта, но выраженіе лица Яновскаго показалось ему до того необыкновеннымъ, что имъ овладѣло какое-то непріятное чувство, похожее на страхъ. Онъ подумалъ: вѣроятно, онъ задумалъ отомстить, онъ пойдетъ и пожалуется на меня. Эта мысль была ефрейтору крайне тягостна, потому что онъ старался быть всегда на хорошемъ счету у начальства.

Онъ почувствовалъ страхъ и угрызенія совѣсти, всталъ, отворилъ дверь въ дортуаръ и позвалъ:

— Яновскій, идите-ка сюда!

«Можетъ быть, если сказать ему, что я сдѣлалъ это для его же исправленія, то онъ проститъ и не донесетъ на меня», подумалъ Гаазе.

Яновскій вошелъ и остановился въ дверяхъ. Но онъ смотрѣлъ не на Гаазе, а куда-то впередъ, въ одну точку.

— Вотъ, видите ли, Яновскій, съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, поневолѣ теряешь терпѣніе. Съ вами вѣчно возишься, возишься и получаешь изъ-за васъ только непріятности. А еще вы не хотите простить, когда подчасъ выйдешь изъ себя. Обѣщаете ли вы мнѣ постараться вести себя хорошо?

Полякъ молчалъ.

— Такъ отвѣчайте же! Зачѣмъ же вы такъ стоите? Это просто смѣшно. Ну, возьмитесь, наконецъ, за умъ.

Но Яновскій все молчалъ и даже не глядѣлъ на Гаазе. Тотъ разсердился и хотѣлъ уже бросить уговариваніе, но опять испугался той мысли, что Яновскій пожалуется на него за побои, и при этомъ онъ вспомнилъ выраженіе полковника Роора, что это трусость.

Онъ положилъ руку на плечо Яновскаго и спросилъ снова:

— Ну что-жъ? Хотите вы исправиться? Но—маленькій полякъ попятился отъ него и посмотрѣлъ на руку Гаазе такъ, какъ будто она запачкана грязью. Ефрейторъ отдернулъ руку и спросилъ:

— Богъ мой! Что же, вы сахарный, не умрете вѣдь отъ этого? Я спрашиваю васъ, хотите ли вы исправиться? Я говорю для вашей же пользы!

Но у Яновскаго былъ такой видъ, какъ будто онъ не слышитъ и не понимаетъ, чтó ему говорятъ, и Гаазе не добился отвѣта. Онъ не осмѣливался добиваться его силой и только коротко сказалъ:

— Если вы не хотите, такъ дѣлайте, какъ знаете. Чортъ съ вами!

Не говоря ни слова, Яновскій исчезъ въ дверяхъ.

Маленькій полякъ подошелъ къ своей кровати, медленно раздѣлся и собственно въ первый разъ за все свое пребываніе въ корпусѣ аккуратно положилъ свои вещи на стулъ у постели. Потомъ снялъ

сапоги, поставилъ ихъ рядкомъ у края кровати и, наконецъ, осторожно легъ подъ одѣяло.

Но кровать все-таки скрипнула и Эльсгеймъ, уже полудремавшій, проворчалъ:

— Чортъ возьми! не шумите такъ! Проклятая тюрьма! Не дадутъ даже спать спокойно!

И затѣмъ все стихло. Скоро слышно было только мѣрное дыханіе спящихъ.

Яновскій лежалъ у окна. Младшимъ обыкновенно давались кровати, стоявшія у наружной стѣны, гдѣ было холоднѣе, потому что старшіе занимали теплыя мѣстечки.

Маленькій полякъ лежалъ и думалъ о томъ, что съ нимъ сдѣлали. Его били, и онъ не смѣлъ защищаться? Его, его били!

И онъ думалъ о томъ, чтобы сказалъ его отецъ, еслибъ узналъ объ этомъ! Онъ думалъ о томъ, что дѣлается «дома». Здѣсь, въ корпусѣ, онъ былъ несчастенъ, онъ не могъ привыкнуть. Онъ не подходилъ сюда, онъ не понималъ другихъ, и его другіе не понимали.

Военная дисциплина была для него непостижима. Онъ не понималъ, зачѣмъ все это дѣлается. Иногда онъ рѣшалъ стараться стать другимъ человѣкомъ и вести все въ порядкѣ. Но обыкновенно дѣло останавливалось на этомъ добромъ намѣреніи, потому что ему никогда не удавалось, напримѣръ, разставить книги въ такомъ порядкѣ, какой требовался. Онъ былъ какъ будто лишенъ всякаго практическаго смысла.

И онъ вспомнилъ все это ужасное время, которое онъ прожилъ здѣсь, думалъ съ тоской и озлобленіемъ объ ефрейторѣ, этомъ маленькомъ отвратительномъ негодяѣ, который осмѣлился поднять руку на него, польскаго дворянина.

Какъ онъ могъ допустить до этого? Какъ могъ быть битъ польскій шляхтичъ? Нѣтъ, это было противъ всѣхъ традицій, это было такъ дико-безсмысленно, что онъ даже тогда не нашелъ отвѣта, не нашелъ даже слезъ, теперь вся его жизнь исковеркана и разбита.

Онъ, польскій дворянинъ, былъ битъ!

Конечно, онъ еще не взрослый, не настоящій шляхтичъ, онъ пока только жалкій малышъ. Да вѣдь онъ никогда и не воображалъ о себѣ многаго, онъ зналъ свои недостатки. Дома съ нимъ тоже нехорошо обращались, всѣ считали его бездѣльникомъ, который выростетъ и будетъ когда-нибудь позоромъ семьи, какъ уже былъ старшій братъ.

Но теперь его побили! Это вѣдь уже и есть позоръ! Уже онъ опозорилъ свою семью! О, еслибъ зналъ отецъ! или дядя Малапольскій, братъ его матери, который принадлежалъ къ одной изъ самыхъ знатныхъ польскихъ фамилій, вродѣ Сапѣги и Радзивилловъ. Господи Боже мой, еслибъ дядя зналъ, что его били и что онъ теперь лежитъ тутъ спокойно въ постели, а тотъ который его билъ, остался въ живыхъ!

И маленькому поляку вспомнились вечера у нихъ въ имѣніи. Осенью, когда къ отцу съѣзжались знакомые на охоту, и разсказывались разныя событія изъ славнаго прошлаго Польши. И дядя Малапольскій, съ длинной сѣдой бородой, начиналъ говорить про времена королей въ свободной Польшѣ, гдѣ были только знать и хлопы.

Потомъ онъ вспомнилъ, какъ выѣзжали на охоту, какъ вездѣ кругомъ лежалъ глубокій снѣгъ, и деревья низко нагибали свои тяжелыя бѣлыя вѣтви. Онъ вспомнилъ, что когда онъ гостилъ у дяди въ русской Польшѣ, вокругъ его дома выли волки, а сѣдой дядя разсказывалъ о польскихъ войскахъ, о томъ, какъ ихъ предки охотились на медвѣдей и дикихъ кабановъ. И онъ вспоминалъ слова дяди: «Каждый полякъ, собственно, рожденъ быть королемъ».

И онъ, онъ—польскій знатный дворянинъ—позволилъ себя бить!

Онъ вспомнилъ свою мать, красивую, бѣлокурую женщину, которая имѣла видъ принцессы и держала себя, какъ королева. Боже мой, еслибъ только она знала, что дѣлается тутъ съ ея сыномъ, и что онъ, Яновскій, былъ побитъ.

Ему вспоминались разные прочитанные имъ разсказы, гдѣ всегда струилась кровь, гдѣ благородные поляки держали свои сабли чаще въ рукахъ, чѣмъ въ ножнахъ.

Онъ вспомнилъ, какъ онъ еще пятилѣтнимъ мальчикомъ былъ первый разъ посаженъ на коня и катался по лугу, какъ онъ потомъ вмѣстѣ съ отцомъ и дядей Малапольскимъ охотился за зайцами съ гончими собаками, и дядя сказалъ:

— Вотъ это занятіе достойно королей, это благородное удовольствіе.

И онъ, польскій вельможа, позволилъ себя бить!

И снова приходили ему на память различныя воинственныя пѣсни и стихотворенія. Неотступно звенѣла въ ушахъ пѣсня Мицкевича, которой его мать учила всѣхъ дѣтей. Онъ думалъ обо всемъ, что зналъ изъ книгъ, или что дома, рядомъ съ уроками нѣмецкаго учителя, онъ узнавалъ отъ отца о прошломъ своего народа. Онъ думалъ о Казимірѣ Великомъ, о Владиславѣ и о Понятовскомъ. И его, польскаго шляхтича, били!

Потомъ онъ сталъ думать о томъ, что пришлось вытерпѣть его дѣдамъ и прадѣдамъ во время раздѣла Польши. И опять передъ его глазами рисовалась высокая фигура дяди съ серебристой бородой, который по вечерамъ, послѣ охотничьяго обѣда, разсказывалъ, если только кругомъ звучала польская рѣчь, о томъ, какъ много выстрадали благородные поляки.

И онъ, благородный полякъ, позволилъ себя бить!

Имъ овладѣла бѣшеная злоба, и онъ сталъ кусать простыню. Потомъ онъ забрался съ головой подъ одѣяло и сталъ горько рыдать. Ему надо было лежать тихо, не-то тотъ, Эльс[illegible] опять

ворчать, что не дають спать, — онъ не имѣлъ даже права свободно отдаться своему горю.

Потомъ онъ снова думалъ о Гаазе, объ этомъ маленькомъ, подломъ существѣ, объ этомъ мужикѣ, который осмѣлился ударить его, польскаго дворянина.

Эта мысль терзала и грызла его такъ мучительно, что онъ не зналъ, что съ собой дѣлать.

Черезъ нѣкоторое время онъ услышалъ, какъ Гаазе ложился спать, какъ заскрипѣла его кровать и скоро раздалось оттуда громкое храпѣніе.

Маленькому поляку пришла въ голову мысль пойти туда, къ его кровати, и задушить этого негодяя собственными руками или же пронзить его саблей или мечемъ. Но у него нѣтъ сабли! У него нѣтъ меча! Онъ совсѣмъ забылъ, что онъ мальчикъ, ученикъ, маленькій кадетъ, и больше ничего. Въ его душѣ вставали всѣ традиціонныя понятія рыцарской гордости, но вѣдь онъ ничтожество! Только въ жилахъ его текла та-же благородная кровь, что и у его предковъ, которые срывали сеймъ своимъ *veto*, которые сами избирали короля, которые жили на свободной землѣ, въ своихъ замкахъ, имѣя своихъ рабовъ, пресмыкавшихся передъ ними.

И онъ, благородный полякъ, допустилъ, чтобъ его били!

Его предки проводили время въ бояхъ и дуэляхъ; ни одна рука не подымалась на его предковъ,—не то пролилась бы кровь обидчика!

И опять маленькаго поляка охватила волна безмѣрнаго бѣшенства. Ему захотѣлось вскочить, взять свое оружіе и всадить его ефрейтору въ грудь.

Но волна отхлынула и осталось только безсиліе и униженіе. Теперь уже нельзя ничего сдѣлать: онъ долженъ былъ тамъ же, на мѣстѣ, ударить Гаазе по лицу. Этимъ бы онъ смылъ оскорбленіе. Его колотили палкой по спинѣ, какъ раба, какъ нѣкогда его предки колотили крѣпостныхъ!

Написать объ этомъ домой? Разсказать ли полковнику про свой позоръ? Нѣтъ, ни за что! Ни одному человѣку онъ не можетъ сказать объ этомъ. Его наказали ударами! И при этой мысли вся спина его горѣла. Это были не физическія страданія, болѣла и ныла его душа! Мстить уже поздно, теперь не остается ничего.

Но домой, подумалъ онъ вдругъ, ему уже нельзя вернуться! Какъ же онъ можетъ сказать своему дядѣ: я польскій дворянинъ, который долженъ въ дѣдовскомъ замкѣ подымать бокалъ за святую отчизну-Польшу, я недостоинъ своей родины, потому что меня, какъ собаку, билъ плебей, мужикъ!

Нѣтъ! Домой ему нельзя вернуться. Тогда мальчикомъ овладѣло отчаяніе; онъ не зналъ, какъ спастись отъ этого позора, какъ облегчить его страшное бремя. Какъ давно уже онъ мечталъ о томъ, что какъ

только получитъ отпускъ, сейчасъ же попроситъ о томъ, чтобы его взяли изъ корпуса. Теперь какъ же? вѣдь онъ не можетъ поѣхать домой. Корпусъ для него хуже каторги, онъ тутъ несчастенъ, это правда. Но и домой онъ не можетъ вернуться.

Волненіе и безсонница привели его въ возбужденное состояніе, отчаяніе его росло. Онъ медленно раскрылъ одѣяло, всталъ, тихо подошелъ къ окну и сталъ глядѣть въ него.

Дортуаръ находился въ третьемъ этажѣ. Яновскій видѣлъ маленькія дома и крыши, потому что луна ярко свѣтила. Всѣ окна были темны, такъ какъ было уже очень поздно; прошло много времени, но сонъ не приходилъ къ нему.

И когда онъ стоялъ у окна и глядѣлъ на мирный сонъ ночи и думалъ о своей родинѣ, о замкѣ, о лѣсахъ, объ охотѣ и о разсказахъ, о польскихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ, о своей знатной, гордой бѣлокурой матери, о дядѣ съ длинной серебристой бородой, который пѣлъ польскія пѣсни и говорилъ, что, кромѣ польскихъ дворянъ на свѣтѣ нѣтъ приличныхъ людей,—онъ почувствовалъ себя такимъ одинокимъ, такимъ сиротливымъ, такимъ безконечно-несчастнымъ, что подумалъ, что онъ не можетъ дольше жить.

Онъ быстро принялъ рѣшеніе, подошелъ къ окну, открылъ задвижки, въ одно мгновеніе, не одумавшись, вскочилъ на подоконникъ, бросился внизъ и исчезъ въ темнотѣ.

Послышался затѣмъ на каменныхъ плитахъ двора тяжелый глухой стукъ. Потомъ все стихло.

Только Эльсгеймъ проснулся, безпокойно заворочался на кровати и и пробормоталъ въ полуснѣ:

— Проклятая тюрьма! Не дадутъ даже спать, какъ слѣдуетъ!

СОНЕТЫ.

I.

Синай.

Синай! Передо мной открылась съ корабля,
За далью блѣдною, какъ облако Востока,
Полузабытая священная земля.
Синай. Средь мертвыхъ горъ синѣлъ онъ одиноко

Въ прозрачномъ воздухѣ прозрачнѣй хрусталя,
И солнце злобное, какъ хищниково око,
Дрожало въ вышинѣ, главу его паля.
А онъ? Онъ ждалъ и ждалъ великаго пророка..

Но скорбная земля покоилась у ногъ:
Въ безуміи своемъ народъ разбилъ скрижали,
И гнѣвный Богъ его разсѣялъ, какъ песокъ.

Онъ небо вопрошалъ: „Когда конецъ печали?
Прольется-ль снова гласъ Господенъ, какъ потокъ?"
Синай пророка ждалъ. Но небеса молчали.

II.

Венеція.

Какъ черный призракъ, медленно, беззвучно
Скользитъ гондола. Чуткое весло
Вздымается, какъ легкое крыло,
И движется, съ водою неразлучно.

Блеститъ волны бездушное стекло
И отражаетъ призрачно и скучно
Небесный сводъ, сіяющій докучно,
Безжизненный, какъ мертвое чело,

И рядъ дворцовъ, гдѣ вѣчный мраморъ жарко
Дыханьемъ бурь и солнцемъ опаленъ.
Венеція! Гдѣ блескъ былыхъ временъ?..

Левъ задремалъ на площади Санъ-Марко.
Сквозятъ мосты. Виситъ надъ аркой арка...
Скользитъ гондола черная,—какъ сонъ.

А. Өедоровъ

ДУРАКЪ.

(Повѣсть).

(*Продолженіе* *).

XIV.

На другой день они собирались выйти изъ дому, когда пришелъ посыльный и принесъ письмо отъ Николая Сергѣевича. Письмо было адресовано имъ обоимъ и въ немъ статскій совѣтникъ Любарцевъ въ чрезвычайно дружескихъ выраженіяхъ приглашалъ обоихъ родственниковъ сегодня отобѣдать вмѣстѣ съ нимъ и съ его сыномъ.

Онъ прибавлялъ: „Отказа не принимаю. Никакія причины не сочту достаточными и жду васъ въ шесть часовъ у себя въ номерѣ".

— Ну, вотъ и казнь... Судьба не дремлетъ и даже не желаетъ отложить...—промолвилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— А отказаться дѣйствительно, нельзя,—замѣтилъ Владиміръ.

— Нельзя. Я думаю, что это ему удалось выхлопотать что-нибудь. Можетъ быть, исполнились его желанія, изъ-за которыхъ онъ пріѣхалъ. Сердце его растаяло, и онъ пожелалъ родственнаго торжества...

Иванъ Сергѣевичъ сѣлъ за столъ и написалъ отвѣтъ: „Будемъ и весьма благодарны".

Весь этотъ день у нихъ пропалъ. Приглашеніе брата настолько испортило настроеніе Ивана Сергѣевича, что онъ потерялъ вкусъ къ какимъ бы то ни было достопримѣчательностямъ столицы.

— Нѣтъ ужъ, я сегодня никуда не пойду!—объявилъ онъ.— У меня на душѣ гадость!

— Что же ты будешь дѣлать?—спросилъ Владиміръ.

— А вотъ улягусь на диванѣ лицомъ къ потолку и буду такъ лежать до безъ четверти шесть.

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь, 1902 г.

— Какъ? и завтракать не будешь?

— Ну, нѣтъ, завтракать буду; я не желаю изъ-за какого-то родственнаго гнусняка портить себѣ здоровье и на старости лѣтъ наживать малокровіе.

— Ну, а я, пожалуй, пройду въ редакцію и тамъ заполню кое-какіе пробѣлы.

— Иди. Ты сегодня свободенъ.

И въ самомъ дѣлѣ Иванъ Сергѣевичъ улегся на диванѣ лицомъ къ потолку, а Владиміръ отправился въ редакцію. Онъ вернулся домой около часу и нашелъ старика уже въ другой позѣ. Иванъ Сергѣевичъ сидѣлъ и читалъ книжку. Настроеніе его было благодушное.

— Чортъ возьми! я обсудилъ дѣло!—говорилъ онъ:—и пришелъ къ заключенію, что не стоитъ портить себѣ настроеніе изъ за этого дурня. И знаешь, только сидя на диванѣ, я вдругъ постигъ прелесть этого занятія. Мы таки порядочно съ тобой забѣгались... И книжку почитать тоже пріятно...

Они позавтракали дома, потомъ болтали, затѣмъ раньше вышли изъ дому и сдѣлали нѣсколько основательныхъ туровъ по Невскому.

Иванъ Сергѣевичъ былъ въ восторгѣ отъ Невскаго. Ему нравились толкотня, сутолока, говоръ, многолюдство. Онъ любилъ всякое движеніе.

Наконецъ, время подходило къ шести часамъ и они направились на Михайловскую.

Николай Сергѣевичъ встрѣтилъ ихъ чрезвычайно привѣтливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его обращеніи замѣтна была нѣкоторая торжественность.

— Я очень радъ, что вижу васъ обоихъ и что мы проведемъ всѣ вмѣстѣ вечерокъ по родственному,—говорилъ онъ.—Ну, что, Иванъ, Петербургъ ошеломилъ тебя? а?

— Да, порядочно-таки,—отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— А меня нисколько... Я словно недѣлю тому назадъ выѣхалъ отсюда... право! Ну, что-жъ, люди, которыхъ я встрѣчалъ, только чиномъ повыше да жалованья получаютъ больше. А во всемъ прочемъ такіе же люди, какъ и я, какъ и другіе мои сослуживцы... Но вѣдь чины и жалованье дѣло наживное. Обстоятельства повернутся, и каждый можетъ получить ихъ. Вотъ и я могу получить и надѣюсь, что получу.

— А что? Обстоятельства, значитъ, повернулись?—спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Повидимому, да... по крайней мѣрѣ, я имѣю очень опредѣленныя обѣщанія...

— Отъ надежныхъ людей?

— Да ужъ если бы не отъ надежныхъ, то не сталъ бы говорить. Ты меня знаешь, Иванъ. Я человѣкъ осторожный. Мнѣ самъ его превосходительство Вермутовъ обѣщалъ.

— А!

И Иванъ Сергѣевичъ невольно взглянулъ на Владиміра, но тотъ, боясь выдать себя, быстро отвелъ отъ него глаза.

— Съ чего же это такъ Вермутовъ? Вѣдь онъ Любарцевымъ, кажется, не родня...—спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Нѣтъ, не родня. Но онъ хорошъ съ Коромысловымъ. Онъ почему-то старается сдѣлать ему пріятное. Они оба стараются другъ другу сдѣлать пріятное. А кромѣ того, вѣдь у нихъ въ домѣ хорошо принятъ мой Петръ... Это тоже имѣетъ значеніе. Здѣсь всякая мелочь имѣетъ значеніе; надо только умѣть пользоваться... Да, вотъ,—продолжалъ Николай Сергѣевичъ тономъ человѣка, ужасно довольнаго собой и своими дѣлами:—вотъ мой Петръ не подавалъ никакихъ надеждъ, а пріѣхалъ въ Петербургъ и вдругъ у него оказались какіе-то таланты...

— А развѣ оказались?—спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Но какъ же! какъ же! Семейство Вермутова отъ него просто безъ ума. Я провелъ у нихъ, положимъ, не больше часу...

— Вы дѣлали имъ визитъ, дядя?—спросилъ Владиміръ.

— Да, разумѣется... это было необходимо. Да, такъ весь этотъ часъ обѣ дамы Вермутовы только и говорили, что о моемъ Петрѣ. И какихъ только онѣ достоинствъ у него не нашли!.. просто удивительно! Ну, какъ же ты, Владиміръ, поживаешь? Я до сихъ поръ не успѣлъ какъ должно поговорить съ тобой. Недурно устроился?

— Благодарю васъ, дядя... я совершенно доволенъ,—отвѣтилъ Владиміръ.

— У моего Владиміра никакихъ такихъ особенныхъ талантовъ не оказалось, такъ онъ устроился скромненько...—не совсѣмъ осторожно замѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Ну, что касается образа жизни моего Петра, то я, признаюсь, далъ-таки изрядную ему головомойку,—сказалъ Николай Сергѣевичъ.

— А развѣ онъ ведетъ нехорошій образъ жизни?—спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Ахъ, нѣтъ, не то... Напротивъ, онъ очень хорошо ведетъ себя, но у него оказалось чрезмѣрное пристрастіе къ комфорту, и онъ безъ моего вѣдома сдѣлалъ шагъ, какого я просто-таки отъ него не ожидалъ...

— Неужели? Что-жъ онъ такое сдѣлалъ?

— Ему удалось устроить себѣ заемъ у какого-то богатаго

товарища. Взялъ солидную сумму—четыре тысячи, правда, безъ процентовъ и на самыхъ льготныхъ условіяхъ уплаты....

— А!..

— Я, разумѣется, не одобрилъ этого и долженъ былъ взять на себя, хоть это и тяжело.

— Ты, значитъ, уплатилъ?

— Нѣтъ еще; я уплачу въ теченіе года—въ четыре срока.

Опять Иванъ Сергѣевичъ и Владиміръ неудержимо переглянулись. Дѣло было ясно. Петръ сочинилъ исторію о займѣ и этимъ не только убаюкалъ вниманіе отца, но устроилъ себѣ еще хорошій источникъ дохода въ теченіе года.

— Ну, друзья мои, теперь поѣдемте обѣдать,—предложилъ Николай Сергѣевичъ.

— Какъ? развѣ надо еще ѣхать?

— О, да! Мой Петръ — большой знатокъ по гастрономической части. Онъ увѣряетъ, что обѣдать непремѣнно надо въ томъ самомъ ресторанѣ, гдѣ онъ обыкновенно завтракаетъ и обѣдаетъ. Самъ вызвался заказать и все устроить. Онъ и теперь тамъ. Ну, вы не безпокойтесь. Экипажъ у меня готовъ. Мы поѣдемъ всѣ вмѣстѣ!

Собрались и вышли на улицу. Красивое ландо, запряженное доброкачественной парой, стояло у подъѣзда. Николай Сергѣевичъ пригласилъ ихъ; они сѣли и поѣхали.

— Да,—говорилъ по дорогѣ Николай Сергѣевичъ:—ужасно дорого обходится жизнь въ Петербургѣ для человѣка съ извѣстнымъ положеніемъ. Представьте себѣ, я обязанъ держать всегда вотъ этотъ экипажъ и каждый день устраивать завтраки, приглашая къ нимъ человѣкъ съ десятокъ. А случаются и ужины...

— Ужинъ дороже?—спросилъ Иванъ Владиміровичъ.

— О, несравнимо! Завтракъ—вещь опредѣленная: поѣли, запили и разошлись. А ужинъ... ахъ, это такое сложное и растяжимое понятіе. Сюда можетъ войти все, что угодно: и поѣздка за городъ, и ложа въ театрѣ, и отдѣльный кабинетъ, и дорого оплачиваемое присутствіе раскрашенныхъ иностранокъ...

— А, и вы, дядя, не избѣжали иностранокъ!—замѣтилъ Владиміръ.—Здѣсь, въ Петербургѣ, какъ только чиновникъ перешелъ въ пятый классъ, такъ ему почти обязательна иностранка.

— Ну, я что-жъ...—промолвилъ Николай Сергѣевичъ:— я только плательщикъ... А это я, дѣйствительно, слышалъ и... и даже замѣтилъ. У всѣхъ тутъ по два дома, то-есть, я говорю, у всѣхъ значительныхъ лицъ. У себя въ семействѣ человѣкъ какъ будто въ гостяхъ. Сидитъ за обѣдомъ, а самъ, видимо, торопится, все на часы смотритъ; и не ѣстъ, а только такъ, пробуетъ, дѣ-

лаетъ видъ... Точно онъ и обѣдаетъ только для виду, а настоящій обѣдъ ждетъ его въ отдѣльномъ кабинетѣ.

— Двойная жизнь!—замѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ.— И двойные расходы, разумѣется.

— Ну, расходы-то не двойные, а, я думаю, четверные...

Пріѣхали къ ресторану. Стремительно выбѣжалъ швейцаръ и началъ распахивать дверцу ландо. Выпорхнули нѣсколько лакеевъ во фракахъ и безъ шапокъ и, не взирая на морозъ, возились около пріѣзжихъ, ласково улыбаясь Николаю Сергѣевичу, какъ уже знакомому имъ человѣку, и величая его „вашимъ превосходительствомъ".

А когда они поднялись по лѣстницѣ наверхъ, въ корридорѣ встрѣтилъ ихъ Петръ Любарцевъ. Онъ былъ въ какихъ-то необыкновенныхъ широкихъ брюкахъ и въ столь же необыкновенно коротенькомъ пиджачкѣ, съ пышнымъ цвѣткомъ въ петлицѣ.

Лицо его было красно отъ усерднаго труда по организаціи родственнаго обѣда и радостно, должно быть, отъ родственныхъ чувствъ.

— Сюда, сюда,—говорилъ онъ, таща за рукава отца, дядю и двоюроднаго брата.—Я выбралъ самый уютный кабинетъ...

Въ самомъ дѣлѣ, кабинетъ оказался превосходнымъ. Обширный, съ высокимъ потолкомъ, со стѣнами, украшенными живописными медальонами, съ мягкими диванчиками, ярко освѣщенный богатой электрической люстрой, съ окнами на улицу. Въ каминѣ, заслоненномъ экраномъ, трещали дрова.

Посрединѣ стоялъ столъ, уже вполнѣ сервированный. Небольшой столикъ у стѣны былъ весь заваленъ водками и закусками.

— А,—одобрительно промолвилъ Николай Сергѣевичъ,—въ самомъ дѣлѣ, какъ здѣсь хорошо! Ты, Петръ, мастеръ своего дѣла.

— Еще бы, еще бы!—самодовольно отозвался Петръ. — Въ Петербургѣ никто не умѣетъ это дѣлать такъ, какъ я. Послушай, Османъ,—полудружески полуповелительно обратился онъ къ бритому татарину:—Пусть подаетъ кто хочетъ, мнѣ это все равно; но ты мнѣ за все отвѣчаешь, понялъ? Чтобъ вино было самое лучшее: первую плохую бутылку я тебѣ вылью на голову... понялъ?

— Не безпокойтесь, Петръ Николаевичъ,—почтительно осклабясь и показывая свои желтые зубы, отвѣтилъ Османъ, нисколько, очевидно, не обижаясь обѣщаніемъ вылить ему на голову бутылку вина.

— Да зачѣмъ же это такое обиліе?— спрашивалъ Иванъ Сергѣевичъ, глядя на закусочный столъ, на которомъ было заготовлено разнообразной пищи вполнѣ достаточно, чтобы вплотную накормить полсотни людей.

— Но это не обязательно все съѣсть, дядя,—чуть-чуть иронически замѣтилъ Петръ, очевидно въ душѣ осмѣявъ провинціала, не знающаго самаго элементарнаго правила гастрономіи: побольше наставить и поменьше съѣсть.

— Ну, что-жъ, приступимъ?—спросилъ Николай Сергѣевичъ сына, видимо не рѣшаясь безъ его одобренія начать закуску.

— Сейчасъ принесутъ горячія закуски, папа... Одну минутку обождите.

— Какъ? еще горячее?—съ удивленіемъ воскликнулъ Иванъ Сергѣевичъ.—А какой же тогда обѣдъ будетъ?

— Обѣдъ тоже горячій будетъ, дядя... Османъ, тащи горячія закуски!

— Несутъ, Петръ Николаевичъ!

Дверь отворилась, и четыре лакея, одинъ за другимъ, стали таскать въ кабинетъ сковородки и кастрюльки съ чѣмъ-то горячимъ, о чемъ свидѣтельствовалъ носившійся надъ ними паръ. Тутъ были маленькія котлетки, сосиськи, какимъ-то спеціальнымъ способомъ зажаренная селедка и тому подобное.

Петръ въ это время уже наливалъ водку и предлагалъ ее присутствующимъ родственникамъ.

— Эту водку, дядя, я вамъ рекомендую!—съ видомъ глубокой компетентности говорилъ онъ.—Ее вы не найдете нигдѣ, во всемъ мірѣ, кромѣ какъ въ этомъ ресторанѣ...

— Да я, голубчикъ мой, и искать ея не стану. Я думаю, и безъ нея прожить можно!—отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— О, конечно, конечно... Но вы попробуйте и оцѣните... А закусывать эту водку обязательно нужно вотъ этой жареной селедкой. Это спеціальность ресторана. Нѣтъ, вы непремѣнно попробуйте. И ты, Владиміръ, попробуй. Это нѣчто замѣчательное, нѣчто удивительное... Эту закуску изобрѣлъ одинъ нашъ балетоманъ... и секретъ ея довѣрилъ только метръ д'отелю этого ресторана. И чтобы получить ее, надо непремѣнно быть балетоманомъ... Другимъ не подадутъ ни за какія деньги... Закуска называется „селедка а ля Кордонели". Въ честь итальянской дивы Кордонели.. Нѣтъ, нѣтъ, вы попробуйте этотъ балыкъ!—прибавилъ Петръ послѣ того, какъ знаменитая селедка „а ля Кордонели" была всѣми испробована.—Такого балыка вы не найдете даже на Уралѣ...

— Да что же онъ, въ Невѣ вашей водится?—спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Нѣтъ, не въ Невѣ, конечно... осетеръ изъ Урала, но выдержанъ особымъ способомъ... Я говорю, что въ Петербургѣ можно ѣсть только въ этомъ ресторанѣ. То-есть васъ вездѣ на-

кормятъ и вы будете сыты, но ѣсть какъ слѣдуетъ, ѣсть, такъ сказать, художественно можно только здѣсь...

И въ то время, когда Петръ угощалъ такимъ образомъ своихъ родственниковъ, лицо его было оживлено и глаза блестѣли. Ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ лицо его не было такъ оживлено, даже никто и не подозрѣвалъ, что у него есть способность такъ оживляться. Очевидно, это и былъ его талантъ, одинъ изъ тѣхъ талинтовъ, которые не имѣли возможности проявиться въ губернскомъ городѣ и расцвѣли здѣсь въ полной мѣрѣ, встрѣтивъ для себя благопріятную почву.

И такъ искусно угощалъ онъ, расписывая достоинство водокъ и закусокъ, что Иванъ Сергѣевичъ и Владиміръ незамѣтно выпивали и закусывали, и когда, по мановенію Петра, принесли супъ и они усѣлись за большой столъ, посрединѣ комнаты, оба чувствовали, что уже совсѣмъ сыты и едва ли что-нибудь еще смогутъ проглотить. Да, кромѣ того, и головы отъ выпитой „замѣчательной“ водки слегка кружились.

— Не хорошо это,—говорилъ себѣ Иванъ Сергѣевичъ,—пожалуй, наговоришь такихъ вещей, какихъ не слѣдуетъ!

И думая такимъ образомъ, онъ уже совершенно явственно чувствовалъ, что непремѣнно наговоритъ такихъ вещей, и ничто не удержитъ его.

Вслѣдъ за супомъ подавали другія блюда, и всѣ они были, по рекомендаціи Петра, необыкновенны, всѣ представляли спеціальность ресторана и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя было такихъ найти.

Незамѣтно выпивалось вино, головы у обоихъ приглашенныхъ кружились, и хотя они и вели себя чинно, но если бы можно было заглянуть каждому въ душу, то стало бы видно, что родственная катастрофа неизбѣжна.

Зловѣщіе признаки проявились уже тогда, когда къ сладкому принесли шампанское и, откупоривъ его, розлили по бокаламъ. Въ это время Иванъ Сергѣевичъ чувствовалъ свою голову еще довольно крѣпкой. Онъ выпилъ двѣ рюмки „замѣчательной“ водки и стакана два не менѣе замѣчательнаго краснаго вина. Вообще у него не было привычки пить, и потому онъ замѣтно поддался вліянію этихъ двухъ напитковъ, но все же хорошо владѣлъ собой.

Первый протянулъ руку къ бокалу Николай Сергѣевичъ. Онъ взялъ свой бокалъ и, приподнявъ его, сказалъ слегка возвышеннымъ, но мягкимъ родственнымъ тономъ:

— Я хочу выпить за дружную семью Любарцевыхъ, за то, чтобы она была съ настоящаго дня дружнѣе, чѣмъ до сихъ поръ...

И когда онъ, сказавъ этотъ маленькій тостъ, протянулъ свою

руку съ бокаломъ по направленію къ Ивану Сергѣевичу, тотъ не сразу взялъ свой бокалъ и не поспѣшилъ протянуть его навстрѣчу, а какъ-то замялся, замѣшкался, словно обсуждалъ что-то.

Но затѣмъ братское чоканье состоялось и все прошло благополучно. Послѣ тоста и чоканья произошло непродолжительное молчаніе.

Однако это только такъ казалось, что тостъ былъ принятъ вполнѣ спокойно. Въ дѣйствительности же имъ была задѣта какая-то болѣзненно натянутая струна въ душѣ Ивана Любарцева. И струна эта вдругъ зазвучала—Иванъ Любарцевъ заговорилъ. Но заговорилъ онъ просто, безъ бокала въ рукѣ и не поднявшись, а продолжая сидѣть на своемъ мѣстѣ. Онъ говорилъ:

— Вотъ ты, Николай, высказалъ желаніе, чтобы семья Любарцевыхъ не только была дружна, какъ до сихъ поръ, но была бы еще дружнѣй. Это хорошее желаніе, и я вѣрю, что оно у тебя вылилось изъ сердца. Но долженъ сказать тебѣ, что относительно прошлаго ты ошибаешься, а относительно будущаго еще больше. Ошибаешься ты, что семья Любарцевыхъ была когда-нибудь дружна. Нѣтъ, она не только никогда не была дружна, а всегда шла врозь. Да, да, двѣ вѣтви семьи Любарцевыхъ всегда росли въ разныя стороны, одна на западъ, а другая на востокъ. Правда, мы не ссорились и не дрались. Въ молодости, когда намъ пришлось дѣлить маленькое имущество, доставшееся отъ отца, мы подѣлили его мирно, уступчиво. Мы никогда не обижали другъ друга и тѣмъ не менѣе мы всегда шли врозь, въ разныя стороны, шли не дружно. И не можемъ мы въ будущемъ идти дружнѣе, потому что происходитъ это отъ причинъ внутреннихъ, глубокихъ. Каждый изъ насъ таковъ, каковъ онъ есть, какимъ онъ выработался; измѣниться не можетъ, а значитъ и сближенію, и дружности нѣтъ мѣста. Хотѣлъ бы и я предложить твой тостъ, да не могу, потому что чувствую, что будетъ онъ неправдивъ....

И сказавъ это, онъ замолкъ, и всѣ молчали, угрюмо потупивъ взоры. И тутъ, къ общему удивленію, вдругъ протянулась къ бокалу бѣлая мясистая рука Петра и, взявъ бокалъ, слегка приподняла его. Владиміръ, замѣтивъ это движеніе, изподлобья взглянулъ на кузена и подумалъ: „Чортъ возьми, неужели онъ заговоритъ?“

А Петръ взялъ да и дѣйствительно заговорилъ и изумилъ этимъ не только приглашенныхъ родственниковъ, но и родного отца, который, несмотря на его петербургскіе успѣхи, все-таки не ожидалъ отъ него ничего умнаго.

Петръ довольно смѣло, хотя и нѣсколько тупо, въ упоръ посмотрѣлъ на Ивана Сергѣевича и сказалъ громко, отчетливо, своимъ однотоннымъ деревяннымъ голосомъ:

— Позвольте мнѣ, любезный дядя, возразить вамъ. Несмотря на то, что въ вашихъ словахъ явно слышится недружелюбіе, я буду почтителенъ, какъ обязываетъ меня къ тому долгъ младшаго родственника и отчасти хозяина.

„Гдѣ онъ научился такому краснорѣчію?" подумалъ Владиміръ, а Петръ продолжалъ:

— Вотъ вы сказали, что дружности въ семьѣ Любарцевыхъ не было и даже будто бы не будетъ. Очень можетъ быть, что вы и правы и, пожалуй, что дѣйствительно правы. Но спрошу я: кто виноватъ въ этомъ? Мы, то-есть вѣтвь моего отца, или вы, то-есть ваша вѣтвь? Это вопросъ. И какъ ни сдерживаетъ меня родственная почтительность, а я все-таки рѣшусь сказать, что виноваты вы, дядя....

При этихъ словахъ и Иванъ Сергѣевичъ, и Владиміръ, оба подняли головы и буквально вытаращили глаза на Петра Любарцева, а онъ не замѣтилъ этого и продолжалъ:

— Да, вы, дядя, виноваты. Я могу сказать по совѣсти, что мой отецъ и я, мы придерживаемся разумныхъ и солидныхъ взглядовъ, мы идемъ той дорогой, какой идутъ всѣ почтенные даже, можно сказать, лучшіе люди нашей родины. Доказательствомъ этому служитъ то положеніе, которое занимаетъ мой отецъ и моя будущая карьера, которая и теперь уже видна... Тогда какъ вы...

— Петръ, оставь!..—промолвилъ Николай Сергѣевичъ, довольно строго взглянувъ на сына.

— Но я задѣтъ... я обязанъ высказать...—сказалъ Петръ и продолжалъ:—итакъ, я говорю, что мы, то-есть я и отецъ мой, шли и идемъ той самой дорогой, какой идутъ всѣ почтенные и, можно сказать, лучшіе люди Россіи, тогда какъ вы...

— Тогда какъ мы?—крѣпко прищуривъ глаза и замѣтно стиснувъ зубы, переспросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Нѣтъ, ты просто замолчи, Петръ...—еще строже прежняго промолвилъ Николай Сергѣевичъ.

— Но я не понимаю, почему вы, папа, не хотите, чтобы я высказался?

— А я такъ даже прошу, чтобъ онъ высказался,—заявилъ Иванъ Сергѣевичъ.—Тогда какъ мы?

— Тогда какъ вы выбираете все кривыя дороги, извилистыя и единственно затѣмъ, чтобы быть оригинальными, чтобы не ходить такъ, какъ всѣ... Ну да, я говорю непріятныя вещи, но справедливыя....

— Напримѣръ, мы живемъ на трудовыя, заработанныя деньги, не носимъ бобровыхъ шубъ и шапокъ, не держимъ постояннаго

лихача, предоставляя все это оплачивать богатымъ некрасивымъ женщинамъ... а? Такъ что ли?

Эти слова Иванъ Сергѣевичъ произнесъ съ внутреннимъ волненіемъ, не возвышая голоса и, какъ прежде, съ прищуренными глазами и съ стиснутыми зубами.

Петръ отскочилъ отъ стола, точно на него повѣяло оттуда горячей струей воздуха. Владиміръ сидѣлъ неподвижно, какъ бы окаменѣвъ въ ожиданіи. А Николай Сергѣевичъ поблѣднѣлъ, обвелъ всѣхъ безконечно неспокойнымъ взглядомъ и какимъ-то безжизненнымъ голосомъ спросилъ:

— Что это значитъ?

Послѣ этого вопроса Иванъ Сергѣевичъ какъ бы опомнился, потупился и ни слова не сказалъ въ отвѣтъ.

— Что же это значитъ? Я желаю знать!—настойчиво повторилъ Николай Сергѣевичъ.

Еще прошло нѣсколько секундъ убійственнаго молчанія, а затѣмъ Иванъ Сергѣевичъ вдругъ поднялся и, выйдя изъ-за стола, сталъ поспѣшно отыскивать свою шляпу.

— Это значитъ, что сказано...—говорилъ онъ въ то же время.—Сказать было трудно, а объяснять тебѣ—непосильно...

Тогда и Николай Сергѣевичъ поднялся и подошелъ къ брату.

— Нѣтъ, Иванъ, ты не уйдешь, не высказавшись ясно... Намекъ слишкомъ тяжелъ!

— Не могу, не могу... больше не могу!—завопилъ Иванъ Сергѣевичъ, отыскавъ шляпу.

— Но какъ же? Владиміръ... какъ же это?.. такъ нельзя... Петръ, наконецъ, ты скажи... скажи, что это ложь и клевета... Ну?

— Я и говорю, что это ложь и клевета!—промолвилъ Петръ, но голосъ его былъ неувѣренъ и жалокъ.

Однако, этого было достаточно, чтобы Владиміръ вышелъ изъ своего бездѣйствія.

— Мой отецъ не можетъ лгать и клеветать... — какимъ-то упругимъ желѣзнымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Но этого нельзя доказать! Этого никто не докажетъ!..

— Погодите, погодите...—молвилъ Николай Сергѣевичъ, махая руками на обоихъ родственниковъ. — Тутъ недоразумѣніе... Это могло показаться съ виду... Ну, да... но въ дѣйствительности Петръ сдѣлалъ заемъ... Ну, да, я этого не одобрилъ... Но все же это не то... тутъ нѣтъ ничего безчестнаго...

— Ну, вотъ, то-то и есть!—побѣдоносно заявилъ Петръ, очевидно опираясь на заступничество отца:—заемъ и больше ничего!

— У кого ты сдѣлалъ заемъ?—спросилъ Владиміръ, упорно стараясь смотрѣть ему въ глаза, тогда какъ Петръ всячески увиливалъ отъ его взгляда.

— У кого? Это не интересно... до этого никому нѣтъ дѣла...

— Нѣтъ, Петръ, почему же не сказать? Разъ такое сомнѣніе, надо его разсѣять...—сказалъ Николай Сергѣевичъ.—Надо такъ сдѣлать, чтобы никто не имѣлъ права сомнѣваться. Ты скажи, у кого? Ты говорилъ у товарища...

— Ну, да, у товарища, у сослуживца...

— Четыре тысячи онъ взялъ у него взаймы,—видимо помогалъ ему Николай Сергѣевичъ.

— Разумѣется, четыре тысячи...

— Какъ фамилія товарища?—неотступно, попрежнему глядя на него въ упоръ, спросилъ Владиміръ.

— Все равно, ты его не знаешь... Его никто изъ васъ не знаетъ... Онъ человѣкъ совсѣмъ другого круга.

— Какъ фамилія товарища, Петръ?—на этотъ разъ уже грозно спросилъ Николай Сергѣевичъ.

Петръ, наконецъ, поднялся съ своего мѣста, выпрямился и принялъ видъ глубоко обиженнаго человѣка. Онъ какъ-то залихватски заложилъ руку между двухъ пуговицъ пиджака и горделиво приподнялъ голову и сказалъ:

— Хорошо, папа, если вы этого такъ желаете. Я назову его... Его фамилія... баронъ... да, потому что онъ баронъ... его фамилія—баронъ Бугденъ...

— Баронъ Бугденъ?—съ презрительной усмѣшкой переспросилъ Владиміръ.

— Я уже сказалъ,—этого довольно...

Въ глазахъ Николая Сергѣевича появилось успокоеніе. Петръ назвалъ фамилію, значитъ онъ говоритъ правду. Не можетъ же онъ выдумать; это было бы уже слишкомъ.

— Ну, вотъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Владиміру,—онъ исполнилъ твое желаніе,—онъ назвалъ.

— Я очень радъ!—сквозь зубы отвѣтилъ Владиміръ.—Такъ до свиданія, дядя...

И, не давъ Николаю Сергѣевичу возразить противъ такого оборота дѣла, онъ схватилъ отца за руку и они вмѣстѣ вышли кабинета. Статскій совѣтникъ Любарцевъ и его сынъ остались вдвоемъ.

Николай Сергѣевичъ, утомленный, почти совершенно разбитый волненіемъ, подошелъ къ дивану и опустился на него.

— Фу, какъ это все непріятно! Какъ непріятно!—тяжело вздыхая, воскликнулъ онъ.

— Ха! непріятно!.. Это не непріятно, а возмутительно!—кричалъ Петръ голосомъ, исполненнымъ негодованія.—Какое право имѣютъ они, посторонніе люди, вмѣшиваться въ мою интимную жизнь?

— Погоди, Петръ, погоди...—успокоительно промолвилъ Николай Сергѣевичъ. — Они, конечно, неправы, глубоко неправы, но они не посторонніе намъ... Нельзя считать ихъ посторонними; и главное—ты раздражилъ ихъ своимъ безтактнымъ тостомъ. Этого не слѣдовало дѣлать, не слѣдовало.

— Все равно. Никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ интимную жизнь человѣка.

— Постой... о какой ты говоришь интимной жизни?

— Какъ о какой? О моей.

— Да что же тутъ интимнаго? Ты сдѣлалъ заемъ у товарища... заемъ — вещь обыкновенная. Ты, должно быть, выдалъ вексель или росписку. Это гражданская сдѣлка, не больше... тутъ нѣтъ ничего интимнаго... Вѣдь это же правда, что ты сдѣлалъ заемъ?

— Все равно, правда или неправда... Я повторяю,—доктоpальнымъ тономъ заговорилъ Петръ,—я повторяю, что никто не имѣетъ права...

— Постой,—перебилъ его Николай Сергѣевичъ и, поднявшись съ дивана, подошелъ къ нему. Въ лицѣ его явилось что-то новое, какое-то не то безпокойство, не то страхъ.—Погоди! Отвѣть мнѣ просто: правда или неправда?

— Гм... Вы, значитъ, тоже сомнѣваетесь?

— Сомнѣваюсь, Петръ. Ты такъ ненатурально говоришь, что и я сомнѣваюсь. Ну, такъ правда или неправда?

— Что же это вы, папа, допрашиваете меня?—видимо уклонялся Петръ.

— Петръ, — повелительно сказалъ Николай Сергѣевичъ:— посмотри мнѣ въ глаза и скажи одно слово: правда или неправда?

Петръ заморгалъ вѣками, видимо стараясь установить свои глаза такъ, чтобы они смотрѣли въ глаза отцу, но это ему не удавалось. Николай Сергѣевичъ съ полминуты ждалъ, потомъ какъ-то грузно, тяжело отступилъ отъ него.

— Дурракъ!—промолвивъ онъ, окативъ своего сына презрительнымъ взглядомъ.—Дурракъ!.. Надѣлалъ гадостей, да еще бросаешь людямъ вызовъ... Дурракъ!.. Въ твоемъ положеніи надо бы сидѣть съ поджатымъ хвостомъ, а ты вздумалъ нотаціи читать... И кому? Честнымъ людямъ, безусловно честнымъ людямъ... Идіотъ! Такъ займа не было? Никакого богатаго товарища? никакого барона нѣтъ?

— Я не понимаю, папа... я не понимаю, изъ чего вы дѣлаете исторію... право, изъ какихъ-то пустяковъ!—какимъ-то несвойственнымъ ему тонкимъ голосомъ отбивался Петръ.—Ну, положимъ, они ужъ такіе... такіе психопаты оба... А вы, вы человѣкъ солидный...

Но Николай Сергѣевичъ уже не слушалъ его дурацкихъ объясненій. Схватившись за голову, онъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, стараясь вовсе не подымать глаза на сына. Петръ продолжалъ нести какую-то дичь о томъ, что дядя и кузенъ не могутъ понимать требованій порядочнаго человѣка изъ общества, что свѣтская жизнь къ чему-то обязываетъ и что никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ интимную жизнь...

Наконецъ, Николай Сергѣевичъ остановился передъ нимъ, посмотрѣлъ на него уничтожающимъ взглядомъ и отрывисто сказалъ:

— Барона никакого нѣтъ?

— Барона? Разумѣется, барона нѣтъ...

— Я спрашиваю,—ты его совсѣмъ выдумалъ или онъ есть?

— Баронъ есть... но только, разумѣется, я займовъ у него не дѣлалъ... Я даже удивляюсь, какъ вы могли повѣрить, что кто-нибудь дастъ мнѣ четыре тысячи...

— Дурракъ!.. Не понимаешь, что они могутъ пойти справляться къ этому барону...

— То-есть какъ справляться? Какое же они имѣютъ право идти къ незнакомому человѣку?

— Дуракъ, дуракъ, дуракъ!.. У кого бралъ деньги?

— Но, папа, тутъ замѣшано имя женщины... Порядочный человѣкъ не долженъ играть именемъ женщины...

— Оселъ! Порядочный человѣкъ — да, но не ты, который беретъ деньги у женщины... У кого бралъ деньги?

— Ну, хорошо... извольте. Только я надѣюсь, что вы сохраните это въ тайнѣ... Деньги мнѣ даетъ мадамъ Вермутова. Мы съ нею въ близкихъ отношеніяхъ, мы не считаемся...

— Вермутова? И ты при такихъ обстоятельствахъ допустилъ, чтобы я черезъ нее хлопоталъ о моихъ дѣлахъ? Ты заставилъ меня просидѣть у нея цѣлый часъ и выслушивать похвалы тебѣ? И это послѣ того, что ты живешь на ея счетъ и что объ этомъ знаютъ всѣ... Молчи, молчи, не говори ни слова... Все, что ты скажешь, будетъ только глупо... Возьми шляпу и уходи сейчасъ... Я не могу тебя видѣть сегодня.

— Но, папа, тутъ счетъ... Съ васъ тутъ безъ меня сдерутъ Богъ знаетъ что...

— Это не твое дѣло. Уходи, ступай... Завтра придешь ко мнѣ, но сегодня я не могу... Уходи же.

— Какъ вамъ угодно, папа,—промолвилъ Петръ, съ глубокимъ недоумѣніемъ пожалъ плечами, взялъ свою шляпу и вышелъ.

Николай Сергѣевичъ опустился на стулъ и, подперевъ голову руками, нѣсколько минутъ сидѣлъ неподвижно. Потомъ онъ всталъ, подошелъ къ пуговкѣ звонка и надавилъ ее. Прибѣжалъ Османъ.

— Счетъ!

— Сію минуту.

Османъ исчезъ и скоро вернулся со счетомъ. Николай Сергѣевичъ даже не обратилъ вниманія на цифру, машинально далъ Осману на чай какую-то баснословную сумму и вышелъ.

Такъ кончился этотъ родственный обѣдъ Любарцевыхъ.

XV.

Результатъ, изъ всего этого воспослѣдовавшій, былъ странный. То, что произошло между отцомъ и сыномъ послѣ того, какъ Иванъ Сергѣевичъ и Владиміръ покинули отдѣльный кабинетъ ресторана, для нихъ осталось неизвѣстнымъ, но оба они предположили бурное объясненіе и отчасти не ошиблись. Иванъ Сергѣевичъ всю жизнь расходился съ чиновнымъ братомъ по всѣмъ направленіямъ. Зная, какъ въ томъ или другомъ случаѣ поступитъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, можно было безошибочно сказать, какъ въ томъ же случаѣ поступитъ его братъ, стоило только прикинуть совершенно наоборотъ. И это не потому, чтобъ онъ хотѣлъ дѣйствовать наперекоръ своему брату, а просто такъ, органически,— такъ противоположны были ихъ души. И ничего изъ того, что дѣлалъ и какъ жилъ Николай, Иванъ не одобралъ, все заранѣе предавалъ осужденію.

Но когда дѣло касалось вопросовъ чести, Иванъ Любарцевъ ни минуты не колебался: онъ былъ увѣренъ въ братѣ, какъ и въ томъ, что основныя правила чести они понимаютъ одинаково. И по этому поводу у него съ сыномъ, когда они вышли на улицу, вышелъ даже маленькій споръ, оставившій въ обоихъ непріятное ощущеніе.

— Фу, какъ это непріятно!—воскликнулъ Иванъ Сергѣевичъ, вынувъ изъ кармана платокъ и вытирая потъ, который лилъ у него съ лица, несмотря на изрядный морозъ. — Не могу простить себѣ этой несдержанности... Лучше было бы, если бы я молчалъ, какъ убитый...

— Почему же тебѣ непріятно и кому было бы лучше отъ твоего молчанія?—очень спокойно спросилъ Владиміръ.

— Непріятно, потому что непріятно... А лучше было бы ему, твоему дядѣ...

— Ему не будетъ очень худо. Ты можешь быть спокоенъ.

— Ты все на этомъ настаиваешь, Владиміръ... Ты не любишь его и въ этомъ ты, можетъ быть, правъ. Но отказать ему въ уваженіи ты до сихъ поръ еще не имѣлъ никакихъ основаній...

— По твоему значитъ, мы должны теперь ожидать великихъ событій.

— Говори безъ ироніи, тогда я тебя пойму,—отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ слегка раздраженнымъ тономъ.

— Я говорю ясно, мой сердитый старикъ: по твоему, завтра мы узнаемъ, что дядя Николай Сергѣевичъ былъ у Коромысловыхъ и сухо попросилъ извиненія за причиненное своей просьбой безпокойство; а затѣмъ отправился къ Вермутовымъ и, прозрачно намекнувъ, что онъ, будучи честнымъ чиновникомъ, никогда не прибѣгалъ къ сомнительнымъ способамъ дѣлать карьеру, вернулъ имъ всѣ ихъ обѣщанія...

— Я увѣренъ, что будетъ нѣчто въ этомъ родѣ, что Николай откажется отъ назначенія, которое ему обѣщали, и тотчасъ уѣдетъ на прежнее мѣсто...

— А ты очень обидишься, если я скажу, что онъ ни отъ чего не откажется.

— Да, этимъ ты меня обидишь очень,—Владиміръ...

— Въ такомъ случаѣ я промолчу — изъ любви къ моему отцу...

— Ахъ, какъ все это нехорошо! Ахъ, какъ нехорошо...—воскликнулъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Нехорошо, нехорошо, наивный старикъ.

— Какъ онъ смѣлъ, этотъ форменный дуралей, поставить отца въ такое гнусное положеніе?

— Изъ гнуснаго положенія часто вытекаютъ счастливые результаты...

— Владиміръ... ради Бога...

— Я не о дядюшкѣ о нашемъ говорю... Я молчу...

— Дуракъ испортился скверно, какъ дуракъ, но ты тоже испортился—какъ умный человѣкъ... Ты впалъ въ пессимизмъ. Это въ твои годы—нехорошо...

— Нѣкоторое знаніе жизни и людскихъ отношеній, это еще не пессимизмъ. Я вѣрю въ добро, отецъ. Но я могу думать, что добро дѣлаютъ на фабрикѣ зла. Карьеризмъ, это—фабрика зла. Люди, которые живутъ для пользы и славы родины, никогда не воспользуются грязной дорогой, чтобъ придти къ личному благополучію; но люди, дѣлающіе карьеру во что бы то ни стало, воспользуются всѣмъ ради ничтожнаго повышенія въ должности и чинѣ; ради этого они благородно продадутъ не только свою честь, но и свое дорогое отечество... Знаешь, у чести, какъ и у всего на свѣтѣ, есть форма, оболочка, шкурка. Такъ вотъ въ томъ мірѣ, гдѣ дѣлаютъ карьеры во что бы то ни стало, умѣютъ какъ-то такъ устраивать, что самую честь убираютъ куда-то въ укромное мѣстечко, а для ежедневнаго обихода оставляютъ только шкурку. Стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ постоянно тормошить такую почтенную особу, какъ честь... Тѣмъ болѣе, что, при обращеніи

съ одной ея шкуркой, всѣ видимости отлично сохраняются... Такъ, свѣтскія дамы, владѣющія бриллiантами, боясь потерять ихъ, заказываютъ себѣ точь въ точь такія же имитаціи изъ стекляшекъ и украшаютъ себя ими, ѣдучи на балъ или на стрѣлку. Всѣ знаютъ, что онѣ владѣютъ бриллiантами, и потому никто не подумаетъ, что это фальшивые...

— Говори, говори, я тебя не слушаю...

— Напрасно не слушаешь. Это поучительно.

— Я на тебя сердитъ... Я сердитъ самымъ настоящимъ образомъ... И хотѣлъ бы, чтобы ты этому вѣрилъ.

— Съ огорченiемъ вѣрю. Но утѣшаюсь тѣмъ, что это проживетъ только до завтра.

Всю остальную дорогу до Надеждинской онъ дулся и молчалъ, а когда пришли домой и стали готовиться ко сну, онъ отрывисто ворчалъ и недружелюбно посматривалъ на Владиміра. Такимъ образомъ первый странный результатъ событія въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана былъ тотъ, что отецъ и сынъ, жившіе всегда мирно и любовно, поссорились. Правда, ссора эта была особенная, какая могла быть только между людьми, живущими любовно. Старикъ хотя и ворчалъ, но осторожно, видимо опасаясь, какъ бы чѣмъ-нибудь не задѣть сына, а Владиміръ молчалъ, но все время тонкая усмѣшка не сходила съ его губъ. Онъ какъ бы попускалъ старику отвести душу, а самъ ни на минуту не сомнѣвался, что завтра они проснутся друзьями.

И въ самомъ дѣлѣ, когда на другой день утромъ Иванъ Сергѣевичъ открылъ глаза и потянулся послѣ довольно тревожнаго сна, первымъ его восклицаніемъ было:

— Владиміръ, ты злишься!..

Владиміръ разсмѣялся.

— Ты перепуталъ. Это ты злился, а не я...

— Да, это правда... И это глупо, что я вздумалъ на тебя злиться... Но вѣдь согласись, что исторія вышла пресквервая.

— Мы временно забудемъ о ней, вымоемся, одѣнемся и напьемся чаю. А тамъ видно будетъ, какой надлежитъ взять курсъ.

— Надо какъ-нибудь узнать, что тамъ дѣлается. Зайти, что-ли.

— Зайдя, истины не узнаешь... Увидишь только шкурку истины...

— Поди ты со своими шкурками... А какъ же быть?

— А я придумалъ. Часа въ четыре я тебѣ все объясню. А пока довѣрься мнѣ. Вставай, приведи себя въ порядокъ, я покажу тебѣ кой-что интересное. Тутъ недавно привезли нѣсколько скелетовъ допотопныхъ звѣрей. Ты еще такихъ не видалъ.

Честные были звѣри. Въ этомъ можно убѣдиться, взглянувъ на ихъ пасти, добычу, какая попадалась, глотали единымъ взмахомъ, безъ разговоровъ и едва ли умѣли жевать. И шкурки никакой для приличія не оставляли.

Иванъ Сергѣевичъ уже больше не ворчалъ, а добродушно улыбался и вполнѣ согласился отдать себя подъ покровительство Владиміра. Послѣ чаю они вышли изъ дому и до четырехъ часовъ смотрѣли, какъ говорилъ Владиміръ, „допотопныхъ и другихъ звѣрей". Въ четыре вернулись домой, Владиміръ присѣлъ къ столу и написалъ:

„Прошу заранѣе простить, если потомъ окажется, что я прибѣгнулъ къ хитрости. Ключъ къ ней вамъ потомъ преподнесутъ, если вы того потребуете, на золотомъ блюдѣ а пока извѣстите насъ, то-есть меня и отца, былъ ли у васъ нынче дядя Николай Сергѣевичъ, въ какомъ настроеніи и не произошло ли чего такого, что могло бы быть занесеннымъ на страницы семейной хроники рода Любарцевыхъ."

Записку эту онъ подписалъ, заключилъ въ конвертъ и отослалъ Аннѣ Михайловнѣ. Хотя посыльному было разрѣшено пользоваться конкой—все же имъ пришлось прождать больше часу. Наконецъ, у Владиміра въ рукахъ былъ маленькій зеленый конвертъ съ мягкимъ эластическимъ почеркомъ Анны Михайловны. Ея отвѣтъ Владиміръ прочиталъ вслухъ. Она писала:

„Чуточку задержала отвѣтъ — у меня сидятъ балетоманы. Еслибъ вы не предупредили меня о хитрости, я ее не заподозрила бы, да и теперь думаю, что ваша хитрость окажется очень простой. Отвѣчаю на ваши вопросы: вашъ дядя Николай Сергѣевичъ у насъ сегодня былъ часа въ два"...

— А, перебилъ свое чтеніе Владиміръ, — вотъ сейчасъ все и разъяснится... „сегодня былъ часа въ два и съ нимъ вашъ кузенъ, который, по случаю пріѣзда отца, получилъ маленькій отпускъ отъ должности..."

— Отецъ,—опять прервалъ свое чтеніе Владиміръ:—что же ты не кричишь „караулъ"?

— Читай дальше!—угрюмо откликнулся Иванъ Сергѣевичъ.

..."Что касается настроенія, то въ немъ я не замѣтила никакихъ перемѣнъ. Вашъ дядя былъ по прежнему солиденъ, разсудителенъ, умѣренно-словоохотливъ и сдержанно-благодушенъ. Кузенъ, пожалуй, показался мнѣ нѣсколько потухшимъ, но это привело лишь къ тому, что было сказано меньше глупостей..."

— А, все-таки...—замѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Да, все-таки!—иронически откликнулся Владиміръ и продолжалъ:

..„Я просила ихъ отобѣдать у насъ, но они, ссылаясь на

предстоящій вашему дядѣ скорый отъѣздъ и на нѣкоторыя обязательства, вызываемыя служебнымъ положеніемъ, любезно отказались, въ виду полученнаго сегодня утромъ и принятаго ими приглашенія обѣдать у Вермутовыхъ...“

Владиміръ остановился и посмотрѣлъ на отца и ему стало жаль старика, до такой степени у него былъ подавленный и горестный видъ. Иванъ Сергѣевичъ нахмурился и молчалъ. Владиміръ не хотѣлъ тревожить его и, какъ будто не замѣчая, докончилъ письмо:

...„Вотъ все, что могу сообщить вамъ относительно вашихъ родственниковъ. Едва ли во всемъ этомъ вы найдете что-нибудь достойное быть занесеннымъ въ исторію рода Любарцевыхъ. Кстати, мужъ сегодня сказалъ мнѣ, что вашъ дядя получилъ какое-то важное назначеніе и что года черезъ полтора онъ можетъ сдѣлаться губернаторомъ и что все это сдѣлалъ для него Вермутовъ... Понимайте, какъ знаете.

„Совершенно увѣрена, что вашъ отецъ, прежде чѣмъ уѣхать домой, приметъ участіе еще въ одномъ нашемъ четвергѣ и разскажетъ намъ еще что-нибудь изъ своей замѣчательной жизни. Итакъ до четверга—вамъ обоимъ. А. К.“

Владиміръ свернулъ письмо вчетверо, положилъ его въ карманъ и поднялся.

— Я думаю, что теперь намъ пора промыслить объ обѣдѣ... сказалъ онъ, взглянувъ на отца,—какъ ты думаешь, отецъ?

Иванъ Сергѣевичъ встрепенулся и поднялъ голову. — Да, пожалуй, что пора... заявилъ онъ, какъ бы обрадовавшись возможности не говорить о только что прочитанномъ письмѣ.— Куда же мы?

— Да куда хочешь. Мнѣ, признаться, надоѣла добродѣтельная пища кухмистерскихъ. Не пойти ли намъ въ трактиръ? Я знаю тутъ одинъ съ не очень грязными салфетками и абсолютно безъ таракановъ.

— Пожалуй, хоть и въ трактиръ. А музыка есть?

— О, цѣлый органъ... Впрочемъ, едва ли онъ цѣлый, потому что по временамъ вдругъ начинаетъ хрипѣть, какъ умирающій. Но у меня для органной музыки особыя требованія. Чѣмъ болѣе онъ хрипитъ и фальшивитъ, тѣмъ болѣе это меня трогаетъ. Представь себѣ органъ, который играетъ превосходно, аккуратно, безъ запинки... Вѣдь это пошлость. Шарманка должна дребезжать и взвизгивать, органъ—хрипѣть и фальшивить. Городовой, правильно исполняющій свои обязанности—скученъ. Кто можетъ имъ заинтересоваться? Но городовой на своемъ посту и вдругъ пьяный, поетъ камаринскую и приплясываетъ, вѣдь это способно собрать цѣлую толпу зрителей...

Они отправились обѣдать въ трактиръ. Владиміръ былъ веселъ и болтливъ и ни разу не коснулся „щекотливаго предмета“. Иванъ Сергѣевичъ былъ ему за это благодаренъ.

XVI.

На другой день меблированную комнату на Надеждинской улицѣ посѣтилъ самъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Сергѣевичъ Любарцевъ.

Это случилось около одиннадцати часовъ утра, когда на столѣ находились еще всѣ признаки недавно выпитаго чая, т.-е. простывшій самоваръ, пустые стаканы; остатки хлѣба и ветчины. И случилось это въ первый разъ со времени пріѣзда братьевъ въ Петербургъ.

Увидавъ въ передней солидную фигуру дяди, при помощи чухонки пристраивавшаго на вѣшалку свою шубу, Владиміръ слегка даже опѣшилъ и растерялся. Но, скоро оправившись, онъ внимательно взглянулъ въ полутемную глубину передней. „Неужели и Петръ съ нимъ пожаловалъ“, мысленно спросилъ онъ себя. Но Николай Сергѣевичъ былъ одинъ и это почему-то даже успокоило Владиміра. Тогда онъ принялся оказывать своему дядѣ разныя родственныя почести: помогъ обойтись съ шубой, указалъ мѣсто, гдѣ пристроить калоши и пригласилъ въ комнату.

— Здравствуй, Владиміръ. Здравствуй, братъ, Иванъ Сергѣевичъ,—говорилъ Николай Сергѣевичъ голосомъ любезнымъ, но въ тоже время исполненнымъ достоинства. — Вотъ, наконецъ, я собрался отдать вамъ визитъ...

— Садитесь, дядя... Вотъ стулъ... — промолвилъ Владиміръ, пододвигая къ нему стулъ.—У насъ тутъ тѣсновато...

— Это ничего. Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ,—довольно кисло и натянуто пошутилъ Николай Сергѣевичъ и сѣлъ на предложенный стулъ.—Что-жъ, Иванъ Сергѣевичъ,—обратился онъ къ брату,—ты развѣ не собираешься домой?

— Домой? — переспросилъ Иванъ Сергѣевичъ, не ожидавшій этого вопроса.—Не знаю.

— Да вѣдь, сколько мнѣ извѣстно, твой отпускъ на-дняхъ кончается.

— А пусть его кончается. Что за бѣда... Какъ-нибудь извинюсь... Я вѣдь не казенный человѣкъ...

— Ну, а я, видишь, казенный и потому долженъ ѣхать... Думалъ, вмѣстѣ и вернемся...

— Не знаю, братъ, не знаю...

Иванъ Сергѣевичъ очень хорошо зналъ, что на дняхъ срокъ его отпуска кончается и думалъ дня черезъ два пуститься въ

обратный путь. Но, послѣ всего случившагося, ему страшно не хотѣлось ѣхать въ одномъ поѣздѣ съ братомъ. А въ эту минуту онъ окончательно рѣшилъ уѣхать на день раньше или на день позже, все равно, лишь бы не вмѣстѣ. Оставалось, значитъ, только узнать, когда именно уѣзжаетъ Николай Сергѣевичъ, и онъ спросилъ объ этомъ.

— Послѣзавтра въ 10 часовъ вечера... У меня ужъ и спальное купэ взято. Вотъ и думалъ предложить тебѣ мѣсто въ купэ. Вѣдь лишнее...

— Благодарю тебя... Но я не такъ-то тороплюсь.

Очень короткое молчаніе, тѣмъ не менѣе всѣми почувствовалась какая-то неловкость; и Владиміръ счелъ своей обязанностью хозяина какъ-нибудь прекратить его.

— Вы въ Москвѣ не останавливаетесь?—спросилъ онъ первое, что пришло ему въ голову.

— Нѣтъ. Теперь некогда,—отвѣтилъ Николай Сергѣевичъ.— Я долженъ поскорѣе сдать должность, такъ какъ на мое мѣсто уже назначенъ другой...

— Значитъ, ты получилъ повышеніе?—спросилъ Иванъ Сергѣевичъ, не измѣнивъ своего равнодушнаго тона.

— Повышеніе — нѣтъ... Я не скажу, чтобъ это было повышеніе. Но, видишь ли, я перехожу въ другое вѣдомство, гдѣ карьера гораздо шире... Теперь я беру не особенно важный постъ по администраціи...

— Вице-губернаторскій?—сквозь зубы спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Да, пока... Въ солидной губерніи... Но имѣю основаніе думать, что очень скоро пріѣду въ нашъ городъ.

— Губернаторомъ?

— Никогда нельзя знать заранѣе, что случится; но... возможно. А развѣ тебѣ это кажется, страннымъ?

— Напротивъ. Я еще на-дняхъ у Анны Михайловны Коромысловой сказалъ, что ты могъ бы быть отличнымъ губернаторомъ.

— Я тебѣ за это очень благодаренъ.

Иванъ Сергѣевичъ поднялъ голову и съ комическимъ изумленіемъ посмотрѣлъ на брата.

— Ужъ не думаешь ли ты, что мои слова могли имѣть значеніе въ твоей карьерѣ?

— Тутъ все имѣетъ значеніе. Все. Самые даже пустяки,— отозвался Николай Сергѣевичъ.—Вообрази, что ты вмѣсто этого отзыва сказалъ бы, что едва ли твой братъ годенъ быть губернаторомъ. Вотъ только это и больше ничего. Анна Михайловна въ разговорѣ, за обѣдомъ, вспомнила бы это и сказала бы мужу: Иванъ Любарцевъ сомнѣвается въ томъ, что Николай годенъ въ

губернаторы. Положимъ, это голословно, но все же Коромысловъ подумалъ бы: родной братъ сомнѣвается; онъ знаетъ его лучше, чѣмъ мы. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь. И при встрѣчѣ съ Вермутовымъ могъ бы сказать: конечно, я ничего не говорю, Николай Любарцевъ прекрасный чиновникъ, но не дѣлаемъ ли мы ошибки, и такъ далѣе. Вотъ оно и затуманилось, и затормозилось. Да, тутъ все имѣетъ значеніе.

Опять они помолчали. На этотъ разъ Владиміръ тоже былъ не прочь исполнить свои хозяйскія обязанности, но ему въ голову приходили все такія игривыя мысли насчетъ дяди и его карьеры, что онъ не рѣшался высказать ни одной изъ нихъ.

А у Николая Сергѣевича, между тѣмъ, на лицѣ явно выступило намѣреніе сдѣлать какое-то значительное замѣчаніе. Онъ, видимо мялся и собирался съ силами. Наконецъ, онъ рѣшился и заговорилъ:

— Да, между прочимъ, я хотѣлъ сказать по поводу третьягодняшняго недоразумѣнія.

— Недоразумѣнія?,— какъ-то весь встряхнувшись, спросилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Ну, да, потому что это было недоразумѣніе,—подтвердилъ Николай Сергѣевичъ.—Я изслѣдовалъ это дѣло самымъ основательнымъ образомъ и оказалось, что да, дѣйствительно барона этого мой Петръ выдумалъ. То есть онъ существуетъ, но, разумѣется, никакого займа Петръ у него не дѣлалъ. А заемъ онъ сдѣлалъ изъ другого источника, при обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ, не спорю, проявилъ много легкомыслія и незнанія жизни, но ничего позорящаго. Надѣюсь, вы въ этомъ не сомнѣваетесь,—прибавилъ онъ послѣ того, какъ родственники отвѣтили молчаніемъ на его заявленіе.

— Въ подобномъ дѣлѣ мы должны думать, какъ ты, — беззвучно отозвался Иванъ Сергѣевичъ, а Владиміръ совсѣмъ промолчалъ.

— Ну, вотъ и хорошо. Это все, что надо,—сказалъ Николай Сергѣевичъ и тотчасъ пріобрѣлъ видъ и выраженіе человѣка, склоннаго прекратить свой визитъ.

И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько секундъ онъ поднялся и началъ прощаться.

— Но ты, вѣроятно, не очень здѣсь замѣшкаешься,—сказалъ онъ, обращаясь къ Ивану Сергѣевичу,—такъ что застанешь меня еще тамъ и мы успѣемъ проститься.

— О, да, конечно,—отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ и также поднялся. То же сдѣлалъ и Владиміръ. Произошло родственное прощаніе. Какъ ни былъ заряженъ Иванъ Сергѣевичъ противъ брата, какъ ни кипѣло въ немъ негодованіе по поводу столь легко ула-

женнаго „третьягодняшняго недоразумѣнія", но у него не хватило духу отказать этому бѣдному человѣку въ обычныхъ пріемахъ братскаго прощанія. Онъ поцѣловался съ нимъ, а его примѣру послѣдовалъ и Владиміръ.

Потомъ они оба проводили его въ переднюю, помогли ему надѣть шубу и выпустили его на лѣстницу.

Они вернулись въ комнату. Иванъ Сергѣевичъ сталъ у окна и долго стоялъ такъ, устремивъ взоръ въ оконную раму, сквозь которую былъ видѣнъ дворъ, весь заваленный дровами. Владиміръ, чувствуя его настроеніе, не мѣшалъ ему пережить тягостное волненіе, вызванное визитомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Но, наконецъ, найдя, что это тянется ужъ слишкомъ долго, онъ обратился къ отцу.

— Ну, что-жъ, будемъ что-нибудь дѣлать. Двинемся куда-нибудь,—предложилъ онъ.

— Мнѣ стыдно смотрѣть тебѣ въ глаза,—дрожащимъ голосомъ промолвилъ Иванъ Сергѣевичъ, не обернувшись къ нему.

— Ну, полно. Оно, конечно, жаль, что я не потребовалъ отъ тебя пари. Я что-нибудь выигралъ бы.

— Оставь, — старикъ повернулся лицомъ къ сыну, и Владиміръ увидѣлъ, что глаза его были наполнены слезами.—Ты скажи мнѣ, отчего это такъ произошло, вѣдь мы отъ одного отца и отъ одной матери.

— Чины и высокія должности, отецъ, не даются отъ рожденія,—замѣтилъ Владиміръ.

— Что-жъ, ты полагаешь, что будь у меня чинъ и высокая должность, то и я иначе смотрѣлъ бы на вещи.

— А Богъ тебя знаетъ. Слава Богу, что тебѣ это не предстоитъ, и я могу быть увѣренъ, что ты умрешь такимъ, какъ ты есть теперь.

— Твой скептицизмъ ужасенъ.

— Онъ болѣе чѣмъ на половину оправдался.

— Правда. Ахъ, если бъ можно было забыть объ этомъ. Еще хорошо, что онъ покидаетъ городъ и не надо будетъ часто встрѣчаться.

— Но онъ скоро вернется туда губернаторомъ, чего я моему любезному дядюшкѣ отъ души желаю. Въ самомъ дѣлѣ, разъ существуютъ губернаторскіе посты, съ точки зрѣнія Любарцева, пусть лучше они будутъ заняты Любарцевами. Вотъ тебѣ и дань фамильнымъ чувствамъ. Ну, полно, не раскисай. Пойдемъ лучше на улицу и подышемъ холоднымъ воздухомъ.

Они пошли на улицу.

XVII.

Проводы именитаго родственника не отняли много времени. Собственно можно было бы обойтись и безъ нихъ, такъ какъ родственное прощаніе состоялось раньше, но Иванъ Сергѣевичъ не хотѣлъ доводить свое несогласіе съ братомъ до разрыва, а Владиміръ послѣдовалъ за нимъ.

Но они умышленно пріѣхали на вокзалъ за пять минутъ до отхода поѣзда. Около вагона I-го класса толпилась хорошо одѣтая публика. Любарцевы протискались къ вагону и увидѣли Николая Сергѣевича, стоявшаго на площадкѣ.

— А!—произнесъ, онъ и лицо его, видимо, оживилось удовольствіемъ. Легко было понять, что отсутствіе родственниковъ доставляло ему огорченіе, а появленіе ихъ обрадовало его.

Если слабое объясненіе этихъ чувствъ можно было найти въ нѣкоторой братской привязанности, то болѣе дѣйствительное оказалось на лицо, какъ только прибывшіе Любарцевы оглядѣлись вокругъ. Около вагона вертѣлся Петръ, въ своей мѣховой шубѣ и бобровой шапкѣ. При ихъ появленіи онъ сдѣлалъ строго замкнутое лицо оскорбленнаго человѣка и поклонился имъ обоимъ свысока. Но тутъ же они разглядѣли Коромыслова, изъ чего должны были заключить, что Николай Любарцевъ въ самомъ дѣлѣ попалъ въ довольно высокій рангъ.

— Мы съ вами давно не видались!—очень мягко и любезно сказалъ Владиміру Коромысловъ, протягивая ему руку.

— Я у васъ бываю каждую недѣлю, отвѣтилъ Владиміръ.— По четвергамъ...

— По четвергамъ—это не считается... Я хотѣлъ бы видѣть васъ въ другіе дни...

Владиміръ ограничился благодарственнымъ поклономъ, а Коромысловъ обратился къ Николаю Сергѣевичу и продолжалъ, очевидно, прерванную ихъ приходомъ рѣчь.

— И если, по прибытіи на новое мѣсто служенія, у васъ будетъ что сообщить, я буду вамъ очень благодаренъ... А теперь я прощусь... У васъ тутъ болѣе близкая родня... Я не хочу мѣшать. Желаю вамъ счастливаго пути.

Онъ пожалъ руку отъѣзжающему, потомъ Ивану Сергѣевичу и Владиміру, а Петръ почему-то не приблизился къ нему, а очень почтительно приподнялъ шапку и поклонился издали.

И Коромысловъ удалился. Въ это время пробили второй звонокъ. Публика засуетитась, до отхода поѣзда осталось двѣ минуты.

Но и этого короткаго времени оказалось достаточно, чтобы родственники пережили всю мучительность тяжелаго напряженнаго молчанія.

— Въ Москвѣ не остановишься?—спросилъ Иванъ Сергѣевичъ, просто, чтобы какъ нибудь наполнить остающіяся секунды.

— О, нѣтъ, гдѣ ужъ! Я и такъ засидѣлся здѣсь... Тамъ, я думаю, заждались... Да и должность надо сдавать. Надѣюсь, ты не запоздаешь?

— Нѣтъ, я скоро за тобой!—какъ-то невнятно отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ. Очевидно, братья понимали, что имъ лучше не ѣхать вмѣстѣ, и обоимъ отъ этого было неловко.

Затѣмъ Николай Сергѣевичъ пожелалъ Владиміру удачи, причемъ, видимо, старался быть мягкимъ и благожелательнымъ. На Петра никто не обращалъ вниманія, и онъ стоялъ въ сторонѣ, строго выдерживая оскорбленное выраженіе въ лицѣ.

Наконецъ, раздался освободительный третій звонокъ и всѣ почувствовали облегченіе. Родственники пожали руку отъѣзжающему и отступили отъ вагона, а Петръ занялъ по сыновнему праву принадлежащее ему мѣсто и облобызалъ отца.

Никакого поученія ему при этомъ не было сказано. Вѣроятно, все это было сдѣлано раньше. Поѣздъ двинулся и мало-по-малу исчезъ за поворотомъ. Любарцевы съ полминуты глядѣли ему вслѣдъ, потомъ машинально пошли вмѣстѣ съ другими къ выходу. Только у самыхъ дверей они вдругъ вспомнили о Петрѣ и замѣтили, что его съ ними нѣтъ. Онъ улизнулъ еще тогда, когда поѣздъ отходилъ.

А когда они вышли на площадь, передъ самыми ихъ носами прошмыгнулъ бойкій лихачъ съ сѣдокомъ, совершенно закутаннымъ въ мѣховой воротникъ, изъ котораго торчалъ только верхъ бобровой шапки.

— Это Петръ Любарцевъ,—сказалъ Владиміръ.

— Туда ему и дорога,—угрюмо откликнулся старикъ. И больше они не упомянули своего родственника ни однимъ словомъ.

Они зашли поѣсть въ маленькій ресторанчикъ на Владимірской, а отсюда домой. Тутъ Иванъ Сергѣевичъ объявилъ, что онъ завтра долженъ уѣхать. Владиміръ зналъ, что это ему необходимо, и не возражалъ.

— Но къ Аннѣ Михайловнѣ ты зайдешь проститься,—сказалъ онъ.

— А развѣ безъ этого она помретъ?—возразилъ Иванъ Сергѣевичъ.

— Нѣтъ, но это почти обѣщано.

— Я изъ-за этого не поспѣю на почтовый поѣздъ, долженъ буду ѣхать скорымъ и это введетъ меня въ лишній расходъ на второй классъ.

— Этотъ расходъ я беру на себя.

— Если ты такой богачъ—пожалуй...

Но бѣда была въ томъ, что слѣдующій день приходился не въ четвергъ. Правда, это не было и воскресенье, когда Анну Михайловну цѣлый день осаждали „друзья“, но все же приходилось идти на рискъ, что попадешь въ „слишкомъ элегантное общество“.

Но Иванъ Сергѣевичъ на это рѣшился и былъ жестоко наказанъ. На другой день онъ отправился къ Аннѣ Михайловнѣ часа въ два. Владиміръ благоразумно уклонился и пошелъ въ этотъ день въ свою редакцію.

Иванъ Сергѣевичъ попалъ въ гостиную Коромысловой какъ разъ тогда, когда между ея гостями шелъ оживленный разговоръ о предстоящемъ бенефисѣ балетной звѣзды, кончавшей срокъ своего служенія искусству и выходившей въ отставку.

Изъ пятерыхъ гостей четверо были „націоналисты“, т.-е. поклонники домашнихъ звѣздъ, и только одинъ былъ „западникъ“, признававшій лишь „итальянскій носокъ“. Четверо націоналистовъ обсуждали сюжетъ подарка, который предстояло поднести балеринѣ, пятый же ѣдко острилъ надъ ними и надъ балериной, утверждая, что у нея ноги вывернуты внутрь и совѣтовалъ поднести ей самоваръ или бочку шинкованной капусты.

Иванъ Сергѣевичъ просидѣлъ въ этомъ въ этомъ обществѣ больше часу и не проронилъ ни слова. Анна Михайловна должна была поддерживать хореографическій разговоръ, что̀ и дѣлала по мѣрѣ силъ и для него у ней не хватало времени... Отъ этого она, очевидно, страдала.

На минуту вышелъ, вѣроятно, по пути въ департаментъ, Коромысловъ, наскоро пожалъ всѣмъ руки и скрылся.

Наконецъ, Иванъ Сергѣевичъ рѣшительно поднялся и простился съ хозяйкой. Она проводила его въ переднюю и только тутъ, какъ бы почувствовавъ себя свободной, сказала:

— Вы, очевидно, хотѣли наказать меня за что-то, пріѣхавъ не въ четвергъ, а сегодня.

— Я сегодня уѣзжаю и счелъ своимъ долгомъ проститься съ вами, Анна Михайловна.

— А, это васъ извиняетъ... но меня, конечно, ничто не извинитъ въ вашихъ глазахъ... Передайте мой привѣтъ Владиміру Ивановичу и напомните ему, что четвергъ случается каждую недѣлю...

Иванъ Сергѣевичъ вышелъ, исполненный досады на себя за то, что предпринялъ этотъ визитъ. „Потерялъ поѣздъ, а пріобрѣлъ непріятное впечатлѣніе“, говорилъ онъ себѣ. „Еслибъ еще не эти послѣднія слова, то было бы ужъ совсѣмъ скверно“.

Онъ и домой пришелъ въ дурномъ настроеніи и тотчасъ же началъ ворчать на своего сына.

— Ты точно нарочно послалъ менясегодня туда, чтобы я разочаровался въ ней.

— А ты развѣ разочаровался?—спросилъ Владиміръ.

— Почти. Во всякомъ случаѣ, я не видѣлъ той Анны Михайловны, съ которой мы тогда провели такой милый четвергъ... Это была совсѣмъ другая женщина.

— Да, Анна Михайловна бываетъ только по четвергамъ...

— Это удивительно! Вотъ женись на такой женщинѣ и она будетъ пріятна только одинъ день въ недѣлю, а остальные...

— Противна?

— Ну, я этого не сказалъ... Ее выручаетъ въ моихъ глазахъ то, что она, несмотря на свои улыбки и шутливыя замѣчанія, все-таки кажется мнѣ несчастной...

— Да она и не счастлива...

— А ты не очень-то откликайся на это несчастье, мой другъ... Это несчастье совсѣмъ особаго рода. Несчастье среди богатства, довольства и нѣги... Въ концѣ концовъ, — прибавилъ Иванъ Сергѣевичъ, какъ-то вдругъ ожесточившись,—въ концѣ концовъ, кой чортъ мѣшаетъ ей бросить все это несчастье и сдѣлаться свободной!.. Значитъ, здѣсь есть магнитъ, который ее притягиваетъ...

— Ты почти цитируешь Гамлета...—замѣтилъ Владиміръ.

— А ты почти что обижаешься... Я затронулъ твое больное мѣсто?

— Ты правъ: это мое больное мѣсто...

— Ахъ, Володя, лучше отойди... Хорошо поетъ сирена, да какъ заманитъ... Охъ, не повтори пожалуйста глупую исторію, которая была сюжетомъ для многихъ глупыхъ романовъ...

— Избави Богъ... Этого не будетъ, отецъ.

— Ты ручаешься?

— Своей и даже твоей головой, что гораздо важнѣе...

— Ну, если такъ, то я могу уѣхать спокойно. Твоему ручательству вѣрю. А дурака нашего не видалъ, его тамъ не было. Да и слава Богу. А то невѣдомо, чего я ему наговорилъ бы...

Остальное время этого дня они провели въ покупкахъ разныхъ дорожныхъ неизбѣжныхъ пустяковъ, а въ половинѣ восьмого были на вокзалѣ. Проводы вышли скромные. Кромѣ Владиміра, никого не было. Иванъ Сергѣевичъ на прощаніе обнялъ сына и сказалъ ему:

— Я тебѣ скажу, Влудиміръ, ты остерегайся, вообще остерегайся... Но, однако жъ,—прибавилъ онъ, подумавъ,—не очень, не черезчуръ... А то, знаешь, бываютъ люди, которые всю жизнь только и дѣлаютъ, что остерегаются, такъ это похуже каторги будетъ. Ты подумай: утромъ просыпается человѣкъ и думаетъ о томъ, какъ бы остеречься, а вечеромъ спать ложится и

тревожится на счетъ того, всего ли, молъ, и достаточно ли остереся... Ну, прощай! Помоги тебѣ Богъ во всемъ!

И онъ уѣхалъ. А Владиміръ долго стоялъ на платформѣ и смотрѣлъ вслѣдъ ушедшему поѣзду. И когда тотъ окончательно скрылся изъ виду, онъ повернулся къ выходу и вдругъ почувствовалъ, какъ будто потерялъ опору. А между тѣмъ, было такое ощущеніе, что на него надвигается какая-то буря, противостоять которой хватитъ ли у него силы, неизвѣстно.

Шагая по улицѣ, онъ думалъ о предстоящемъ четвергѣ. Невысокая, тонкая, стройная фигура еще до сихъ поръ загадочной для него женщины вдругъ завладѣла всѣмъ его вниманіемъ, и онъ началъ обвинять себя въ небрежности по отношенію къ ней. За все время, что гостилъ у него отецъ, онъ какъ-то мало думалъ о ней. И онъ съ этого момента началъ ждать слѣдующаго четверга.

И. Потапенко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 ГГ.

(*Продолженіе* *).

XV.

Литературная дѣятельность Гоголя въ 1837—1842 годахъ.—Новые планы и труды, и переработка стараго.—Крушеніе литературныхъ плановъ въ старомъ романтическомъ стилѣ.—Неудача съ «запорожской» трагедіей.—Неоконченная повѣсть «Римъ»; ея автобіографическое значеніе.—Полное торжество реализма въ творчествѣ Гоголя; окончательная отдѣлка комедій; усиленіе реальныхъ чертъ въ прежнихъ романтическихъ повѣстяхъ: «Портретъ» и «Тарасъ Бульба».—Повѣсть «Шинель»; ея грустный юморъ.—Апологія смѣха и юмора въ «Театральномъ Разъѣздѣ».

Суетливая и полная новыхъ ощущеній жизнь за границей благотворно отозвалась на литературномъ трудѣ Гоголя. Отдохнувъ отъ непріятныхъ впечатлѣвій послѣднихъ мѣсяцевъ своей петербургской жизни, насладившись новизной своего положенія, какъ вольнаго странника, Гоголь очень скоро принялся за работу. За границу онъ поѣхалъ съ намѣреніемъ поработать «съ бо̀льшимъ размышленіемъ» надъ задуманнымъ романомъ («Мертвыя Души»), начало котораго было имъ написано еще въ Петербургѣ; трудясь послѣдовательно, хотя и урывками, надъ этимъ произведеніемъ, Гоголь, однако, не могъ на немъ сосредоточиться. У него скоро явилось желаніе пересмотрѣть и переработать уже написанное и хотя, какъ мы видѣли, онъ и призывалъ какую-то моль, которая съѣла бы всѣ его сочиненія, но на самомъ дѣлѣ онъ поспѣшилъ оградить ихъ отъ порчи, подновивъ ихъ или передѣлавъ. Для этой цѣли онъ выписалъ себѣ изъ Петербурга оставленныя тамъ рукописи и изданныя имъ книги.

Такимъ образомъ, литературная работа Гоголя за границей (1837—1842) шла одновременно въ двухъ направленіяхъ: онъ шелъ впередъ,—писалъ свой романъ и дѣлалъ еще кое-какія попытки разработать новые сюжеты, и одновременно оглядывался назадъ и исправлялъ старое. Но если въ самомъ порядкѣ работы никакой системы не было, то въ общемъ направленіи этой непослѣдовательной работы можно замѣтить очень опредѣленную художническую тенденцію. За весь этотъ періодъ времени въ творчествѣ Гоголя реализмъ беретъ рѣшительный

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь, 1902 г.

перевѣсъ и проявляется во всей своей силѣ какъ въ новыхъ задуманныхъ и частью выполненныхъ планахъ, такъ равно и въ передѣлкахъ стараго. Только начиная съ 1839—1840 гг., подмѣчается вновь стремленіе художника внести въ свои творенія хорошо намъ знакомое субъективно-романтическое настроеніе, которое сказывается, напр., въ лирическихъ мѣстахъ «Мертвыхъ Душъ» и въ послѣднихъ главахъ переработаннаго «Тараса Бульбы». Но прежде чѣмъ это настроеніе заволокло совсѣмъ и навсегда душу писателя (а это случилось приблизительно въ серединѣ сороковыхъ годовъ)—художникъ успѣлъ въ періодъ, о которомъ говоримъ мы (1837—1842), создать вновь и закончить нѣсколько образцовыхъ произведеній, которыя спасли его имя, какъ великаго писателя. И всѣ эти были созданы въ стилѣ строгаго реализма.

Ознакомимся же поближе съ литературной работой Гоголя за это время наибольшаго расцвѣта его таланта наибольшаго потому, что именно въ эти годы онъ довелъ до художественнаго совершенства всѣ свои комедіи, создалъ первую часть «Мертвыхъ Душъ», написалъ свой самый глубокій по замыслу разсказъ «Шинель» и исправилъ всѣ художественные недочеты двухъ лучшихъ своихъ повѣстей: «Портретъ» и «Тарасъ Бульба».

Первое, что должно отмѣтить въ исторіи развитія его пріемовъ мастерства за это время, это—полную неудачу всѣхъ попытокъ создать что-либо новое въ прежнемъ романтическомъ стилѣ.

А Гоголь, живя за границей въ 1837—1841 годахъ, дѣлалъ такія попытки. Если не считать какого-то грандіознаго, неизвѣстно въ чемъ заключавшагося, «Левіаѳана», надъ которымъ онъ думалъ въ Парижѣ, еще въ 1836 году—и «священная дрожь пробирала его заранѣе, и онъ вкушалъ божественныя минуты»,—то безсиліе романтическаго міросозерцанія покорить себѣ его творчество въ эти годы лучше всего подтверждается неудачей двухъ литературныхъ плановъ, къ которымъ очень лежало тогда его сердце.

Однимъ изъ этихъ плановъ была задуманная Гоголемъ «запорожская» трагедія, подъ заглавіемъ «Выбритый усъ». Авторъ обдумывалъ ее въ 1839 году, трудился много и былъ одно время даже увѣренъ, что она будетъ лучшимъ изъ его произведеній. Онъ стремился запастись и вновь, надышаться, сколько возможно, стариной; передъ какъ онъ признавался проходили какъ прежде, поэтическимъ строемъ времена казачества. «Если я ничего не сдѣлаю изъ этого (сюжета), — говорилъ онъ, то я буду большой дуракъ. Малороссійскія ли пѣсни, которыя теперь у меня подъ рукою, навѣяли его или на душу мою нашло само собою ясновидѣнье прошедшаго, только я чую много того, что мнѣ рѣдко случается». Но эти планы оставались планами, и Гоголь признался, что «его трудъ — нейдетъ» *), хотя, если вѣрить

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 620, 622.

С. Т. Аксакову, говорилъ, «что драма у него вполнѣ составлена въ головѣ, и что ему будетъ достаточно двухъ мѣсяцевъ, чтобы переписать ее набумагу». Но Гоголь, мы знаемъ, принималъ иногда ожидаемое за настоящее. Вдохновеніе очевидно въ данномъ случаѣ измѣнило художнику. При всей его любви къ старинѣ, онъ не нашелъ въ себѣ прежнихъ силъ для ея воскресенія въ образахъ.

Не хватило у Гоголя силы и на то, чтобы кончить повѣсть «Римъ», съ которой у него было связано много самыхъ дорогихъ воспоминаній. Какъ должно было развернуться содержаніе этой повѣсти—неизвѣстно, и въ томъ видѣ, въ какомъ она передъ нами, она—недодѣланный отрывокъ безъ всякаго единства стиля. Въ ней много мастерскихъ жанровыхъ этюдовъ. Римъ въ дни карнавала, отдаленная улица вѣчнаго города съ ея типичными обывателями, чиновниками, мелкими торгашами носильщиками и факинами, перекрестный разговоръ уличной толпы, Фигаро этого веселаго квартала—Пеппе,—все это описанія, образы, силуэты, штрихи, достойные большого мастера... и подъ итальянской одеждой мы сразу узнаемъ нашего юмориста. Но этотъ юмористъ въ своемъ разсказѣ хотѣлъ показать себя намъ и тѣмъ восторженнымъ лирикомъ, какимъ онъ былъ въ первые годы своей литературной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ «Римъ»—запоздалое произведеніе, которое, вѣроятно потому и не было окончено, что художникъ уже не могъ найти въ себѣ прежней силы, которая была нужна не для обрисовки бытовыхъ картинъ изъ римской жизни, а для выраженія того подъема эстетическаго релігознаго чувства, какимъ самъ писатель былъ охваченъ когда жилъ въ Римѣ. А именно этотъ-то свой личный восторгъ передъ божественной красотой и намѣревался Гоголь излить въ своемъ «Римѣ». Героемъ разсказа былъ не вымышленный князь, упоенный красотой вѣчнаго города и Аннунціаты, а сама эта красота, какъ она воплотилась въ природѣ, въ римскомъ народѣ, въ римской красавицѣ и во всѣхъ чудесахъ торжествующаго въ Римѣ искусства. Мы знаемъ какъ Гоголь самъ былъ обвороженъ этой красотой, въ которой для него временно потонули всѣ, и житейскіе, и даже религіозные интересы.

Перескажемъ содержаніе этой повѣсти, такъ какъ она лучше чѣмъ мемуары, письма и изложеніе фактовъ передаетъ то впечатлѣніе, какое Гоголь вынесъ изъ своей встрѣчи съ міромъ искусства за границей.

Молодой итальянскій князь, біографію котораго нашъ авторъ началъ разсказывать, не сразу разгадалъ эту великую тайну искусства; чтобы оцѣнить всю животворную силу красоты, онъ долженъ былъ пройти черезъ рядъ обольщеній, тщета которыхъ и могла ему указать на эстетическое созерцаніе, какъ на вѣрную пристань спасенія. И Гоголь заставилъ своего героя пройти эту школу обольщеній, не безъ намека на себя, конечно.

Прежде чѣмъ оцѣнить и понять смыслъ итальянской жизни, среди которой красота процвѣтаетъ, герой повѣсти долженъ былъ присмо-

трѣться къ быту иныхъ странъ, столь гордящихся своей цивилизаціей. Только послѣ этого сравненія могъ онъ съ чистымъ сердцемъ преклониться передъ своей родиной и изречь осужденіе всѣмъ инымъ интересамъ, какими живетъ Европа. Князь не мало путешествовалъ по Европѣ. «Дикое безобразіе швейцарскихъ горъ, громоздившихся безъ перспективы, безъ легкихъ далей, нѣсколько ужаснуло его взоръ, пріученный къ высоко-спокойной, нѣжащей красотѣ итальянской природы. Въ нѣмецкихъ городахъ нѣсколько поразилъ его странный складъ тѣла нѣмцевъ, лишенный стройнаго согласія красоты, чувство которой зарождено уже въ груди итальянца. Нѣмецкій языкъ также поразилъ непріятно его музыкальное ухо». И очутился князь, наконецъ, въ Парижѣ, въ этомъ вѣчномъ, волнующемся жерлѣ, водометѣ, мечущемъ искры новостей, просвѣщенія, модъ, изысканнаго вкуса и мелкихъ, но сильныхъ законовъ, отъ которыхъ не властны оторваться и сами порицатели ихъ. Онъ былъ пораженъ и увлеченъ этимъ вихремъ. За всѣмъ слѣдилъ онъ, за уличной жизнью, за театромъ, за литературой, за наукой. Жизнь его приняла широкій, многосторонній образъ, обнялась всѣмъ громаднымъ блескомъ европейской дѣятельности, онъ сталъ чувствовать себя членомъ великаго всемірнаго общества. Четыре года прожилъ онъ въ этомъ водоворотѣ и... разочаровался. Онъ увидалъ, что вся эта многосторонность и дѣятельность его жизни исчезала безъ выводовъ и плодоносныхъ душевныхъ осадковъ. Въ движеніи вѣчнаго его кипѣнія и дѣятельности видѣлась ему теперь страшная недѣятельность, страшное царство словъ вмѣсто дѣлъ. Опротивѣли ему и журналистика, и книги, и литература, и театръ, и пуще всего политика. Онъ увидалъ, что вся французская нація была что-то блѣдное, несовершенное, легкій водевиль, ею же порожденный. Не почила на ней величественно-степенная идея. Вездѣ намеки на мысли, и нѣтъ самихъ мыслей; вездѣ полу-страсти и нѣтъ страстей; все не окончено, все наметано, набросано съ быстрой руки; вся нація — блестящая виньетка, а не картина великаго мастера. Хандра заволокла душу князя; онъ сталъ тосковать по Италіи и, наконецъ, вернулся на родину.

«Въ совсѣмъ иномъ свѣтѣ явилась она теперь передъ нимъ. Только теперь могъ онъ оцѣнить всю ея красоту и въ особенности красоту вѣчнаго города. Онъ находилъ въ немъ все равно прекраснымъ, и древній міръ, шевелившійся изъ-подъ темнаго архитрава, могучій средній вѣкъ, положившій вездѣ слѣды художниковъ исполиновъ и великолѣпной щедрости папъ, и, наконецъ, прилѣпившійся къ нимъ новый вѣкъ съ толпящимся новымъ народонаселеніемъ. Онъ влюбился въ этотъ храмъ искусства, гдѣ не было толковъ о понизившихся фондахъ, о камерныхъ преніяхъ, объ испанскихъ дѣлахъ: тутъ слышались рѣчи объ открытой недавно древней статуѣ, о достоинствѣ кисти великихъ мастеровъ, раздавались споры и разногласія о выставленномъ произведеніи новаго художника, толки о народныхъ праздникахъ и,

наконецъ, частные разговоры, въ которыхъ раскрывался человѣкъ и которые вытѣснены изъ Европы скучными общественными толками и политическими мнѣніями, изгнавшими сердечное выраженіе съ лицъ».

И князь упивался этимъ новымъ для него восторгомъ передъ красотой—живой и мертвой, и понялъ, наконецъ, въ чемъ назначеніе его родины. Одно время онъ мечталъ о воскресеніи ея политическаго значенія, но теперь онъ почуялъ, смутясь, Великій Перстъ, начертывающій всемірныя событія. Пусть въ нищенскомъ вретищѣ очутилась Италія и печальными отрепьями висятъ на ней куски ея померкнувшей царственной одежды,—она не умерла и слышится ея неотразимое вѣчное владычество надъ всѣмъ міромъ, надъ нею вѣчно вѣетъ ея великій геній. Пусть политическое ея вліяніе исчезло,—ея геній развернулся надъ міромъ торжественными дивами, искусствами, подарившими человѣку невѣдомыя наслажденія и божественныя чувства... И понялъ князь, что самой ветхостью и разрушеніемъ своимъ Италія грозно владычествуетъ нынѣ въ мірѣ. Чудное собраніе отжившихъ міровъ и прелесть соединенія ихъ съ вѣчно цвѣтущей природой,—все существуетъ для того, чтобы будить міръ, чтобы жителю сѣвера, какъ сквозь сонъ, представлялся иногда этотъ югъ, чтобы мечта о немъ вырывала его изъ среды холодной жизни, преданной занятіямъ, очерствляющимъ душу, вырывала бы его оттуда, блеснувъ ему нежданно уносящею вдаль перспективой, колизейскою ночью при лунѣ, прекрасно умирающей Венеціей, невидимымъ небеснымъ блескомъ и теплыми поцѣлуями чудеснаго воздуха—чтобы хоть разъ въ жизни былъ онъ прекраснымъ человѣкомъ...»

Князь примирился съ паденіемъ своего отечества и полюбилъ свой народъ, въ которомъ сталъ видѣть матеріалъ еще непочатый, этотъ младенчески-благородный народъ, съ характеромъ смѣшаннымъ изъ добродушія и страстей, народъ со свѣтлой непритворной веселостью, которой нѣтъ у другихъ народовъ. Онъ оцѣнилъ въ этомъ народѣ черты природнаго художественнаго инстинкта, онъ полюбилъ его за чувство справедливости, которое сохранилась въ немъ, несмотря на нелѣпость правительственныхъ постановленій и безсмысленную кучу всякихъ законовъ, накопившихся Богъ вѣсть съ какого времени. Онъ вѣрилъ, что для этого народа готовится какое-то поприще впереди. Европейское просвѣщеніе какъ будто съ умысломъ не коснулось его и не водрузило въ грудь ему своего холоднаго усовершенствованія...

Князь утопалъ въ надеждахъ на будущее и въ спокойномъ созерцаніи настоящаго, и случай захотѣлъ, чтобы сама красота предстала его очамъ въ человѣческомъ образѣ. Онъ мелькомъ, случайно, увидалъ Аннунціату. «Попробуй взглянуть на молнію, когда, раскрывъ черныя, какъ уголь, тучи, нестерпимо затрепещетъ она цѣлымъ потопомъ блеска: таковы очи у альбанки Аннунціаты. Густая смола волосъ тяжеловѣсной косою вознеслась въ два кольца надъ головой и четырьмя

длинными кудрями разсыпались по шеѣ. Какъ ни поворотитъ она сіяющій снѣгъ своего лица—образъ ея весь отпечатлѣлся въ сердцѣ. Но чудеснѣе всего когда глянетъ она прямо очами въ очи, водрузивъ хладъ и замиранье въ сердце. Полный голосъ ея звенитъ, какъ мѣдь. Никакой гибкой пантерѣ не сравниться съ ней въ быстротѣ, силѣ и гордости движеній. Все въ ней—вѣнецъ созданья.»

И князь влюбился въ это чудо природы... Онъ погнался за нимъ, чтобы наглядѣться на него; онъ сталъ отыскивать его всюду, ...и вотъ въ поискахъ своихъ за этимъ чудеснымъ видѣньемъ ему однажды случилось взглянуть на Римъ при закатѣ солнца. «Вѣчный городъ открылся предъ нимъ во всемъ своемъ великолѣпіи, во всей своей чудной сіяющей панорамѣ домовъ, церквей, куполовъ, остроконечій. Надъ всей сверкающей массой темнѣли вдали своей черной зеленью верхушки каменныхъ дубовъ изъ сосѣднихъ виллъ и цѣлымъ стадомъ стояли надъ нимъ въ воздухѣ куполообразныя верхушки римскихъ пиннъ, поднятые тонкими стволами. Во всю длину всей картины возносились и голубѣли прозрачныя горы, легкія, какъ воздухъ, объятыя какимъ-то фосфорическимъ свѣтомъ. Солнце опускалось ниже къ землѣ: румянѣе и жарче сталъ блескъ его на всей архитектурной массѣ: еще живѣй и ближе сдѣлался городъ; еще темнѣй зачернѣли поляны; еще голубѣе и фосфорнѣе стали горы; еще торжественнѣй и лучше готовый погаснуть небесный воздухъ... Боже! Какой видъ! Князь, объятый имъ, позабылъ и себя, и красоту Аннунціаты, и таинственную судьбу своего народа, и все, что ни есть на свѣтѣ...»

И въ этомъ созерцательномъ настроеніи покинулъ Гоголь своего князя. Все, даже чувство загоравшейся любви умолкло передъ красотой и эстетикъ впалъ въ оцѣпенѣніе передъ ликомъ своего Бога... Нельзя, конечно, поставить на счетъ Гоголя всѣ слова князя и все, что объ этомъ князѣ говорится. Гоголь дошелъ до Рима путемъ болѣе короткимъ, и въ Парижѣ не замѣшкался. Ему не нужно было разочаровываться въ политикѣ, которой онъ никогда очарованъ не былъ. Но во всемъ остальномъ мы узнаемъ въ князѣ нашего романтика, который грѣлся подъ итальянскимъ небомъ. Всепоглощающая любовь къ красотѣ, религіозное чувство, умиленіе передъ стариной, сентиментальный взглядъ на народную массу, преклоненіе передъ ослѣпительной красотой женщины и это утопаніе въ нѣжныхъ ощущеніяхъ чего-то далекаго, неземного и безстрастнаго—все это намъ уже встрѣчалось и въ характерѣ, и въ мысляхъ, и въ словахъ нашего писателя. Въ Италіи всѣ эти романтическія чувства въ немъ оживились, онъ хотѣлъ одѣть ихъ въ плоть и кровь въ своемъ «Римѣ»... но сила художника ему измѣнила, и повѣсть осталась неоконченной.

Талантъ Гоголя былъ однако въ полной силѣ, но только нужны были иные, не такіе романтическіе сюжеты, чтобы эта сила могла свободно развернуться.

Этотъ все болѣе и болѣе расцвѣтавшій талантъ бытописателя, талантъ, стремившійся къ возможно тѣсному сліянію правды въ искусствѣ съ правдой жизни—сказался не только на крушеніи плановъ, задуманныхъ въ старомъ рамантическомъ стилѣ, но и на передѣлкѣ уже написанныхъ прежнихъ повѣстей и комедій. Во всѣхъ этихъ переработкахъ ясно проступаетъ тенденція сблизить какъ можно тѣснѣе искусство и жизнь. Детальная отдѣлка комедій—«Женитьбы», «Ревизора» и остатковъ отъ «Владиміра третьей степени»—была вся направлена къ тому, чтобы сдѣлать эти, и безъ того жизненныя пьесы, какъ можно болѣе правдоподобными. Авторъ мѣнялъ сценарій, мѣнялъ реплики и все оставался недоволенъ не типами и не фабулой, а именно естественностью въ рѣчахъ и положеніяхъ своихъ героевъ; зато, когда всѣ эти передѣлки въ 1842 году были закончены, пьесы Гоголя и стали образцами истинно-художественныхъ комедій народныхъ и бытовыхъ.

Любопытнѣе, впрочемъ, чѣмъ эта послѣдня работа надъ комедіями, была переработка прежнихъ романтическихъ повѣстей, которая урывками занимала Гоголя за границей. Еще задолго до того времени, когда ему пришла мысль издать полное собраніе своихъ сочиненій и когда онъ установилъ ихъ окончательную редакцію (въ 1842 году), онъ задумалъ передѣлать двѣ повѣсти, нѣкогда съ большой любовью имъ написанныя. Это были—«Портретъ» и «Тарасъ Бульба» *).

Обѣ повѣсти, романтическія по замыслу и выполненію, подверглись очень обстоятельной передѣлкѣ. Она не коснулась впрочемъ сущности сюжета и была направлена исключительно на детали, въ интересахъ все того же торжествующаго реализма. Наиболѣе существенныя перемѣны испытала повѣсть «Портретъ».

Основная ея идея—контрастъ истиннаго вдохновенія и ремесла—осталась неизмѣненной, но реальный элементъ въ повѣсти былъ значительно усиленъ.

Типъ художника, опустившагося до ремесла былъ, вырисованъ съ бо́льшей тщательностью и исторія вырожденія его артистической души разсказана болѣе обстоятельно. Фантастическій элементъ былъ значительно смягченъ въ угоду правдоподобности: онъ не исчезъ совсѣмъ изъ повѣсти, потому что иначе пострадала бы завязка, но все ненужное, несущественное въ немъ было устранено. Исторія продажи портрета и его появленія на квартирѣ Черткова была разсказана вполнѣ правдоподобно; таинственное ночное появленіе старика ростовщика у постели художника было мотивировано, какъ вполнѣ понятный кошмаръ; исчезновеніе портрета на аукціонѣ объяснено также какъ вполнѣ возможная кража. Наконецъ, и преступленію того художника, который писалъ дьявольскій портретъ, подыскано иное объясненіе, психологически болѣе тонкое.

---

*) Начало работъ надъ второй редакціей «Портрета» въ 1837 г. Окончаніе въ 1841 г. Начало переработки «Тараса Бульбы» въ 1838 г., окончаніе въ 1842 г.

Грѣхъ художника заключался не въ томъ, что онъ сохранилъ на холстѣ черты антихриста (объ антихристѣ въ этой второй редакціи «Портрета» умалчивается), а въ томъ, «что художникъ не чувствовалъ никакой любви къ своей работѣ, что онъ насильно хотѣлъ покорить себя и бездушно, заглушивъ все, быть вѣрнымъ природѣ, что произведеніе его не было созданіе искусства и потому чувства, которыя обнимали всѣхъ при взглядѣ на него были мятежными и тревожными чувствами».

Но самое характерное измѣненіе въ новой редакціи «Портрета» испытала одна мысль, которая въ первоначальной редакціи была, какъ мы знаемъ, подчеркнута авторомъ очень рѣшительно. Тогда, когда онъ впервые заинтересовался этимъ сюжетомъ, онъ былъ восторженный романтикъ и онъ боялся, какъ бы искусство не проиграло отъ слишкомъ тѣснаго сближенія съ жизнью. Онъ, описывая непріятное впечатлѣніе, произведенное портретомъ на зрителя, спрашивалъ себя тогда, отчего переходъ за черту, положенную границею для воображенія, такъ ужасенъ? Или за воображеніемъ, за порывомъ слѣдуетъ—говорилъ онъ—наконецъ, дѣйствительность—та ужасная дѣйствительность, на которую соскакиваетъ воображеніе съ своей оси какимъ-то постороннимъ толчкомъ, та ужасная дѣйствительность, которая представляется жаждущему ея тогда, когда онъ, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружается анатомическимъ ножомъ, раскрываетъ его внутренность и видитъ отвратительнаго человѣка? *) Въ новой редакціи этотъ страхъ передъ слишкомъ реальнымъ искусствомъ значительно смягченъ: вина художника не въ томъ, что онъ слишкомъ близко подошелъ къ жизни, а въ томъ, что онъ «рабски, буквально подражалъ натурѣ, неумѣло подошелъ къ ней.» Описывая то же непріятное впечатлѣніе, произведенное портретомъ, Гоголь такъ видоизмѣнилъ свою мысль: «или рабское, буквальное подражаніе натурѣ есть уже проступокъ и кажется яркимъ, нестройнымъ крикомъ? спрашивалъ онъ. Или, если возьмешь предметъ безучастно, безчувственно, не сочувствуя съ нимъ, онъ непремѣнно предстанетъ только въ одной ужасной своей дѣйствительности, не озаренный свѣтомъ какой-то непостижимой, скрытой во всемъ мысли, предстанетъ въ той дѣйствительности, какая открывается тогда, когда, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружаешься анатомическимъ ножомъ, разсѣкаешь его внутренность и видишь отвратительнаго человѣка? Почему же простая, низкая природа является у одного художника въ какомъ-то свѣту—и не чувствуешь никакого низкаго впечатлѣнія; напротивъ, кажется, какъ будто насладился, и послѣ того спокойнѣе и ровнѣе все течетъ и движется вокругъ тебя?»

Какъ видимъ, авторъ измѣнилъ свою прежнюю точку зрѣнія: страшна для искусства не дѣйствительность, хотѣлъ онъ сказать; и опасность грозитъ художнику не отъ предмета, который избралъ онъ, а отъ недостатка

*) См. выше.

истинно-художественнаго къ нему отношенія. И эту же мысль настойчиво повторилъ Гоголь во второй редакціи своей повѣсти и устами того живописца, который нѣкогда согрѣшилъ противъ искусства, теперь уже не тѣмъ, что нарисовалъ портретъ со злого оригинала, а тѣмъ, что рисовалъ его, не любя, безъ вдохновенія. «Изслѣдуй, изучай все, что ни видишь,—говорилъ этотъ живописецъ въ наставленіе своему сыну,—покори все кисти; но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданія. Блаженъ избранникъ, владѣющій ею. *Нѣтъ ему низкаго предмета въ искусствѣ.* Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души..»

Такъ писалъ нашъ художникъ, когда сквозь чистилище его собственной души проходило все презрѣнное и ничтожное русской жизни. Онъ оправдывался и передъ читателемъ, и передъ самимъ собой въ выборѣ своихъ чисто реальныхъ темъ; и его совсѣмъ окрѣпшій талантъ бытописателя какъ будто искалъ для себя теоретическаго оправданія. И, дѣйствительно, Гоголь, въ эти годы, при каждомъ удобномъ случаѣ стремился разсужденіемъ поддержать реальное направленіе своего творчества; и, какъ видимъ, онъ даже въ старыя повѣсти вставлялъ такія разсужденія...

Стремленіе сблизить искусство съ жизнью сказалось и на тѣхъ передѣлкахъ, какимъ подверглась другая любимая повѣсть нашего писателя—«Тарасъ Бульба».

Эта переработка также не коснулась ни основной завязки разсказа, ни характеристики главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Вниманіе автора, который тогда, кстати сказать, перечитывалъ Вальтер-Скотта, было направлено лишь на то, чтобы согласовать свое повѣствованіе какъ можно больше съ исторической правдой того времени, о которомъ онъ разсказывалъ.

Къ этому старому времени, къ этой своей старой любви Гоголь опять вернулся въ 1839 году и началъ вчитываться въ памятники малорусской старины и въ изслѣдованія, старыя и новыя, посвященныя малороссійской исторіи. Очень многое для второй редакціи «Бульбы» дали малороссійскія пѣсни и лѣтописцы, и картина казацкой жизни въ сѣчи и въ походѣ обогатилась многими подробностями. Реальный колоритъ повѣсти значительно выигралъ отъ этихъ деталей, равно какъ и отъ смягченія нѣкоторыхъ ультра-романтическихъ описаній казацкихъ подвиговъ, которые въ первой редакціи были выдержаны въ сказочномъ стилѣ; болѣе тонкой и правдивой стала и психологическая мотивировка основной сентиментальной любовной интриги.

При всѣхъ этихъ уступкахъ реализму, повѣсть все-таки осталась

романтической по стилю, возвышенной по настроенію и въ новомъ своемъ видѣ была также похожа скорѣй на длинную балладу, чѣмъ на эпическій разсказъ, тѣмъ болѣе, что Гоголь усилилъ во второй редакціи «Бульбы» патріотическій и религіозный мотивъ, уже достаточно ясно проступавшій и въ первой. Едва ли Бульба, умирая, могъ, не согласившись съ самимъ Гоголемъ, грозить въ такихъ словахъ «чортовымъ ляхамъ»: «Придетъ время, узнаете вы, что такое православная русская вѣра! Уже и теперь чуютъ дальные и близкіе народы: подымется изъ русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему» *). Но несмотря на такое вторженіе лиризма, вторая редакція «Бульбы», какъ и всѣ переработки стараго, говоритъ лишь о расцвѣтѣ въ Гоголѣ желанія писать какъ можно точнѣе съ натуры, хотя бы въ данномъ случаѣ—и съ мертвой.

Одновременно съ этими попытками передѣлать прежнія романтическія повѣсти и бытовыя комедіи, приближая ихъ по возможности къ типу повѣстей и комедій самыхъ жизненныхъ и реальныхъ, Гоголь въ эти же годы былъ занятъ и иными новыми, весьма разносторонними литературными планами. Часть ихъ была задумана еще въ Петербургѣ, другіе пришли ему въ голову за границей. Все, что было задумано раньше, Гоголь закончилъ, какъ, напр., первую часть «Мертвыхъ Душъ», повѣсть «Шинель», и «Театральный Разъѣздъ»; все прочее осталось недодѣланнымъ, а иногда просто добрымъ желаніемъ. Отъ романтической запорожской драмы, мы видѣли, ничего не осталось, кромѣ жалкихъ набросковъ; «Римъ» оконченъ не былъ, «Левіаѳанъ» остался мечтой; такой же мечтой былъ и планъ написать кое-что изъ «нѣмецкой жизни, что должно было быть очень смѣшно» **), по увѣренію самого автора; отъ двухъ какихъ-то бытовыхъ повѣстей, которыя онъ задумалъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ, до насъ дошли также ничтожные клочья, ничего не говорящіе объ ихъ содержаніи; и только переводъ незначительной комедіи итальянца Жиро, «Дядька въ затруднительномъ положеніи» ***), успѣлъ Гоголь старательно выправить, торопясь послать ее своему другу Щепкину для бенефиса.

Новое не писалось, и вся сила художника ушла на выполненіе задуманнаго раньше. Эта сила юмориста и бытописателя, одерживая пока верхъ надъ враждебными ей сентиментально-романтическими мыслями и настроеніями поэта, развернулась вполнѣ свободно въ трехъ памятникахъ истинно-реальнаго творчества—въ повѣсти «Шинель», въ «Театральномъ Разъѣздѣ» и въ первой части «Мертвыхъ Душъ».

---

*) Подробное сличеніе двухъ редакцій «Бульбы» дано въ X-мъ изданіи сочиненій Н. В. Гоголя въ примѣчаніяхъ Н. С. Тихонравова, I, 569—677.

**) Гоголю пришла эта мысль въ голову тотчасъ, какъ онъ покинулъ Россію въ 1836 году.

***) Переводъ былъ сдѣланъ, по указанію Гоголя, русскими художниками въ Римѣ, въ 1840 году.

Разсказъ «Шинель» былъ задуманъ Гоголемъ въ 1834 году и возникъ, какъ извѣстно, изъ «канцелярскаго анекдота о какомъ-то чиновникѣ, страстномъ охотникѣ за птицей, который необычайной экономіей и неутомимыми усиленными трудами сверхъ должности накопилъ сумму, достаточную на покупку хорошаго лепажевскаго ружья рублей въ 200. Въ первый разъ, какъ на маленькой своей лодочкѣ пустился онъ по Финскому заливу за добычей, положивъ драгоцѣнное ружье передъ собой на носъ, онъ находился, по его собственному увѣренію, въ какомъ-то самозабвеніи и пришелъ въ себя только тогда, какъ, взглянувъ на носъ, не увидалъ своей обновки. Ружье было стянуто въ воду густымъ тростникомъ, черезъ который онъ гдѣ-то проѣзжалъ, и всѣ усилія отыскать его были тщетны. Чиновникъ возвратился домой, легъ въ постель и уже не вставалъ: онъ схватилъ горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавшихъ о происшествіи и купившихъ ему новое ружье, возвращенъ онъ былъ къ жизни». Этотъ комичный анекдотъ и послужилъ нашему автору канвой для его глубокотрагичной повѣсти, которую онъ въ 1836 году въ черновомъ видѣ читалъ Смирновой и Пушкину, но окончательно отдѣлалъ лишь за границей (1839—1842).

Значеніе этой повѣсти въ исторіи нашей словесности совсѣмъ особенное. Она—первый по времени и одинъ изъ самыхъ законченныхъ опытовъ того рода произведеній, которыя затѣмъ были очень распространены и имѣли большую общественную цѣнность. Это — страничка изъ исторіи «униженныхъ и оскорбленныхъ», тѣхъ самыхъ которыхъ непосредственно послѣ Гоголя принялъ подъ свою защиту Достоевскій. На Западѣ эта защита меньшаго брата, на бумагѣ и на дѣлѣ, началась приблизительно въ эти же годы, вмѣстѣ съ ростомъ и быстрымъ распространеніемъ декоратическихъ идей. У насъ, въ данномъ случаѣ совсѣмъ отъ Запада независимо, эта тенденція заинтересовать общество въ пользу тѣхъ, кого оно совсѣмъ не замѣчаетъ и не слышитъ, была впервые проведена Гоголемъ въ его «Шинели» и тѣ, кто говорили, что именно съ этой повѣсти должно вести исторію нашей «обличительной» литературы были не совсѣмъ неправы. Надо помнить только, что въ разсказѣ Гоголя сила обличенія значительно уступаетъ силѣ мягкаго жалостливаго чувства. Авторъ заставляетъ насъ прожить вмѣстѣ съ Акакіемъ Акакіевичемъ всѣ замѣчательныя минуты его жизни; мы съ нимъ и на чердакѣ, гдѣ онъ отъ каждаго рубля откладываетъ по грошу въ небольшой ящичекъ, гдѣ онъ каждые полгода ревизуетъ накопившуюся мѣдную сумму и замѣняетъ ее мелкимъ серебромъ, гдѣ онъ мерзнетъ и не доѣдаетъ, не сжетъ свѣчей, снимаетъ съ себя платье, чтобы онъ не занашивалось и сидитъ въ демикотоновомъ халатѣ, гдѣ онъ питается «духовно нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели»... мы съ нимъ въ департаментѣ, гдѣ на него обращаютъ вниманіе столько же, сколько на пролетѣвшую муху, гдѣ издѣваются надъ нимъ и сыплютъ ему

на голову бумажки, и гдѣ онъ онъ сидитъ, годы сидитъ и съ любовью выводитъ буквы или откладываетъ бумаги, съ которыхъ для собственнаго удовольствія хочетъ снять копію...

Онъ, какъ живой, передъ нами у портного, въ эти единственные праздничные дни его жизни, когда онъ отъ сомнѣній и страховъ переходитъ къ надеждѣ, когда мечтаетъ о куницѣ на воротникъ, и наконецъ, покупаетъ и сукно, и коленкоръ и кошку, которую издали можно всегда принять за куницу... Смѣшонъ онъ во всѣхъ этихъ положеніяхъ, но читая повѣсть, никакъ нельзя подавить въ себѣ слезъ и ни къ одному изъ произведеній Гоголя не подходитъ такъ извѣстное выраженіе «смѣхъ сквозь слезы» въ прямомъ, не переносномъ смыслѣ, какъ къ «Шинели». Дѣйствительно, изображеніе физическаго ужаса, который охватываетъ Акакія Акакіевича на площади, когда съ него стаскиваютъ шинель, его ночное бѣгство—рядъ очень смѣшныхъ положеній, отъ которыхъ становится однако жутко и страшно. Весь нравственный ужасъ несчастнаго чиновника при встрѣчѣ со значительнымъ лицомъ, у котораго для подчиненныхъ были всего три фразы: «какъ вы смѣете? Знаете ли вы, съ кѣмъ вы говорите? понимаете ли, кто стоитъ передъ вами», сцена, когда нашего чиновника выносятъ замертво, пораженнаго и оглушеннаго лицезрѣніемъ генерала и бесѣдою съ нимъ—также комическія положенія, которыя не вызываютъ однако даже и улыбки; наконецъ послѣднія минуты—бредъ Акакія Акакіевича, этотъ докторъ съ практическими совѣтами о заказѣ сосноваго, а не дубоваго гроба, эта хозяйка, которая крестится, слыша какъ нашъ чиновникъ въ бреду сквернохульничаетъ и притомъ такъ, что самыя страшныя слова слѣдуютъ непосредственно за словомъ «ваше превосходительство» и, наконецъ, наслѣдство Акакія Акакіевича—пучокъ гусиныхъ перьевъ, десть бѣлой казенной бумаги, три пары носковъ, двѣ-три пуговицы оторвавшихся отъ панталонъ—все это смѣшно и до слезъ грустно. Грустно и тяжело стало и автору отъ собственной ироніи и въ концѣ повѣсти онъ смѣнилъ ее на столь имъ любимую элегію: «И Петербургъ, заканчивалъ онъ свою повѣсть, остался безъ Акакія Акакіевича, какъ будто бы въ немъ его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманія и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ,—существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастье, какъ обрушивается оно на главы сильныхъ міра сего!» Такъ морализировалъ авторъ, помогая читателю стать на должную точку зрѣнія при оцѣнкѣ этой повѣсти, смыслъ которой, какъ основательно могъ опасаться Гоголь, былъ вовсе не общедоступенъ.

Вѣроятно съ тою же цѣлью, чтобы облегчить читателю пониманіе столь необычнаго для тѣхъ годовъ произведенія, авторъ и въ началѣ повѣсти вставилъ эпизодъ о молодомъ человѣкѣ, котораго такъ сразили слова Акакія Акакіевича: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете»? «И въ этихъ проникающихъ словахъ—пояснялъ авторъ—звенѣли другія слова: «я братъ твой». И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣткости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ». Можетъ быть для удовлетворенія нравственнаго чувства было къ этой реальной повѣсти приставлено и странное фантастическое окончаніе, въ которомъ разсказывалось, какъ Акакій Акакіевичъ, уже мертвый, содралъ, въ отместку, шубу съ плеча того самаго значительнаго лица, которое такъ любило кричать на подчиненныхъ. Послѣ встрѣчи съ мертвецомъ генералъ сталъ кричать рѣже.

Это фантастическое окончаніе, къ повѣсти произвольно приставленное, написано Гоголемъ чрезвычайно умѣло, совсѣмъ въ иномъ тонѣ, чѣмъ его прежніе фантастическіе разсказы или отступленія. Къ фантастическому въ «Шинели» примѣшано столько юмора насмѣшки и смѣха, столько сдѣлано въ немъ намековъ на возможное правдоподобное объясненіе всей чепухи, которая творится съ шинелями въ Петербургѣ у Калинкина моста, что фантастическое совершенно затеривается въ юмористическомъ и утрачиваетъ свой романтическій характеръ. Авторъ пользуется этимъ чудеснымъ лишь въ интересахъ маленькихъ жанровыхъ сценокъ, какими онъ заканчиваетъ свою повѣсть

Такъ силенъ былъ нашъ писатель какъ художникъ, когда, покидая старую манеру, давалъ полный ходъ своему таланту наблюдателя и юмориста.

Кто пожелаетъ измѣрить силу этого таланта во всемъ его объемѣ, тотъ можетъ увѣренно развернуть на любой страницѣ трагикомическую поэму о «Мертвыхъ Душахъ».

И къ этой поэмѣ должны мы теперь обратиться, къ этому послѣднему слову художника, слову, въ которое онъ стремился втѣснить столь глубокій смыслъ, что для полнаго его обнаруженія силъ человѣческихъ не хватило.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этой поэмѣ, нужно вспомнить еще объ одномъ драматическомъ этюдѣ Гоголя, этюдѣ очень своеобразномъ и полномъ самыхъ интимныхъ признаній. Это—уже извѣстный намъ «Театральный Разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи». Мысль о немъ зародилась, какъ извѣстно, чуть ли не на первомъ представленіи «Ревизора»; но комедія была отдѣлана лишь въ концѣ 1842 года, когда всѣ только что перечисленные литературные труды заграничнаго періода были окончены и первая часть «Мертвыхъ Душъ» уже вышла изъ

печати. «Театральнымъ Разъѣздомъ» Гоголь закончилъ свою литературную дѣятельность—самъ того не подозрѣвая.

Думалъ онъ надъ этой пьесой долго, и не спѣшилъ ея окончаніемъ, имѣя на то свои причины. Онъ имѣлъ въ виду издать полное собраніе своихъ сочиненій и хотѣлъ этой комедіей заключить его. И, дѣйствительно, она была вполнѣ на своемъ мѣстѣ какъ заключительное слово въ полномъ собраніи всего, что Гоголемъ имъ было написано.

Во-первыхъ, въ ней блеснулъ со всей яркостью его вполнѣ созрѣвшій талантъ драматурга. Обработать въ формѣ живой комедіи такой сухой сюжетъ, какъ перечень разныхъ мнѣній и толковъ публики—для этого нужно было быть большимъ мастеромъ. Обрисовать такую массу лицъ двумя, тремя штрихами, каждому придать оригинальную физіономію и своеобразную рѣчь, для этого нужно было въ совершенствѣ владѣть драматической техникой, и имѣть удивительно острый слухъ и зоркое зрѣніе. Вся эта толпа непризванныхъ судей живетъ предъ нами; мы ее видимъ, мы съ ней толчемся въ сѣняхъ театра... ни шаржа, ни декламаціи, ни скучныхъ длиннотъ...

И вмѣстѣ съ тѣмъ эта пьеса—откровенное призваніе сатирика, самозащита смѣльчака, который заговорилъ о дѣйствительной простой, всѣмъ извѣстной жизни иначе, чѣмъ принято было говорить о ней. Гоголь, авторъ «Театральнаго разъѣзда», былъ уже не авторъ «Ревизора» только, а сатирикъ и юмористъ болѣе широкаго полета. Предчувствовалъ ли онъ, что этотъ сатирическій смѣхъ, которымъ онъ умѣлъ будить столько нѣжныхъ и злобныхъ чувствъ, скоро замремъ въ немъ, или, наоборотъ, не предвидя этого крушенія, былъ ли онъ преисполненъ гордаго сознанія своей силы, но только въ «Театральномъ Разъѣздѣ» онъ пригрозилъ читателю своимъ смѣхомъ, и рѣчь его была необычайно увѣренна и откровенна.

«Хорошо, — говорилъ, онъ думая одновременно и о дѣйствующихъ лицахъ своей комедіи и о герояхъ «Мертвыхъ Душъ» — хорошо, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ: выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выйдетъ изъ театра». Но развѣ въ самомъ дѣлѣ передъ глазами зрителей проходятъ одни только смѣшные и порочные люди? Почему никто не хочетъ замѣтить честнаго лица? А такое лицо есть. Это честное благородное лицо—*смѣхъ*. Онъ благороденъ потому, что рѣшился выступить, несмотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, несмотря на то, что доставилъ обидное прозваніе комику—прозваніе холоднаго эгоиста и заставилъ даже усумниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Я, — продолжалъ Гоголь, — я служилъ этому смѣху честно и потому долженъ статьего заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ,—не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ болѣзненнымъ рас-

положеніемъ характера; не тотъ даже легкій смѣхъ, служащій для празднаго развлеченія и забавы людей, но тотъ смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка—излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно бьющій родникъ его, который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго, мелочь и пустота жизни не испугали бы такъ человѣка. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ. Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но, озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, кто бы понесъ мщеніе противу злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенія души его. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко добрая душа. Но не слышатъ (люди) могучей силы такого смѣха: «что смѣшно, то низко», говоритъ свѣтъ; только тому, что произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названіе высокаго»...

«Бодрѣй же въ путь!—восклицалъ авторъ, заканчивая свою пьесу и вмѣстѣ съ ней первое полное собраніе своихъ сочиненій. И да не смутится душа отъ осужденій, но да пріиметъ благодарно указанія недостатковъ, не омрачаясь даже и тогда, если бы отказали ей въ высокихъ движеніяхъ и въ святой любви къ человѣчеству. Въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви. И почему знать, можетъ быть, будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ,—въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ»...

Такимъ смѣхомъ сквозь слезы смѣялся нашъ сатирикъ въ своихъ зрѣлыхъ повѣстяхъ, какъ, напр., въ «Запискахъ сумасшедшаго», «Невскомъ проспектѣ», «Шинели», и такимъ благороднымъ смѣхомъ въ своихъ комедіяхъ. Но если мы хотимъ въ этомъ смѣхѣ уловить голосъ душевнаго сокрушенія о ближнемъ, голосъ человѣка, который боится за ближняго, но притомъ голосъ всетаки бодрый, сильный своей правдой, то мы найдемъ его въ «Мертвыхъ Душахъ».

Въ первой части этой поэмы—къ которой авторъ обращался со своимъ ободрительнымъ призывомъ: «впередъ!»—мы въ послѣдній разъ услышимъ веселую рѣчь того «комика» и юмориста—за права котораго такъ горячо вступился Гоголь въ своемъ «Театральномъ Разъѣздѣ».

XVI.

Работа надъ «Мертвыми Душами»; быстрый ростъ сюжета.—Планъ поэмы; отраженіе на немъ этическихъ, патріотическихъ и религіозныхъ взглядовъ автора.— Первая часть «Мертвыхъ Душъ»; царство ничтожныхъ людей и обѣщанія автора. — Вторая часть «Мертвыхъ Душъ» и частичное исполненіе обѣщаннаго.

Работа надъ «Мертвыми Душами» была для автора великой радостью и великой печалью. Никогда не испытывалъ онъ такого возвышеннаго наслажденія и довольства собой, какъ въ тѣ дни, когда цѣлыя страницы поэмы ложились вольно и плавно на бумагу и никогда не страдалъ онъ такъ, какъ въ тѣ долгіе годы, когда приходилось ждать вдохновенія по мѣсяцамъ, передѣлывать написанное безконечное число разъ, и все это затѣмъ, чтобы передъ смертью бросить въ каминъ все, чѣмъ онъ жилъ послѣднія печальныя десять лѣтъ своей жизни.

Исторія «Мертвыхъ Душъ» — исторія писательской агоніи ихъ автора; разсказъ о томъ, какъ великій талантъ не совладалъ съ великой задачей и послѣ первой рѣшительной побѣды былъ осужденъ на долголѣтнюю безплодную работу, которая держала его все въ томъ же отдаленіи отъ намѣченной цѣли. Эта работа занимала Гоголя въ продолженіи 16-ти лѣтъ, съ 1835 года, когда онъ набросалъ первыя страницы поэмы, до начала 1852 года, когда онъ скончался. Изъ этихъ шестнадцати лѣтъ, — конечно, при посторонней работѣ — шесть лѣтъ (1835—1842) ушло на созданіе первой части поэмы и остальныя десять на попытки присочинить ей продолженіе.

Мы издавна привыкли раздѣлять въ нашемъ представленіи оконченную и неоконченную часть этого единаго цѣлаго и, конечно, какъ памятники искусства, первая часть «Мервыхъ Душъ» и тѣ отрывки, которые уцѣлѣли отъ второй—величины неизмѣримыя; но все-таки обѣ части представляютъ нѣчто цѣльное, и въ умѣ самого автора онѣ были неразрывно связаны еще въ тѣ годы, когда онъ только приступалъ къ работѣ. Разница въ выполненіи, равно какъ и въ общемъ замыслѣ первой части поэмы и ея продолженія вытекла изъ неуловимо тонкихъ психическихъ движеній, сопровождавшихъ въ душѣ автора ту борьбу, которую вели въ немъ его романтическое, сентиментально-религіозное міросозерцаніе, окрѣпшее за границей, и его талантъ реалиста-бытописателя, талантъ, который пока побѣдоносно выдерживалъ натискъ этого враждебнаго міросозерцанія, а затѣмъ сталъ дѣлать ему постепенныя уступки. И въ первой части «Мертвыхъ Душъ» замѣтны уже такія уступки, хотя и во второй части попадаются еще цѣлыя страницы, написанныя съ прежнимъ неподражаемымъ мастерствомъ реальной живописи.

По мысли автора «Мертвыя Души» должны были быть «поэмой»,

въ которой Россія явилась бы во всемъ разнообразіи ея государственной и соціальной жизни, со всѣми свѣтлыми и темными ея сторонами. Авторъ хотѣлъ воскресить въ новой формѣ старый эпосъ и, вѣроятно, не безъ намека на гомеровы пѣсни, назвалъ свой романъ—поэмой. Общій планъ этой поэмы пришелъ автору въ голову, конечно, не сразу и съ годами принялъ очень странное направленіе. Эпическій разсказъ, вначалѣ безпристрастный переходилъ мало-по малу въ проповѣдь нравственныхъ истинъ, и желаніе изобразить Россію со всѣхъ сторонъ, замѣнялось у автора постепенно желаніемъ сказать людямъ вообще нѣчто для ихъ души и жизни весьма полезное.

Гоголь вообще неохотно говорилъ о своихъ литературныхъ планахъ и о своей работѣ; но онъ такъ былъ увлеченъ «Мертвыми Душами», что часто нарушалъ молчаніе, и далъ намъ такимъ образомъ возможность прослѣдить по его письмамъ, какія постепенныя видоизмѣненія испыталъ планъ его поэмы.

Анекдотъ, положенный въ основу поэмы, былъ данъ Гоголю Пушкинымъ, т.-е. не подаренъ, а, кажется, по необходимости уступленъ. Пушкинъ самъ хотѣлъ воспользоваться разсказомъ о покупкѣ мертвыхъ душъ для своей собственной литературной работы, но Гоголь—услыхавъ этотъ разсказъ отъ него, поспѣшилъ со своей обработкой; и когда онъ прочиталъ начало своего романа Пушкину, то Пушкинъ увидѣлъ, что въ рукахъ Гоголя, этотъ матеріялъ будетъ производительнѣе, чѣмъ въ его собственныхъ, и уступилъ его. Пушкинъ же совѣтовалъ Гоголю воспользоваться для этой работы и тѣми путевыми записками, какія Гоголь велъ лѣтомъ 1835 года, когда ѣздилъ въ Малороссію. Этими записками Гоголь, дѣйствительно, пользовался при первоначальной работѣ надъ поэмой *).

Онъ сталъ писать ее, по словамъ С. Т. Аксакова, только какъ любопытный и забавный анекдотъ—и это, кажется, дѣйствительно такъ и было, хотя съ этимъ не вполнѣ сходятся два показанія самого Гоголя. Вотъ они: «Пушкинъ — говорилъ Гоголь въ своей «Авторской исповѣди»,—находилъ, что сюжетъ «Мертвыхъ Душъ» хорошъ для меня тѣмъ, что даетъ полную свободу изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разно-образныхъ характеровъ. Я началъ было писать, не опредѣливъ себѣ обстоятельнаго плана, не давъ себѣ отчета, что такое именно долженъ быть самъ герой. Я думалъ просто, что смѣшной проектъ, исполненіемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными. Но на всякомъ шагу

---

*) *В. И. Шенрокъ.* «Очеркъ исторіи текста первой части «Мертвыхъ Душъ». Сочиненія Гоголя X-ое изданіе, т. VII.

я былъ останавливаемъ вопросами: зачѣмъ? къ чему это? что́ долженъ сказать собою такой-то характеръ? что должно выразить собою такое-то явленіе?» Если вѣрить автору то сюжетъ поэмы съ перваго же раза навелъ его на серьезныя мысли. Съ этимъ согласенъ и разсказъ Гоголя о впечатлѣніи, вынесенномъ Пушкинымъ изъ перваго знакомства съ «Мертвыми Душами». «Когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ моей поэмы, въ томъ видѣ какъ онѣ были прежде, разсказывалъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ, вошедшихъ въ составъ его «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи, началъ понемногу становиться все сумрачнѣе и сумрачнѣе, и наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже! какъ грустна наша Россія»! Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію не замѣтилъ, что все это каррикатура и моя собственная выдумка! Съ этихъ поръ я уже сталъ думать только о томъ, какъ бы смягчить то тягостное впечатлѣніе, которое могли произвести «Мертвыя Души».

Въ этихъ двухъ авторскихъ показаніяхъ Гоголя нужно отличать неумышленную ложь отъ истины. Гоголь, когда писалъ «Авторскую исповѣдь» и печаталъ свою «Переписку съ друзьями», былъ не тотъ Гоголь, который приступалъ къ работѣ надъ поэмою. Онъ былъ уже охваченъ религіознымъ экстазомъ, былъ кающимся грѣшникомъ, и пытался мистически истолковать всю свою жизнь и всѣ свои рѣчи. Онъ могъ приписать себѣ заднимъ числомъ желаніе съ *перваго же раза* отвѣтить на вопросъ, что должно означать то или другое лицо въ его поэмѣ, какой смыслъ имѣетъ то или другое явленіе? Онъ могъ также обозвать каррикатурой и вымысломъ свои первые наброски потому, что онъ думалъ тогда о своемъ произведеніи меньше, чѣмъ думалъ послѣ.

Работа надъ «Мертвыми Душами» началась осенью 1835 года, и Гоголь тогда же извѣщалъ Пушкина, что сюжетъ уже растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. «Мнѣ хочется—говорилъ Гоголь—въ этомъ романѣ показать хотя съ одного боку всю Русь» Очевидно, что очень скоро послѣ начала работы, смѣшной анекдотъ получилъ въ глазахъ автора значеніе цѣлой картины.

Въ 1836 году, въ этотъ тревожный для Гоголя годъ постановки «Ревизора», поэма была заброшена. Работа надъ ней возобновилась въ концѣ этого года въ Швейцаріи. Гоголь передѣлалъ написанное обстоятельнѣе, обдумалъ планъ и началъ выполнять его спокойно, какъ лѣтопись и уже тогда признавался Жуковскому, что сюжетъ его поэмы огромный и оригинальный. «Какая разнообразная куча—говорилъ онъ. Вся Русь явится въ немъ. Это будетъ первая моя порядочная вещь—вещь, которая вынесетъ мое имя». Поэма, какъ видимъ, разрослась въ нѣсколько мѣсяцевъ, и намѣреніе показать Русь съ одного лишь боку перестало удовлетворять автора. Работа потекла затѣмъ быстро, свѣжо и бодро. Живя за границей, художникъ не переставалъ себя чувствовать

въ Россіи, и передъ нимъ—какъ онъ признавался—было все наше: наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словомъ, вся православная Русь. «Огромно, велико мое твореніе,—говорилъ онъ—и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ, но что жъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. Терпѣнье!» А друзьямъ своимъ онъ рекомендовалъ строгое молчаніе. Онъ хотѣлъ, чтобы только Жуковскій, Пушкинъ да Плетневъ знали, въ чемъ состоитъ сюжетъ «Мертвыхъ Душъ»; для другихъ было довольно одного лишь заглавія (1836) *).

Эта плодотворная и вдохновенная работа получила въ 1837 году совсѣмъ неожиданно особую санкцію. Умеръ Пушкинъ, и Гоголь взглянулъ на свои «Мертвыя Души» какъ на завѣщанное ему сокровище. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ утраты, нашъ авторъ остановился въ раздумьи надъ своимъ трудомъ: ему показалось, что вмѣстѣ съ Пушкинымъ его покинетъ вдохновеніе. Но скоро онъ созналъ свой нравственный долгъ продолжать начатое· «Я долженъ продолжать мною начатой большой трудъ—говорилъ онъ—который писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который (трудъ) обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе. Я дорожу теперь минутами моей жизни, потому что не думаю, чтобъ она была долговѣчна»...И съ этого времени къ его мысли о «Мертвыхъ Душахъ» присоединяется мысль о собственной близкой кончинѣ и опасеніе, что онъ своего великаго труда не окончитъ.

Онъ продолжалъ надъ нимъ работать, но работа теперь (1838—1839) шла туже, чѣмъ раньше, и оживилась только въ 1840 году, послѣ поѣздки Гоголя въ Россію, той самой поѣздки, которую онъ предпринялъ съ такой неохотой. Готовность на трудъ онъ почувствовалъ наканунѣ выѣзда изъ Россіи... и ему показалось, что что-то въ родѣ вдохновенія, давно небывалаго, начало въ немъ шевелиться.

Хоть онъ и очень скучалъ въ Россіи за этотъ пріѣздъ, тяготился родиной и рвался скорѣе назадъ за границу, но, если вѣрить ему, то онъ изъ этого свиданья съ отчизной вынесъ много свѣтлыхъ и радостныхъ впечатлѣній и Россія издалека показалась ему почему-то болѣе милой, чѣмъ раньше. Онъ признавался, что онъ ѣхалъ домой съ затаенной злобной мыслью: въ немъ, какъ ему казалось, начала простывать злость противъ всякаго рода родныхъ плевелъ, злость столь необходимая автору, и онъ надѣялся, что, при свиданіи, онъ къ этимъ роднымъ плевеламъ присмотрится поближе, и сатира его отъ этого выиграетъ. «И вмѣсто этого, что я вывезъ? говорилъ онъ все дурное изгладилось изъ моей памяти, даже прежнее, и вмѣсто этого одно только прекрасное и чистое со мною... Чувство любви къ Россіи, слышу, во мнѣ сильно. Многое, что казалось мнѣ прежде непріятно и невы-

---

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 353, 354, 412, 414, 417.

носимо, теперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, какъ я могъ (все это) когда-либо принимать близко къ сердцу... Теперь я вашъ; Москва моя родина. Все было дивно и мудро расположено Высшею Волею: и мой пріѣздъ въ Москву, и мое нынѣшнее путешествіе въ Римъ—все было благо». И люди, встрѣчавшіе Гоголя въ это время заграницей, говорили что онъ, дѣйствительно, всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ о Россіи, хотя и пріѣзжалъ на родину для того, чтобъ съ ней разсориться *).

Этотъ наплывъ любви къ Россіи, обусловленный, прежде всего, сближеніемъ Гоголя съ кружкомъ Аксакова, гдѣ тогда пробивались первые ростки будущаго славянофильства, не остался безъ вліянія и на ходъ его работы надъ «Мертвыми Душами». Какъ разъ въ это время (1840) принялся онъ писать вторую часть своей поэмы, въ которой положительныя стороны русской жизни должны были ярко проступить наружу. «Я теперь (въ декабрѣ 1840 г.) приготовляю къ совершенной очисткѣ первый томъ «Мертвыхъ душъ»—писалъ онъ С. Аксакову. Перемѣняю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе; между тѣмъ, дальнѣйшее продолженіе его выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣй, и теперь я вижу, что, можетъ быть, современемъ кое-что выйдетъ колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы... Не многіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ...» **) Строки эти были писаны вскорѣ послѣ выздоровленія отъ того сильнаго приступа болѣзни, о которомъ мы говорили выше. Благодарный и религіозно настроенный авторъ убѣдился, что и самъ Господь Богъ взялъ «Мертвыя Души» подъ свое особое покровительство. «Утѣшься!—писалъ онъ въ это время Погодину. Чудно милостивъ и великъ Богъ: я здоровъ. Чувствую даже свѣжесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолженіемъ «Мертвыхъ Душъ». Вижу, что предметъ становится глубже и глубже. Даже собираюсь въ наступающемъ году печатать первый томъ, если только дивной силѣ Бога, воскресившаго меня, будетъ такъ угодно. Многое совершилось во мнѣ въ немногое время» ***).

Такой взглядъ на свое твореніе проникнутый особой религіозностью, начинаетъ быстро укореняться въ художникѣ. Его поэма наполняетъ всю его душу и все шире и шире развертывается передъ нимъ картина русской жизни, которую онъ «призванъ» явить своимъ соотечественникамъ. Онъ въ мечтахъ упреждаетъ дѣйствительность и, еще не открывъ этой картины передъ зрителями, начинаетъ требовать для себя того почета и вниманія, съ какимъ благодарный соотечественникъ долженъ, какъ онъ думаетъ, отнестись къ своему учителю.

*) «Письма Н. В. Гоголя», II, 83, 89, 92, 98.

**) «Письма Н. В. Гоголя», II, 91.

***) «Письма Н. В. Гоголя», II, 94.

Непомѣрно самоувѣренный тонъ начинаетъ звучать въ письмахъ Гоголя, когда ему приходится теперь говорить о своей работѣ. «Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои,—пишетъ онъ Аксакову въ началѣ 1841 г. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета». «Меня теперь нужно лелѣять, не для меня, нѣтъ! Они (т.-е. Щепкинъ и К. Аксаковъ, которыхъ Гоголь вызывалъ къ себѣ за границу, чтобы они пріѣхали за нимъ и отвезли его въ Россію) сдѣлаютъ не безполезное дѣло. Они привезутъ съ собой глиняную вазу. Конечно, эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится; но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище: стало быть, ее нужно беречь». «Клянусь! грѣхъ, сильный грѣхъ, тяжкій грѣхъ отвлекать меня (т.-е. отвлекать его просьбою дать что-нибудь въ журналъ, какъ это сдѣлалъ тогда довольно безцеремонно Погодинъ); только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочнаго» *).

Каковъ же былъ планъ этого великаго труда и что именно въ этомъ планѣ давало художнику право на такія гордыя рѣчи? Гоголь таилъ этотъ планъ про себя и только въ самыхъ общихъ выраженіяхъ говорилъ близкимъ людямъ, что его замыселъ широкъ и глубокъ. Непомѣрно гордыя рѣчи Гоголя, конечно, только сердили этихъ друзей и знакомыхъ; но если бы они знали, какой, дѣйствительно, величественный планъ задумалъ авторъ, то, быть можетъ, они простили бы ему его гордыню, тѣмъ болѣе извинительную, что Гоголь гордился вовсе не какъ художникъ, а какъ человѣкъ, обладающій (такъ, по крайней мѣрѣ, онъ думалъ) нравственной истиной, которую онъ повѣдаетъ ближнимъ, когда окончательно будетъ достоенъ это сдѣлать.

Хотя Гоголь и утаивалъ планъ своей поэмы, но по случайнымъ признаніямъ, намекамъ, откровеннымъ словамъ въ частной бесѣдѣ, по письмамъ и по отрывкамъ второй части его поэмы можно съ достаточной точностью раскрыть его писательскую тайну, — одновременно тайну художника и моралиста.

Какъ долженъ былъ превратиться смѣшной разсказъ въ душеспасительную поэму?—а самъ авторъ понималъ именно въ этомъ смыслѣ конечное назначеніе своей работы. Въ одномъ изъ писемъ, вошедшихъ въ составъ его «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» (оно помѣчено 1846 годомъ) онъ писалъ: «Создалъ меня Богъ и не скрылъ отъ меня назначенія моего. Рожденъ я вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Дѣло мое проще и ближе: дѣло

*) «Письма Н. В. Гоголя», II, 96, 97, 98, 99, 109.

мое есть то, о которомъ, прежде всего, долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое—душа и прочное дѣло жизни. А потому и образъ дѣйствій моихъ долженъ быть проченъ, и сочинять я долженъ прочно». «Мертвыя Души» въ ихъ цѣломъ должны были быть такимъ «прочнымъ» сочиненіемъ, на которое человѣкъ могъ бы опереться въ минуту душевной грозы; изъ которыхъ могъ бы вычитать для себя катехизисъ спасенія. Поэма должна была стать для читателя руководствомъ къ его нравственному возрожденію, будучи въ то же время для самого автора очистительной молитвой послѣ душевнаго и умственнаго просвѣтлѣнія и покаянія въ своихъ собственныхъ грѣхахъ.

Какимъ образомъ такая идея могла, однако, придти автору въ голову?

Гоголь отъ природы былъ натурой сентиментальной и любилъ поучать. Наставническій тонъ попадается, какъ мы помнимъ, еще въ самыхъ раннихъ его письмахъ и свидѣтельствуетъ не только о самомнѣніи мальчика, но и о лирическомъ подъемѣ его души. Этотъ лиризмъ въ чувствахъ и въ мысляхъ прорывался наружу и въ его повѣстяхъ, и рядомъ съ невиннымъ смѣхомъ въ этихъ первыхъ разсказахъ было много грусти о всевозможныхъ печальныхъ сторонахъ жизни. По мѣрѣ того, какъ смѣхъ Гоголя становился серьезнѣе, и писатель проникался мыслью, что онъ призванъ создать нѣчто великое, моральная тенденція естественно стала увлекать его все больше и больше. Послѣ перваго представленія «Ревизора», онъ увидалъ, что, дѣйствительно, обладаетъ способностью нравственнаго воздѣйствія на толпу и тогда же рѣшилъ, что эта сила должна служить великому дѣлу, а не тратиться по мелочамъ. Еще въ самые ранніе годы, когда онъ не сознавалъ этой силы, онъ мечталъ уже о томъ, что непремѣнно свершитъ нѣчто великое, будетъ благодѣтелемъ и просвѣтителемъ ближнихъ и вообще героемъ своей отчизны. Онъ при наивности своей стремился тогда поскорѣй поступить на государственную службу, чтобы быть ближе къ цѣли. И когда всѣ служебные планы рухнули, и мечтатель остался вольнымъ казакомъ при своемъ талантѣ, онъ естественно—продолжая желать для себя великой роли—долженъ былъ возложить всѣ свои надежды на этотъ талантъ и пріискать для него настоящее великое дѣло, т.-е. великій сюжетъ, который оправдалъ бы самомнѣніе писателя и былъ-бы истиннымъ благодѣяніемъ для ближняго.

Такимъ образомъ, анекдотъ долженъ былъ быстро потерять свой смѣшной характеръ и преобразиться въ нѣчто такое, чему самъ авторъ не могъ пока намѣтить границъ и подыскать подходящей рамки. На этомъ сюжетѣ, который позднѣе другихъ пришелъ ему въ голову, Гоголь сталъ теперь сосредоточивать всю силу своего лиризма, въ немъ онъ стремился дать почувствовать всю силу своихъ собственныхъ нравственныхъ убѣжденій и, наконецъ, этотъ же сюжетъ сталъ онъ расширять и углублять, чтобы возвести его на степень того «великаго» сюжета — обработавъ который, онъ могъ-бы сказать себѣ, что

то завѣтное важное дѣло, о которомъ мечталъ съ юности. Само собою разумѣется, что такое перерожденіе простого анекдота въ великій замыселъ происходило медленно и постепенно, и самъ авторъ въ началѣ работы не могъ сказать, въ какомъ именно видѣ онъ ее закончитъ.

Помимо этой *этической* тенденціи, большое вліяніе оказала на поэму и *патріотическая* мысль автора. Патріотизмъ Гоголя возросталъ съ годами и къ тому времени, когда художникъ принялся за работу надъ своей поэмой, любовь писателя къ родинѣ замкнулась въ очень консервативномъ міросозерцаніи, съ ясным религіознымъ оттѣнкомъ. И этотъ патріотизмъ, также какъ и стремленіе наставить ближняго на путь истины, не остановился въ своемъ развитіи, а продолжалъ наростать по мѣрѣ того, какъ авторъ углублялъ и расширялъ свою поэму. Гоголю надлежало въ ней говорить о Россіи и на первыхъ порахъ, какъ юмористъ и сатирикъ, онъ наговорилъ ей много непріятнаго. Еще не думая о продолженіи своей поэмы, онъ съ «одного боку» показалъ свою родину, и притомъ съ самаго непригляднаго. И главный герой, и всѣ, съ кѣмъ онъ встрѣчался, были люди ничтожные. Оставить ихъ таковыми—значило безсердечно и жестоко обойтись съ отчизной, значило умолчать о хорошихъ ея сторонахъ, о всѣхъ русскихъ людяхъ, которые имѣли право на любовь и уваженіе. Гоголь не могъ умолчать о нихъ, въ особенности послѣ «Ревизора», когда ему пришлось выслушать столько обвиненій за умышленное будто бы очерненіе родины. Все повышавшаяся въ немъ любовь къ ней обязывала его въ своей поэмѣ сказать соотечественникамъ слово ободренія, любви и участія. Чѣмъ шире раздвигались рамки поэмы, тѣмъ больше онъ чувствовалъ это обязательство. Гоголь отъ сатиры и смѣха сталъ переходить къ прославленію и умиленію передъ русскими добродѣтелями. Онъ желалъ отвести имъ подобающее мѣсто въ своей поэмѣ, и уже въ первой части «Мертвыхъ Душъ» намекнулъ объ этомъ читателю. Гоголь зналъ, что читатель въ правѣ отъ него потребовать изображенія лицевой стороны русской жизни; и, отвѣчая на это требованіе со стороны, и удовлетворяя собственному чувству патріотизма, художникъ принялся подбирать для своего созданія новые типы и настраивать свою душу на старый восторженный ладъ.

Такъ сказалось на планѣ поэмы *патріотическое* настроеніе писателя.

Не меньшее, если не большее вліяніе оказало на него и настроеніе *религіозное*, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе охватывавшее Гоголя. Мы помнимъ, какъ заграницей возросли въ немъ самомнѣніе, и увѣренность въ особой миссіи, которую ему свершить должно; мы видѣли какъ болѣзнь и выздоровленіе укрѣпили въ немъ вѣру въ Бога и въ особое попеченіе Божіе о немъ и о его трудѣ. Болѣзнь съ годами давала себя чувствовать сильнѣе; наступало и облегченіе, и художникъ только укрѣплялся въ своей надеждѣ на Бога. Его литературная работа возвысилась въ его глазахъ до настоящаго служенія Божеству, и естественно, что на свою жизнь онъ сталъ смотрѣть какъ на труд-

ный подвигъ, которымъ человѣкъ долженъ закалить себя для того, чтобы быть достойнымъ свершить великое дѣло, довѣренное ему Господомъ. Гоголь сталъ готовить себя къ достойному писательству постомъ и молитвой, сталъ «внутренно работать», сталъ преслѣдовать въ себѣ все, что казалось ему грѣхомъ, и всѣ помыслы свои направилъ на нравственное возрожденіе: только съ чистымъ отъ грѣха сердцемъ и съ просвѣтленными помыслами, казалось ему, можетъ онъ выполнить свою миссію. Естественно, что всѣ эти мысли наложили свой отпечатокъ на его поэму. Она должна была быть и урокомъ высшей нравственности для ближняго, и актомъ очищенія отъ собственныхъ грѣховъ. Гоголь самъ признавался, что именно такъ понималъ онъ задачу своего творчества, когда работалъ надъ «Мертвыми Душами». Въ «Письмахъ по поводу «Мертвыхъ Душъ», которыя онъ предалъ гласности въ своихъ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ Друзьями», онъ говорилъ: «и Герои мои потому близки душѣ, что они изъ души: всѣ мои послѣднія сочиненія—исторія моей собственной души... Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу. Онъ поселилъ мнѣ также въ душу, уже отъ рожденія моего, нѣсколько хорошихъ свойствъ; но лучшее изъ нихъ, за которое не умѣю, какъ возблагодарить Его, было желаніе быть лучшимъ. Я не любилъ никогда моихъ дурныхъ качествъ... и по мѣрѣ того, какъ они стали открываться, чуднымъ высшимъ внушеніемъ усиливалось во мнѣ желаніе избавляться отъ нихъ; я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявъ дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобой, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало».

Гоголю на самомъ дѣлѣ стало казаться, что не изъ жизни бралъ онъ своихъ героевъ, а изъ собственной души, и, напечатавъ первую часть своей поэмы, онъ даже упрекалъ себя, что онъ съ ней поторопился онъ думалъ, что герои его не стоятъ еще твердо на той землѣ, на которой имъ быть долженствуетъ, что они еще не отдѣлились вполнѣ отъ него самого и потому не получили настоящей самостоятельности. На вопросъ, почему онъ не выставлялъ читателю явленій утѣшительныхъ и не избиралъ въ герои добродѣтельныхъ людей, онъ отвѣчалъ, что ихъ въ головѣ не выдумаешь: «Пока не станешь самъ, хотя сколько нибудь, на нихъ походить, говорилъ онъ, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ—мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое и, какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды». Такъ сливалось для Гоголя его «дѣло» какъ писателя съ дѣломъ его души. Поэма становилась въ его глазахъ какой-то очистительной жертвой и грѣхи, о которыхъ онъ говорилъ въ ней, требовали искупленія—грѣхи

его героевъ, а потому и грѣхи его собственные. Поэма превращалась въ исторію просвѣтлѣнія грѣшной души и пріобрѣтала мистическій смыслъ— тотъ самый, передъ которымъ Гоголь преклонялся когда читалъ великую средневѣковую поэму Данта *).

Самъ Гоголь хотѣлъ быть этимъ Данте, восходящимъ отъ мрака къ свѣту, изъ ада къ небу, и мысль — увлечь за собой своихъ героевъ, заставить и ихъ путемъ покаянія изъ грѣшныхъ стать, если не святыми, то по крайней мѣрѣ людьми добродѣтельными—могла осѣнить автора—и онъ, дѣйствительно, хотѣлъ осуществить эту мысль въ третьей части своей поэмы. Конечно, и это вторженіе религіозный идеи въ свѣтскій разсказъ свершилось не сразу, но оно началось очень рано.

Итакъ, мы видимъ, что «Мертвыя Души» чуть лиие съ первыхъ дней жизни были поставлены въ совсѣмъ особыя условія развитія. Работа надъ поэмой не была для автора работой закругленной, цѣльной, по вполнѣ обдуманному, законченному плану. Художникъ, когда начиналъ творить, не зналъ, чѣмъ онъ кончитъ, и подвигаясь впередъ въ работѣ, все расширялъ и измѣнялъ первоначальный общій планъ своего творенія. Цѣлыхъ 16 лѣтъ (1835 — 1852) убилъ онъ на его выполненіе, не закончилъ его, и наканунѣ смерти все еще носился съ мыслью объ его продолженіи. За эти шестьнадцать лѣтъ поэма испытала на себѣ вліяніе всѣхъ разнообразныхъ мыслей и настроеній, которыя владѣли тревожной и больной душой писателя, и моральная, религіозная и патріотическая тенденція все болѣе и болѣе подчиняли себѣ художника.

Гоголь предполагалъ создать свою поэму въ трехъ частяхъ. Одну онъ закончилъ и отдѣлалъ, другую набросалъ, о содержаніи третьей успѣлъ только намекнуть при случаѣ. Попытаемся же уловить оттѣнки той основной мысли, которая должна была связывать отдѣльныя части этого грандіознаго замысла. На подробномъ пересказѣ его эпизодовъ и на характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ этой трагикомедіи, едва ли есть необходимость долго останавливаться, такъ какъ съ нашего дѣтства всѣ герои «Мертвыхъ Душъ» стали нашими добрыми знакомыми.

«Вслѣдствіе уже давно принятаго плана «Мертвыхъ Душъ»—писалъ Гоголь какому-то анонимному корреспонденту въ одномъ открытомъ письмѣ 1843 г.,—для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные... Неспрашивай, зачѣмъ первая часть должна быть вся *пошлость*, и зачѣмъ въ ней всѣ лица до единаго должны быть пошлы: на это дадутъ тебѣ отвѣтъ другіе томы...» Когда Гоголь приступалъ къ созданію своей поэмы, онъ, быть можетъ, и не былъ такъ увѣренъ въ томъ, что герои перваго тома «Мертвыхъ Душъ» должны быть ничтожны именно для того, чтобы эта ничтожность объяснилась послѣ, но на самомъ дѣлѣ, дѣйствительно, всѣ дѣйствующія лица первой части поэмы

*) Любопытное сопоставленіе «Божественной Комедіи» съ «Мертвыми Душами» сдѣлано *Алексѣемъ Веселовскимъ* въ его статьѣ «Мертвыя Души». «Этюды и характеристики». Москва. 1894 г., 593—5.

оказались людьми ничтожными. Ничтожность — отличительная черта представителей всѣхъ сословныхъ группъ, выведенныхъ въ этомъ романѣ. Какъ и герои «Ревизора», всѣ они нестолько порочные люди, сколько люди слабые. По мягкосердечію своему сентиментальный авторъ и въ «Мертвыхъ Душахъ» беретъ на себя охотно роль ихъ адвоката передъ читателемъ. Выставляя на показъ всяческую грязь человѣческой души, всевозможные виды глупости и пошлости, нашъ моралистъ спѣшитъ сейчасъ же смягчить это впечатлѣніе какимъ-нибудь нравственнымъ наставленіемъ, которое должно напомнить читателю о милосердіи къ грѣшнымъ и падшимъ.

Кто главное дѣйствующее лицо поэмы? Самъ авторъ признался, что писатели заѣздили добродѣтельнаго человѣка, что пора наконецъ припречь «подлеца», и очевидно, что Павелъ Ивановичъ Чичиковъ—человѣкъ самой сомнительной нравственности, съ очень темнымъ прошлымъ и съ некрасивымъ настоящимъ. Авторъ согласенъ, что это такъ, но онъ не сгущаетъ красокъ; наоборотъ, онъ какъ будто хочетъ сказать, что Павелъ Ивановичъ и не способенъ сдѣлать никакой особенно мерзкой гадости, т.-е. жизни ничьей не разобьетъ умышленно, беззащитнаго и слабаго мучить не станетъ, чужимъ несчастіемъ наслаждаться не будетъ, даже на клевету не пустится, а только приберетъ себѣ все, что лежитъ плохо, и приберетъ съ сознаніемъ, что поступаетъ не хуже многихъ другихъ. Какъ гражданинъ, онъ—мошенникъ въ полномъ смыслѣ слова, какъ личность единичная—онъ самый обыкновенный представитель очень распространенной морали средней руки, морали безнравственной—но жить другимъ не мѣшающей. Авторъ не остановился, однако, на этой безпристрастной характеристикѣ любезнаго и обходительнаго хищника; онъ намъ разсказалъ всю исторію его дѣтства, онъ объяснилъ, какъ и откуда эти хищническіе инстинкты Чичикова зародились, и тѣмъ самымъ заставилъ насъ подумать о томъ, падаетъ ли на Чичикова вся отвѣтственность за его плутни и мошенничества, или часть этой отвѣтственности должно поставить на счетъ среды, въ которой онъ выросъ? Можетъ быть, онъ потому такъ дуренъ, что лучъ добра и свѣта на него не падалъ? А къ такимъ лучамъ онъ былъ воспріимчивъ: недаромъ авторъ такъ подробно описалъ его смущеніе при встрѣчѣ съ губернаторской дочкой. Не любовь постучалась въ его сердце, а именно то томительно-тревожное чувство, которое испываетъ человѣкъ, когда встрѣчается съ другимъ, душевное превосходство котораго надъ собой чувствуетъ. Конечно, всѣ позы Чичикова передъ этой наивной институткой смѣшны и самъ онъ смѣшонъ со своимъ столбнякомъ, но намѣреніе автора было отнюдь не заставить читателя только посмѣяться.

И наконецъ, Гоголь уже прямо спрашивалъ читателя, «да подлецъ ли Чичиковъ? Почему-жъ подлецъ?»—отвѣчалъ онъ. Зачѣмъ же быть такъ строгу къ другимъ? онъ—просто хозяинъ, пріобрѣтатель.

Пріобрѣтеніе—вина всего: изъ-за него произвелись дѣла, которымъ свѣтъ даетъ названіе не очень чистыхъ. Чичиковъ—жертва страсти «и есть страсти, которыхъ избранье не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденія его въ свѣтъ, и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими начертаніями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное, великое поприще суждено совершить имъ, все равно, въ мрачномъ ли образѣ, или пронесшись свѣтлымъ явленіемъ, возрадующимъ міръ, одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И, можетъ быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка передъ мудростью небесъ». Такъ оправдывалъ Гоголь своего героя, давая понять, что этотъ ничтожный человѣкъ въ концѣ поэмы лучше, чѣмъ всякій добродѣтельный, убѣдитъ читателя въ благости Божіей. А на первыхъ порахъ, до разрѣшенія загадки, Гоголь совѣтовалъ читателю оглянуться на самого себя и спросить: «А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова?»

Если для Павла Ивановича могли быть подысканы такія смягчающія вину обстоятельства, то для всѣхъ его знакомыхъ это было еще легче сдѣлать, такъ какъ никакой особенной вины за ними не числилось. Ко всѣмъ къ нимъ авторъ отнесся очень милостиво, и къ дворянамъ болѣе снисходительно, чѣмъ къ чиновникамъ. Конечно, всѣ они опять-таки люди ничтожные, но желчи въ насъ они не возбуждаютъ. Мы смѣемся надъ ними, намъ жаль ихъ, но мы ужились бы съ ними безъ особенныхъ компромиссовъ съ нашей стороны. Что могли бы мы имѣть, напр., противъ Манилова, который былъ человѣкъ «такъ себѣ, ни то, ни сё», довѣрчиваго и добродушнаго Манилова, желающаго всегда во всемъ предполагать лучшее, довольнаго и самимъ собой, и женой, и своими сыновьями, которые такъ преуспѣли въ наукахъ, что знаютъ въ какой странѣ какой городъ лучшій,—очень любезнаго человѣка, который даже кучеру говоритъ «вы», хотя и не знаетъ, сколько у него въ деревнѣ мужиковъ перемерло. Пусть себѣ Маниловъ мечтаетъ о томъ, какъ хорошо было бы жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ черезъ эту рѣку начать строить мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву и тамъ пить вечеромъ чай, на открытомъ воздухѣ и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ и философствовать... Никому отъ этого никакого вреда не будетъ.

Ужились бы мы и съ Собакевичемъ, съ этимъ ругателемъ и кулакомъ, и удивлялъ бы онъ насъ только подчасъ своими животными инстинктами—для ближняго, впрочемъ, совершенно безвредными. Этотъ ближній, находясь въ подчиненіи, конечно могъ страдать отъ сосѣдства Коробочки и Плюшкина, но и Плюшкинъ, и Коробочка все-таки скорѣе

достойны жалости, чѣмъ осужденія. И самъ авторъ, выставляя на показъ всю мелочность ихъ души и все ничтожество ихъ прозябанія — спѣшилъ предостеречь читателя отъ поспѣшнаго суда надъ ними. Онъ познакомилъ насъ съ Плюшкинымъ въ иные, счастливые годы его жизни, и мы поняли, что передъ нами несчастный человѣкъ, отданный въ жертву страсти, съ которой онъ бороться былъ не въ силахъ. Съ сокрушеніемъ говорилъ авторъ о ничтожности, мелочности и гадости, до которой могъ снизойти человѣкъ и, глядя на это извращеніе образа людского, совѣтовалъ намъ, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество брать съ собою въ путь всѣ человѣческія движенія и не оставлять ихъ на дорогѣ. Онъ грозилъ намъ этимъ живымъ мертвецомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ о немъ такъ, что вызывалъ не отвращеніе къ нему, а слезу участія. Когда же онъ замѣчалъ, что мы начинаемъ отъ души смѣяться, напр., надъ Коробочкой и только смѣяться, онъ наводилъ насъ на раздумье вопросомъ: «Да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, зѣвающей за недочитанной книгой, въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита?» И такіе вопросы насъ невольно располагали въ пользу подсудимой. Даже Ноздрева—это сочетаніе безшабашности, плутовства и цинизма—Гоголь представилъ такимъ добродушнымъ и незлонамѣреннымъ, что почти отнялъ у насъ желаніе на него разсердиться.

Такъ милостиво обошелся Гоголь со всѣми людьми, съ которыми свелъ своего героя—людьми свободными, безъ прямыхъ служебныхъ обязанностей. Но къ этимъ же людямъ, состоящимъ на службѣ—къ чиновникамъ онъ отнесся.

Какъ «Ревизоръ», такъ и «Мертвыя Души» не заключали въ себѣ никакого политическаго намека. Ни единымъ словомъ сатира не коснулась высшей власти, болѣе или менѣе полномочной и расправилась только съ чинами низшими.

Во избѣжаніе всякихъ предположеній или мыслей о современности, все дѣйствіе поэмы было перенесено въ предшествующее царствованіе, во времена «вскорѣ послѣ достославнаго изгнанія французовъ»... Эта мистификація, была, конечно, очень наивна, да и не нужна.

Какъ въ «Ревизорѣ», такъ въ поэмѣ прославлялось недремлющее око правительства: только въ «Мертвыхъ Душахъ» оно было повышено нѣсколькими чинами. Въ комедіи трепетъ нагналъ жандармъ, присланный ревизоромъ, въ поэмѣ чиновникамъ издали грозила тѣнь новаго генералъ-губернатора.. По адресу единой и руководящей власти былъ и здѣсь сказанъ очень прозрачный комплиментъ: «Вообще мы какъ-то не создались для представительныхъ засѣданій,—говорилъ Гоголь по поводу собранія испуганныхъ чиновниковъ у полицеймейстера. Во всѣхъ

нашихъ собраніяхъ, начиная отъ крестьянской мірской сходки до всякихъ возможныхъ ученыхъ и прочихъ комитетовъ, если въ нихъ нѣтъ одной главы, управляющей всѣмъ, присутствуетъ препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно, уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобы покутить или пообѣдать, какъ-то: клубы и всякіе вокзалы на нѣмецкую ногу».

Вся поэма въ смыслѣ благонадежности была образцовой и не могла натолкнуть читателя ни на какое раздумье, за исключеніемъ развѣ только многострадальной «повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ», которую цензура никакъ пропустить не рѣшалась и пропустила лишь послѣ значительныхъ уступокъ со стороны автора. Онъ неохотно на нихъ согласился, но въ концѣ концовъ принужденъ былъ понизить чиномъ то высокопоставленное лицо, къ которому Копѣйкинъ—оставившій на полѣ брани руку и ногу—пришелъ за правительственной субсидіей, долженъ былъ подчеркнуть, что гнѣвъ начальника объясняется отчасти легкомысленнымъ пристрастіемъ Копѣйкина къ котлетамъ и инымъ лакомствамъ, и въ особенности вынужденъ былъ смягчить окончаніе повѣсти. Въ первоначальной редакціи этого окончанія разсказывалось, какъ Копѣйкинъ воспользовался совѣтомъ начальства найти самому себѣ средства для пропитанія: неугомонный искатель справедливости набралъ изъ разныхъ бѣглыхъ солдатъ цѣлую банду и сталъ разбойничать въ рязанскихъ лѣсахъ. Совсѣмъ какъ «благородный разбойникъ» стараго типа, Копѣйкинъ не трогалъ добра частнаго и безпощадно грабилъ все казенное—фуражъ, провіантъ и деньги, и обложилъ въ свою пользу даже крестьянъ, отбирая у нихъ всѣ казенные оброки. Похожденія ретиваго капитана этимъ, однако, не кончились. Копѣйкинъ, заваривъ всю эту кашу, бѣжалъ въ Соединенные Штаты и оттуда написалъ письмо къ самому государю, письмо, въ которомъ объяснялъ ему, какъ изъ защитника отечества онъ превратился въ разбойника. Попутно Копѣйкинъ давалъ царю совѣтъ, устроить за ранеными «примѣромъ эдакое смотрѣніе...» чтобы избѣжать повторенія подобныхъ непріятностей. Царь былъ великодушенъ, простилъ виновнаго, банду его не преслѣдовалъ и позаботился объ основаніи инвалиднаго капитала... Цензура не могла, конечно, согласиться на оглашеніе переписки Копѣйкина съ государемъ и весь этотъ юмористическій—но въ сущности очень серьезный—конецъ повѣсти напечатанъ не былъ. И эта повѣсть была единственнымъ намекомъ, который Гоголь себѣ позволилъ по адресу полномочной власти. Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ набрасывался на ея выполнителей, размѣряя и въ этомъ случаѣ силу своихъ ударовъ по табели о рангахъ. Чѣмъ выше былъ чиновникъ, тѣмъ мягче говорилъ о немъ авторъ, движимый, конечно, не желаніемъ сказать власти что-нибудь лестное, а руководясь соображеніемъ, что чѣмъ интеллигентнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ долженъ быть и болѣе нравственнымъ.

Такимъ образомъ, въ «Мертвыхъ Душахъ», не говоря уже о гене-

ралъ-губернаторѣ, и губернаторъ и высшіе чиновники оказались лицами и достаточно порядочными, и милыми, только съ нѣкоторыми странностями. Губернаторъ, большой добрякъ, любившій вышивать, напр., по тюлю и очень искусно дѣлавшій кошельки, въ общемъ, былъ человѣкъ очень пріятный и обходительный. Такимъ же добродушіемъ отличался и вице-губернаторъ, и предсѣдатель палаты, и прокуроръ. Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ полицеймейстеромъ, который, кажется, былъ сродни городничему Сквознику-Дмухановскому, такъ какъ проходя мимо рыбнаго ряда и погребовъ мигалъ очень значительно; когда хотѣлъ полакомиться, звалъ квартальнаго и шепталъ ему что то на ухо, послѣ чего столъ его заполнялся всякой закуской; но въ сущности и полицеймейстеръ былъ человѣкъ очень милый и жилъ онъ среди гражданъ, какъ въ родной семьѣ, навѣдываясь въ гостинный дворъ, какъ въ собственную кладовую, но пользуясь всеобщей любовью за то, что онъ не былъ гордъ и не давалъ грубо чувствовать своей власти.

Вся эта милая чиновничья компанія едва ли могла очень опечалить моралиста и онъ могъ себя почувствовать, какъ говоритъ авторъ, совсѣмъ семейственно среди предсѣдателя палаты, который зажмуривъ глаза, декламировалъ «Людмилу» Жуковскаго, почтмейстера, вдававшагося въ философію и читавшаго прилежно по ночамъ Юнговы «Ночи» и прокурора, человѣка необычайно нѣжной и робкой организаціи, который способенъ былъ даже умереть отъ скандала.

Картина рѣзко мѣняется, когда изъ этихъ круговъ относительно высокой уѣздной бюрократіи мы спускаемся въ сферы низшія и входимъ вмѣстѣ съ Чичиковымъ въ присутственныя мѣста, населенныя мелкими чиновниками. Здѣсь мы въ царствѣ бумаги, черновой и бѣлой, на которой творятся разныя беззаконія. Бесѣдуемъ мы съ Иваномъ Антоновичемъ Кувшиннымъ рыломъ, которой книгой прикрываетъ положенную ему подъ носъ ассигнацію, присутствуемъ при подборѣ свидѣтелей, которые набираются тутъ же изъ палатскихъ чиновниковъ, частью полуграмотныхъ; видимъ, какъ вся мошенническая продѣлка Чичикова получаетъ санкцію закона, причемъ изъ любезности даже законныя деньги не взыскиваются съ Чичикова, а неизвѣстно какимъ образомъ относятся на счетъ какого-то другого просителя... однимъ словомъ, мы попадаемъ въ общество мелкихъ плутовъ, уже не сентименталистовъ, какъ большинство ихъ начальниковъ, а людей съ очень утилитарнымъ складомъ ума.

Спустимся еще ниже, изъ города переѣдемъ въ уѣздъ, и мы столкнемся уже съ настоящимъ негодяемъ, хоть, напр., съ засѣдателемъ Дробяжкинымъ, который, имѣя сердце весьма нѣжное и блудливое, наѣзжалъ на деревню и, въ качествѣ земской полиціи, проносился по нимъ, какъ повальная горячка, за что мужиками и былъ снесенъ съ лица земли.

Эта страничка, повѣствующаяя о подвигахъ земской полиціи—самая дерзкая страница въ «Мертвыхъ Душахъ», единственная, про которорую

можно сказать, что она историческій документъ, безъ комментарія автора. Во всѣхъ другихъ случаяхъ Гоголь, какъ мы видѣли, смягчалъ впечатлѣнія той мрачной картины людского ничтожества, которую вырисовывалъ.

Какъ видимъ, первая часть «Мертвыхъ Душъ»—дѣйствительно, эпопея людского ничтожества. Ничтоженъ и хищникъ-пріобрѣтатель, ничтожно все городское общество, мужское и женское,—это царство мелкихъ интересовъ, безпринципнаго добродушія, умственной ограниченности, царство пересудъ и сплетенъ; ничтожно и уѣздное дворянство съ его маниловщиной, кулачествомъ Собакевича, безшабашнымъ разгуломъ Ноздрева или скаредничествомъ Плюшкина или Коробочки.

Характернѣе всего то, что въ «Мертвыхъ Душахъ» и крестьянство, о которомъ авторъ вообще говорилъ очень кратко и лишь при случаѣ, изображено преимущественно со своей невзрачной, ничтожной стороны. Мужикъ въ этой поэмѣ ни пороченъ, ни добродѣтеленъ, ни золъ, ни добръ, а именно ничтоженъ, ограниченъ и тупъ. Авторъ не желалъ ни прославлять его ума и качествъ его сердца, какъ это дѣлали многіе современные Гоголю писатели, сентименталисты и романтики; онъ не хотѣлъ и говорить о немъ дурно, какъ сталъ бы говорить сатирикъ, который хочетъ направить вниманіе читателя на пороки и грѣхи низшей братіи, въ надеждѣ, что онъ надъ ними задумается.

Что авторъ сердечно отнесся къ судьбѣ этой низшей братіи—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Достаточно прочитать только размышленія Чичикова по поводу списка купленныхъ имъ мертвыхъ душъ, чтобы убѣдиться, какъ фантазія писателя умѣла себѣ живо представлять судьбу всѣхъ этихъ несчастныхъ, которымъ послѣ ихъ смерти ихъ хозяева выдали столь лестные аттестаты. Конечно, это размышленія не Чичикова, а самого Гоголя... столько въ нихъ лиризма, и чувства, и состраданія ко всѣмъ этимъ крѣпостнымъ столярамъ, плотникамъ, сапожникамъ, для которыхъ жизнь была мачихой, которые молчаливо терпѣли и умирали или, не вытерпѣвъ, бѣжали и гуляютъ по лѣсамъ, сидятъ по тюрьмамъ или по этапу путешествуютъ изъ Царево-Кокшайска въ Весьегонскъ. Не малое знаніе народной жизни обнаружилъ Гоголь въ этихъ размышленіяхъ и не мало любви и состраданія проявилъ онъ и при другихъ случахъ, когда напр. разсказывалъ о томъ, какъ Коробочка продавала своихъ дѣвокъ или когда рисовалъ картину крестьянской нищеты въ усадьбѣ Плюшкина—и все-таки, когда ему приходилось рисовать съ этихъ крестьянъ этюды, какіе ничтожные бралъ онъ оригиналы! Въ спутники своему герою онъ далъ друхъ придурковатыхъ крѣпостныхъ—Петрушку и Селифана—двухъ добряковъ, съ необычайно тупымъ мозгомъ... И всякій разъ, когда Чичиковъ на своемъ пути встрѣчался съ мужиками, онъ, кромѣ безтолковыхъ рѣчей дяди Митяя и дяди Миняя, ничего не слышалъ. Во всей поэмѣ не было

ни одной страницы, на которой бы нашъ мужикъ показалъ прирожденный ему умъ и смекалку и порадовалъ бы насъ тѣми качествами души, о которыхъ издавна и, конечно не безъ основанія, любили говорить наши патріоты. Но Гоголь пока умалчивалъ объ этихъ качествахъ.

И вотъ въ этой поэмѣ, въ которой такъ неприглядно была обрисована наша жизнь; въ разсказѣ, гдѣ среди толпы ничтожныхъ людей не попадался ни одинъ человѣкъ достойный уваженія и любви; въ этомъ мастерски сказанномъ словѣ обличенія всяческой пошлости, царящей во всѣхъ классахъ—читатель вдругъ наталкивался на странныя, непонятныя рѣчи автора. Эти рѣчи дышали высокимъ лиризмомъ, самымъ восторженымъ патріотическимъ чувствомъ, повидимому—ничѣмъ не оправданнымъ...

Обрывая нить своего разсказа, авторъ напр., восклицалъ: «Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдно, разбросано и непріютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства,—города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто - пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города: ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Чтó въ ней, въ этой пѣснѣ? Чтó зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!»

Но этой рѣчи съ намеками, въ которой смѣшались грусть и

радость, признаніе невеселаго настоящаго и надежда на великое будущее, автору показалось мало. Онъ хотѣлъ яснѣе оттѣнить свою патріотическую мысль, и въ концѣ поэмы, разсказывая какъ Чичиковъ въ бричкѣ, подлетывая на кожаной подушкѣ, мчался по дорогѣ, онъ вдругъ заговорилъ о своей собственной страсти къ быстрой ѣздѣ и, пользуясь этимъ случаемъ, обратился къ родинѣ съ такимъ восклицаніемъ:

«Не такъ ли ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади! Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, — что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню — дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда-жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства».

Всякій прочитавшій поэму могъ спросить, чѣмъ такое окончаніе оправдывается и какъ связать общую и сѣрую картину нашей жизни съ такими радужными надеждами и такимъ восторгомъ? Неужели Гоголь забылъ, что въ этой хваленой тройкѣ пока возсѣдалъ лишь Павелъ Ивановичъ Чичиковъ?

Но нашъ авторъ зналъ, что онъ говорилъ: въ его головѣ давно уже было готово продолженіе поэмы и эти лирическія мѣста относились не къ тому, что онъ успѣлъ сказать, а къ тому, что онъ думалъ сказать въ будущемъ. На эти «грядущія рѣчи» онъ уже успѣлъ и намекнуть въ своей поэмѣ, намекнуть вскользь, не желая открывать своей тайны. Читатель, который съ интересомъ слѣдилъ за развитіемъ разсказа, легко могъ просмотрѣть эти намеки, и тогда лирическія мѣста должны были поразить его своей непослѣдовательностью. А намеки были очень прозрачные.

Оправдываясь передъ читателемъ въ выборѣ своего прозаическаго сюжета, завидуя тому писателю, который говоритъ о великихъ достоинствахъ человѣка, который не измѣняетъ возвышеннаго строя своей лиры и не спускается со своей вершины къ бѣднымъ ничтожнымъ своимъ собратьямъ—Гоголь писалъ:

«Не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ

нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ навстрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченіемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяньи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта; безъ раздѣленія, безъ отвѣта, безъ участія, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудною властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и блистаніе главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей...»

Авторъ даже намекнулъ, о комъ будутъ гремѣть эти другія рѣчи: «Можетъ быть, въ сей самой повѣсти,—говорилъ онъ,—почуются иныя еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ...»

Когда онъ писалъ эти строки, его надежды частью уже успѣли осуществиться. Прежде чѣмъ эти обѣщанія были напечатаны, нѣсколько главъ второй части «Мертвыхъ Душъ» были имъ уже написаны.

Героемъ этой второй части поэмы остался все тотъ же Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, такой же мошенникъ, какимъ онъ былъ и въ первой. Но только надлежащее возмездіе покарало теперь его плутни. Онъ не избѣгъ справедливаго суда, какъ прежде, когда, скупивъ мертвыя души, онъ сѣлъ въ бричку и уѣхалъ. Правда, и преступленіе его теперь было болѣе тяжкое: изъ хищника-пріобрѣтателя онъ сталъ поддѣлывате-

телемъ документовъ; и за одну такую поддѣлку духовнаго завѣщанія попалъ онъ теперь въ тюрьму, переживъ одинъ изъ самыхъ унизительныхъ моментовъ своей жизни, когда ему пришлось на колѣняхъ обнимать сапоги величественнаго генералъ-губернатора—отца всѣхъ обиженныхъ и грозы всѣхъ преступныхъ, владыки строгаго, но милосерднаго, въ которомъ Гоголь хотѣлъ воплотить торжество гуманной власти. И эта власть не сгноила Чичикова въ тюрьмѣ, и въ Сибирь его также не сослала. Вопреки всѣмъ законамъ, она и на этотъ разъ позволила ему сѣсть въ бричку и уѣхать, потому что авторъ имѣлъ на него свои виды. Авторъ замѣтилъ въ своемъ ничтожномъ и преступномъ героѣ способность къ раскаянію и нравственному возрожденію, и хотѣлъ этимъ воспользоваться. «Вѣдь если бы съ этакой волей и настойчивостью да на доброе дѣло!—говорилъ глядя съ укоризной и печалью на Чичикова благороднѣйшій милліонеръ Муразовъ, выхлопотавшій ему прощеніе у генералъ-губернатора? И этотъ резонеръ, олицетвореніе добродѣтельной и благомыслящей финансовой силы взялъ на себя неблагодарную роль духовника Павла Ивановича, и сталъ направлять его на доброе дѣло. Не о мертвыхъ душахъ долженъ онъ подумать, а о своей бѣдной душѣ, не объ имуществѣ, которое могутъ у него конфисковать, а о томъ, котораго никто не можетъ ни украсть, ни отнять... и Чичиковъ, слушая эти рѣчи, задумался. Что-то странное, какіе-то невѣдомыя дотолѣ, незнаемыя чувства, ему самому необъяснимыя, пришли къ нему: какъ будто хотѣло въ немъ что-то пробудиться, что-то подавленное изъ дѣтства суровымъ, мертвымъ поученіемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣтства, пустынностью роднаго жилища, безсемейнымъ одиночествомъ, нищетой и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній... «Нѣтъ! полно, — сказалъ себѣ Павелъ Ивановичъ, — пора начать другую жизнь. Пора въ самомъ дѣлѣ сдѣлаться порядочнымъ». Такъ каялся Чичиковъ, но онъ былъ еще далекъ отъ цѣли. Онъ вышелъ на свободу все-таки съ не совсѣмъ чистыми помыслами. Отъ пріобрѣтенія новыхъ мертвыхъ душъ онъ отказался, но отъ мысли заложить уже купленныя пока не отрекся Заложу, говорилъ онъ, чтобы купить на деньги помѣстье, сдѣлаюсь помѣщикомъ, потому что здѣсь можно сдѣлать много хорошаго», и эти благіе планы, кажется, и должны были осуществиться въ дальнѣйшемъ продолженіи поэмы.

Если главный герой сохранилъ во второй части «Мертвыхъ Душъ» свою порочную и ничтожную душу, то помыслы и сердце людей его окружавшихъ значительно просвѣтлѣли. Изъ круга людей ничтожныхъ мы во второй части поэмы попадаемъ въ общество людей гораздо болѣе порядочныхъ и съ болѣе сложнымъ духовнымъ содержаніемъ. Среди этихъ новыхъ лицъ, съ которыми мы знакомимся, встрѣчаются конечно, и люди умственно и душевно убогіе: какой-нибудь Пѣтухъ, у котораго вся душа ушла въ желудокъ, или сонный и лишенный воли Платонъ Михайловичъ, который никогда не зналъ ни страсти, ни печали

*

ни потрясенія, или, наконецъ, полоумный Кошкаревъ, съ его «главной счетной экспедиціей» и «школой нормальнаго просвѣщенія поселянъ», тотъ самый Кошкаревъ, который хотѣлъ чтобы крестьянинъ, идя за плугомъ, могъ читать въ то же время книгу о громовыхъ отводахъ, который думалъ, что если одѣть всѣхъ въ нѣмецкое платье, то науки возвысятся, торговля подымется и золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи. Но не эти лица стоятъ во второй части поэмы на первомъ планѣ. Есть много другихъ, на которыхъ авторъ сосредоточилъ преимущественно свою любовь и вниманіе. Между ними и дѣйствующими лицами первой части поэмы можно подмѣтить извѣстное сходство и кажется иногда, что эти люди, съ которыми Чичиковъ теперь столкнулся—тѣ же его старые знакомые, но только съ душой болѣе сложной и съ умомъ болѣе развитымъ *).

Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни относились къ этимъ новымъ лицамъ, мы подмѣтимъ въ нихъ духовныя стремленія и потребности, которыхъ совсѣмъ не было у героевъ прежнихъ. Присутствіе этихъ стремленій замѣтно и въ Тентетниковѣ, этомъ прообразѣ Обломова, Смѣшонъ онъ со своимъ сочиненіемъ, которое должно обнять всю Россію со всѣхъ точекъ,—гражданской, политической, религіозной и философической. Но въ душѣ этого «коптителя неба» осталась закваска идеализма, сохраненнаго имъ съ того времени, когда онъ такъ благородно понималъ свою задачу помѣщика, когда онъ бросилъ службу, чтобы работать на пользу ввѣренныхъ ему людей. У него и теперь, при полной бездѣятельности и лѣни, остался этотъ гуманный взглядъ на ближняго. и какъ помѣщикъ, онъ баринъ добрый—хотя и безполезно живущій на свѣтѣ, безъ всякой выгоды и пользы для себя, но и безъ ущерба для тѣхъ, кто отъ него зависитъ. Его облѣнившаяся и апатичная душа доступна и теперь хорошимъ и тонкимъ чувствамъ взять хотя бы тѣ минуты, когда ему на память приходитъ его старый учитель Александръ Петровичъ, этотъ «необыкновенный наставникъ, который имѣлъ нѣкогда такое высокое нравственное вліяніе на души всѣхъ своихъ учениковъ, человѣкъ одаренный способностью читать съ чужомъ сердцѣ и вселять ему бодрость».

Нельзя отказать въ симпатіи и промотавшемуся Хлобуеву. «Свиньей себя веду, просто свиньей,—говоритъ этотъ кающійся грѣшникъ, у котораго на рукахъ цѣлая семья и разоренное въ конецъ имѣнье. «Не гожусь я теперь никуда,—разсуждаетъ онъ,—ни на какую должность. Что разорять казну! И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки

*) Остроумное сопоставленіе нѣкоторыхъ типовъ первой и второй части «Мертвыхъ Душъ» (Манилова и Тентентникова, Собакевича и Скудронжогло) смр. въ статьѣ *Алексѣя Веселовскаго*, «Мертвыя Души», «Этюды и характеристики», 596—8.

мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе!» Нельзя не подивиться такой образцовой честности прокутившагося человѣка, который даже упрашиваетъ чужихъ людей скорѣй отобрать у него имѣнье, чтобы его безпорядочность въ конецъ не развратила крестьянъ, и который кончаетъ тѣмъ, что, поднявъ свою всегда понурую голову и расправивъ спину, надѣвать простую сибирку и на простой тележкѣ отправляется по городамъ и деревнямъ собирать на построеніе храма. Читателя коробитъ слегка отъ такого прянаго смиренія и такой неожиданной религіозности, но онъ опять долженъ согласиться, что и этотъ человѣкъ не утонулъ въ житей- ской тинѣ, пока самъ помышляетъ о новой жизни.

О возможности такой новой жизни для всѣхъ порочныхъ, слабыхъ и ничтожныхъ и хотѣлъ говорить Гоголь. И онъ не могъ не отвѣтить на весьма естественный вопросъ, который навязывался читателю общимъ тономъ всей этой картины. Читатель могъ спросить, въ чемъ же должна заключаться эта новая жизнь и что именно должны дѣлать эти возродившіеся люди. Появленіе положительныхъ типовъ въ разсказѣ становилось неизбѣжно. Авторъ и нарисовалъ бѣгло два такихъ типа: одинъ былъ мужской, другой женскій. Одинъ долженъ былъ выражать торжество мужского ума, другой побѣду женской красоты и нѣжности.

Константинъ Ѳедоровичъ Скудронжогло—или, какъ онъ назывался позднѣе, Констанджогло—едва-ли привлечетъ теперь наши симпатіи, но Гоголь любилъ его, вѣроятно, по контрасту съ самимъ собою, какъ это иногда бываетъ въ жизни. Утилитаристъ и практикъ, нрава довольно строгаго и даже суроваго, человѣкъ все измѣряющій аршиномъ чистаго дохода и пользы, Скудронжогло совсѣмъ не годился бы въ герои и не могъ бы при случаѣ «сіять, какъ царь въ день торжественнаго своего вѣнчанія», если бы его практичность шла только ему одному на пользу. И авторъ понималъ значительно шире общественное призваніе такого практика-дѣльца. Въ его описаніи онъ вышелъ заботливымъ, хотя и строгимъ опекуномъ низшей братіи. Въ своемъ обращеніи съ ней онъ былъ большой консерваторъ, даже суровый консерваторъ: онъ возставалъ напр. противъ устройства богоугодныхъ заведеній; онъ видѣлъ въ нихъ лишь средство, чтобы оторвать мужика отъ христіанскаго долга. «Помоги,—говорилъ онъ,—сыну пригрѣть у себя больного отца, а не давай ему возможности сбросить его съ плечъ своихъ». Онъ высказывался рѣшительно и противъ школъ, мотивируя это тѣмъ, что писарь въ деревнѣ нуженъ одинъ, а остальныя дѣти должны помогать отцамъ на работѣ. «У тебя крестьяне затѣмъ,—разсуждалъ онъ,—чтобъ ты имъ покровительствовалъ въ ихъ крестьянскомъ быту. Въ чемъ же бытъ? въ чемъ же занятія крестьянина?—Въ хлѣбопашествѣ. Такъ старайся, чтобы онъ былъ хорошимъ хлѣбопашцемъ». И авторъ хотѣлъ увѣрить насъ, что съ этой нехитрой мудростью его мудрецъ добился большихъ результатовъ. «Все въ его деревняхъ было богато: торныя улицы, крѣпкія избы; рогатый скотъ

такъ на отборъ, даже мужичья свинья глядѣла дворяниномъ; и мужики его гребли, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой». Такой блаженной идилліей тѣшилъ свою фантазію Гоголь, желая купить какое процвѣтаніе по цѣнѣ невозможно дешевой, безъ всякихъ излишнихъ нововведеній и заморскихъ хитростей. Мораль трезваго благомыслящаго и практическаго ума—вотъ что повидимому совѣтовалъ Гоголь усвоить мужчинѣ, когда съ такимъ паѳосомъ говорилъ объ этомъ уже не хищномъ пріобрѣтателѣ.

Прозаическую односторонность такого положительнаго типа Гоголь попытался восполнить другимъ идеальнымъ женскимъ типомъ, о которомъ издавна грезилъ. Эта было та пресловутая чудная дѣвица, появленіе которой онъ обѣщалъ читателямъ въ первой части своей поэмы. И авторъ не поскупился на романтическія сравненія и краски для характеристики своей Улиньки. «Она была существо невиданное, странное, которую скорѣй можно было почесть какимъ-то фантастическимъ видѣніемъ, чѣмъ женщиной. Иногда случается человѣку во снѣ увидѣть что-то подобное, и съ тѣхъ поръ онъ уже всю жизнь свою грезитъ этимъ сновидѣніемъ. Она была миловиднѣе, чѣмъ красавица; лучше, чѣмъ умъ, стройнѣй и воздушнѣй классической женщины. Какъ въ ребенкѣ, воспитанномъ на свободѣ, въ ней было все своенравно. Гнѣвъ бывалъ у нея только тогда, когда она слышала о какой-бы то нибыло несправедливости или жестокомъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вслѣдъ за мыслью: выраженіе лица, выраженіе разговора, движеніе рукъ; самыя складки платья какъ бы летѣли въ ту же сторону, и казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ вслѣдъ за собственными ея словами... При ней какъ-то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ, а добрый, даже самый застѣнчивый, могъ разговориться съ ней вдругъ, какъ съ сестрой, и—странный обманъ!—съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ-то и когда-то онъ зналъ ея, что случилось это во дни какого-то незапамятнаго младенчества, въ какомъ-то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы, и послѣ того какъ становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка»... Такой свѣтлый образъ появился теперь передъ нами, какъ-бы исполняя то обѣщаніе, которое авторъ давалъ раньше, когда на губернаторскомъ балу заставилъ Чичикова растеряться передъ прекрасной институткой. Взамѣнъ Коробочки, Ѳеодуліи Ивановны, всякихъ дамъ, пріятныхъ въ разныхъ отношеніяхъ, появлялась теперь, какъ думалъ Гоголь,—истинно русская женщина. Авторъ не замѣтилъ, что у ней были всѣ добродѣтели и только одинъ недостатокъ, а именно — она была мертвая. Но во всякомъ случаѣ, стремленіе автора замѣнить сѣрыя краски первой части поэмы болѣе свѣтлыми—сказалось всего яснѣе на созданіи такого воздушнаго образа.

Это стремленіе оставило свой слѣдъ и на жанровыхъ картинкахъ изъ крестьянской жизни... Въ первой части онѣ были непригляды; теперь

значительно повеселѣли. Правда, строгая опека надъ мужикомъ была попрежнему признана необходимой; надо было смотрѣть во всѣ глаза за простымъ человѣкомъ, чтобы онъ не сдѣлался пьяницей и негодяемъ. Надо было зорко смотрѣть за нимъ потому, что между мужиками какъ утверждалъ авторъ—завелось теперь много всякой мерзости. Смущаютъ ихъ разные раскольники и бродяги, возстановляютъ противъ властей, а притѣсненному человѣку возстать легко. «Развѣ трудно подстрекнуть человѣка, который точно терпитъ?—говорилъ Гоголь устами благомыслящаго Муразова. Да дѣло въ томъ, что не снизу должна начинаться расправа. Дѣло плохо, когда пойдутъ на кулаки: ужъ тутъ никакого толку не будетъ—только ворамъ пожива. Утѣшайте крестьянъ словомъ и получше толкуйте имъ то, что Богъ велитъ переносить безропотно, и молиться въ это время, когда несчастливъ, а не буйствовать и расправляться самому. Говорите имъ, никого не возбуждая ни противъ кого, а всѣхъ примиряя». Эти сентиментальные совѣты авторъ не оставлялъ, однако, безъ поправки, настойчиво совѣтуя помѣщику заботиться о благосостояніи крестьянъ и при случаѣ рисуя разныя идилліи, въ которыхъ описывалось, какъ веселились сытые и довольные крестьяне, съ какой бодростью они трудились, и какъ нѣжно выражали барину чувства своей привязанности...

Столько консервативно-мирныхъ лучей заставилъ авторъ упасть на ту сѣрую картину русской жизни, которую набросалъ раньше. И помѣщикамъ, и крестьянамъ пророчилъ онъ свѣтлую будущность. Въ раздачѣ этихъ обѣщаній обдѣлилъ онъ снова однихъ только чиновниковъ, т.-е. опять не высшихъ, а низшихъ. Про нихъ разсказалъ онъ и во второй части «Мертвыхъ Душъ» много некрасиваго.

Лжесвидѣтельства, доносы, поддѣлка документовъ, наглый обманъ съ переодѣваніемъ, насиліе—все поставилъ онъ имъ въ счетъ, и несчастный генералъ-губернаторъ, глядя на нихъ, долженъ былъ воскликнуть: «Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго, всѣ—мерзавцы». Гоголю стало, однако, жаль добродѣтельнаго начальника и ему въ утѣшеніе онъ попытался набросать тутъ же силуэтъ какого-то молодого человѣка,—на лицѣ котораго изображались трудъ и забота, который, не сгорая ни честолюбіемъ, ни желаніемъ прибытковъ, ни подражаніемъ другимъ, служилъ только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь...

Такова была въ общихъ чертахъ тенденція, какую приводилъ нашъ моралистъ во второй части своей поэмы. Она должна была смягчить впечатлѣніе первой части и укрѣпить въ читателѣ его любовь къ многогрѣшной родинѣ. Авторъ имѣлъ теперь больше права выставлять на показъ свой патріотизмъ, и вся эта исторія возрожденія грѣшниковъ и должна была быть сведена въ концѣ концовъ къ прославленію русской натуры. «У русскаго человѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, все-таки чувство справедливо, говорилъ Гоголь,... и нигдѣ въ другихъ

земляхъ не трепещетъ такъ возвышенно пылко молодое сердце, какъ въ Россія!»

«Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово: «впередъ!»; кто, зная всѣ силы и свойства, и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеніемъ могъ бы устремить на высокую жизнь русскаго человѣка?»—спрашивалъ писатель, имѣя уже наготовѣ про себя тайный горделивый отвѣтъ.

Его поэма должна была заключать въ себѣ этотъ призывъ ободренія, это давно желанное слово «впередъ!»—и потому, конечно, она не могла оборваться на тѣхъ моментахъ въ жизни героевъ, о которыхъ авторъ теперь разсказывалъ. Если эта вторая часть поэмы была необходима, какъ пояснительное и умиротворяющее продолженіе первой, то она сама требовала также продолженія. Нельзя было покинуть этихъ людей, когда они находились на пути къ обновленію. Нужно было пройти съ ними весь этотъ путь и оставить ихъ, если не среди новаго дѣла, то, по крайней мѣрѣ, въ преддверіи его. Слишкомъ еще мало было въ поэмѣ свѣта и добра, чтобы она могла соотвѣтствовать своему назначенію, т.-е. служить руководствомъ къ нравственному перевоспитанію читателя и свидѣтельствомъ нравственнаго же усовершенствованія автора. Нужна была третья часть, которая относилась бы къ первой, какъ рай относится къ аду, свѣтъ къ тѣни, добродѣтель къ пороку. Все, на что способно было «справедливое русское чувство», все должно было одѣться въ плоть и кровь и только тогда религіозная, патріотическая и нравственная идея автора нашла бы себѣ полное обнаруженіе и воплощеніе.

И Гоголь думалъ объ этой третьей части «Мертвыхъ Душъ», думалъ, можетъ быть, въ то же самое время, когда отдѣлывалъ первую и набрасывалъ вторую.

О планѣ и о содержаніи этой третьей части почти ничего неизвѣстно. Есть только указанія, что въ ней должны были вновь появиться нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ первой части, въ томъ числѣ и Плюшкинъ, но не затѣмъ, чтобы заставить читателя содрогнуться при мысли о ближнемъ, а, наоборотъ, затѣмъ, чтобы укрѣпить въ немъ вѣру въ человѣка. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ оставался попрежнему героемъ поэмы и ему предназначалась особенно важная роль, если вѣрить показанію одного изъ друзей Гоголя. «Помнится—разсказываетъ архимандритъ Θеодоръ, съ которымъ Гоголь въ послѣдніе годы своей жизни сблизился *),—помнится, когда коечто прочиталъ я Гоголю изъ моего разбора «Мертвыхъ Душъ», желая только познакомить его съ моимъ способомъ разсмотрѣнія этой поэмы, то я его прямо спросилъ, чѣмъ именно должна кончиться эта поэма. Онъ, задумавшись, выразилъ свое затрудненіе высказать это

---

*) «Три письма къ Н. В. Гоголю, писанныя въ 1848 году», Спб., 1860, 138.

съ обстоятельностью. Я возразилъ, что мнѣ только нужно знать, оживетъ ли, какъ слѣдуетъ, Павелъ Ивановичъ? Гоголь, какъ будто съ радостью, подтвердилъ, что это непремѣнно будетъ и оживленію его послужитъ прямымъ участіемъ самъ царь и первымъ вздохомъ Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма. «А прочіе спутники Чичикова?—спросилъ я Гоголя. И они тоже воскреснутъ?» *)— «Если захотятъ», отвѣтилъ онъ съ улыбкою и потомъ сталъ говорить, какъ необходимо далѣе привести ему своихъ героевъ въ столкновеніе съ истинно хорошими людьми».

Найти этихъ истинно хорошихъ людей было, конечно, не трудно, и, вѣроятно, Гоголь имѣлъ ихъ на примѣтѣ, но только воплотить ихъ въ образахъ онъ былъ уже не въ состояніи. Одиннадцать лѣтъ промучился онъ (1840—1852), присочиняя продолженіе для первой части своей поэмы, все раздвигая и расширяя ея рамки и, наконецъ, сжегъ все, что успѣлъ написать, признавъ, что написанное не соотвѣтствуетъ своему великому назначенію. Онъ разочаровался въ своихъ силахъ и какъ моралистъ, и какъ художникъ. Какъ моралистъ, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что его поэма «не указываетъ для всякаго путей и дорогъ къ высокому и прекрасному», т.-е., что она не творитъ чуда; какъ художникъ, онъ приходилъ въ отчаяніе оттого, что талантъ его ослабѣвалъ съ каждымъ годомъ, что въ картинѣ его не было жизни, что лица выходили блѣдныя и становились въ неестественныя положенія... И онъ былъ правъ, осуждая свое твореніе: талантъ бытописателя угасалъ подъ сильнымъ давленіемъ до болѣзненности разросшагося романтическаго настроенія его души, которое начинало питаться теперь не впечатлѣніями настоящаго, а туманными чаяніями грядущаго.

Но въ серединѣ тридцатыхъ годовъ, когда Гоголь заграницей дописывалъ первую часть «Мертвыхъ Душъ», онъ не догадывался о возможности такихъ мученій. Талантъ его былъ въ полномъ цвѣту, надеждъ много, грандіозное продолженіе поэмы рисовалось его воображенію ясно, онъ думалъ, что, какъ художникъ и моралистъ, онъ осилитъ всѣ трудности,— и, бодрый, возвращался онъ на родину, осенью 1841 года, за тѣмъ, чтобы приступить къ печатанію первыхъ «похожденій Чичикова», съ которыхъ онъ рѣшилъ начать свою душеспасительную проповѣдь на тему о нравственномъ самоусовершенствованіи человѣка.

Н. Котляревскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

*) Самъ архимандритъ Ѳеодоръ уже въ первой части «Мертвыхъ душъ» видѣлъ намеки на возможность новой жизни для Ноздрева, Собакевича и Плюшкина и надѣялся, что во второй и третьей части Гоголь разскажетъ всѣ прекрасныя и сртогія тайны... не болѣе не менѣе, какъ самого Эдема («Три письма», 87, 90, 99, 182).

ПАМЯТИ ЛЕНАУ.

(Очеркъ) *).

Въ нынѣшнемъ году исполнилось въ литературномъ мірѣ двѣ столѣтнія годовщины. На разстояніе нѣсколькихъ мѣсяцевъ родились въ 1802 г.—одинъ въ Безансонѣ, другой въ венгерскомъ городкѣ Тшатадѣ—два поэта, оба истинные сыны девятнадцатого вѣка, но радикально противоположные другъ другу въ своемъ міровоззрѣніи. Одинъ—представитель широкаго и свѣтлаго общечеловѣческаго оптимизма, полный глубокой и непоколебимой вѣры въ торжество—рано или поздно—добра надъ зломъ, которое онъ при этомъ клеймитъ вдохновенной сатирой; другой — носитель то мрачнаго, то элегически-меланхолическаго пессимизма, не позволяющаго ни одному лучу свѣтлой надежды, бодрой жизнерадостности пробиться сквозь его мрачныя и печальныя тучи. Рѣзко различаются между собой и житейскія доли этихъ двухъ поэтовъ. Одинъ достигаетъ всемірной славы, живетъ, окруженный всѣми духовными и матеріальными благами міра, и когда умираетъ, современники окружаютъ его такимъ апофеозомъ, какой едва ли доставался въ удѣлъ кому-либо изъ европейскихъ поэтовъ; другой всю жизнь мучительно борется со своими нравственными и физическими недугами, съ матеріальными лишеніями, оцѣнку своему крупному таланту находитъ только въ немногихъ и кончаетъ жизнь самымъ плачевнымъ образомъ, въ домѣ умалишенныхъ...

Первый изъ этихъ двухъ поэтовъ—Викторъ Гюго, второй—Николай Ленау.

Почти сплошною трагедіей представляется жизнь этого нѣмецкаго лирика—трагедіей, въ которой, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, независимо отъ врожденныхъ, во внутреннемъ мірѣ коренящихся задатковъ, двигательными пружинами являются обстоятельства внѣшнія, личнаго, общественнаго и политическаго характера. На Ленау повторяется, съ своеобразными видоизмѣненіями, исторія Байрона, Леопарди, Гейне, чуть ли не всѣхъ поэтовъ «міровой скорби»—

*) C. Schurz «Lenaus Leben und Werke»; Hepp «Nicolaus Lenau»; E. Castle. «Nicolaus Lenau»; Gottschalt «Deutsche National Literatur» и др.

жертвъ своей собственной натуры и тѣхъ, если можно такъ выразится, вредныхъ испареній, міазмовъ, которые вносятся въ эту натуру окружающею ее житейскной атмосферой.

Ленау—литературное имя, принятое поэтомъ уже впослѣдствіи, настоящее имя его—Нимбшъ фонъ-Стерленау; одни біографы хотятъ сдѣлать его онѣмеченнымъ славяниномъ, другіе венгерцемъ, третьи нѣмцемъ; для насъ это вопросъ, не имѣющій значенія, тѣмъ болѣе, что ни въ личной жизни поэта, ни въ его литературной дѣятельности онъ не игралъ никакой роли, никоимъ образомъ не вліялъ ни на ту, ни на другую; по образу мыслей, по колориту, лежащему на всемъ его творчествѣ, это былъ, во всякомъ случаѣ, поэтъ нѣмецкій, и очевидно самъ онъ придавалъ этому обстоятельству важность, когда, по поводу навязыванія ему венгерскаго происхожденія, говорилъ: «Мнѣ хотѣлось бы быть такимъ первобытнымъ (urwüchsig), такимъ пламеннымъ и наивнымъ, такимъ гусарски храбрымъ и добродушнымъ, какъ они, но я — нѣмецкій поэтъ». Родился онъ 13-го августа 1802 г. въ венгерскомъ городкѣ Тшатадѣ, куда, незадолго до его появленія на свѣтъ, переселились его родители, и уже этому появленію непосредственно предшествовали обстоятельства, долженствовавшія неблагопріятно повліять на будущій внутренній организмъ поэта. Отецъ его, въ ту пору очень молодой человѣкъ, былъ неисправимый кутила, начавшій весьма легкомысленно и часто нарушать супружескій долгъ свой очень скоро послѣ женитьбы, хотя женился онъ по пламенной любви, проигрывавшій въ клубѣ и тѣ скудныя средства, которыя были въ его распоряженіи, заставлявшій жену подписывать за него денежныя обязательства, съ каждымъ днемъ все больше и больше разстраивавшій домашнее счастье, доводившій домашній бюджетъ до самаго плачевнаго положенія. Въ самый разгаръ этихъ супружескихъ столкновеній, въ ту самую пору, когда волненія матери достигли крайней степени и отражались очень пагубно на ея беременности, суждено было увидѣть свѣтъ третьему ребенку этой четы, будущему поэту. Въ печальной обстановкѣ проходятъ его первые годы: бѣдность, часто доходящая почти до нищеты, вѣчно волнующаяся, боготворящая своего маленькаго Ники, но страшно балующая его мать; постоянно отсутствующій, а потомъ прикованный болѣзнью къ постели отецъ, о которомъ поэтъ могъ сохранить только одно воспоминаніе — полученной имъ сильной оплеухи за его младенческіе крики. Натура мальчика сказывается уже въ дѣтствѣ. Своеволіе, съ одной стороны жажда наслажденія, съ другой—углубленіе въ свой внутренній міръ и въ природу, являющуюся для него тоже внутреннимъ міромъ; ей онъ повѣряетъ свои думы, свои чувства, свои грезы; поэтическіе и артистическіе порывы, которые сказываются—первые въ стихотворныхъ опытахъ, вторые — въ пристрастіи къ игрѣ на гитарѣ и скрипкѣ; гордость и тщеславіе, гордая непокорность, доходящая до того, что онъ,

въ сущности набожный, даже клерикально набожный юноша, возмущается тѣмъ, что ему, добровольно взявшему на себя обязанности служки при одномъ священникѣ, приходится «становиться на колѣни и кадить предъ образами» — вотъ главныя черты Ленау въ первые сознательные годы его жизни. Онъ жадно и много читаетъ, но особенно по душѣ ему разсказы о разбойникахъ, привидѣніяхъ, всякихъ ужасахъ, и чѣмъ больше крови, убійствъ, страшной таинственности въ этихъ исторіяхъ, тѣмъ увлекательнѣе онѣ дѣйствуютъ на него. Въ это же время онъ все тѣснѣе и тѣснѣе сближается съ природой. Музыкально врожденное дарованіе помогаетъ ему выучиться отлично подражать пѣнію птицъ и этимъ приманивать ихъ въ ловушку; цѣлые дни проводитъ онъ въ лѣсу, поддаваясь обаянію окружающей его обстановки, а переселеніе въ живописный Токай (послѣ вторичнаго выхода замужъ его матери) еще болѣе усиливаетъ это общеніе съ природой, еще болѣе развиваетъ въ этомъ направленіи его поэтическіе задатки. Здѣсь начинаетъ шевелиться въ его умѣ и философски-религіозный скептицизмъ, благодаря вліянію одного родственника. Тотъ читаетъ ему, пятнадцатилѣтнему юношѣ, переписку Вольтера съ Фридрихомъ Великимъ и, послѣ чтенія, будитъ его иногда вопросомъ: «Ты спишь, Николай?» И услышавъ его отрицательный отвѣтъ, восклицаетъ: «А вѣдь Бога нѣтъ!» И юноша ломаетъ голову надъ этимъ вопросомъ, находя въ этомъ раздумьи ядовитую пищу для своего самоуглубленія, своего развитія...

О правильномъ обученіи, о систематизированіи знаній нѣтъ и рѣчи. Съ одной стороны неблагопріятно дѣйствуютъ здѣсь чисто внѣшнія житейскія обстоятельства; съ другой—пытливый умъ сперва ребенка, а потомъ, конечно, уже въ большей степени, молодого человѣка не находитъ себѣ удовлетворенія въ традиціонномъ, идущемъ неуклонно по однажды указанному пути преподаванія. Принятый на попеченіе родителями своего покойнаго отца, людьми зажиточными и очень чванящимися своимъ баронскимъ достоинствомъ, молодой Николай переѣзжалъ изъ города въ городъ, переходилъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое, учился вездѣ хорошо, но нигдѣ не оставался подолгу; какая-то внутренняя неугомонность, постоянная неудовлетворенность окружающею дѣйствительностью и постоянное тревожное исканіе чего-то, на чемъ могли бы успокоиться его умъ и сердце перекидываютъ его съ мѣста на мѣсто, изъ одной «спеціальности» въ другую. «Это не былъ студентъ, какъ другіе,—писалъ о немъ впослѣдствіи одинъ изъ его школьныхъ товарищей;—онъ не былъ изъ тѣхъ учащихся, которые имѣютъ въ виду практическую житейскую цѣль и вслѣдствіе этого съ добросовѣстною аккуратностью вращаются въ установленныхъ предѣлахъ; учился онъ скорѣе, какъ любитель, какъ гость, отдававшійся только тому, что̀ ему приходилось по вкусу, и съ нескрываемымъ неудовольствіемъ отбрасывавшій отъ себя все, что̀ было противно ему».

Отъ юридическихъ наукъ онъ переходилъ къ философіи, отъ философіи къ богословію, потомъ вдругъ поступалъ въ сельскохозяйственную школу, откуда также скоро накинулся на обученіе медицинѣ. «Что я принимаюсь и за то, и за это,—говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ первыхъ, въ ранней юности написанныхъ стихотвореній:—сегодня иду прямо, завтра вкось, съ тѣмъ, что сегодня люблю, завтра вступаю въ бой копьемъ и мечомъ—этому не зачѣмъ дивиться тебѣ, послѣдовательно дѣйствующій другъ мой! Удержать меня долго при себѣ не можетъ ничто во всемъ земномъ хламѣ! Сегодня я, напримѣръ, съ головы до ногъ метафизикъ; завтра брожу я невѣрными шагами по храму Ѳемиды. Сегодня стою я ночью на вершинѣ горы, отыскиваю глазами созвѣздія Дѣвы, Овна, Медвѣдицу; завтра читаю Библію; послѣзавтра—Гомера. Устремляетъ ли мой духъ, побуждаемый жаждой знанія, взоры въ *одно* окно, чтобы видѣть, что̀ дѣлается на свѣтѣ—о, долго оставаться тутъ ему не зачѣмъ, потому что все за этимъ окномъ покрыто темнотою. Идетъ онъ къ другому окну, смотритъ сквозь него въ темный міръ—и отсюда надо уходить дальше: даже слабаго мерцанія лампадки нигдѣ не видно! Само собой разумѣется, однако, что если ты будешь долго и не отводя глазъ смотрѣть въ одну и ту же дыру, то взоръ твой въ концѣ концовъ начнетъ отличать кое-какіе живые образы, и твоя устойчивость все-таки получитъ награду, потому что глаза устанутъ, и на пустыхъ стеклахъ окна вырисуются привидѣнія, и тебя назовутъ *мудрецомъ*». На этихъ «мудрецовъ» скептически смотрѣлъ онъ уже въ самомъ началѣ своего развитія; мудрость, которой они являлись носителями, которую приводили въ научную систему, не давала ему ни одного успокоительнаго отвѣта на роившіеся въ немъ тревожные и «проклятые» вопросы. Съ негодованіемъ швырнулъ однажды онъ, въ то время студентъ философіи, книгу, надъ которой сидѣлъ. «Что это за наука — воскликнулъ онъ — которая вѣчно говоритъ вамъ: это еще не уяснено, на этотъ счетъ мнѣнія раздѣляются, и т. п. Развѣ это знаніе? Я хочу свѣта, ясности, знанія!» Практическіе интересы стояли для него въ сторонѣ, сознаніе необходимости приготовить себѣ мало-мальски обезпеченную будущность приходило рѣдко и улетучивалось скоро; слова его, что «все удовольствіе которое могутъ доставить деньги, служебное положеніе и т. п., ничтожно въ сравненіи съ наслажденіемъ, которое испытываешь, когда свой міръ носишь въ себѣ»—эти слова не были фразой, а оправдывались на дѣлѣ. Чувство полной независимости очень рано возникло въ его душѣ, чтобы потомъ развиваться все больше и больше, перейти даже въ болѣзненную крайность. Однажды онъ — учившійся въ то время въ Вѣнѣ и проводившій лѣто у своихъ вышеупомянутыхъ дѣдушки и бабушки—возвращается домой прямо изъ лѣса послѣ очень удачной птичьей ловли, шумно врывается въ гостиную, пачкаетъ дорогой коверъ грязными сапогами. Щепетильная бабушка-баронесса приходитъ

въ ужасъ, обзываетъ внука «мужикомъ», и слѣдующая за этимъ бурная сцена оканчивается тѣмъ что юноша съ восклицаніемъ: «Лучше умереть съ голоду, чѣмъ быть вѣчнымъ рабомъ въ золотыхъ цѣпяхъ», наскоро собираетъ свои пожитки и уѣзжаетъ къ матери, въ другой городъ...

Одновременно съ этими проявленіями натуры Ленау начали находить себѣ фактическое примѣненіе его отношенія къ женщинамъ, игравшія очень важную роль въ его жизни и не мало способствовавшія развитію того тревожнаго состоянія, которое постепенно и преждевременно затмило его разумъ и свело его въ могилу. Особенно пагубно подѣйствовала на него первая связь—съ недостойной, продажной авантюристкой, въ которой онъ, пылко влюбленный въ нее, поэтически настроенный юноша видѣлъ чистѣйшее, чуть не неземное существо, и горькое разочарованіе, наступившее уже послѣ восьмилѣтняго ослѣпленія, нанесло ему тяжкую рану, которая отъ времени до времени раскрывалась во все продолженіе его жизни. Къ этому горю присоединилось и другое: Ленау потерялъ свою мать, которую онъ горячо любилъ и которой, по свидѣтельству его біографа и близкаго родственника, онъ (какъ это было и съ нѣсколькими другими поэтами), несомнѣнно, обязанъ своимъ крупнымъ поэтическимъ дарованіемъ. «Это жаркое, свѣтлое солнце зажгло его мощный творческій духъ. Только у матери огонь горѣлъ наружу, у сына—во внутрь... Свое мужество онъ унаслѣдовалъ отъ нея, свою смѣлость, которая часто рѣшается на послѣднія крайности—отъ нея; но она же дала ему въ наслѣдство недовѣріе къ людямъ, муки сомнѣнія. Словомъ, если мы съ любовью, удивленіемъ, даже высочайшимъ уваженіемъ вспоминаемъ о немъ, съ его великими дарованіями и добродѣтелями и только незначительными недостатками, то не должны забывать и о ней, ибо онъ былъ не только плоть отъ ея плоти, но и духъ отъ ея духа».

Первое глубокое разочарованіе въ чистотѣ и правдивости женщины и первая потеря дорогого существа опредѣлительно отразились на характерѣ тѣхъ стихотвореній, которыя относятся къ этому времени и съ которыми—вмѣстѣ съ другими, уже раньше написанными и хранившимися въ портфелѣ автора—Ленау выступилъ теперь въ печати, сперва подъ своею полною фамиліею «Нимбшъ фонъ-Стреленау», потомъ подъ псевдонимомъ «Николай Ленау». Выбрать этотъ псевдонимъ, который съ тѣхъ поръ уже навсегда остался за нимъ, побудила его неслыханная строгость австрійской цензуры. То было время Меттерниха, а кому же неизвѣстно, какъ дѣйствовала въ это время цензура? Не только литературныя произведенія—даже самыя невинныя—подвергались жестокой опалѣ, но и за неприкосновенность своей личности приходилось не разъ опасаться автору. Такъ было и съ Ленау. Подписаться своимъ настоящимъ именемъ подъ стихотвореніемъ «Glauben, Wissn, Handeln», въ которомъ, въ аллегорической формѣ, выражалась

скорбь поэта о тогдашней Германіи, казалось автору и его друзьямъ дѣломъ рискованнымъ,—онъ и выбралъ псевдонимъ (правда, довольно прозрачный); мало того — большинство его стихотвореній, хотя въ нихъ никогда не было чего-нибудь «политическаго» въ тѣсномъ значеніи этого слова—печаталось внѣ предѣловъ австрійской имперіи, потому что въ противномъ случаѣ многимъ изъ нихъ, несомнѣнно, грозила бы конфискація. Усиленію рѣзкости въ этихъ столкновеніяхъ, которыя тоже не мало содѣйствовали развитію ипохондрическаго настроенія Ленау, способствовала и его гордая неуступчивость, любопытный примѣръ которой (а ихъ было не мало!) представляетъ слѣдующій случай... Готовился пятидесятилѣтній юбилей—это было уже въ 1843 г.— полученія эрцгерцогомъ Карломъ ордена Маріи-Терезіи на полѣ битвы при Асперпѣ, и по этому случаю, между прочимъ устраивался концертъ, въ программу котораго входилъ стихотворный «прологъ»; сочиненіе его было поручено Ленау. Цензоромъ стихотворенія явился самъ Меттернихъ. Прологъ ему понравился, только одно мѣсто показалось подозрительнымъ — то, гдѣ говорилось объ огорченіяхъ, которыя приходилось переживать эргерцогу, и «князь,—такъ разсказывалъ самъ Ленау въ одномъ изъ своихъ писемъ,—очень тонкимъ дипломатическимъ карандашомъ подчеркнулъ это мѣсто и прислалъ ко мнѣ своего чиновника съ просьбой—сдѣлать ему удовольствіе и измѣнить нѣсколько словъ. Я отвѣчалъ: «Такъ какъ это мѣсто выражаетъ мой образъ мыслей, то исключить или измѣнить его я не могу точно также, какъ не могу это сдѣлать съ моими мыслями». Прологъ перешелъ въ цензурный комитетъ; тамъ нашли возможнымъ оставить не нравившееся Меттерниху мѣсто нетронутымъ, но цензоръ вычеркнулъ одно слово и вмѣсто «böser Tropfen» написалъ «Schmerzenstropfen»; я ему еще грубѣе послалъ сказать, что прошу его не пачкать грязью мой цвѣточный садъ». Увѣщанія не помогли; Ленау прямо и коротко заявилъ, что если будетъ тронуто хоть одно слово, то онъ не допуститъ чтенія пролога. «Такъ,—продолжаетъ Ленау,—и была мною одержана побѣда надъ цензурой—побѣда, которая при тогдашнихъ обстоятельствахъ была истиннымъ событіемъ и представлялась побѣдой тоже для другихъ писателей. Чтобы въ то время что-нибудь написанное могло пройти безъ всякихъ измѣненій—это было неслыханно!» (Не мѣшаетъ замѣтить, что этотъ прологъ Ленау не включилъ въ собраніе своихъ стихотвореній, изъ боязни, чтобъ автора не причислили къ тѣмъ мѣстнымъ панегиристамъ, которыхъ онъ же безпощадно заклеймилъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній).

Эти цензурныя придирки, принимавшія иногда болѣе серьезный характеръ, были, конечно, не что иное, какъ отраженіе того общаго порядка вещей, который господствовалъ въ меттерниховской Австріи, и этотъ порядокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ внутреннимъ разладомъ, который пускалъ все болѣе и болѣе глубокіе корни въ душѣ нашего поэта,

дѣлали невыносимымъ для него пребываніе въ отечествѣ. Его томило желаніе уѣхать куда-нибудь подальше. Но тутъ играло роль,—можетъ быть, даже и первенствующую—и другое обстоятельство; тутъ сказывалась та жажда «странничества», которая роднила Ленау съ другими поэтами «міровой скорби»—съ Гётевскимъ Вертеромъ, съ «гонимымъ міромъ странникомъ» Лермонтовымъ, съ Гейне, признававшимъ себя «путешественникомъ на земномъ шарѣ», съ Мицкевичемъ, видѣвшимъ свое назначеніе въ томъ, чтобы «плыть, плыть и плыть...» Цѣлью своего странничества Ленау выбралъ Америку—уже потому, что она со времени войны Соединенныхъ Штатовъ за независимость представлялась обѣтованной землей для людей этого пошиба; Ленау видѣлъ въ ней и ту землю, въ которой должна была найти себѣ обильную пищу его тѣсная, глубокая связь съ природой. «Тамъ,—писалъ онъ—я пошлю свою фантазію въ школу къ первобытнымъ лѣсамъ; мое усовершенствованіе, какъ художника, есть высочайшая цѣль моей жизни; всѣ силы моего ума, моего сердца я считаю средствами къ достиженію этой цѣли... Тамъ буду я слушать шумъ Ніагары и пѣть ніагарскія пѣсни. Это необходимая ступень въ процессѣ моего усовершенствованія. Моя поэзія живетъ и творитъ въ природѣ, а въ Америкѣ природа прекраснѣе, могущественнѣе, чѣмъ въ Европѣ. Громадный запасъ великолѣпнѣйшихъ картинъ ожидаетъ меня тамъ, безконечное количество явленій, лежащихъ еще дѣвственными и неприкосновенными, какъ почва первобытныхъ лѣсовъ. Я обѣщаю себѣ чудное дѣйствіе ихъ на мою душу... Быть можетъ, вмѣстѣ съ Новымъ Свѣтомъ взойдетъ новый свѣтъ и въ моей поэзіи... Притомъ,—прибавлялъ поэтъ въ заключеніе письма,—для меня будетъ пріятно хоть нѣкоторое время ничего не слышать о проклятой политикѣ. Другъ мой, политика есть, дѣйствительно, нѣчто отвратительное, особенно когда вѣчно слышишь политическія разсужденія и соображенія, какъ въ нашей странѣ...» Наконецъ, отчасти влекли Ленау и матеріальные виды, ибо ему, при всемъ его пренебреженіи къ практическимъ интересамъ, все-таки иногда приходило на умъ, что надо хоть какъ-нибудь обезпечить себя; въ Америкѣ онъ намѣревался, какъ истинный фантазеръ, купить клочокъ земли, самому его обрабатывать или отдать въ аренду, пуститься, однимъ словомъ, въ «комерческое» предпріятіе... Но горькое разочарованіе ожидало его во всѣхъ отношеніяхъ, или, вѣрнѣе, ничто не удовлетворило его потому, что ни въ чемъ не могла найти удовлетворенія эта тревожная, больная душа. Какъ Гейне привела въ негодованіе Англія, такъ изъ устъ Ленау вылетѣли на первыхъ же порахъ чуть не проклятія этому Новому Свѣту. «Эти американцы,—писалъ онъ,—торгашескія души, мертвыя, безповоротно мертвыя для всякой духовной жизни. Соловьи правы, что не прилетаютъ къ этой сволочи. Для меня серьезное, глубокое значеніе заключается въ томъ, что въ Америкѣ нѣтъ соловьевъ. Я вижу въ этомъ

поэтическое проклятіе. Голосъ Ніагары потребенъ для того, чтобы проповѣдывать этимъ бездѣльникамъ, что существуютъ не только тѣ боги, которыхъ они вычеканиваютъ на своихъ монетныхъ дворахъ...» «Ты спрашиваешь меня,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ изъ Лисабона на рѣкѣ Огіо,—какъ мнѣ нравится Америка? Во-первыхъ, грубый климатъ. Сегодня 5-е марта, а я сижу у камина; на дворѣ глубокій снѣгъ... Во-вторыхъ, грубые люди. Но ихъ грубость не грубость дикихъ, сильныхъ натуръ; нѣтъ, это грубость прирученная и потому вдвойнѣ противная. Бюффонъ правъ, говоря, что въ Америкѣ люди и животныя ухудшаются съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Я здѣсь не видалъ еще ни одной бодрой собаки, ни одной пламенной лошади, ни одного страстнаго человѣка. Природа страшно безцвѣтна. Здѣсь нѣтъ соловьевъ, нѣтъ вообще настоящихъ пѣвчихъ птицъ. У здѣшней природы никогда не бываетъ достаточно хорошо или грустно на душѣ для того, чтобы она чувствовала потребность пѣть. У нея нѣтъ ни чувства, ни фантазіи, и потому она не можетъ давать ни того, ни другого своимъ созданіямъ. Очень печальное зрѣлище представляютъ эти выгорѣвшіе люди въ своихъ выгорѣвшихъ лѣсахъ... Надо сломя голову бѣжать, бѣжать отсюда. Здѣсь коварный воздухъ, тихо подкрадывающаяся смерть. Въ этой огромной странѣ тумановъ самой любви пускаютъ кровь изъ жилъ, и она незамѣтно истекаетъ кровью. Я не понимаю, почему меня всегда такъ сильно тянуло въ Америку. Впрочемъ, понимаю. Св. Іоаннъ крестилъ въ пустынѣ. Меня тоже влекло въ пустыню, и здѣсь въ моемъ внутреннемъ мірѣ тоже совершилось нѣчто въ родѣ крещенія. Быть можетъ, я вылечился отъ этого стремленія; моя будущая жизнь дастъ мнѣ на это отвѣтъ...» Не повезло, конечно, поэту и въ его комерческихъ дѣлахъ: купленный имъ участокъ земли онъ отдалъ въ аренду, арендаторъ оказался неисправнымъ, деньги, истраченныя на покупку, пропали—вышло, однимъ словомъ, то, чего и слѣдовало ожидать. Меньше чѣмъ черезъ годъ Ленау уже снова былъ въ Германіи.

Онъ вернулся, еще болѣе больной духомъ, раздраженный, «переставшій,—по его собственнымъ словамъ,—жаловаться, сѣтовать, но не переставшій браниться и проклинать», съ сознаніемъ, однако, что путешествіе въ Америку не прошло для него безплодно. «Несомнѣнно,—говорилъ онъ,—что самыми знаменательными годами моей жизни были два послѣдніе. Многаго я достигнулъ, относительно многаго убѣдился, что оно для меня недостижимо. Самыя смѣлыя надежды мои на чествованіе меня, какъ поэта, превзойдены; самыя скромныя желанія счастья, какъ человѣка, останутся—это я вижу очень ясно—неосуществленными...» Жало сомнѣнія все глубже вонзалось въ его душу; то, что̀ говорилъ о немъ впослѣдствіи Ауэрбахъ, признававшій въ немъ «поэта чистаго скептицизма», въ которомъ съ необыкновенною силою выразилось «стремленіе къ истинѣ абсолютной и субъектив-

ной», подтверждалось на дѣлѣ съ каждымъ днемъ все больше и больше. Оно находило себѣ поэтическое выраженіе въ относящихся къ этой порѣ мелкихъ стихотвореніяхъ, оно вылилось и въ болѣе крупную, болѣе глубокую форму въ его «Фаустѣ», показавшемъ, «съ какою сильною интенсивностью занимали его теперь мысли о цѣли вселенной, о Богѣ и вѣчности», красною нитью проводившемъ на всемъ своемъ протяженіи вопросъ: существуетъ ли для человѣка загробная жизнь и кто дастъ отвѣтъ на это—человѣческій разумъ или религія Откровенія? Какъ все, выходившее изъ-подъ пера Ленау, его «Фаустъ» тоже имѣетъ строго субъективный характеръ; «его Фаустъ былъ самъ Ленау, тотъ Ленау, который такъ часто и съ помощью энергическаго углубленія въ науку старался добыть себѣ познаніе непостижимаго, и когда это оказалось невозможнымъ, снова возвратить себѣ вѣру своихъ дѣтскихъ лѣтъ. «Въ «Фаустѣ» онъ изображаетъ эту собственную борьбу свою съ сомнѣніемъ». За «Фаустомъ» скоро послѣдовали другія крупныя произведенія «Саванарола» и «Die Albigenser», почва которыхъ тоже философски-религіозная, съ нѣкоторой примѣсью и политическаго элемента; и здѣсь, и тамъ—нравственная борьба реформы противъ устарѣвшихъ злоупотребленій, борьба свободнаго духа съ сдѣлавшейся несвободною формой; но въ «Саванаролѣ» поэтъ впалъ въ извѣстнаго рода піэтизмъ, представивъ въ своемъ героѣ поэтическое возвеличеніе католицизма въ его первобытно-христіанскомъ значеніи и въ его борьбѣ съ языческими уклоненіями послѣдующей католической церкви, и на всемъ произведеніи лежитъ печать какого-то мрачнаго, болѣзненнаго мистицизма, отъ котораго, впрочемъ, такъ сказать, открещивался поэтъ, когда говорилъ: «Меня обвиняютъ по поводу «Саванаролы» въ мистицизмѣ. Глупая, скверная несправедливость! Что въ моемъ «Саванаролѣ» встрѣчаются мистическія мѣста—это надо приписать герою поэмы, а не ея автору. Мистику я считаю болѣзнью. Мистика—болѣзненное головокруженіе. Религіозное мудрствованіе можетъ, конечно, взобраться на такую высоту, гдѣ у него мутится свѣтъ въ глазахъ и является неодолимое желаніе ринуться въ бездну божественнаго; но, именно, такое стремленіе въ глубокую бездну есть симптомъ какъ духовнаго, такъ и тѣлеснаго головокруженія...» Тѣмъ не менѣе, мистическое настроеніе, часто сворачивавшее даже въ сторону аскетизма, слишкомъ явственно давало себя знать въ «Саванаролѣ», чтобы можно было опровергать его присутствіе, и это обстоятельство, въ связи съ нападками поэта на то свѣтлое «эллинство», великимъ представителемъ котораго былъ въ это же самое время Гейне, на гегеліанство, натуръ-философію, пантеизмъ было причиною рѣзкаго неудовольствія, вызваннаго «Саванаролой» въ средѣ «молодыхъ германцевъ» и молодыхъ гегеліанцевъ. За *этой* стороной поэмы они не хотѣли видѣть многихъ высокихъ художественныхъ достоинствъ ея—до-

стоинствъ, которыя еще болѣе проявились въ «Альбигойцахъ», лучшемъ по законченности и образности произведеніи Ленау, доказавшемъ своимъ здоровымъ реализмомъ, силою свободныхъ и свѣжихъ порывовъ, что мистическое настроеніе не было въ нашемъ поэтѣ органическимъ, что (какъ выразился Готшаль, сравнивая «дифирамбически-шумные каскады» «Альбигойцевъ» съ «мутною стоячею водой» «Саванаролы») колеблющійся въ разныя стороны геній поэта бросалъ якорь то здѣсь, то тамъ, сегодня полемизировалъ противъ свободнаго духа, завтра возвеличивалъ его и, такимъ образомъ, нигдѣ не могъ стать твердою ногой.

Полемика, вызванная «Саванаролой», не мало повліяла на ухудшеніе внутренняго состоянія Ленау, на «расширеніе и углубленіе въ немъ— какъ онъ выразился, внутренней трещины», той «трещины», о присутствіи которой и въ своей душѣ такъ удивительно говорилъ Гейне... Къ этимъ обстоятельствамъ присоединилась и новая любовь Ленау. Уже до этого, скоро послѣ того, какъ его вѣрѣ въ женскую чистоту нанесла жестокій ударъ грубая авантюристка, онъ встрѣтилъ пятнадцатилѣтнюю дѣвушку, Лотту, наивное, милое и одаренное чудеснымъ голосомъ созданіе, и сразу, съ тою порывистою впечатлительностью, которая всегда отличала его, влюбился въ нее, призналъ ее «достойною обожанія» и рѣшилъ, что «будетъ вѣчно любить ее». Но, съ одной стороны рана, нанесенная первымъ разочарованіемъ и не перестававшая отъ времени до времени мучительно раскрываться, съ другой сознаніе, что «въ немъ самомъ слишкомъ мало счастія для того, чтобъ онъ могъ хоть частицу его удѣлять другимъ», и что «два раза не снится человѣку одинъ и тотъ же сонъ, и разбитую вещь нельзя склеить такъ, чтобы она сдѣлалась вполнѣ цѣлою», заставили его отказаться отъ этой дѣвушки, подавить въ себѣ то, что впрочемъ было не что иное, какъ самообманъ этой увлекающейся, вспыхивающей, какъ внезапный пожаръ, натуры. Теперь, нѣсколько лѣтъ спустя, новая привязанность, но уже настолько серьезная, что она держитъ его въ цѣпяхъ до конца жизни и, не мѣшая ему въ то же самое время влюбляться въ другихъ, горько разочаровываться, становиться жертвой бездушнаго кокетства,—совсѣмъ подавляетъ его какою-то фатальною силой. Эта женщина, имѣвшая на несчастнаго Ленау огромное вліяніе и, надо думать, если не вызвавшая, то значительно ускорившая сведшее его въ могилу сумасшествіе—Софія Левенталь, жена одного изъ его знакомыхъ «Если бы собственный разсудокъ нашего поэта давалъ ему болѣе благоразумные совѣты—такъ свидѣтельствуетъ его біографъ— онъ прервалъ бы сношенія съ женщиной, которая, при всѣхъ духовныхъ дарахъ, какими надѣлила ее природа, могла быть для него только *другомъ*, да ничѣмъ инымъ и не хотѣла быть, но отъ него требовала больше, чѣмъ дружбы, требовала, чтобъ онъ, взамѣнъ ея дружбы, отдалъ ей всѣ свои мысли, всѣ свои чувства, все свое сердце.

Изъ переписки съ ней Ленау очевидно, что Софія ни на минуту не остановилась въ колебаніи между своимъ новымъ чувствомъ и принятымъ на себя раньше супружескимъ долгомъ; но точно также не подлежитъ сомнѣнію, что женское сердце хотѣло владѣть своимъ Ленау всецѣло и безраздѣльно; малѣйшій признакъ, что его хоть сколько-нибудь интересуетъ другое существо, заставлялъ ее дрожать вызывалъ ея гнѣвъ, раздувалъ ея ревность въ яркое пламя и приводилъ ее къ мысли, что только смерть можетъ явиться для нея освободительницею отъ всѣхъ мученій. Настойчивое напоминаніе въ ея письмахъ о томъ, что она чувствуетъ себя больной, было устрашающимъ средствомъ, которое могло оказывать дѣйствіе только на болѣзненный организмъ Ленау; у здравой натуры эта женская шахматная игра вызывала бы только улыбку...» Но нашъ поэтъ не могъ сбросить съ себя это обаяніе, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ характерамъ, которые всегда хотятъ обладать лишь тѣмъ, чтó недостижимо для нихъ, легко достижимому не придаютъ никакой цѣны, и вся тайна этой неодолимой притягательной силы заключалась, быть можетъ, только въ томъ, что эта женщина оставалась для него вѣчно недоступною... Внутренняя борьба, бывшая слѣдствіемъ этихъ отношеній и принимавшая въ душѣ и, надо сказать, въ тѣлѣ Ленау такіе размѣры, какіе могла и должна она была принимать въ такой глубоко тревожной, мучительно воспріимчивой натурѣ, естественно только раздувала горѣвшую въ немъ зловѣщимъ огнемъ, сожигавшую его ипохондрію. «Сочинять я совсѣмъ не могу—писалъ онъ уже скоро послѣ перваго дружескаго сближенія съ Софіею (хотя многими изъ превосходнѣйшихъ стихотвореній его мы обязаны именно этой любви); вчера вечеромъ настроеніе мое было ужасное. Моя ипохондрія снова зашевелилась, надо куда-нибудь уѣхать отъ нея; за почтовой каретой эта собака, можетъ быть, не побѣжитъ». «Мнѣ снова очень худо, что касается моего настроенія—читаемъ въ другомъ письмѣ;—недавно я встрѣтилъ у Гомера слово, очень мѣтко обозначающее мое душевное состояніе: ἀμφιμέλας, т.-е. кругомъ черно. Да, черно все въ моей душѣ и вокругъ нея, когда ипохондрія схватываетъ меня, а нынѣшнею зимою она дѣлаетъ это чаще и крѣпче, чѣмъ когда-либо. Поэтъ въ наше время не можетъ быть счастливъ, потому что время ничего не хочетъ отъ него. Но у поэта, который, сверхъ того, лишенъ всякой семейной жизни, не имѣетъ даже матеріально обезпеченнаго существованія и физически въ высшей степени расположенъ къ меланхоліи, у такого поэта бываютъ часы, когда это слово Гомера какъ нельзя больше подходитъ къ его душѣ». Очень интересный, относящійся къ тому же времени эпизодъ разсказываетъ одинъ изъ друзей Ленау, музыкантъ Шмидъ. «Это было въ мрачный осенній вечеръ; я проводилъ Ленау изъ кофейни къ нему домой. Когда мы вошли въ его комнату, онъ попросилъ меня сыграть ему нѣсколько венгерскихъ

національныхъ мелодій. Безмолвно прислонился онъ къ спинкѣ своего стула, подперши голову рукой, и задумчиво слушалъ. Поигравъ достаточно, я уже хотѣлъ выпустить изъ рукъ скрипку, когда Ленау всталъ, взялъ, не говоря ни слова, инструментъ и началъ играть. Этой минуты я никогда не забуду. Точно прикованный къ своему мѣсту, я внималъ магическимъ звукамъ, которые неслись изъ ночной темноты, потому что въ комнатѣ сдѣлалось, между тѣмъ, совсѣмъ темно, неслись съ такою волшебною обаятельностью и при этомъ такъ грустно и съ такою потрясающею силой. Пророческій духъ снизошелъ на игравшаго и давалъ жизнь его смычку. Свою собственную долю и судьбу своего народа (т.-е. венгерскаго, къ которому привыкъ причислять себя поэтъ), изображалъ онъ въ звукахъ. Это была картина, охватывавшая душу съ неодолимою силой и наполнявшая сердце скорбнымъ умиленіемъ. Въ каждомъ звукѣ лежало выраженіе печали, которая то выливалась изъ души тихими слезами, то разражалась дикими воплями. Не знаю, сколько времени игралъ Ленау, но звуки вдругъ умолкли, наступила гробовая тишина. Я вышелъ изъ комнаты, самъ не знаю какъ, съ влажными отъ слезъ щеками; мнѣ казалось будто все бремя скорби, лежавшее тяжелымъ гнетомъ на душѣ Ленау, онъ своими звуками обрушилъ на мою...»

И въ самомъ разгарѣ мизантропіи, въ то время, когда въ его письмахъ встрѣчаются такія фразы, какъ «я слышу уже въ носу запахъ могильной земли, скоро кажется, закопаютъ меня», когда онъ бѣжитъ отъ всякаго человѣческаго общества, когда онъ горько жалуется, что «органъ радости, органъ самый необходимый, вымираетъ въ немъ раньше всѣхъ другихъ» —въ это самое время новое сердечное увлеченіе! Это, впрочемъ, не первое изъ тѣхъ, которыя овладѣвали имъ одновременно съ его привязанностью къ Софіи Левенталь, съ его благоговѣйнымъ преклоненіемъ предъ нею! Выше упомянуто о бездушномъ кокетствѣ, котораго онъ сдѣлался жертвою уже послѣ сближенія съ Софіей; виновницей этого увлеченія была знаменитая пѣвица Каролина Унгеръ, артистическому и женскому самолюбію которой очень льстило видѣть у своихъ ногъ знаменитаго уже въ ту пору поэта; чтобъ удержать его въ плѣну, она пускала въ ходъ всѣ ухищренія, всѣ искусные и вводившіе бѣднаго наивнаго поэта въ печальное заблужденіе маневры, до тѣхъ поръ, пока ей самой не надоѣло возиться съ нимъ и пока и онъ не уразумѣлъ наконецъ, въ чемъ дѣло. Но прошло немного времени, и въ одинъ прекрасный день онъ прибѣгаетъ къ Ауэрбаху, весь сіяя радостью, и сообщаетъ, что онъ познакомился съ молодой дѣвушкой изъ почтеннаго бюргерскаго семейства, что это не женщина, а ангелъ, и что она должна ему принадлежать, какъ законная жена. И, дѣйствительно, обрученіе скоро состоялось. Но на дорогѣ стоитъ вѣдь Софія Левенталь! Уже во время исторіи съ Каролиною Унгеръ (на которой онъ тоже собирался жениться, несмотря

на то, что въ свои ипохондрическія минуты отзывался о бракѣ, какъ о «противоестественномъ и потому безнравственномъ учрежденіи») онъ, съ отличавшею его честностью и прямотою, не только не скрылъ ничего отъ Софіи, какъ своего *друга*, но просилъ даже ея благословенія; какъ она отнеслась къ этому, можно заключить по приведенной выше характеристикѣ этой женщины; то же самое повторилось и теперь, когда его намѣреніе вступить въ законный бракъ, повидимому, обратилось въ твердую рѣшимость. «Пишите мнѣ болѣе спокойныя письма!» молилъ онъ ее, и насколько исполняла она эти мольбы, насколько, при видимой покорности судьбѣ, старалась влить бальзамъ успокоенія въ его душу, видно изъ того, что скоро послѣ обрученія съ нимъ сдѣлался жестокій нервный ударъ, а нѣсколько дней спустя появились и первые припадки буйнаго сумасшествія.

Семь лѣтъ тянулась эта страшная трагедія, начавшаяся 13-го октября 1844 г. Всю ночь провелъ онъ безъ сна, бѣшеное отчаяніе овладѣло имъ, онъ колотилъ себя собственными кулаками, говорилъ о самоубійствѣ, сжегъ много своихъ бумагъ, но едва оправившись отъ припадка, писалъ Софіи: «Милая, дорогая! Посылаю сердечнѣйшій привѣтъ въ вашу чудную, дорогую душу!.. Писать вамъ сдѣлалось для меня истинною страстью!» Оправился онъ очень не надолго, всего на нѣсколько часовъ. 14-го октября онъ весь день молился, говорилъ, что эта болѣзнь принесла ему много пользы, что въ душѣ его стало очень свѣтло и тихо, а главное—что онъ снова соединился съ Богомъ. «Изъ своихъ мыслей—говорилъ онъ,—я соорудилъ себѣ зданіе, возвелъ его, какъ высокую башню, и на самой вершинѣ водрузилъ крестъ. Что̀ бы я ни писалъ въ своей жизни свѣтскаго, страстнаго и преступнаго, крестъ всегда оставался нетронутымъ въ моемъ сердцѣ...» На другой день онъ сообщалъ Софіи удивительный планъ—послѣ своей женитьбы жить втроемъ, т.-е. онъ, жена и Софія! А еще день спустя писалъ опять этой послѣдней: «Милая Софія! Сегодня въ 8 часовъ утра совершилось чудо Всѣ средства моего доктора не помогали; тогда я вынулъ свою скрипку, сыгралъ нѣсколько штирійскихъ мелодій и при этомъ плясалъ и такъ бѣшено топалъ ногами, что вся комната дрожала. Все это вы прочтете въ газетахъ. Я чувствовалъ въ себѣ горячую подвижность, и, о, чудо! я былъ здоровъ. Когда докторъ пришелъ, я протанцовалъ передъ нимъ вальсъ. И ни на минуту не ощущалъ послѣ того слабости...» Дни шли, и одна ужасная сцена слѣдовала за другой. Вотъ ему вообразилось, что онъ сейчасъ умретъ, и онъ одѣвается весь въ бѣлое, ложится на диванъ и, скрестивъ руки, ожидаетъ смерти; изрѣдка вырывается у него воспоминаніе все о той же незабвенной Софіи, онъ или шепчетъ: «Смерть такъ легка, мнѣ такъ хорошо!» или отчаянно кричитъ: «Я умру, меня забудутъ! Въ моихъ стихахъ найдутся едва двѣ-три хорошихъ вещи... Я былъ несчастливъ въ выборѣ сюжетовъ... Жизнь моя безсмыслица. Что̀ создалъ я? Пару прекрасныхъ стихотвореній и

больше ничего...» То онъ дѣлаетъ предупреждаемыя во время попытки къ самоубійству, то, несмотря на тщательный присмотръ за нимъ, выскакиваетъ въ одной рубашкѣ и босикомъ изъ окна на улицу и вопитъ: «Возмущеніе! Свобода! На помощь! Пожаръ», то старается вырваться изъ рукъ докторовъ и сторожей, съ криками: «Пустите меня! Я долженъ спѣшить на войну, Венгрія уже свободна!» Наконецъ оказалось необходимымъ перевезти его въ больницу для умалишенныхъ и здѣсь, послѣ трехъ лѣтъ полнаго, почти идіотическаго отупѣнія, 22-го августа 1850 г., несчастный поэтъ почилъ навсегда отъ своихъ тѣлесныхъ и душевныхъ страданій.

. . . .

Въ Ленау нѣмецкая поэзія справедливо чествуетъ одного изъ своихъ крупнѣйшихъ лирическихъ поэтовъ послѣ Гёте и Гейне. Съ этимъ послѣднимъ не разъ и сравнивали его, и, думается мнѣ, не совсѣмъ основательно. Общее между ними—преобладающій надъ всѣмъ субъективизмъ, то «переживаніе» всего, воспроизводимаго ими въ поэзіи, которому придавалъ такое огромное значеніе Гёте; общее между ними и удивительное чувство природы, необычайный даръ проникновенія въ ея тайны, одухотворенія и оживотворенія ея; но отношеніе къ ней и самый способъ выраженія этого отношенія у обоихъ поэтовъ самый различный. Ленау, въ полную противоположность творцу «Книги Пѣсенъ», набрасываетъ на всю природу такой же печальный, мрачный покровъ, какимъ постоянно окутана его душа, онъ, по очень удачному выраженію Готшаля, «заставляетъ природу (какъ и исторію) носить похоронную хоругвь его собственной меланхоліи, на которой развѣвается только нѣсколько зеленыхъ ленточекъ надежды». Гейне находитъ въ природѣ исцѣленіе отъ своихъ душевныхъ недуговъ, онъ, правда, грустить и тоскуетъ, когда она печальна, но онъ и ликуетъ съ нею въ минуты ея радости, густые туманы, зловѣщія тучи постоянно чередуются у него съ безоблачнымъ небомъ, яркими лучами солнца, кипучею жизнью всего сотвореннаго. У Ленау ничего—или почти ничего—этого нѣтъ; его поэзія природы, да и вся его поэзія, въ своей коренной сущности—чисто элегическая, чего ужъ, конечно, нельзя сказать о поэзіи Гейне... Различенъ характеръ и «міровой скорби» у этихъ двухъ поэтовъ, несомнѣнно самыхъ выдающихся представителей этого настроенія въ современной Германіи. Сомнѣніе, скептицизмъ, внутренній разладъ у обоихъ одинаково сильны, у обоихъ въ душѣ одинаково глубокая «міровая трещина», но нигдѣ у Ленуа не найдете вы той великой ироніи, которая составляетъ такое отличительное свойство поэзіи Гейне и отводитъ ему такое своеобразное, исключительное положеніе въ ряду поэтовъ міровой скорби, какъ не найдете и свѣтлой увѣренности Гейне въ лучшемъ будущемъ человѣчества, его жажды жизни, пробивающихся невольно даже сквозь самые мрачные вопли

отчаянія. Наконецъ, Ленау спиритуалистъ при всемъ реализмѣ своего творчества, въ значительной степени мистикъ; кто же найдетъ эти черты въ Гейне?.. Въ тѣхъ разнообразныхъ и часто радикально противоположныхъ одно другому сужденіяхъ, которыя вызывались въ критикѣ произведеніями Ленау, встрѣчается въ тенденціозной части ея указаніе на Ленау и какъ на поэта политическаго; согласиться съ этимъ весьма трудно. Политическимъ поэтомъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, какъ, впрочемъ, уже выше замѣчено, въ томъ смыслѣ, въ какомъ были политическими поэтами многіе изъ его сотоварищей по перу въ ту пору, Ленау, при всѣхъ своихъ свободолюбивыхъ (но, при этомъ, и разсудительно-умѣренныхъ) стремленіяхъ, никогда не былъ; его стихотворенія съ этимъ политическимъ оттѣнкомъ имѣютъ, такъ сказать, спеціальный, къ данному случаю, данному положенію относящійся характеръ; гораздо вѣрнѣе признаніе его «больше верховнымъ жрецомъ соціальной реформы, порожденнаго мечтательною душой стремленія осчастливить міръ, искупить человѣчество отъ его страданій, чѣмъ народнымъ поэтомъ-трибуномъ съ опредѣленными требованіями...»

Все, только что приведенное, сказано, конечно, не въ укоръ нашему поэту. Ни одной крупицы своего большого дарованія не зарылъ онъ въ землю; то, чѣмъ щедро надѣлила его природа, всецѣло отдалъ онъ на служеніе поэзіи, бывшей для него второю жизнью, до такой степени, что онъ совершенно искренно выражалъ готовность «распять самъ себя на крестѣ, если изъ этого можетъ выйти хорошее стихотвореніе»; и каковы бы ни были недостатки его творчества, обусловленные и его природнымъ темпераментомъ, и обстоятельствами его жизни, онъ всегда останется однимъ изъ первоклассныхъ явленій въ романтической поэзіи, какъ съ историко-литературной, такъ и съ чисто художественной стороны...

Петръ Вейнбергъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ ИЗЪ ЛЕНАУ.

Лѣсная часовня.

1.

Темнѣетъ лѣсъ, шумя вокругъ поляны,
И сѣрая гора глядитъ изъ тьмы,
Вѣщаютъ листъ засохшій и туманы
О постепенномъ шествіи зимы.

* * *

Исчезло солнце въ облакѣ угрюмо,
Прощальный взоръ не кинули лучи,
Природа смолкла, и томитъ въ ночи
Ее о смерти тягостная дума.

* * *

Гдѣ дубъ шумитъ внизу горы высокой
И плачетъ ключъ студеною волной—
Встрѣчаюсь я со стариной глубокой:
Заброшенной часовнею лѣсной.

* * *

Гдѣ тѣ, чья пѣснь неслась когда-то къ Богу
Изъ стѣнъ ея, суля забвенье бѣдъ
И жребія житейскаго тревогу?
Гдѣ всѣ они? Ушли за пѣснью вслѣдъ.

2.

Чу! Странный крикъ нарушилъ вдругъ молчанье.
Въ стѣнахъ пустыхъ не прозвучалъ ли онъ?
Кто такъ кричитъ, что трепетъ содроганья
Въ душѣ моей рождаетъ этотъ стонъ?

* * *

— Тебѣ Творецъ, поемъ хвалы, ликуя!—
Раздался смѣхъ, и стихло все кругомъ,
Но грянулъ вновь отступникъ:—Аллилуйя!—
И прогремѣлъ злой хохотъ, словно громъ.

* * *

Вотъ онъ бѣжитъ—пугливо, безъ раздумья,
Съ лица рукою пряди отстранивъ;
Взоръ изступленъ и дико боязливъ:
Блуждающій огонь во тьмѣ безумья!

* * *

Онъ въ лѣсъ бѣжитъ, гдѣ въ сумракѣ дубовъ
Шуршатъ листы сухіе подъ ногами.
Чего онъ ждетъ? Не звука ли шаговъ?
И, слышу, плачетъ тихими слезами.

* *
*

„Проходитъ все!“ Шурша ему скажи,
О, блеклый листъ, объ этомъ въ утѣшенье!
Путь кроткой смерти духу укажи,
Шепни ему, что въ ней—его спасенье.

* *
*

Грусть тихая въ долинѣ разлилась,
Луна взошла на праздникѣ прощальномъ,
И льнутъ лучи сребристые, струясь,
Къ останкамъ лѣта—мертвенно печальнымъ.

* *
*

Но какъ слаба увядшая листва!
И лунный лучъ сдержать она не въ силахъ:
Дрожитъ подъ нимъ и падаетъ мертва
Она во прахъ съ нагихъ вѣтвей унылыхъ.

* *
*

Съ улыбкой горькой, блѣденъ, одинокъ
Глядитъ безумецъ въ небо молчаливо,
Его задѣть боится вѣтерокъ,
И лунный лучъ бѣжитъ передъ нимъ пугливо.

* *
*

Такъ тонетъ онъ- безумья дикій взглядъ
Въ томъ ясномъ, ровномъ, неизмѣнномъ мірѣ,
Съ какимъ текутъ созвѣздія въ эѳирѣ.
Печальнѣе есть зрѣлище наврядъ!

* *
*

За что навѣкъ безумья грозной тьмою
Пути его ты омрачаешь, рокъ?
Чѣмъ согрѣшилъ несчастный, что тобою
Былъ изъ души его исторгнутъ Богъ?

3.

Онъ полюбилъ. За много лѣтъ, счастливый,
Однажды здѣсь съ возлюбленной онъ шелъ,
И въ сумракѣ дубравы молчаливой
Ее къ лѣсной часовнѣ онъ привелъ.

* *
*

Они вошли, склонились ихъ колѣна;
Струясь въ окно, заката лучъ алѣлъ,

И вмѣстѣ съ ней молился онъ смиренно,
А вдалекѣ рожокъ пастушій пѣлъ.

* * *

Торжественно поднявъ для клятвы руку,
Съ волненіемъ промолвила она:
— Да обречетъ меня Господь на муку,
Когда въ любви не буду я вѣрна!—

* * *

Пылалъ закатъ все ярче, все чудеснѣй—
Съ его святой любовью наравнѣ.
Пастушья пѣснь звучала райской пѣсней
Среди лѣсной долины въ тишинѣ.

* * *

Но былъ забытъ онъ для другого вскорѣ:
И принялъ тотъ съ обѣтомъ лживымъ устъ
И поцѣлуй, что́ такъ же лживъ и пустъ;
Съ нимъ подъ вѣнцомъ стоитъ она въ уборѣ.

* * *

И несмотря на клятвенный обманъ,
Вся жизнь ея въ забавахъ неизмѣнно
Съ тѣхъ поръ течетъ предъ Богомъ дерзновенно,
Которому обѣтъ былъ ею данъ.

* * *

За это ли безумья грозной тьмою
Пути его ты омрачаешь, рокъ?
За это ли безжалостно тобою
Былъ изъ души его исторгнутъ Богъ?

* * *

И онъ клянетъ—отчаяннѣй, грѣховнѣй—
Тамъ, гдѣ склонялъ колѣни онъ съ мольбой.
Вотъ почему, терзаемый тоской,
Изгнанникомъ онъ бродитъ предъ часовней.

О. Чюмина.

ОДЫ *).

Картины вечера.

1.

Вечеръ спокойный склонился надъ мирной равниной,
Кротко дремлетъ природа и тихо надъ нею
Сумерокъ нѣжныхъ паритъ покрывало. Природа
Грезитъ съ улыбкой,

---

*) При переводѣ этихъ двухъ одъ Ленау, написанныхъ авторомъ примѣнительно къ античнымъ метрамъ, переводчикомъ соблюденъ размѣръ подлинника.

Точно дитя на рукахъ у отца засыпая;
Полный любви Онъ склоняется къ ней—и священный
Взглядъ Его медлитъ на ней—и въ лицо ей неслышно
Вѣетъ дыханье.

2.

Лѣсъ ужъ утихаетъ; птички, качаясь,
Ищутъ вѣтви гибкой, чтобъ съ блескомъ утра
Снова улетѣть имъ, вспорхнувши новымъ
Пѣснямъ навстрѣчу.
Скоро солнце сядетъ. Гиганты лѣса
Подымаютъ вѣтви выше на воздухъ—
Розами заката хоть на мгновенье
Кудри украсить.
И лужайка дремлетъ. Изрѣдка только
Звякнетъ бубенцами сытое стадо,
Шевелясь тихонько, вяло срывая
Темную зелень.
Взоромъ провожаетъ пастырь невинный
Солнце золотое; падаютъ на-земь
И свирѣль, и посохъ—руки воздѣты
Къ тихой молитвѣ.

Юрій Верховскій.

Въ зимнюю ночь.

Морозный воздухъ весь застылъ,
Хруститъ снѣгъ звучно подъ ногами,
Мнѣ иней все лицо покрылъ,—
Впередъ же, быстрыми шагами!

Какъ величава тишь кругомъ!
Плыветъ луна, во мглѣ сіяя,
И сосны съ никнущимъ челомъ
Ждутъ смерти, вѣтви опуская.

Проникни глубже, холодъ злой,
Мнѣ въ сердце, пылкое понынѣ,
Чтобъ воцарился въ немъ покой,
Какъ эта ночь царитъ въ пустынѣ.

Е. Чернобаевъ.

ДОЧЬ ЛЕДИ РОЗЫ.

Романъ м-рсъ **Гёмпфри Уордъ.**

Перев. съ англійскаго **З. Журавской.**

(*Продолженіе*) *).

Глава XI.

— Здѣсь,—сказала герцогиня, когда экипажъ остановился.—Не правда ли, какой странный уголокъ?

Жюли разсѣянно посмотрѣла на свое новое жилище. То былъ двухъэтажный каменный домъ, выстроенный приблизительно въ 1780 г. Входъ былъ украшенъ двумя іоническими колоннами и классическимъ навѣсомъ или фронтономъ. Въ окнахъ еще сохранились старинныя маленькія стекла; крыша мансарда съ однимъ единственнымъ слуховымъ окномъ осталась нетронутой. Домъ былъ небольшой—всего три окна въ верхнемъ этажѣ, два и лицевая дверь въ нижнемъ; видъ у него былъ натянутый, старомодный, правда, сильно смягченный временемъ; онъ стоялъ на углу двухъ тихихъ улицъ и, безъ сомнѣнія, въ недалекомъ будущемъ, въ періодъ общаго обновленія Мэйфера, его предполагалось перестроить.

Нѣкогда, въ 1740 году это мѣсто занимали конюшни, прилегавшія къ герцогскимъ домамъ Кьюретонъ-стрита, но конюшни эти давно уже были снесены, какъ и самые дома, и на мѣстѣ ихъ выросъ большой замокъ, окруженный садами. Часть же бывшихъ конюшень была превращена въ небольшіе трехъ-этажные домики, окнами на югъ, отдѣленные проѣзжей дорогой отъ садовъ Кьюретонъ-гоуза. Въ юго-западномъ углу теперешней Герибертъ-стритъ, поодаль и въ сторонѣ отъ другихъ, стоялъ маленькій домикъ съ видомъ на западъ, выстроенный, по всей вѣроятности, не одновременно съ другими и для какихъ-нибудь спеціальныхъ семейныхъ надобностей. Онъ совершенно прятался въ тѣни высокихъ деревьевъ сосѣднихъ садовъ, подходившихъ къ нему такъ близко, что одна изъ боковыхъ стѣнъ домика составляла часть стѣны сада.

Герцогиня съ нервнымъ оживленіемъ взбѣжала на крыльцо, сама

---

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

повернула ключъ въ замкѣ и распахнула дверь. Изъ заднихъ покоевъ вышла пожилая шотландка, присматривавшая за домомъ, и остановилась въ ожиданіи приказаній.

— О! Жюли, вамъ пожалуй не понравится здѣсь—какъ-то ужъ слишкомъ чудно и затхло!—воскликнула герцогиня, нѣсколько разочарованно озираясь кругомъ.—Видите ли, мнѣ казалось, что здѣсь будетъ немножко оригинально, по старинному, не такъ, какъ у другихъ—словомъ, именно то, что вамъ нужно; но...

— По моему здѣсь восхитительно,—сказала Жюли, окидывая разсѣяннымъ взоромъ группу птичьихъ чучелъ подъ стекломъ, занимавшихъ довольно много мѣста въ маленькой передней:—я люблю чучела.

Герцогиня не безъ тревоги смотрѣла на нее, спрашивая себя: «О чемъ она думаетъ?» Но Жюли уже овладѣла собой.

— Здѣсь какъ будто все спало непробуднымъ сномъ сотни лѣтъ,—сказала она, съ удивленіемъ осматривая маленькую переднюю, съ ея выкрашенными въ темный цвѣтъ стѣнами, двѣ-три старинныхъ картины, изображавшія сцены охоты, старые часы, шкафъ съ выжженнымъ на немъ узоромъ.

А гостиная! Сторожиха отворила окна. Былъ мягкій мартовскій день и по лужайкамъ сада скользили, играя, солнечные лучи, пробивавшіеся сквозь туманъ. Въ комнату солнце не заглядывало, ибо два полукруглыхъ окна ея выходили на сѣверъ. Но это не мѣшало ей имѣть привѣтливый видъ. Выцвѣтшія занавѣси синяго репса; свѣтло-желтыя стѣны, на которыхъ выдѣлялись отдѣльными группами картины и миніатюры въ потемнѣвшихъ золотыхъ рамахъ; расписное итальянское зеркало надъ каминомъ съ пришедшими въ упадокъ амурами; два-три шератонскихъ кресла и диванчика, обитыхъ вышивками временъ нашихъ прабабушекъ; старинный, но прекрасно сохранившійся брюссельскій коверъ—синія арабески по бѣлому полю; нѣсколько штукъ удивительно красивой старинной мебели краснаго дерева; тяжелый круглый столъ посрединѣ съ вышитой шерстью скатертью, узоромъ, какіе были въ модѣ въ первый годъ царствованія королевы Викторіи, и на немъ пара розовыхъ хрустальныхъ вазъ; тутъ же рядомъ маленькій столикъ на тоненькихъ журавлиныхъ ножкахъ, и на немъ вывезенныя изъ Индіи шахматы подъ стекломъ; на другомъ такомъ же изящномъ столикѣ, коллекція миніатюрныхъ животныхъ изъ папье-маше, также подъ стекломъ, по большей части лошади и собаки, такія же чистенькія и граціозныя, какъ въ тотъ день, когда ихъ стройные члены впервые вышли изъ рукъ матери кузины Мери, чуть ли не въ годъ казни Маріи-Антуанетты; всѣ эти разнообразные элементы, красивые и безобразные, въ общей сложности производили впечатлѣніе необычайной чистоты, простоты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утонченности, полное своеобразнаго очарованія.

— Нѣтъ, мнѣ нравится! мнѣ такъ нравится здѣсь!—воскликнула

Жюли, кидаясь въ одно изъ креселъ съ прямыми спинками и глядя то на стѣны, то черезъ окно въ садъ.

— Милочка!—сказала герцогиня, порхая отъ одной вещи къ другой и не переставая хмуриться.—Эти занавѣси никуда не годятся. Я пришлю вамъ другія.

— Нѣтъ, нѣтъ Эвелина, здѣсь ничего не надо мѣнять; дайте мнѣ этотъ домикъ такимъ, какъ онъ есть, или совсѣмъ не надо. Здѣсь все такъ характерно; такъ осязательно чувствуешь, какого рода женщина должна была жить здѣсь.

— Кузина Мери Лейстеръ? Ну, она была порядочная чудачка. Она принадлежала къ low church какъ и моя belle-mere, но только она была гораздо милѣе. Разъ я позволила ей придти къ намъ на Гросвеноръ-сквэръ и побесѣдовать со слугами на тему о хожденіи въ церковь, Они пришли отъ нея въ восторгъ. Моя горничная говорила потомъ, что она никогда не думала, чтобы квакерши могли быть такія милыя, и что теперь она можетъ себѣ представить, какъ выглядѣла въ молодости королева. Впрочемъ, въ церковь-то они все-таки не стали ходить, сколько мнѣ извѣстно. И знаете, какая еще странность была у кузины Мери? Она была ясновидящая! Она видѣла свою мать вотъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ, раза два или три послѣ ея смерти. А разъ она видѣла Берти, въ то время, какъ онъ былъ въ отсутствіи, въ дальнихъ краяхъ!

— И привидѣнія даже!—воскликнула Жюли, слегка вздрогнувъ и сложивъ руки на груди.—Это довершаетъ все!

— Шестьдесятъ лѣтъ!—задумчиво выговорила герцогиня:—Шестьдесятъ лѣтъ она выжила въ этомъ маленькомъ домикѣ, почти не выходя изъ дому. О, у нея былъ свой кругъ знакомыхъ. Много лѣтъ съ ней жила здѣсь ея младшая сестра,—такая потѣшная! Берти разсказывалъ, что одно время возникло настоящее соперничество между ними и двумя другими старыми леди, которыя жили на Брутонъ-стритѣ. Какъ бишь ихъ звали? Ахъ, да—миссъ Беррисъ. На этихъ самыхъ креслахъ сидѣли всякія знаменитости. Но только миссъ Беррисъ одержали верхъ.

— Вѣдь кузина Мери пережила ихъ.

— Да, но она все равно что умерла задолго до своей смерти,—продолжала разсказывать герцогиня, примостившись на ручкѣ кресла Жюли и обвивъ рукой шею грѣятельницы.—Послѣ смерти своей младшей сестры она стала такая молчаливая и жалкая, вся сморщенная, ничѣмъ не интересовалась, кромѣ религіи, и принимала очень немногихъ. Она привязалась ко мнѣ—неправда ли, какъ это странно: я такая суетная и свѣтская!—и позволяла мнѣ навѣщать ее, когда мнѣ вздумается. Каждое утро, сидя вотъ на этомъ самомъ креслѣ, она читала Священное Писаніе и псалмы вмѣстѣ со своей старой служанкой, ея ровесницей. А раза два-три въ мѣсяцъ сюда прибѣгалъ Берти по-

читать вмѣстѣ съ нею—вы знаете, Берти очень религіозенъ. Потомъ она шила до завтрака фланелевыя юбки для бѣдныхъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. А послѣ завтрака ходила читать Библію бѣднякамъ въ рабочемъ домѣ или въ больницѣ. По возвращеніи домой, дворецкій подавалъ ей «Таймсъ», а порой я заставала ее у камина, напрягающей свои старые глаза надъ книгой Данте. Къ обѣду она всегда переодѣвалась, у нея въ домѣ соблюдались всѣ правила хорошаго тона—и старый дворецкій прислуживалъ ей. Послѣ обѣда ея горничная играла съ ней въ домино или въ шашки, во всю свою жизнь кузина не брала въ руки картъ, потомъ они немножко читали вслухъ, потомъ кузина Мери играла что-нибудь церковное на этомъ смѣшномъ старомъ фортепіано, вонъ тамъ, въ углу, и въ десять часовъ весь домъ укладывался спать. Но однажды утромъ горничная пришла будить ее и увидала, что ея носикъ и подбородокъ уже обострились, а руки сложены вотъ такъ на груди... Милая кузина Мери, она ушла на небо играть свои гимны. Жюли, не правда ли, какъ странно проходитъ жизнь многихъ изъ насъ? Жюли!—маленькая герцогиня прижалась къ щекѣ подруги.—Вы вѣрите въ загробную жизнь?

— Вы забываете, что я католичка,—сказала Жюли, улыбнувшись нѣсколько неувѣренно.

Изъ передней донесся бой старинныхъ часовъ. Герцогиня вскочила съ кресла.

— Ай! Въ четыре часа мнѣ надо быть у Клярисы. Я обѣщала ей сегодня придти окончательно условиться насчетъ моего платья для придворнаго бала. Идемте осматривать остальныя комнаты.

Онѣ быстро обошли домъ. Все въ немъ носило тотъ же характеръ унаслѣдованной роскоши съ личной наклонностью къ аскетизму. Роскошные диваны и кресла, перенесенные шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ изъ одного стариннаго замка, принадлежащаго Кроуборо въ этотъ маленькій домикъ, бокъ-о-бокъ съ самой дешевой рыночной мебелью—кузина Мери жалѣла тратить свои деньги на себя. Въ послѣдніе годы своей жизни она была наполовину знатной дамой, наполовину монахиней, въ душѣ ненавидя роскошь, отъ которой она не имѣла силы освободиться, наряжаясь въ парадныя платья для одинокаго обѣда и все время съ болью въ сердцѣ думая о Господѣ, Который «не имѣлъ гдѣ преклонить главу».

Какъ бы то ни было, въ домѣ всего оказалось вполнѣ достаточно для одинокой женщины и двухъ служанокъ. Въ китайскомъ шкафчикѣ для чайной посуды до сихъ поръ стояли старинные фарфоровые сервизы, богемское стекло, лидскія и веджвудскія дессертныя тарелочки, которыми кузина Мери пользовалась почти полстолѣтія. Сторожиха принесла ключи отъ окованнаго желѣзомъ буфета, гдѣ стояла горками старинная столовая посуда; все было чисто и въ порядкѣ.

— Вы знаете, Жюли, еслибъ мы только раньше заказали обѣдъ,

я могла бы пообѣдать у васъ сегодня,—весело воскликнула герцогиня, разглядывая каждый предметъ, какъ ребенокъ кукольный домикъ.— И бѣлье, да сколько!—удивилась она, заглянувъ въ раскрытыя дверцы другого шкафа.—Впрочемъ, теперь я припоминаю: Берти велѣлъ ничего здѣсь не трогать, пока онъ не рѣшитъ, что дѣлать съ этимъ домикомъ. Да здѣсь буквально все есть!

И онѣ обѣ съ удивленіемъ разглядывали благоухающіе ряды бѣлоснѣжныхъ скатертей и салфетокъ съ полустертыми монограммами, переложенные мѣшечками съ лавадами и душистыми сашэ.

Жюли внезапно отошла и сѣла у открытаго окна, глядя въ сторону, вдаль.

— Это слишкомъ много, Эвелина,—сказала она мрачно.—Это угнетаетъ меня. Не думаю, чтобы я могла привыкнуть къ этому.

— Жюли!—и маленькая герцогиня опять присѣла возлѣ, ласкаясь къ ней—Послушайте, милочка, вѣдь вамъ же нужны простыни и ножи, и вилки. Зачѣмъ же вамъ покупать безобразные новые, когда вы можете пользоваться тѣми, что остались послѣ кузины Мери? Она сама полюбила бы васъ за это.

— Она возненавидѣла бы меня всей душой, — сказала миссъ Ле-Бретонъ, и, по всей вѣроятности, ея догадка была справедлива.

Обѣ немного помолчали. Мятежное сердце Жюли было полно невыразимой тоски и горечи. Что ей этотъ домикъ и вся его роскошь! Она уже жалѣла, что связала себя обѣщаніемъ... Почти четыре часа—и ни строчки, ни слова!..

— Жюли,—ласково шепнула ей герцогиня,—вы знаете, вѣдь вамъ здѣсь нельзя жить одной. Боюсь, что Берти подниметъ изъ-за этого цѣлую исторію.

— Я думала объ этомъ,—устало сказала Жюли.—Но послушайте, Эвелина, стоитъ ли намъ затѣвать все это?

Герцогиня сдѣлала умоляющіе глаза. Жюли тотчасъ же раскаялась въ своихъ словахъ и, обнявъ пріятельницу, прижалась головой къ ея мѣховой накидкѣ.

— Я, должно быть, устала,—выговорила она тихо.—Не считайте меня гадкой и неблагодарной. Видите ли, я могу пригласить мою молочную сестру съ ея дѣвочкой.

— Мадамъ Борнье и маленькую хромую? Превосходно! Гдѣ онѣ теперь?

— Леони въ убѣжищѣ французскихъ гувернантокъ и какъ разъ теперь ищетъ мѣста, а дѣвочка въ ортопедической лечебницѣ; ей выпрямляютъ ногу. Она удивительно поправилась и скоро должна выйти.

— Онѣ милыя?

— Тереза ангелъ—кажется, для калѣки это неизбѣжно, быть или ангеломъ, или совершенной противоположностью. Что же касается Леони—ну, если она будетъ жить у меня, вы можете быть спокойны

за мои капиталы. Она считаетъ каждую корку и щепку. Съ ней нельзя держать прислугу англичанку, но мы можемъ взять бельгійку.

— Но все-таки она милая?—допытывалась герцогиня.

— Я привыкла къ ней,—все такъ же вяло отвѣтила Жюли.

Внизу въ швейцарской часы пробили четыре.

— Боже мой!—воскликнула герцогиня.—Вы не знаете, до чего Клариса пунктуальна. Я ухожу. Хотите я пришлю за вами карету?

— Не безпокойтесь обо мнѣ. Мнѣ хочется остаться здѣсь одной, чтобъ хорошенько осмотрѣться.

— Только не забудьте, что нѣкоторые изъ нашихъ соучастниковъ, можетъ быть, заглянутъ ко мнѣ послѣ пяти? Докторъ Мередитъ и лордъ Лэкинтонъ обѣщали быть, Джэкобъ тоже; онъ останется обѣдать. И еще, Жюли, я пригласила завтра на обѣдъ капитана Уорквbooрта.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это благородно съ вашей стороны. Вѣдь онъ вамъ несимпатиченъ.

— Я его не знаю,—протестующе воскликнула герцогиня.—Разъ онъ вамъ нравится, все въ порядкѣ. Какъ онъ былъ давеча—очень милъ съ вами?—прибавила она лукаво.

— Какъ это слово не идетъ къ воспоминаніямъ о вчерашнемъ вечерѣ!

— Вамъ очень больно, Жюли?

— Да, когда васъ вышвырнутъ на улицу, съ этимъ трудно примириться сразу. Кто-то сегодня пишетъ письма леди Генри?

— Я надѣюсь, что они остались ненаписанными,—свирѣпо воскликнула герцогиня,—и что ей страшно недостаетъ васъ! Ну, прощайте, au revoir! Если я опоздаю къ Кларисѣ на двадцать минутъ, она не примѣритъ мнѣ платье, будь я хоть двадцать разъ герцогиня.

И маленькая женщина умчалась, не забывъ, однако, по пути къ экипажу оставить шотландкѣ множество инструкцій относительно хозяйства и уборки дома.

Жюли встала и снова спустилась внизъ, въ гостиную. Шотландка замѣтила, что ей хочется быть одной, и ушла. Окна, выходившія въ садъ, все еще были открыты. Жюли смотрѣла на дорожки, куртины, большія деревья, напрягала зрѣніе, стараясь разглядѣть самый замокъ, но онъ былъ плохо видѣнъ, такъ какъ маленькій домикъ въ углу нарочно былъ заслоненъ деревьями.

Такой огромный садъ въ Лондонѣ—это цѣлое состояніе. Очевидно, въ большомъ домѣ никто не живетъ. Его владѣльцы еще не вернулись изъ деревни, гдѣ они ведутъ ту же роскошную и сложную жизнь, какъ и въ столицѣ. Почести, парки, деньги, знатное имя—все имъ дано и все это они находятъ такимъ же естественнымъ, какъ солнечный свѣтъ. Жюли завидовала имъ и ненавидѣла большой домъ и все, что онъ представлялъ собою; въ душѣ она бросила вызовъ этому не-

доступному ей элегантному Мейферу, центру всего, что признано, узаконено и безпечно царитъ въ средѣ нашей аристократіи, усвоившей себѣ «матеріалистскую» точку зрѣнія.

И въ то же время она ни на минуту не переставала сознавать, что вызовъ этотъ несерьезный и настроеніе преходящее. Она знала, что у нея не хватитъ силъ освободиться отъ честолюбиваго желанія жить и блистать въ этомъ мірѣ англійской знати и богачей. Ибо, какъ она повторяла себѣ съ страстнымъ негодованіемъ, этотъ міръ былъ или долженъ былъ быть ея міромъ. А между тѣмъ у нея вся душа изболѣла за три года жизни съ леди Генри и еще больше за послѣдніе двадцать четыре часа. Она не идеализировала себя. «Мнѣ слѣдовало уйти давнымъ давно», презрительно говорила она, словно обращаясь къ кому-то, кто требовалъ отъ нея отчета и правдиваго объясненія. Но долгая и унизительная борьба ея самолюбія съ надменностью леди Генри, ея дарованій съ окружающей ее обстановкой; присутствіе въ этомъ мірѣ, гдѣ она добилась такого выдающагося личнаго успѣха, двухъ человѣкъ, совершенно разно цѣнившихъ ее—одинъ свыше мѣры, другой—съ холоднымъ спокойствіемъ человѣка, который видитъ свѣтъ, какъ онъ есть—все это жгучей отравой разливалось по ея жиламъ.

Человѣкъ, котораго она любила, не считалъ ее годной себѣ въ жены, — для него она была недостаточно хороша, недостаточна желанна. Она отлично понимала это, и эта мысль язвила ее въ самое сердце.

Джэкобъ Делафильдъ не считалъ ее недостойной сдѣлаться его женой! Она до сихъ поръ чувствовала прикосновеніе его горячихъ и сильныхъ пальцевъ, его поцѣлуй на своей рукѣ. Что за парадоксъ ея жизнь! Герцогиня въ правѣ удивляться, почему она отказала Джэкобу Делафильду—тогда, въ первый разъ. Второй отказъ ужъ не требовалъ объясненія, по крайней мѣрѣ, для нея самой. Въ тотъ зимній день, полтора мѣсяца тому назадъ, когда леди Генри тиранствовала болѣе обыкновеннаго, а ея компаньонка чувствовала себя болѣе обыкновеннаго усталой и возмущенной—въ тотъ зимній день, когда Делафильдъ, въ сумерки, проходя съ нею по Гросвеноръ-скверу, вторично заговорилъ о своей любви, она была уже подъ обаяніемъ Уорквoрта. Но раньше? Въ первый разъ? Она вошла въ домъ леди Генри съ твердой рѣшимостью, какъ можно скорѣе и какъ можно выгоднѣе выйти замужъ, снять съ себя пятно незаконнорожденности, пріобрѣсти имя и положеніе въ свѣтѣ. И вотъ ей предлагаетъ руку человѣкъ, который, можетъ быть, наслѣдуетъ герцогскій титулъ —и она отталкиваетъ его! Теперь ей было иногда трудно припомнить всѣ мотивы этого страннаго поступка, которымъ она втайнѣ такъ гордилась; но въ сущности объясненіе, данное ею герцогинѣ, было недалеко отъ истины. Ея сильная натура угадывала такую же силу въ Делафильдѣ и отступала передъ нею. Это существенно отличало ее отъ авантюристки, какой

*

считалъ ее сэръ Уильфридъ. Ей нужны были имя и деньги. Порой она жаждала ихъ. Но она неспособна была купить ихъ какой угодно цѣной. Она была не вульгарная искательница приключеній, алчная и безсовѣстная, но личность, душа. Она боялась сдѣлать себя несчастной; она томилась жаждой счастья, и, въ концѣ концовъ, сердце въ ней брало верхъ надъ головой.

Джэкобъ Делафильдъ? Нѣтъ! Все ея существо содрогалось при мысли о немъ. Человѣкъ, у котораго воля развилась поздно, если вѣрить разсказамъ о его школьныхъ дняхъ, но теперь, какъ думала Жюли, сдѣлалась непреклонной; мистикъ, аскетъ, человѣкъ, подъ чьимъ скромнымъ, небрежнымъ или слегка ироническимъ по отношенію къ самому себѣ обращеніемъ, она, съ ея способностью различать характеры, угадывала самое критическое отношеніе къ людямъ и желѣзную, нечеловѣческую правдивость; человѣкъ, передъ которымъ всегда нужно позировать, выставлять себя въ наилучшемъ свѣтѣ—нѣтъ, выйти замужъ за такого человѣка было слишкомъ рискованно для Жюли Ле-Бретонъ. Конечно, если только... она вся вспыхнула. Если дойдетъ до того, что надо будетъ забыть о любви и искать только власти — тогда, конечно...

Стукъ въ дверь, гулко разнесшійся по тихому переулку. Минуту спустя дверь гостиной пріотворилась.

— Извините, миссъ, это вамъ?

Жюли съ удивленіемъ взяла письмо. Въ дверь виденъ былъ и посланный, ожидавшій въ передней; это былъ индіецъ, слуга капитана Уоркворта.

— Я его не разберу, что онъ такое говоритъ,—сказала шотландка, покачавъ головой.

Жюли вышла сама поговорить съ нимъ. Его послали въ Кроуборогоузъ узнать о здоровьи миссъ Ле-Бретонъ и передать ей письмо. Старшій лакей, не разобравъ, что говоритъ посланецъ на своемъ странномъ англійскомъ діалектѣ, и думая, что дѣло неотложное — на конвертѣ было написано «спѣшное», направилъ его въ Герибертъ-стритъ.

Индіецъ получилъ на чай и ушелъ, а миссъ Ле-Бретонъ вернулась съ письмомъ въ гостиную.

Итакъ, онъ все-таки не забылъ; въ ея рукахъ было одно изъ писемъ, получаемыхъ ею ежедневно. Рано уходящее мартовское солнце какъ разъ въ эту минуту садилось, золотя деревья въ саду. Не его ли лучъ отразился въ глазахъ Жюли?

Посмотримъ, какъ онъ объясняетъ свое поведеніе.

«Прежде всего, гдѣ вы и что съ вами? Я заѣзжалъ около двѣнадцати въ Брутонъ-стритъ. Хеттонъ сказалъ мнѣ, что вы только что уѣхали къ герцогинѣ. Добрая—нѣтъ, умная маленькая герцогиня! она оказываетъ честь сама себѣ, пріютивъ васъ.

«Вчера вечеромъ я не могъ писать—я не находилъ словъ, я былъ въ такой тревогѣ. Все, что бы я ни сказалъ, могло прозвучать для васъ диссонансомъ. Сегодня утромъ около одиннадцати принесли вашу записку. Надо быть ангеломъ, чтобы такъ помнить о другѣ, чтобы въ такую минуту написать такое письмо. Вы пишете, что переселяетесь къ герцогинѣ, но не говорите когда; поэтому я рискнулъ отправиться въ Брутонъ-стритъ, пугаясь каждаго фонаря—мнѣ на каждомъ шагу мерещилась леди Генри, перекинулся потихоньку двумя словами съ Хеттономъ и, по крайней мѣрѣ, узналъ, что случилось съ вами, видимо и вѣдомо для всѣхъ.

«Вы, пожалуй, сочли меня вчера трусомъ—я такъ внезапно исчезъ. Это было сдѣлано подъ впечатлѣніемъ минуты. Мистеръ Монтрезоръ увелъ меня въ дальній уголъ, будто бы для того, чтобы показать картину, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы конфиденціально узнать мое мнѣніе объ одномъ спорномъ дѣлѣ, касающемся махсудской компаніи. Мы стояли за ширмой въ полумракѣ. Вдругъ дверь отворилась. Сознаюсь, при видѣ леди Генри я прямо-таки оцѣпенѣлъ. Будь это дюжій, кровожадный, шести футовъ росту, афганецъ—это бы еще ничего. Но женщина! старая, больная, взбѣшенная, съ лицомъ Медузы—нѣтъ, это было выше моихъ силъ. Мужество внезапно измѣнило мнѣ—въ сущности, какое право я имѣлъ распоряжаться въ ея домѣ? Какъ только она вошла, я выскользнулъ въ дверь за ея спиной. Генералъ Фергусъ и господинъ дю-Барта нагнали меня въ передней. Мы вмѣстѣ дошли до Бонтъ-стритъ. Имъ было и смѣшно, и досадно; я бы смѣялся—еслибъ могъ позабыть о васъ.

«Но что могъ бы я сдѣлать для васъ, дорогой другъ, еслибъ и остался выдержать бурю? Съ вами оставалось нѣсколько ревностныхъ вашихъ приверженцевъ, къ тому же имѣвшихъ надо мной преимущество, такъ какъ они были или родственники, или старые знакомые леди Генри. Въ сравненіи съ ними, я былъ безсиленъ защитить васъ и тѣмъ не менѣе всю дорогу горько упрекалъ себя, да и придя домой не могъ уснуть отъ укоровъ совѣсти и тревоги за васъ. Ну что же, я былъ наказанъ по заслугамъ.

«Въ сущности, теперь, когда самое больное пережито, нельзя не признать, что разрывъ былъ необходимъ и что, въ сущности, все вышло къ лучшему. Вы увидите, какъ вы расцвѣтете въ болѣе свободной и счастливой жизни. Герцогиня зоветъ меня завтра обѣдать—я только что получилъ записку,—такъ что я скоро буду имѣть возможность узнать отъ васъ самой подробности, которыя меня страшно интересуютъ. Но, можетъ быть, вы напишете раньше?

«Что касается меня, я живу между страхомъ и надеждой. Генералъ Фергусъ по дорогѣ домой былъ молчаливъ и нѣсколько угрюмъ,—не льщу себя надеждой, чтобъ онъ питалъ ко мнѣ особенно дружеское расположеніе. Но Монтрезоръ былъ болѣе чѣмъ любезенъ и предо-

ставилъ мнѣ еще нѣсколько шансовъ, которыми я, конечно, былъ очень счастливъ воспользоваться. Ну, теперь ужъ недолго ждать; скоро узнаемъ.

«Вы говорили мнѣ какъ-то, что если дойдетъ до разрыва, вы начнете зарабатывать себѣ хлѣбъ перомъ, и докторъ Мередитъ дастъ вамъ работу. Думаю, что если вы остановитесь на этомъ рѣшеніи, вы не пожалѣете. Мои маленькія упражненія въ писательствѣ доставили мнѣ много пріятныхъ часовъ. Знаете ли вы, что я давнымъ давно еще до моего назначенія на Гибралтаръ написалъ военный романъ?

«Нѣтъ, я не жалѣю васъ потому только, что вамъ придется теперь утилизировать свой умъ и способности. За то вы будете свободны и будете госпожой своей судьбы. А для тѣхъ, кто, подобно вамъ и мнѣ самъ себя сдѣлалъ, какъ выражаются испанцы, это очень много.

«Милый другъ! милый, гонимый другъ! Я думалъ о васъ въ эту безсонную ночь; я думаю о васъ теперь. Дайте мнѣ поскорѣе вѣсточку о себѣ.»

Жюли опустила письмо на колѣни. Лицо ея словно окаменѣло. Никогда еще она не получала отъ него такого фальшиваго письма.

Горе? Сожалѣніе? Нѣтъ, ничего подобнаго! Просто хладнокровная игра съ вѣрной добычей, пока добыча подъ рукой. Если онъ получитъ назначеніе, котораго добивается, черезъ двѣ-три недѣли онъ будетъ уже далеко, въ глубинѣ Африки. Если нѣтъ...

Какъ бы тамъ ни было, у нея есть въ распоряженіи двѣ-три недѣли. Лицо ея выражало твердую рѣшимость. Жюли встала и еще разъ обошла домъ, внимательно разглядывая каждую подробность. Въ общемъ, онъ очень типиченъ и не лишенъ своеобразнаго обаянія. Оно, несомнѣнно, интересная и подходящая декорація для жизни, которую она намѣревалась вести. Она начнетъ эту жизнь сейчасъ же, не позже, какъ черезъ три дня. Въ средствахъ она не стѣснена. За время жизни съ леди Генри она откладывала всѣ свои небольшіе доходы, и сейчасъ у нея скоплено до трехсотъ фунтовъ. Взять ихъ изъ банка можно во всякую минуту, притомъ же она сразу начнетъ зарабатывать.

Терезу надо будетъ помѣстить вотъ въ этой комнаткѣ, веселенькой, голубой, окномъ на югъ. Думая о дѣвочкѣ, Жюли испытывала странные приливы нѣжности. Какъ странно, что обѣ онѣ, Леони и Тереза, снова войдутъ въ ея жизнь! Жюли не сомнѣвалась, что онѣ съ радостью примутъ ея предложеніе. Ея молочная сестра вышла замужъ за учителя въ одной изъ муниципальныхъ школъ въ Брюгге, въ то время когда Жюли еще училась въ монастырѣ. Хромая дочка Леони часто гостила у своей бабушки, старой мадамъ Ле-Бретонъ. Для Жюли она была и нежеланной, и несимпатичной гостьей. Но такъ было только вначалѣ. Хрупкое созданьице скоро съумѣло найти дорогу къ замкнутому и часто суровому сердцу молодой дѣвушки.

Въ то время когда она жила у леди Генри, обѣ онѣ, мать и дочь, также были въ Лондонѣ. Мать, овдовѣвъ, зарабатывала себѣ хлѣбъ начальными уроками французскаго языка; дѣвочка училась въ разныхъ пансіонахъ и подолгу лежала въ больницѣ или поправлялась дома. Навѣщать ее, когда она лежала на бѣленькой больничной койкѣ, приносить ей игрушки и цвѣты или просто поцѣлуи, развлекать ее болтовней—все это было въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ въ жизни Жюли единственнымъ добрымъ дѣломъ, вполнѣ тайнымъ, безкорыстнымъ и постояннымъ.

Глава XII.

Въ этотъ вечеръ между чаемъ и обѣдомъ въ гостиной герцогини собралось довольно унылое общество.

Къ чаю миссъ ле-Бретонъ не пришла. Герцогиня думала, что, осмотрѣвъ свое новое жилище, Жюли отправилась разыскивать мадамъ Борнье. Джэкобъ Делафильдъ пришелъ, но былъ, видимо, не расположенъ много говорить, хотя бы даже въ защиту Жюли. Одинъ за другимъ появлялись, «соучастники» преступленія прошлаго вечера, все бывшіе *habitués* леди Генри. Докторъ Мередитъ принесъ портфель, по видимому, съ корректурами.

— Миссъ ле-Бретонъ еще нѣтъ?—спросилъ онъ, озираясь кругомъ.

Герцогиня сказала, что ее ждутъ съ минуты на минуту. Великій человѣкъ сѣлъ, бережно поставилъ возлѣ себя свой портфель и, хмурясь, принялся за поданную ему чашку чаю. Онъ былъ, видимо, чѣмъ-то озабоченъ.

Вслѣдъ за нимъ явились лордъ Лэкинтонъ и сэръ Уильфридъ Бёри. Монтрезоръ прислалъ изъ палаты записку, что онъ по окончаніи дебатовъ зайдетъ и разсчитываетъ, что его накормятъ, но можетъ пробыть не болѣе часа.

— Итакъ, мы снова въ сборѣ, самые отъявленные злодѣи,—сказала герцогиня, немножко бравируя, но со вздохомъ, и подала лорду Лэкинтону чашку чая.

— Пожалуйста, говорите за себя,--отозвался своимъ музыкальнымъ голосомъ сэръ Уильфридъ, бережно вытирая усы, на которые попала пѣна отъ сливокъ.

— Все это прекрасно,—сказала герцогиня,—но почему вы не были тамъ?

— Я остерегся.

— Кто боится попасть въ бѣду, тотъ не наживетъ себѣ друзей,—былъ колкій отвѣтъ.

— Оставьте его,—вмѣшался лордъ Лэкинтонъ, накладывая себѣ еще торта.—Онъ будетъ наказанъ по заслугамъ. Въ слѣдующую пятницу онъ будетъ сидѣть tête-à-tête съ леди Генри.

— Леди Генри завтра уѣзжаетъ въ Торквей,—спокойно сказалъ сэръ Уильфридъ.

— А, вотъ какъ!

Его засыпали вопросами. Звонче всѣхъ раздавался голосокъ герцогини.

— Такъ вы ее видѣли?

— Да. Сегодня, на двадцать минутъ, больше она не могла выдержать. Вчера ей было нехорошо, а сегодня, разумѣется, еще хуже. Что касается ея настроенія...

Слушатели поспѣшили придвинуться ближе.

— Она объявляетъ войну, непримиримую и безпощадную.

— Бѣдные мы, гдѣ же мы укроемся? Пещера сегодня провѣтривается.

На вопросительные взгляды остальныхъ герцогиня объяснила въ чемъ дѣло и ноготемъ на скатерти нарисовала домикъ въ Герибертъ-стритѣ, съ его слуховымъ окошечкомъ, напоминающимъ глазъ циклопа, и іоническими колоннами.

— А,—сказалъ сэръ Уильфридъ, задумчиво закладывая ногу на ногу.—Значитъ, дѣло-то выходитъ серьезное.

— Надо же Жюли гдѣ-нибудь жить,—сухо возразила герцогиня.

— Я угадываю возраженіе леди Генри. Она скажетъ, что въ Лондонѣ, по всей вѣроятности, еще найдется нѣсколько домовъ, не принадлежащихъ ея кузену, герцогу Кроуборо.

— Пожалуй, такого, который можно было бы нанять въ одинъ день и сейчасъ же въѣхать въ него, и не найдется,—замѣтилъ лордъ Лэкинтонъ съ своей странной усмѣшкой, напоминающей яркій солнечный лучъ, пробивающійся сквозь туманъ.—Вотъ это-то въ насъ и худо, что разстояніе между нами и настоящимъ бѣдствіемъ слишкомъ велико. Мы рискуемъ очень немногимъ. Вѣдь въ рабочій домъ мы не попадемъ.

Сэръ Уильфридъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него и, понизивъ голосъ, спросилъ:

— Такъ ли я понялъ васъ? Вы хотите сказать, что, еслибъ не было Герибертъ-стритъ и герцогини, миссъ Ле-Бретонъ съумѣла бы ужиться съ леди Генри?

Лордъ Лэкинтонъ опять улыбнулся.

— По всей вѣроятности... Но во всякомъ случаѣ теперь мы въ выигрышѣ. Теперь mademoiselle Жюли отдохнетъ душой и будетъ всецѣло нашей.

— Вы давно уже знакомы съ Ле-Бретонъ?

— Нѣтъ, не очень. Не помню въ точности, сколько времени. Леди Генри, конечно, мой старый другъ, какъ и вашъ. Иногда она начинаетъ очень браниться. Тогда я ухожу, но всегда возвращаюсь. Дѣло въ томъ, что мы съ ней можемъ говорить и вспоминать о людяхъ и

событіяхъ, которыхъ никто, кромѣ насъ, не помнитъ, даже и вы, Бёри. Эту зиму я правда чаще сталъ бывать у леди Генри; я находилъ миссъ Ле-Бретонъ такой привлекательной...

— Вотъ именно,—засмѣялся сэръ Уильфридъ.—Въ этомъ все дѣло.

— Меня вотъ что интересуетъ,—задумчиво продолжалъ его собесѣдникъ,—какъ она можетъ быть до такой степени англичанкой, при ея иностранномъ воспитаніи. Она удивительно понимаетъ людей, въ особенности лондонцевъ. Я никогда еще не видѣлъ, чтобы она сдѣлала ошибку. А между тѣмъ она всего пять лѣтъ назадъ въ первый разъ посѣтила Англію, а у леди Генри живетъ всего только три года. Я не считалъ возможнымъ разспрашивать ни ее, ни леди Генри—было очевидно, что обѣ онѣ не желаютъ разспросовъ. Но вотъ вы, напримѣръ, я увѣренъ, что леди Генри откровеннѣе съ вами, чѣмъ со мной, вы знаете что-нибудь о прошломъ mademoiselle Жюли?

Сэръ Уильфридъ невольно смутился и въ умѣ его мелькнула та же мысль, которую утромъ высказалъ герцогъ: «Она должна ему открыться! Жюли Ле-Бретонъ не имѣла права оставлять въ невѣдѣніи старика, когда всѣ окружающіе были посвящены въ ея тайну. Она какъ бы выставляла на посмѣшище отца своей матери, дѣлала его и себя предметомъ любопытства и забавы для свѣта. Невольно каждый посвященный слѣдилъ за ними обоими, за каждымъ движеніемъ. Отъ этого невозможно было удержаться. А между тѣмъ въ этомъ было что-то неделикатное».

Его отвѣтъ былъ нѣсколько уклончивъ.

— Да, я случайно кое-что знаю. Но я увѣренъ, что миссъ Ле-Бретонъ предпочла бы сказать вамъ сама. Спросите ее. Пока она жила у леди Генри, были причины молчать...

— Разумѣется, я спрошу, если вы думаете, что это не будетъ неудобно. Никогда еще человѣка не снѣдало такое жадное любопытство, какъ меня по отношенію къ этой милой молодой леди. Такая красивая, очаровательная, воспитанная—и такъ одинока! Это-то и непонятно. Личность предполагаетъ среду, milieu—иначе, какъ бы она создалась? А здѣсь нѣтъ никакого milieu, если не считать маленькаго кружка, созданнаго ею для себя при посредствѣ леди Генри... Такъ вы думаете, что можно спросить ее? Непремѣнно спрошу ее, обязательно!

И старикъ весело потеръ руки. Живость его взгляда и движеній опять поразила сэра Уильфрида. У этого человѣка былъ даръ неувядаемой молодости.

— Только выберите удачную минуту, — поспѣшно сказалъ сэръ Уильфридъ.—Это такая печальная и трагическая исторія...

Лордъ Лэкинтонъ посмотрѣлъ на него и весело кивнулъ головой, словно говоря: «Вы не довѣряете моему знанію женщинъ—мнѣ, который съ колыбели былъ для нихъ господиномъ!»

— Сэръ Уильфридъ,—прервала ихъ разговоръ герцогиня.—Сэръ Уильфридъ, вы видѣли леди Генри,—что ее больше всего разсердило—то, что мы зашли, или кофе?

Бери, улыбаясь, вернулся къ чайному столу.

— То, что вы зашли, еще небольшая бѣда, еслибъ вы такъ же скоро и ушли. Васъ погубило кофе.

— Понимаю,—сказала герцогиня, надувъ губки.—Это значило, что мы находимъ возможнымъ пріятно проводить время безъ леди Генри. Въ этомъ вся обида.

— Вотъ именно. Это было доказательствомъ, что вы дѣйствительно пріятно проводили время, иначе вы не засидѣлись бы и не спросили бы кофе.

— Не знала я, что кофе такой роковой напитокъ,—вздохнула герцогиня.—Ну, и что же? Она такъ-таки, дѣйствительно, непримирима?

— Безусловно, ужъ въ этомъ можете быть увѣрены.

— Она никого изъ насъ не хочетъ видѣть—ни даже меня?

Сэръ Уильфридъ колебался.

— Пошлите ходатаемъ герцога.

Герцогиня засмѣялась и покраснѣла.

— А какъ же м-ръ Монтрезоръ?

— Да, ему это будетъ не легко,—сказалъ сэръ Уильфридъ другимъ тономъ.

— Неужели вы хотите сказать...

— Сколько лѣтъ это длилось?—задумчиво продолжалъ сэръ Уильфридъ.

— Я думаю лѣтъ тридцать, если не больше. Когда умеръ его сынъ и жена не рѣшалась сообщить ему о смерти, это сдѣлала леди Генри.

Наступило молчаніе. Монтрезоръ потерялъ единственнаго сына, офицера, въ дѣлѣ при Алумбахѣ, когда англійскія войска шли на выручку Лукноу.

Герцогиня первая прервала молчаніе.

— Я знаю, вы въ глубинѣ души считаете Жюли виноватой и осуждаете всѣхъ насъ, находя, что мы поступили гнусно.

— Милая герцогиня,—помолчавъ, сказалъ сэръ Уильфридъ,—въ Персіи вѣрятъ въ судьбу, и я привезъ съ собой эту вѣру на родину.

— Да, да, вотъ именно! именно!—воскликнулъ лордъ Лэкинтонъ.—Когда леди Генри понадобилась компаньонка и судьба свела ее съ миссъ Ле-Бретонъ...

— Вчерашній кофе былъ уже налитъ,—подсказалъ сэръ Уильфридъ.

Въ это время раздался намѣренно повышенный, нѣсколько рѣзкій голосъ доктора Мередита:

— Не понимаю, зачѣмъ облагораживать красивыми словами гадкое чувство зависти! Для нѣкоторыхъ женщинъ—для женщинъ такого типа, какъ нашъ старый другъ, благодарность тяжела. Въ этомъ мораль басни...

— Единственная?—сказалъ сэръ Уильфридъ, и углы его рта дрогнули насмѣшкой.

— Единственная, которая чего-нибудь стоитъ. Лэди Генри нашла или могла бы найти дочь...

— Насколько я понимаю, она нанимала компаньонку.

— Хотя бы и такъ. Но, отстаивая свои нелѣпыя права, она потеряла и дочь, и компаньонку. Въ семьдесятъ лѣтъ жизнь не прощаетъ намъ такихъ ошибокъ.

Сэръ Уильфридъ, молча, покачалъ головой. Докторъ Мередитъ откинулъ назадъ сѣдѣющую гриву волосъ, и глаза его засверкали.

— Я старый пріятель леди Генри, почти такой же старый, какъ и вы, Бёри. Но если леди Генри угодно изъ-за этого ссориться со мной—пусть ее. Я жалѣть не стану!

«Что за безуміе овладѣло всѣми этими людьми?» думалъ Бёри, отходя отъ стола. Его поражалъ непривычный огонь во взорѣ Мередита, непривычное оживленіе въ его рѣчахъ. Онъ усѣлся въ углу, чтобы удобнѣе наблюдать за лицомъ журналиста. Это было лицо человѣка, много пережившаго, но больше въ интеллектуальной, чѣмъ въ физической области; оно то дышало спокойной выдержкой и достоинствомъ—главнымъ образомъ, благодаря широкой дугѣ бровей подъ густыми сѣдѣющими кудрями, то становилось унылымъ, гнѣвнымъ, негодующимъ, мѣняя выраженіе съ необычайной быстротою, какъ у актера. Голова немного ушла въ плечи, словно придавленная собственною тяжестью. Въ каждомъ движеніи туловища, на которомъ сидѣла эта голова, сказывалась властная самоувѣренность человѣка, въ своей сферѣ привыкшаго повелѣвать не меньше, чѣмъ Монтрезоръ.

Для сэра Уильфрида личность знаменитаго издателя, несмотря на многолѣтнее, хотя и съ перерывами, знакомство, до сихъ поръ оставалось загадкой. Онъ, повидимому, былъ холостъ; или, можетъ быть, у него имѣлась жена, подобранная въ одну изъ первичныхъ стадій его существованія и теперь тщательно скрываемая имъ гдѣ-нибудь въ Клапгэмѣ или Горнсеѣ вмѣстѣ съ ея дѣтьми? Бёри помнилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ докторъ Мередитъ приводилъ съ собою иногда сестру, безвкусно одѣтую женщину, съ которой леди Генри при случаѣ бывала оффиціально любезна. Но, кромѣ этого, ничего. Откуда былъ родомъ великій человѣкъ, изъ какой семьи, гдѣ онъ жилъ, учился, воспитывался—всего этого сэръ Уильфридъ не зналъ и не думалъ, что бы кому-нибудь это было извѣстно. Превосходное знаніе нѣмецкаго и, какъ говорили, русскаго языковъ указывало на заграничное воспитаніе, но докторъ Мередитъ не поощрялъ разспросовъ въ этой области, какъ и ни въ чемъ, касающемся его личной жизни. Многіе говорили, что онъ еврейскаго происхожденія, и нѣкоторыя черты въ его лицѣ и характерѣ подтверждали эту догадку. Если такъ, онъ былъ, во всякомъ

случаѣ, изъ племени Гейне и Дизраэли, а не изъ племени банкировъ и коммерсантовъ.

Какъ бы тамъ ни было, онъ былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей нашего времени. Онъ былъ не только владѣльцемъ газеты, но и игралъ видную роль въ прессѣ, ставшей за пятнадцать лѣтъ силой, съ которой всѣ признавали необходимость считаться. Политика въ устахъ этого человѣка пріобрѣтала оттѣнокъ какой-то мрачной поэзіи; у него были свои идеалы, предметы ненависти, приливы негодованія, но въ рѣчахъ онъ обыкновенно былъ сдержанъ. Что касается страстей,—сэръ Уильфридъ могъ поклясться, что, женатъ онъ или нѣтъ, человѣкъ съ такимъ выраженіемъ глазъ и рта не могъ прожить жизнь, не узнавъ страстей.

Неужели и онъ также околдованъ этой женщиной?

Онъ также? Ибо немного позади сэра Уильфрида, возлѣ герцогини, сидѣлъ Джэкобъ Делафильдъ, а во время своей грустной утренней бесѣды съ леди Генри сэръ Уильфридъ узналъ о Джэкобѣ Делафильдѣ многое, чего не зналъ раньше. Итакъ, она отказала ему, эта женщина, изъ-за которой теперь поднялась такая буря, но былъ ли это окончательный отказъ? Леди Генри презрительно смѣялась, говоря объ этомъ. По ея мнѣнію, Жюли просто играла съ нимъ и, будучи совершенно увѣрена въ немъ, держала его про запасъ, благо сейчасъ ее больше привлекалъ красивый офицеръ. Сэръ Уильфридъ, внутренне содрогаясь, думалъ о томъ, что когда женщина поддастся такой ярости, какъ сейчасъ леди Генри, ея логика становится такой же вульгарной, какъ у первой попавшейся горничной.

Итакъ, Джэкобъ превратился въ игрушку, пляшетъ по дудкѣ миссъ Ле-Бретонъ? А, между тѣмъ, по лицу его трудно предположить, чтобы онъ былъ на это способенъ, точно такъ же, какъ и по лицу доктора Мередита. Наружность молодого человѣка какъ-то странно мѣнялась на глазахъ сэра Уильфрида: старыя впечатлѣнія изглаживались и мѣсто ихъ заступали новыя. Теперь это лицо часто напоминало Бёри одинъ гольбейновскій портретъ, видѣнный имъ когда-то въ музеѣ въ Базелѣ и удивительно прочно засѣвшій въ памяти. Большой ротъ съ тонкими губами говорилъ о терпѣливости, однако, не переходящей въ слабость; удлиненный подбородокъ—о сильной волѣ, носъ, тупо срѣзанный на концѣ, но съ красивыми и тонкими ноздрями; сѣрые глаза, по временамъ заволакивающіеся дымкой мечтательности, сквозь которую свѣтилась какая-то суровая кротость; бѣлокурые волосы, низко спускающіеся на массивный лобъ, въ свою очередь тяжело нависшій надъ глазами: таковъ былъ молодой германецъ, быть можетъ слушавшій Меланхтона; таковъ былъ теперь въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія Джэкобъ Делафильдъ. Нѣтъ, гнѣвъ ослѣпляетъ. По всей вѣроятности, такъ было и съ леди Генри. Во всякомъ случаѣ, въ присутствіи Делафильда ея догадки казались мало вѣроятными.

Но если Делафильдъ не подалъ голоса, зато маленькая герцогиня восторженно откликнулась на слова Мередита.

— Жалѣть! Конечно, нѣтъ! О чемъ же намъ жалѣть—развѣ только о томъ, что Жюли была такъ долго несчастна? Ужъ, дѣйствительно, натерпѣлась она!.. Цѣлый день, каждый день—нѣтъ, вы не знаете—никто изъ васъ не знаетъ—вы не видѣли всѣхъ мелкихъ подробностей, какъ видѣла я!

— Хожденія за покупками и собакъ?—лукаво подсказалъ сэръ Уильфридъ.

Герцогиня кинула ему полушутливый, полусердитый взглядъ и продолжала:

— Это былъ цѣлый рядъ мелкихъ мученій. Даже старому человѣку нельзя позволять лишняго; можно терпѣть только до извѣстной степени—не правда ли? А если даже и можно, то не должно! Нѣтъ, будемъ радоваться, что все это кончилось, и Жюли, наша милая, прелестная Жюли, которая со всѣми нами присутствующими здѣсь была всегда такъ мила и добра, не правда ли?..

Одобрительный шопотъ пробѣжалъ по гостиной.

— Жюли свободна! Но только она очень одинока. Мы должны позаботиться о томъ, чтобы она не страдала отъ этого. Леди Генри можетъ завтра же купить себѣ другую компаньонку—и купитъ! У нея куча денегъ, куча друзей и всѣмъ имъ она будетъ разсказывать эту исторію по своему. А у Жюли нѣтъ никого, кромѣ насъ. Если мы отвернемся отъ нея...

— Отвернемся отъ нея!—повторилъ чей-то голосъ, въ которомъ прозвучала не то насмѣшливая, не то взволнованная нотка. Бёри показалось, что это былъ голосъ Джэкоба.

— Разумѣется, мы ее не оставимъ,—воскликнула герцогиня.—Мы соединимся вокругъ нея и поможемъ ей перенести это. Если леди Генри начнетъ дѣлать ей непріятности, мы вступимся за нее. Если нѣтъ—ахъ! Жюли, милочка, это вы!

Герцогиня вскочила и, поймавъ за руку вошедшую пріятельницу, другой рукой описала кругъ.

— А вотъ и мы—вашъ дворъ—ваше сенъ-жерменское предмѣстье.

— Такъ вы хотите, чтобъ я умерла въ изгнаніи?—сказала Жюли съ мимолетной улыбкой, снимая перчатки, затѣмъ оглядѣла своихъ друзей.—Какъ вы всѣ добры, что пришли! Лордъ Лэкинтонъ!—она порывисто подошла къ нему и взяла его за обѣ руки; онъ, захваченный врасплохъ, не противился.—Я знаю, это было глупо, но вы не думаете, чтобъ это было такъ ужъ *гадко*—не правда ли?

Она съ грустью смотрѣла на него. Вся ея легкая фигура словно прильнула къ старику. Джэкобъ, Мередитъ, сэръ Уильфридъ Бёри инстинктивно отвернулись. Все въ комнатѣ притаило дыханіе. Лордъ Лэкинтонъ покраснѣлъ, какъ дѣвушка.

— Нѣтъ, нѣтъ, можетъ быть, это была ошибка со стороны всѣхъ насъ, но, во всякомъ случаѣ, мы виноваты больше васъ, mademoiselle,—гораздо больше! Да не волнуйтесь же такъ. У васъ такое лицо, какъ будто вы не спали всю ночь; это совсѣмъ лишнее. Вы должны были ожидать этого раньше или позже. Леди Генри со временемъ смягчится и тогда вы уже съумѣете поладить съ ней. Но теперь намъ надо обсудить ваше будущее. Только вы прежде сядьте. Зачѣмъ у васъ такой утомленный видъ, гдѣ вы изволили странствовать?

И съ изящнымъ поклономъ, все еще не выпуская ея руки, онъ подвелъ ее къ креслу и помогъ ей снять съ себя тяжелую накидку.

— Мое будущее!—Жюли вздрогнула и опустилась въ кресло.

Какое у нея было усталое и измученное лицо! Глаза ея блуждали, переходя съ одного на другого съ невольной мольбой. Въ мягкомъ, неясномъ освѣщеніи комнаты ея блѣдное лицо и руки на фонѣ черного платья, казалось, жили какой то странной особенной жизнью. Они повелѣвали, приказывали, напоминая о ея слабости, ея полѣ. Ибо въ этомъ, несмотря на ея высокую интеллигентность, и заключалась тайна ея обаянія. Все ея существо дышало женственностью—старой, обычной властью женщины надъ мужчиной.

— Не знаю, почему вы всѣ такъ добры къ мнѣ,—прошептала она.— Позвольте мнѣ исчезнуть. Я могу уѣхать въ провинцію и тамъ заработать себѣ кусокъ хлѣба. Тогда я никому не буду въ тягость!

Невидимый ею сэръ Уильфридъ все время зорко слѣдилъ за ней. Онъ считалъ ее превосходной актрисой и каждая новая ея фраза приводила его въ восторгѣ.

Герцогиня и смѣясь, и плача, начала бранить подругу. Делафильдъ наклонился надъ кресломъ Жюли.

— А чаю вамъ такъ и не дали?

Улыбка въ его взглядѣ невольно вызвала у нея слабую отвѣтную улыбку. Жюли объявила, что не хочетъ чаю и вообще не нуждается ни въ какомъ физическомъ подкрѣпленіи. Тогда къ ней подошелъ докторъ Мерэдитъ съ портфелемъ въ рукахъ, съ видомъ издателя, думающаго только о дѣлѣ, и съ дѣловой краткостью пояснилъ:—Я принесъ корректурные оттиски новой книги о Шелли, миссъ Ле-Бретонъ. Она выйдетъ въ свѣтъ 22. Будьте любезны черезъ недѣлю представить мнѣ рецензію о ней. Могу предоставить вамъ два столбца—даже пожалуй два съ половиной. Вы найдете здѣсь также двѣ-три другихъ вещицы—дайте мнѣ знать пожалуйста, что вы намѣрены предпринять.

Жюли томно протянула руку за портфелемъ.

— Не думаю, чтобы вамъ слѣдовало такъ довѣрять моимъ силамъ

— Чего вы хотите отъ нея?—вмѣшался лордъ Лэкингтонъ.—Болтовни о Герріетѣ? Я могъ бы написать вамъ объ этомъ нѣсколько стопъ. Я вѣдь видался съ Герріетомъ.

— А!

Мередитъ, страстно любившій Шелли и преклонявшійся передъ нимъ, невольно вздрогнулъ и обернулся. Затѣмъ присѣлъ рядомъ съ *mademoiselle* Ле-Бретонъ и, понизивъ голосъ, началъ объяснять ей, на что нужно обратить особенное вниманіе въ переданной ей для рецензіи книжкѣ. Онъ не могъ дать ей лучшаго доказательства своей преданности. Жюли знала это и, подбодрившись, слушала его покорно и съ нѣжнымъ вниманіемъ. Такимъ образомъ, какъ, усмѣхаясь, отмѣтилъ про себя сэръ Уильфридъ, всѣ разговоры объ ея «исчезновеніи» сами собою смолкли.

Онъ подозрѣвалъ, что прекрасная леди только съ нимъ чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко. И это на самомъ дѣлѣ было такъ. Жюли своей блѣдностью, своимъ смиреніемъ, такъ сказать, кинулась въ объятія своихъ друзей, и всѣ они теперь наперерывъ старались развеселить и утѣшить ее. Между тѣмъ, ея вниманіе цѣликомъ было сосредоточено на единственномъ человѣкѣ въ этой гостиной, относившемся къ ней критически, и этотъ человѣкъ не разъ замѣчалъ попытки втянуть его въ разговоръ. И когда наконецъ лордъ Лэкинтонъ излилъ Мередиту весь свой запасъ воспоминаній, она этого достигла, и сэръ Уильфридъ не противился ей.

Положивъ подбородокъ на руки, она наклонилась къ нему, не сводя съ него глазъ. И, хотя онъ былъ ея противникомъ, онъ не могъ отрицать, что эти глаза были прекрасны, въ особенности съ этой дрожавшей въ нихъ ноткой усталости и страданія.

— Сэръ Уильфридъ,—умоляюще заговорила она,—вы должны помочь мнѣ предупредить разрывъ между леди Генри и м-мъ Монтрезоромъ.

Онъ весело взглянулъ на нее.

— Боюсь, что вы опоздали. Насколько я понялъ изъ ея собственныхъ словъ, этотъ вопросъ уже рѣшенъ.

— Не можетъ быть! Такъ скоро!

— Нынче утромъ они обмѣнялись письмами.

— Но вы можете помѣшать этому. Вы должны!—она заломила руки.

— Нѣтъ,—медленно выговорилъ онъ,—боюсь, что вамъ придется примириться съ этимъ. Ихъ отношенія были дѣломъ давнишней, старой привычки. Какъ все старое и хрупкое, такія отношенія не выдерживаютъ толчковъ.

Жюли откинулась на спинку кресла, подняла руки и жестомъ отчаянія уронила ихъ на колѣни.

Маленькое наказаніе—ничего, это ей не повредитъ.

Въ головѣ сэра Уильфрида вертѣлся стихъ Горація:

«Сдѣлай мнѣ одолженіе, тронь своимъ прутомъ эту жеманницу Хлою, но не причиняй ей сильной боли!»

Но тутъ вмѣшался Джэкобъ, очевидно слѣдившій за этой маленькой

карательной попыткой и, безъ сомнѣнія, не одобрявшій ее,—чего же иного могъ онъ ожидать? Подъ спокойной внѣшностью сэра Уильфрида крылось горячее сочувствіе къ безпомощной обиженной старухѣ.

Делафильдъ наклонился къ миссъ Ле-Бретонъ.

— Не лучше ли вамъ пойти отдохнуть, какъ совѣтуетъ Эвелина?

Жюли встала; за ней поднялись и другіе.

— Прощайте, прощайте, — говорилъ лордъ Лэкинтонъ, сердечно пожимая ей руку.—Отдохните и забудьте. Перемелется—мука будетъ. А на Пасху вы должня пріѣхать ко мнѣ въ деревню; у меня будетъ гостить дочь и моя внучка Элинъ—если только мнѣ удастся вытащить ихъ изъ Италіи. Элинъ—маленькая фея, вы будете въ восторгѣ отъ нея. Помните же—вы обѣщали; вы непремѣнно должны пріѣхать.

Герцогиня, прощавшаяся съ сэръ Уильфридомъ, остановилась на полсловѣ, наблюдая за пріятельницей. Жюли, опустивъ глаза, шептала слова благодарности; лордъ Лэкинтонъ, прямой, какъ стрѣла, и сегодня какъ-то особенно бодрый, словно бремя семидесяти пяти лѣтъ на плечахъ для него было бездѣлицей, простился со всѣми старомоднымъ общимъ поклономъ и, улыбаясь, вышелъ. Жюли обвела глазами присутствующихъ и на каждомъ лицѣ, какъ и въ своемъ собственномъ сердцѣ, прочла одно и то же: «*Старикъ долженъ узнать!*» Полчаса спустя въ гостиную вошелъ герцогъ, разыскивавшій свою жену. Съ вечернимъ поѣздомъ сѣверной желѣзной дороги ему предстояло уѣхать изъ города, и настроеніе его, видимо, было далеко не изъ лучшихъ. Герцогиня лежала на софѣ у камина, заложивъ руки за голову и мечтала. Быть можетъ, именно эта безмятежность ударила по взбудораженнымъ нервамъ герцога, но только прощаніе вышло не очень-то нѣжнымъ. Герцогъ сухо сообщилъ, что онъ видѣлся съ леди Генри, и дѣйствительность оказывается еще хуже, чѣмъ онъ предполагалъ. Поведеніе миссъ Ле-Бретонъ рѣшительно ничѣмъ не можетъ быть оправдано и ему прямо стыдно, что онъ такъ легко далъ убѣдить себя относительно дома. Разъ онъ далъ слово, разумѣется это дѣло конченное—по крайней мѣрѣ, на полгода. Затѣмъ, пусть миссъ Ле-Бретонъ сама промышляетъ о себѣ. А пока леди Генри отказывается принимать герцогиню, да и его самого простить не сразу. Все это страшно непріятно, и онъ очень радъ, что уѣзжаетъ, потому что онъ прямо-таки не въ состояніи быть любезнымъ съ этой госпожой, хоть она и дочь леди Розы.

— Ну, будетъ, Бёрти, не сердись,—сказала герцогиня,—она переѣдетъ прежде, чѣмъ ты вернешся, и я сама устрою ее.

Герцогъ угрюмо обнялъ жену, пошелъ къ двери и вернулся.

— Я терпѣть не могу подобныхъ разговоровъ, но, можетъ быть мнѣ лучше сказать тебѣ, что мнѣ сообщила леди Генри. Она говоритъ, что у нея романъ не только съ Делафильдомъ; есть еще какой-то капитанъ Уорквортъ...

Герцогиня кивнула головой.

— Да, но ему мы Жюли не дадимъ!

Ея улыбка окончательно привела герцога въ негодованіе.

— Ты-то тутъ при чемъ? Эвелина, я прошу, я требую, чтобы ты не мѣшалась въ любовныя дѣла миссъ Ле-Бретонъ.

— Ты забываешь, Бёрти, что она мой *другъ*.

Маленькая женщина, тяжело дыша и скрестивъ на груди крошечныя ручки, смѣло выдержала его взглядъ, не потупивъ глазъ.

Герцогъ сердито пробормоталъ что-то и вышелъ.

Въ половинѣ девятаго передъ домомъ герцогини остановился экипажъ и оттуда вышелъ Монтрезоръ.

Онъ засталъ обѣихъ дамъ и Джэкоба Делафильда въ столовой—они только что сѣли за столъ—и оставался съ ними всего одинъ часъ, но этотъ часъ былъ не изъ пріятныхъ. Великій человѣкъ усталъ отъ работы и преній и, кромѣ того, былъ угнетенъ разрывомъ со своимъ старымъ другомъ. Жюли не смѣла предлагать вопросовъ и, чувствуя себя виноватой, ушла въ себя. Она угадывала, что ея освобожденіе куплено дорогой цѣной, и невольно съ горечью спрашивала себя, чѣмъ она можетъ отплатить за это, еще съ большей горечью сознавая, что тотъ же вопросъ долженъ былъ являться и у другихъ.

Послѣ обѣда, когда Монтрезоръ простился съ герцогиней и вышелъ, Жюли нагнала его въ корридорѣ.

— Удѣлите мнѣ десять минутъ,—сказала она, съ мольбой обращая къ нему свое блѣдное лицо.—Вы не должны, не должны ссориться съ леди Генри изъ-за меня.

Онъ выпрямился и нѣсколько даже надменно отвѣтилъ:

— Леди Генри можетъ въ любой моментъ прекратить эту ссору. Прошу васъ, не разстраивайте себя подобными мыслями. Даже и старымъ друзьямъ нельзя отказать въ правѣ на самоуваженіе.

— Но не могу ли я...

— Скоро десять,—вскричалъ онъ, взглянувъ на часы.—Мнѣ надо ѣхать. Итакъ, вы поселяетесь въ Герибертъ-стритъ? Я прекрасно помню леди Мери Лейстеръ. Какъ только вы устроитесь, дайте мнѣ знать, и я явлюсь къ вамъ. А пока,—онъ улыбнулся и наклонилъ къ ней свою характерную темную голову,—просмотрите завтра внимательнѣе утреннія газеты: вы найдете тамъ интересныя новости.

Онъ сѣлъ въ свой экипажъ и уѣхалъ.

Жюли медленно поднималась по лѣстницѣ. Разумѣется, она поняла. Ея долгія старанія увѣнчались успѣхомъ; черезъ двѣнадцать часовъ въ Таймсѣ появятся извѣстія о назначеніи капитана Уорквортa начальникомъ военнаго посольства въ Мокембе. Его завѣтная мечта исполнилась, благодаря ей.

Быть можетъ, только одна Жюли и знала, сколько правды было въ этихъ послѣднихъ словахъ. Она вспоминала всѣ свои интриги, маневры,

всѣ способы воздѣйствія, пущенные ею въ ходъ—тамъ лесть, здѣсь взаимная выгода, притягательная сила салона герцогини Кроуборо, престижъ гостиной леди Генри. Винтикъ за винтикомъ она построила свою затѣйливую машину, и машина работала добросовѣстно. Безъ сомнѣнія, послѣдній рѣшительный толчокъ былъ данъ вечеромъ наканунѣ. Оскорбленіе, нанесенное ею леди Генри, приведшее ее къ немилости и изгнанію, для капитана Уоркворта было послѣдней ступенью къ успѣху.

Какая «кисейная барышня» могла бы это сдѣлать для него? Жюли гордо закинула назадъ голову, чувствуя, какъ бьется ея сердце.

Леди Генри была забыта. Жюли отворила дверь гостиной, думая только о томъ, какъ она встрѣтится съ капитаномъ Уорквортомъ и считая часы, остававшіеся до встрѣчи.

Здѣсь, въ этой полуосвѣщенной гостиной, ее ждалъ Джэкобъ Делафильдъ. Онъ поднялся ей навстрѣчу, и ея оживленіе мгновенно погасло. Отъ этого человѣка, казалось, исходилъ магнетическій токъ, проникавшій ей въ душу, вызывая въ ней нравственную неловкость, странное безпокойство. Угадывалъ ли онъ ея чувства къ Уоркворту? Извѣстно ли ему, какъ она старалась для молодого офицера? Жюли не была увѣрена въ этомъ. Онъ никогда не подавалъ вида, что знаетъ. А, между тѣмъ, она замѣтила, что тамъ, гдѣ дѣло касалось близкихъ его сердцу людей, отъ него не ускользало ничто. Да и Эвелина—милая болтушка—догадывается, въ чемъ дѣло.

— Какъ вы, должно быть, устали,—сказалъ онъ ей ласково.—Ну ужъ выдался денекъ! Эвелина пишетъ письма. Разрѣшите мнѣ принести вамъ газеты и, пожалуйста, не трудитесь занимать меня разговоромъ.

Она позволила усадить себя на софу. Делафильдъ прибавилъ огня въ лампѣ, положилъ ей на колѣни газеты, отошелъ и взялъ книгу.

Но отдыхать она не могла; она представляла себѣ завтрашній день, торжествующее лицо Уоркворта, и все время чувствовала присутствіе Делафильда. Забыть о томъ, что онъ здѣсь же, близко, она не могла и наконецъ позвала его.

— М-ръ Делафильдъ.

Онъ услыхалъ, хотя это было сказано очень тихо и подошелъ.

— Вы были вчера такъ добры ко мнѣ. Я даже не поблагодарила васъ. Позвольте мнѣ теперь горячо поблагодарить васъ.

— Не за что. Вы хорошо знаете, что я бы сдѣлалъ для васъ все, если бы только могъ.

— Даже, если бы вы считали меня неправой? — сказала Жюли со смѣхомъ, въ которомъ звучала истерическая нотка.

Совѣсть тотчасъ же упрекнула ее. Зачѣмъ шутливо вызывать на такой интимный разговоръ человѣка, котораго она уже заставила стра-

дать. Но ея тревожное настроеніе, частью происходившее отъ нервной усталости, словно подталкивало ее.

Делафильдъ покраснѣлъ.

— Чѣмъ я подалъ вамъ поводъ говорить такъ?

— О вы очень прозрачны! Сразу видно, что вы вѣчно доискиваетесь, гдѣ правда, гдѣ неправда.

— Да, когда дѣло идетъ обо мнѣ самомъ,—возразилъ Делафильдъ, пытаясь засмѣяться. — Надѣюсь, вы не причисляете меня къ тѣмъ, кто берется судить о правотѣ и неправотѣ другихъ.

— Да, да! именно!—вскричала она, но, видя, что онъ нахмурился, поспѣшила поправиться:—нѣтъ! я не то хотѣла сказать. Но все-таки вы судите—это въ вашей натурѣ—и другіе это чувствуютъ.

— Я не зналъ, что я такое пугало,—смиренно сказалъ Делафильдъ.— Правда, я всегда стараюсь разобраться...

Жюли умолкла. Въ глубинѣ души она была все-таки убѣждена, что онъ не оправдываетъ ея вчерашней эскапады. Весь вечеръ она видѣла, что онъ тревожно наблюдаетъ за ней, и чувствовала въ немъ какое-то внутреннее сопротивленіе. И, однако, онъ до конца стоялъ за нее такъ преданно, такъ горячо.

Онъ сѣлъ рядомъ съ ней, и Жюли снова почувствовала угрызеніе совѣсти, почти страхъ. Зачѣмъ она позвала его? Что они другъ для друга? Но онъ скоро успокоилъ ее. Онъ заговорилъ о докторѣ Мередитѣ, о предстоящемъ ей трудѣ—великомъ и славномъ, какъ онъ наивно выражался, трудѣ писателя.

Потомъ обернулся къ ней съ внезапнымъ приливомъ чувства.

— Вы только что обвиняли меня, что я сужу тамъ, гдѣ не мое дѣло судить. Если вы думаете, что я жалѣю о вашемъ разрывѣ съ леди Генри, вы очень, очень ошибаетесь! Весь прошлый годъ моей завѣтною мечтой было увидать васъ свободной, независимой. Я—я съ ума сходилъ при мысли, что вамъ могутъ приказывать, какъ ребенку, что вы должны зависѣть отъ воли другихъ!

Она съ любопытствомъ посмотрѣла на него.

— Я знаю. Васъ возмущаютъ всѣ виды подчиненія? Эвелина говорила мнѣ, что у васъ установились очень курьезныя отношенія съ вашими слугами и рабочими. Это правда?

Онъ отодвинулся, видимо смущенный.

— Я дѣлаю опыты. Обыкновенно они не удаются.

— Эвелина говоритъ, что вы стараетесь по возможности обходиться безъ слугъ.

— Если и стараюсь, то это мнѣ плохо удается,—засмѣялся онъ.— Но,—у него загорѣлись глаза,—развѣ не стоитъ попытаться хоть на время сбросить хоть часть т[illegible]хъ оковъ, въ которыхъ задыхаемся всѣ мы! Смотрите! Какое право я имѣю превращать моихъ ближнихъ въ разукрашенныхъ автоматовъ, въ родѣ вотъ этихъ?

Онъ указалъ на двухъ напудренныхъ лакеевъ, убиравшихъ пустыя чашки отъ кофе и затапливавшихъ каминъ въ сосѣдней комнатѣ, въ то время, какъ третій, великолѣпный камердинеръ, стоялъ неподвижно, какъ статуя, передъ герцогиней, отдававшей ему какія-то приказанія.

Но Жюли не выразила сочувствія.

— Они автоматы только пока они въ гостиной. Внизу у себя они такіе живые люди, какъ и мы съ вами.

— Положимъ, я предпочитаю другіе виды роскоши,—сказалъ Делафильдъ,—но такъ какъ у меня, очевидно, нѣтъ необходимыхъ качествъ для того, чтобы осуществить на практикѣ мои идеи, результаты получаются не очень блестящіе.

— Вамъ хотѣлось бы здороваться за руку съ метръ-д'отелемъ?—усмѣхнулась Жюли.—Я видѣла такого рода попытку. Но метръ-д'отель во-время уклонился.

Делафильдъ засмѣялся.

— Можетъ быть, проще было бы обойтись безъ метръ-д'отеля.

— Это любопытно,—продолжала она улыбаясь,—очень любопытно. Сэръ Уильфридъ собирается, напримѣръ, къ вамъ погостить.

— Что-жъ, я его отлично устрою. Въ деревнѣ живутъ эксъ-дворецкій и эксъ-поваръ Чедлея. Когда у меня гости я посылаю за ними, и они вступаютъ въ исполненіе своихъ обязанностей.

— Такъ что никто не знаетъ, что на самомъ дѣлѣ вы живете, какъ простой рабочій.

Лицо Делафильда выразило нетерпѣніе.

Очевидно, кто-то насказалъ Эвелинѣ всякихъ нелѣпостей, и она распространяетъ ихъ. Надо будетъ поговорить съ ней.

— Я все-таки думаю, что въ моихъ взглядахъ много правды.

Жюли неожиданно подняла глаза и подарила его долгимъ, нѣсколько страннымъ взглядомъ.—Почему вамъ такъ непріятно имѣть слугъ и принимать ихъ услуги? Не потому ли—вы не разсердитесь?—что у васъ крутой нравъ и вы дѣлаете это, чтобы смирить себя?

Делафильдъ рѣзко повернулся къ ней, и Жюли моментально раскаялась въ своихъ словахъ.

— Такъ вы думаете, что изъ меня вышелъ бы тиранъ-рабовладѣлецъ?—помолчавъ, спросилъ Делафильдъ.

Жюли наклонилась къ нему съ прелестнымъ, полнымъ мольбы взглядомъ кающейся.

— Напротивъ, я думаю, вы были бы такъ же добры къ вашимъ рабамъ, какъ вы добры къ вашимъ друзьямъ.

Онъ спокойно встрѣтилъ ея взглядъ.

— Благодарю васъ. Это было хорошо сказано. И не думайте, пожалуйста, что я позволяю помѣстьямъ Чёдлея приходить въ запустѣніе изъ-за того, что мнѣ непріятно отдавать приказанія и на стаивать на ихъ выполненіи. Вовсе нѣтъ. Я только,—онъ коле-

бался,—стараюсь уменьшить ту долю мелкой, личной тиранніи, которую каждый изъ насъ вноситъ въ жизнь, и отъ которой огрубѣло сердце у половины всѣхъ моихъ знакомыхъ.

— И вы къ этому придете,—сказа Жюли, не подумавъ, и вдругъ покраснѣла, вспомнивъ, что его, можетъ быть, ожидало герцогство.

Онъ слегка поморщился, какъ будто угадавъ ея мысль, но не отвѣтилъ. Жюли, съ ея потребностью всегда находить одобреніе, говорить толька пріятное, не могла оставить этого такъ.

— Я бы хотѣла понять,—сказала она мягко,—*что* или *кто* внушилъ вамъ такіе взгляды.

Все еще не получая отвѣта, она поневолѣ должна была встрѣтить взглядъ его сѣрыхъ глазъ, говорившихъ болѣе краснорѣчиво, чѣмъ того желалъ ихъ владѣлецъ.—Это вы поймете,—выговорилъ онъ странно глубокимъ и звучнымъ голосомъ,—когда пожелаете спросить.

Жюли невольно вздрогнула и отодвинулась.

— Отлично,—сказала она, стараясь говорить обезпечнымъ тономъ.—Я ловлю васъ на словѣ.—Увы, я забыла, что мнѣ нужно написать письмо.

И она усѣлась за столикъ, дѣлая видъ, что пишетъ, а Делафильдъ углубился въ газеты.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ *).

(*Продолженіе* *).

VII.

Градація предреволюціоннаго настроенія во Франціи.—Отраженіе его въ различныхъ кругахъ русскаго общества.—Отношеніе молодежи и читающей публики.—Философскія и политическія идеи лейпцигскаго кружка.—Вліяніе нѣмецкой университетской философіи и французскаго матеріализма и сенсуализма. Эклектицизмъ кружка.—Источники трактата о смертности и безсмертія и неодинаковое отношеніе къ нимъ Радищева.—Вліяніе политической жизни Запада; первая борьба.—Отношеніе къ Мабли.—Настроеніе при возвращеніи домой и послѣ.—Связь Путешествія Радищева съ настроеніемъ 80-хъ годовъ.—«Законность»—основной критерій «Путешествія»; безправіе—главное зло русской жизни.—Обращеніе къ престолу. Царь и «истина» (сонъ). Свобода слова.—Проектъ соціальной реформы (крестьянство и чины), вложенный въ уста потомка Екатерины.—Отдаленныя перспективы и ода.—Пріемъ книги публикой и отношеніе Екатерины.—Отношеніе Екатерины къ Франціи, двору до революціи; ея первые сужденія о волненіи умовъ во Франціи.—Перемѣна тона послѣ 14-го іюля.—Тревога по поводу радищевской книги, какъ проявленія московскаго оппозиціоннаго духа.—Приговоръ и произведенное имъ впечатлѣніе.—Новыя впечатлѣнія революціи; попытки воздѣйствовать на нее и эксплуатировать въ свою пользу.—Нервное настроеніе; слухи объ атентатахъ; разгромъ московскихъ мартинистовъ.—Мѣры противъ «французской заразы».—Ода Карамзина; новое настроеніе.—Русская сцена, какъ выраженіе настроенія средней публики.—Народный элементъ пьесъ: отношеніе театра къ народу.—Націоналистическіе элементы въ комедіи.—Отрицательные типы комедіи и ихъ отношеніе къ типамъ сатиры и къ дѣйствительной жизни.—Положительные типы: отсутствіе между ними представителей передовыхъ теченій; разница передовыхъ взглядовъ и резонерской морали.—Взглядъ на заграничное путешествіе.—Попытки націоналистической теоріи.—«Антидотъ» Екатерины.—Колебанія Щербатова.—Теорія Болтина и ея преимущества передъ націонализмомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ «философамъ» просвѣтительнаго вѣка удалось добиться первой крупной общественной побѣды,—отмѣны ордена іезуитовъ во Франціи (1762), *религіозная* цѣль поднятаго ими движенія казалась въ главномъ достигнутой. Общественный интересъ обратился окончательно отъ вопросовъ терпимости и свободы мысли—къ вопросамъ *соціальнымъ* и *политическимъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и вліяніе на

---

*) См. «Міръ Божій», августъ 1902 г.

общественное мнѣніе перешло въ другія руки. Мы говорили раньше, какъ уже съ середины XVIII вѣка на помощь Вольтеру явились *энциклопедисты*, значительно поднявшіе тонъ движенія и увлекшіе за собой самого Вольтера и «вольтеріанцевъ», включая и Екатерину II. Съ 1767 года на смѣну «энциклопедистовъ» являются *экономисты*, теоретики новаго, болѣе справедливаго распредѣленія общественныхъ тягостей. По установившейся традиціи, эти новые вожди общественнаго мнѣнія еще посылали Екатеринѣ свои сочиненія, но ихъ она уже рѣшительно не любила и читала только по особой рекомендаціи. Однако, и на этой стадіи—движеніе не остановилось. Послѣ принципіальнаго столкновенія короля съ парламентомъ (1771) и «экономисты» были отодвинуты на второй планъ. Общественнымъ мнѣніемъ завладѣли *патріоты*. Это было новое наводненіе брошюръ и памфлетовъ—на этотъ разъ вовсе не могшихъ расчитывать на одобреніе и сочувствіе Екатерины и оставшихся ей совершенно неизвѣстными. Въ противоположность теоріи божественнаго права, выдвинутой королемъ въ его законодательномъ эдиктѣ, эти памфлеты дѣлали новые выводы изъ старой теоріи естественнаго права,—выводы Руссо и Contrat social. Верховенство принадлежитъ не одному человѣку, а цѣлой націи,—не только *до* созданія государства, но и *послѣ* избранія народомъ властей,—для контроля надъ ними. Законодательная власть не можетъ принадлежать *одному* королю, а принадлежитъ ему *вмѣстѣ* съ народными представителями. Если акты королевской воли нарушаютъ основные законы государства, то эти акты не могутъ имѣть юридической силы. Противъ нихъ нація имѣетъ «право сопротивленія»,—право, примѣненное уже англичанами въ ихъ «мирной» революціи 1688 г. и съ тѣхъ поръ поставленное въ правовомъ сознаніи Европы прочно и незыблемо на мѣсто всѣхъ «ложныхъ идей о пассивномъ повиновеніи, о божественномъ правѣ» и т. д.

Такимъ образомъ, общее настроеніе умовъ сдѣлалось «революціоннымъ до революціи». Уже въ 1768 году близкій впослѣдствіи къ Екатеринѣ писатель, Гриммъ характеризовалъ это настроеніе, какъ безпокойное броженіе, напоминающее эпоху реформаціи и «предвѣщающее неизбѣжное наступленіе революціи», очагомъ которой будетъ Франція и которая «будетъ имѣть передъ прежними то преимущество, что осуществится безъ пролитія крови». Въ первые мѣсяцы Людовика XVI (августъ, 1774) тотъ же Гриммъ, уже не столько съ сочувствіемъ, сколько съ ироніей замѣчаетъ, что «теперь нѣтъ такого школьника, который бы не проектировалъ, едва сойдя со школьной скамейки, новой системы государственнаго устройства; нѣтъ писателя, который бы не считалъ себя обязаннымъ внушить земнымъ властямъ, какъ имъ лучше всего управлять своимъ государствомъ».

Гриммъ не ошибался, сравнивъ съ реформаціей новое движеніе, «очагомъ котораго была Франція», но которое уже въ подготовитель-

ной своей стадіи сдѣлалось такимъ же космополитичнымъ, какъ французскій языкъ и французскія моды. Не было, казалось, такого захолустнаго уголка въ Европѣ, гдѣ изумительныя событія, начавшіяся въ Парижѣ въ 1789 году, не всколыхнули бы умовъ, не вызвали бы горячаго отклика въ сердцахъ. Но не было также въ Европѣ страны, которая была бы лучше застрахована отъ дѣйствительнаго вліянія революціонныхъ идей на жизнь, чѣмъ Россія,—Россія, только что достигшая кульминаціоннаго пункта въ развитіи тѣхъ самыхъ рабовладѣльческихъ отношеній и сословныхъ привилегій, которымъ былъ нанесенъ этими идеями такой рѣшительный ударъ.

Императрица и русскіе дипломаты не упускали случая указать заграницей на это особенное положеніе Россіи. «Одни мы, изъ всѣхъ державъ, можемъ не бояться французской революціи и не бороться съ ней по отношенію къ нашимъ подданнымъ», говорилъ Марковъ прусскому посланнику. И сама Екатерина, еще послѣ казни короля (апрѣль, 1793), доказывала англійскому королю безкорыстіе своей политики тѣмъ, что Россія, отдаленная отъ Франціи огромнымъ разстояніемъ, не можетъ быть охвачена этой заразой. Сами про себя, однако, и императрица, и дипломаты думали совершенно иначе. Вотъ, напр., полугнѣвная, полуиспуганная тирада нашего посла въ Лондонѣ, Семена Воронцова, въ интимномъ письмѣ къ брату Александру (2-го дек. 1792 г.): «Я вамъ говорилъ: это борьба не на животъ, а на смерть между имущими классами и тѣми, кто ничего не имѣетъ. И такъ какъ первыхъ гораздо меньше, то, въ концѣ концовъ, они должны быть побѣждены. Зараза будетъ повсемѣстной. Наша отдаленность насъ предохранитъ на нѣкоторое время: мы будемъ послѣдніе.—но и мы будемъ жертвами этой эпидеміи. Вы и я, мы ея не увидимъ; но мой сынъ увидитъ. Я рѣшилъ научить его какому-нибудь ремеслу, слесарному что ли или столярному: когда его вассалы ему скажутъ, что онъ имъ больше не нуженъ и что они хотятъ подѣлить между собой его земли,—пусть онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ въ состояніи зарабатывать хлѣбъ собственнымъ трудомъ и имѣть честь сдѣлаться членомъ будущаго муниципалитета въ Пензѣ или въ Дмитровѣ. Эти ремесла ему больше пригодятся, чѣмъ греческій, латинскій и математика!»

Мы скоро увидимъ, что и Екатерина далеко не спокойно относилась къ возможности вліянія революціонныхъ идей на Россію. Но какія же реальныя, объективныя основанія были для всѣхъ подобныхъ опасеній?

Здѣсь нельзя, прежде всего, не вспомнить знаменитаго мѣста мемуаровъ Сегюра, которое такъ часто цитировалось и толковалось историками. Рѣчь идетъ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Петербургѣ взятіемъ Бастиліи. «Новость быстро распространилась, и была принята различно, смотря по положенію и настроенію каждаго. При дворѣ она вызвала сильное волненіе и общее неудовольствіе. Въ городѣ впечатлѣ-

ніе было совершенно обратное, и хотя Бастилія не грозила никому изъ жителей Петербурга, я не могу передать энтузіазма, вызваннаго среди негоціантовъ, купцовъ, мѣщанъ (les bourgeois) и нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ болѣе высокаго класса паденіемъ этой государственной тюрьмы, этимъ первымъ тріумфомъ бурной свободы. Французы, русскіе датчане, нѣмцы, англичане, голландцы, всѣ, посреди улицы, поздравляли другъ друга, обнимались, точно ихъ избавили отъ тяжелой цѣпи, сковывавшей ихъ самихъ. Это увлеченіе (folie), которому я самъ едва вѣрю теперь, разсказывая это, продолжалось очень недолго. Страхъ скоро погасилъ первую вспышку. Петербургъ не былъ ареной, на которой можно было безопасно обнаруживать подобныя чувства».

Должны ли мы вѣрить тому, чему почти отказывается вѣрить очевидецъ этихъ событій,—очевидецъ сильно предубѣжденный въ пользу того впечатлѣнія, о которомъ разсказываетъ? Мы думаемъ, что скептицизмъ историковъ по отношенію къ свидѣтельству Сегюра едва ли былъ вполнѣ основательнымъ. Конечно, по словамъ самого Сегюра, радовались, прежде всего, *иностранцы*. Мы знаемъ, что ихъ было не мало въ Петербургѣ: когда Екатерина заставила впослѣдствіи французовъ принести антиреволюціонную присягу, ихъ однихъ оказалось до полутора тысячъ. Но, разумѣется, не изъ однихъ иностранцевъ состояла та группа *горожанъ и купечества*, объ особомъ интересѣ которой къ парижскимъ событіямъ Сегюръ считаетъ нужнымъ спеціально упомянуть. Изъ того, что мы уже знаемъ, мы можемъ извлечь не мало подтвержденій въ пользу того же самаго наблюденія. Припомнимъ оппозиціонную роль городскихъ депутатовъ въ Коммиссіи. Припомнимъ, что сама Екатерина характеризовала ихъ настроеніе, какъ стремленіе къ «свободѣ». Припомнимъ, что именно въ *эту* среду направлены были всѣ просвѣтительныя усилія маленькаго ядра нашей тогдашней интеллигенціи. Что эти усилія не остались безъ результатовъ,—объ этомъ можетъ свидѣтельствовать одно любопытное показаніе «Почты Духовъ», сатирическаго журнала, выходившаго какъ разъ въ одинъ годъ съ началомъ революціи (1789). «Какъ,—спросилъ я,—кто жъ у васъ читаетъ Платоновы сочиненія о должностяхъ: Наставленіе политикамъ, О состояніи земледѣльцевъ и О званіи вельможъ? Купцы и мѣщане,—отвѣчалъ авторъ; а вельможи читаютъ веселыя сказки, дѣтскія выдумки и шутливыя басни» *). Пусть это свидѣтельство нѣсколько тенденціозно,—можетъ быть даже неоригинально; во всякомъ случаѣ, характерна самая тенденція. Мы знаемъ и отъ Новикова, что «господчики» изъ *высшаго* класса предпочитали французскія книги русскимъ (см. выше), и мы можемъ предположить, какого рода книги

---

*) Цитата взята какъ разъ изъ статьи, отъ которой потомъ косвенно отрекся Крыловъ, напечатавъ противъ нея возраженіе: такимъ образомъ, если участіе Радищева въ журналѣ будетъ доказано, статья можетъ оказаться принадлежащей ему (не переводной ли?).

это были. Исключеніе, конечно, надо сдѣлать,—для очень небольшого числа высокопоставленныхъ фамилій, дѣти которыхъ воспитывались на серьезной французской литературѣ хорошими педагогами. Въ этой тѣсной общественной группѣ иногда тоже воспитывалось чувство свободы; они тоже иногда негодовали на произволъ: но ихъ негодованіе было совсѣмъ особаго свойства. Маленькая бытовая сценка изъ жизни этой золотой молодежи Петербурга намъ это покажетъ лучше длиннаго разсужденія. Le charmant prince Boris Golitsine ввелъ новую моду на галстухи выше подбородка и шляпы конической формы. Это былъ «якобинскій» покрой, и императрица его строго запретила. «Но наши молодые люди, несмотря на (вторичное) запрещеніе, одѣваются по прежнему, и когда, въ послѣднее воскресенье, графиня Салтыкова хотѣла призвать своего племянника къ благоразумію, онъ такъ громко сталъ кричать о свободѣ, что она убѣжала со всѣхъ ногъ,—со страху не кроется ли въ семьѣ Голицыныхъ зерно какой-нибудь революціи»

Если даже воспитательное вліяніе западной литературы шло иногда глубже у членовъ этой правящей группы, то результаты его рѣдко оказывались благопріятными для самыхъ идей запада. Здѣсь, въ этомъ общественномъ слоѣ, привыкшемъ стоять близко къ власти, чаще всего и прочнѣе всего прививались идеи національнаго самовозвеличенія, такъ тѣсно связанныя съ направленіемъ внѣшней политики Екатерины. Отсюда выходили такіе типичные націоналисты и враги запада, какъ Ростопчинъ или Семенъ Воронцовъ. Конечно, парижскія событія лицамъ этого типа были извѣстны ближе и лучше, чѣмъ большинству петербургскихъ «буржуа»; но они вызывали здѣсь настроеніе, далекое отъ всякаго сочувствія. «Увлекаться» примѣромъ Франціи способны были здѣсь развѣ отдѣльные юноши, вродѣ сына извѣстнаго намъ масона Строгонова, воспитаннаго будущимъ монтаньяромъ, Роммомъ, и введеннаго имъ въ члены якобинскаго клуба. Любопытно, однако, что и въ этомъ единственномъ извѣстномъ намъ исключеніи изъ общаго настроенія высшей дворянской молодежи мы можемъ предположить культурную семейную традицію.

Указаніе Сегюра на «нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ болѣе высокаго класса» (d'une classe plus élevée), какъ на средоточіе интеллигентныхъ симпатій къ французской революціи, очень цѣнно и мѣтко: но этотъ «болѣе высокій» классъ ихъ не есть самый высокій. Мы имѣемъ дѣло, очевидно, опять съ тѣмъ среднимъ дворянствомъ*),

*) Есть и прямое подтвержденіе свидѣтельства Сегюра о симпатіи къ революціи въ этихъ кругахъ. Секретарь императрицы Соймоновъ—тотъ самый, который дѣлалъ для нея выписки изъ законовъ по Блэкстоновскимъ рубрикамъ, вернувшись однажды домой осенью 1789 г., т.-е. мѣсяца два послѣ взятія Бастиліи, засталъ у себя цѣлую иллюминацію,—множество зажженныхъ свѣчей. Семилѣтняя дѣвочка, его дочь (впослѣдствіи г-жа Свѣчина), на вопросъ отца, зачѣмъ она зажгла свѣчи,—отвѣчала: «но, папа, развѣ не нужно было отпраздновать взятіе Бастиліи и освобожденіе этихъ бѣдныхъ французскихъ арестантовъ?»

въ средѣ котораго развивались и другія, уже извѣстныя намъ движенія русской интеллигентной мысли. Такъ, правдивый разсказъ Сегюра приводитъ насъ къ тому же пункту въ исторіи русской общественности, на которомъ мы остановились раньше.

Настроеніе большинства этой интеллигентной молодежи намъ уже достаточно ясно. Мы знаемъ, что по отношенію къ общему міровоззрѣнію эта молодежь отшатнулась отъ крайнихъ выводовъ французскаго философскаго радикализма и искала нравственнаго успокоенія въ примиреніи своихъ религіозныхъ запросовъ съ прогрессивными теченіями вѣка. Отъ политическаго радикализма это молодое поколѣніе было еще дальше, чѣмъ отъ философскаго. Когда изъ его среды одинъ (Радищевъ) увлекся политическимъ радикализмомъ, то ближайшій другъ его, сторонникъ извѣстнаго намъ религіозно-моралистическаго направленія, посланный масонами за границу Кутузовъ счелъ своимъ долгомъ провести самую рѣзкую границу между своими взглядами и взглядами пріятеля, съ которымъ связывала его двадцатилѣтняя дружба. «Вы знаете мои правила», пишетъ онъ одному изъ главныхъ членовъ новиковскаго кружка, кн. Н. И. Трубецкому: «извѣстно вамъ, что я великій врагъ всякаго возмущенія и что я не престану никогда твердить, что критика настоящаго правленія есть непозволенное дѣло и нимало не принадлежитъ къ литературѣ». И другой членъ того же кружка, извѣстный намъ И. В. Лопухинъ пишетъ Кутузову: «я слыву очень мартинистомъ, отъ природы очень нелюбостяжателенъ и охотно соглашусь не имѣть ни одного крѣпостнаго. Но притомъ молю и желаю, чтобы никогда въ отечество наше не проникъ тотъ духъ ложнаго свободолюбія, который сокрушаетъ многія въ Европѣ страны и который, по мнѣнію моему, вездѣ губителенъ». И мы увидимъ, что, при всемъ своемъ радикализмѣ, въ сущности и самъ Радищевъ не разрываетъ принципіально съ тѣми понятіями о предѣлахъ дозволеннаго въ литературной и общественной дѣятельности, которыя приняты въ кружкѣ.

Какъ бы то ни было, мы должны теперь ближе познакомиться съ источниками и характеромъ этого *другого* направленія въ исторіи русской общественной мысли конца XVIII-го столѣтія. Фактъ существованія его былъ бы самъ по себѣ характеренъ,—даже въ томъ случаѣ, если бы вѣрно было заявленіе, сдѣланное Радищевымъ на допросѣ,— что онъ «общниковъ не имѣетъ» и что напечатанная имъ книга, по трудности слога и отвлеченности содержанія, не можетъ найти себѣ читателей, ибо «народъ нашъ книгъ не читаетъ». Въ буквальномъ смыслѣ это, конечно, было совершенно вѣрно. Но мы только что слышали, и, можетъ быть, изъ устъ самого Радищева, нѣсколько иное утвержденіе—объ интересѣ «купцовъ и мѣщанъ» къ сочиненіямъ на подобныя философскія и общественныя темы. Если бы мы даже не имѣли этого свидѣтельства или не повѣрили ему,—факты могли бы дать намъ дополнительныя подтвержденія. Мы знаемъ, что та самая

книга Радищева, о которой идетъ рѣчь, сразу «начала входить въ моду у многой шали»; «по счастью, скоро ее узнали (т.-е. власти)», прибавляетъ сообщившій намъ этотъ фактъ канцлеръ Безбородко. И когда «узнали» книгу и остановили продажу, то, по другому извѣстію, «купцы» (опять купцы!) готовы были платить по 25 руб. (впятеро болѣе на наши деньги) за то только, чтобы получить книгу на самый короткій срокъ. Черезъ три года, другая «пропавшая книга», извѣстная трагедія Княжнина («Вадимъ»), цѣлый десятокъ дней мирно покоившаяся на полкахъ книжныхъ магазиновъ, сразу была расхватана въ сотняхъ экземпляровъ, какъ только въ публикѣ узнали, что она пропадетъ. Но мало того, что мы, такимъ образомъ, достовѣрно узнаемъ, что у Радищева *были* «общники» и была симпатизировавшая ему аудиторія, довольно значительная по тому времени. У него было еще *потомство*, къ которому онъ не напрасно апеллировалъ: его книга явилась первымъ звеномъ въ длинной цѣпи—непрерывной и богатой фактами традиціи, и уже поэтому заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія въ исторіи русской культуры.

Радищевъ былъ не одинъ также и въ томъ смыслѣ, что онъ былъ членомъ тѣснаго кружка товарищей, вкусы и взгляды которыхъ развились въ одинаковомъ съ нимъ направленіи, благодаря особенно благопріятнымъ условіямъ. Этотъ небольшой кружокъ молодежи волей Екатерины былъ поселенъ на нѣсколько лѣтъ въ культурной германской средѣ,—въ Лейпцигѣ. Екатерина хотѣла создать изъ нихъ себѣ образованныхъ юристовъ, способныхъ исполнять ея законодательные проекты, которыми она тогда увлекалась. Радищевъ пробылъ въ лейпцигскомъ университетѣ цѣлыхъ пять лѣтъ (1767—1771) и испыталъ цѣлый рядъ просвѣтительныхъ вліяній, которыхъ не могла дать тогдашняя Россія. Главой кружка, впрочемъ, былъ не онъ, а старшій товарищъ Ѳ. В. Ушаковъ, добровольно бросившій хорошо начатую службу и карьеру и, изъ чисто идейныхъ побужденій, вернувшійся на школьную скамью. Ушаковъ лучше младшихъ своихъ товарищей владѣлъ и языками (нѣмецкимъ и латинскимъ), такъ что, само собою, сдѣлался ихъ руководителемъ въ университетскихъ занятіяхъ и въ самообразовательномъ чтеніи. Первые шаги будущаго писателя подъ этимъ руководствомъ особенно интересно прослѣдить, такъ какъ ими опредѣлилось все его дальнѣйшее направленіе.

«Всѣ почти юноши, мыслить начинающіе, любятъ *метафизику*; съ другой же стороны, всѣ, чувствовать начинающіе, придерживаются правилъ, *народнымъ правленіямъ* приличныхъ». Въ этихъ словахъ самъ Радищевъ чрезвычайно мѣтко резюмировалъ философскія и общественныя симпатіи своего кружка. Послѣдуемъ его указаніямъ въ томъ и другомъ направленіи.

Въ философскомъ отношеніи Радищевъ попалъ въ ту самую атмосферу, которую мы характеризовали выше. Это была атмо-

сфера университетскаго преподаванія, умѣреннаго и эклектическаго. Вліяніе германской университетской философіи и было первымъ сильнымъ вліяніемъ, которое легло въ основу его будущаго міровоззрѣнія. Одинъ новѣйшій изслѣдователь опредѣлилъ усвоенный Радищевымъ философскій идеализмъ, какъ ученіе Лейбница. Этотъ выводъ приходится, однако, нѣсколько исправить при болѣе близкомъ изученіи вопроса. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы Радищевъ былъ знакомъ съ сочиненіями самого Лейбница. Конечно, идеи Лейбница вошли въ составъ философскихъ воззрѣній Радищева, — но не въ большей степени, чѣмъ онѣ вообще входили въ составъ тогдашнихъ эклектическихъ университетскихъ системъ. Извѣстный запасъ философскихъ идей успѣлъ сдѣлаться *общимъ мѣстомъ* университетскаго философскаго преподаванія: и эти-то идеи усвоены были, прежде всего, кружкомъ Ушакова и Радищева. Лейбниціанскіе элементы были въ томъ числѣ, — и наши студенты *должны* были съ ними столкнуться, слушали ли они лекціи своего профессора Платнера, или учили рекомендованный имъ учебникъ («введеніе въ философію») выдающагося голландскаго математика 's Гравесанда, или читали только-что тогда выходившія и производившія фуроръ произведенія Мозеса Мендельсона, Бонне или Галлера. Самыя плодотворныя и глубокія идеи системы Лейбница (какъ идея непрерывности, отрицаніе картезіанскаго дуализма духа и матеріи, лѣстница постепенно совершенствующихся психо-физическихъ организацій) во всѣхъ этихъ книгахъ уже успѣли получить дальнѣйшую обработку и циркулировали большею частью безъ имени. Автора, а специфически-лейбницевскія идеи, наиболѣе популярныя и сомнительныя (какъ «предустановленная гармонія» или «наилучшій изъ міровъ»), фигурировали уже въ роли историческихъ пережитковъ и никого изъ молодежи особенно заинтересовать не могли.

Гораздо привлекательнѣе для нея были философскія произведенія другого типа,—французскія матеріалистическія и сенсуалистическія системы. Въ университетскихъ сферахъ на эти произведенія смотрѣли свысока; зато ими зачитывались въ большомъ свѣтѣ. Отсюда, изъ этого большого свѣта, и притомъ изъ русскаго, и посчастливилось нашей молодежи въ Лейпцигѣ получить толчокъ къ изученію французскихъ философовъ. Какой-то заѣзжій важный баринъ познакомилъ Ушакова съ Гельвеціемъ. Книга Гельвеція («De l'Esprit») сразу перевернула все направленіе интересовъ кружка. Ушаковъ первый прочелъ ее подрядъ четыре раза и почувствовалъ въ себѣ «неутомимое рвеніе къ изслѣдованію всѣхъ полезныхъ истинъ и отвращеніе непреоборимое ко всѣмъ системамъ, имѣющимъ основаніе въ необузданномъ воображеніи ихъ творцовъ». Другими словами, Ушаковъ измѣнилъ метафизикѣ и всевозможнымъ теоріямъ «influxus physicus» и «causae occasionales», чтобы всей душой предаться эмпиризму. Надо думать, этотъ же переворотъ толкнулъ Радищева къ изученію физіологіи и медицины.

Однако же, и занятія надъ учебникомъ 'с Гравесанда не пропали даромъ. При всемъ увлеченіи Гельвеціемъ, Ушаковъ на первыхъ же страницахъ «De l'Esprit» почувствовалъ, что не все обстоитъ благополучно въ сенсуализмѣ новаго учителя. Онъ принялся писать возраженія на Гельвеція, и хотя его работа не пошла дальше первыхъ шестнадцати страницъ «De l'Esprit», но для насъ и этого совершенно достаточно, чтобы опредѣлить общій смыслъ разногласія и характеръ ушаковскихъ возраженій. Гельвецій выводитъ зданіе своей психологіи исключительно на фундаментѣ «*тѣлесной* чувствительности», причемъ роль этой чувствительности является совершенно пассивной. Она или «принимаетъ ударенія внѣшнихъ предметовъ», или «хранитъ сдѣланное на чувства удареніе». Ушаковъ старается доказать,—по 'с Гравесанду,—что, напротивъ, роль психики *активная*; что *идея* предмета отнюдь не похожа на самый предметъ, т. е. *не матеріальна*; что работа разума заключается въ активныхъ чисто-психическихъ и сознательныхъ операціяхъ: *сравненіи* и дальнѣйшей (логической) обработкѣ матеріала, доставленнаго чувствами. Это, однако, не мѣшаетъ Ушакову,—какъ не мѣшаетъ и 'с Гравесанду,—оставаться вѣрнымъ главнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ англійской эмпирической психологіи. Онъ сомнѣвается въ существованіи врожденныхъ идей и отрицаетъ свободу воли, какъ «дѣйствіе безъ причины», во имя детерминизма. Онъ, повидимому, не признаетъ также и безсмертія души, и «нисходя въ гробъ *), за онымъ ничего не видитъ».

Какъ видимъ, опустошенія, произведенныя философіей въ традиціонныхъ «понятіяхъ о священныхъ вещахъ», были у вождя лейпцигскаго кружка гораздо значительнѣе, чѣмъ у молодежи, увлекавшейся въ Россіи французскими теоріями. Но и у Ушакова дѣло не обошлось безъ компромисса съ идеализмомъ, правда, компромисса, тоже основаннаго на философскомъ изученіи. Какъ далеко пошелъ въ этомъ отношеніи Радищевъ?

Для отвѣта мы позволимъ себѣ перенестись къ 1792 году, когда Радищевъ писалъ (въ Сибири) свой философскій трактатъ: «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи». Несмотря на четверть вѣка, которая отдѣляетъ этотъ трактатъ отъ первыхъ впечатлѣній семнадцатилѣтняго Радищева въ Лейпцигѣ, въ трактатѣ сохранились самые живые слѣды лейпцигскихъ занятій и чтеній.

«Смертность» и «безсмертіе»—въ борьбѣ этихъ двухъ противоположныхъ понятій заключается біографическій и культурный интересъ трактата. На Радищева, какъ и на Ушакова, французскій сенсуализмъ и нѣмецкій идеализмъ произвели *почти* одинаково сильное впечатлѣніе,—но въ послѣднюю минуту идеализмъ перевѣшиваетъ, по соображеніямъ моральнымъ. «Возвѣся по силѣ нашей обѣ противоположности,

---

*) Ушаковъ умеръ 23-хъ лѣтъ, еще въ Лейпцигѣ.

я вамъ оставлю выбирать, любезные мои, тѣ (доводы), кои наиболѣе имѣютъ правдоподобія или ясности, *буде не очевидности*. А я, лишенный васъ, о друзья мои, послѣдую мнѣнію, *утѣшеніе* вливающему въ душу скорбящую» (т. е. мнѣнію, что душа безсмертна).

Обѣ половины аргументаціи въ трактатѣ Радищева—и за «смертность», и за «безсмертіе»—не оригинальны. Своимъ руководителемъ при доказательствѣ «смертности» человѣка Радищевъ избираетъ Гольбаха («Système de la Nature»). При доказательствѣ безсмертія онъ пользуется знаменитыми «разговорами» Мендельсона, повліявшими, какъ мы упоминали выше, и на трактатъ Шварца («Phaedon oder über die Unsterblichkeit der Seele»). Но степень зависимости въ обоихъ случаяхъ—разная. Рѣшеніе въ пользу «смертности», очевидно, приковывало вниманіе Радищева въ гораздо большей степени, чѣмъ рѣшеніе въ пользу «безсмертія». И разобраться въ доказательствахъ «смертности» было для него важнѣе. Поэтому здѣсь, хотя основная нить разсужденія, всѣ главныя мысли и многія отдѣльныя мѣста прямо взяты изъ Гольбаха, тѣмъ не менѣе видны и постоянные слѣды личныхъ усилій мысли. Для доказательства и развитія положеній Гольбаха Радищевъ часто прибѣгаетъ къ упоминавшейся раньше нѣмецкой философской литературѣ. Надо замѣтить, что, вообще, Радищеву бросалось въ глаза не столько коренное различіе между Гольбахомъ и лебниціанцами, сколько общее тому и другимъ стремленіе къ философскому монизму. У самого Гольбаха Радищевъ находитъ главное возраженіе Лейбница противъ картезіанскаго дуализма матеріи и духа: то возраженіе, что матерія не можетъ считаться инертной и мертвой — и на *этомъ* основаніи противополагаться «духу»; что между матеріей и духомъ есть промежуточное, соединяющее ихъ понятіе *силы*. Радищеву этотъ основной аргументъ Гольбаха извѣстенъ и отъ нѣмецкихъ лейбниціанцевъ,—и это помогаетъ ему усвоить и развить идею о матеріи-силѣ, которую готовъ былъ отвергать еще Ушаковъ, столкнувшись съ ней у Гельвеція. У Гольбаха Радищевъ могъ найти и дальнѣйшій—уже чисто матеріалистическій выводъ изъ понятія о матеріи-силѣ: тотъ выводъ, что и сама «чувствительность» есть лишь одно изъ неизвѣстныхъ пока *свойствъ матеріи*. Но *это* положеніе Гольбаха Радищевъ уже прямо видоизмѣняетъ по своему: чаще всего онъ формулируетъ его такъ, что «чувствительность» оказывается *не* свойствомъ матеріи, а *функціей организаціи*—чего не отрицаютъ и его нѣмецкіе авторитеты: 'с Гравесандъ, Платнеръ, даже Бонне. Пойдемъ дальше: слѣдующая основная мысль системы—та, что *функція* неразрывно связана съ органомъ, психика съ физіологіей. Эта мысль, опять-таки очень сильно подчеркивается и Гольбахомъ. Гольбахъ показываетъ и то, какъ психика растетъ и разрушается вмѣстѣ съ органомъ, въ какой тѣсной зависимости она находится отъ среды и внѣшнихъ условій. Но и тутъ Радищевъ вноситъ въ аргументацію Гольбаха еще болѣе замѣт-

ный нѣмецкій оттѣнокъ. Гольбахъ настаиваетъ на *тожественности матеріала*, изъ котораго одинаково созданы какъ высшія, такъ и низшія организаціи и въ природѣ. Радищевъ подчеркиваетъ различіе и постепенное *совершенствованіе структуры* по мѣрѣ перехода отъ низшихъ къ высшимъ формамъ. Гольбахъ старается обнаружить во всемъ разнообразіи явленій. Одни и тѣ же *элементарныя* стихіи и силы—только все съ большимъ и большимъ участіемъ «огня», какъ животворящаго элемента. «Огонь», «электрическая» и «магнетическая» сила и у Радищева играютъ роль; но ему мало для объясненія міровой жизни этихъ оживляющихъ и усложняющихъ элементовъ. Онъ интересуется, прежде всего, самымъ *процессомъ* міровой жизни,—и набрасываетъ такую картину *развитія* непрерывной цѣпи существъ, начиная съ минераловъ и кончая человѣкомъ, которая, въ *тогдашней* литературѣ, ближе всего напоминаетъ «Contemplation de la Nature и Considérations sur les corps organisés» Бонне *). Онъ преслѣдуетъ, такимъ образомъ, скорѣе идею психофизіологическаго параллелизма, чѣмъ матеріальнаго тожества между духовной и матеріальной стороной явленій природы. Подчеркивая всѣ эти оттѣнки, въ которыхъ сказывается его личное пониманіе теоріи «смертности» души, Радищевъ всюду старается пополнить Гольбаха онтогеническими и филогеническими данными тогдашнихъ экспериментальныхъ наукъ. Замѣтимъ, что въ одномъ случаѣ онъ, характернымъ образомъ, охотнѣе ухватывается за мнѣніе Гольбаха (въ противоположность Гельвецію): это тамъ, гдѣ Гольбахъ отрицаетъ первоначальное равенство и одинаковость психическаго склада всѣхъ людей. Люди являются на свѣтъ съ *различными* задатками; это, конечно, еще не предполагаетъ вѣры во *врожденность* идей, но прямо только вытекаетъ изъ факта различія человѣческихъ организацій. Первоначальное *неравенство* признавалъ уже Ушаковъ (у Гольбаха, какъ извѣстно, изъ неравенства людей выводится потребность людей другъ въ другѣ и, слѣдовательно, происхожденіе общества ср. ниже, стр. 387). Наконецъ, съ той же цѣлью, какъ Ушаковъ (380),—т. е. съ цѣлью показать *активность* разума,—Радищевъ обогащаетъ свой трактатъ элементарными психологическими и логическими свѣдѣніями, какія онъ могъ получить изъ университет-

---

*) При живомъ и сильномъ взаимодѣйствіи главныхъ представителей философской и научной мысли XVIII в., нелегко было бы указать, чѣмъ Радищевъ обязанъ *именно* Бонне, но, если вообще Бонне имѣлъ на него вліяніе, то, конечно этими двумя, наиболѣе знаменитыми своими произведеніями, въ которыхъ онъ старается держаться на почвѣ психофизіологіи. Любопытно, что новиковскій кружокъ предпочиталъ, повидимому, позднѣйшее и болѣе слабое, по мнѣнію самого Бонне, произведеніе: Palingénésie philosophique,—которое Карамзинъ даже принялся переводить по-русски въ присутствіи самого Бонне. Причина предпочтенія понятна: въ «Палингенезіи» Бонне особенно внимательно остановился на идеѣ совершенствованія живыхъ существъ въ будущей жизни ср. слѣд. страницу.

скихъ руководствъ,—«Введенія» Гравесанда такъ же, какъ изъ «Философскихъ афоризмовъ» Платнера.

Такимъ образомъ, отдѣлъ о «смертности» въ редакціи Радищева является, несмотря на всю близость къ Гольбаху, значительно и какъ бы невольно смягченнымъ подъ вліяніемъ привычекъ мысли, пріобрѣтенныхъ на нѣмецкой философской литературѣ. Невѣрующій у Радищева не есть, строго говоря, ни матеріалистъ, ни атеистъ *); и несмотря на матеріалистическіе аргументы, которые онъ выдвигаетъ, между строкъ можно прочесть—а въ концѣ отдѣла это сказано и прямо—что, собственно, онъ не вѣритъ не столько въ существованіе и вѣчность духовной субстанціи вообще, сколько въ то, что эта субстанція по смерти тѣла можетъ сохранить свою сознательность и человѣческую индивидуальность. Другими словами, онъ сомнѣвается только въ *личномъ* безсмертіи.

Переходимъ къ отдѣлу о «безсмертіи». Здѣсь Радищевъ гораздо больше полагается на своего руководителя, Мозеса Мендельсона и передаетъ основное содержаніе «Федона» отчасти въ сокращенномъ пересказѣ, отчасти въ буквальномъ переводѣ. Діалогическую форму онъ отбрасываетъ, но сохраняетъ сократическій пріемъ Мендельсона—развивать мысль путемъ ряда альтернативъ. Въ подлинникѣ—двѣ существенныхъ части: Сократъ сперва доказываетъ безсмертіе духа вообще, потомъ безсмертіе *личнаго* духа человѣческаго. Радищевъ, характернымъ образомъ, стушевываетъ этотъ переходъ, подчеркивая только, что первые аргументы обращаются къ уму, тогда какъ послѣдніе—*къ чувству и къ сердцу*. Для ума остается аргументъ, что въ природѣ ничто не уничтожается, а слѣдовательно и духовная субстанція; что измѣняться, т.-е. слагаться и разлагаться, можетъ только *сложное*, но духъ нельзя представлять ни сложнымъ, ни продуктомъ или функціей сложнаго. Самое понятіе сложнаго (напр., гармоніи, пропорцій и т. п.) въ природѣ не существуетъ и предполагаетъ существованіе мыслящаго и сравнивающаго разума, слѣдовательно, есть послѣдствіе, а не причина существованія духа. Продуктомъ сложнаго дѣйствія болѣе элементарныхъ (матеріальныхъ) силъ,—духъ тоже не можетъ быть, такъ какъ психическое не можетъ создаться изъ суммы непсихическихъ ингредіентовъ: равнодѣйствующая не можетъ быть *качественно* различна отъ создающихъ ее отдѣльныхъ силъ. Для *чувства и сердца*—предлагается другое соображеніе. Непрерывная цѣпь безконечно совершенствующихся существъ въ мірѣ само по себѣ заставляетъ предполагать, что міръ подготовляется, *воспитывается* для какой-то высшей цѣли: если такъ, то безсмысленно было бы допустить смертность выс-

*) Съ классическимъ образцомъ тогдашняго матеріализма, сочиненіями Ламетри, повидимому, Радищевъ не былъ знакомъ непосредственно, хотя и упоминаетъ о нихъ. Вѣроятно, онъ зналъ рѣзкіе отзывы о Ламеттри своего учителя Галлера. Бонне пользовался Ламеттри, о возможности не упоминая о немъ.

шаго типа, достигнутаго природой въ ея развитіи, это было бы крупнымъ паденіемъ внизъ, съ достигнутой высоты. Мы знаемъ, что именно эта часть діалога Мендельсона особенно пригодилась для Шварца, и что онъ охотно принялъ неизбѣжный выводъ—дальнѣйшее совершенствованіе человѣка въ мірѣ высшихъ духовъ. Выводъ этотъ принимаетъ и Радищевъ. Надо вообще замѣтить, что Радищевъ вмѣстѣ съ Бонне, понимаетъ лѣстницу постепенно совершенствующихся типовъ и организацій не въ смыслѣ современной намъ науки,—т.-е. не какъ продуктъ ихъ міровой *эволюціи*, а какъ продуктъ *преформаціи* (т.-е. заранѣе, предвѣчно установленной смѣны формъ въ извѣстной послѣдовательности). Но въ этомъ «царствѣ неиспытаннаго», гдѣ такъ привольно чувствовалъ себя Шварцъ, — и, вѣроятно, другъ Радищева Кутузовъ, — Радищевъ чувствуетъ себя какъ-то неловко Это—«область догадокъ», а не «дѣйствительности»; область «стихотворческаго воображенія», а не «остроумнаго размышленія»; и Радищевъ спѣшитъ опуститься на твердую почву. Вмѣсто того, чтобы послѣдовать за Мендельсономъ въ его «полетѣ» и кончить трактатъ на самыхъ высокихъ нотахъ, Радищевъ вдругъ вспоминаетъ, что у него есть еще третій рядъ аргументовъ въ пользу самостоятельности духа—извѣстные уже намъ аргументы Гравесанда и Ушакова; и онъ прибавляетъ ихъ наблюденія надъ активностью духа въ психологическихъ и логическихъ операціяхъ. Далѣе, онъ спускается еще ниже: онъ возвращается къ своей любимой психофизіологіи, которою и раньше не упускалъ воспользоваться для амплификацій на темы Мендельсона. Онъ заговариваетъ о снѣ, о лунатикахъ, о психическихъ болѣзняхъ—въ доказательство господства духа надъ тѣломъ! Такимъ образомъ, и въ этой части трактата, съ противоположнаго конца, Радищевъ приходитъ къ тому же центру тяжести своей мысли, къ которому отклонялась его матеріалистическая аргументація. Религіозный трансцендентализмъ Мендельсона и матеріалистическій сенсуализмъ Гольбаха примиряются у него въ своего рода критическомъ эмпиризмѣ.

Не менѣе обильнымъ источникомъ возбужденія послужила для лейпцигскаго кружка *политическая* жизнь и теорія Запада. Радищевъ съ товарищами попалъ за границу какъ разъ въ характеризованное выше время, когда настроеніе просвѣтительнаго вѣка, подъ вліяніемъ текущихъ событій, быстро превращалось въ революціонное. И уроки жизни не прошли даромъ для кружка. Отголосокъ того, какое впечатлѣніе произвели на кружокъ событія текущей общественной борьбы, можно видѣть въ тѣхъ полушутливыхъ, полусерьезныхъ выраженіяхъ, въ какихъ Радищевъ изобразилъ намъ собственную борьбу—свою и своихъ пріятелей съ оффиціальнымъ ихъ начальникомъ, взяточникомъ, глупцомъ и невѣждой Бокумомъ. «Имѣя власть въ рукѣ своей и деньги, забылъ гофмейстеръ нашъ умѣренность и, подобно правителямъ народовъ, возмнилъ, что онъ не для насъ съ нами; что власть ему данная

надъ нами и опредѣленныя деньги—не на нашу были пользу, но на его...» «Тѣ, кои изъ насъ были постарѣе... дѣлали ему весьма кроткія представленія—гораздо кротче, нежели когда-либо парижскій парламентъ дѣлывалъ французскому королю. Но какъ таковыя представленія были частныя,—какъ то бываютъ и парламентскія,—а не ото всѣхъ, то Бокумъ отвергалъ ихъ толико же самовластно, какъ и король французскій, говоря своему народу: въ томъ состоитъ наше удовольствіе (tel est notre plaisir). Наскучивъ представленіями, Бокумъ захотѣлъ ихъ пресѣчь вдругъ, показавъ пространство своей власти (Радищеву, очевидно, рисуется тутъ lit de justice)...» «Подобно, какъ въ обществахъ, гдѣ удрученіе начинаетъ превышать предѣлы терпѣнія и возникаетъ отчаяніе, такъ и въ нашемъ обществѣ начинались сходбища, частыя совѣтованія, предпріятія, и все, что при заговорахъ бываетъ, взаимныя о вспомоществованіи обѣщанія, неумѣренность въ изреченіяхъ; тутъ отважность была похваляема, а робость молчала, но скоро единомысліе протекло всѣхъ души, и отчаяніе ждало на воспаленіе случая».

Какъ видимъ, студенческія волненія лейпцигской молодежи очень помогали ей понять предреволюціонное настроеніе Парижа *). Англійскіе политическіе перевороты XVII-го вѣка, и особенно второй изъ нихъ—«мирная» революція 1688 года,—вызывали у нашихъ студентовъ особый интересъ, очевидно, не безъ вліянія тогдашней памфлетной литературы. «Если бы смерть тебя (Ушакова) не восхитила изъ среды друзей твоихъ», предполагаетъ Радищевъ, «ты, конечно, о божественная душа, прилѣпился бы къ языку сихъ гордыхъ островитянъ, кои нѣкогда, прельщенные наихитрѣйшимъ изъ властителей (Кромвелемъ), царю своему жизнь отъяти покусилися судебнымъ порядкомъ; кои для утвержденія благосостоянія общественнаго изгнали наслѣдственнаго своего царя (Якова II), избравъ на управленіе посторонняго; кои, при наивеличайшей развратности нравовъ, возмѣряя вся на вѣсахъ корысти,—и нынѣ нерѣдко за величайшую честь себѣ вмѣняютъ противуборствовати державной власти и оную *побѣждать законно*».

Для боевого настроенія этихъ годовъ Руссо уже казался слишкомъ отвлеченнымъ, а Монтескьё—слишкомъ оппортюнистскимъ. Нуженъ былъ писатель, который соединилъ бы принципіальность перваго съ практичностью второго. Этой потребности момента какъ нельзя лучше удовлетворилъ Мабли. Онъ съумѣлъ выставить такую теорію народнаго верховенства, которая не требовала постояннаго присутствія верховнаго народа en permanence при выполненіи народной воли; и онъ съумѣлъ быть практичнымъ, не опускаясь до восхваленія англійской аристократической конституціи. Онъ удовлетворялся представитель-

*) «Житіе Ушакова», изъ котораго взяты эти цитаты, напечатано было въ Петербургѣ, въ 1789 году.

ствомъ, но требовалъ, чтобы представительство было демократично и чтобы передъ нимъ преклонялись его исполнительные органы. Мабли-теоретикъ представительныхъ собраній будущей революціи былъ настоящимъ человѣкомъ положенія. Этимъ объясняется его огромное значеніе и слава въ то время и его забвеніе слѣдующими поколѣніями.

Если въ философіи нѣмецкіе авторитеты успѣшно соперничали съ французскими въ умахъ лейпцигской молодежи, то въ политикѣ французское вліяніе господствовало безраздѣльно, а Мабли былъ послѣднимъ словомъ французской политической науки. Русскіе студенты рѣшительно отказались слушать курсъ нѣмецкаго профессора Бёме по международному праву, заявивъ, что будутъ лучше читать «Droit public de l'Europe» Мабли,—сочиненіе, признанное классическимъ «по мнѣнію всего свѣта», и, «конечно, болѣе содержательное, чѣмъ какія бы то ни были лекціи». Одно изъ сочиненій Мабли Радищевъ самъ перевелъ для «Общества, старающагося о напечатаніи книгъ», которому покровительствовала Екатерина. Это были «Размышленія о греческой исторіи»,—далеко не самое яркое, но все же весьма характерное для Мабли произведеніе. Соотвѣтственно своимъ теоріямъ о равенствѣ имуществъ и націонализаціи земли, Мабли идеализируетъ здѣсь Спарту и Ликурга, аѳинскую демократію обвиняетъ въ изнѣженности и распущенности, какъ результатахъ соціальнаго неравенства; искусную политику Филиппа Македонскаго осуждаетъ, потому что она была направлена не на возстановленіе греческой федераціи, а на удовлетвореніе личнаго эгоизма и тщеславія; завоеванія Александра считаетъ безумствомъ, заранѣе обреченнымъ на неудачу и заслуживающимъ ненависть человѣчества. Къ тексту Мабли Радищевъ прибавилъ свои примѣчанія, въ которыхъ вполнѣ принимаетъ его точку зрѣнія на первенство избирателей надъ избранными и законодательной власти надъ исполнительной *).

Однако же, въ нѣсколькихъ существенныхъ пунктахъ лейпцигскій кружокъ не раздѣлялъ ученій Мабли. Русская молодежь осталась вѣрна Гельвецію и Гольбаху въ вопросѣ о происхожденіи морали, которую матеріалистическій сенсуализмъ выводилъ исключительно изъ закона самосохраненія и изъ «физическихъ» потребностей человѣка. «Любовь самого себя или своего благосостоянія есть основаніе всѣхъ человѣ-

*) По поводу слова despotisme Радищевъ замѣчаетъ, что это «наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ—извѣтъ общія воли — не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ, опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать долженствуемъ неотмѣнно; но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества». Конечно, эти идеи Радищевъ могъ взять также изъ Гольбаха и Руссо.

ческихъ дѣяній...» Воля есть потребность «избирать состояніе, счастливѣйшимъ почитаемое...» «Добродѣтелію я называю навыкъ дѣйствій, *полезныхъ* общественному благу». Создать этотъ навыкъ—дѣло общества и законодателя, который для того и получаетъ отъ общества «верховную власть», чтобы «направлять всѣ отдѣльныя воли и силы—къ общественному благу». Средство для этого—«учрежденіе наказаній и награжденій». Всѣ эти характерныя для французскаго «натурализма» утвержденія мы встрѣчаемъ уже въ сочиненіяхъ Ушакова. Какъ извѣстно, со стороны Мабли всѣ они вызвали рѣшительныя возраженія, направленныя противъ «экономистовъ», какъ сторонниковъ тѣхъ же «натуралистическихъ» ученій. Мабли не призналъ также и того, чтобы въ теоріи общественнаго строя, созданной «экономистами», найденъ былъ ключъ къ гармоническому примиренію личныхъ инстинктовъ съ общественнымъ благомъ. Онъ, напротивъ, утверждалъ, что ихъ основной принципъ, признаніе земельной собственности и вытекающаго отсюда неравенства, есть источникъ всѣхъ антиобщественныхъ инстинктовъ, что «культура земли» не есть культура людей и производство наибольшаго числа цѣнностей—не тожественно съ созданіемъ наибольшаго количества счастья. Лейпцигской молодежи, повидимому, коммунистическія ученія Мабли казались утопіей. «Образъ *всякаю* правленія»,—говоритъ Ушаковъ,—«влечетъ за собою неравенство имѣній. Монархическое тѣмъ и существуетъ, аристократическое онаго отвергнуть не можетъ, въ демократическомъ, *хотя бы надлежало* быть равенству имѣній, но, судя съ точностію, не можетъ быть истинной демократіи, и сіе правленіе, приличествуя токмо весьма малымъ и бѣднымъ государствамъ, не можетъ, и по мнѣнію г. Руссо, сдѣлать народа счастливымъ, по склонности своей къ возмущеніямъ. Опытъ всѣхъ вѣковъ и настоящее государствъ состояніе доказываютъ невозможность равенства имѣній. А неравенство онаго производитъ, съ одной стороны нищету, а съ другой—роскошь».

Такимъ образомъ, русскіе студенты остановились въ нерѣшительности передъ крайними выводами европейскаго политическаго (такъ же какъ и философскаго) радикализма. Въ сущности, сами ихъ авторитеты еще не стояли твердо на этой крайней точкѣ зрѣнія. У того же Гольбаха они могли найти не мало мѣстъ, возвращавшихъ ихъ въ политикѣ къ любимой идеѣ XVIII-го вѣка, къ идеѣ «философа на престолѣ», который придетъ и все устроитъ. «Государи часто потому лишь управляютъ произвольно, что они не знаютъ истины; они ненавидятъ истину, потому что они не знаютъ ея неоцѣненныхъ преимуществъ». Мудрый государь «никогда не станетъ ревниво оберегать свой безграничный авторитетъ: онъ пожертвуетъ частью его, чтобы вѣрнѣе сохранить то, что ему останется» (Гольбахъ).

Мы опять вернулись съ этими словами на точку зрѣнія разговоровъ Дидро съ Екатериной. Возвращаясь въ Россію, въ 1771 году,

лейпцигскіе юноши имѣли полное основаніе стоять на этой точкѣ зрѣнія. Они ѣхали домой, полные энтузіазма, полные надеждъ и ожиданій. Радищевъ намъ живо изобразилъ это настроеніе. «Воспомни», обращается онъ къ Кутузову, «нетерпѣніе наше—видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія нашего, воспомни о восторгѣ нашемъ, когда мы узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую. Если кто, безстрастный, ничего иного въ восторгѣ не видитъ, какъ неумѣренность или иногда дурачество,—для того не хочу я марать бумаги. Но если кто, понимая что̀ есть изступленіе, скажетъ, что не было въ насъ таковаго, и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнію для пользы отечества—тотъ, скажу, не знаетъ сердца человѣческаго».

Что нашли они по возвращеніи? Мы знаемъ,—это былъ еще періодъ «недоразумѣнія»; но на эффектной декораціи, долженствовавшей изображать «блаженство всѣхъ и каждаго», уже начинали обнаруживаться швы и бѣлыя нитки. Своя, не ѣздившая заграницу, молодежь не унывала и не складывала рукъ. Потерявъ надежду на журналистику, она обратилась къ просвѣтительной и благотворительной дѣятельности. Перспективы съузились, но зато выиграли въ наглядности, въ осязательности: притомъ же новая работа такъ хорошо совпадала съ новымъ религіозно-моралистическимъ міровоззрѣніемъ, осмысливавшимъ цѣли этой работы, поддерживавшимъ одушевленіе. Пріѣхавшей изъ-за границы молодежи всего этого было мало. Недаромъ же открылись ей на Западѣ такіе широкіе горизонты, недаромъ она чувствовала себя такой сильной, такой способной принести настоящую пользу. Понятно, что и разочарованіе ея было гораздо сильнѣе. Ея готовность на подвиги самопожертвованія никому не понадобилась; а передъ муравьиной работой, которую дѣлали ея сверстники, у ней опускались руки. «Признаюсь», продолжаетъ Радищевъ въ только-что цитированномъ мѣстѣ, «и ты, мой другъ, въ томъ же признаешься,—что послѣдовавшее по возвращеніи нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О вы, управляющіе умами и волею народовъ властители, колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, колико кратно упускаете вы случай на пользу общую, утушая заквасъ, воздымающій сердце юности. Единожды смиривъ его, нерѣдко навѣки содѣлаете калѣкою».

Большинство товарищей, дѣйствительно, замолкло «навѣки» послѣ возвращенія на родину. Замолкъ и Радищевъ на полтора десятка лѣтъ. Но онъ не «смирился» и «калѣкой» не сдѣлался. Съ середины 80-хъ годовъ онъ «воспрянулъ отъ унынія», «почувствовалъ, что возможно *всякому* (т.-е. во всякомъ общественномъ положеніи) быть соучастникомъ въ благоденствіи себѣ подобныхъ», дѣйствуя на разумъ людей путемъ печатнаго слова; онъ ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться *«заблужденію»*,—которое философами XVIII-го в. всегда считалось главной причиной «страданій человѣческихъ». И онъ принялся за составленіе своей знаменитой книги, причинившей автору

столько бѣдствій при жизни и обезсмертившей его въ потомствѣ. «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» было готово въ 1788 г. и вышло въ свѣтъ въ 1790, когда еще не успѣли остыть первые восторги, вызванные среди петербургской интеллигенціи событіями въ Парижѣ.

Что же такъ подняло настроеніе Радищева, что вызвало въ немъ то активное общественное настроеніе, ту готовность на литературную борьбу и пропаганду своихъ мнѣній, о которыхъ свидѣтельствуетъ каждая строка его книги?

«Я взглянулъ окрестъ меня, душа моя *страданіями* человѣческими уязвлена стала; обратилъ взоры во внутренность мою, и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ *отъ человѣка*, часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы». Другими словами, два мотива руководили Радищевымъ: сознаніе того страшнаго противорѣчія, въ которомъ находилась русская дѣйствительность, съ идеалами вѣка, императрицы и его самого; и глубокая увѣренность въ томъ, что тутъ есть какое-то нелѣпое недоразумѣніе, которое надо во что бы то ни стало разсѣять. Это было мучительное чувство человѣка, который стоитъ въ толпѣ и видитъ, что люди на платформѣ говорятъ совсѣмъ не о томъ и не то, что нужно и необходимо и что для него такъ ясно и просто. Стоитъ только крикнуть громко, чтобы эти люди поняли свое «заблужденіе» и прониклись разумными соображеніями. Такимъ отчаяннымъ крикомъ была книга Радищева.

Это настроеніе Радищева въ 80-хъ годахъ вовсе не было его личнымъ. Противорѣчіе между идеаломъ и жизнью, прежде всего, отразилось на самой императрицѣ—полнымъ крушеніемъ той самоувѣренности, съ какою она вступила на путь своей «легисломаніи». Она могла, сколько угодно, утѣшать себя тѣмъ, что противорѣчія есть признакъ хорошихъ мозговъ (grande caboche): фактъ былъ тотъ, что цѣльность плана во внутренней политикѣ была совершенно утрачена,—gänzlich verloren, какъ писала сама она Гримму. И это признаніе пришлось ей сдѣлать тогда, когда наступало время подводить итоги царствованія. Въ интимной перепискѣ она могла сознаться, что никакого итога еще нельзя подвести всѣмъ этимъ разрозненнымъ попыткамъ, этимъ началамъ безъ концовъ, этой дѣятельности à batons rompus. Но признать это публично не позволяла ни политика, ни самолюбіе. Отсюда—необходимость декораціи, которою Екатерина все сознательнѣе закрывала современную ей дѣйствительность. Отсюда же эта потребность похвалы и это быстро растущее нетерпѣніе при малѣйшей попыткѣ постороннихъ заглянуть въ ея игру, проникнуть за кулисы. Что пороки и недостатки русскаго общества «*скоро* исправятся» при помощи новыхъ законовъ,—этимъ Екатерина не могла уже теперь утѣшать ни себя, ни другихъ. Слѣдовательно, оставался одинъ исходъ, если она хотѣла перейти въ исторію съ именемъ «Великой»: отрицать самое существованіе пороковъ и недостатковъ.

Люди, близкіе къ сценѣ, на которой давался спектакль,—такіе какъ, напр., кн. Щербатовъ,—очень хорошо видѣли истинный характеръ и причины настроенія Екатерины. Щербатовъ и далъ очень яркое изображеніе этого настроенія. Люди, стоявшіе въ отдаленіи,—а такими было огромное большинство русской интеллигенціи,—дольше сохранили иллюзію: иллюзію не относительно русской дѣйствительности, а относительно взгляда на нее Екатерины. Многіе изъ нихъ были увѣрены, что Екатерина просто не знаетъ, не видитъ этой дѣйствительности, и негодованіе ихъ обращалось противъ двора и приближенныхъ, противъ того «средостѣнія», которое заслоняло, по ихъ мнѣнію, жизнь отъ императрицы. Даже начатое правительствомъ преслѣдованіе масоновъ не измѣнило ихъ взгляда. По поводу самого этого преслѣдованія Кутузовъ написалъ Лопухину письмо, которое лучше всего можетъ ввести насъ въ настроеніе, вызвавшее появленіе въ свѣтъ радищевскаго «Путешествія». Письмо это можно принять за одну изъ страницъ самаго «Путешествія»: такое совпаденіе настроенія тѣмъ болѣе знаменательно, что и Радищевъ, и Кутузовъ одинаково свидѣтельствуютъ *о различіи* своихъ политическихъ взглядовъ.

«Извѣстно мнѣ», пишетъ Кутузовъ, «что, окрестивъ насъ многихъ именемъ мартинистовъ, самымъ тѣмъ думаютъ имѣть право—поступать съ нами, какъ угодно, и считаютъ за позволенное отнимать у насъ подпору законовъ. Но, сердечный мой другъ, приличны ли таковые поступки въ благоучрежденномъ государствѣ? Согласуются ли оные съ начертаніемъ нашей монархини? Все сіе заставляетъ меня воззывать: горе землѣ, въ которой подчиненные, начальники и судьи, а не законы управляютъ гражданами и дѣлами!.. Всякій изъ нихъ считаетъ себя мудрецомъ высшей степени... и отъ сего... у семи нянекъ дитя безъ глазу. Коль скоро позволяется человѣку судить о намѣреніяхъ человѣка и догадки свои равнять дѣйствительному дѣянію, толь скоро исчезаетъ личная безопасность, ослабѣваетъ довѣренность законовъ, да и сами законы теряютъ свою силу. Граждане содѣлываются нерѣшительными, твердость и мужество уступаютъ мѣсто робости и ползающему духу; правда и праводушіе отступаютъ отъ сердецъ нашихъ; коварство, хитрость и лукавство воздымаютъ смѣло главу свою..; отечество наше становится намъ чуждо, ибо содѣлывается жилищемъ нашего душевнаго мученія... О мой другъ, сердце мое содрогается при начертаніи сей легко токмо начертанной картины. Ежели бы наша монархиня могла видѣть все то, что опредѣленные ею дѣлаютъ, вострепетало бы ея нѣжное человѣколюбивое сердце; гнѣвъ ея, справедливый гнѣвъ, постигъ бы сихъ нечеловѣковъ, злоупотребляющихъ ея довѣренность. Я всегда скажу, безъ всякаго лицемѣрія: не монархиня причиною нашего притѣсненія, но одовѣренные частицею ея власти. Скажу и то, что *частію мы сами причиною сего.* Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. *Для чего не прибѣгаемъ къ самой*

ней и не стараемся *пробиться* сквозь лицемѣріе, ласкательство и ложь, окружающія ея престолъ? Она человѣколюбива, она правосудна; безъ сомнѣнія, подала бы намъ руку помощи. Собственная ея польза требуетъ сего: ея благоденствіе находится въ благоденствіи ея подданныхъ... Ежели бы знали истинныя наши расположенія, перестали бы насъ гнать и нашли бы насъ послушнѣйшими и вѣрнѣйшими гражданами, нежели тѣ, которые противу насъ наущаютъ.. Смѣло можно сказать, что изъ среды насъ не выдетъ никогда Мирабо и ему подобные чудища... Христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленныя, есть совершенное противорѣчіе». Кутузовъ, можно думать, разсчитывалъ прямо на то, что съ этими письмами изъ-за границы онъ дѣйствительно «пробьется» къ престолу при помощи cabinet noir императрицы Екатерины *). Онъ очень настойчиво старался въ нихъ очистить себя отъ подозрѣнія въ соучастіи съ Радищевымъ при составленіи посвященнаго ему же «Путешествія». Но, во всякомъ случаѣ, набрасывая свою «легко начертанную картину», Кутузовъ не подозрѣвалъ, что та же самая картина, только въ детальныхъ и конкретныхъ чертахъ, составляетъ главное содержаніе инкриминированной книги Радищева, и что главной мечтой Радищева было при этомъ тоже «пробиться» къ престолу--только болѣе прямымъ, открытымъ путемъ, при помощи вольныхъ типографій,—и такимъ образомъ снять съ себя падавшую на него «часть» вины въ безмолвіи подданныхъ.

Съ этой двойной точки зрѣнія,—какъ первый въ русской исторіи вполнѣ открытый и сознательный примѣръ публицистической критики, и какъ произведеніе, адресованное не только къ общественному мнѣнію, но—и главнымъ образомъ—къ «философу на престолѣ», мы и должны разсматривать здѣсь «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Мы могли бы, конечно, также найти въ «Путешествіи» не мало новыхъ чертъ для общаго міровоззрѣнія Радищева, поискать еще разъ его иностранныхъ источниковъ; но послѣ сказаннаго раньше нѣтъ надобности вновь возвращаться къ этимъ сторонамъ дѣла. Продуманное міровоззрѣніе и обширная начитанность служатъ здѣсь вполнѣ опредѣленной цѣли: дать идейное освѣщеніе фактамъ русской дѣйствительности, связать одной мыслью и однимъ чувствомъ случайныя, разрозненныя впечатлѣнія жизни; заставить людей, привыкшихъ проходить мимо этихъ жизненныхъ мелочей, подумать надъ ними и почувствовать весь ужасный смыслъ обыденныхъ сценъ на большой дорогѣ.

Основная мысль публицистической критики Радищева одна: это та самая мысль, которую мы встрѣтили въ письмѣ его друга, Кутузова. Послѣ «добродѣтели» больше всего надо руководствоваться «закономъ».

---

*) Несомнѣнно, московскіе мартинисты знали, что ихъ письма прочитываются на почтѣ. Относительно Екатерины они употребляли ту же уловку, какую она сама употребляла относительно прусскаго короля. Ср. ниже.

«Законъ, какъ ни худъ, есть связь обществу». Поэтому, повиновеніе закону и защита его отъ произвола есть первѣйшая обязанность гражданина. Если даже сама власть захочетъ нарушить законъ,—повиноваться ей не слѣдуетъ. Пусть сперва законъ будетъ измѣненъ или уничтоженъ той властью, которая въ правѣ это сдѣлать (*«въ Россіи* государь—источникъ законовъ»).

«Законность»—основной принципъ Радищева; полное отсутствіе чувства законности въ тогдашней общественной жизни—это та главная черта, противъ которой направлены всѣ его обличенія. Безправіе русской общественной жизни—вотъ то «чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяй», которое Радищевъ избралъ темой своихъ нападеній въ самомъ эпиграфѣ къ своему произведенію.

За соблюденіе или нарушеніе закона отвѣчаетъ администрація: противъ этого «средостѣнія», отдѣляющаго власть отъ народа, и направляются, прежде всего, удары Радищева. Произволъ администраціи, зависимость управляемыхъ отъ ея каприза—къ этой темѣ онъ постоянно возвращается въ «Путешествіи». Передъ нами проходитъ цѣлая галлерея типовъ тогдашнихъ администраторовъ, начиная съ того мелкаго начальника береговой команды, сладкій сонъ котораго чуть не стоитъ жизни двадцати человѣкамъ, и кончая государевымъ намѣстникомъ, который за тысячу верстъ шлетъ въ Петербургъ на казенныя деньги курьеровъ за устрицами, и производитъ ихъ за это въ чины за служебное усердіе. Еще опаснѣе судья въ роли нарушителя закона: и еще чаще мелькаютъ въ «Путешествіи» образы пристрастныхъ судей, неправыхъ рѣшеній, честныхъ людей, принужденныхъ бросить службу въ судѣ, потому что отчаялись въ возможности бороться противъ протекціи, подкупа и всяческихъ несправедливостей. Но особенно сильно обрушивается Радищевъ на коренное явленіе безправія въ русской общественности,—на крѣпостное право. Картины и сцены, рисуемыя здѣсь, становятся прямо ужасающими, и «чувствительность» читателя подвергается самому серьезному испытанію, вслѣдъ за чувствительностью самого разсказчика. Мы видимъ варварскую семью помѣщиковъ, выведшую изъ терпѣнія своихъ мужиковъ и убитую ими въ стихійномъ порывѣ озлобленія и самозащиты; видимъ крестьянъ, работающихъ на себя только по ночамъ и по праздникамъ, видимъ дѣвушекъ, судьба которыхъ подвергается всѣмъ случайностямъ барской прихоти, видимъ насильственные браки, незаконную торговлю рекрутами, продажу людей по одиночкѣ,—и притомъ людей, связанныхъ личными и кровными узами съ бариномъ, униженіе раба, получившаго одинаковое воспитаніе съ сыномъ своего господина, нищенскую и антигигіеническую обстановку крестьянской избы и т. под. изображенія, одно реальнѣе и мрачнѣе другого. «Я размышлялъ, какимъ бы образомъ сіе происшествіе могло достигнуть до слуха верховной власти, ибо справедливо думалъ, что въ самодержавномъ правленіи одна она въ отношеніи другихъ можетъ быть безпристрастна», замѣ-

чаетъ Радищевъ по поводу одного такого эпизода. «Возможно ли, что бы въ толь мягкосердое правленіе, каково нынѣ у насъ, производились толикія жестокости?» Эта мысль руководитъ Радищевымъ и во многихъ другихъ случаяхъ, особенно когда онъ указываетъ на незаконность совершающихся фактовъ, когда подчеркиваетъ, что разсказываемые имъ эпизоды не выдуманы, а дѣйствительно были. Его жажда поскорѣе просвѣтить власть, показать ей обратную сторону медали, скрываемую «средостѣніемъ», особенно ярко высказывается въ его «снѣ», составляющемъ кульминаціонную точку всего «Путешествія». Автору снится, что онъ царь, что онъ сидитъ на блестящемъ тронѣ въ раззолоченныхъ чертогахъ, наполненныхъ толпой раболѣпныхъ придворныхъ. Окружающіе льстецы превозносятъ до небесъ его военные успѣхи, его законодательную мудрость, его широкую благотворительность и покровительство, которое онъ оказываетъ наукамъ и искусствамъ. Царь отдаетъ новыя приказанія въ томъ же смыслѣ и готовится уже наслаждаться плодами своихъ трудовъ, когда его повелительно останавливаетъ женщина въ рубищѣ, забравшаяся, вопреки стражѣ, въ его палаты. Эта женщина—Истина; она снимаетъ бѣльмы съ глазъ царя и показываетъ ему вещи «въ естественномъ ихъ видѣ». И царь видитъ, что «военачальникъ, посланный на завоеванія, утопалъ въ роскоши и веселіи; въ войскахъ не было подчиненности», солдатамъ не платили жалованья и не кормили ихъ; рекрута наполовину умирали; казна употреблялась на увеселенія, а чины и ордена «доставались не храбрости, но подлому раболѣпію». «Милосердіе сдѣлалось торговлею, и кто давалъ больше, тому стучалъ молотъ жалости и великодушія». «Въ созиданіи городовъ» царь видѣлъ теперь «одно расточеніе государственной казны, омытое нерѣдко кровію и слезами подданныхъ» «Щедроты» его «изливались на богача, на льстеца, на вѣроломнаго друга, на тайнаго убійцу, на предателя и нарушителя общественной довѣренности, на уловившаго (его) пристрастіе, на жену, кичащуюся своимъ безстыдствомъ; едва досягали (они до) застѣнчиваго достоинства и стыдливой заслуги». И Истина вѣщала царю: «Если изъ среды народной возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твои,—вѣдай, что онъ есть другъ твой искренній, чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета; онъ твердымъ голосомъ возвѣститъ тебѣ обо мнѣ. Блюдись, и не дерзай его казнить, яко общаго возмутителя. Призови его, угости, яко странника,—ибо всякій, порицающій царя въ самовластіи, есть странникъ земли, гдѣ передъ нимъ все трепещетъ». И ужъ отъ себя Радищевъ прибавляетъ въ заключеніе: «Властитель міра, если, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкою или нахмуришь чело,—вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и гнушается твоихъ чертоговъ».

Но нѣтъ, Радищевъ не хочетъ вѣрить этому. Онъ твердо увѣренъ, что истина должна и можетъ говорить свободно въ Россіи. Только при этомъ условіи литература и можетъ сыграть свою великую обществен-

ную роль. «Если свободно всякому—мыслить и мысли свои объявлять всѣмъ невозбранно, то естественно, что все придуманное и изобрѣтенное будетъ извѣстно; великое будетъ велико, и истина не затмится. Правители народовъ не дерзнутъ удалиться отъ стези правды и убоятся: ибо пути ихъ злости и ухищренія обнажатся. Вострепещетъ судія, подписывая неправедный приговоръ, и раздеретъ его. Устыдится имѣющій власть управлять ею только на удовлетвореніе своихъ прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежемъ; прикрытое убійство—убійствомъ... Спокойствіе будетъ *дѣйствительное*, ибо не будетъ въ немъ заквасу. Нынѣ поверхность только гладка; но илъ, на днѣ лежащій, мутится и тмитъ прозрачность воды». Во имя этихъ благодѣтельныхъ послѣдствій Радищевъ требуетъ для печати полной гласности и отмѣны цензуры, ссылаясь при этомъ на взгляды самой императрицы. «Пускай печатаютъ все, кому что на умъ ни взойдетъ. Кто найдетъ себя въ печати обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ... Слова не всегда суть дѣянія; размышленія-жъ—не преступленія: это правила Наказа о новомъ уложеніи» *).

Руководясь этими соображеніями, Радищевъ не ограничился въ «Путешествіи» тѣмъ, что нарисовалъ мрачную картину русской дѣйствительности. Онъ рѣшился указать и на средства помочь злу, перенеся, впрочемъ, свои указанія въ болѣе или менѣе отдаленное будущее. «Блаженъ живущій иногда въ будущемъ! блаженъ живущій въ мечтаніи», восклицаетъ онъ въ самомъ началѣ книги. «Не мечта это», говоритъ онъ въ концѣ,—«но взоръ проницаетъ густую завѣсу времени, скрывающую отъ очей нашихъ будущее; я зрю черезъ цѣлое столѣтіе...» И отъ имени «гражданина будущихъ временъ» Радищевъ предлагаетъ свой «проектъ въ будущемъ», яко бы найденный имъ на дорогѣ. Форма проекта — та самая, какую употребилъ когда-то Крижаничъ: это рѣчь царя къ народу или, лучше сказать, къ правящему сословію государства. Цѣль проекта — «постепенное введеніе нарушеннаго въ обществѣ естественнаго и гражданскаго равенства». Средства—двоякія. Съ одной стороны, это — освобожденіе крестьянъ (съ землей); съ другой — «умаленіе правъ дворянства». «Извѣстно вамъ изъ нашихъ лѣтописей», говоритъ у Радищева будущій государь гражданамъ будущихъ временъ, «что мудрые правители нашего на-

*) Радищевъ, очевидно, разумѣетъ здѣсь слѣдующее мѣсто Наказа Екатерины: «Законы не обязаны наказывать внѣшнихъ или наружныхъ дѣйствій; *слова* не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ оныя пріуготовляютъ или соединяются, или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному. Все превращаетъ (тотъ), кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе смертной казни достойное... Человѣку снилося, что онъ умертвилъ царя: сей царь приказываетъ казнить его смертію, говоря, что не приснилось бы сіе ему ночью, если бы онъ о томъ днемъ наяву не думалъ. Сей поступокъ былъ великое тиранство, ибо, если бы онъ то и думалъ, однако-жъ на исполненіе мысли своей еще не поступилъ».

рода, подвизаемы истиннымъ человѣколюбіемъ, познавъ естественную связь общественнаго союза, старалась положить предѣлъ сему стоглавому злу (т.-е. крѣпостному праву). Но державные ихъ подвиги утщетились извѣстнымъ тогда своими гордыми преимуществами въ государствѣ нашемъ чиностояніемъ, но нынѣ обвѣтшалымъ и въ презрѣніе впадшимъ наслѣдственнымъ дворянствомъ. Державные предки наши среди могущества силъ своихъ немощны были разрушить оковы гражданской неволи. Не токмо не могли они исполнить благихъ своихъ намѣреній, но ухищреніемъ помянутаго въ государствѣ чиностоянія подвигнуты были на противныя разсудку и сердцу ихъ правила». Радищевъ увѣренъ, что государь будущаго будетъ счастливѣе въ своихъ попыткахъ освободить крестьянъ, но и онъ заставляетъ этого государя обратиться не съ приказаніемъ, а съ убѣжденіемъ къ потомкамъ современныхъ Радищеву рабовладѣльцевъ, чтобы они «познали свое заблужденіе». Не только они грѣшатъ противъ права и справедливости, противъ «природы и сердца своего», но они просто поступаютъ неразсчетливо, сохраняя крѣпостное право. Рабство *невыгодно* для государства и для отдѣльныхъ лицъ, такъ какъ «принужденная работа даетъ меньше плода», а уменьшеніе количества «земныхъ произведеній столько же препятствуетъ размноженію народа». И если даже въ отдѣльныхъ случаяхъ удастся увеличить производительность имѣнія насиліемъ надъ рабами, то, конечно, это не аргументъ въ пользу рабства. «Какая польза государству, что нѣсколько тысячъ четвертей въ годъ болѣе родится хлѣба, если тѣ, кои его производятъ, питаются наравнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ вздирать тяжкую борозду? Или блаженство гражданъ въ томъ почитаемъ, чтобы житницы были полны хлѣба, а желудки пусты?» Всѣ эти аргументы можно найти у Мабли, но и Радищевъ не идетъ за Мабли до конца. Онъ не хочетъ ни націонализаціи земли, ни коллективной собственности на землю. Крестьянская свобода въ будущемъ рисуется ему, какъ режимъ частной земельной собственности. Постепенный переходъ къ этому режиму и составляетъ главное содержаніе его проекта. Сперва помѣщики должны лишиться права переводить крестьянъ во дворъ, права судить крестьянина и распоряжаться крестьянскими браками и имуществомъ. Наличный надѣлъ, который крестьянинъ пашетъ, долженъ сдѣлаться его собственностью. Затѣмъ, крестьянинъ получаетъ право выкупиться на волю и купить себѣ землю. «Засимъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства».

На случай, если убѣжденія не окажутъ вліяніе на рабовладѣльцевъ, у будущаго государя есть болѣе сильный аргументъ,—тотъ самый, который дѣйствительно употребляли и Екатерина II, и Николай I, и Александръ II: лучше освободить крестьянъ сверху, нежели дождаться, чтобы они сами освободились снизу. Радищевъ напоминаетъ дворянамъ пугачевщину,—какъ напоминалъ (см. выше) Екатеринѣ

Сиверсъ. «Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего ожидать намъ должно. Гибель приближается постепенно, и опасность уже надъ главами нашими», говоритъ его будущій государь. «Уже время, вознесши косу, ждетъ удобнаго часа; и первый льстецъ или любитель человѣчества, рожденный для пробужденія несчастныхъ, ускоритъ его махъ. Блюдитеся!»

Но это пока—только угроза, только отдаленная перспектива *). Будущій государь кончаетъ совѣтомъ — предупредить ее, — не изъ одного страха или разсчета, а также и изъ чувства человѣколюбія. «Зная расположеніе сердецъ вашихъ», обращается онъ къ «гражданамъ будущаго времени», «пріятнѣе имъ убѣдиться доводами, въ человѣческомъ *сердцѣ* почерпнутыми, нежели исчисленіями корыстолюбиваго благоразумія, а менѣе еще опасностію. Идите, возлюбленные мои, идите въ жилище братіи вашей и возвѣстите имъ о премѣнѣ ихъ жребія... Да не скончаемъ жизни нашей, возымѣвъ столь благую мысль и не возмогши ея исполнить. Да не воспользуется тѣмъ потомство наше, да не пожелаетъ вѣнца нашего и съ презрѣніемъ о насъ да не скажетъ: они были его недостойны!»

Увы, всѣ сильныя и горячія слова не могли сдѣлать «будущаго» настоящимъ. Но въ будущемъ они должны были принести свой плодъ.

Другая часть «проекта въ будущемъ» предлагаетъ отмѣнить придворные чины или, по крайней мѣрѣ, не равнять ихъ съ дѣйствительной заслугой,—съ чинами военными и гражданскими. Рѣчь идетъ и здѣсь отъ имени государя, который этимъ способомъ хочетъ оградить себя отъ лести, дѣлающей «глухими, слѣпыми и неосязательными» даже «наилучшихъ между нами». Не похожій на обычныхъ властителей, идеальный государь Радищева «соблюлъ сердце свое» отъ этой заразы и «будетъ примѣромъ позднѣйшему потомству, какъ должно на взаимную пользу соединять власть со свободой».

Впрочемъ, въ *такое* отдаленное будущее и «проектъ» Радищева не заглядываетъ. Проза для такой утопіи не годится, и Радищевъ начинаетъ говорить стихами. Онъ пишетъ оду, въ которой развиваетъ упоминавшіяся выше теоріи Мабли и французской памфлетной литературы, Гольбаха и собственнаго своего примѣчанія къ переводу Мабли.

Какъ мы уже говорили, книга Радищева сразу вызвала «великое любопытство» публики въ Петербургѣ. О ней «говорили по всему городу». Это было не мудрено. Все, что только крупицами, по частямъ, въ формѣ намековъ и иносказаній высказывалось до сихъ поръ въ новиковскихъ журналахъ,—все это было здѣсь сведено въ одинъ фо-

*) Ни Екатерина, ни послѣдующіе изслѣдователи не обратили вниманія на *форму*, въ которой изложенъ радищевскій проектъ, и въ которой эта угроза аграрной революціей, конечно, не можетъ быть истолкована, какъ подстрекательство къ бунту.

кусъ, сказано прямо и сильно и освѣщено опредѣленной общей теоріей. И все это было сказано въ тотъ моментъ, когда одушевленіе, вызванное взятіемъ Бастиліи, еще не успѣло охладѣть въ интеллигентныхъ кружкахъ столицы, но уже ясно было, что настроеніе императрицы мало соотвѣтствуетъ этому одушевленію.

Екатерина была одной изъ первыхъ читательницъ «Путешествія», и въ этомъ отношеніи надежды Радищева «пробиться» къ престолу совершенно исполнились. Но впечатлѣніе получилось обратное тому, на какое разсчитывалъ Радищевъ. Въ его книгѣ Екатерина, прежде всего, увидѣла личную обиду себѣ, а затѣмъ, «разсѣяніе заразы французской». Перваго она никогда не прощала, а второго имѣла особенные поводы не простить въ 1790 году. «Ничто ей не можетъ быть досаднѣе, какъ-то, когда докладывая ей по какимъ дѣламъ, въ сопротивленіе воли ея, законы поставляютъ; и тотчасъ отвѣтъ отъ нея вылетаетъ: а развѣ я не могу, не взирая на законы, сего учинить? Но не нашли никого», прибавляетъ Щербатовъ къ только что приведеннымъ его словамъ, «кто бы осмѣлился отвѣтствовать ей, что *можетъ*—яко деспотъ, но съ поврежденіемъ своей славы и повѣренности народной». Самъ Щербатовъ набросалъ картину русской дѣйствительности въ концѣ царствованія Екатерины, и эта картина,—«черная», но «непристрастная», до поразительнаго сходна съ картиной Радищева и съ жалобами Кутузова. Но картина Щербатова, также какъ и злыя письма Ростопчина, и мемуары иностранцевъ, подтверждающіе ее, оставались въ рукописи при жизни Екатерины. «Не нашли никого, кто бы осмѣлился» сказать ей правду въ лицо: никого, за исключеніемъ Радищева, который смѣло поставилъ соблюденіе «закона» и водвореніе законности, какъ conditio sine qua non для сохраненія «славы и народной повѣренности» Екатериной.

Такимъ образомъ, личныхъ мотивовъ было бы уже достаточно для объясненія того, какъ отнеслась Екатерина къ книгѣ Радищева. Характерно, что и у писателя она, прежде всего, предположила личные мотивы. Прочтя «сонъ» Радищева и основательно заключивъ, что въ немъ обнаруживается «намѣреніе, для чего вся книга писана», Екатерина затѣмъ истолковала это намѣреніе такъ: «объ закладъ биться можно», что поводъ къ написанію «есть тотъ: для чего входъ не имѣетъ въ чертоги. Можетъ быть, что имѣлъ когда ни на есть, а нынѣ, не имѣя, съ дурнымъ и, слѣдовательно, неблагодарнымъ сердцемъ подвизается перомъ». Но скоро императрица догадывается, что имѣетъ дѣло не съ представителемъ придворной оппозиціи, а съ кѣмъ-нибудь изъ учившихся «въ Лейпцигѣ». Тогда ея объясненіе мѣняется, сохраняя однако прежній характеръ. Авторъ «родился въ необузданной амбиціи и, готовясь къ высшимъ степенямъ, донынѣ еще не дошедъ, желчи нетерпѣніе разлилось на все установленное». «Скажите сочинителю», приказываетъ она въ концѣ концовъ, «что я читала его книгу отъ

доски до доски и, прочтя, усумнилась, не сдѣлано ли ему мною какой обиды». Такъ далеки и несоизмѣримы оказались точки зрѣнія императрицы и автора,—и такъ невозможно было, при этомъ условіи, установить то взаимное пониманіе, на которое разсчитывалъ Радищевъ.

Какъ бы то ни было, и самыя теоріи «Путешествія» оказались, на взглядъ Екатерины, «криминальнаго намѣренія». Это намѣреніе, по ея словамъ, «на всякомъ листѣ видно; сочинитель наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и защищаетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противъ начальниковъ и начальства». Радищевъ могъ, сколько угодно, приводить въ свое оправданіе, что книгу свою «писалъ онъ прежде, нежели въ Франціи было возмущеніе». Онъ не могъ отрицать, что «знаніе имѣетъ довольно и многихъ книгъ читалъ»; между ними опытный глазъ Екатерины различилъ Руссо и Рейналя *). Несомнѣнно было и то, что усвоенныя имъ теоріи «совершенно тѣ, отъ которыхъ Франція вверхъ дномъ поставлена», что онъ «любитъ распространять гипохондрическія и унылыя мысли», которыхъ такъ не любила императрица. Екатерина вывела, наконецъ, общее заключеніе, что авторъ «себя опредѣлилъ начальникомъ, книгою ли или инако, исторгнуть скипетры изъ рукъ царей; но какъ сіе исполнить одинъ не могъ, и оказываются уже слѣды, что нѣсколько сообщниковъ имѣлъ, то надлежитъ его допросить». Такимъ образомъ, изъ литературнаго произведенія выросъ политическій процессъ; и какъ бы ни была лично обижена Екатерина, очевидно, что къ *такому* результату могло привести только сопоставленіе «системы» Радищева съ «французскимъ развратнымъ нынѣшнимъ примѣромъ». Въ отношеніи Екатерины къ французской революціи надо искать ключа къ тѣмъ экстреннымъ мѣрамъ государственной безопасности, которыя приняты были ею въ послѣдніе годы царствованія и для которыхъ, казалось, такъ мало было реальныхъ основаній во внутреннемъ положеніи Россіи.

По отношенію къ французской націи Екатерина всегда питала чувства истинной нѣмки. «Божусь вамъ, что я никогда не любила и не полюблю французовъ», говорила она англійскому посланнику. Относительно французскаго правительства это враждебное чувство подкрѣплялось соображеніями внѣшней политики. Екатерина привыкла съ самаго начала царствованія встрѣчать французскихъ дипломатовъ вездѣ на своемъ пути, будь то въ Турціи или въ Швеціи или въ Польшѣ. Но какъ разъ къ правительству Людовика XVI она перемѣнила отношеніе, такъ какъ стала въ это время искать французскаго союза. «Я такого хорошаго мнѣнія обо всемъ, что дѣлается при Людовикѣ XVI», гово-

*) Вліяніе Рейналя призналъ и самъ Радищевъ. Помимо стиля, у Рейналя онъ нашелъ образцы и случаи дурного обращенія съ рабами, отсюда взялъ и мнѣніе о невыгодности рабства, о грозящемъ возстаніи рабовъ, о необходимости улучшить участь рабовъ и т. д.

ритъ императрица въ 1779 г., «что готова бранить всѣхъ, кто будетъ его злословить». Скоро, однако, и сама Екатерина перешла въ ряды злословящихъ. Неспособность короля, расточительность королевы не укрылись отъ вниманія Екатерины. Она знала, конечно, и о неспокойномъ состояніи умовъ во Франціи, но совѣтовала, какъ мы упоминали раньше, искать выхода въ активной внѣшней политикѣ, т.-е. въ союзѣ съ Россіей. «Бездѣйствіе двора совершенно роняетъ уваженіе къ нему», пишетъ она Гримму. «Меня никто не заподозритъ въ сочувствіи къ этому двору, но интересъ Россіи и всей Европы требуетъ, чтобы онъ вновь занялъ подобающее ему мѣсто, и притомъ какъ можно скорѣе. Французы любятъ почетъ и славу... но всякій французъ согласится, что Франція не пользуется ни тѣмъ, ни другимъ въ этомъ состояніи политическаго небытія, при которомъ растутъ и множатся внутреннія смуты. Надо спустить натянутыя струны во внѣ страны; тогда онѣ перестанутъ точить и подкапывать ее, какъ черви—корабельное дно». Екатерина давала тутъ совѣтъ, который она сама испробовала, когда одушевленіе, вызванное въ дворянствѣ ея «легисломаніей», уступило мѣсто разочарованію и когда изъ Москвы донеслись до нея первые звуки «натянутыхъ струнъ» общественнаго недовольства. Головокружительные планы Потемкина, возстановленіе греческой имперіи, потомъ чуть не дѣлежъ Европы въ проектѣ Зубова, подоспѣли какъ разъ во-время для нея, чтобы увлечь русское общество на путь, уже испробованный ею, завоевательной внѣшней политики. Не углубляясь особенно во внутренное положеніе Франціи, она мысленно ставила себя въ положеніе Людовика XVI, и только удивлялась, что онъ находитъ и создаетъ себѣ трудности тамъ, гдѣ она справилась бы такъ легко и просто. Ей совершенно чужда была мысль о неизбѣжности революціи, которую Вольтеръ и Гриммъ высказали еще въ 60-хъ годахъ и которая въ 70-хъ г. сдѣлалась уже общимъ мѣстомъ. «Я не придерживаюсь мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что мы находимся наканунѣ великой революціи», писала она Гримму еще въ апрѣлѣ 1788 г.

При такомъ настроеніи, Екатерина встрѣтила совершенно равнодушно извѣстіе о созывѣ нотаблей. «Эта идея дѣлаетъ честь добрымъ намѣреніямъ короля, но у насъ пока о ней невысокаго мнѣнія». Русская Коммиссія уложенія кажется Екатеринѣ несравненно болѣе смѣлой и удачной идеей; и она не можетъ лишить себя удовольствія—сдѣлать сравненіе въ свою пользу между этими двумя учрежденіями. Она созвала депутатовъ для блага народа; французскій король созвалъ ихъ только для того, чтобы получить деньги. Однако, отставка Калонна вызываетъ у Екатерины уже совсѣмъ иного рода сравненіе нотаблей съ Коммиссіей. Депутаты Коммиссіи не могли бы заставить ее противъ собственной воли отставить министра, замѣчаетъ императрица. Естественно, что скоро она вовсе перестаетъ одобрять созывъ нотаблей. «Богъ съ ними, съ вашими нотаблями; не знаешь дальше, чего отъ

нихъ ждать». Она не совсѣмъ довольна, разумѣется, и созывомъ генеральныхъ штатовъ; но все же еще готова съ ними мириться. Совершенно неожиданно, она даже высказываетъ одобреніе идеѣ Неккера удвоить число депутатовъ третьяго сословія,—не подозрѣвая вовсе, что логическимъ послѣдствіемъ этой мѣры будетъ превращеніе представителей tiers-état въ представителей всего французскаго народа. Она просто ожидаетъ, что, удвоивъ представительство tiers-état, король заслужитъ популярность въ народѣ и пожнетъ лавры Генриха IV. Генрихъ IV постоянно подвертывается подъ перо Екатерины въ эти безпокойные годы: ея монархическій демократизмъ не идетъ дальше Генріады Вольтера; скоро она посовѣтуетъ читать Генріаду французскому дворянству, чтобы укрѣпиться въ лойяльныхъ чувствахъ.

Сквозь эту литературно-историческую призму Екатерина плохо разбираетъ смыслъ первыхъ событій французской революціи и невнимательно слѣдитъ за ея развитіемъ. Депутаты, правда, ставятъ королю досадныя препятствія, но, конечно, король съумѣетъ съ ними справиться, и, въ союзѣ съ Россіей, онъ возстановитъ вліяніе Франціи въ Европѣ. «Если потабли и генеральные штаты очень ужъ разгорячатся, я совѣтую угостить ихъ политической ruade противъ партіи штатгальтера въ Голландіи. Это единственное средство, чтобы примирить всѣхъ и успокоить волненіе».

При такомъ увѣренномъ и спокойномъ настроеніи, 14-е іюля 1789 г. было для Екатерины громовымъ ударомъ при безоблачномъ небѣ. Послѣ взятія Бастиліи, тонъ ея сужденій о парижскихъ событіяхъ сразу и круто мѣняется. Мѣсто преувеличенной безпечности занимаютъ теперь самыя крайнія опасенія. Франція, если бы даже захотѣла, не можетъ теперь оказать никакой услуги Россіи. Въ ней наступило господство анархіи. Король — каждый день пьянъ (!): имъ управляетъ, кто хочетъ. Депутаты—сапожники: какъ могутъ сапожники управлять государствомъ; ихъ дѣло шить сапоги. Они въ состояніи повѣсить короля на фонарѣ. Съ октябрьскихъ дней, съ самаго переѣзда короля въ Парижъ изъ Версаля, Екатерина предсказываетъ: «его ожидаетъ участь Карла I». И отношеніе Екатерины къ извѣстнымъ ей дѣятелямъ революціи рѣзко измѣняется. *Астроному* Бальи она пересылала черезъ Гримма любезности и подарки; Бальи, демократическому *меру* Парижа, она отказываетъ въ своемъ портретѣ,--«портретѣ самой аристократической императрицы въ Европѣ», по ея выраженію. Лафайэта, дѣятеля американской революціи, Екатерина приглашала еще въ 1787 г. пріѣхать въ Россію; Лафайэтъ начальникъ національной гвардіи для нея есть «tête á révolution», «Dadais le grand». Напротивъ, Мирабо, антипатичный Екатеринѣ, какъ демократъ-писатель, на нѣсколько времени располагаетъ ее въ свою пользу какъ защитникъ королевской прерогативы. Черезъ русскаго посланника въ Парижѣ Екатерина даже заводитъ съ нимъ переговоры, съ

цѣлью привлечь его—и черезъ него все собраніе—на сторону русскаго союза. Русскій оффиціозъ, «Петербургскія Вѣдомости», съ 14-го іюля метавшій громы противъ революціи, печатаетъ по смерти Мирабо довольно сочувственный отзывъ о личности великаго трибуна. Но въ частной перепискѣ Екатерина не церемонится и съ Мирабо: онъ «достоинъ уваженія Содома и Гоморры»; это преступникъ и злодѣй, котораго давно повѣсили бы во всякое другое время. Гриммъ даже подумываетъ, не переѣхать ли ему съ улицы, которую окрестили именемъ Мирабо.

Таково было настроеніе Екатерины, когда ей пришлось прочесть книгу Радищева. Мы знаемъ, что она уже нѣсколько лѣтъ, какъ слѣдила за московскими «мартинистами» и уже приняла противъ нихъ, противъ ихъ собраній, противъ печатаемыхъ ими книгъ и противъ распространенія ихъ въ провинціи рядъ полицейскихъ мѣръ. Корреспонденція «мартинистовъ» съ ихъ стипендіатами, посланными за границу, вся перлюстрировалась, и участь членовъ московскаго «сборища» висѣла на волоскѣ. Зная, что письма распечатываются, нѣкоторые изъ «мартинистовъ» (какъ Лопухинъ, можетъ быть, и Кутузовъ), попробовали было этимъ путемъ реабилитировать себя передъ правительствомъ; но мы видѣли, что самыя оправданія ихъ «по совѣсти» иной разъ получали видъ цитатъ изъ Радищева. Естественно, что для Екатерины и Радищевъ показался такимъ же «мартинистомъ», а книга его—проявленіемъ того самаго якобинскаго духа, который она подозрѣвала, но до сихъ поръ не могла открыть, у членовъ московской «шайки». Вотъ чѣмъ объясняется и ея вопросъ объ «общникахъ» Радищева. Надо думать, что не совсѣмъ неосновательны были и тогдашніе петербургскіе толки, связывавшіе книгу Радищева съ именами тѣхъ же самыхъ вельможныхъ оппозиціонеровъ, Воронцовыхъ, Дашковой,—которые извѣстны намъ, какъ покровители Новикова и оппозиціонной журналистики.

Какъ бы то ни было, Екатерина, очевидно, смотрѣла на книгу Радищева, не какъ на случайный и индивидуальный фактъ, а какъ на симптомъ, сильно ее встревожившій. Радищеву пришлось серьезно заявлять, что, хотя одно изъ инкриминированныхъ сочиненій его и «кажется (имѣющимъ цѣлью) произвести французскую революцію, но, однако жъ, по чистой совѣсти своей» онъ можетъ «увѣрить, что сего злого намѣренія не имѣлъ». Тѣмъ не менѣе, онъ былъ преданъ суду по обвиненію, для котораго не нашлось ни одной подходящей статьи въ тогдашнихъ русскихъ уголовныхъ законахъ: книга его признана «разрушающею покой общественный, умаляющею должное къ властямъ уваженіе, стремящейся къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противъ начальниковъ и начальства». Уголовная палата и сенатъ приговорили Радищева къ смертной казни посредствомъ отсѣченія головы. Екатерина отдала приговоръ на пересмотръ еще третьей,

не предусмотрѣнной закономъ инстанціи, военнаго «совѣта», и, наконецъ, замѣнила смертную казнь десятилѣтней ссылкой въ Сибирь, въ Илимскъ.

Очевидно, Екатерина хотѣла на Радищевѣ показать такой же примѣръ строгости, какой она совѣтовала въ эти самые мѣсяцы употребить съ нѣсколькими депутатами національнаго собранія, чтобы «образумить остальныхъ». Небывалая въ Россіи мѣра произвела, дѣйствительно, сильное и тяжелое впечатлѣніе, «La condamnation du pauvre Radistchef me fait une peine extrême», писалъ С. Р. Воронцовъ. «Quelle sentence et quel adoucissement—pour une étourderie... celà fait frémir». Письма московскихъ мартинистовъ тоже свидѣтельствуютъ объ угнетенномъ настроеніи, тѣмъ болѣе, что ударъ косвенно былъ направленъ на нихъ. Со дня на день они могли ждать, что и надъ ними разразится гроза, какъ ни старались они предупредить ее своими демонстративными заявленіями о несогласіи съ Радищевымъ. Дѣйствительно, уже весной 1791 г. графъ Безбородко пріѣхалъ въ Москву съ указомъ—произвести слѣдствіе надъ мартинистами. Но Безбородко находилъ подобныя мѣры «несоотвѣтствующими славѣ Екатерины» и пользуясь даннымъ ему полномочіемъ, оставилъ бумагу у себя въ карманѣ. Преслѣдованіе было отсрочено на годъ; но дальнѣйшія событія французской революціи дали ему окончательный ходъ.

Въ этихъ событіяхъ Екатерина пробуетъ принять теперь непосредственное участіе. Подавать совѣты—поздно и безполезно: со времени переселенія въ Парижъ король въ плѣну у народа и не имѣетъ собственной воли. Екатерина вполнѣ усваиваетъ этотъ взглядъ французскихъ роялистовъ; и помогая имъ проводить его, она безсознательно приближаетъ дѣло къ той самой роковой развязкѣ, которой такъ боится. Послѣ смерти Мирабо, вся ея надежда на бѣгство короля: она его совѣтуетъ и помогаетъ устроить. «Вы отлично сдѣлаете», пишетъ она Гримму (апрѣль 1791), «если возьмете съ собой или даже, по возможности, спрячете въ карманъ, удаляясь изъ Содома и Гоморры, короля французовъ, чтобы онъ добрался цѣлымъ и невредимымъ до границъ своего королевства. Тамъ вы его сдадите Буйе или какому-нибудь другому благонадежному человѣку, чтобы онъ предохранилъ его христіаннѣйшее величество отъ всѣхъ несчастій, которыя, какъ намъ кажется, ему угрожаютъ... Вотъ уже три года, какъ мы дрожимъ за жизнь» короля и его семьи. Получивъ извѣстіе, что бѣгство состоялось (не безъ участія русскаго посольства, какъ извѣстно), петербургскій дворъ ликуетъ; но тотчасъ же приходитъ новая вѣсть, что король арестованъ, и императрица сильно поражена. «Я думаю, что главное затрудненіе для бѣгства короля представлялъ самъ онъ», справедливо замѣчаетъ она. Больше всего тревожитъ ее теперь вопросъ: «подпишетъ ли христіаннѣйшій король противохристіанскую конституцію. Самой своей подписью онъ отлучитъ самого

себя». При извѣстіи, что конституція подписана королемъ, гнѣвъ императрицы не знаетъ границъ. Она выходитъ изъ себя, «топаетъ ногами» отъ раздраженія. Это уже не просто политическая ошибка; это—недостойная низость:

«Renoncer aux Dieux, que l'on croit dans son coeur,
— C'est le crime d'un lâche, et non pas une erreur».

И «можно ли помогать такому королю, который самъ своей пользы не понимаетъ». Подписавъ конституцію, онъ санкціонировалъ парижскія событія. Онъ уничтожилъ самъ себя, и логическимъ послѣдствіемъ долженъ быть разрывъ дипломатическихъ сношеній съ его правительствомъ. Уже въ августѣ 1790 года Екатерина велѣла всѣмъ русскимъ въ Парижѣ немедленно вернуться на родину. Въ августѣ 1791 года она перестала принимать при дворѣ оффиціальнаго представителя Франціи Женета, «яраго демагога», а въ началѣ слѣдующаго года въ Петербургъ явился личный повѣренный короля, Бомбелль. Но на короля Екатерина уже не надѣется болѣе; настоящимъ представителемъ Франціи становится третье лицо—посланецъ братьевъ короля и эмигрантовъ,—Эстергази. На эмигрантовъ Екатерина переноситъ всѣ надежды; Кобленцъ становится для нея истинной столицей Франціи; туда она посылаетъ своего уполномоченнаго, гр. Румянцева. «Петербургскія Вѣдомости» наполняются статьями эмигрантовъ и становятся органомъ непримиримаго роялизма. Екатерина увѣрена или дѣлаетъ видъ, что увѣрена, что эмигрантамъ не трудно будетъ оружіемъ усмирить взбунтовавшуюся страну; и она уже даетъ совѣты, какъ реорганизовать замиренную Францію. Главное—это «устранить идею полнаго равенства». Для этого надо возстановить «древніе обычаи, которые внушаютъ публикѣ уваженіе къ рангамъ... Особы высшаго ранга должны всегда показываться не иначе, какъ въ особомъ костюмѣ, съ лентами и другими отличіями. Принцы никогда не должны допускать къ себѣ иначе, какъ во фракѣ». Очень полезно возстановить парламенты; съ ихъ претензіями справиться не трудно, но они служатъ несомнѣнной поддержкой монархіи: безъ нихъ, добавляла Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ, монархія превратится въ республику, или въ деспотизмъ *).

Совѣтовъ Екатерина давала, сколько угодно. На денежныя субсидіи она была значительно скупѣе. А что касается помощи войсками, она никогда серьезно о ней не думала, такъ какъ очень скоро она стала эксплуатировать революцію для цѣлей собственной внѣшней политики. Она втянула шведскій дворъ въ борьбу, старалась втянуть прусскій и австрійскій—съ совершенно опредѣленной цѣлью отвлечь ихъ вниманіе отъ ближайшей къ Россіи арены екатерининской политики: отъ Турціи и Россіи. «Есть мотивы, о которыхъ нельзя гово-

*) Эта реминисценція изъ Монтескье освѣщаетъ намъ отношеніе Екатерины къ той постоянной законодательной коммиссіи, которую она проектировала, слѣдуя совѣту Дидро.

рить: я хочу вовлечь ихъ въ дѣло, чтобы у меня были руки развязаны. У меня много предпріятій неоконченныхъ, и надобно, чтобы они были заняты и мнѣ не мѣшали». Такъ говорила Екатерина своему секретарю Храповицкому. Западнымъ дипломатамъ она, разумѣется, говорила другое. Она тоже будетъ сражаться съ «якобинцами», но не въ Парижѣ, а въ Стокгольмѣ, въ Варшавѣ и въ Константинополѣ. Въ Стокгольмѣ «одинъ изъ воспитателей молодого короля состоитъ вождемъ мистическаго движенія теософовъ, стремящихся къ ниспроверженію христіанской религіи и престоловъ» *). Польша тоже полна якобинскими клубами. Наконецъ, турокъ «демократы подстрекаютъ объявить войну обоимъ императорскимъ дворамъ».

При такомъ положеніи дѣлъ, прусскій и вѣнскій дворы, естественно, предпочитали оборачиваться назадъ, на Вислу и Черное море, вмѣсто того, чтобы спѣшить на помощь эмигрантамъ, ожидавшимъ ихъ въ Кобленцѣ. Такимъ образомъ, направивъ сторонниковъ короля на путь непримиримой борьбы съ революціей, Екатерина все сдѣлала, чтобы сдѣлать исходъ этой борьбы безнадежнымъ. Ея собственная политика на востокѣ отвлекла вниманіе Европы отъ революціи и наиболѣе способствовала торжеству революціи надъ коалиціонными силами, а слѣдовательно, и надъ королемъ.

Событія въ Парижѣ, при этихъ условіяхъ, быстро шли къ развязкѣ. И какъ ни готова была Екатерина къ этой развязкѣ, какъ часто ни предсказывала она ее, когда еще было возможно ея избѣжать, теперь, когда она стала неизбѣжна, парижскія событія подѣйствовали на нее, какъ рядъ ошеломляющихъ неожиданностей. Обстоятельства сложились такъ, что и помимо этого нервы Екатерины были сильно потрясены. Въ октябрѣ 1791 года, въ самое трудное для нашей политики время, умеръ Потемкинъ; потеря эта стоила Екатеринѣ «слезъ и отчаянія» и вызвала у ней тяжелое признаніе, что она «не успѣла приготовить людей» и что «теперь не на кого опереться». Начался зубовскій режимъ, вызывавшій негодованіе даже у такихъ людей, какъ Ростопчинъ. Не оправилась Екатерина отъ этого «страшнаго удара обухомъ», какъ пришло въ Петербургъ извѣстіе объ убійствѣ Густава III-го. «Я боюсь совсѣмъ отупѣть отъ этихъ событій, которыя бьютъ васъ по нервамъ», писала императрица Гримму (апрѣль, 1792). «Напримѣръ, внезапная смерть императора; убійство шведскаго короля; послѣдствія, которыхъ можно каждый день ждать во Франціи». Тотчасъ затѣмъ распространились слухи о готовящемся покушеніи на жизнь самой императрицы. «Якобинцы вездѣ печатаютъ, что они меня убьютъ, и что съ этой цѣлью послано трое или четверо лицъ, относительно которыхъ меня предупреждаютъ со всѣхъ сторонъ... Въ Варшавѣ Mazzey держалъ пари, что 3-го мая меня не бу-

*) Это—то самое, въ чемъ Екатерина обвиняла русскихъ «мартинистовъ» и адищева.

детъ въ живыхъ; говорятъ, и меръ Петіонъ увѣрялъ, что 1-го іюня меня не будетъ на свѣтѣ... Когда же, наконецъ, положатъ конецъ всѣмъ этимъ преступнымъ фактамъ». Екатерина прибавляетъ, правда, что не вѣритъ слухамъ, но, однако, принимаетъ свои мѣры. 9-го апрѣля посланъ секретный указъ петербургскому губернатору, «чтобы искать француза, пріѣхавшаго черезъ Кенигсбергъ 22-го марта съ злымъ умысломъ на здравіе ея величества: взяты предосторожности на границѣ и въ городѣ. Даны указы, чтобы строго смотрѣть за пріѣзжающими въ Царское Село и Софію, а паче за иностранцами». При такомъ настроеніи, даже шутки императрицы принимаютъ особый оттѣнокъ. Она смотритъ въ окно на солдатъ и говоритъ: «У этихъ нѣтъ патріотическихъ пикъ».—«И красныхъ колпаковъ», подхватываетъ услужливый секретарь, Храповицкій.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ зловѣщіе слухи принимаютъ новую, конкретную форму. Мартинисты хотятъ покуситься на жизнь императрицы. Они уже бросали между собой жребій и т. д. Едва ли можно считать случайностью, что въ тотъ самый день, когда въ Петербургѣ полиція искала «француза Басевиля» (13-го апр.), императрица подписала указъ Прозоровскому въ Москву объ арестѣ Новикова. Арестованный у себя въ деревнѣ, онъ въ маѣ былъ, со всевозможными предосторожностями, перевезенъ окольными путями въ Шлиссельбургъ и тамъ допрошенъ Шешковскимъ. Судебная процедура, употребленная въ дѣлѣ Радищева,—согласно убѣжденію императрицы, что c'est l'opinion publique,—на этотъ разъ была сочтена излишней и неудобной по самому характеру подозрѣній. Екатерина до конца дознанія осталась при убѣжденіи, что Новиковъ «не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ»; между тѣмъ, всѣ наличные матеріалы для допроса были использованы. Не доводя дѣло до суда, Екатерина распорядилась, вмѣсто «тягчайшей и нещадной казни», какой заслуживалъ Новиковъ «по силѣ законовъ»,—«слѣдуя сродному намъ человѣколюбію и оставляя ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія, запереть его на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость». Для стараго и больного Новикова этотъ приговоръ, очевидно, имѣлъ смыслъ пожизненнаго тюремнаго заключенія. Вслѣдъ затѣмъ, пострадали и другіе, наиболѣе видные члены московскаго «сборища». Кн. Н. Н. Трубецкой и И. П. Тургеневъ высланы на жительство въ свои деревни. Молодые стипендіаты масоновъ, Колокольниковъ и Невзоровъ, арестованы при возвращеніи изъ-за границы: первый заболѣлъ и умеръ подъ арестомъ; второй перенесъ сильное нервное потрясеніе, совершенно подломившее ту стойкость характера, которую онъ обнаружилъ при первыхъ шагахъ слѣдствія, настаивая на строгомъ соблюденіи законныхъ формъ. Неоднократно упоминавшійся Кутузовъ, другъ Радищева, вовсе не рѣшился возвращаться въ Россію и скоро умеръ за границей.

Несмотря на такой полный разгромъ подозрительныхъ для нея элементовъ, Екатерина все еще продолжала опасаться «французской заразы». Еще въ концѣ того же 1792 года она велѣла строго слѣдить за однимъ иностраннымъ выходцемъ (Миллiоти), подозрѣвая, «не заводитъ ли (онъ) здѣсь (т.-е. въ Петербургѣ) якобинскаго клуба». Уже послѣ перваго прихода парижской черни въ Тюльери (20-го іюня 1792 г.) Екатерина выслала изъ Россіи окончательно французскаго посла. 10-ое августа и арестъ короля вырвалъ у ней новые крики ужаса. Казнь короля уложила Екатерину на нѣсколько дней въ постель. Всѣ сильныя выраженія ея лексикона давно уже были израсходованы. «Петербургскія Вѣдомости» теперь тоже сразу замолчали, не рѣшившись даже сообщить публикѣ о смерти Людовика XVI. Очевидно, самое сообщеніе дальнѣйшихъ свѣдѣній о революціи, хотя бы съ безусловно враждебной точки зрѣнія, считалось неудобнымъ. Едва оправившись, Екатерина приступила къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Всякія сношенія съ Франціей объявлены были прекращенными. Французскіе корабли не допускаются болѣе въ русскія гавани; поѣздки русскихъ во Францію, сношенія съ французами, даже выписка французскихъ журналовъ и ношеніе французскихъ модъ были строго воспрещены. Выгнать изъ самой Россіи всѣхъ французовъ было бы трудно; но Екатерина и тутъ приняла строгую мѣру. Она составила присягу, которою французы обязывались впредь до возстановленія порядка «прервать всякія сношенія съ своими соотечественниками, подчинившимися въ настоящее время незаконному и отвратительному правительству», осудить «преступленіе, совершенное этими чудовищами относительно личности короля» и отречься отъ «безбожныхъ и разрушительныхъ принциповъ, введенныхъ лицами, захватившими незаконно верховную власть» во Франціи. Такимъ образомъ, всѣ французы были превращены въ «ревностныхъ роялистовъ», по выраженію Екатерины. Изъ 1.500 французскихъ подданныхъ, только 43 отказались принести эту присягу, лишавшую ихъ отечества, такъ какъ имена присягнувшихъ печатались въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ иностранныхъ газетахъ. Всѣ французы, допускавшіеся къ императрицѣ, подлежали съ этихъ поръ своего рода «политическому карантину», какъ выражалась сама Екатерина.

Среди всеобщаго молчанія, вызваннаго репрессіей, только одинъ голосъ въ русской журналистикѣ раздался въ пользу «милости» къ жертвамъ. Голосъ этотъ принадлежалъ Карамзину. Въ своемъ «Московскомъ журналѣ» (1792 г.) онъ напечаталъ оду «Къ милости», въ которой осторожно напоминалъ Екатеринѣ точку зрѣнія ея лучшихъ годовъ:

Доколѣ милостью пребудешь,
Доколѣ пользоваться будешь
Ты правомъ матери одной,
Доколѣ гражданинъ спокойно,
Безъ страха можетъ засыпать
И всѣмъ твоимъ подвластнымъ вольно
По мыслямъ жизнь располагать...
Доколѣ правда не страшна,
И чистый въ сердцѣ—не боится
Въ своихъ желаніяхъ открыться
Тебѣ, владычица души;
Доколѣ всѣмъ даешь свободу

И свѣта не темнишь въ умахъ,
Доколь довѣренность къ народу
Видна во всѣхъ твоихъ дѣлахъ:
Дотолѣ будешь свято чтима,
Отъ подданныхъ боготворима
И славима изъ рода въ родъ.

Спокойствія твоей державы
Ничто не можетъ возмутить...
Тотъ тронъ на вѣкъ не потрясется,
Гдѣ онъ любовью бережется
И гдѣ на тронѣ *ты* сидишь.

Но самъ Карамзинъ, этотъ духовный сынъ новиковскаго кружка, былъ уже, въ сущности, человѣкомъ другого поколѣнія. Въ активѣ людей этого поколѣнія, выросшихъ и выступившихъ на общественную арену въ девяностыхъ годахъ, уже не было тѣхъ свѣтлыхъ впечатлѣній, на которыхъ выросли свидѣтели екатерининской «легисломаніи», шестидесятники и семидесятники XVIII вѣка. Въ глазахъ этихъ старшихъ товарищей Карамзинъ былъ благонамѣреннымъ, но политически-неразвитымъ юношей, и они не могли понять, какъ, съ своимъ легкимъ багажомъ, онъ рѣшался выступить на журнальное поприще. Онъ, однако же, выступилъ—и имѣлъ успѣхъ. Это значило, что его слушаетъ новое поколѣніе, которому онъ былъ понятнѣе и доступнѣе своихъ старшихъ друзей. Къ настроенію этого поколѣнія мы еще вернемся. Но теперь же необходимо замѣтить, что настроеніе это создавалось не только отрицательными, а и положительными впечатлѣніями. Когда замолкли голоса семидесятниковъ, на опустѣвшей аренѣ раздались другія рѣчи. Интеллигентное общественное мнѣніе было остановлено въ своемъ развитіи; зато тѣмъ съ большей свободой выступило подпочвенное теченіе, широкое и сильное количественно, но стушевывавшееся до тѣхъ поръ передъ общимъ духомъ времени и передъ качественными преимуществами лучшихъ представителей интеллигенціи. Очередь была за націонализмомъ и за націоналистической теоріей, слабые зародыши которой мы видѣли уже въ жизни и въ сатирической литературѣ.

Мы не упоминали до сихъ поръ объ одномъ важномъ симптомѣ націоналистическаго настроенія—о театрѣ. Изъ всѣхъ формъ интеллигентнаго общенія, театръ по самому существу своему есть наиболѣе консервативная, наиболѣе принужденная считаться съ умственными привычками и традиціями широкой публики. Если вамъ нужно составить сужденіе о степени интеллигентности средней публики, о ея симпатіяхъ и предразсудкахъ, о томъ, что у ней принято и не принято, — словомъ о всѣхъ продуктахъ соціологическаго «подражанія» въ данной средѣ,—идите въ театръ, и все это тамъ отразится для васъ, какъ въ зеркалѣ. Заговоривъ теперь о подпочвенномъ теченіи націонализма,—мы всего удобнѣе ознакомимся съ нимъ, если обратимъ вниманіе на то, какое же настроеніе средней публики выражала, къ какому настроенію приспособлялась екатерининская сцена?

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, насколько сблизилась эта сцена съ жизнью, и какъ персонажи изъ русской дѣйствительности, изъ средняго и «подлаго» класса мало-по-малу вытѣсняли классическихъ царей и героевъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ сцена даже дѣлалась

отголоскомъ передовыхъ взглядовъ, философскихъ и политическихъ. За такіе именно отголоски,—очень похожіе на тѣ, за которые въ 1785 г. Екатерина не хотѣла преслѣдовать Николева (стр. 237),—она въ 1791 г. запретила посмертную и не поставленную еще на сцену пьесу Княжнина («Вадимъ»), какъ только эта пьеса появилась, благодаря оппозиціонному либерализму кн. Дашковой, въ печати. Но это были одиночныя исключенія. Въ общемъ, русскій театръ сбросилъ ложноклассическую тогу лишь для того, чтобы служить выраженіемъ—и источникомъ—націоналистическихъ настроеній и взглядовъ полуинтеллигентныхъ и вовсе неинтеллигентныхъ слоевъ публики. Перечитывая многочисленныя пьесы тогдашняго «Россійскаго Ѳеатра», мы можемъ составить себѣ отчетливое представленіе о томъ запасѣ общихъ мѣстъ и сентенцій, который вошелъ въ умственный обиходъ этой публики. Далѣе мы увидимъ, что на этомъ же основномъ фундаментѣ популярныхъ общихъ мѣстъ строили свои взгляды и болѣе интеллигентные представители русскаго національзма.

Народный элементъ есть первое, что по справедливости бросается въ глаза, какъ новая особенность русскаго театра послѣдней трети или четверти XVIII-го вѣка. Но народъ же, какъ мы знаемъ, составлялъ главную, если не исключительную цѣль публицистической и общественной дѣятельности передовыхъ кружковъ интеллигенціи. «Народъ» русскаго театра—это совсѣмъ, однако, не тотъ народъ, надъ страдой котораго болѣютъ душой новиковскіе журналы и Радищевъ, недоѣданію котораго стараются помочь московскіе масоны. За немногими исключеніями, всѣ эти диссонансы деревенскихъ будней остаются за кулисами русскаго театра. На сценѣ являются веселые и довольные, по праздничному принаряженные пейзане, которые поютъ и пляшутъ, влюбляются и женятся, благословляютъ судьбу и помѣщика. Для примитивнаго театральнаго вкуса необходимо соединить музыку и танцы съ драматическимъ дѣйствіемъ; необходимъ балетъ и хоръ: мужики, мужицкіе костюмы, мужицкія пѣсни являются самымъ подходящимъ матеріаломъ,—какимъ они являлись уже на барскихъ праздникахъ, въ мало-мальски богатой помѣщичьей усадьбѣ. Ничего не стоитъ, конечно, въ мужицкую среду перенести и незатѣйливую любовную интригу: ложноклассическая пастораль уже приготовила публику къ этой идеализаціи деревенской простоты въ лицѣ какого-нибудь пастуха «Медора» или пастушки «Прелесты». Такимъ образомъ, всѣ элементы національной русской комической оперы оказываются уже готовыми и привычными для зрителя; «комическая опера» и является самой любимой театральной формой, которая заразъ и удовлетворяетъ, и воспитываетъ инстинктивный національзмъ широкой публики. Иногда этотъ театральный «народъ» говоритъ на настоящемъ народномъ языкѣ, какомъ-нибудь мѣстномъ діалектѣ (напр., Милозоръ и Прелеста); онъ сыплетъ подлинными народными пословицами, по временамъ (хотя рѣдко) поетъ и на-

стоящія народныя пѣсни. Но, въ общемъ, обстановка остается чрезвычайно условной и искусственной. Искусственность эта, помимо тогдашнихъ литературныхъ вкусовъ, вызывается обязательнымъ для сцены оптимистическимъ тономъ. Добродѣтельная любовь пьесы, конечно, должна испытывать препятствія. Препятствія эти берутся большей частью изъ реальной жизни. Но всегда дѣло кончается счастливой развязкой. По большей части, виноватъ во всемъ оказывается «приказчикъ», котораго въ концѣ пьесы наказываетъ (въ «Судьбѣ деревенской»—отпускаетъ на волю) благодѣтельный господинъ (напр. «Новое семейство», «Приказчикъ», «Милозоръ и Прелеста», «Деревенскій праздникъ», и др.). Если господинъ самъ влюбляется въ рабу, то или раба, по счастью, оказывается, въ концѣ концовъ, дворянкой («Анюта»), или онъ самъ не зналъ, когда влюблялся, что онъ дворянинъ («Милозоръ и Прелеста»), или у него оказывается счастливый соперникъ—крестьянинъ, которому онъ великодушно уступаетъ возлюбленную (Замиръ въ «Добрыхъ солдатахъ»). Только однажды авторъ пьесы рѣшается создать довольно реалистическую обстановку: помѣщикъ беретъ крестьянку силой и создаетъ этимъ настроеніе, очень напоминающее то, которое описалъ Радищевъ въ извѣстномъ разсказѣ объ убійствѣ крестьянами ассессора и его сыновей. Крестьяне даже хотятъ «жаловаться царицѣ», которая имъ «тоже мать». Но въ послѣдній моментъ, и тутъ дѣло кончается благополучно: помѣщикъ уступаетъ, кается и соединяетъ влюбленную парочку (Щедровъ въ «Розанѣ и Любимѣ»). Немудрено, что чуть не всѣ эти пьесы кончаются и начинаются славословіемъ помѣщику. «Попеченіе о хозяйствѣ» для крестьянъ «одна забава» («Новое семейство»). «Жизнью мы довольны, не худъ для насъ свѣтъ» («Розанъ и Любима»). «Въ нашемъ краю не знаемъ печали, помѣщикъ не давитъ работою насъ; мы любимъ сердешно его, какъ отца; плѣнилъ себѣ вѣчно онъ наши сердца» («Матросскія шутки»). «Мы живемъ въ счастливой долѣ, работая всякій часъ; жизнь свою проводимъ въ полѣ,—и проводимъ, веселясь; мы всегда своей судьбою всѣ довольны, и тобою; лошадей, коровъ, овецъ много мы имѣемъ въ полѣ и живемъ по нашей волѣ: ты намъ баринъ и отецъ. Мы руками работáемъ—и за долгъ себѣ считаемъ быть въ работѣ таковой. Давъ оброкъ, съ насъ положенной, въ жизни мы живемъ блаженной за господской головой». Баринъ тоже поетъ: «Коль крестьяне мной довольны—самъ собой доволенъ я. Коль они богаты, вольны,—въ томъ утѣха вся моя» («Деревенскій праздникъ»). Естественно, крестьянамъ остается только припѣвать хоромъ: «Будемъ вѣчно прославляти господина своево; онъ насъ станетъ защищати; мы помремъ всѣ за него».

Такова «народность» или, лучше сказать, *этнографическое народолюбіе* тогдашняго театра, прикрывавшее красивой декораціей въ господствующемъ вкусѣ коренной соціальный вопросъ русской жизни, такъ настойчиво ставившійся на очередь только-что народившейся русской публицистикой.

Если перейдемъ отъ «комической оперы» къ другому національному продукту русской сцены, къ комедіи нравовъ, то и здѣсь найдемъ гораздо болѣе пунктовъ разногласія, чѣмъ точекъ соприкосновенія между сценой и передовой пубицистикой. Въ общемъ, можно сказать, что сцена овладѣваетъ давнишними темами русской сатиры; но она разрабатываетъ эти темы въ совершенно иномъ направленіи. Мы видѣли, что нападки передовой публицистики на подражаніе за-границѣ, хотя и соприкасались съ націоналистическими теченіями въ самой жизни, но тѣмъ не менѣе постоянно сопровождались особымъ оттѣнкомъ: это были нападки на тотъ соціальный слой, въ которомъ заимствованія принимали каррикатурный и уродливый характеръ. Никогда эта публицистика не позволяла себѣ указывать на темныя стороны самой западной жизни *для того, чтобы оправдать* темныя явленія у насъ или ослабить производимое ими впечатлѣніе. Стоило отбросить или затушевать эту разграничительную черту,—и критика дворянской искусственно-подражательной культуры обращалась въ злорадный смѣхъ надъ западничествомъ вообще; особенно, если къ обѣимъ отмѣченнымъ чертамъ присоединялась третья: недовѣріе къ самому источнику западнаго прогресса,—къ наукѣ. Всѣ эти типическія особенности націоналистическаго отношенія къ западной культурѣ,—особенности, совершенно отсутствующія въ передовой публицистикѣ,—мы въ изобиліи встрѣтимъ на русской сценѣ.

Персонажи русской комедіи рѣзко дѣлятся на двѣ категоріи: типы отрицательные и типы положительные. Въ категорію отрицательныхъ типовъ безусловно заносятся *всѣ* иностранцы, появляющіеся на сценѣ: это исключительно плуты, авантюристы и эксплуататоры. Оставляя ихъ въ сторонѣ, находимъ двѣ разновидности отрицательнаго типа, иногда сливающіяся между собою. Это или *злодѣй* по натурѣ, неисправимый интриганъ, котораго авторъ клеймитъ самымъ названіемъ (Злорадовъ, Злотворъ, Змѣядъ, Ядонъ и т. д.) и котораго неизмѣнно караетъ въ концѣ пьесы, часто при помощи полиціи и властей; или же это *жертва*, человѣкъ по природѣ не дурной, но испорченный «обращеніемъ съ порочными людьми». Погнавшись за модой и за свѣтскимъ лоскомъ, онъ попадаетъ въ дурную компанію, которая его обираетъ, заставляетъ продать деревни и надѣлать долговъ, а потомъ—или бросаетъ на произволъ судьбы, если онъ человѣкъ простодушный и ограниченный, или же, что гораздо рѣже, принимаетъ его въ свой кругъ ловкихъ плутовъ и пройдохъ *). Брошенный старыми пріятелями, онъ иногда находитъ въ себѣ силу раскаяться и подчиниться вліянію людей добродѣтельныхъ **).

Мы поймемъ теперь тенденцію этой комедіи, если скажемъ, что

*) Всего полнѣе и ярче эта метаморфоза описана въ комедіи «Перемѣна въ нравахъ»; затѣмъ «Воспитаніе», «Свадьба г. Промоталова» и др.

**) Напр. Добросердовъ («Мотъ, любовію направленный»), Богатовъ (Перемѣна въ нравахъ), Постояновъ (Награжденіе добродѣтели).

все, что портитъ людей, все, что отличаетъ дурную компанію отъ хорошей, плута отъ честнаго человѣка и негодяя отъ героя добродѣтели—все это, за немногими исключеніями злодѣевъ отъ природы, сводится къ французскому воспитанію или вліянію французскихъ нравовъ. Въ этой галлереѣ типовъ мы встрѣчаемъ декадента-риѳмача Модстриха («Самолюбивый стихотворецъ»); копіи съ фонвизинскаго «Иванушки»: Франколюба («Русскій парижанецъ») и Махалова (отъ моднаго глагола «махаться»=волочиться, въ «Воспитаніи»); петиметра съ хлестаковскимъ оттѣнкомъ (Верхолетъ въ «Хвастунѣ»), петиметра-пижона, затверживающаго со словъ своего наставника, что «добродѣтель, вѣра, законъ суть предразсудки», и «ни добра, ни зла нѣтъ» на свѣтѣ (Пустонъ въ «Злоумномъ»); петиметра-плута, Промоталова, «придворнаго человѣка», снисходящаго до женитьбы на богатой деревенщинѣ («Свадьба г. Промоталова»); петиметровъ-parvenus, купцовъ и мѣщанъ въ дворянствѣ, улавливаемыхъ пройдохами на удочку тщеславія и безцеремонно обираемыхъ (Богатовъ въ «Перемѣнѣ въ нравахъ»; Глуповъ въ «Обманѣ за обманъ»); цѣлую серію соотвѣтствующихъ женскихъ типовъ—«щеголихъ» русской сатиры (Легкомысла, Вѣтромысла, Вѣтродумова, Жеманиха и т. д.). Передъ типами сатирическихъ журналовъ всѣ эти фигуры, несомнѣнно, представляютъ нѣкоторое преимущество жизненности, такъ какъ сцена поневолѣ переноситъ ихъ въ ихъ реальную обстановку—русской помѣщичьей жизни. Что въ этой обстановкѣ эти типы не были рѣдкостью,—это доказывается тѣмъ, что вопросъ о сыновьяхъ-мотахъ и петиметрахъ, живущихъ не по средствамъ и пускающихъ на вѣтеръ наслѣдственное состояніе, поднятъ былъ и серьезно обсуждался, какъ одинъ изъ самыхъ жизненныхъ и больныхъ вопросовъ, въ засѣданіяхъ самой екатерининской коммиссіи. Согласно съ депутатами, и русская сцена на отвѣтственность этой золотой молодежи возлагаетъ отягощеніе крестьянъ непосильными оброками и поборами: для такого важнаго случая, какъ видимъ, она даже рѣшается приподнять край завѣсы, скрывающей отъ театральной публики деревенскую дѣйствительность. Какъ бы то ни было, вся вина и тутъ падаетъ на дурное французское воспитаніе. Мы видимъ, что и въ этомъ случаѣ сцена отвлекаетъ вниманіе своей публики отъ болѣе глубокаго объясненія,—опять-таки изъ страха встрѣтиться при этомъ съ тѣмъ же грознымъ и тщательно замалчиваемымъ соціальнымъ вопросомъ.

Но взглянемъ на *положительные* типы русской комедіи. Въ ихъ ряду мы, прежде всего, тщетно стали бы искать представителей какакого-нибудь изъ передовыхъ интеллигентныхъ теченій, о которыхъ шла рѣчь выше. Если комедія изображаетъ литератора, то это «самолюбивый стихотворецъ», равняющій себя съ Вольтеромъ. Если она изображаетъ «безбожника» утверждающаго, что лишь «суевѣріе мѣшаетъ намъ дать волю сердцу», то это извергъ и злодѣй, котораго въ буквальномъ смыслѣ Богъ убиваетъ громомъ въ концѣ пьесы. Если выводится на сцену масонъ, то это—по примѣру Екатерины—или обман-

щикъ Хитроумъ, или обманутый Легковѣръ; и бесѣда ихъ съ духами оказывается мошеннической продѣлкой въ стилѣ Каліостро и Калифалкжерстона («Мнимый мудрецъ»). Разъ, правда, пьеса заступается за «мартинистовъ» и обвиняетъ петиметровъ въ разнесеніи ложныхъ слуховъ о нихъ по гостинымъ: но это единственное исключеніе; притомъ же авторъ не рѣшается идти дальше общаго опроверженія.

Оставляя передовыя теченія въ сторонѣ, мы находимъ, что положительные типы комедіи относятся къ одной изъ двухъ категорій. Во-первыхъ, это *резонеръ* пьесы, старшій годами, отецъ или дядюшка; во-вторыхъ, покровительствуемые имъ молодые влюбленные, которыхъ онъ ведетъ къ благополучному браку. Связь между обоими разновидностями вполнѣ естественная, такъ какъ и всѣ разсужденія благороднаго отца или дядюшки не идутъ дальше круга личной морали,—дальше того, что способствуетъ выясненію добродѣтелей жениха и невѣсты и устанавливаетъ кодексъ ихъ жизни. Всѣ многочисленныя копіи того и другого типа, какъ бы они ни назывались *), какъ двѣ капли воды напоминаютъ хорошо извѣстныя блѣдныя фигуры благородныхъ резонеровъ и добродѣтельныхъ влюбленныхъ фонвизинскихъ комедій. Они говорятъ общими мѣстами тогдашняго просвѣщенія; но вглядываясь въ эти общія мѣста, мы не найдемъ между ними ряда такихъ, въ которыхъ привыкли видѣть общія мѣста интеллигентной публицистики; а въ томъ, что найдемъ, встрѣтимъ и кое-что несовмѣстимое съ взглядами передовыхъ круговъ. Мы неоднократно видѣли, напримѣръ, какъ всѣ передовыя теченія одинаково настаивали на значеніи разума для «истинной» морали,—морали самопознанія. «Предразсудки», съ этой точки зрѣнія, являлись главнымъ и злѣйшимъ врагомъ «добродѣтели». Нельзя сказать, чтобъ и комедія была противъ «разума» и защищала «предразсужденіе». Но фактъ тотъ, что предразсудковъ она опасается *меньше*, чѣмъ разума, и «добродѣтель» въ комедіи чаще и легче мирится съ предразсудками, чѣмъ съ разумомъ. «Искореняя предразсудки», мы «воротимъ съ корня» и добродѣтель: этотъ откровенный тезисъ фонвизинскаго резонера составляетъ заднюю мысль всѣхъ нашихъ тогдашнихъ драматурговъ. Вотъ почему такіе типы, какъ Афросинья Сысоевна въ «Такъ и должно» или Русалей въ «Русскомъ Парижанцѣ», несмотря на всѣ свои «предразсужденія», вѣру въ чертей и въ примѣты, вызываютъ симпатію авторовъ и рисуются, въ противовѣсъ всякимъ «франколюбамъ», какъ типы положительные, хотя первая при всемъ этомъ сильно смахиваетъ на Простакову, а второй—на Скотинина. Все это извиняется имъ потому, что всѣ «качества» ихъ «суть русака прямого». А суевѣріе извинительно, *потому что* оно есть и въ самыхъ просвѣщенныхъ странахъ:

---

*) Для типа резонера: Правдолюбовъ, Праводумъ, Добромыслъ, Прямиковъ, Чесподумъ, Доброправовъ, Милосердовъ, Честонъ, Правомыслъ, Благоразумъ, Здра[illegible]. Для любовниковъ: Доблестинъ, Достойновъ, Благоразумовъ, Здра[illegible], Че[illegible]умъ, Честанъ и т. д.

«За суевѣріе какъ дѣлать *намъ* упреки,
Когда во Франціи лились кровавы рѣки?..
Вѣрь, какъ бы ни была страна просвѣщена,
Ума народнаго—не важная цѣна.
Къ предразсужденію—во Лондонѣ, въ Парижѣ
Народъ иль болѣе, или хоть менѣ—ближе.

Выводъ получается очень близкій къ тому, какой мы встрѣчали во «Всякой Всячинѣ». Достоинства «русака» суть его собственныя, а недостатки—общія ему съ другими народами.

Естественно, что резонеръ русской комедіи ищетъ этихъ достоинствъ «прямого русака» *) тамъ, куда еще не проникли космополитическіе пороки: въ *деревнѣ*, которой противопоставляется *городъ*. Конечно, «люди деревенскіе—простого воспитанія: любятъ безъ нѣжности, изъясняются грубо, говорятъ просто». Но зато «городская жизнь помрачаетъ всѣ добродѣтели. Нѣтъ ни праводушія, ни искренности: вездѣ лукавство и обманъ». «Они (т.-е. городскіе и придворные) люди лукавые, а мы (деревенскіе дворяне) чистосердечны; они любятъ роскоши, мотовство, праздную жизнь, а мы—постоянство, умѣренность и труды, они пренебрегаютъ нами и считаютъ, что крестьянинъ самая послѣдняя тварь на свѣтѣ, крестьянинъ съ себя хоть кожу продай, да оброкъ заплати, а мы крестьянъ любимъ и считаемъ ихъ себѣ товарищами, бережемъ ихъ, какъ глаза» (Свадьба г. Промоталова). Мы знаемъ, что и передовая публицистика къ «придворнымъ господамъ» относится вовсе не сочувственно; деревенской простотой нравовъ умиляется еще и Радищевъ. Но, конечно передовой интеллигенціи не пришло бы въ голову свести вопросъ о значеніи просвѣщенія къ полемикѣ между городомъ и деревней; и еще труднѣе было бы для нея такъ фальшиво идеализировать отношеніе къ крестьянамъ мелкихъ дворянъ-хозяевъ сравнительно съ крупными помѣщиками-абсентеистами, какъ это сдѣлано, наперекоръ фактамъ, въ приведенной цитатѣ.

Расходятся съ передовыми кружками и взгляды резонеровъ комедіи на кодексъ жизненныхъ правилъ. Первое и главное, что подчеркивается въ этомъ отношеніи,—это крѣпость деревенской дворянской семьи въ противоположность какъ моднымъ взглядамъ на бракъ **), такъ и тому несомнѣнному «поврежденію нравовъ», которое такъ краснорѣчиво описано кн. Щербатовымъ. Въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ влюбленные не рѣшаются пойти противъ воли родителей (напр. Глафира въ Именинникахъ; Пріята въ Ненавистникѣ и т. д.). Если одинъ разъ резонеръ комедіи (Праводумъ въ «Злоумномъ») и увлекается до того, что развиваетъ передъ матерью теорію, близко напоминающую

---

*) Въ «Русскомъ Парижанцѣ», изъ котораго взята и приведенная въ текстѣ цита[illegible]ги достоинства перечислены такъ: «Онъ честенъ, справедливъ, незлобивъ, милосерд[illegible], хорошій братъ, сынъ, другъ, во обѣщаньяхъ твердъ».

**) «...Жена!.. Какъ это дроль! Жена и мужъ!.. Смѣшна... смѣшна обоихъ роль», повторяетъ Модстрихъ въ Самолюбивомъ стихотворцѣ общее мѣсто русской сатиры на петиметровъ.

радищевскую *), и предлагаетъ влюбленному жениться увозомъ, то это лишь для того, чтобы рѣзче характеризовать злонравіе матери и «добродѣтель» влюбленнаго, который стоитъ на своемъ, находитъ, что «ни честь, ни разсужденіе, ни любовь не позволяютъ сдѣлать такого поступка». Что касается общественной дѣятельности,—для резонера она сводится къ «службѣ». Общественную дѣятельность внѣ службы ему такъ же трудно представить себѣ, какъ большинству депутатовъ екатерининской Коммиссіи. Изъ «Путешествія» Радищева извѣстно, съ какой осторожностью относились къ «службѣ» своихъ дѣтей передовые люди вѣка. И если даже они принимались серьезно думать о службѣ, имъ—начиная съ Татищева—всегда рисовалось служба *гражданская*, какъ наиболѣе подходящая для интеллигентнаго человѣка. Резонеру русской комедіи Екатерина не могла бы сдѣлать тѣхъ упрековъ за подобные взгляды на службу, какіе она сдѣлала Радищеву. Конечно, резонеръ цѣнитъ въ службѣ не *чинъ*, какъ петиметры, а самую дѣятельность, возможность быть полезнымъ. Но для него самая эта возможность не подлежитъ сомнѣнію; и особенной его симпатіей, какъ «прямого русака», пользуется служба *военная*. Сообразно съ этой цѣлью жизни онъ смотритъ и на воспитаніе. Онъ нисколько не отрицаетъ значенія заграничной поѣздки для воспитательныхъ цѣлей; онъ даже начертываетъ для такой поѣздки серьезную программу: знакомство съ внутреннимъ строемъ чужой страны, съ ея производительными силами, съ бытомъ сословій, съ политикой и современными событіями. Экзаменуя вернувшагося изъ-за границы петиметра, одинъ изъ этихъ резонеровъ (Добромыслъ въ «Воспитаніи») даже ставитъ ему такой вопросъ, который впору было бы поставить Радищеву. «Какъ вы тамъ находились во время самыхъ важныхъ и знаменитыхъ происшествій, а именно, когда парламенты перемѣнены, то уже легко вамъ было открывать побудительныя тому причины и разбирать, что въ старомъ было порочнаго и что въ новомъ находится полезнаго?» Но такому «разбору» самъ же этотъ резонеръ ставитъ довольно узкія рамки. По словамъ его дочери, «дѣльныя его размышленія не суть дерзновенныя критики на дѣла правительства, коихъ причины, намѣренія и основанія и самыя обстоятельства рѣдко намъ бываютъ извѣстны; такихъ критиковъ онъ самъ ненавидитъ и отъ нихъ удаляется». Наравнѣ съ внутренней политикой интересъ резонера направленъ и къ внѣшней; спросивъ петиметра о политической борьбѣ во Франціи, онъ переходитъ къ славѣ русскаго оружія за границей, къ толкамъ о томъ «шумѣ», который надѣлало въ Парижѣ имя Румянцева, и о томъ, какъ «гремѣло» тамъ имя Орлова,—того Орлова, который «турецкій флотъ истребилъ, Константинополемъ потрясъ и россійскій флагъ даже въ египетскихъ водахъ почитать заставилъ». Мы знаемъ,

---

*) «Кто далъ право отцамъ и матерямъ требовать отъ дѣтей своихъ, чтобы они мыслили, чувствовали и желали такъ, какъ мыслятъ, чувствуютъ и желаютъ они?..» и т. д.

что русскіе интеллигенты новиковскаго и лейпцигскаго кружковъ одинаково смотрѣли на войну, какъ на убійство, и на завоевательную политику, какъ на преступленіе передъ «человѣчествомъ». Но большая публика театра была не ихъ публикой, а публикой, для которой дѣйствовала Екатерина.

Впечатлѣнія, какихъ ожидаетъ русскій резонеръ отъ заграничнаго путешествія, заранѣе опредѣляются и предрѣшаются тѣмъ скептическимъ отношеніемъ къ европейской жизни, примѣръ котораго мы уже видѣли. Русскій туристъ этого типа—себѣ на умѣ; его не проведешь. Онъ твердо помнитъ ту аксіому, «что глупость есть своя у каждаго народа»; и очутясь за границей, онъ будетъ искать тамъ, прежде всего, не ума, а этой самой «глупости», этой оборотной медали европейской жизни. Попавъ въ Лейпцигъ,—въ тотъ самый Лейпцигъ, изъ котораго Радищевъ и его товарищи вынесли такое богатство идей и впечатлѣній, онъ презрительно будетъ острить: «Я нашелъ сей городъ наполненнымъ учеными людьми. Иные изъ нихъ почитаютъ главнымъ своимъ и человѣческимъ достоинствомъ то, что умѣютъ говорить по-латыни, чему, однако-жъ, во времена цицероновы умѣли и пятилѣтніе ребята; другіе, вознесясь мысленно на небеса, не смыслятъ ничего, что дѣлается на землѣ; иные весьма твердо знаютъ артифиціальную логику, имѣя крайній недостатокъ въ натуральной: словомъ, Лейпцигъ доказываетъ неоспоримо, что ученость не родитъ разума. Оставя сихъ педантовъ, поѣхалъ я во Франкфуртъ-на-Майнѣ»—и могъ бы ѣхать на конецъ свѣта и ничего не увидать, не понять и не замѣтить. Если онъ пріѣдетъ хотя бы въ самый Парижъ, гдѣ въ одно время съ нимъ Гиббонъ «въ двѣ недѣли слышалъ больше дѣльныхъ разговоровъ и видѣлъ больше просвѣщенныхъ людей, чѣмъ въ двѣ-три зимы въ Лондонѣ», то и тутъ онъ найдетъ только, что «д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видѣлъ я всякій день на бульварѣ», а литераторы, въ родѣ Мармонтеля и «еще нѣкоторыхъ» («я почти со всѣми познакомился»),—просто паразиты, которые ходятъ къ нему въ домъ, потому что онъ «ѣздитъ въ каретѣ» и кормитъ ихъ обѣдами. Нельзя не припомнить по этому поводу остроумнаго афоризма того же самаго туриста: «Кто самъ въ себѣ рессурсовъ не имѣетъ, тотъ и въ Парижѣ проживетъ, какъ въ Угличѣ». Хотя «нѣтъ ничего труднѣе, какъ чужестранцу войти въ здѣшнее общество» и хотя самъ нашъ туристъ, «по краткости времени моего здѣсь пребыванія», не могъ въ него проникнуть, тѣмъ не менѣе онъ оставляетъ Францію въ увѣренности, что «нашелъ доброе въ гораздо меньшей мѣрѣ, нежели воображалъ; а худое въ такой большой степени, которой и вообразить не могъ». Раскритиковавъ Францію по французской же книжкѣ, онъ рѣшаетъ окончательно, «что всѣ разсказы о здѣшнемъ совершенствѣ сущая ложь, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ, что въ нашемъ

отечествѣ можно быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ», а что Парижъ для туриста «есть истинная зараза, которая, хотя молодого человѣка не умерщвляетъ физически, но дѣлаетъ его навѣки шалуномъ и ни къ чему неспособнымъ—вопреки тому, какъ его сдѣлала природа и какимъ бы онъ могъ быть, не ѣздя во Францію». Все это—уже не разсужденія резонера изъ русской комедіи: это выписки изъ заграничныхъ писемъ Фонвизина. Но большой разницы между тѣмъ и другимъ мы не найдемъ: резонеры комедіи даже выражаются обыкновенно осторожнѣе. Можно, конечно, и у нихъ натолкнуться на рѣшительные выводы, въ родѣ, напр., такого: «Весь плодъ науки есть сомнѣніе и недоумѣніе» («Матерняя любовь»). Фонвизинъ, какъ всегда, и здѣсь подаетъ реплику. «Вотъ каковы тѣ люди («нынѣшніе философы»), изъ которыхъ Европа многихъ считаетъ великими и которые, можно сказать, всей Европѣ повернули голову!» У нашего вояжера голова на мѣстѣ, а потому онъ съ этими «великими» не церемонится. «Истинно, нѣтъ никакой нужды входить съ ними въ изъясненія, почему считаютъ они религію недостойною быть основаніемъ моральныхъ человѣческихъ дѣйствій, и почему признаніе бытія Божія мѣшаетъ человѣку быть добродѣтельнымъ? Но надлежитъ только взглянуть на самихъ господъ нынѣшнихъ философовъ, чтобы увидѣть, каковъ человѣкъ безъ религіи!»

Не будемъ продолжать далѣе этихъ сопоставленій между сценическими типами, типами дѣйствительности и взглядами передовой русской интеллигенціи. Сказаннаго достаточно, чтобы характеризовать настроеніе той значительной по количеству общественной среды, къ которой обращалась театральная пьеса. Эта среда была, какъ мы видимъ, несравненно доступнѣе для распространенія націоналистическихъ тенденцій, чѣмъ новѣйшихъ идей, философскихъ и политическихъ. И однако же, передовые вожди общественнаго мнѣнія предпочитали давать эти идеи, на которыя не было спроса въ широкой публикѣ, и не давали того, что этой публикѣ требовалось: не давали націоналистической теоріи. Такъ какъ *теоретиками* только и были одни они, и такъ какъ націоналистическое теченіе, въ сущности, довольствовалось однимъ *настроеніемъ*, то довольно понятно, почему XVIII-й вѣкъ такъ и не создалъ никакой стройной теоріи русскаго націонализма. Однако же, попытки націоналистическихъ разсужденій были. Нужда въ нихъ стала особенно сильно чувствоваться, когда критическое общественное мнѣніе было принуждено умолкнуть. Необходимо, поэтому, остановиться и на нихъ, чтобы исчерпать всѣ главныя теченія общественной мысли екатерининскаго времени.

Для націоналистическаго настроенія болѣе, чѣмъ для какого-либо другого,—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше,—сама Екатерина даетъ тонъ и выраженіе. Съ самаго своего появленія въ Россіи, съ ревностью иностранки, рѣшившей во что бы то ни стало сдѣлаться русской и спѣшившей перенять для этого всѣ тонкости чуждаго ей народнаго

быта, Екатерина увлеклась тѣмъ, что мы назвали этнографическимъ народолюбіемъ. До конца жизни она писала безъ всякихъ правилъ орѳографіи и путала русскіе падежи; но русскія пословицы, русскія повѣрія, обычаи, предразсудки, она считала себя знающей въ совершенствѣ. Создавшійся такимъ образомъ интересъ къ этнографической старинѣ возрасталъ, по мѣрѣ того, какъ падало уваженіе и довѣріе къ «моднымъ философамъ». Въ самый разгаръ сильныхъ впечатлѣній французской революціи Екатерина углубилась окончательно въ русскую исторію и демонстративно заявляла, что не читаетъ больше ничего, кромѣ лѣтописей. На тотъ же путь историческаго націонализма толкала ее и внѣшняя политика. Начиная съ польскихъ раздѣловъ и кончая знаменитымъ «греческимъ проектомъ», Екатерина тутъ лишь примѣняла и развивала дальше традиціонную русскую націоналистическую теорію «панруссизма» и «панславизма». Задолго до русскихъ историковъ-націоналистовъ XIX-го вѣка она пишетъ Гримму, что «скоро докажетъ, что древніе славяне дали свои названія большинству рѣкъ, горъ, долинъ и урочищъ во Франціи, Шотландіи и въ другихъ мѣстахъ». Нѣсколько недѣль спустя она уже увѣрена, что салическій законъ есть славянскій, Хлодвигъ и Меровинги тоже славяне (Людвигъ=людъ+двигъ), Хильперикъ лишился трона потому, что хотѣлъ ввести въ римскій алфавитъ три славянскихъ буквы (х, ч и пси), и недаромъ французскіе короли приносятъ въ Реймсѣ присягу надъ славянскимъ евангеліемъ. Эти смѣлыя гипотезы Екатерина оставляла, правда, про себя. Но она громко высказывала и крѣпко держалась за другой свой историческій выводъ, именно, что «въ теченіе слишкомъ семисотъ лѣтъ, т.-е. до смерти царя Ѳеодора Іоанновича, Россія управлялась, имѣла приблизительно тѣ же нравы, шла тѣмъ же путемъ и находилась почти на одномъ уровнѣ, какъ и всѣ государства Европы». Только смуты передъ воцареніемъ Петра немножко задержали ее назади; но законодательство Екатерины поможетъ быстро наверстать потерянное.

Для оффиціальнаго или оффиціознаго націонализма екатерининской эпохи очень характерна эта постановка вопроса. Екатерина не рѣшалась идти такъ далеко, какъ уже пошелъ Фонвизинъ, и утверждать, что за границей «во всемъ генерально хуже нашего», а «у насъ *все лучше*, и мы больше люди, нежели нѣмцы». Она довольствовалась защитой болѣе скромной позиціи,—что у насъ «*не хуже*», или, по крайней мѣрѣ, что за границей *такъ же* худо, какъ у насъ. Эту позицію она заняла уже въ своемъ «Антидотѣ», опроверженіи книги о Россіи аббата Шаппа (1770). Здѣсь уже формулированъ извѣстный намъ тезисъ: «въ какой странѣ люди—не люди?»; «въ Россіи люди такіе же, какъ и повсюду»; «ни вполнѣ хороши, ни вполнѣ дурны: такое среднее состояніе—въ природѣ вещей и существуетъ у всѣхъ народовъ, ибо человѣкъ всегда приблизительно одинаковъ, подъ какимъ бы небомъ

*

онъ ни родился». Къ этой безспорной аксіомѣ примыкаетъ далеко не безспорный уже выводъ: «русскій народъ стоитъ приблизительно въ уровень съ остальными народами Европы». Всѣ дальнѣйшія доказательства относятся не къ первому, а къ послѣднему тезису. Методъ доказательства состоитъ или въ отрицаніи фактовъ, доказывающихъ низкую степень развитія Россіи, или въ ссылкахъ на подобные же факты на Западѣ, или, наконецъ,—изрѣдка—въ утвержденіи, что хотя данный фактъ и вѣренъ, но онъ быстро отходитъ въ прошлое, подъ вліяніемъ законодательныхъ усилій Екатерины. Русскія избы воняютъ, но «поѣзжайте, г. аббатъ, въ Вестфалію: тамъ услышите и не такіе запахи». Биронъ былъ плохъ, но не лучше и «правленіе хваленаго кардинала Ришелье». Тайная канцелярія—не хороша: но она «сдѣлалась ненужной» и «упраздняется», а «Бастилія еще существуетъ». Впрочемъ, примѣры этого рода можно найти въ изобиліи на всякой страницѣ «Антидота». Не останавливаясь на нихъ, замѣтимъ еще, что Екатерина не ограничивается защитой выбранной позиціи, но изъ обороны переходитъ въ наступленіе. «Русскій крестьянинъ въ сто разъ счастливѣе и обезпеченнѣе, чѣмъ французскіе крестьяне»; «наши чиновники и на сотую долю не такіе тираны, какъ чиновники французскаго короля»; «мало есть государствъ, въ которыхъ бы законъ уважался бы такъ, какъ у насъ»; «нѣтъ страны, въ которой жизнь и имущество подданныхъ были бы ограждены бóльшими формальностями, чѣмъ въ Россіи». «Наши законы—самые простые въ Европѣ и во многомъ самые ясные и разумные». «Граждане—наименѣе стѣснены, наименѣе подвержены мелочнымъ придиркамъ». «Какой современный народъ можетъ похвастаться, что въ цѣломъ своемъ составѣ былъ призванъ къ составленію своихъ законовъ?» «Всей Европой признано, что нѣтъ народа болѣе сильнаго и неутомимаго». «Общеизвѣстно, что нѣтъ народа, болѣе работящаго». Не признавать всего этого можетъ только «предубѣжденіе и предразсудокъ»: еще чаще Екатерина говоритъ: зависть и злоба. «Враги русской славы стараются изобразить Россію такою, какою они желали бы, чтобы была эта страна, но не такою, какою она есть, то-есть цвѣтущею и сильною». Вотъ источникъ всѣхъ «клеветъ» иностранцевъ противъ Россіи. Какъ видимъ, самъ Данилевскій не могъ бы опредѣленнѣе поставить вопроса.

Отвлекаемая другими дѣлами и мыслями,—въ томъ числѣ либеральными, Екатерина не занялась систематизаціей своихъ націоналистическихъ взглядовъ, и не пробовала привести ихъ въ согласіе съ остальнымъ составомъ своего умственнаго багажа. Но она нѣсколько разъ пробовала поставить эту задачу другимъ лицамъ, которыхъ поочередно приближала къ себѣ. Мы видѣли, что одно время она намѣчала для этой цѣли Новикова и готова была помогать ему матеріалами и деньгами, только бы онъ нашелъ въ историческихъ рукописяхъ древнія русскія добродѣтели. Мы знаемъ, что Новиковъ, послѣ первыхъ нерѣшительныхъ попытокъ, отказался отъ безналежной и слишкомъ про-

тиворѣчившей его собственнымъ цѣлямъ и взглядамъ задачи—найти въ исторіи подтвержденіе націоналистическимъ взглядамъ. Нѣсколько раньше Новикова Екатерина обратилась для той же цѣли,—хотя и не такъ рѣзко поставленной тогда, къ кн. Щербатову. Этотъ выборъ былъ немногимъ удачнѣе. И Щербатову помѣшала создать цѣльную націоналистическую теорію—та же причина, какъ самой Екатеринѣ: онъ слишкомъ проникнутъ былъ непригодными для этой теоріи и противорѣчившими ей раціоналистическими взглядами.

Взгляды Щербатова эволюціонировали, и надо различать Щербатова въ годы приближенія къ Екатеринѣ отъ того же кн. Щербатова годовъ взаимнаго недовольства и раздраженія. Щербатовъ перваго періода держится деистическихъ взглядовъ на религію и вмѣстѣ съ Екатериной (см. тотъ же Антидотъ) раздѣляетъ теорію монархіи, ограниченной закономъ. Щербатовъ въ оппозиціи — остается, правда, деистомъ въ теоріи, но на практикѣ все больше и больше подчеркиваетъ свою приверженность къ традиціонной вѣрѣ *въ противоположность* безвѣрію и вольтеріанству Екатерины, и обнаруживаетъ все болѣе рѣзкія симпатіи къ аристократической идеѣ *въ противоположность даже* тѣмъ льготамъ, которыя Екатерина дала дворянству—и которыя кажутся ему недоста точными, а подчасъ и оскорбительными. Щербатовъ первыхъ годовъ былъ полонъ вѣры въ предстоящее «смягченіе нравовъ» путемъ раціональнаго законодательства; Щербатовъ послѣдняго времени говоритъ уже только о «поврежденіи нравовъ» и ядовито констатируетъ полное фіаско просвѣщеннаго абсолютизма. Строить систему изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ — значило бы идти дальше самого Щербатова. Но нельзя не указать на двѣ—три идеи, которыя онъ развилъ полнѣе своихъ предшественниковъ по теоріи націонализма.

Во первыхъ, это извѣстная намъ идея, что религія падаетъ вмѣстѣ съ предразсудками, нравственность вмѣстѣ съ религіей, и, слѣдовательно, — просвѣщеніе портитъ нравы. У Щербатова на этой идеѣ построена цѣлая историческая система. Исходный пунктъ ея—идеализація допетровской старины, въ смыслѣ цѣльности и чистоты нравовъ. Результатъ процесса—упадокъ вѣры и нравовъ, безвѣріе и развратъ,—особенно тотъ развратъ и распущенность въ семейной и личной жизни, на которые такъ часто нападала комедія. Причина процесса: вторженіе иноземной внѣшней культуры,—роскоши и изнѣженности. Описательная сторона у Щербатова, какъ мы имѣли случай видѣть, вѣрна и поучительна. Но его объясненія—почти исключительно моралистическія—поверхностны и мелки. Большею частью они не идутъ дальше самого описанія. Самое глубокое изъ его наблюденій,—наблюденіе надъ характеромъ русской вѣры, сдѣлано какъ бы нечаянно, и до такой степени не вяжется съ другими частями его міровоззрѣнія, что самъ онъ, вмѣсто логическаго, казалось бы, требованія—усилить самостоятельность и внутреннее значеніе вѣры—проекти

руетъ, въ концѣ концовъ, рядъ такихъ крутыхъ, чисто государственныхъ мѣръ для установленія единства вѣры въ Россіи, которыя напоминаютъ Посошкова. Какъ онъ миритъ свой государственный взглядъ на вѣру, какъ на орудіе «здравой политики», съ своимъ же историческимъ объясненіемъ, по которому и самое «поврежденіе нравовъ» есть именно слѣдствіе такого т.-е. государственнаго характера вѣры, это остается его секретомъ. Во всякомъ случаѣ, при такомъ несогласіи съ самимъ собой, онъ очевидно, не могъ сдѣлать вѣру, т.-е. русскую форму вѣры, основой какой-либо націоналистической теоріи. Точно также, онъ не могъ положить въ основу націоналистической конструкціи и русскую форму государства; ибо тутъ отъ заимствованной изъ Монтескье вражды къ «деспотичеству» онъ сразу перешелъ къ совершенно личной ненависти къ режиму, прикрывавшемуся законностью. Его идеаломъ была вначалѣ сословно-конституціонная монархія Монтескье; позднѣе онъ переноситъ отчасти свои симпатіи на старый шведскій порядокъ, въ которомъ дворянскій элементъ былъ еще сильнѣе, аристократичнѣе и сплоченнѣе, а монархическій слабѣе, чѣмъ въ старой Франціи. Такимъ образомъ, ни «православіе», ни «самодержавіе» не могли играть роли основныхъ элементовъ въ націоналистической теоріи Щербатова: немудрено, что однихъ симпатій къ старинѣ и къ мнимой цѣльности тогдашнихъ нравовъ оказалось недостаточно, и націоналистическая теорія осталась не построенной.

Раньше, чѣмъ все это могло выясниться окончательно, Екатеринѣ стало ясно, что Щербатовъ для нея, при всѣхъ своихъ консервативныхъ тенденціяхъ, слишкомъ либераленъ. Вѣроятнѣе всего, что это и было главной причиной ея охлажденія. Любимцемъ и помощникомъ въ собственныхъ историческихъ работахъ является теперь для Екатерины Болтинъ, который начинаетъ свою литературную карьеру написаннымъ по заказу Потемкина и напечатаннымъ на средства императрицы двухтомнымъ памфлетомъ противъ новой «клеветы» на Россію француза Леклерка. Продолжаетъ онъ рѣзкой и безцеремонной полемикой противъ Щербатова, долженствовавшей окончательно убѣдить Екатерину, что у стараго ея любимца голова не совсѣмъ въ порядкѣ, а на новаго можно положиться вполнѣ.

Нападеніе на Леклерка было новымъ «Антидотомъ»; но націоналистическая теорія въ этомъ произведеніи Болтина дѣлала новый и крупный шагъ впередъ. Болтинъ вполнѣ принималъ исходную аксіому Екатерины, что люди вездѣ люди, что добродѣтели и пороки есть у всѣхъ народовъ. Онъ вполнѣ усвоилъ также и ея способъ аргументаціи: у насъ не хуже, а за границей не лучше нашего. Но другое основное ея положеніе,—что у насъ все, болѣе или менѣе, одинаково и что мы стоимъ «приблизительно» на той же ступени, какъ Европа,—это положеніе Болтинъ рѣшительно отвергнулъ. Екатерина въ «Антидотѣ» очень раздраженно полемизировала противъ замѣчанія аббата Шаппа, что «недостатокъ таланта у русскихъ есть, повидимому, дѣйствіе почвы

и климата». Болтинъ, конечно, не сомнѣвался въ талантѣ русскихъ; но онъ принялъ замѣчаніе Шаппа въ той формѣ, что русскіе *дѣйствительно* отличны отъ европейцевъ, что отличіе это *дѣйствительно* объясняется разницей дѣйствія почвы и климата. Екатерина должна была почувствовать, что съ этой уступкой националистическая теорія гораздо болѣе выигрываетъ, чѣмъ проигрываетъ, такъ какъ она получаетъ болѣе глубокое обоснованіе, чѣмъ когда-либо прежде,—и этимъ обоснованіемъ служатъ, въ духѣ самыхъ новѣйшихъ идей, неизмѣнные законы природы.

Теперь и защита «обычаевъ предковъ» становилась на неожиданно твердую почву. Развѣ не были эти обычаи, это старинное народное «умоначертаніе», сложившееся вѣками,—непосредственнымъ продуктомъ психо-физіологическихъ вліяній, обусловленныхъ почвой и климатомъ? Измѣна этимъ нравамъ, введеніе иностранныхъ обычаевъ, оказывались не только чѣмъ-то дурнымъ и безнравственнымъ, а прямо—физически-вреднымъ. Уничтожьте баню,—ту самую баню, надъ которой такъ издѣвался Шаппъ и которую не умѣла защитить Екатерина въ «Антидотѣ»; введите французскую кухню: и вы ослабите тѣло и испортите желудокъ; то и другое не по климату. Понятно, что при такомъ взглядѣ перемѣна народныхъ «нравовъ» и «умоначертанія» вопреки законамъ природы—часто просто даже невозможны. Такія перемѣны—дѣло вѣковъ, а не результатъ усилій одного законодателя. Не законы вызываютъ перемѣну въ нравахъ, а, наоборотъ, только перемѣна въ нравахъ можетъ вызвать перемѣну въ законахъ. Этотъ тезисъ даетъ основу для оцѣнки дѣйствій отдѣльнаго законодателя, напр., реформы Петра Великаго. На немъ строитъ Болтинъ и все свое объясненіе хода русской исторіи, первое органическое объясненіе ея, хотя, конечно, черезчуръ еще схематическое и внѣшнее.

Если самое «единообразіе» законовъ природы неизбѣжно вызываетъ *разнообразіе* національнаго развитія каждаго народа, въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій, физическихъ и историческихъ, то нѣтъ ни возможности, ни надобности гнаться за поисками *сходства* и натягивать сравненія тамъ, гдѣ ихъ быть не можетъ. Екатерина упорно отрицала утвержденія Шаппа, что Россія плохо населена и доказывала, что Россія въ собственномъ смыслѣ набита жителями, «какъ яйцо». Болтинъ могъ свободно признать слабую населенность Россіи и основать на этомъ важные выводы относительно ея своеобразія.

Понятно, какъ все это двигало впередъ созданіе националистической теоріи. И однако, такой теоріи не создалъ и Болтинъ, какъ онъ ни близко подходилъ иногда къ ея созданію. Почему же это такъ вышло?

Дѣло въ томъ, что Болтинъ далъ для своей теоріи слишкомъ широкое основаніе. При дальнѣйшемъ развитіи его мыслей, на его основаніи можно было построить научную теорію, но нельзя было построить националистической. Признавъ особенность русскаго національнаго раз-

витія, попытавшись объяснить эту особенность условіями среды, онъ, конечно, сдѣлалъ для націоналистической теоріи очень много,—но все-таки не все, что для нея было необходимо. Его теорія объясняла очень удовлетворительно и своеобразность, и большую или меньшую устойчивость національныхъ элементовъ быта; но она нисколько не доказывала ни ихъ полной неподвижности и неизмѣняемости, ни необходимости и возможности ихъ сохраненія при измѣнившихся условіяхъ жизни. Въ его теоріи было слишкомъ еще много эволюціоннаго элемента, чтобы основать на ней незыблемые устои; въ частности политическая форма быта, какъ ясно было и изъ его изложенія, мѣнялась, эволюціонировала на самыхъ глазахъ исторіи. Съ другой стороны, въ теоріи Болтина было слишкомъ много научнаго безразличія къ тому или другому частному національному прогрессу, чтобы основать на ней націоналистическую теорію превосходства какого-нибудь *одного* изъ нихъ. Она объясняла *національное* въ исторіи, не давая прямыхъ поводовъ для *націоналистическаго* отношенія къ этому національному. Для того, чтобы получить настоящую націоналистическую теорію, нужно бы было, слѣдовательно, выбросить изъ теоріи Болтина ея эволюціонные элементы и ея научную объективность. То и другое съ успѣхомъ сдѣлала впослѣдствіи метафизическая идея абсолютнаго «народнаго духа». Но это случилось полувѣкомъ позже. Мы еще увидимъ, какъ это приизошло. XVIII й вѣкъ, какъ мы окончательно убѣждаемся на этой, наиболѣе развитой и продуманной изъ тогдашнихъ націоналистическихъ теорій, не давалъ еще достаточныхъ матеріаловъ для созданія полной и законченной теоріи національзма *). Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы въ то время не было и націоналистическаго настроенія. Настроеніе это не для того, конечно, перешло изъ инстинктивнаго въ болѣе или менѣе сознательное, чтобы сразу уничтожиться. Напротивъ, мы увидимъ въ ближайшемъ поколѣніи очень сильный ростъ этого настроенія, связанный съ новыми попытками націоналистическихъ построеній. Если мы разсмотрѣли отдѣльно только что характеризованныя попытки, то лишь потому, что онѣ принадлежатъ дѣятелямъ изучавшагося нами теперь поколѣнія и, какъ мы только что видѣли, носятъ на себѣ неизгладимую печать его взглядовъ, его чаяній, его

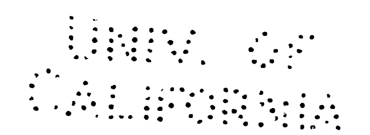
*) Терминъ «національный», «національность» употреблялся и употребляется мной въ безразличномъ смыслѣ: «относящійся къ націи, свойственный націи». Терминъ «націоналистическій, націонализмъ» я употребляю въ смыслѣ terminus praegnans: относящійся *сочувственно* къ національнымъ чертамъ, сочувственное отношеніе къ національнымъ особенностямъ. Думаю, что этого разъясненія достаточно, чтобы устранить тѣ возраженія противъ моей терминологіи, которыя предъявлялись мнѣ нѣкоторыми критиками. Источникъ возраженій, если не ошибаюсь, заключался въ желаніи сохранить терминъ «національный» для означенія *тѣхъ* изъ числа національныхъ особенностей, относительно которыхъ *сочувствіе законно*. Такому употребленію термина я отказываюсь слѣдовать, ибо вопросъ о предѣлахъ законнаго сочувствія не можетъ быть рѣшенъ терминологіей, а только рискуетъ быть запутанъ; самое же рѣшеніе вопроса субъективно и условно.

увлеченій современной ему литературой, наконецъ, того общественнаго положенія, которое занимали представители этихъ теорій при Екатеринѣ. Въ ближайшее послѣдующее время все это измѣнится очень радикально, какъ увидимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнится и характеръ націоналистическихъ теорій, хотя нельзя отрицать, что оживленіе этихъ теорій въ послѣдніе годы Екатерины уже предсказываетъ и намѣчаетъ путь, по которому пойдутъ ближайшіе младшіе сверстники. Но ихъ моральный и умственный обликъ принадлежитъ уже XIX столѣтію.

П. Милюковъ.

О градаціи предреволюціонныхъ настроеній см. *Félix Rocquain*, L'esprit révolutionnaire avant la Revolution 1715—1789. Paris, 1878 (есть русскій переводъ). Вопросъ объ отношеніи Россіи къ французской революціи разсмотрѣнъ въ рядѣ интересныхъ статей *Alfred Rambaud*, въ Revue politique et litéraire, 1) Paris et St.-Petersbourg à la veille de la Révolution, (2 série, t. XIV, p. 1221, 29 juin. 1878). 2) L'opinion russe et la Révolution (ib., t. XV, p. 249, 14 septembre 1878), 3) Un homme d'état russe (Семенъ Воронцовъ) pendant la révolution française (ib., t. XVI, p. 669, 18 janvier 1879). 4) Catherine II. et la révolution française. I. Le journal de Khrapovistki (ib., t. XIX, p. 361, 16 octobre, 1880). 5) Catherine II et la révolution française II. Les libéraux russes et la révolution (ib. 3-me série, t. I, p. 358). *Его же*. 6) La révolution française et l'aristocratie russe (Mémoire lu à l'academie des Sciences M. et P. Paris, 1878). Разсказъ о Соймоновѣ см. у *Falloux*, M-me Swetchine, Paris, 1860. Новѣйшая работа принадлежитъ Larivière'y, Catherine II et la Révolution (здѣсь и библіографія). Учебные годы лейпцигскаго кружка характеризованы самимъ Радищевымъ въ его житіи Ѳ. В. Ушакова (перепечатано П. Бартеневымъ въ сборникѣ «XVIII вѣкъ», т. II). Здѣсь же см. и критическія замѣчанія Ушакова на книгу Гельвеція. Трактатъ «о смертности и безсмертіи» изложенъ (по Собранію сочиненій Радищева) въ книгѣ проф. *Евгенія Боброва*, Философія въ Россіи вып. III, Казань. 1900. Переписка Кутузова съ московскими масонами издана въ «Русской Старинѣ», 1874, №№ 1—3. Важнѣйшія сочиненія и матеріалы о Радищевѣ: *Сухомлиновъ*, Изслѣдованія и статьи, т. I, Спб. Архивъ Воронцова, т. V (здѣсь критическія замѣчанія Екатерины, допросные пункты и отвѣты Радищева), *В. Е. Якушкинъ*, Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в. въ «Русской Старинѣ», 1882, № 9 и *его же*: Учебные годы Радищева въ сборникѣ «Подъ знаменемъ науки», М. 1802 и *В. А. Мякотинъ*, На зарѣ русской общественности

въ его книгѣ: Изъ исторіи русскаго общества, Спб. 1902 (тамъ же см. статью о Щербатовѣ: дворянскій публицистъ екатерининской эпохи). О разныхъ элементахъ системы Лейбница см. *Merz*, Leibnitz, въ серіи Philosophical Classics ed. by W. Knight, Lond. 1884. О иностранныхъ источникахъ Радищева, кромѣ самыхъ сочиненій, цитированныхъ въ текстѣ авторовъ ('с Гравесанда, Гельвеція, Гольбаха, Мендельсона, Платнера, Бонне, Галлера, Мабли) см. *W. Guerrier*, L'abbé de Mably, moraliste et politique, Paris, 1886. *I. E. Poritzky,* Lamettrie, Berlin, 1900. *G. Plekhanow*, Beiträge zur Geschichte des Materialismus (Holbach, Helvetius, Marx), Stuttgart, 1896. *Offner,* Die Psychologie Charles Bonnet's, Leipzig, 1893, въ Schriften der Gesellschaft für psychologische Forschung. Объ отношеніи Екатерины къ революціи, кромѣ указанныхъ выше сочиненій, см. ея переписку съ Гриммомъ и дневникъ Храповицкаго. Значительная часть театральныхъ пьесъ екатерининскаго времени собрана въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ или полномъ собраніи всѣхъ россійскихъ ѳеатральныхъ сочиненій», 43 тома, Спб. 1786 и слѣд. Нѣкоторыя выдержки оттуда см. въ книгѣ *Незеленова*, Литературныя направленія въ екатерининскую эпоху. «Антидотъ» Екатерины перепечатанъ въ 4-мъ томѣ «Восемнадцатаго вѣка» Бартенева.



КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Наши общественныя дѣла и бездѣлье» г. С. Гусева (Слово—Глаголь).—Характеристики г. Гусева: провинціальная печать, писатели и читатели.—Различія между столичной и провинціальной печатью.—«Разсказы» г. Вересаева.—Типы людей труда въ его разсказахъ.—«Конецъ Андрея Ивановича» и другіе очерки.

Провинція, ея дѣла и бездѣлье—такова общая канва очерковъ г. Гусева, очень извѣстнаго провинціальнаго писателя, талантливаго фельетониста, много и долго работавшаго въ провинціальныхъ изданіяхъ. Псевдонимъ его «Слово-Глаголь» хорошо знакомъ читателямъ поволжской печати, южной и одно время столичной, когда этотъ живой, неутомимый и остроумный наблюдатель нашей повседневной провинціальной жизни работалъ въ «Русской Жизни». Собранныя имъ теперь въ одну книгу болѣе яркія и цѣнныя картины провинціальной дѣйствительности—«Наши общественныя дѣла и бездѣлье—даютъ читателю не мало общеинтереснаго матеріала, затрогиваютъ рядъ вопросовъ, не теряющихъ до сихъ поръ своей злободневости, и наводятъ на многія невеселыя размышленія. Все это писалось въ разное время, подъ разными впечатлѣніями, но объединяетъ эти отрывочныя наблюденія и картинки одно общее настроеніе автора, которое передается и читателю. Проходитъ ли предъ нами остроумно написанная исторія провинціальной газеты, выступаютъ ли сѣрые читатели съ ихъ назойливо-простецкими и надоѣдливыми запросами, сцены изъ дѣятельности во время голоднаго года—провинціальная жизнь возстановляется въ очеркахъ автора въ томъ хаотическомъ видѣ, какой она представляется при близкомъ съ нею соприкосновеніи. Авторъ всецѣло связанъ съ нею, болѣетъ ея болями и радуется ея радостями, но не поднимается надъ ними, слишкомъ ему близкими и кровными. Отъ этого очерки выигрываютъ въ искренности, непосредственности, но теряютъ въ общемъ освѣщеніи, въ выводахъ и заключеніяхъ самого автора, которому недостаетъ объективности. Зато авторъ превосходно представилъ въ своихъ очеркахъ то настроеніе провинціи, которое можно назвать обывательской растерянностью и ротозѣйствомъ, не позволяющими обывателю дѣлать правильные выводы изъ окружающей его жизни, такъ какъ обыватель изъ-за деревьевъ обыкновенно не видитъ лѣсъ.

Рѣзче и ярче всего проглядываетъ эта обывательская растерянность въ очеркахъ автора, посвященныхъ провинціальной печати, этой столь еще юной, но уже многоопытной и многострадальной печати, которая не одинъ урокъ

могла бы преподать своей старшей сестрѣ—столичной прессѣ. Авторъ юмористически изображаетъ доисторическія времена этой печати, когда она еще всецѣло находилась въ рукахъ мѣстнаго обывателя-литератора, смотрѣвшаго на печатное дѣло какъ на своего рода не то спортъ, не то душеспасительное дѣло, не то вопросъ личнаго самолюбія. Еще лѣтъ двадцать пять назадъ возникали въ разныхъ глухихъ уголкахъ странныя изданія, печатавшіяся не столько на пользу общественную, сколько для удовлетворенія личныхъ чувствъ издателя-редактора. Въ особенности, если такой издатель самъ хоть разъ попробовалъ писательствовать. Тогда, по словамъ г. Гусева,—«пиши пропало». Все готовъ поставить на карту, лишь бы «увидѣть внизу газетнаго листа: редакторъ-издатель Обывательскій». Обыкновенно около нихъ собирался и свой такой же обывательскій кружокъ мѣстныхъ интеллигентовъ, которые добросовѣстно, кто во что гораздъ, возлагали на редакторскій столъ лепту отъ своихъ литературныхъ трудовъ. Что это была за лепта, теперь довольно трудно себѣ представить: разныя глубокомысленныя размышленія о какой-либо мѣстной исторической древности или общія разсужденія на тему о любви къ отечеству и народной гордости. Эти тихія и смиренныя изданія обыкновенно довольно скоро заканчивали дни свои за оскудѣніемъ тощаго издательскаго кошелька, не выдержавъ борьбы съ общественнымъ равнодушіемъ. Неумѣлая рука литератора-обывателя не могла дать своему органу направленія, ни сколько-нибудь опредѣленнаго, ни сколько-нибудь дѣльнаго для бѣдной окружающей жизни.

Правда, бывали и исключенія, и тогда доисторическая газета падала жертвой «обывательской кровожадности», когда обыватель вооружался противъ газеты «своими средствами», въ видѣ доноса, нападенія на редактора изъ-за угла, или изводилъ газету такимъ оригинальнымъ способомъ, какой былъ пущенъ въ Астрахани въ шестидесятые годы противъ газеты «Волга» мѣстнымъ купечествомъ. Въ зимнее время Астрахань отдѣлена отъ всего міра и сообщается съ нимъ только на лошадяхъ. Мѣстное купечество, раздраженное справедливыми нападками газеты, воспользовалось такимъ географическимъ положеніемъ Астрахани и скупило всю наличную газетную бумагу. Издатель остался безъ самаго необходимаго матеріала и вынужденъ былъ прекратить изданіе.

Но все же такія исторіи были исключеніями, пока въ провинціи не создался волею судебъ особый элементъ—интеллигентный пролетаріатъ, который и двинулъ дѣло печати, явившись на смѣну обывателя-литератора. Онъ быстро вытѣснилъ его изъ газеты и создалъ типъ современной провинціальной печати. Около печатнаго дѣла создались свои особые интересы, настолько существенные, что къ дѣлу очень быстро примазался и капиталъ, увидѣвшій въ дѣлѣ не только «душевную» сторону. И вотъ начиная съ 90-хъ годовъ, газеты въ провинціи стали расти съ такой быстротой, что теперь рѣдкій сколько-нибудь крупный центръ уже не имѣетъ своихъ двухъ-трехъ органовъ. Вліяніе капитала, поставившаго газетное дѣло въ провинціи на коммерческую ногу, было очень благотворно. Газета стала выгоднымъ предпріятіемъ и необходимымъ элементомъ мѣстной жизни, и тогда наступилъ третій—современный періодъ, когда газетѣ приходится бороться уже не съ обывателями. Послѣдній привыкъ къ

ней, и если иногда не прочь пустить въ ходъ «свои средства» противъ «Скоропадента», обидѣвшаго его излишней откровенностью, то такіе случаи становятся все рѣже, и не они создаютъ ту характерную атмосферу особыхъ газетныхъ мытарствъ, въ которой задыхаются сплошь и рядомъ вполнѣ прилично и дѣльно поставленныя изданія въ провинціи. Эта современная постановка и быть печати въ провинціи не затронуты въ очеркахъ г. Гусева, и то, что онъ говоритъ о прошломъ, мало касается настоящаго. Это слѣдуетъ помнить читателямъ очерковъ, иначе получится совершенно невѣрное освѣщеніе дѣйствительности.

Сравнивая старый типъ, доисторическій и героическій, провинціальной газеты съ ея современнымъ видомъ, можно найти очень сильную и характерную разницу. Нѣтъ и слѣда прежняго добродушно-отвлеченнаго отношенія къ жизни, благомысленныхъ, но пустыхъ и безсодержательныхъ размышленій о мѣстныхъ древностяхъ, въ родѣ «возглавія» какого-нибудь попавшаго въ святые мѣстнаго князя, или длинныхъ исторій тѣхъ или иныхъ знаменитостей и т. п. Типъ провинціальной газеты слагался органически. Интеллигентный пролетаріатъ внесъ въ нее общественную струю, мѣстный обыватель—живое отношеніе къ мѣстной жизни и ея интересамъ. Интеллигентъ будилъ эту мѣстную жизнь, безцеремонно и настойчиво указывая на темныя стороны, нуждающіяся въ освѣщеніи, а мѣстный житель засыпалъ его фактами изъ хорошо ему знакомой мѣстной жизни. Пришлый элементъ, интеллигентный пролетаріатъ могъ дѣлать то, что иногда было не по силамъ обывателю, слишкомъ тѣсно связанному съ условіями окружающей жизни. Пришлецъ, вполнѣ независимый отъ этихъ условій, дерзко налагалъ на нихъ руку, не страшась называть вещи ихъ именами, и вступалъ въ отчаянную борьбу съ разными сильными міра сего, а матеріалъ для борьбы поставлялъ ему обыватель, большею частью потаенно, съ оглядкой, дабы не быть уличеннымъ въ сочувствіи и содѣйствіи. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ этотъ героическій періодъ завершался торжествомъ печати, которую пришлось признать въ провинціи какъ неискоренимый элементъ новой жизни, наряду со школой, съ земствомъ и судами присяжныхъ. Что капиталъ призналъ ее выгоднымъ дѣломъ, это явилось завершеніемъ героическаго періода, побѣдой печати надъ всѣми препятствіями, окружавшими ея колыбель, а не ея паденіемъ, какъ приходится слышать иногда отъ старыхъ дѣятелей героическаго періода, когда газеты въ провинціи велись на гроши и работники ихъ довольствовались больше платонической, чѣмъ матеріальной поддержкой со стороны обывателя.

Современная печать въ провинціи основана на матеріальномъ разсчетѣ, какъ и столичная, но ей приходится труднѣе, такъ какъ самое ея существованіе, главный базисъ ея еще тѣснѣе связанъ съ мѣстной текущей жизнью, чѣмъ въ столицахъ. Она можетъ жить, только всецѣло служа интересамъ *жизни*, читателя-обывателя, съ которымъ находится въ самыхъ непосредственныхъ отношеніяхъ. Это яснѣе всего видно на любомъ конкретномъ примѣрѣ. Провинціальная печать вся цѣликомъ стоитъ за всѣ виды мѣстнаго самоуправленія, и иначе не можетъ. Пусть, напр., попробуетъ любая провинціальная газета выступить

*

открыто противъ земства, какъ принципа, и она погибнетъ, если не имѣетъ особаго источника матеріальныхъ средствъ. Обыватель ее броситъ и читать не станетъ, какъ бы литературно съ внѣшней стороны она ни велась, и ничѣмъ не спасти ей своей репутаціи, никакими «именами», никакими «высшими» или «государственными» соображеніями. Между тѣмъ, та же печать ведетъ яростную борьбу съ различными дѣятелями мѣстныхъ городскихъ думъ и земствъ и чѣмъ сильнѣе и остроумнѣе будетъ она въ этой борьбѣ, тѣмъ для нея выгоднѣе. Но борьба неизмѣнно ведется во имя принципа того же земства или думы, т.-е. расширенія и чистоты примѣненія принципа мѣстнаго самоуправленія. И это такъ естественно и понятно на мѣстѣ. Столичная «охранительная» печать можетъ нападать на самый принципъ и находить поддержку читателя только потому, что ея читатель разсѣянъ по лицу земли родной, но въ каждомъ данномъ мѣстѣ противники самоуправленія въ ничтожномъ меньшинствѣ, а тонъ задаетъ масса, которую не убѣдишь теперь въ предпочтительности «усмотрѣнія» или единоличнаго хозяйничанія передъ общественнымъ.

И такъ въ любомъ вопросѣ, имѣющемъ живую связь съ жизнью. Тутъ читатель въ провинціи не пойдетъ ни на какія уступки, ни на какія приманки. Его калачомъ не заманишь въ газету, которая стала бы доказывать, что земства не нужно, думу слѣдуетъ замѣнить магистратомъ, хотя бы въ немъ засѣдали ангелы во плоти, судъ присяжныхъ свести на нѣтъ, земскія школы превратить въ церковно-приходскія и проч. Обыватель не на словахъ, а на дѣлѣ знаетъ разницу между этими учрежденіями и потому провинціальная печать *не можетъ* иначе разсуждать, какъ разсуждаетъ, если не желаетъ быть выброшенной за бортъ. И вотъ почему она, за рѣдкими исключеніями, объясняемыми совсѣмъ особыми обстоятельствами, сплошь *либеральна*. «Охранители» въ столичной прессѣ ставятъ ей это въ вину, видятъ причину ея либерализма въ ея руководителяхъ, въ массѣ ея яко бы «неблагонадежныхъ» сотрудниковъ, въ зловредномъ направленіи, которое надо такъ или иначе искоренить. Между тѣмъ, она менѣе всего повинна въ томъ, что она такова, какова она есть. Предъ ней дилемма: или быть либеральной, или погибнуть. Если бы любого «охранителя» пересадить въ провинцію и предоставить собственнымъ силамъ, онъ сталъ бы или издавать либеральную газету, или прекратилъ бы свое изданіе на первыхъ же номерахъ. И провинціальная печать въ массѣ своей такъ хорошо понимаетъ это, что готова претерпѣть всякіе скорпіоны, чѣмъ заговорить въ иномъ тонѣ.

Въ другихъ отношеніяхъ таже печать гораздо консервативнѣе столичной. Такъ, и теперь въ значительной части она придерживается народническаго направленія, она матеріалистка въ философіи, въ искусствѣ она тенденціозна и бранитъ всѣхъ «эстетовъ», «декадентовъ», «импрессіонистовъ», въ поэзіи Надсонъ для нея идеалъ вдохновенія, а въ критикѣ она плѣняется Писаревымъ. Тутъ-то и сказывается сильное вліяніе того интеллигента, который ее создалъ и надолго задалъ тонъ. Въ свое время онъ сплошь былъ народникомъ, и духъ свой крѣпко привилъ провинціальной печати, а такъ какъ обыватель былъ

всегда очень безразличенъ по части всякаго «духа», то пришлецъ и отводилъ свою душу въ этой отвлеченной для обывателя области. И въ этомъ отношеніи провинціальная печать до извѣстной степени является отраженіемъ окружающей среды, куда новыя теченія мысли достигаютъ медленно, исподволь, какъ круги отъ камня, брошеннаго въ воду. Въ центрѣ, гдѣ ударилъ упавшій камень, давно уже зеркальная гладь, а круги, все шире, всѣ медленнѣе, плавно ударяютъ о неподвижный берегъ. Но за послѣднее время, по мѣрѣ роста газетъ, воспріимчивость провинціальной печати къ новымъ теченіямъ значительно возросла, и въ ихъ «журнальныхъ обозрѣніяхъ» то и дѣло проскальзываютъ еретическіе взгляды. Огромную роль сыгралъ въ этомъ случаѣ М. Горькій, котораго признала первая провинціальная печать, гдѣ было много разсказовъ его напечатано раньше, чѣмъ о немъ заговорили въ столицахъ. Необычайность Горькаго, какъ литературнаго явленія, не показалась чѣмъ-то страннымъ для провинціальной печати, имѣющей возможность многое видѣть и наблюдать такое, о чемъ столичный литераторъ судитъ лишь по отраженію въ литературѣ. Типы Горькаго хорошо знакомы провинціи, въ нихъ она не усмотрѣла чего-то сочиненнаго, какъ многоначитанные столичные критики, не выѣзжавшіе за предѣлы Петербурга, да и то не всего, а своего, кружкового.

Въ очеркахъ г. Гусева не затронута эволюція провинціальной печати послѣднихъ годовъ, а именно онъ, какъ талантливый наблюдатель и знатокъ этой печати, могъ бы дать интересную характеристику современнаго ея состоянія. Онъ приводитъ, между прочимъ, любопытную новѣйшую черту, обнаруживающую кое-что новое въ отношеніяхъ работниковъ этой печати къ капиталу, завладѣвшему ею. Рѣчь идетъ о «литературномъ пролетаріи», который составляетъ главную армію печатнаго дѣла въ провинціи. Положеніе этой арміи, и вообще то невеселое и трудное вездѣ, въ провинціи сугубо тягостно, благодаря упрощенности нравовъ, точнѣе говоря грубости, налагающей на отношенія пролетарія, писателя къ издателю, капиталисту оттѣнокъ откровеннѣйшаго «выжиманія пота». И вотъ двадцать репортеровъ и корреспондентовъ въ Одессѣ, доведенные этой системой до крайности, рѣшили объявить «стачку», предварительно представивъ капиталу свой ультиматумъ. Фактъ самъ по себѣ изумительный, при той общей для русскаго обывателя неумѣлости сообща отстаивать свои интересы. Но еще изумительнѣе причины, вызвавшія его, можно сказать прямо невѣроятныя. «Всякія прижатія и пожатія практиковались въ газетѣ. Не станемъ говорить о той платѣ, которую получали у него (издателя) репортеры 2 к. за строчку. Эта плата еще не такъ то поразительна въ провинціи. Но какими подробностями сопровождалась выдача этихъ двухъ копѣекъ? Оказывается существовала цѣлая система штрафовъ. Особый служающій, секретарь что ли, ежедневно представлялъ хозяину особую справку о провинившихся репортерахъ. Обозначались тѣ замѣтки, которыя въ данное число появлялись въ другихъ мѣстныхъ газетахъ и которыхъ нѣтъ въ газетѣ издателя-кулака. Это ставилось за счетъ репортерской нерачительности, и нерадивый репортеръ за свое ротозѣйство расплачивался при выдачѣ ему

гонорара нѣсколькими рублями. Мало того, при выдачѣ гонорара хозяинъ производилъ такъ называемое округленіе счета. Это значитъ, что тотъ, кто долженъ былъ получить, напр., 23 рубля, получалъ только двадцать, кто разсчитывалъ принести домой 27 р., два рубля оставлялъ въ пользу хозяина. Но и это еще не все. Всѣмъ извѣстно, конечно, какъ обращаются у насъ вообще съ маленькимъ человѣкомъ. Ежели можно маленькаго человѣка обругать, его обругаютъ, ежели можно толкнуть, его толкаютъ. Эта самая «словесность» была въ широкомъ ходу у одесскаго издателя въ его сношеніяхъ въ репортерами. И не это только. Та отборная ругань, которой удостоивались гг. сотрудники, не можетъ быть повторена въ печати». Наконецъ, не выдержали сотрудники и предъявили свои требованія. «Первый пунктъ предъявляетъ хозяину требованіе, чтобы онъ впредь не ругался, какъ ломовой извозчикъ. Пунктъ второй повышеніе платы—до 3-хъ коп. за строчку. Пунктъ третій отмѣна штрафовъ или же, при сохраненіи системы штрафовъ, установленіе премій тѣмъ репортерамъ, которые дадутъ въ газету извѣстіе, не появившееся въ другихъ изданіяхъ». Сотрудниками былъ поставленъ самый краткій срокъ для отвѣта, и кулакъ-издатель былъ вынужденъ принять всѣ условія.

Этотъ характерный фактъ, указывающій на ростъ значенія печати и ея дѣятелей, очень знаменателенъ для положенія работниковъ печати. Онъ въ то же время обнаруживаетъ черту, сближающую этихъ работниковъ съ людьми труда вообще въ промышленной области, подчеркивая, несомнѣнно, общую имъ всѣмъ психологію. Пролетаріатъ, двигающій печатное дѣло, не рѣшаетъ такимъ способомъ вопроса о своемъ существованіи, но намѣчаетъ себѣ путь къ возможному подъему. Общій вопросъ, конечно, далеко выходитъ за узкіе предѣлы немногочисленной по количеству арміи печатнаго пролетаріата. Важенъ здѣсь первый шагъ, какъ протестъ и рѣшимость сбросить тяготѣющія и на труженикахъ печати цѣпи эксплуатаціи, о чемъ едва ли могли бы мечтать тѣ же репортеры раньше, если бы газета въ провинціи не стала потребностью, что отлично поняли кулаки-издатели и готовы идти на всѣ уступки, лишь бы не упустить изъ рукъ выгодное дѣло.

Какъ могутъ сложиться дальнѣйшія отношенія между ними и истинными двигателями печатнаго дѣла, это зависитъ въ значительной степени не отъ тѣхъ и другихъ. Здѣсь мы входимъ въ область болѣе широкую, лишь часть которой составляетъ печать.

Это область труда вообще. Въ художественной литературѣ послѣдняго времени, немало посвящающей вниманія этой области, самымъ выдающимся явленіемъ, по нашему мнѣнію, должны считаться только что вышедшіе отдѣльнымъ изданіемъ разсказы г. Вересаева. Они печатались въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ («Начало», «Жизнь» и у насъ) и тогда уже обращали на себя вниманіе новизной освѣщенія трудовой жизни и новыми типами, подмѣченными авторомъ въ этой жизни Но собранные теперь вмѣстѣ, эти разсказы даютъ яркую и совершенно особую картину, проникнутую общимъ на

строеніемъ, которое придаетъ отдѣльнымъ типамъ и сценамъ цѣльность однороднаго и чрезвычайно важнаго явленія.

Въ произведеніяхъ г. Вересаева есть вообще одна особенность, придающая всему, что онъ пишетъ, выдающійся интересъ, — значительность содержанія. Начиная съ его повѣсти «Безъ дороги» и кончая послѣдней крупной вещью «На поворотѣ», авторъ затрогиваетъ самые насущные, больные вопросы современности, давая читателю рядъ картинъ жизни, раскрывающихъ сокровенные тайники души современнаго человѣка, выбивающагося на новый путь. Даже критики направленія, противоположнаго во многомъ взглядамъ г. Вересаева, вообще не одобряющіе этого писателя за эти еретическіе съ ихъ точки зрѣнія взгляды, вынуждены всякій разъ признать, что онъ коснулся новаго и важнаго вопроса или настроенія интеллигенціи. Такъ, напр., г. Подарскій въ «Рускомъ Богатствѣ», столь неблагосклонно отнесшійся къ повѣсти «На поворотѣ», тѣмъ не менѣе, могъ изъ нея «извлечь указанія на процессъ броженія, происходящій нынѣ среди молодежи», и въ заключеніе величественно выразилъ ему свою «благодарность». А такое признаніе со стороны противника ясно указываетъ, что въ лицѣ г. Вересаева современная литература имѣетъ видную силу, съ которой приходится считаться и которая непредубѣжденнымъ читателямъ даетъ много вѣскаго и цѣннаго матеріала для освѣщенія современности.

Что больше всего можетъ привлечь такого непредубѣжденнаго читателя, такъ это художественное безпристрастіе автора. Его мучатъ и волнуютъ тѣже вопросы, что и массу интеллигенціи, но онъ подходитъ къ нимъ безъ заранѣе готоваго рѣшенія, безъ предвзятой точки зрѣнія, и хочетъ взглянуть на нихъ такъ, какъ они проявляются въ жизни. Для него важнѣе всего уяснить себѣ новыя тревожныя явленія, вдуматься во всѣ видимыя противорѣчія текущей дѣйствительности. Онъ не задается цѣлью, какъ нѣкоторые критики его, все расположить по излюбленному ранжиру, все размѣтить и украсить этикетками: «хорошо», «дурно», «дозволительно», «заслуживаетъ поощренія» и т. п. Въ своихъ «Запискахъ врача» онъ изобразилъ съ художественной объективностью весь трагизмъ врача и человѣка, возникающій отъ неразрѣшимыхъ противорѣчій между наукой и жизнью, между профессіональными задачами и человѣческими интересами, между несовершенствомъ современной науки и предъявляемыми ей требованіями. Въ небольшихъ разсказахъ и въ повѣсти «На поворотѣ» его занимаетъ необычайная сложность душевныхъ настроеній современнаго интеллигентнаго человѣка, который не можетъ удовольствоваться, какъ прежде, упрощенными формулами рѣшенія самыхъ важныхъ вопросовъ общественной и личной жизни. Наконецъ, въ цѣломъ рядѣ разсказовъ изъ рабочей жизни и въ особенности въ повѣсти «Конецъ Андрея Ивановича» г. Вересаевъ даетъ разнообразную коллекцію типовъ этой среды и указываетъ то новое, что онъ подмѣтилъ въ ней, какъ вдумчивый и наблюдательный художникъ.

Два рѣзко обособленныхъ типа выдѣляются изъ рабочей массы въ изображеніи художника. Въ одномъ преобладаетъ уже опредѣлившаяся личность, болѣе

или менѣе рѣзкая индивидуальность, такъ или иначе сложившаяся подъ вліяніемъ различныхъ условій труда. Въ другомъ мы видимъ еще представителя массовой психологіи. Первый—это уже городской рабочій, порвавшій связи съ землей; другой—тоже рабочій, но еще тяготѣющій къ землѣ, видящій въ ней свой устой, или по крайней мѣрѣ, послѣднее прибѣжище, когда измѣнятъ силы. Какова разница между обоими типами? Что составляетъ сущность ихъ? Въ чемъ нагляднѣе проявляется она? таковы вопросы, напрашивающійся при сопоставленіи обоихъ типовъ,—и очерки автора даютъ для отвѣта достаточно матеріала. Въ разсказѣ «Изъ обѣтованной земли» выступаетъ такой чистый представитель рабочаго отъ земли, всецѣло связанный съ ней и лишь на время уходящій на заработокъ въ городъ. Посматривая на тощія пригородныя поля изъ оконъ дилижанса, герой разсказа, простодушный парень, сравниваетъ «свои мѣста» и повѣствуетъ окружающей публикѣ о преимуществахъ своей деревенской жизни, которая послѣ города рисуется ему въ особенно привлекательномъ видѣ. Желчный и больной другой рабочій, знакомый автора, Березинъ скептически относится къ рисуемой парнемъ картинѣ общественнаго уклада «по-Божьи», «сообща».

«— А народъ на что, общество? Мы тебѣ стащимъ, ты—намъ (рѣчь идетъ объ очисткѣ полей отъ камня),—поучающе произнесъ парень.—Нѣтъ, у насъ бы этого не потерпѣли. У насъ, скажемъ, сейчасъ лѣсъ вырубятъ... Вырубятъ лѣсъ, станутъ сообща болота осушать, канавы копать. Производятъ лѣсъ къ дѣлу, получаютъ пользу.

Березинъ слушалъ скептически.

«— Что такое за общество у васъ?—заговорилъ онъ, недовѣрчиво покачавъ головою.—Не слыхалъ я что-то про такое общество. Такъ, дѣйствительно, часто бываетъ,—скажутъ: «Ну, Пахомъ,—онъ плохо платитъ; отнимемъ у него землю, отдадимъ Гаврилычу!» А у Гаврилыча у самого четыре надѣла... Вотъ! Или, скажемъ, какъ у насъ, въ Рязанской губерніи: поставитъ мужикъ улей въ огородѣ, а міръ ему: «Давай на ведро!»—За что? А небось, твои пчелы летаютъ, съ нашихъ цвѣтовъ медъ берутъ!

Парень улыбался.

«— Ну, а у насъ вотъ какъ: скажемъ, у тебя въ огородѣ древо; приду я, улей у тебя поставлю,—и ты мнѣ даже ничего не можешь сказать. Если срубишь дерево, засудятъ тебя... У насъ липа одна дуплистая стояла у околицы; сильно ее пчелы полюбили, все въ ней роились. Одинъ мужикъ и сруби; такъ на три года его въ арестантскія засудили.

Березинъ широко раскрылъ глаза.

«— Ну, батенька, вздоръ ты городишь!—отрѣзалъ онъ.—Что онъ, человѣка что ли убилъ? За дерево на три года въ арестантскія!

«— Да вѣдь древо-то какое!—съ какимъ-то почти страхомъ проговорилъ парень.—Эдакое древо срубить,—все равно, что человѣка убить!.. Нѣ-ѣтъ, у насъ крѣпко живутъ, бунтоваться не позволяютъ никому. Первое дѣло,—живи дружно, не бунтуй! Тоже и въ хозяйствѣ: каждый свое мѣсто знаетъ, не упирается, старшого слушаетъ по закону.

«— По какому такому закону?—спросилъ Березинъ, поднявъ голову.

«— Ну... по закону!

«— Не слыхалъ про такой законъ.

«— Закона нѣтъ, а по-Божьи!—сконфузился парень.

«— По-Бо-ожьи!.. А если ты мнѣ старшій, да дуракъ набитый? Нѣтъ, братъ, я такихъ мнѣній, что себя долженъ каждый слушать, а не старшого.

«— У насъ это самый порокъ!—снисходительно улыбнулся парень.—У насъ говорится: кто людей не слушаетъ, тотъ Бога не боится. У насъ младшій, хоть посмекалистѣй будь, а все слушается старшого. Этимъ хозяйство держится. А каждый по своему уму станетъ жить, что же выйдетъ?

«— Да погляди ты на себя, умная ты голова!—вскипѣлъ Березинъ.—Что ты, мальчишка—несмысленокъ? Для чего у тебя голова къ плечамъ присажена, а? Для ума она у тебя присажена, для разсужденія! А ты себя дуракомъ дѣлаешь, самъ дуракомъ дѣлаешь себя!

«— Зачѣмъ дуракомъ? Нисколько нѣтъ! А что только живи дружно, ладно,— вотъ что я говорю. А каждый по своей волѣ начнетъ жить, что же будетъ? Дѣлежка пойдетъ, самъ заплачешь.

«— Смотря какъ! Не нравится вмѣстѣ жить, такъ даже и запляшешь.

«— Не ндравится! Мало-ли что не ндравится! Поживи, такъ понравится! А хвалиться оставь. Какъ говорится,—чья сила, того и нива. Вмѣстѣ жить,— богатъ будешь, а раздѣлишься—каждый запаршивѣетъ, захирѣетъ, что жъ хорошаго?.. Да у насъ мужики этимъ не занимаются, дружно живутъ. Это только бабы другой разъ замутятъ.

«— Ну, что-жъ! Ну, и бабы! Тоже люди, хотятъ жить посвободнѣе.

«— «Люди»!—усмѣхнулся парень.—Баба... баба... сатана! (Онъ грозно нахмурилъ брови, и въ его ясныхъ глазахъ мелькнуло что-то глупое и беспощадное).—Поссорились бабы,—отецъ взялъ кнутъ ременный, да всѣхъ ихъ и успокоилъ.

«— А если по твоему жена права?

«— Да нешто онѣ могутъ быть правыя?—засмѣялся парень.—Дѣлиться!— продолжалъ парень.—Попробуй, подѣлись! Отведетъ тебя отецъ въ волостное, всыпитъ двадцать пятъ гор-рячихъ... Бери жену за руку, ступай, куда хочешь! Ха-ха-ха?»

Въ этомъ выхваченномъ налету обмѣнѣ мыслей уже ясно видно, въ чемъ же лежитъ разница двухъ психологій одного въ сущности, какъ казалось бы, рабочаго типа. И какая глубокая разница! «Свой умъ, своя воля» — для одного исходный пунктъ жизни, для другого—въ этомъ весь «грѣхъ», все несчастье и гибель. И иначе онъ не можетъ ни разсуждать, ни желать. Онъ имѣетъ для этого слишкомъ вѣскія данныя, въ видѣ хозяйственной крѣпости, если «не дѣлиться», а не дѣлиться можно лишь въ томъ случаѣ, если умъ и волю всецѣло подчинить хозяйству, какъ единому вершителю жизни. «Ременный кнутъ» и «двадцать пять гор-рячихъ»—вотъ средства для укрощенія строптивыхъ, не желающихъ отказаться отъ такихъ нехозяйственныхъ вещей, какъ свой умъ и своя воля. Баба—сатана, ибо она-то и смущаетъ этотъ крѣпкій

укладъ, выше и лучше котораго человѣкъ земли пока не знаетъ, и ея стремленія, непонятныя и чуждыя ему, конечно, «отъ лукаваго».

Баба, какъ и онъ самъ, крѣпкій мужикъ хозяйственныхъ устоевъ, есть, прежде всего, вещь, въ хозяйствѣ необходимая—и только. Это онъ признаетъ незыблемой аксіомой, и здѣсь новая отличительная черта, рѣзко отдѣляющая его психологію отъ типа рабочаго новаго времени, который къ «своей воли» и «своему уму» требуетъ еще и «жены для себя», а не бабы для хозяйства, какъ разсуждаетъ такой рабочій въ разсказѣ «Въ сухомъ туманѣ». Разговорившись въ дорогѣ съ попутчикомъ по вагону рабочимъ-литейщикомъ изъ Москвы, авторъ узнаетъ обычную исторію, что жену его потребовалось отправить въ деревню, гдѣ старуха-мать расхворалась, а «хозяйству безъ бабы невозможно». Къ степеннымъ преніямъ по такому всѣмъ присутствующимъ понятному предмету неожиданно прибавляетъ новую ноту другой рабочій, маляръ.

«— Я такъ разсуждаю, что вы неправильно объ этомъ говорите!—вдругъ произнесъ онъ съ своей быстрой усмѣшкой.

«— Это насчетъ чего?—спросилъ литейщикъ.

«— Вообще насчетъ вашихъ разговоровъ. Кто-жъ виноватъ въ томъ дѣлѣ, позвольте спросить? Говорите: въ хозяйствѣ жена нужна. Въ хозяйствѣ? А мнѣ не нужна? Значитъ, поженился, а тамъ — «прощай, Саша, прощай, милая!» Ну, нѣтъ, извините, пожалуйста!.. Я самъ женатый, а только поженился, и обязательно взялъ жену съ собой въ Серпуховъ. Позвольте вамъ сказать: она мнѣ самому жена.

«— Неспособно мнѣ такъ-то поступать, — неохотно отвѣтилъ литейщикъ.

«— Какъ такъ неспособно? Почему такое?—удивился маляръ. — «Неспособно!» Почему оно неспособно?—Онъ съ вопросительно-недоумѣвающею усмѣшкою оглядѣлъ слушателей.—Нѣ-ѣтъ! Поженили меня эдакъ въ деревнѣ,—весело продолжалъ онъ,—отецъ мнѣ и говоритъ: — Ну, Вася, ты, говоритъ, поѣзжай теперь къ своему дѣлу, а жена пущай у насъ останется.—Ну, нѣтъ-съ, извините, папаша...—Какъ?! Что?! Ахъ ты такой-сякой! Я тебя для чего женилъ? Чтобъ бабу въ хозяйствѣ имѣть!—Бабу въ хозяйствѣ? Эко дѣло какое! Какъ же это мы раньше не столковались? Ну, а я для того женился, чтобъ жену имѣть!»

Мнѣніе маляра встрѣтило, однако, суровый отпоръ окружающихъ, неопровержимымъ образомъ доказавшихъ, что въ хозяйствѣ безъ бабы нельзя, а хозяйствовать въ деревнѣ вмѣстѣ съ бабой въ настоящее время тоже нельзя, «ибо безъ подателя со стороны не управиться никакъ». «И тѣмъ не менѣе,— заключаетъ авторъ,—еретическая мысль маляра заключалась вѣдь ни въ чемъ другомъ, какъ въ томъ, что человѣкъ женится для того, чтобы имѣть жену! И съумѣлъ же онъ такъ искусно поставить вопросъ! Не даромъ всѣ возражавшіе, предъявляя свои неопровержимые доводы, въ то же время такъ сердились и раздражались: маляръ былъ легкомысленъ, рубялъ сплеча, но, какъ хотите, а человѣку полагается жениться именно для того, чтобы имѣть жену...»

«Свой умъ», «своя воля», «своя жена для себя, а не для хозяйства»,— это все черты чисто индивидуалистическія. Можно подумать, что въ психологіи человѣка земли преобладаютъ, наоборотъ, чисто общественныя черты—все для другихъ, для «общества», «для міра», которые хотя и стѣсняютъ личность въ ея проявленіяхъ, зато и подымаютъ ее до сознанія общихъ болѣе широкихъ интересовъ, ограждаютъ ее отъ давленія постороннихъ силъ и въ экономическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Въ разсказахъ «Объ одномъ домѣ» и «Въ одиночку» мы видимъ эти «общественныя» отношенія и ихъ результаты. Съ щемящей сердце грустью мы присутствуемъ въ первомъ очеркѣ при постепенномъ упадкѣ одного семейства, которое, за отсутствіемъ своего работника-мужика,—всѣ сыновья повымерли,—хочетъ принять въ домъ «для поддержанія хозяйства» зятя, но міръ не желаетъ взять новаго общественника и ждетъ окончательнаго паденія вымирающаго дома, чтобы еще при жизни старика отца подѣлить землю или передать ее новому болѣе исправному надѣльщику. «Въ одиночку» опять мечты рабочаго, на время только уходящаго отъ земли, мечты о «своемъ углѣ», «своей избѣ», но мечты—«въ «одиночку», для себя, про себя, безъ какого бы то ни было порыва и «для другихъ». Чувство солидарности, общности интересовъ отсутствуетъ цѣликомъ. Слушая эти мечты рабочаго Серегина, авторъ задумывается надъ старымъ кореннымъ вопросомъ объ отношеніи «души» къ этимъ хозяйственнымъ распорядкамъ деревни. Сопоставляя личныя наблюденія съ разсказами Серегина, авторъ говоритъ: «Въ разсказахъ Серегина то же «крестьянство» являлося передо мною въ другомъ свѣтѣ: въ воображеніи рисовалось тихое, радостное существованіе, рисовалась та «красота и благодать прочнаго крестьянскаго хозяйства», о которой Глѣбъ Успенскій писалъ: «Тотъ кусокъ хлѣба, который добывается деревенскою хозяйственною суетою суетъ, мнѣ кажется, ставитъ и душу человѣческую въ невозможность быть проданною изъ-за куска хлѣба. И во мнѣ рождается сомнѣніе: точно ли въ этой хозяйственной суетѣ забота только о единомъ хлѣбѣ? Можетъ быть, въ этой неустанной суетѣ вокругъ своего дома и своей личности сказывается самая тонкая щепетильность человѣческаго достоинства, не желающаго подвергнуть малѣйшему насилію свою изломанную душу?» Можетъ быть... Но тщетно искалъ я въ своей душѣ радостнаго отклика на радостныя мечтанія Серегина. Если даже въ основѣ указанной суеты суетъ, дѣйствительно, лежитъ «самая тонкая щепетильность человѣческаго достоинства», то какая же цѣна можетъ быть этому достоинству, стремящемуся лишь запрятаться подальше въ свою уютную келью? Какая цѣна всей этой радостной суетѣ «вокругъ своего дома и своей личности», если она ведетъ за собой такое глубокое равнодушіе ко всему, что находится внѣ этого дома и личности?.. Слушалъ я Серегина, и во мнѣ шевелилась мысль: нѣтъ, здѣсь-то именно душа человѣческая и продается»...

Наконецъ, въ лучшемъ разсказѣ настоящаго тома «Лизаръ» мы видимъ, какъ эта бѣдная, приниженная и опустошенная душа бьется въ тенетахъ экономическихъ противорѣчій на лонѣ природы, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда природа ликуетъ отъ избытка жизни, цвѣтетъ и словно призываетъ вся и

всѣхъ слѣдовать ея примѣру. Старый Лизаръ жалуется на «утѣсненіе» отъ избытка народу и вздыхаетъ о томъ времени, когда жили проще и больше умирали.

«—Прежде, баринъ мой жадобный, лучше было. Жили смирно, Бога помнили, а Господь Батюшка заботился о людяхъ, назначалъ всему мѣру. Мѣра была, порядокъ! Война объявится, а либо голодъ, и почиститъ народъ, глядишь,—другимъ жить свободнѣе стало; бобушки (мѣстное названіе оспы) придутъ, что народу поклюютъ! Знай, домовины готовь! Сокращалъ Господь человѣка, жалѣлъ народъ! А теперича нѣту этого. Ни войны не слыхать, вездѣ тихо, фершалихъ наставили. Вотъ и тужитъ народъ землею. По нашему дѣлу... баринъ мой любимый, столько ребятъ не надобно. Если чей Богъ хорошій, то прибираетъ къ себѣ,—значитъ сокращаетъ семейство. Слыхалъ, какъ говорится? Дай, Господи, скотинку съ приплодцемъ, а дѣтокъ съ приморцемъ. Вотъ какъ говорится у насъ!.. Ужъ наказываешь сынамъ своимъ: быдьте, ребятушки, посмирнѣе,—сами видите, дѣло наше малое, пустячное. И понимаютъ, а глядишь,—то одна сноха не ладивши породитъ, то другая... Тяжкое дѣло, тяжкое дѣло!—въ раздумьѣ произнесъ Лизаръ.—А только я такъ домекаюсь, что бабамъ бы тутъ порадѣть нужно, вотъ кому. Сходи къ доктору, поклонись въ ножки,—они учены, знаютъ дѣло. Поклонишься,—дадутъ тебѣ капель... Какъ скажешь,—есть такія капли?—спросилъ Лизаръ, значительно и испытующе поглядѣвъ на меня.

«Онъ говорилъ еще долго. Передо мною развертывалась цѣлая система, законченная и оформленная, дышавшая наивною и страшною безпощадностью. А вдали звучали пѣсни, и природа кругомъ изнывала отъ избытка жизни... Жить, только жить,—жить широкою, полною жизнью, не бояться ея, не ломать и не отрицать себя,—въ этомъ была та великая тайна, которую такъ радостно и властно раскрывала природа... И тутъ-то, среди этого таинства неудержимо развивающейся и размножающейся жизни,—онъ, забитый и сжавшійся въ себѣ «царь природы», съ его проповѣдью собственнаго сокращенія!»

Какъ прямая противоположность Лизару, Серегину и другимъ типичнымъ представителямъ массовой психологіи земли, съ ихъ «суетой около себя», проповѣдью отреченія отъ личной жизни ради хозяйства, отказа отъ своей воли и своего ума, выступаетъ Андрей Ивановичъ въ повѣсти «Конецъ Андрея Ивановича». Отдѣльныя черты новаго типа сознательной личности, разсѣянныя въ другихъ очеркахъ, выступаютъ въ немъ во всей совокупности, создавая изъ этой наиболѣе цѣльной и яркой фигуры вполнѣ самостоятельный типъ, новый въ нашей литературѣ. Въ повѣсти мы присутствуемъ при его трагическомъ концѣ, но другіе очерки, о которыхъ мы упоминали выше, даютъ намъ достаточный матеріалъ, чтобы выяснить себѣ, какъ сложился такой Андрей Ивановичъ. Онъ—продуктъ новыхъ условій труда, цѣликомъ независимыхъ отъ земли съ ея стихійностью и подчиненіемъ себѣ человѣка до полной обезличенности. Всѣ хорошія и дурныя условія этого труда въ городѣ, среди массы товарищей, объединенныхъ тоже стихійной силой труда «сообща», но труда сознательнаго, отразились въ его характерѣ, выработали оригинальное и стройное міросозер-

цаніе и подняли его на ступень сознательной личности, ясно представляющей себѣ свои отношенія къ окружающимъ, знающей свои права и заявляющей рядъ очень опредѣленныхъ требованій. И послѣднія весьма далеки отъ «сокращенія» и отказа отъ ума и воли. Напротивъ, можно бы сказать, что требованія Андрея Ивановича отъ жизни повышенны, во всякомъ случаѣ, выше его жизни, хотя и не выше его силъ. Онъ не только желаетъ жить для себя, но хочетъ, чтобы и другіе, съ нимъ непосредственно связанные, участвовали во всѣхъ благахъ жизни. Онъ называетъ это *товариществомъ*, и самый тяжкій ударъ, переживаемый имъ, наноситъ ему окружающая жизнь, когда онъ на личномъ опытѣ видитъ, что его идеалъ товарищества весьма далекъ отъ осуществленія.

Андрей Ивановичъ переплетчикъ по ремеслу и принадлежитъ къ рабочей аристократіи, получающей сравнительно высокій заработокъ, доходящій до 80 р. въ мѣсяцъ, что даетъ ему возможность обставить свою жизнь болѣе или менѣе сносно. Онъ женатъ, имѣетъ ребенка и живетъ хотя не казисто, но самостоятельно и въ чистотѣ, на отдѣльной квартирѣ, что въ рабочей средѣ большого города составляетъ роскошь, доступную немногимъ. Не дешево, однако, досталась ему эта примитивная роскошь, и въ сорокъ лѣтъ онъ—уже больной инвалидъ, подточенный специфическими особенностями своей работы, отравившей его легкія. Силы его падаютъ, а вмѣстѣ съ ними падаетъ заработокъ и постепенно расшатывается весь складъ его жизни. Жена, которую онъ, какъ и маляръ въ одномъ изъ прежнихъ очерковъ, желаетъ сохранить для себя, вынуждена принять участіе въ добываніи средствъ. Онъ всѣми силами не хочетъ допустить ее до фабрики. Не потому, что онъ противникъ женской самостоятельности, но онъ слишкомъ хорошо освѣдомленъ, *какъ* добывается эта самостоятельность. Онъ чувствуетъ свое безсиліе, срываетъ злость за свою слабость на бѣдной женщинѣ, пьетъ съ отчаянія, не видя выхода изъ рокового круга, въ которомъ все противъ него, и постепенно опускается въ ту бездну нищеты, откуда уже нѣтъ возврата. Смерть спасаетъ его отъ послѣдняго позора. Но и въ самыя отчаянныя минуты онъ не теряетъ человѣческаго облика,—это побѣжденный страшными условіями труда *человѣкъ*, который понимаетъ, *что* его давитъ, и борется, насколько хватитъ силъ, проклинаетъ, но до конца не отказывается отъ того, что считаетъ своимъ правомъ. Даже въ больницѣ, куда онъ вынужденъ, наконецъ, обратиться, онъ «смотрѣлъ на доктора, готовый къ бою: онъ заставитъ себя принять, онъ не женщина и не мужикъ, и знаетъ свои права! Больничный сборъ взыскиваютъ каждый годъ, а боленъ сталъ—лѣчись, гдѣ хочешь?» Уже умирающій онъ страстно мечтаетъ о мести своему товарищу Ляхову, который грубо и жестоко разрушилъ его мечту о товариществѣ вообще и все, что Андрей Ивановичъ связывалъ съ этой мечтой. Припоминая въ долгія мучительныя ночи безъ сна на больничной койкѣ всю свою жизнь, «чадную, тошнотную, дикую и пьяную, въ которой настоящую радость, настоящее счастье дѣлала только водка»,—онъ страстно хочетъ обсудить все «до самыхъ основныхъ мотивовъ». «Ему казалось, что онъ способенъ былъ жить,—жить широкою, сильною жизнью, полною смысла и радости, казалось, что для этого у него были и силы душевныя, и огонь».

И читатель вѣритъ ему, несмотря на его безотрадный конецъ. Пусть погибъ Андрей Ивановичъ,—въ его гибели виновенъ не онъ. Обстоятельства оказываются сильнѣе его, но онъ проявилъ въ борьбѣ съ ними столько истинно человѣческихъ чертъ, столько сознанія своего достоинства и пониманія окружающихъ условій, что за него, какъ личность—не страшно. Въ какія бы условія его ни поставила судьба, онъ не способенъ молиться: «дай, Господи, скотинку съ приплодцемъ, а дѣтокъ съ приморцемъ». На той ступени сознанія, на которой онъ стоитъ, его молитвы направляютъ его духъ въ сторону исканія «самыхъ основныхъ мотивовъ», которые очень далеки отъ смиренія и примиренія съ дѣйствительностью.

Не слѣдуетъ, конечно, представлять себѣ Андрея Ивановича какимъ-то героемъ, сознательно стремящимся къ завѣтнымъ цѣлямъ, жертвующимъ собою во имя ихъ и т. п. Въ нашей сжатой характеристикѣ поневолѣ усилены его основныя черты, но въ самой повѣсти онъ обрисованъ вполнѣ художественно. т.-е. со всѣми слабостями и недостатками, со смѣшными и жалкими иногда потугами на обобщеніе, со всѣми отрицательными сторонами, присущими ему, какъ человѣку своей среды, гдѣ еще такъ много невѣжества и грубости. Въ этой полнотѣ обрисовки и заключается достоинство повѣсти, написанной съ суровой простотой, въ которой нѣтъ ничего сочиненнаго. Предъ нами все время живая личность, живая жизнь и печальная дѣйствительность, отчего только ярче становятся тѣ выводы, которые само собой напрашиваются при сопоставленіи этой превосходной повѣсти съ другими очерками той же книги, гдѣ изображена не менѣе печальная живая дѣйствительность, условія которой, къ несчастью, роковымъ образомъ вырабатываютъ совсѣмъ иную психологію. совершенно другихъ героевъ, въ родѣ самодовольнаго парня, Серегина или дяди Лизара.

А. Б.

Театральныя замѣтки.

Драма Зудермана: «Да здравствуетъ жизнь» и постановка трагедіи Эврипида «Ипполитъ» на сценѣ Александринскаго театра.

Одною изъ первыхъ новинокъ сезона на сценѣ Александринскаго театра является пьеса Зудермана—«Да здравствуетъ жизнь», въ переводѣ г. Дельера, уже игранная въ прошломъ году нѣмецкою труппою г. Бока. Мы не видѣли нѣмецкаго исполненія этой драмы, но появленіе, почти одновременное, нѣсколькихъ переводовъ ея по-русски (самый полный и точный г. Дельера) свидѣтельствуетъ само по себѣ о живомъ интересѣ, который вызвало новое произведеніе извѣстнаго нѣмецкаго драматурга среди русскихъ читателей, и, конечно, интересъ этотъ вполнѣ заслуженный.

Пьеса въ нѣкоторомъ смыслѣ «боевая». Строго обдуманная во всѣхъ деталяхъ, умѣло скомпанованная въ своей архитектоникѣ, сценичная, но безъ всякихъ театральныхъ эффектовъ, драма Зудермана на частномъ примѣрѣ небол-

шой группы лицъ, въ опредѣленной рамкѣ избирательной борьбы партій въ нѣмецкомъ рейхстагѣ, изображаетъ столкновеніе двухъ міросозерцаній, такъ что интересъ пьесы далеко выступаетъ за предѣлы національно-бытовыхъ отношеній. И самый сюжетъ ея до нѣкоторой степени «международный», примыкающій къ традиціонной темѣ, съ одной стороны, и въ высшей степени «moderne»—съ другой. «Я знаю грустное сказаніе о Тристанѣ и Изольдѣ», говоритъ героиня драмы, графиня Беата фонъ-Келлингаузенъ, очевидно сознавая аналогію своего положенія съ знаменитой героиней рыцарскихъ поэмъ, обошедшихъ всѣ литературы Западной Европы. То старая исторія роковой любви, которая оказывается сильнѣе долга и чести и приводитъ къ трагической развязкѣ, послѣ длиннаго ряда перипетій обоихъ любовниковъ, поочередно боровшихся съ влеченіями сердца и подчинявшихся неотразимой власти общаго имъ обоимъ чувства. Какъ Тристанъ, чтобы оградить честь Изольды, произноситъ, по требованію ея мужа, обманную клятву, наивно-хитростную, такъ и возлюбленной Беаты, баронъ Рихардъ фонъ-Фелькерлингъ, долженъ, по требованію мужа Беаты, клятвой очиститься отъ подозрѣній передъ своимъ родичемъ и другомъ, но современная Изольда не можетъ допустить ни наивной хитрости, ни, въ особенности, преступной клятвы человѣка, который, какъ она это прекрасно понимаетъ и тутъ же громко заявляетъ—«теперь даетъ честное слово, а, придя домой, застрѣлится». И Беата сама раскрываетъ мужу тайну ихъ давней связи.

Сюжетъ, сказали мы, также въ высшей степени модернизованъ: дѣйствительно, передъ нами не банальный адюльтеръ, не простая незаконная «связь» между молодой женщиной, не любящей или разлюбившей мужа и пріобрѣтшей себѣ любовника. Зудерманъ рѣшаетъ болѣе сложную психологическую проблему «двойной любви» (amour double) или раздвоеннаго чувства, при одномъ общемъ, объединяющемъ всѣхъ трехъ лицъ, дружескомъ расположеніи и солидарности интересовъ. Авторъ отмѣтилъ въ самомъ заглавіи исключительность сюжета, который въ общемъ представлялъ лишь «модернизированную» развязку къ старинной темѣ одной изъ новеллъ Боккаччіо о любви двухъ друзей къ одной и той же дѣвушкѣ, ставшей впослѣдствіи женой одного изъ нихъ. Нельзя не вспомнить и тургеневской «Пѣсни торжествующей любви».

Однако, въ драмѣ Зудермана мы не узнаемъ начало романа или романовъ: Рихардъ и Михаилъ, мужъ Беаты, давніе друзья и родственники. Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ тѣхъ поръ, какъ Беата, увлекшись Рихардомъ, отдалась ему, но связь ихъ была, повидимому, очень непродолжительна: они побороли страсть изъ чувства долга и постарались ей придать болѣе одухотворенное значеніе. Рихардъ, повидимому, былъ женатъ уже тогда, когда сошелся съ Беатой: по крайней мѣрѣ его сынъ старше ея дочери; Норбертъ и Эленъ, оба уже вышли изъ періода дѣтства, влюблены другъ въ друга и Беата мечтаетъ осуществить для дѣтей то счастье, которое ей самой не удалось испытать полностью, т.-е. открыто и свободно. Итакъ, мы не знаемъ какъ сошлись и полюбили другъ друга Рихардъ и Беата, но разное отношеніе послѣдней къ мужу и къ своому возлюбленному очерчено рельефно. Мужъ, графъ Михаилъ, чело-

вѣкъ простой, добродушный, но и весьма ограниченный, который не можетъ удовлетворять духовнымъ запросамъ умной, развитой и страстно жаждавшей жить полною жизнью графини Беаты. Между тѣмъ, Рихардъ—талантливая, богато одаренная натура, но неустойчивая, съ молоду тратившаяся на мелочи. Быть можетъ, неудачная ранняя женитьба на пустой и вздорной женщинѣ (баронесса Леони) оказала также немалое вліяніе на то, что Рихардъ сторонился отъ настоящей дѣятельности, прожигая жизнь въ пустомъ диллетантизмѣ. Беата, полюбивъ его, захотѣла сдѣлать изъ него человѣка и дѣятеля въ болѣе полномъ смыслѣ слова. Связь ихъ, какъ указано, продолжалась недолго, и Беата отнюдь не мечтала стать его женой: это ей казалось «грубымъ эгоизмомъ». Она хотѣла быть его «вдохновительницей», «какъ та утренняя заря, которая будитъ моего героя къ новымъ подвигамъ». Такъ писала Беата Рихарду еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ и величала его «своимъ честолюбіемъ, своимъ освободителемъ и спасителемъ»; она мечтала «умереть такъ, чтобы этой цѣной купить ему удвоенную жизнь». А мужъ? Но вѣдь ради него оба разошлись, подавили порывы чувственности и Беата самымъ искреннимъ образомъ заботилась о его благополучіи. Когда подошла минута «подведенія итоговъ», при возникшемъ подозрѣніи о близости не только на почвѣ чистой дружбы между Беатой и Рихардомъ, причемъ графъ Михаилъ отвергаетъ, какъ пустую сплетню, какъ недостойную клевету—пущенный слухъ объ измѣнѣ его жены и его друга, Беата заручается форменнымъ признаніемъ Михаила, что за всѣ двадцать лѣтъ ихъ супружества онъ «былъ во всѣхъ отношеніяхъ ею доволенъ». Михаилъ отшучивается: «Ты это такъ спрашиваешь, какъ спросила бы прислуга, когда она хочетъ получить аттестатъ». «Именно такъ—отвѣчаетъ Беата.—Я хочу его имѣть, чтобы предъявить, когда это мнѣ понадобится». И дѣйствительно Беата предъявляетъ этотъ «аттестатъ» въ роковую минуту, и, конечно, онъ не можетъ отклонить надвинувшейся грозы.

Но оставимъ пока любовную интригу драмы, чтобы взглянуть на обрисованныя въ ней общественныя отношенія. Мы все время находимся въ кружкѣ представителей «крайней правой». Въ первой же сценѣ перваго дѣйствія дается какъ бы motto дальнѣйшаго развитія пьесы, въ разговорѣ между статсъ-секретаремъ барономъ Людвигомъ фонъ-Фелькерлингъ, сводпымъ братомъ Рихарда, и его секретаремъ Гольцманомъ, бывшимъ кандидатомъ богословія, по поводу перехода его предшественника, тоже теолога по образованію, Мейкснера, въ другую партію, къ соціалъ-демократамъ. «Безуміе, ты побѣдило!»—пародируетъ, вслѣдъ за Тальботомъ, слова Юліана Отступника и статсъ-секретарь, обращаясь къ Гольцману. Его ироническое замѣчаніе, однако, оправдалось на самомъ дѣлѣ и мы видимъ въ концѣ пьесы, что, дѣйствительно, и Гольцманъ послѣдовалъ примѣру Мейкснера. Переходъ обусловленъ былъ дорогою цѣною, такъ какъ Мейкснеръ, чтобы привлечь товарища и подорвать его довѣріе къ своему лидеру—въ данномъ случаѣ Рихарду, котораго усиленно проводятъ депутатомъ правой того самого округа, представителемъ котораго въ рейхстагѣ былъ Михаилъ (Беата съумѣла внушить мужу, что это представительство ему лишь въ

тягость и онъ долженъ выставить кандидатуру Рихарда, и всячески его поддержать)—рѣшается предать гласности тайну его связи съ Беатой, о чемъ онъ узналъ отъ какой-то дамы, доставившей ему и подлинныя доказательства— т.-е. два письма Беаты, написанныя 15 лѣтъ тому назадъ и не оставляющія никакихъ сомнѣній о характерѣ ея отношеній къ Рихарду.

Отъ политики авторъ снова возвращаетъ насъ къ семейной драмѣ, но попутно отношенія разныхъ представителей данной партіи очерчены съ достаточнымъ рельефомъ: передъ нами мелькаютъ и принцъ Усигенъ, съ ироніей пессимиста и «вырожденца» сыплющій сарказмами; и разбогатѣвшій помѣщикъ-кулакъ г. фонъ-Беркельвицъ, и вѣчный attaché при принцѣ баронъ фонъ-Брахтминъ, и т. д. Какую роль въ этой компаніи играетъ Рихардъ, котораго Беата съ такимъ рвеніемъ проводитъ въ лидеры партіи? Авторъ подвергаетъ его самымъ удивительнымъ испытаніямъ и ставитъ, въ концѣ концовъ, въ положеніе человѣка, который долженъ произнести рѣчь за то, во что онъ больше не вѣритъ, публично осудить то, что было лучшимъ въ его жизни, и выслушать свой смертный приговоръ отъ родного сына. Ситуація настолько запутанная, что нельзя не поставить въ укоръ автору слишкомъ замѣтную ея придуманность и маловѣроятное полное ослѣпленіе Рихарда до роковой развязки. Чтобы замять исторію съ разоблаченіемъ его прежней связи съ Беатой, Рихарду предлагаютъ, тотчасъ послѣ избранія, произнести въ рейхстагѣ рѣчь въ защиту святости и неприкосновенности брака. Уже заранѣе его выдалъ Мейкснеръ Гольцману: это-де человѣкъ, у котораго слово расходится съ дѣломъ. Гольцманъ настолько потрясенъ извѣстіемъ, что, дѣйствительно, покидаетъ Рихарда тотчасъ послѣ выборовъ и примыкаетъ къ партіи Мейкснера. Послѣдній, достигши желаемаго, т.-е. завербовавъ новаго союзника, возвращаетъ письмо Рихарду, но уже поздно: Беата, какъ мы знаемъ, во всемъ созналась мужу, чтобы удержать Рихарда отъ ложной клятвы и самоубійства. Теперь мужъ требуетъ, чтобы одинъ изъ двухъ покончилъ съ собой. Случайно входитъ въ комнату сынъ Рихарда, еще ничего не знавшій о происшедшемъ: онъ какъ-то раньше написалъ брошюру противъ дуэли, и, когда его дядя и его отецъ спрашиваютъ его теперь въ сонникахъ, имѣетъ ли право, при серьезномъ конфликтѣ, пострадавшій на жизнь виновнаго?—Норбертъ отвѣчаетъ, не задумываясь, что—«честный человѣкъ, хотя трудно согласовать эти двѣ вещи вмѣстѣ (т.-е. честность и связь съ чужой женой)... скорѣе самъ потребуетъ смерти, чѣмъ будетъ ждать, чтобы ему ее предложили». Рихардъ подчиняется непроизвольному приговору сына. Онъ проситъ только отсрочки на два дня, въ интересахъ партіи. Онъ произноситъ свою рѣчь въ рейхстагѣ, и рѣчь его выходитъ блестящей, благодаря напряженію всѣхъ жизненныхъ силъ наканунѣ смерти, а также потому, что онъ знаетъ, что отъ малѣйшаго его промаха зависитъ честь любимой имъ женщины и благополучіе сына (помолвка съ дочерью Беаты уже состоялась). Но этотъ тріумфъ—для него теперь пустая шумиха. Даже хуже того, и Беата съ полнымъ правомъ, послѣ привѣтствій, обращается къ нему съ ироническимъ замѣчаніемъ: «Ты сегодня передъ всѣми отъ

насъ отрекся... отъ насъ и нашего долгаго, тихаго счастья». Но развѣ она не знала, что, готовя эту рѣчь, онъ шелъ на это отреченіе? Зачѣмъ же она настаивала на его избраніи лидеромъ именно этой партіи, зачѣмъ хлопотала о его дѣятельности въ такомъ направленіи, которое становилось въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, во что она сама научилась вѣрить и въ чемъ для нея заключался смыслъ жизни? Такъ какъ сама Беата давно «прозрѣла», если называть прозрѣніемъ сознательное отступленіе отъ всѣхъ условностей принятыхъ формальныхъ понятій, чтобы жить согласно влеченіямъ сердца, указаніямъ разума и своей совѣсти.

Да, совѣсти, ибо Беата ничуть не упрекаетъ себя за прошлое и не стыдится его. Полюбивъ Рихарда такъ, какъ она не могла любить мужа, она не отвернулась отъ своего счастья, но и не захотѣла несчастья довѣрчиваго и беззавѣтно ей преданнаго Михаила. Онъ не противился и не могъ противиться ихъ духовной близости и уступалъ свои права въ этомъ Рихарду, сознавая все его духовное превосходство надъ собой. Когда онъ узнаетъ о какихъ-то обличительныхъ письмахъ, онъ сперва старается встать на сторону жены и Рихарда, объясняя дѣло такъ, что только людямъ, не посвященнымъ въ ихъ отношенія, эти письма могли показаться слишкомъ фамильярными. Онъ готовъ даже допустить, что они и объ немъ отзывались неодобрительно: «Меня вѣдь за многое порицать можно, даже тѣмъ, которые ко мнѣ хорошо относятся». Онъ проситъ не принимать его разспросы за укоризну: «Богъ видитъ, что это не упрекъ!.. Но сами посудите, умственно вы очень близки другъ къ другу— я это говорю не изъ зависти... вѣдь я не изъ геніевъ... я человѣкъ простой» и т. д. Беата и пожертвовала своимъ счастьемъ для его благополучія и если было «паденіе», то было и долгое, мучительное искупленіе: «Благодаря моей лжи, я тебѣ дала пятнадцать лѣтъ счастья, дорогой Михаилъ». Такъ оправдывается она передъ мужемъ. Конечно, ея честной, искренней натурѣ претила та ложь, на которую она обрекла себя отчасти для мужа, но также и ради возлюбленнаго: «Я слишкомъ любила его и жизнь его, чтобы испортить его судьбу скандаломъ», говоритъ Беата. Она все взяла на себя и, наконецъ, ради Рихарда, для удовлетворенія своего мужа, для обезпеченія будущности своихъ дѣтей, она жертвуетъ жизнью, которую такъ горячо, такъ страстно любила. Здоровье ея давно расшатано: Беата страдаетъ болѣзнью сердца и должна прибѣгать по временамъ къ возбудительнымъ средствамъ, чтобы поддержать свои силы. Это лекарство и обращается ею въ орудіе смерти, когда она поняла, что ея смерть разрѣшаетъ всѣ недоразумѣнія: Рихарду не нужно будетъ ни стрѣляться, ни «исчезать» безслѣдно, какъ этого требовалъ Михаилъ; послѣдній сочтетъ свою честь удовлетворенной; дѣти ничего не будутъ знать о случившемся. Послѣднее испытаніе, предстоящее имъ всѣмъ передъ развязкой, это оффиціальный завтракъ по поводу первой рѣчи Рихарда въ рейхстагѣ. Беата, Михаилъ и Рихардъ должны показать своимъ политическимъ единомышленникамъ, что между ними все осталось по прежнему и такимъ образомъ положить конецъ сплетнямъ. Беата за этимъ завтракомъ и принимаетъ усиленную дозу

прописаннаго ей возбудительнаго средства и умираетъ, провозгласивъ тостъ—«за жизнь»: «Кто же собственно здравствуетъ? Кто живетъ? Кто осмѣливается жить?—говоритъ Беата.—Гдѣ-то что-то расцвѣтаетъ, что-то намъ свѣтитъ, а мы въ это время прячемся и дрожимъ, какъ преступники. Вотъ все, что жизнь намъ даетъ». И тѣмъ не менѣе, Беата умираетъ, благословляя жизнь, своею смертью обезпечивая жизнь любимаго ею человѣка, но не ту «удвоенную жизнь», которую она мечтала когда-то пріобрѣсти для него цѣною своей смерти: Рихардъ, конечно, остается жить, послѣ ея кончины, но припоминая слова одного брамина: «Я долженъ жить, потому что я... умеръ...»

Страннымъ диссонансомъ звучатъ эти заключительныя слова пьесы по сравненію съ ея заглавіемъ. Странно, вообще, сопоставленіе жизнерадостнаго эллинизма, поборникомъ и проповѣдникомъ котораго была Беата, старавшаяся воспитать въ этомъ смыслѣ своего племянника, Норберта (онъ самъ ей напоминаетъ, что она «забросила въ немъ искру къ свободному эллинизму путемъ самовоспитанія») съ пессимистическимъ выводомъ буддійскаго міросозерцанія. Беата какъ бы оправдала на себѣ замѣчаніе, какъ-то высказанное ею Норберту: «Только та освободительная мысль стоитъ чего-нибудь, изъ-за которой приходится нести крестъ». И она несла свой крестъ пятнадцать лѣтъ и, наконецъ, запечатлѣла смертью дознанную путемъ личныхъ страданій «освободительную идею». Ей тягостна была ложь, на которую она себя обрекла, но развѣ не худшую, не бо̀льшую ложь она видѣла вокругъ себя, въ лицемѣріи «партіи», которая отстаивала принципы, нарушая ихъ въ жизни, иронизируя, какъ принцъ Усигенъ, надъ самимъ собой, прикрывая, какъ фонъ Берхельвицъ-Грюнгофъ, громкими фразами о преданности традиціямъ своекорыстные разсчеты и т. п. Для Беаты, дѣйствительно, «гдѣ-то, что-то расцвѣтало, что-то свѣтило вдали», но далекое мерцаніе не озарило ее полнымъ свѣтомъ, хотя она и «осмѣлилась жить», вѣрнѣе—попробовать жить сама по себѣ, своимъ умомъ, своими чувствами. И она возвысилась надъ всѣми окружающими, при всей своей слабости, какъ больная женщина, возвысилась даже надъ Рихардомъ, поведеніе котораго остается загадочнымъ и послѣ всѣхъ перипетій драмы. Будетъ ли онъ продолжать свою дѣятельность «представителя партіи» въ рейхстагѣ? Вернется ли онъ къ своей прежней роли «просвѣщеннаго диллентантизма», замкнется ли въ себя, доживая свой вѣкъ гдѣ-нибудь въ родномъ помѣстьи—онъ все равно для насъ «умеръ», какъ и для себя самого, и даже любовь не могла просвѣтить ему кругозоръ, открыть передъ нимъ поприще разумной дѣятельности; онъ весь какой-то пассивный и, въ концѣ концовъ, интересуетъ только по тому чувству, которое внушилъ къ себѣ Беатѣ.

Разыграна была пьеса безъ большого одушевленія и даже безъ надлежащаго ансамбля. М. Г. Савина (Беата) выказала обычное мастерство въ отдѣльныхъ сценахъ, во многихъ тонко обдуманныхъ деталяхъ исполненія роли, въ умѣлой мимикѣ въ нѣмыхъ сценахъ, но, подчеркивая физическое недомоганіе Беаты, она не проявила достаточной нервности этой чуткой, болѣзненной, но живой и напряженно живущей, при всѣхъ своихъ недугахъ, восторженной на-

туры. Быстрые переходы отъ состоянія полнаго изнеможенія къ жизнерадостной дѣятельности порою удавались нашей даровитой артисткѣ, но она недостаточно, если такъ можно выразиться, «сіяла» тою вѣрою въ жизнь, которая не покидала Беаты и въ самыя тяжелыя минуты. Удачнѣе другихъ проведено было четвертое дѣйствіе (въ кабинетѣ Рихарда), но сцена съ дочерью въ пятомъ дѣйствіи вышла очень блѣдною: суровый тонъ, принятый тутъ Беатою, не соотвѣтствуетъ ситуаціи. Весьма недурнымъ Рихардомъ былъ г. Аполлонскій, а г. Шуваловъ вложилъ много мягкости и добродушія въ передачѣ роли графа Михаила. Но отрицательныя свойства типа были затушеваны. Остальные исполнители играли, какъ говорится, «прилично», но безъ увлеченія; разговоры тянулись; все шло въ слишкомъ медленномъ темпѣ и слишкомъ чувствовалось, что передъ нами русскіе, нагримировавшіеся нѣмцами (г. Медвѣдевъ даже устроилъ себѣ гриммъ à la Бисмаркъ!), но не овладѣвшіе изображаемыми характерами и не приноровившіеся къ ситуаціи. Очень красивъ былъ парикъ у М. Г. Савиной, съ прядью сѣдыхъ волосъ.

Отъ эллинизма возрождаемаго или возрожденнаго въ драмѣ Зудермана естественный переходъ къ эллинизму античному, «подлинному», поводомъ къ чему намъ кстати можетъ послужить постановка «Ипполита» Эврипида на той же сценѣ Александринскаго театра. Наши читатели найдутъ выше обстоятельный очеркъ И. Ѳ. Анненскаго объ античной трагедіи: онъ можетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ послужить комментаріемъ и къ спектаклю, и мы не будемъ входить въ разборъ самой драмы. Каковы бы ни были пока преимущества и недостатки настоящаго спектакля, о чемъ рѣчь ниже, нельзя не привѣтствовать сдѣланной попытки возобновленія у насъ античной трагедіи и въ этомъ отношеніи инициатива дирекціи театровъ заслуживаетъ полнаго сочувствія. Представленіе имѣло успѣхъ у зрителей, несмотря на послѣдующіе пристрастные отзывы нѣкоторыхъ газетъ, старавшихся всячески расхолодить интересъ широкаго круга читателей къ произведенію одного изъ величайшихъ художниковъ слова, «вѣчно-правдиваго» въ изображеніи человѣческихъ страстей и характеровъ.

Несомнѣнно сочувствія заслуживаетъ и въ высшей степени старательное отношеніе артистовъ къ порученнымъ имъ ролямъ, столь необычнымъ для исполнителей современнаго репертуара. Серьезное вниманіе, съ которымъ наши артисты разучили роли, продуманность деталей, посильная забота выдвинуть наиболѣе рельефныя положенія, отчетливость дикціи при чтеніи стиховъ, одушевленіе въ моменты наибольшаго паѳоса,—все это даетъ намъ полное право надѣяться и ожидать, что при учащеніи такихъ попытокъ они съ каждымъ разомъ будутъ удачнѣе и наши артисты сравняются въ умѣніи передавать пьесы классическаго репертуара «различныхъ странъ и народовъ», съ исполнителями этого репертуара на лучшихъ сценахъ европейскихъ театровъ», ибо то, что вошло въ область міровой литературы, должно стать общимъ достояніемъ. Только самодовольное и близорукое невѣжество отворачивается отъ созерцанія вѣчно-прекраснаго, которое требуетъ, правда, нѣкотораго напряженія отъ насъ, чтобы выйти изъ рамокъ будничныхъ интересовъ, ежедневныхъ привычекъ и

разстаться съ обманчиво-успокоительной рутиной, но это напряженіе съ избыткомъ вознаграждается глубиной получаемаго вслѣдъ затѣмъ художественнаго и морально-философскаго наслажденія.

На первомъ представленіи спектаклю предшествовало чтеніе Д. С. Мережковскаго «О новомъ значеніи древней трагедіи». Въ отстаиваніи этого значенія талантливый переводчикъ трагедіи Эврипида избралъ очень узкую и едва ли убѣдительную точку зрѣнія, съ которой онъ тщательно указывалъ элементы христіанства въ древнемъ язычествѣ. Интересъ трагедіи не въ этихъ сближеніяхъ, и странно звучитъ оцѣнка эллинизма въ его «самоуничтоженіи» передъ зарей новаго ученія, представленнаго опять-таки въ очень одностороннемъ освѣщеніи аскетической морали. Культъ дѣвственности не есть только культъ цѣломудрія, и если послѣднее свойство можетъ представиться желательнымъ, какъ залогъ и условіе перевѣса духовныхъ интересовъ надъ чисто плотскими, дѣвственность—лишь преходящій моментъ въ жизни. Мы должны считаться съ естественнымъ ходомъ жизни, а не возводить случайное явленіе въ предметъ особаго поклоненія. Какъ ни красивъ и поэтиченъ этотъ моментъ, его устойчивость не есть и не должна быть, какими бы цитатами изъ новѣйшихъ писателей докладчикъ ни старался подкрѣпить свой взглядъ,—общежелаемымъ «категорическимъ императивомъ». Повторяемъ, нельзя отожествлять цѣломудріе съ дѣвственностью, и если докладчикъ, между прочимъ, вспоминалъ слова Ницше, назвавшаго Эврипида «величайшимъ декадентомъ» древняго міра, то, пожалуй, дѣйствительно, въ возвеличеніи дѣвственности съ одной стороны, какъ и въ обособленномъ изображеніи необузданной страстности, съ другой стороны, представляется и у Эврипида симптомомъ приближавшагося и въ древней цивилизаціи «декадентства», характеризующагося отсутствіемъ цѣльности и гармонической соразмѣрности различныхъ сторонъ человѣческой природы. Въ началѣ V-го вѣка до Р. Х., когда Эврипидъ поставилъ свою трагедію, греки, искушенные въ мудрствованіяхъ софистовъ и имѣя богатый запасъ миѳовъ, которые уже Платонъ клеймилъ безнравственными, еще не внявъ философу разумнаго наслажденія жизнью (Эпикуръ жилъ въ IV-мъ вѣкѣ), конечно, давно утратили даже то элементарное цѣломудріе, которое считается присущимъ первобытнымъ народностямъ. Чѣмъ старше человѣческое общество, чѣмъ сложнѣе пройденный опытъ «науки нѣжной», тѣмъ заманчивѣе передъ испытаннымъ страстями человѣкомъ рисуется идеалъ первобытной невинности и чистоты, и даже просто физіологической дѣвственности. Такъ было съ рыцарскимъ обществомъ и въ средніе вѣка. Когда ихъ называютъ огульно «эпохой аскетизма», что совершенно невѣрно, то прежде всего забываютъ, что въ рыцарскихъ поэмахъ перваго періода мы имѣемъ самое откровенное прославленіе страсти въ ея наиболѣе реалистичныхъ и даже грубыхъ проявленіяхъ. Реакція наступаетъ позже и на смѣну «героевъ любви» выступаютъ новые герои въ мистико-религіозной окраскѣ, съ идеалами чистоты и дѣвственности. И на Западѣ воплощеніемъ этого новаго идеала, создавшагося параллельно представленіямъ о разрушительной силѣ страсти, является не Парциваль, знаменитый искатель таин-

ственной чаши (Граля), нынѣ оживленный въ оперѣ Вагнера, ибо Парциваль отнюдь не былъ дѣвственникомъ, и вся драма его жизни заключается въ постоянныхъ «паденіяхъ» и «искупленіяхъ», а блѣдный осколокъ какого-то древняго кельтійскаго преданія (если не вполнѣ вымышленное лицо), дѣйствительно цѣломудренный дѣвственникъ, Галаадъ, который противопоставляется всѣмъ прежнимъ героямъ и героинямъ, подчинявшимся въ той или другой мѣрѣ всесильному Амору.

Ипполитъ соотвѣтствуетъ Галааду. Онъ «чужой» въ греческомъ обществѣ V-го вѣка, какъ незаконный сынъ «амазонки дикой», какъ варваръ, которому непонятны соблазны культурной жизни. Его образъ обаятеленъ и особенно трогательна его кончина, но г. Мережковскій слишкомъ поспѣшилъ усмотрѣть въ немъ предтечу христіанства: только въ сценѣ прощанія съ отцомъ передъ смертью звучатъ ноты новой морали о всепрощеніи. Раньше того Ипполитъ обладаетъ совсѣмъ не христіанскимъ чувствомъ гордости, которая его и сгубила; его рѣчи дышатъ ненавистью и презрѣніемъ къ тѣмъ, кого христіане по меньшей мѣрѣ зовутъ своими сестрами; онъ не только не «благотворитъ» своему врагу—Федрѣ, а разражается противъ нея проклятіями. Все это совершенно правдиво и вѣрно, съ точки зрѣнія обрисовки характера, но къ чему же тогда навязывать не подходящія къ данному типу понятія — «милосердія, состраданія, всепрощенія» и т. д.

Намъ представляется болѣе соотвѣтствующимъ истинѣ объясненіе г. Анненскаго, что какъ Ипполитъ, такъ и Федра—въ равной мѣрѣ, хотя въ противоположныхъ направленіяхъ, погрѣшили исключительностью своихъ чувствъ и, соотвѣтственно, въ равной мѣрѣ осудили себя: «Казнь Ипполита въ сущности есть возмездіе за ту клевету, которою онъ преждевременно оскорбилъ Федру и съ ней цѣлую половину человѣческаго рода». Въ оцѣнкѣ самой Федры мы расходимся съ уважаемымъ авторомъ, такъ какъ отнюдь не можемъ признать ее натурой «разсудочной», какъ дважды обозначилъ ее г. Анненскій. «Разсуждающей»—да; гордой и если весьма нецѣломудренной, то все же стыдящейся проявленій своей чувственности, но никакъ не «разсудочной». Федра не сентиментальна и чужда всякаго романтизма. Она отлично сознаетъ характеръ своей преступной страсти, но не можетъ совладать со своимъ темпераментомъ. Это знойная южанка, умная и дающая себѣ полный отчетъ въ стихійныхъ порывахъ волнующаго ее чувства, но разсудочность ей такъ же чужда, какъ и разсудительность. Впрочемъ, въ оцѣнкѣ характера Федры мы остаемся при своемъ прежнемъ предпочтеніи психологической обосновкѣ, данной этому образу Расиномъ («Женскіе типы Расина»), и не имѣемъ въ виду здѣсь заново пересматривать вопросъ.

Распрю богинь мы можемъ оставить въ сторонѣ: дѣйствующія лица трагедіи Эврипида интересуютъ насъ, поскольку они «человѣчно» очерчены и поскольку развитію страсти дано естественное, типичное развитіе. И для Эврипида миѳъ утратилъ свой священный характеръ. Заставивъ боговъ и богинь «покинуть Олимпъ», онъ значителенъ именно тѣмъ, что выставилъ на первомъ

планѣ людей и приблизилъ античную трагедію къ нашему пониманію человѣческой драмы. Въ виду этого, едва ли не напрасно настаивать на значеніи трагедіи, какъ «священнодѣйствія»: если драма отдаленными привязями примыкаетъ къ религіозному культу и, какъ свидѣтельствуетъ Аристотель, родилась изъ обрядового священнодѣйствія, то театръ сталъ театромъ, лишь обособившись отъ религіи. Такъ было въ древности; то же повторилось и въ средніе вѣка, такъ какъ, если первоначальныя литургическія драмы и мистеріи «совершались иногда въ церквахъ», то вѣдь это лишь *зачатки* театра. Растеніе образуется изъ зерна, но умѣстно ли искать его въ шелухѣ, изъ которой оно вышло и стало настоящимъ растеніемъ, лишь поднявшись надъ почвой и распускаясь на воздухѣ и на солнцѣ? Подобное и съ исторіей театра: греческая трагедія способна насъ непосредственно заинтересовать не тогда, когда мы вспоминаемъ ея смутные зачатки, а именно тогда, когда, гордо возвышаясь надъ почвой, она представляется именно какъ ранній, но пышный цвѣтокъ, сверкающій красками, нѣсколько однотонными, еще не пестрѣющими всѣми переливами позднѣйшихъ лѣтнихъ цвѣтовъ.

Съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ сочувствовать весьма замѣтному стремленію, при постановкѣ «Ипполита», придать пьесѣ отпечатокъ наибольшаго архаизма. Ошибочнымъ намъ кажется намѣренное отдаленіе въ глубь вѣковъ трагедіи, которая представлена намъ не въ чертахъ эпохи Эврипида, а согласно изображенной въ пьесѣ миѳической эпохѣ. И костюмы Афродиты и Артемиды, и въ особенности ихъ статуи, и хоръ трезенскихъ женъ, и само облаченіе Федры и ея свиты, и вся обстановка псевдо-археологическаго характера (говоримъ—«псевдо», ибо тутъ же параллельно рядъ новшествъ, придуманныхъ съ цѣлью обставить пышнѣе зрѣлище: таковы, напр., шелковые парики «гречанокъ» и искусственное дѣленіе хора на два этажа, съ непонятными уходомъ и приходомъ хористокъ въ нижнемъ этажѣ, тогда какъ хоръ долженъ все время оставаться на сценѣ) представляется намъ фальшью по отношенію къ Эврипиду. Писателя нужно брать въ чертахъ его эпохи, и если имъ выбранъ историческій сюжетъ, то соблюдать историческую перспективу лишь въ той мѣрѣ, въ какой она была ясна самому автору. Только тогда мы получимъ правильное о немъ представленіе. Кое въ чемъ перемудрили при постановкѣ «Ипполита» и, вмѣсто того, чтобы приблизить къ намъ Эврипида, отдалили его подъ непріятнымъ флеромъ какой-то не то ultra-археологической добросовѣстности, не то слишкомъ уже современнаго «декадентскаго» стиля, съ желаніемъ насъ увѣрить, что одинъ изъ величайшихъ поэтовъ древности былъ дѣйствительнымъ декадентомъ. Мы этому не повѣрили, несмотря на «авторитетъ» Ницше, и если готовы признать у Эврипида, по сравненію съ Софокломъ, бо̀льшую «расчлененность» человѣческихъ чувствъ, нарушеніе гармонической цѣлостности изображеній хотя бы того же Софокла, то вѣдь эта цѣлостность во многомъ лишь идеальная. Эврипидъ, конечно, не настоящій «декадентъ», а поэтъ, приблизившійся къ пониманію правды жизни, которая въ весьма рѣдкихъ случаяхъ представляетъ искомую цѣлостность и гармонію различныхъ свойствъ человѣческой природы.

Мы не будемъ останавливаться на оцѣнкѣ игры отдѣльныхъ исполнителей трагедіи: ихъ общее добросовѣстное отношеніе къ порученнымъ ролямъ было выше отмѣчено. Конечно, передъ нами не были дѣйствительные греки и гречанки, но и вся постановка, несмотря на стремленіе къ архаизму, отзывалась, по вѣрному замѣчанію одного изъ присутствующихъ,—«скорѣе классицизмомъ Брюлова, въ лучшихъ случаяхъ Давида, чѣмъ дѣйствительно античностью». Со временемъ могутъ быть достигнуты лучшіе результаты. Починъ всячески заслуживаетъ сочувствія, но если г. Мережковскій выразился по поводу возобновленія у насъ античной трагедіи, что — «вѣчное всегда новѣе, чѣмъ сегодняшнее», то врядъ ли нужно было къ этому «вѣчному» прибавлять сегодняшнее, или вѣрнѣе «вчерашнее», въ видѣ декадентской окраски. Придуманныя ухищренія нарушаютъ величавую простоту настоящаго шедевра, и безъ нихъ впечатлѣніе трагедіи Эврипида и въ настоящее время, думается намъ, было бы полнѣе и сильнѣе: простота есть одно изъ существенныхъ свойствъ всякаго истиннаго величія.

Ѳ. Бат—овъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Наканунѣ юбилея печати. Періодическая печать въ Россіи переживаетъ въ настоящее время канунъ своего столѣтняго юбилея. Канунъ проходитъ при полномъ безмолвіи «заинтересованной стороны», и не слыхать, чтобы гдѣ-нибудь и кто-нибудь готовился чествовать почтеннаго юбиляра. Правда, судя по газетнымъ сообщеніямъ, по этому поводу уже и сейчасъ можно повторить слова поэта: «въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи», но не трудно замѣтить, что этотъ «шумъ» гораздо больше напоминаетъ, если не форменный скандалъ, то, во всякомъ случаѣ, напрашивающееся на протоколъ «нарушеніе общественной тишины и спокойствія», чѣмъ приготовленіе къ торжеству, а наиболѣе громогласные «витіи», старающіеся устроить въ честь свою празднество, меньше всего причастны къ періодической прессѣ. Что же касается настоящихъ, дѣйствительныхъ работниковъ этой послѣдней, то для того, чтобы выразить свое опредѣленное отношеніе къ предстоящему «торжеству», у нихъ нѣтъ соотвѣтствующаго органа, нѣтъ организаціи. И къ тому же сплошныя будни, искони составляющія какъ бы необходимое условіе ихъ труда, невольно отгоняютъ самую мысль о какомъ бы то ни было торжествѣ. Чтобы судить объ этихъ будняхъ, мы воспользуемся нѣсколькими случайными фактами, которые имѣли мѣсто въ разнообразныхъ углахъ Россіи въ нынѣшніе предшествующіе юбилею дни.

Изъ области разнообразныхъ административныхъ воздѣйствій на газету приводимъ, со словъ «Енисея», слѣдующее сообщеніе изъ Иркутска.

«Распоряженіемъ губернатора редакторъ «Восточнаго Обозрѣнія» оштрафованъ на 100 руб. на основаніи п. 1 обязательнаго постановленія, отъ 19-го іюля 1902 г. Пунктъ этотъ запрещаетъ распространеніе вымышленныхъ или основанныхъ на слухахъ извѣстій, могущихъ возбудить тревогу въ населеніи.

«Такимъ извѣстіемъ признана перепечатка изъ «Саратовскаго Дневника» части письма Агренева-Славянскаго, въ которомъ говорится о холерѣ въ Харбинѣ».

Иногда, если газета уличена въ распространеніи вымышленныхъ извѣстій, ее не караютъ, но заставляютъ напечатать «опроверженіе». Образецъ такого «опроверженія» возьмемъ изъ «Астраханскаго Листка», который въ дѣйствіяхъ палкой, сопровождающихся разбитіемъ головы, позволилъ себѣ усмотрѣть «драку»

«Управляющій акцизными сборами Астраханской губ., — читаемъ мы въ «Астраханскомъ Листкѣ»,—на основаніи 138 ст. уст. о цензурѣ и печати изданія 1890 г., объявляетъ, что въ пивной лавкѣ Джафарова была собственно не драка, а нарушеніе общественной тишины и порядка подгулявшимъ посѣтителемъ, зашедшимъ въ пивную и требовавшимъ пива. Владѣлецъ пивной лавки Джафаровъ, зная, что онъ не имѣетъ права отпускать пиво нетрезвымъ посѣтителямъ, отказалъ въ просьбѣ и попросилъ посѣтителя уйти, но такъ какъ тотъ добровольно на это не согласился, то Джафаровъ, поневолѣ, вывелъ его изъ лавки насильно, за что озвѣрѣвшій посѣтитель, вернувшись въ лавку, ударилъ Джафарова палкой и разбилъ ему голову».

Иногда привлекаютъ редактора, за нарушеніе правилъ цензурнаго устава, въ судъ, какъ это случилось съ редакторомъ «Юга», г. Гошкевичемъ, представшимъ недавно передъ херсонскимъ окружнымъ судомъ.

Свидѣтелемъ на судѣ былъ цензоръ, старшій совѣтникъ губернскаго правленія В. Н. Чирьевъ, на вопросы обвиняемаго и защиты давшій слѣдующія объясненія. Иногда газ. «Югъ» выходила безъ предварительной цензуры по взаимному соглашенію между цензоромъ, уѣзжавшимъ въ субботу вечеромъ къ семьѣ на дачу на Голой Пристани, и редакторомъ. Кромѣ того, свидѣтель не можетъ категорически утверждать, что № отъ 19-го сентября ему не былъ присланъ для просмотра,—возможно, что цензура была прислана, но уже въ слишкомъ поздній часъ, когда онъ уже спалъ. Въ своемъ объясненіи г. Гошкевичъ указалъ, что въ виду отказа въ вызовѣ свидѣтелей онъ лишенъ возможности доказать суду, что имъ былъ посланъ № отъ 19-го сентября къ цензору и почему онъ не былъ принятъ; далѣе, что инкриминируемая телеграмма отъ 1-го октября была получена ночью, причемъ лицо, принявшее телеграмму и сдавшее ее въ наборъ, не предупредило метранпажа о томъ, что эта телеграмма отъ спеціальнаго корреспондента, послѣдствіемъ чего и явилась сверстка ея зауряд съ другими агентскими телеграммами, не подлежащими просмотру цензора. Что касается статьи Н. В. Левитскаго—«Херсонскіе невольники», цензоръ почему-то не вернулъ посланныхъ ему гранокъ и объ удержаніи ихъ никого не предупредилъ, какъ это практикуется имъ обычно, въ виду чего метранпажъ, принявъ возвращенныя ему послѣ просмотра цензоромъ гранки, не видя никакихъ помарокъ и не подозрѣвая удержанія нѣсколькихъ изъ числа гранокъ, заверсталъ въ № отъ 23-го декабря все набранное въ тотъ день, въ томъ числѣ и статью Левитскаго. Судъ, признавъ Гошкевича виновнымъ въ нарушеніяхъ цензурнаго устава, приговорилъ его къ 15 руб. штрафу, съ замѣной, въ случаѣ несостоятельности, домашнимъ арестомъ срокомъ на три дня.

Иногда война противъ газеты принимаетъ совершенно неожиданныя формы. Такъ, по словамъ «Харьковскаго Листка», житомірская дума выражаетъ свою вражду къ мѣстной газетѣ «Волынь» тѣмъ, что ни за что не желаетъ осуществлять тѣхъ проектовъ, которыя появляются въ газетѣ.

«Волынь», напр., предвосхитила мысль думы отпраздновать въ торжествен-

номъ засѣданіи юбилей Гоголя. И что же? Гласные, нисколько не стѣсняясь, громогласно заявляютъ:

— Мы бы праздновали юбилей, но мысль подала «Волынь» и не будемъ праздновать.

«Волынь» пишетъ о городскомъ домѣ, напоминаетъ думѣ, что пора бы приняться за возведеніе его, какъ дѣла чрезвычайно прибыльнаго.

Думцы опять-таки говорятъ: домъ, дѣйствительно, дѣло хорошее, но о немъ заговорила «Волынь» и мы его строить не будемъ.

«Волынь» напоминаетъ думѣ о необходимости прибавить положенное число электрическихъ фонарей. А думцы снова ни за что: этого хочетъ газета, а потому не хотимъ мы.

Малѣйшее указаніе газеты на ту или иную мѣру, клонящуюся къ благоустройству города, думцы принимаютъ за кровную обиду для себя, за личное, ничѣмъ несмываемое оскорбленіе.

Иногда газетѣ посвящаются спеціальныя бесѣды и даже лекціи. Такъ, по словамъ «Амурскаго Края», въ Благовѣщенскѣ, на педагогическихъ курсахъ въ Никольской школѣ была прочтена слушателямъ краткая, но сильная лекція по уголовному праву и именно о преступленіи, которое на обывательскомъ языкѣ называется «корреспондировать» или «соръ изъ избы выносить». Уважаемый лекторъ, охарактеризовавъ всю гнусность этого вида преступности, сказалъ, между прочимъ, что за это полагается три мѣсяца тюремнаго заключенія (?!). Но въ виду проектирующагося въ печати въ данное время «закона объ уголовномъ обсужденіи» преступникъ можетъ быть и помилованъ.

Иногда и даже нерѣдко, надъ [представителями печати учиняетъ грубую расправу обиженный разоблаченіями обыватель. Такой расправѣ подвергся 16-го сентября сотрудникъ «Южнаго Курьера» Л. Панти-Капейскій (И. Гарнесъ) со стороны поручика Евпаторійскаго резервнаго батальона Луса.

Въ редакціонный портфель газеты поступило нѣсколько заявленій съ просьбой обратить вниманіе на то, что въ одномъ изъ домовъ, прилегающихъ къ Митридатской лѣстницѣ, поселились два господина, циничное поведеніе которыхъ лишаетъ женщинъ возможности проходить мимо этого дома. Фактъ оскорбленія женщинъ, передаваемый лицами, заслуживающими полнаго довѣрія, редакція сочла невозможнымъ замалчивать. 14-го сентября въ помѣщеніе редакціи явились г. Лусъ и его товарищъ и выразили желаніе переговорить съ завѣдующимъ редакціей г. Канунниковымъ «безъ свидѣтелей». Изъ переговоровъ выяснилось, что г. Лусъ и его товарищъ — тѣ именно господа, на которыхъ жаловались дамы, что они считаютъ себя оскорбленными фельетономъ и просятъ назвать автора его. Послѣ отвѣта редактора, что псевдонимъ автора онъ откроетъ только судебной власти, г. Лусъ и его товарищъ удалились. Къ вечеру того же дня редакціи стало извѣстно, что оскорбленные молодые люди заявили въ обществѣ, что они будутъ бить завѣдующаго редакціей и фельетониста. На слѣдующій день по городу стали усиленно циркулировать слухи о предстоящемъ «избіеніи» редакціи; вечеромъ того же дня на бульварѣ наблю-

дали, какъ г. Лусъ и его товарищъ опрашивали гуляющую публику, гдѣ Панти-Капейскій. Вечеромъ редакторъ былъ предупрежденъ, что за домомъ г. Коваленко устроена засада и тамъ ждутъ «редакцію». По неизвѣстнымъ причинамъ нападеніе не состоялось. На другой день, въ 5 час. вечера, когда Л. Панти-Капейскій гулялъ, изъ-за угла вышелъ поручикъ Лусъ и намѣревался нанести ему ударъ по лицу, въ отвѣтъ на что получилъ ударъ палкой по головѣ. Когда поручикъ Лусъ обнажилъ шашку и ударилъ ею г. Панти-Капейскаго по спинѣ, послѣдній вынулъ изъ кармана револьверъ и хотѣлъ выстрѣлить, но былъ моментально схваченъ за руку капитаномъ землечерпательнаго каравана г. Бэдэлемъ, неотлучно находившимся при г. Лусѣ въ теченіе въ двухъ послѣднихъ дней. Одинъ изъ очевидцевъ этого насилія, нѣкій г. Зильбергиссеръ, видя что нападеніе заранѣе подготовлено и обставлено нападающею стороной такъ, что противникъ долженъ быть побѣжденъ, взялъ изъ рукъ поручика Луса обнаженную шашку и не отдавалъ ее до тѣхъ поръ, пока собравшаяся толпа сдѣлала невозможнымъ продолженіе драки. Пользуясь замѣшательствомъ, поручикъ Лусъ скрылся. Полицеймейстеромъ обо всемъ происшествіемъ составленъ протоколъ.

Культурное пробужденіе деревни. Г. И. Ж—нъ, разсказывая въ «Новомъ Дѣлѣ» о культурныхъ дѣятеляхъ среди народа, сообщаетъ, между прочимъ, о своей встрѣчѣ въ Саратовской губерніи съ идейнымъ работникомъ, вышедшимъ изъ среды самого народа. Въ с. Ириновкѣ,—пишетъ г. И. Ж—нъ,—существуетъ солидная библіотека для крестьянъ и основана она простымъ неимущимъ крестьяниномъ Бѣлокуровымъ. Вотъ что авторъ узналъ изъ личнаго разговора съ этимъ необычнымъ народнымъ дѣятелемъ. Карабкаться кверху, изъ темноты къ свѣту было ему не легко. Въ ихъ селѣ школы раньше совсѣмъ не было. Бѣлокуровъ выучился отъ отца славянской азбукѣ и мало-по-малу сталъ читать «божественныя книги». Какъ натура цѣльная и сильная, онъ вскорѣ чрезвычайно увлекся священными книгами, сдѣлался строго религіознымъ человѣкомъ, не пропускалъ ни одной обѣдни и всенощной и все размышлялъ о «праведной» жизни. Другихъ книгъ, кромѣ церковныхъ, онъ никакихъ не читалъ, да и не считалъ этого нужнымъ. Но вскорѣ стала его завлекать и свѣтская литература, и любопытно, что вначалѣ сильное дѣйствіе произвели на него пустыя, ничтожныя книжонки. Далъ ему псаломщикъ французскій романъ «Шантажъ», и онъ не спалъ четверо сутокъ, днемъ въ полѣ жнетъ, а ночь, всю напролетъ запоемъ читаетъ. Потомъ попалась книга: «Завѣтное окно или квартирантъ съ послѣдствіями». Эту онъ читалъ вслухъ отцу и матери, всѣ плакали въ чувствительныхъ мѣстахъ, потому что вѣрили, что все написанное въ книгѣ настоящая правда. Вскорѣ у Бѣлокурова съ псаломщикомъ явилась мысль основать маленькую домашнюю библіотеку. Поговорили съ грамотными парнями. Тѣ тоже не прочь читать, но денегъ ни у кого нѣтъ, всѣ при отцахъ живутъ. Тогда они надумали снять въ долгъ одну или двѣ десятины земли, своими силами въ праздники запахать и засѣять ее, а осенью продать хлѣбъ и на барыши купить книгъ. Собралось молодежи 13

человѣкъ. Написали прошеніе управляющему сосѣдняго имѣнія. Бѣлокуровъ явился къ нему и объяснилъ свой планъ. Управляющій отнесся сочувственно и не только далъ двѣ десятины земли безъ задатка, но пожертвовалъ еще пять рублей деньгами. Однако, старики стали сильно ворчать, а Бѣлокурова ругать и «срамить». Священникъ тоже почему-то возсталъ противъ новаго дѣла. И осталось изъ тринадцати человѣкъ только четверо. А когда пришло время пахать и сѣять, то и остальные парни струсили. Пришлось злополучному Бѣлокурову одному и сѣмянъ добывать, и соху выпрашивать, и борону. Наступилъ праздникъ. Выѣхалъ Бѣлокуровъ, какъ зачумленный, одинъ въ поле. Туда же, крадучись, явился еще одинъ парень, и вдвоемъ кое-какъ они вспахали и засѣяли двѣ десятины подсолнечными сѣменами. Пришла уборка. Всѣхъ парней старики такъ запугали, что никто не шелъ къ Бѣлокурову на помощь. Опять онъ одинъ, принанявъ со стороны, кое-какъ собралъ подсолнечники. Но урожай вышелъ прекрасный: всѣ расходы окупились и осталось, сверхъ того, 48 рублей. Сталъ онъ думать, какихъ книгъ купить. Какъ набожный человѣкъ, досталъ онъ каталогъ епархіальнаго книжнаго склада. Но въ это время новый переломъ случился въ его жизни.

Совершенно случайно черезъ село проѣзжалъ одинъ врачъ изъ города. Разговорился онъ съ умнымъ крестьяниномъ, заинтересовался его библіотекой и раскрылъ предъ изумленнымъ крестьяниномъ широкіе горизонты человѣческой мысли, творчества, литературы и науки. Цѣлую ночь они проговорили. А потомъ врачъ направилъ Бѣлокурова къ своимъ знакомымъ интеллигентамъ въ окрестности. И тутъ на Бѣлокурова хлынулъ потокъ книгъ—и романовъ, и научныхъ, и всякихъ. По новой случайности заѣхалъ въ село инспекторъ народныхъ училищъ, посовѣтовалъ Бѣлокурову открыть оффиціальную библіотеку и далъ ему книжку петербургскаго комитета грамотности—руководство для открытія библіотекъ. Бѣлокуровъ написалъ письмо въ комитетъ, попросилъ совѣта. Ему отвѣтили и указали, къ кому обратиться въ Саратовѣ за разъясненіями. Составилъ онъ уставъ, направилъ его къ губернатору и въ то же время написалъ прошенія о пособіи: губернской земской управѣ, уѣздной управѣ и саратовскому санитарному обществу. Уѣздная управа уже отъ себя просила содѣйствія у московскаго комитета грамотности и оттуда прислали Бѣлокурову книгъ на 50 рублей. На второй годъ вновь сплотившееся товарищество уже снимало четыре десятины и выручило около 60 рублей. Этой осенью библіотека открылась, пока только съ комитетскими книгами. Но вскорѣ всѣ ходатайства были уважены: губернская управа дала 100 рублей, уѣздная—25 рублей, санитарное общество—50 рублей. Къ этому «товарищество» приложило своихъ 25 рублей и заказало въ губернскомъ книжномъ складѣ книгъ сразу на 200 рублей. Этой же зимой одинъ господинъ прислалъ изъ Саратова 15 рублей и всемірную исторію Шлоссера 12 томовъ. Потомъ на слѣдующую весну московское общество еще прислало книгъ на 100 рублей. Библіотека помѣщалась въ домѣ Бѣлокурова, онъ выдавалъ и записывалъ книги. Въ первый годъ библіотеку посѣтили больше ста человѣкъ, прочитано было около 2 тысячъ книгъ. Пользовались, кромѣ Ириновки, еще семь селеній.

Въ слѣдующемъ году читателей было болѣе 150 человѣкъ, читала вся округа, 12 селеній и 5 хуторовъ. Читали съ разгорающимся увлеченіемъ, со всѣмъ жаромъ цѣльной, нетронутой крестьянской души. У Бѣлокурова часто по всей ночи сидѣли гости и читали вслухъ книги, спорили, волновались, обсуждали. И во многихъ другихъ избахъ завелись общія чтенія вслухъ. Явились любимые писатели и книги. Нѣкоторые изъ нихъ читались на сельскомъ сходѣ. На слѣдующій годъ число читателей еще значительно возросло. Но тутъ пошли разныя непріятности. На Бѣлокурова начались наговоры и сплетни. И хотя Бѣлокуровъ оказался во всемъ чистымъ, какъ голубь, все-таки библіотеку у него взяли и передали въ завѣдываніе учительницѣ. И товарищество распалось. Да и населеніе къ библіотекѣ охладѣло: къ учительницѣ народъ идетъ неохотно, и большая библіотека, въ которой больше тысячи томовъ и въ которой есть всѣ лучшіе русскіе писатели и много иностранныхъ, стоитъ безъ употребленія. Но разъ проснувшаяся потребность въ хорошей книгѣ ни въ Ириновкѣ, ни въ окрестныхъ селахъ не глохнетъ. Крестьяне достаютъ со стороны много всякихъ книгъ, покупаютъ въ Саратовѣ, получаютъ и читаютъ газеты.

Новая секта. Много разъ писалось въ газетахъ о томъ, до какихъ столповъ лицемѣрнаго изувѣрства доходятъ кронштадтскія богомолки, не перестающія эксплуатировать въ свою пользу имя о. Іоанна Сергіева. Оказывается, слѣды такого изувѣрства, на этотъ разъ, кажется искренняго, отыскались и въ Костромской губерніи, въ с. Хорошево, Солигаличскаго уѣзда. Тамъ нашелся поклонникъ о. Іоанна, крестьянинъ Иванъ Пономаревъ, приписавшій пастырю божественное достоинство и составившій ему акаѳистъ. Вліяніе Пономарева на своихъ односельчанъ оказалось настолько сильнымъ, что для вразумленія сектантовъ св. синодъ нашелъ нужнымъ командировать въ с. Хорошево самого о. Іоанна. Какъ сообщаетъ «Костромской Листокъ», о. Іоаннъ, въ присутствіи Пономарева и его послѣдователей, произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ нелѣпость возвеличенія его, «смиреннаго іерея», въ божественный санъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ бесѣды о. Іоаннъ старался выяснить подробности лжеученія Пономарева. Результатомъ бесѣды было то, что Пономаревъ публично призналъ справедливость словъ о. Іоанна, покаялся и далъ обѣщаніе уничтожить въ своемъ домѣ все то, что̀ придавало ему видъ молельни. При первомъ же свиданіи съ Пономаревымъ и о. Іоаннъ, и его секретарь признали въ Иванѣ Пономаревѣ частаго посѣтителя Кронштадта, неоднократно бывшаго на пріемахъ о. Іоанна. Отъ роду Пономареву 33 года. Онъ имѣетъ мать-старушку, жену и двухъ сыновей. Пономаревъ по ремеслу маляръ, но занимается живописью. Въ послѣднее время работалъ по иконописному дѣлу въ псковскомъ или новгородскомъ соборѣ. Онъ ведетъ скромный образъ жизни; скопилъ деньжонки, чтобы устроить молитвенный домъ, а можетъ-быть и церковь, изъ любви къ о. Іоанну. Среди крестьянъ Пономаревъ пользуется большимъ уваженіемъ. Вся передняя половина дома Пономарева представляетъ видъ благоукрашенной часовни. Между иконами, въ изобиліи покрывающими стѣны дома, рядомъ съ

образомъ Спасителя помѣщенъ раскрашенный портретъ кронштадтскаго протоіерея. На вопросъ священника, почему передъ портретомъ о. Іоанна горитъ лампада, Пономаревъ отвѣтилъ: «Во многихъ домахъ Петербурга и Кронштадта передъ портретомъ о. Іоанна теплится лампада; въ нѣкоторыхъ домахъ, куда о. Іоанна приглашаютъ пѣть молебны, портретовъ своихъ онъ не трогаетъ, въ иныхъ же домахъ срываетъ ихъ». Въ домѣ Пономарева, по словамъ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей», происходятъ молитвенныя собранія, которыя начались давно. «Иванъ Артамоновъ больше десяти лѣтъ наслаждаетъ насъ духовными словами», говорила про него крестьянка Таисія Иванова изъ дер. Хорошево. По словамъ Пономарева, сначала эти собранія не были молитвенными: приходили къ матери его почти ежедневно, особенно въ зимнее время, по нѣскольку женщинъ и заводили за пряжею льна разные, часто далеко не святые разговоры, а иногда даже и пѣсни начинали пѣть. Отъ природы набожный, Пономаревъ рѣшилъ пустые разговоры посѣтительницъ замѣнить духовными чтеніями, а мірскія пѣсни—пѣснями духовными. «Собираются,—говоритъ онъ,—дѣвицы и молодые парни на бесѣды для пѣсенъ и плясокъ, ходятъ въ городахъ въ театры, клубы и маскарады: грѣхъ это или не грѣхъ? И это не запрещаютъ. А для чтенія акаѳиста Спасителю и Божіей Матери и для пѣнія духовныхъ стиховъ собираться ко мнѣ запрещаютъ. Ужели это грѣхъ?» «Собиралось, кромѣ семейныхъ, человѣкъ 20 изъ деревень: Хорошева, Хоренова, Жукова и Тюмерина, больше женщинъ. Дѣти, исключая семейства Пономарева, не были на собраніяхъ. На молитвенныхъ своихъ собраніяхъ Пономаревъ читаетъ своимъ слушателямъ Евангеліе, Житія святыхъ по Четьи-Минеѣ, св. Димитрія Ростовскаго, Слѣдованную псалтирь и другія книги духовнаго содержанія, причемъ трудныя мѣста поясняетъ, какъ умѣетъ. Послѣ чтенія обыкновенно поются разныя церковныя пѣснопѣнія, напр.: «Царю небесный», «Милосердія двери», «Высшую небесъ» и др. Молитвы поютъ хоромъ по обыкновеннымъ церковнымъ напѣвамъ. Акаѳисты Пономаревъ читаетъ стоя, причемъ стоятъ и всѣ слушатели, а во время припѣва: «Іисусе, Сыне Божій, помилуй мя» становятся на колѣна. Прочія молитвы поютъ сидя, во время работы. Что же касается «акаѳиста Іоанну Ильичу Сергіеву», то онъ никогда на собраніяхъ Пономаревымъ не былъ читанъ, и даже семейство его не знало о существованіи такого акаѳиста. Собраніе заканчивалось обыкновенно пѣніемъ стиховъ изъ брошюры «Сборникъ стиховъ, въ разное время посвященныхъ настоятелю кронштадтскаго Андреевскаго собора митрофорному протоіерею Іоанну Ильичу Сергіеву» В. Максимова, Спб., 1901 г. Въ этихъ стихахъ есть много преувеличенныхъ похвалъ о. Іоанну; напр., онъ называется «божественнымъ» и другими именами, что̀ невѣжественнаго мужика и ввело въ заблужденіе относительно его личности и заставило его возвести о. Іоанна въ божеское достоинство. Во время молитвенныхъ собраній своихъ Пономаревъ никакихъ священныхъ облаченій на себя не надѣваетъ, но всѣ чтенія, толкованія и пѣснопѣнія свои совершаетъ въ обыкновенной одеждѣ. Самъ Пономаревъ утверждаетъ: «Я никого не звалъ къ себѣ и никому не говорилъ, что не ходите въ церковь... Почему ко мнѣ лѣзутъ, я и самъ не знаю, даже ка-

литку или дверь запираю, чтобы не ходили ко мнѣ, и говорю всѣмъ: священникъ не велитъ, да я и самъ не желаю этого». Что касается догматическаго и нравственнаго ученія Пономарева, то изъ довольно подробной статьи *К. Е. В.*, посвященной изложенію пономаревскаго ученія, видно, что оно представляетъ изъ себя странную, наивную и невѣжественную смѣсь апокрифическихъ сказаній, собственныхъ измышленій и данныхъ Священнаго Писанія. Вообще въ ученіи Пономарева есть много такого, что̀ заставляетъ предполагать въ хорошевскомъ сектантѣ не только невѣжественнаго истолкователя началъ православной церкви, но и не вполнѣ здороваго человѣка, одержимаго особаго рода психозомъ (mania religiosa)...

Житейскія гиперболы. По словамъ «Минскаго Листка», житель мѣстечка Лосва, крестьянинъ Н., купилъ себѣ въ Кіевѣ Евангеліе. Однако, по странной случайности, пріобрѣтенная книга оказалась не Евангеліемъ, а учебникомъ алгебры, переплетеннымъ въ обложку, на которой значилось «Евангеліе». Пріѣхавъ домой, религіозный мужичокъ въ первый же воскресный день пожелалъ почитать «божественное». Но вмѣсто знакомыхъ словъ онъ увидѣлъ совершенно непонятное «алгебра», радикалы, логариѳмы и т. п. Простодушный Н. долго думалъ, что бы могло значить слово «алгебра». Для разрѣшенія недоумѣнія онъ обратился къ сосѣду-лавочнику, какъ человѣку болѣе «ученому». Въ это время въ лавку, на несчастье крестьянина, явилось начальство, хотя и неважное. Начальство заинтересовалось алгеброй и, послѣ поверхностнаго обзора, признало въ ней «книгу, полную вольнодумія», о чемъ и поспѣшило отписать начальству повыше. Поднялась суета, пріѣхали власти и, разобравшись въ вольнодуміи алгебры, назвали доносителя... дуракомъ.

Такого же характера случай, извѣстный подъ именемъ «неробѣловскаго бунта», произошелъ, по словамъ «Сибирск. Жизни» и возлѣ Енисейска. Какъ-то лѣтомъ разнесся слухъ, что на пріискахъ золотопромышленника Неробѣлова произошелъ бунтъ рабочихъ. Каково же было изумленіе, когда увидѣли передъ собой не пьяныхъ и озвѣрѣвшихъ мятежниковъ, а толпу смирныхъ, усталыхъ и проголодавшихся рабочихъ, которые объявили, что они идутъ не бунтовать и грабить, а искать работы, такъ какъ, въ виду чрезвычайно плохихъ условій на пріискѣ Неробѣлова и его обращенія съ рабочими, они болѣе работать у него не могутъ. А разъ они приняли такое рѣшеніе, то куда же имъ двинуться, какъ не въ населенныя мѣстности, искать себѣ другихъ занятій. Не оставаться же въ глухой тайгѣ! Оружія у рабочихъ никакого не оказалось, если не считать нѣсколько топоровъ, необходимыхъ въ тайгѣ, и ножей, безъ которыхъ не обходится ни одинъ таежникъ. Рабочіе, которыхъ молва нарисовала чуть ли не бандитами, жадными до чужого добра, оказались услужливыми рабочими ребятами и сдались безъ всякаго ропота начальству, которое не могло ихъ упрекнуть ни въ чемъ, развѣ лишь въ томъ, что они всѣ сразу бросили работы. Но рабочіе объяснили свое нежеланіе работать у Неробѣлова такимъ обиліемъ фактовъ некорректныхъ поступковъ хозяина, что не хватило бы духу осуждать рабочихъ.

Итакъ, сказка о походѣ рабочихъ разъяснилась. Но кто же распустилъ эти тревожные слухи, которые уже стали извѣстны въ центрѣ управленія краемъ? Кто такъ зло подшутилъ надъ мирными обывателями? Оказалось, что распространителемъ слуховъ былъ самъ Неробѣловъ, который, увидя, что дѣло плохо, постарался, что называется, забѣжать впередъ и раздуть опасность, которая грозила только ему одному, или вѣрнѣе его карману. . Въ концѣ-концовъ, разсчеты его не удались, драма, которой, быть можетъ, онъ добивался, обратилась въ фарсъ. Разслѣдованіе дѣла, напротивъ, обнаружило нѣкоторое, такъ сказать, злоупотребленіе его своимъ хозяйскимъ правомъ, о чемъ производится слѣдствіе. Оружіе, которымъ хотѣлъ Н. поразить рабочихъ, обратилось противъ него самого.

Арендная община. Со словъ г. М. П., въ «Саратовской Земской Недѣлѣ», «С.-Петербургскія Вѣдомости» указываютъ на своеобразный типъ общины, установившійся въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, среди казачьяго населенія. Какъ и обычно въ общинахъ, усадебная земля находится здѣсь въ постоянномъ пользованіи каждаго изъ членовъ общины; лѣса и выгоны состоятъ въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи; луга подвергаются ежегодному передѣлу. Что же касается пахотной земли, то каждый членъ общины арендуетъ ее у общества въ потребномъ ему количествѣ, внося въ общественную кассу извѣстную, установленную обществомъ арендную плату. Послѣдняя пока еще одинакова для всѣхъ арендуемыхъ участковъ, независимо отъ ихъ качества; но можно надѣяться, что уже въ недалекомъ будущемъ установлена будетъ классификаціи общинной земли по качеству и выработана будетъ соотвѣтствующая скала арендныхъ цѣнъ. Насколько извѣстно автору, нѣтъ максимальной нормы арендныхъ участковъ, да въ этомъ и нѣтъ еще необходимости, такъ какъ пока земли еще вполнѣ достаточно для всѣхъ желающихъ обрабатывать ее; арендная плата только немногимъ ниже той, какая существуетъ въ другихъ общинахъ обычнаго типа; сроки аренды—непродолжительные, въ виду дѣйствующихъ въ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ правилъ.

Какъ видно изъ изложеннаго, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ общиной, въ которой послѣдняя въ качествѣ юридическаго лица, является землевладѣльцемъ, а члены общины—ея арендаторами и въ то же время участниками общиннаго дохода. То обстоятельство что въ данномъ случаѣ прав владѣнія общинниковъ отдѣлено отъ права пользованія землей, не сокращаетъ этого послѣдняго, такъ какъ право на аренду земли принадлежитъ каждому члену общины. Что же касается тѣхъ существенныхъ измѣненій, какія вносятся въ технику и порядокъ общиннаго хозяйства изложенными условіями, то г. М. П. совершенно правильно указываетъ слѣдующія:

1) Устраняется сдача въ аренду своихъ участковъ сосѣдямъ отдѣльными членами общины.

2) Устраняется несоотвѣтствіе рабочихъ и хозяйственныхъ силъ размѣрамъ надѣла, такъ какъ каждый арендуетъ сообразно своимъ экономическимъ силамъ, а не по ревизскимъ или наличнымъ душамъ.

3) Уничтожается черезполосица, такъ какъ при такихъ условіяхъ нѣтъ надобности каждому брать участки земли въ различныхъ мѣстахъ. Корректива, въ видѣ приплатъ за лучшія земли, если пока и нѣтъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ возможенъ. По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ общинахъ луга дѣлятся нечерезполосно, а къ различнымъ по качеству участкамъ дѣлается поправка посредствомъ аукціоннаго торга, при которомъ лугъ достается тому, кто довольствуется наименьшей площадью этого луга за опредѣленный эквивалентъ.

4) Устраненіе черезполосицы даетъ возможность каждому хозяину вести какой угодно сѣвооборотъ.

5) Личность общинника не связана съ землей, такъ какъ налоги падаютъ непосредственно на землю, и плательщикомъ является тотъ кто желаетъ арендовать. Кабальныя отношенія, которыми часто связывается личность съ общиной черезъ землю, при такомъ порядкѣ могутъ легче исчезнуть, и, во всякомъ случаѣ, съ менѣе разрушительными послѣдствіями для существованія общины.

6) Община не дѣлается вполнѣ замкнутымъ міромъ, обособленнымъ отъ другихъ общинъ. При такихъ условіяхъ *возможна* мобилизація населенія, хотя и въ ограниченныхъ предѣлахъ. Получить *надѣлъ* можетъ только крестьянинъ, приписанный къ общинѣ, между тѣмъ какъ право аренды не ограничено. Насколько легко порвать съ землей, отказавшись отъ аренды, настолько же легко возобновить ее. Послѣднее возможно даже и не для общинника.

7) Уничтожаются передѣлы, замѣняемые арендной платой; хотя классификаціи земель не существуетъ, но, очевидно, лишь потому, что пока въ ней не ощущается надобности. Правомъ аренды общинной земли пользуется всякій общинникъ, и аренда возмѣщаетъ тѣ налоги, платежи и общинные расходы, которые въ другого рода общинахъ уплачиваетъ каждый за себя и за свою землю.

Нужно полагать, что описанная форма общиннаго землепользованія образовалась въ связи съ развитіемъ денежнаго хозяйства, но, къ сожалѣнію, авторъ не пытался ближайшимъ образомъ выяснить, почему именно возникла такая форма общинныхъ отношеній. Во всякомъ случаѣ, нужно согласиться съ нимъ, что описанная имъ община ближе подходитъ къ современному городскому общественному хозяйству, чѣмъ къ обычному типу общиннаго землевладѣнія. То, что рѣзко отличаетъ ее отъ городской общины и составляетъ ея слабую сторону,—это ея сословность. И г. М. П. предполагаетъ, что если бы былъ уничтоженъ ея сословный характеръ, то арендная община оказалась бы гораздо болѣе устойчивой, чѣмъ община обычнаго типа, «такъ какъ въ своихъ предѣлахъ, при современныхъ экономическихъ отношеніяхъ, какъ и городская община, она допускаетъ въ гораздо большихъ размѣрахъ мобилизацію земли и населенія, а послѣдняя (мобилизація), при современномъ хозяйственномъ укладѣ, является такъ же необходимой для населенія, какъ необходимъ воздухъ».

Гончарный промыселъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ. Къ очередному екатеринбургскому уѣздному земскому собранію послѣдней сессіи мѣстнымъ санитарнымъ врачомъ представленъ обстоятельный докладъ о «Санитарныхъ усло-

віяхъ гончарнаго промысла въ уѣздѣ». Пользуясь изложеніемъ доклада, сдѣланнымъ въ «Пермскомъ краѣ», можно получить довольно полное представленіе и объ экономическомъ положеніи рабочихъ, занятыхъ этою отраслью труда. Гончарный промыселъ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ представляетъ собою рядъ различныхъ способовъ производства, начиная отъ типическаго кустарно-ремесленнаго, семейнаго способа производства и кончая мануфактурой средней руки, представляющей изъ себя уже вполнѣ развившееся капиталистическое хозяйство. Одновременно съ этими двумя крайними формами хозяйства, существуютъ формы «переходныя», гдѣ хозяинъ промышленнаго заведенія имѣетъ нѣсколько подручныхъ и выполняетъ работы уже болѣе сложныя сравнительно съ кустарями одиночками. Эти послѣдніе изготовляютъ почти исключительно черную не покрытую глазурью посуду,—работу, не требующую особеныхъ приспособленій и настолько не мудреную, что въ ней можетъ принять участіе весь работоспособный составъ семьи; женщины и дѣти здѣсь наряду съ главой семьи заняты трудомъ,—они не могутъ—однѣ вести домашнее хозяйство, а другія ходить въ школу и нормально развиваться, потому что въ такомъ случаѣ имъ не на что будетъ существовать. Кустари, имѣющіе маленькія мастерскія и нѣсколько человѣкъ рабочихъ, выдѣлываютъ продукты, требующіе уже нѣкоторыхъ техническихъ приспособленій, а именно, главнымъ обрезомъ, зеленую и черную глазированную посуду. Наконецъ, бѣлая гончарная посуда (полуфаянсъ) изготовляется фабричнымъ способомъ, гдѣ возможны болѣе или менѣе сложныя приспособленія (горнъ для обжига, жернова для растиранія глины и поливы и т. д.), а также и нѣкоторое раздѣленіе труда.

Рабочій день длится съ 5—6-ти час. утра, до 7—8-ми ч. вечера съ перерывами на обѣдъ и завтракъ по 1 часу, т.-е. рабочихъ часовъ 11—13. Работы производятся при довольно высокой температурѣ (20°—25° С.), въ воздухѣ. насыщенномъ водяными испареніями отъ провяливающихся глиняныхъ издѣлій, съ 3%—4% содержаніемъ углекислоты. Атмосфера гончарныхъ мастерскихъ рѣзко нарушаетъ, благодаря влажности и температурѣ ея, во-первыхъ, нормальный процессъ кровообращенія и дыханія рабочихъ и, во-вторыхъ, процессъ кожной теплорегуляціи, и тяжело видѣть, среди условій этого жестокаго эксперимента промышленности надъ человѣческимъ организмомъ—дѣтскій развивающійся организмъ, между тѣмъ экономическія условія загоняютъ сюда и его.

Но главная и самая серьезная опасность, грозящая здоровью рабочихъ-гончаровъ, безусловно предстоитъ отъ свинцоваго отравленія. Дѣло все въ томъ, что въ химическій составъ общеупотребительныхъ глазурей входитъ обязательно свинецъ; въ бѣлой глазури на всю смѣсь его приходится отъ 3% до 6%, а въ зеленой глазури содержаніе свинца составляетъ 75% всей смѣси. Самый процессъ оглазированія производится въ изслѣдованныхъ мѣстностяхъ Екатеринбургскаго уѣзда двоякимъ образомъ: или посредствомъ обмакиванія глазируемыхъ предметовъ, причемъ рука рабочаго почти по локоть погружается въ поливу, или же—посредствомъ обливанія, тогда только до кисти рука постоянно приходитъ въ соприкосновеніе со свинцовыми смѣсями. Рабочимъ нерѣдко приходится и жить въ тѣхъ же мастерскихъ; умывальниковъ

*

нѣтъ, слѣдовательно, ѣсть приходится часто немытыми руками,—однимъ словомъ,—быть почти въ непрерывномъ соприкосновеніи со свинцомъ; тогда какъ по словамъ профессора Нотнагеля, «интенсивнѣйшія хроническія свинцовыя отравленія наблюдаются въ томъ случаѣ, когда, какъ это бываетъ съ лицами, обрабатывающими свинецъ очень долгое время, въ организмъ вводились лишь минимальныя количества свинца».

Заработокъ практикуется здѣсь задѣльный, и въ среднемъ рабочему приходится получить въ день копеекъ 40—60. Немудрено, поэтому, что родители часто выходятъ на работу со своими дѣтьми-подростками лѣтъ 13—15, чтобы такимъ образомъ увеличить свой скудный заработокъ. Вся обстановка жизни гончара поражаетъ нарушеніемъ самыхъ элементарныхъ требованій гигіены. и характеризовать положеніе гончара можно его же словами: «Надо бы хуже, да некуда».

Какъ мы уже сказали, въ гончарномъ производствѣ Екатеринбургскаго уѣзда наблюдается три стадіи хозяйственныхъ формъ. Первая стадія рисуетъ намъ характерную картину агоніи мелкаго производства. Въ лучшія времена, хотя и не приходится кустарямъ-одиночкамъ переживать особенно острыхъ страданій, но недостаточность средствъ производства и отсутствіе постояннаго капитала дѣлаютъ почти невозможной конкуренцію съ болѣе крупными хозяйствами, или, вѣрнѣе, она поддерживается тѣмъ, что отецъ, жена и дѣти съ утра до ночи заняты безхитростной выдѣлкой черныхъ, неглазированныхъ продуктовъ. И они все-таки необезпечены: первый кризисъ или неурожай (какъ въ нынѣшнемъ году) понижаютъ сбытъ, цѣны падаютъ, хлѣбъ дорогъ и начинается жизнь впроголодь, неустанное корпѣнье за работой—лишь бы слѣпить лишнюю корчагу, сдѣлать лишній горшокъ, заработать лишній пятакъ или гривенникъ; многіе разоряются и идутъ продавать уже не продукты своего труда, а самый трудъ свой, силу своихъ мускуловъ, свое здоровье, т.-е., какъ говорятъ, происходитъ экспропріація мелкаго производства.

Вторая «переходная» форма не представляетъ собою такого хроническаго недомоганія—она отличается крайней неустойчивостью и неопредѣленностью; случай въ ея жизни играетъ немаловажную роль: «все зависитъ отъ того, насколько въ данный моментъ требованія рынка даютъ право на существованіе такого рода заведеній». Возникаютъ они, можно сказать, изъ обломковъ или, вѣрнѣе, на почвѣ экспропріированныхъ мелкихъ хозяйствъ: наступаетъ нѣкоторый подъемъ въ гончарномъ производствѣ, спросъ возрастаетъ и вотъ на смѣну погибшимъ одиночкамъ является какой-нибудь предпріимчивый мастеръ-гончаръ; выхлопочетъ онъ себѣ въ пермскомъ кустарномъ банкѣ кредитъ рублей въ 100 или инымъ какимъ образомъ устроитъ свои денежныя дѣла и строитъ «фабрику», т.-е. простую крестьянскую избу, ставитъ въ ней жерновъ для растиранія поливы, три, четыре формовальныхъ круга; вмѣсто обыкновенной русской печи сложитъ обжигательную печь-муффель и приступаетъ къ производству. Если спросъ все время большой и цѣны высокія, нанимаетъ онъ себѣ рабочихъ, обыкновенно столько, сколько набьется въ его фабрику-избу и, глядишь, въ хорошій годъ ручной приводъ жернова замѣняется коннымъ,

вмѣсто муффеля появляется горнъ и т. д., т.-е. дѣло разовьется, и мастеръ выйдетъ, такимъ образомъ, въ «люди», или, по просту говоря, разбогатѣетъ и поведетъ дѣло на болѣе прочныхъ капиталистическихъ началахъ. Въ тѣ же годы, когда промышленность подавлена, благодаря ли кризисамъ, или благодаря неурожаямъ, и когда спросъ на простые гончарные продукты падаетъ до необходимаго minimum'а, то нѣкоторые неокрѣпшіе хозяева совсѣмъ прекращаютъ работы, большинство же только сокращаетъ ихъ, распуская рабочихъ и вообще ослабляя интенсивность труда.

Въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ, разумѣется, находятся мануфактуры, изготовляющія бѣлую посуду. Главная причина ихъ устойчивости кроется въ сравнительно бо́льшей доходности, которая обусловливается самымъ способомъ производства, причемъ предприниматели платятъ рабочимъ ту же плату, что и горшечники, хотя самое производство бѣлой посуды и выгоднѣе гораздо производства «корчагъ» и «крипокъ». А потому въ моменты, трудные для производства, они все же легче смогутъ устоять; затѣмъ, спросъ на ихъ продукты (полуфаянсъ), потребляемые болѣе зажиточными слоями населенія, не подвергается такимъ рѣзкимъ колебаніямъ отъ различныхъ экономическихъ условій.

Уралъ въ Петербургѣ. Ураломъ интересуются, Уралъ знаютъ или ученые спеціалисты, или люди, посвятившіе себя горной промышленности. До послѣдняго времени Уральскія горы мало посѣщались туристами, и только развитіе желѣзнодорожной сѣти на Уралѣ и сооруженіе великаго сибирскаго пути привлекло попутно къ Уралу, какъ обычныхъ нашихъ лѣтнихъ вояжеровъ, такъ и лицъ, предпринимающихъ образовательныя экскурсіи. Для толковаго ознакомленія съ Ураломъ и съ его богатствами не хватаетъ, однако, хорошихъ руководствъ, которые могли бы пополнить скудную, и зачастую не вполнѣ вѣрную оффиціальную географію учебниковъ. Ученыя изслѣдованія недоступны средней читающей публикѣ, а имѣющіеся путеводители по Уралу отрывочны, не полны и не даютъ читателю общей картины этой своеобразной горной страны.

Большой интересъ, поэтому представляетъ находящаяся въ настоящее время въ Петербургѣ выставка картинъ Урала и коллекцій его ископаемыхъ богатствъ, организованная художникомъ А. К. Денисовымъ-Уральскимъ.

Уроженецъ г. Екатеринбурга, выросшій въ семьѣ, занимавшейся добычей уральскихъ драгоцѣнныхъ камней, г. Денисовъ съ дѣтства сроднился и полюбилъ богатый горный край; у него давно уже зародилась мысль дать полную картину своей родины.

Разносторонній талантливый художникъ, самоучка-геологъ г. Денисовъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы осуществить эту мысль. Не мало лѣтъ и упорной энергіи потрачено имъ на это. Г. Денисовъ, какъ это можно видѣть изъ его выставочнаго каталога, неоднократно предпринималъ по Уралу экскурсіи, изучалъ и рисовалъ горные пейзажи, производилъ геологическія съемки, дѣлалъ развѣдки на руды и минералы. Это дало ему не только богатый матеріалъ, но также и достаточно солидное, для дилетанта, знакомство съ геологіей края, что въ свою очередь, отразилось на вѣрности и правдивости изображенія гор-

ныхъ пейзажей и геологическихъ разрѣзовъ. Получивъ въ результатѣ богатую галлерею и не менѣе богатую минералогическую коллекцію, художникъ рѣшилъ выступить передъ публикой съ передвижной выставкой Урала и его богатствъ сначала, въ 1900 году, въ гг. Екатеринбургѣ и Перми, а въ текущемъ году и въ Петербургѣ. Затѣмъ, г. Денисовъ предполагаетъ перенести свою выставку въ Москву, а впослѣдствіи отправиться съ ней по провинціальнымъ городамъ.

Выставка картинъ Урала состоитъ изъ 109 №№, она раздѣляется по своему характеру на три группы, соотвѣтственно дѣленію Урала на Сѣверный, Средній и Южный. Передъ зрителемъ проходятъ дикіе горные пейзажи, съ сумрачнымъ небомъ, съ холоднымъ блескомъ воды рѣкъ и озеръ, съ темной зеленью хвойной тайги; затѣмъ постепенно характеръ природы мѣняется, дѣлается мягче, и, оканчивая обозрѣніе выставки, зритель встрѣчаетъ уже лазурное небо и нѣжные тоны пейзажей «Русской Швейцаріи» (Южный Уралъ). Кромѣ горныхъ вершинъ, видовъ рѣкъ и озеръ Урала, большой интересъ на выставкѣ представяютъ картины, изображающія характеръ залеганія породъ, а также и способовъ добычи драгоцѣнныхъ камней старателями; очень хороши изображенія драгоцѣнныхъ камней. Г. Денисовъ является одинаково талантливымъ и правдивымъ изобразителемъ, какъ горныхъ пейзажей, такъ лѣса, воды и, наконецъ, даже типовъ старателей и добытчиковъ.

Помимо своего художественнаго и общеобразовательнаго значенія, выставка, несомнѣнно, имѣетъ и научный интересъ, какъ по своей демонстративности, такъ и благодаря нѣкоторымъ интереснымъ экземплярамъ минераловъ и горныхъ породъ.

На той же выставкѣ г. Денисовымъ экспонируется учебныя коллекціи минераловь и горныхъ породъ Урала, составленныя въ такой системѣ, которая уясняла бы ученику условія залеганія горныхъ породъ и нахожденія въ послѣднихъ различныхъ минераловъ. Эти коллекціи, весьма доступныя по цѣнѣ, могутъ служить прекраснымъ пособіемъ при изученіи минералогіи и геологіи.

Все это, вмѣстѣ взятое, способствуетъ широкой и разумной популяризаціи Урала, одной изъ богатыхъ и интересныхъ окраинъ нашего обширнаго отечества.

За мѣсяцъ. Въ истекшемъ мѣсяцѣ опубликовано нѣсколько новыхъ законодательныхъ актовъ, существеннымъ образомъ измѣняющихъ автономное политическое строеніе великаго княжества финляндскаго. Такъ, состоявшимся 27-го августа Высочайшимъ постановленіемъ объ измѣненіи въ нѣкоторыхъ частяхъ учрежденія *финляндскаго сената*, во-1-хъ, устранено для послѣдняго обязательное по дѣйствовавшему раньше законодательству «пребываніе въ предѣлахъ края», а во-2-хъ, значительно усилено вліяніе на сенатъ генералъ-губернатора. Главнѣйшія измѣненія въ этомъ смыслѣ заключаются въ слѣдующемъ: 1) генералъ-губернаторъ (а когда онъ не присутствуетъ—его помощникъ) получаетъ право предсѣдательствовать не только въ общемъ собраніи и департаментахъ сената, какъ то устанавливается дѣйствующими законами, а также и въ отдѣленіяхъ департаментовъ; 2) рѣшенія по нѣкоторымъ дѣламъ постановляются обязательно въ присутствіи генералъ-губернатора или

его помощника; 3) генералъ-губернаторъ облекается правомъ пріостанавливать исполненіе опредѣленій сената, за исключеніемъ рѣшеній и приговоровъ, постановленныхъ сенатомъ въ судебномъ порядкѣ, и 4) генералъ-губернатору и его помощнику присваивается надзоръ за канцеляріей хозяйственнаго департамента сената.

Тремя постановленіями отъ 1-го августа, въ измѣненіе существовавшаго въ финляндскомъ законодательствѣ начала несмѣняемости чиновниковъ иначе какъ по суду, установлено: 1) порядокъ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ отъ V до XIV-го класса; 2) временный порядокъ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства отъ V до XIV-го и 3) временный порядокъ возбужденія судебнаго преслѣдованія за служебныя преступленія должностныхъ лицъ.

На основаніи этихъ правилъ должностное лицо можетъ быть удалено отъ службы, когда оно: 1) подвергается въ судебномъ порядкѣ за преступныя дѣянія, не относящіяся къ службѣ, какому-либо наказанію, хотя бы и не соединенному съ потерей правъ на службу; 2) обнаружитъ неспособность къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей; 3) дозволитъ себѣ при отправленіи обязанностей службы или внѣ оной несовмѣстимые съ долгомъ службы и служебнымъ положеніемъ проступки, и 4) подвергается взятію подъ стражу по дѣлу о взысканіяхъ гражданскихъ или опекѣ за расточительность, или окажется несостоятельнымъ должникомъ. Распространено на чиновъ судебнаго вѣдомства дѣйствіе Положенія о порядкѣ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ административныхъ вѣдомствъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) дѣла объ удаленіи отъ службы предсѣдателя, вице-предсѣдателя и членовъ судебныхъ установленій, а также всѣхъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, состоящихъ въ должностяхъ отъ V до IX-го класса, подлежатъ разсмотрѣнію судебнаго департамента сената и рѣшаются имъ съ согласія генералъ-губернатора; 2) удаленіе отъ службы всѣхъ прочихъ чиновъ судебнаго вѣдомства производится распоряженіемъ того начальства, отъ котораго зависитъ назначеніе служащихъ на занимаемыя должности или утвержденіе въ нихъ, и 3) жалобы на распоряженія начальства объ удаленіи отъ службы должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства приносятся въ судебный департаментъ сената.

Высочайшимъ постановленіемъ 26-го августа расширены полномочія губернаторовъ, которымъ, сверхъ дѣлъ, подлежащихъ ихъ разрѣшенію по дѣйствующему законодательству, предоставлено разрѣшать собственною властью цѣлый рядъ (списокъ заключаетъ въ себѣ 17 пунктовъ) новыхъ вопросовъ и дѣлъ

Весной нынѣшняго года исполнилось 40-лѣтіе педагогической дѣятельности *Христины Даниловны Алчевской*. Чествованіе этой почтенной дѣятельницы на поприщѣ народнаго образованія перенесено было на осень и состоялось, какъ сообщаютъ «Харьк. Губ. Вѣд.», 29-го сентября въ помѣщеніи Харьковской воскресной женской школы. Торжество было проникнуто неподдѣльной искренностью и глубокими чувствами къ чествуемому лицу. Растроганная многочисленными привѣтствіями, Х. Д. Алчевская, со слезами въ голосѣ, благода-

рила за выраженныя ей чувства. «Послѣ перенесеннаго тяжкаго горя,—сказала она,—я думала, что ужъ никогда не буду имѣть радостныхъ дней, но теперь, въ эти минуты, я чувствую себя счастливой,—я счастлива тою любовью, тѣмъ привѣтомъ, которые мнѣ выражаютъ, счастлива дружественнымъ отношеніемъ къ школѣ нашей, которую я не могу отдѣлить отъ своей личной жизни».

Изъ русскихъ журналовъ.

«Историческій Вѣстникъ»—октябрь.—«Русская Мысль»—сентябрь.—«Вѣстникъ Европы»—октябрь.—«Научное Обозрѣніе»—сентябрь. «Русское Богатство»—сентябрь.

Народная жизнь никогда не переставала привлекать къ себѣ напряженнаго вниманія русской интеллигенціи. Народъ, какъ «совокупность всѣхъ трудящихся классовъ» или какъ та часть, его, которая стихійнымъ процессомъ экономическаго развитія страны все болѣе и болѣе «разлучается» съ орудіями производства, съ одной стороны, и наиболѣе тонкая, наиболѣе воспріимчивая, наиболѣе развитая, наиболѣе идущая въ уровень съ современными ей высотами науки и знанія наша интеллигенція съ другой стороны, и взаимныя отношенія той и другой части общаго населенія Россіи («народъ» и «интеллигенція»),—вотъ что наложило и продолжаетъ накладывать свою опредѣленную печать на историческія судьбы нашей страны. Интеллигенція хочетъ быть въ той или иной формѣ близкой къ народу, ретроградная часть дворянства и поборники бюрократизма этого вовсе не желаютъ. Не далѣе, какъ въ одномъ изъ октябрскихъ нумеровъ «Гражданина» читали мы статью какого-то г. Павлова, прямо утверждающаго, что идея учрежденія мелкой земской единицы или всесословной волости является,—повѣрите ли, читатель,—не болѣе не менѣе, какъ «*величайшею дерзостью, величайшимъ историческимъ преступленіемъ, которому имени нѣтъ*», («Гражд.» № 76, стр. 5). Мы не послѣдуемъ за аргументаціею этой, если не оригинальной по существу, то зато чрезвычайно яркой по употребленнымъ выраженіямъ, мысли крѣпостника, а перенесемся прямо къ картинамъ живой дѣйствительности изъ области отношеній между народомъ и интеллигенціей. Предъ нами октябрьская книжка «Историческаго Вѣстника». Въ ней напечатана небольшая, но тепло написанная статейка г. Василія Якимова подъ заглавіемъ «Мірская печальница». Сюжетъ статейки и всѣ иллюстрирующія его детали выхвачены,—это чувствуется,—прямо изъ жизни. Дѣйствіе происходитъ въ одной изъ поволжскихъ губерній въ черную годину голода въ началѣ девяностыхъ годовъ. Голодъ этотъ,—какъ, навѣрное помнятъ многіе изъ нашихъ читателей,—захватилъ тогда всѣхъ совершенно врасплохъ и этимъ объясняется болѣе или менѣе свободное возникновеніе въ то время многочисленныхъ благотворительныхъ учрежденій въ деревнѣ для оказанія помощи голодающимъ. Тогда не было еще создано тѣхъ регламентирующихъ подобную дѣятельность интеллигенціи распоряженій, которыя свели ее къ нулю въ эпоху послѣдующихъ голодовокъ.

«Мірской печальницей» прозвали ея товарищи Софью Ивановну Накрохину, работавшую въ описываемое г. Якимовымъ злополучное время въ качествѣ завѣдующей одной изъ красно-крестовскихъ столовыхъ. То была одна изъ представительницъ столь знакомаго русской жизни типа интеллигентокъ, готовыхъ въ буквальномъ смыслѣ всегда «положить душу за други своя». Вѣчно занятая, погруженная съ утра до ночи въ заботы о голодающихъ и многочисленныхъ тифозныхъ и цынготныхъ больныхъ, не знающая жалости къ себѣ, Софья Ивановна сразу пріобрѣла репутацію «безпокойнаго элемента». Уполномоченные того учрежденія, въ вѣдѣніи котораго находились столовыя, тоже были не особенно довольны Софьей Ивановной, хотя, будучи независимыми и воспитанными людьми, они и относились къ «безпокойной» завѣдующей, такъ сказать, болѣе или менѣе «галантно». Однажды ей не прислали обѣщанныхъ для цынготныхъ больныхъ лимоновъ. Софья Ивановна страшно по этому поводу волновалась.

«—Но послушайте, Софья Ивановна,—говорилъ ей одинъ изъ уполномоченныхъ,—вѣдь это еще вопросъ, представляютъ ли лимоны специфическое средство при цынгѣ? Вонъ новая теорія леченія этой болѣзни говоритъ, что...

«—Да какое мнѣ дѣло до вашихъ новыхъ теорій?..—раздражалась Софья Ивановна.—Когда вы приглашали меня сюда, вы же мнѣ сказали: «кормите голодающихъ, лечите цынготныхъ лимонами и овощами, при уходѣ за тифозными поступайте согласно указаніямъ доктора». Вы говорили мнѣ это?

«—Ну, положимъ, что и говорилъ это,—смущаясь, отвѣчалъ уполномоченный.

«—Такъ давайте же мнѣ все это. Я обѣщалась работать вамъ за совѣсть, такъ не отговаривайтесь различными новыми тамъ теоріями, когда у васъ нѣтъ средствъ. Этакъ вы, пожалуй, выдумаете еще новую теорію, что для того, чтобы прекратить голодъ, не нужно вовсе кормить: пусть всѣ перемрутъ—вотъ и голода не будетъ.

«—Ну, ну, Софья Ивановна, поѣхали,—смѣясь, махалъ рукой уполномоченный.—Ну, разорвусь, да достану лимоновъ. Не ругайтесь да не ворчите только.

«—Съ васъ только тогда и возьмешь, когда вдосталь наругаешься...»

Между тѣмъ, нужда была страшно велика и имѣющихся въ распоряженіи Софьи Ивановны средствъ далеко не хватало. Не долго думая, Софья Ивановна написала въ столичную газету письмо, въ которомъ изобразила въ самыхъ яркихъ краскахъ положеніе голодающихъ въ уѣздѣ... «А красокъ она не жалѣла,—разсказываетъ г Якимовъ,—такъ что даже у насъ, обстрѣлявшихся въ нуждѣ, которую мы видѣли каждый день бокъ-о-бокъ около себя, при чтеніи этого письма пробѣгали мурашки по спинѣ.

«— Однако, вы, Софья Ивановна, того... хватили, кажется, немного черезъ край... Какъ бы за это не нагорѣло вамъ?

«— Ну, нагорить или нѣтъ, — это еще вопросъ... А вотъ расшевелить общество надо... А то вѣдь оно тамъ, навѣрное, думаетъ, что у насъ здѣсь такъ себѣ легонькое «недоѣданіе...»

И, дѣйствительно, такъ расшевелила, что къ ней со всѣхъ сторонъ посы-

пались пожертвованія, помогшія ей устроить не одну столовую въ нѣсколькихъ деревняхъ.

Зато «расшевелило» напечатанное въ столичной газетѣ письмо и мѣстную администрацію. Въ одинъ прекрасный день къ занимаемой Софьей Ивановной избѣ лихо подкатила запряженная тройкою ямскихъ лошадей кибитка, изъ которой вылѣзли уѣздный предводитель дворянства и исправникъ.

«— Это вы что же, сударыня,—вмѣсто привѣтствія обратился къ Софьѣ Ивановнѣ предводитель, входя въ комнату и снимая съ себя шубу.—Нашъ уѣздъ на всѣ Европы осрамили?

«— Вы, кажется, ваше благородіе, прежде въ кавалеріи служили?—съ оттѣнкомъ насмѣшки въ голосѣ спросила его Софья Ивановна.

«— Да, въ кавалеріи,—отвѣчалъ опѣшившій отъ этого вопроса предводитель.

«— То-то вы и думаете, что около лошадей въ конюшнѣ находитесь».

Сконфуженный предводитель поспѣшилъ поздороваться съ ней.

«— Ну, а теперь скажите, чѣмъ я осрамила вашъ уѣздъ?—спросила Софья Ивановна.

«— Да, какъ же, помилуйте!..—разразился успѣвшій уже оправиться предводитель.—Вѣдь, если по вашему письму судить, такъ нашъ уѣздъ съ голоду помираетъ...

«— А развѣ не такъ? Развѣ у насъ не вопіющая нужда? — вспыхнула Софья Ивановна.

«— Но послушайте, барынька, вѣдь, согласитесь сами, что это для насъ не очень-то пріятно...

«— Почему же «не очень-то пріятно»?—искренно изумилась Софья Ивановна.

«— Да какъ же, помилуйте... Какъ еще взглянетъ на это начальство, что мой уѣздъ чуть не съ голоду помираетъ?.. Неблагополучно вообще?—сказалъ исправникъ.

«— Да вы-то чѣмъ же виноваты, что у васъ въ уѣздѣ не уродилось хлѣба? Развѣ дожди отъ администраціи зависятъ? — обернулась къ нему она.

«— Конечно, что не отъ насъ зависитъ, но все-таки...

«— Что «все-таки»?

«— Какъ хотите, а все-таки непріятно, что мой уѣздъ въ такой нуждѣ.

«— Какъ хотите, а я не понимаю, что вы говорите, пожимая плечами, сказала Софья Ивановна. Почему же вамъ непріятно?.. Ахъ, да, — наконецъ, догадалась она:—вы желали бы замолчать голодъ?

«— Нѣтъ, не то, конечно... — замялись они оба... — А все-таки надобно было не въ такихъ яркихъ краскахъ представить, какъ это вы сдѣлали въ вашемъ письмѣ въ газетѣ...

«— Ну, право, ужъ не знаю, какъ нужно было иначе это сдѣлать?.. А у меня уже второе письмо послано въ ту же газету.

«— Что вы? — испуганно спросили они оба. Да вѣдь это вы цѣлый бунтъ устроите у насъ... На нашъ уѣздъ вся Россія обратитъ вниманіе.

«— И пусть обращаетъ.

«— А знаете ли, сударыня, что мы съ вами сдѣлаемъ? — вдругъ закипятился исправникъ.

«— Нѣтъ, не знаю,—хладнокровно отвѣчала Софья Ивановна.

«— Да мы васъ отсюда того... понимаете... выкуримъ отсюда... Да-съ...

«— Что-жъ, выкуривайте,—такъ же хладнокровно отвѣтила она.—Только, знаете, не было бы отъ этого еще большаго скандала?..

«— А скажите пожалуйста, — вдругъ спросилъ, о чемъ-то вспомнивъ предводитель:—Накрохинъ изъ «Столичныхъ Вѣдомостей» вамъ не родственникъ приходится?

«— Это мой братъ,—съ еле замѣтной улыбкой отвѣчала Софья Ивановна.

«Предводителя всего передернуло, и онъ, отведя въ сторону исправника, сталъ о чемъ-то шептаться съ нимъ, энергично что-то ему доказывая.

«Кончилось все это тѣмъ, что гости поспѣшили раскланяться съ Софьей Ивановной и уѣхали, провожаемые насмѣшливой улыбкой «безпокойнаго сердца».

Нужда росла, заботы прибавлялись, число больныхъ увеличивалось, и Софья Ивановна не знала ни минуты покоя. «Она со всею страстностью своей души отдавалась дѣлу, любила его, вѣрила въ него и страшно негодовала, когда кто-нибудь при ней говорилъ, что есть люди, которые не вѣрятъ въ существованіе голода».

«— То есть какъ это не вѣрятъ? Вѣдь голодъ на самомъ дѣлѣ существуетъ?

«— То-есть они допускаютъ его существованіе, но говорятъ, что вообще размѣры его преувеличены, что нужда на самомъ дѣлѣ не такъ велика, какъ говорятъ про это и что у насъ здѣсь только недородъ и недоѣданіе...

«Такія слова вызывали въ Софьѣ Ивановнѣ цѣлый взрывъ негодованія.

«— Да я бы всѣхъ вашихъ господъ посадила сюда, въ Репьевку, въ шкуру здѣшняго мужика, посмотрѣла бы, что они тогда запоютъ? «Преувеличиваютъ!» И вѣдь выдумали же словечки какія: «недородъ», «недоѣданіе»... И кого они этимъ только хотятъ обмануть...»

Какъ и слѣдовало ожидать, постоянныя ухаживанія за больными привели Софью Ивановну къ тому, что она свалилась сама, заболѣвъ тифомъ. Болѣзнь была тяжела, и «Мірская печальница» едва-едва отъ нея оправилась. Когда однажды, пришли навѣстить ее другіе устроители столовыхъ, то, еще совсѣмъ больная, лежа въ постели, послѣ первыхъ же привѣтствій, она нервно заговорила:

«— Нѣтъ, а вы посмотрите, что это такое,—и при этомъ она протянула вошедшимъ бывшій у нея въ рукахъ предметъ. Это оказался кусокъ чего-то чернаго, жесткаго.

«— Это что же такое?.. Земля, что ли?

«— То-то, что не земля, — блестя своими большими глазами, отвѣчала Софья Ивановна,—это хлѣбъ... Какъ есть хлѣбъ, который мнѣ сегодня привезли и которымъ питаются чуваши въ Аксубаевѣ.

«Мы откусили по кусочку и тотчасъ же выплюнули: во рту вязало, языкъ

тотчасъ же дѣлался дубовымъ, и въ зубахъ такъ навязло, что пришлось прибѣгнуть къ зубочисткамъ.

«— Это не хлѣбъ, а какая-то гадость,—возмутились мы.

«— Ну, вотъ этой-то гадостью и кормятся аксубаевскіе чуваши.

«— Но изъ чего же онъ состоитъ?

«— Изъ «свиного корма»—изъ желудей. И вотъ находятся же люди, которые рѣшаются говорить, что голодъ преувеличенъ!

«— Да вы не волнуйтесь, ради Бога, Софья Ивановна. Пожалуйста не волнуйтесь; вѣдь это вамъ вредно.

«— Но какъ же спокойно относиться къ этому, скажите вы мнѣ?.. Да развѣ я желѣзная или съ проволочными нервами?..» и т. д., и т. д.

Читатель, быть можетъ, припомнитъ приведенный нами три-четыре мѣсяца тому назадъ разсказъ изъ этой же области г. Пругавина. Смыслъ и содержаніе обоихъ разсказовъ одни и тѣ же. Самое поверхностное соприкосновеніе народной массы и интеллигенціи обнаруживаютъ ужасную картину «неустройства» жизни нашей деревни.

Отъ Софьи Ивановны мы перейдемъ къ другому истинному «печальнику» обо всемъ томъ, что творится на Руси, Глѣбу Ивановичу Успенскому. Мы имѣемъ въ виду, говоря это, напечатанную въ сентябрьской книжкѣ «Русской Мысли» статью г-жи Некрасовой «Глѣбъ Ивановичъ Успенскій». Новаго ко всѣмъ извѣстной личности покойнаго писателя статья или, правильнѣе, воспоминанія г-жи Некрасовой не прибавляютъ почти ничего, но онѣ, такъ сказать, закрѣпляютъ въ памяти читателей свѣтлый образъ почившаго описаніемъ мелкихъ, но чрезвычайно для Успенскаго характерныхъ чертъ его повседневной, будничной жизни. Успенскій всегда душою стремился быть подальше отъ города и поближе къ деревнѣ, къ народу. Многія обстоятельства мѣшали ему исполнить свою завѣтную мечту. Но вотъ, благодаря выходу въ свѣтъ полнаго собранія его сочиненій, у Успенскаго явилась матеріальная возможность осуществить лишь отчасти свое намѣреніе. Онъ покупаетъ въ Сябринцахъ (подъ Чудовымъ) двѣ десятины земли съ домомъ, устраиваетъ собственный уголъ, но сейчасъ же сталкивается съ однимъ изъ явленій, характеризующихъ житье-бытье пріѣзжаго интеллигента, желающаго быть поближе къ природѣ и родному народу. Объ этомъ обстоятельствѣ самъ Успенскій писалъ г-жѣ Некрасовой 12-го іюня 1882 года такія строки:

«Накапунѣ моего возвращенія изъ Москвы домой, къ сельскому старостѣ нашей деревни въ первомъ часу ночи явился какой-то человѣкъ и разбудилъ всю семью, объявивъ себя агентомъ тайной полиціи, потребовалъ, чтобы староста составилъ протоколъ обо мнѣ, что я соціалистъ-заговорщикъ, что у меня въ шести верстахъ отъ Чудова, на мызѣ, живутъ подручные, куда я и ѣзжу для совѣщаній—и чортъ знаетъ что! Теперь идетъ дѣло. Все это сущій вздоръ, конечно, но дѣло идетъ, всѣ толкуютъ обо мнѣ, никто ничего не знаетъ, но всѣ косятся, «пужаются», требуютъ разсчета, всѣхъ обуяло злое подозрѣніе.

«При такихъ условіяхъ я съ мѣста не двинусь и никуда не поѣду, пока все дѣло не выйдетъ на чистоту. Замѣчательно, что этотъ проходимецъ полу-

чилъ мѣсто, послѣ этого доноса, у слѣдователя и теперь переписываетъ у него бумаги. Я увѣренъ, что даже изъ желанія оправдаться въ ложномъ доносѣ, который непремѣнно будетъ доказанъ, онъ начнетъ путать меня и болтать про меня, Богъ знаетъ что, въ трактирахъ, на станціяхъ, съ крестьянами, которые очень подозрительны къ господамъ и т. д.».

Такъ встрѣтило знаменитаго писателя наше «лоно природы»...

«Хотя вся фигура Глѣба Ивановича въ его обычной позѣ,—говоритъ г-жа Некрасова, — могла бы служить прекрасной эмблемой глубокаго страданія за русскій народъ, но по натурѣ онъ былъ большой оптимистъ: онъ крѣпко вѣрилъ въ лучшее будущее и эту же вѣру внушалъ другимъ».

Эта живая «эмблема страданій за русскій народъ» страдала много, очень много и въ своей личной жизни. Знаменитый писатель, произведеніями котораго жадно зачитывалась въ свремя вся интеллигентная Россія, постоянно нуждался въ самомъ необходимомъ.

«—Разскажите намъ, какъ вы начали писать? Мнѣ давно хотѣлось разспросить васъ объ этомъ», спросила однажды г-жа Некрасова Глѣба Ивановича.

«—Извольте, съ удовольствіемъ. Въ первый разъ я помѣстилъ нѣсколько разсказовъ въ «Ясной Полянѣ» Толстого. Былъ корректоромъ въ газетѣ «День». Потомъ получилъ отъ Некрасова письмо, въ которомъ онъ предлагалъ мнѣ участвовать въ «Современникѣ». А тутъ вдругъ разразилась каракозовская исторія, всѣ журналы прикрыли... жить было нечѣмъ... Я поступилъ въ учителя въ Тульскую губернію, въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ...» Оттуда Глѣбъ Ивановичъ уѣхалъ «и, разумѣется, не вернулся. Плохо въ это время жилось, ужасно плохо... Отецъ умеръ. Вызвали меня къ матушкѣ. Семья большая. Я самый старшій, а тамъ еще три брата, — младшій еще совсѣмъ крошечный былъ... Также четыре сестры... Писать приходилось въ «Слово». Благовѣщенскій совсѣмъ не платилъ. Онъ мнѣ за одинъ разсказъ *пять* рублей далъ, ей-Богу! Всего только пять рублей. «У самого, говоритъ, только 13 руб. 60 к.». А дѣвать-то повѣсти было некуда... Ну, а тутъ Некрасовъ «Отечественныя Записки» вздумалъ издавать...»

Стало немножко легче, но личныя, а еще болѣе того, общественныя невзгоды наполняли сердце Глѣба Ивановича тяжелымъ горемъ. Въ 1884 году были закрыты «Отечественныя Записки».

«Едва-едва дышу, не имѣя впереди ничего, кромѣ самой ужасной нужды и и тоски безконечной», писалъ въ это время онъ г-жѣ Некрасовой.

Мрачные восьмидесятые годы нагоняли на душу Успенскаго страшную тоску.

«А мнѣ какъ скучно, вы и представить не можете,—писалъ—онъ. Такъ жизнь и пройдетъ, чортъ знаетъ въ чемъ, — буквально, сколько ни живу на свѣтѣ, всѣ хорошія минуты на перечетъ,—если ихъ сложить,—такъ дня полнаго не выйдетъ...»

Это была тоска, но это не было отчаяніе.

«Я вѣрю,—заканчивалъ онъ то же письмо,—что когда-нибудь все будетъ хорошо...»

Исполнилось уже полугодіе со времени кончины писателя-праведника. Миръ его праху!..

Наша народная масса темна и невѣжественна. Внесеніе въ ея среду свѣта мысли и знанія является вопросомъ насущнѣйшей необходимости. Въ этомъ согласны всѣ мыслящіе русскіе люди, на повелительное требованіе самой жизни не откладывать разрѣшенія этой задачи единодушно указываетъ и огромное большинство «мѣстныхъ» дѣятелей, работающихъ въ уѣздныхъ и губернскихъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Казалось бы, трудно спорить противъ того, что однимъ изъ важныхъ условій для успѣшнаго достиженія данной цѣли является правильная организація самой постановки преподавательскаго дѣла, предоставленіе народнымъ учителямъ возможности ознакомленія съ наилучшими методами преподаванія, облегченіе ихъ сношеній между собою для обмѣна мыслей и мнѣній, устройство учительскихъ съѣздовъ и учительскихъ обществъ и т. д., но суровая дѣйствительность говоритъ совсѣмъ обратное. Кому неизвѣстно, какъ высоко стоитъ дѣло народнаго образованія въ Германіи? А почему это такъ? Причинъ, разумѣется, много, но, какъ на одну изъ весьма существенныхъ среди нихъ, нельзя не указать на широко развитую и безпрепятственную самодѣятельность народныхъ учителей. «Deutsche Lehrerverein», взявшій себѣ за девизъ «Macht die Köpfe hell und die Herzen warm» (просвѣтите головы и согрѣйте сердца), насчитываетъ своихъ членовъ тысячами. На конгрессѣ этого ферейна въ Бреславлѣ въ 1898 году было болѣе *трехъ тысячъ* учителей. И кромѣ огромной пользы для дѣла народнаго образованія, свободно происходившій конгрессъ этотъ не имѣлъ, разумѣется, никакихъ другихъ слѣдствій. Что же видимъ мы въ этой области у себя? Отвѣтомъ на такой вопросъ служитъ въ октябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» статья г. Вл. Щербы «учительскіе курсы и правила о курсахъ». Эта статья или, правильнѣе, письмо въ редакцію, рисуетъ намъ положеніе даннаго дѣла въ Тамбовѣ. Бросивъ ретроспективный взглядъ на значеніе, которое имѣли курсы въ семидесятыхъ годахъ и на долголѣтній ихъ перерывъ, авторъ говоритъ:

«Прошло двадцать три года, прежде чѣмъ педагогическіе курсы возобновились въ Тамбовской губерніи. Ихъ устроило на этотъ разъ на свои средства Тамбовское уѣздное земство. Между тѣмъ, незадолго до курсовъ разрабатывались матеріалы школьной статистики по Тамбовскому уѣзду и при этомъ выяснилось, что во всемъ уѣздѣ есть только одинъ учитель, бывавшій на педагогическихъ курсахъ: это былъ шестидесятилѣтній старикъ, служившій въ той же самой школѣ еще съ начала семидесятыхъ годовъ». Потребность въ курсахъ была велика, а препятствій для устройства ихъ преодолѣть и на этотъ разъ пришлось не мало: «Отвѣтъ о разрѣшеніи курсовъ пришелъ въ тотъ самый день, на который было назначено ихъ открытіе, послѣ трехмѣсячнаго ожиданія. До разрѣшенія инспекція воспротивилась разсылкѣ учителямъ программы курсовъ и приложеннаго къ ней списка вопросовъ и темъ для письменныхъ сообщеній, которыя должны были дать матеріалъ для бесѣдъ на курсахъ. Учителя явились неподготовленными и весь планъ работъ руководителя былъ нарушенъ. Стремленіе охранить курсы отъ кого-то и отъ чего-то

было такъ велико, что во входномъ билетѣ было отказано бывшему городскому головѣ, вотировавшему въ земскомъ собраніи кредитъ на курсы, на томъ основаніи, что онъ болѣе не городской голова и не членъ земскаго собранія, слѣдовательно, и не состоитъ въ числѣ «учредителей».

Надо замѣтить, что еще въ 1899 году состоялось постановленіе въ устройствѣ курсовъ на 1900 годъ и тогда же было ассигновано на этотъ предметъ 5.000 руб. «Какъ только постановленіе собранія было утверждено, управа вступила въ переговоры съ руководителями; нѣсколько лицъ были уже заняты; наконецъ, 3-го марта 1900 г. руководитель, выразившій свое согласіе, былъ представленъ на утвержденіе. Это былъ одинъ изъ служащихъ земства, занимавшій видную педагогическую должность; ранѣе онъ руководилъ въ теченіе ряда лѣтъ курсами въ Новгородской, Черниговской и Костромской губерніяхъ и только что получилъ оффиціальную благодарность попечителя учебнаго округа за послѣдніе курсы, на которыхъ выступалъ руководителемъ. Казалось, не было мѣста сомнѣніямъ. Однако, прошло два съ половиною мѣсяца и незадолго до предположеннаго начала курсовъ выяснилось, что приглашенный руководитель не будетъ утвержденъ. Надо было отыскивать другого, и на этотъ разъ управѣ посчастливилось заручиться согласіемъ одного изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ спеціалистовъ по вопросамъ начальнаго обученія. Гарантіей успѣха, повидимому, несомнѣнной, было то обстоятельство, что это лицо уже было утверждено въ то же самое лѣто въ другомъ городѣ того же самаго учебнаго округа. Курсы были отложены на осень, бумага съ представленіемъ пошла по инстанціямъ, учителя и представители земства ждали, радуясь заранѣе, что увидятъ на курсахъ столь извѣстнаго педагога. Однако, получился отвѣтъ, изъ котораго явствовало, что возможное въ одномъ городѣ невозможно въ другомъ, хотя отвѣтъ долженъ былъ бы исходить въ конечномъ счетѣ, повидимому, изъ одного и того же органа власти какъ для Тамбова, такъ и для Курска. Земство не теряло энергіи: было рѣшено добиваться устройства курсовъ въ 1901 году,—губернское земство ассигновало на этотъ разъ 6.000 руб., одно изъ уѣздныхъ—1.455 руб. Исходя изъ опыта предыдущихъ неудачъ, рѣшили выбрать такое лицо, которое имѣло бы за собою примѣръ утвержденія не только въ другихъ городахъ, хотя бы того же Харьковскаго учебнаго округа, но и въ самомъ Тамбовѣ и которое, слѣдовательно, удовлетворяло бы не только болѣе или менѣе извѣстнымъ общимъ, но и предполагаемымъ спеціальнымъ мѣстнымъ требованіямъ. Такимъ лицомъ и былъ Н. Ф. Бунаковъ, извѣстный всѣмъ, выступавшій ежегодно на курсахъ вплоть до 1900 года, авторъ одобренныхъ министерствомъ учебниковъ. Самый возрастъ почтеннаго педагога, повидимому, исключалъ всякую возможность перемѣны въ немъ, а слѣдовательно и въ отношеніяхъ къ нему со стороны администраціи... Но... опять пошло по инстанціямъ «представленіе» и опять черезъ три мѣсяца выяснилось существованіе непреодолимыхъ препятствій, для которыхъ на русскомъ языкѣ изобрѣтенъ эвфемистическій терминъ: «независящія обстоятельства». Тогда, чтобы спасти курсы (приглашеніе руководителя по русскому языку явилось непремѣннымъ условіемъ ихъ разрѣшенія), управа пригласила рекомендованнаго ей

преподавателя одной изъ мѣстныхъ гимназій, бывшаго преподавателя учительской семинаріи. Онъ былъ очень быстро утвержденъ, но, какъ сообщалось еще въ прошломъ году, еще скорѣе прекратилъ начатыя занятія, а послѣ курсовъ, въ отчетѣ, представленномъ въ моршанскую уѣздную земскую управу, учителя-курсисты писали: «Спеціально дидактическая часть была весьма неудовлетворительна... образцовые уроки наглядно показали, какъ не слѣдуетъ вести занятія въ школѣ...»

«Зимою 1902 года,—продолжаетъ свое повѣствованіе о курсахъ въ Тамбовѣ г. Щерба,—опять началась обычная работа. На этотъ разъ были приглашены руководителями и лекторами исключительно лица, состоящія на педагогической службѣ, были получены благопріятные отзывы ихъ начальства и, слѣдовательно, препятствій не могло быть съ этой обыкновенно самой опасной стороны. Программа лектора по русской литературѣ г. Сакулина и программа руководителя по методикѣ русскаго языка Н. П. Ахутина, разосланныя учителямъ, возбудили огромный интересъ и вызвали множество запросовъ. Между тѣмъ, время шло, отвѣта не получалось, начались запросы о судьбѣ курсовъ и, въ концѣ концовъ, дѣло свелось къ перепискѣ, которая могла бы дать поводъ для извѣстнаго разсказа Чехова «Много бумаги». Впрочемъ, тамбовскій варіантъ разсказа слѣдовало бы озаглавить «Много телеграммъ».

«Ходатайство о курсахъ было послано 10-го марта. 30-го апрѣля управа запрашивала попечителя округа телеграммою о судьбѣ курсовъ. Отвѣтъ гласилъ: «Ходатайство отослано въ министерство 3-го апрѣля». Какъ извѣстно, правила о курсахъ предоставляютъ окончательное рѣшеніе вопроса самому попечителю. Слѣдующій телеграфный запросъ былъ направленъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Отвѣчная телеграмма сообщала: «ожидается отзывъ ученаго комитета». Между тѣмъ, приближалось время курсовъ, надо было начинать подготовительныя работы и 16-го мая была послана телеграмма въ комитетъ. 18-го мая изъ Петербурга получена была телеграмма безъ подписи, но носящая несомнѣнно характеръ отвѣта на посланный запросъ. Она гласила: «Курсы разрѣшены, кромѣ исторіи литературы и исторіи земли». Оставалось воспользоваться тою частью, которая, очевидно, была разрѣшена, т.-е. методикою русскаго языка и школьною гигіеною, но для этого требовалось получить отвѣтъ отъ начальства, указаннаго въ правилахъ 1875 года, т. е. отъ попечителя учебнаго округа. На новую телеграмму попечитель отвѣчалъ: «До полученія округомъ отвѣта изъ министерства вопросъ о курсахъ не можетъ считаться рѣшеннымъ». Затѣмъ была еще одна телеграмма попечителя отъ 4-го іюня и новый отвѣтъ: «Сегодня снова сдѣлалъ запросъ департаменту»; новая телеграмма управы 10-го іюня; наконецъ, 18-го іюня, черезъ восемь дней послѣ предположеннаго начала курсовъ и четыре слишкомъ мѣсяца послѣ начала переписки, былъ полученъ заключительный, устраняющій всякія сомнѣнія отвѣтъ тоже по телеграфу: «Ходатайство о курсахъ отклонено».

Г. Щерба рекомендуетъ земскимъ собраніямъ возбудить рядъ ходатайствъ объ облегченіи и упрощеніи способовъ разрѣшенія учительскихъ курсовъ. Къ такому пожеланію нельзя не присоединиться и мы обращаемъ съ своей

стороны вниманіе земскихъ дѣятелей на статью г. Щербы. Устраненіе разнаго рода тормазовъ, затрудняющихъ у насъ дѣло народнаго просвѣщенія тѣмъ болѣе необходимо, что отравляющая народное сознаніе «лубочная литература» получаетъ поистинѣ, колоссальное распространеніе. Народъ утоляетъ свой духовный голодъ по преимуществу самыми тлетворными продуктами.

Въ одномъ изъ предыдущихъ журнальныхъ обозрѣній мы уже касались вопроса о лубочной литературѣ. Теперь этой же темой занялся въ сентябрьской книжкѣ «Научнаго Обозрѣнія» г. П. Б—инъ. На основаніи точныхъ данныхъ извѣстно, что одинъ г. Сытинъ, напр., выпускаетъ нѣкоторыя «особенно ходкія» издѣлія своихъ молодцовъ *ежегодно* въ количествѣ милліона двухсотъ тысячъ экземпляровъ! И весь этотъ «товарецъ» расходится безъ остатка. Да и какъ ему не расходиться, коли книжонки эти продаются по 65 коп. за сотню экземпляровъ! Хорошая книжка не можетъ выдержать конкуренціи съ подобнаго рода издѣліями. «Мы попадаемъ въ заколдованный кругъ,—пишетъ г. Б—инъ. Интеллигентныя изданія «Посредника»», не говоря уже о болѣе дорогихъ изданіяхъ «Харьковскаго комитета грамотности» и О. Н. Поповой, не получаютъ достаточно широкаго распространенія, главнымъ образомъ, въ силу своей дороговизны; дороговизна же эта обусловливается тѣмъ, что печатаемыя въ недостаточномъ количествѣ экземпляровъ они при болѣе низкой цѣнѣ не окупаютъ расходовъ. Недостаточно большое количество экземпляровъ есть главная причина дороговизны, дороговизна же является, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ недостаточно большого количества экземпляровъ. Выходъ изъ этого противорѣчія можетъ быть только одинъ—понизить цѣну интеллигентныхъ изданій до соотвѣтствующей цѣны лубочныхъ изданій и завести хорошую организацію сбыта путемъ книгоношъ этихъ книгъ. На первыхъ порахъ эта мѣра, весьма вѣроятно, принесетъ предпріятію крупные убытки и потребуетъ значительныхъ средствъ; но постепенно интеллигентная книга, благодаря своей дешевизнѣ и хорошей организаціи сбыта, проложитъ широкую дорогу въ народную среду и этимъ самымъ вызоветъ необходимость печатанія ея въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, что, въ свою очередь, позволитъ уже безъ убытка продавать эту книгу по цѣнамъ лубочныхъ изданій».

Съ такою задачею отдѣльнымъ лицамъ и даже фирмамъ справиться не подъ силу, но, думаетъ г. Б—инъ, тутъ-то и «раскрывается передъ земствомъ новое поле плодотворнаго труда». «Только широкая книгоиздательская дѣятельность земства,—пишетъ онъ,—способна положить конецъ темному царству лубочной литературы, только она, усвоивъ всю внѣшнюю технику лубочныхъ издателей, съумѣетъ дать народу дешевую и интеллигентную книгу».

Все это, конечно, такъ, со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться, но извѣстно ли г. Б—ну то обстоятельство, что наши лубочники, да и не одни только лубочники, подняли «юридическій вопросъ» о самомъ правѣ земства заниматься книгоиздательствомъ и что нашлись «юристы», которые полагаютъ, что истина въ такомъ дѣлѣ пребываетъ на сторонѣ лубочниковъ?

Намъ хочется сдѣлать по поводу статьи г. Б—на еще одно замѣчаніе. Мы отлично понимаемъ то естественное чувство негодованія, которое испытываетъ

онъ при чтеніи «произведеній» Никольскаго рынка вообще и при ознакомленіи съ практикуемыми какимъ-нибудь лубочникомъ Земскимъ способами распространенія въ народной средѣ произведеній нашихъ великихъ писателей, но все же думаемъ, что выражаться по этому поводу такъ, какъ выражается г. Б—нъ, не слѣдъ.

«Пока г. Земскій,—пишетъ г. Б—нъ,—щеголялъ «босо-голыми ногами» съ цѣлью излечиться отъ «лично-бывшей трудно-тяжкой болѣзни», то это было еще смѣшно, но когда г. Земскій въ этомъ же самомъ видѣ влѣзаетъ въ компанію Пушкина, Лермонтова и Кольцова и «лично имъ написанныя» стихотворенія включаетъ въ собраніе сочиненій «величайшихъ и знаменитѣйшихъ всероссійскихъ трехъ творцовъ», то это уже не смѣшно, читатель. Существуютъ строгіе законы, которыми наказуется всякая фальсификація пищевыхъ продуктовъ, всякая вредная подмѣсь къ чистымъ натуральнымъ продуктамъ; такъ почему же можно равнодушно смотрѣть, какъ подмѣшиваются вредныя вещества къ умственной пищѣ народа, какъ отравляется чистый родникъ поэзіи нашихъ великихъ классиковъ всякою гнилью съ Никольскаго рынка, почему густая сѣть, черезъ которую такъ фильтруются всѣ книжки, прежде чѣмъ онѣ достигаютъ народа, почему эта сѣть *безпрекословно пропускаетъ* (курсивъ нашъ) такую нездоровую, развращающую пищу, которую представляетъ собою лубочная литература!»

Мы совершенно убѣждены, что г. Б—нъ не взываетъ для устраненія въ данномъ случаѣ зла къ усиленію бдительности «сѣти», не рекомендуетъ предоставить послѣдней заботу объ искорененіи литературной фальсификаціи, но вѣдь изъ способа его рѣчи можно сдѣлать и такой выводъ, а это значитъ, по нѣмецкой пословицѣ, «выплескивать изъ ванны вмѣстѣ съ водою и ребенка!»

Выраженіе той мысли, высказать которую желалъ г. Б—нъ, должно отличаться особенною ясностью именно у насъ, гдѣ такъ легко можно услышать восклицаніе обывателя: «Чего же смотритъ начальство!» Намъ приходилось слышать подобныя восклицанія, доказывающія, конечно, крайнюю въ извѣстномъ смыслѣ неразвитость, отъ людей вполнѣ интеллигентныхъ по поводу такъ нашумѣвшей въ прошломъ году статьи «Гражданина» о русскихъ курсисткахъ. Вотъ почему негодующимъ восклицаніямъ, облеченнымъ въ форму вопроса, почему, молъ, «сѣть безпрекословно пропускаетъ» и т. д., не должно быть мѣста. Повторяемъ еще разъ, мы далеки отъ самой мысли, что г. Б—нъ думалъ возлагать на «сѣть» новыя заботы, и говоримъ исключительно о той *формѣ* выраженія имъ своего взгляда, которая можетъ дать поводъ къ весьма нежелательнымъ недоразумѣніямъ.

Въ сентябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщена чрезвычайно интересная статья г. А. Г. подъ заглавіемъ «Черные кабинеты въ Западной Европѣ», хотя это, въ сущности, не самостоятельная статья названнаго автора, а лишь изложеніе одной нѣмецкой книжки, принадлежащей перу бывшаго почтоваго чиновника Б. Э. Кенига, но интересъ ея отъ этого нисколько не уменьшается. Кенигъ имѣлъ въ виду «дать полную исторію всевозможныхъ государственныхъ учрежденій, состоящихъ въ разныхъ странахъ при почтѣ и

имѣвшихъ цѣлью слѣдить за частной перепиской, довѣрчиво вручаемой почтѣ для храненія и пересылки» (это и есть то, что называется «черными кабинетами»), но автору удалось дать по этому поводу лишь разрозненные очерки. Однако, и въ такомъ видѣ «очерки» Кенига полны выдающагося интереса, а съ ними-то и знакомитъ читателей «Русскаго Богатства» г. А. Г. Классической страсти кражи писемъ для перлюстрація была подвержена Франція стараго режима. Чтеніе чужихъ писемъ было однимъ изъ любимѣйшихъ занятій Людовика XIV-го. «Для изученія частной корреспонденціи было учреждено особое бюро; завѣдываніе отдѣленіями переходило по наслѣдству къ членамъ одного рода, получившимъ соотвѣтственное воспитаніе. Развитіе чутья ищейки, добываніе всѣми способами — отъ подкупа до кражи — шифровъ и ключей, поддѣлка печатей, незамѣтное вскрываніе пакетовъ — все входило въ эту мудреную тренировку. Ничто — ни положеніе, ни санъ — не спасало отъ раскрытія самыхъ интимныхъ тайнъ, довѣренныхъ письму. Этого требовала цѣлость бурбонской монархіи и любопытство ея представителей». Во время революціи былъ принятъ законъ о неприкосновенности частной переписки, но «въ сложномъ аппаратѣ шпіонства, сопровождавшемъ смѣнившую республиканскій строй военную диктатуру, просмотръ переписки снова занялъ соотвѣтствующее мѣсто. Расходы по возобновленному черному кабинету доходили въ бюджетѣ наполеоновской имперіи до шестисотъ тысячъ, а министры императора въ широковѣщательныхъ посланіяхъ неустанно убѣждали публику, что частная корреспонденція неприкосновенна». Расходы въ 600.000 франковъ на содержаніе «черного кабинета» продолжали фигурировать въ государственномъ бюджетѣ и при реставраціи. «Событія 1848 года дали возможность выяснить, что услугами того же учрежденія пользовалось и правительство Луи-Филиппа» и лишь послѣ его паденія, «несмотря на представленіе и просьбы директора полиціи Карлье, республиканскій министръ Бастидъ покончилъ съ остатками черного кабинета». Однако, «недолговѣчно — какъ и сама вторая республика — было господство этой здравой и открытой политики, и въ режимѣ второй имперіи черный кабинетъ вновь занялъ свое мѣсто». Наконецъ, и въ послѣднее время, особенно во время знаменитаго дѣла Дрейфуса, были замѣтны слѣды дѣятельности черного кабинета. Зло, очевидно, пустило очень глубокіе корни.

Въ дѣлѣ шпіонства видное мѣсто занимаетъ также Австрія. «Чтеніе отчетовъ черного кабинета и городской полиціи было ежедневно первымъ дѣломъ императора Франца послѣ утренней мессы, начинавшей его день. Онъ находилъ здѣсь избранныя мѣста изъ интересныхъ писемъ, сообщенія о чужихъ любовныхъ приключеніяхъ, о событіяхъ въ подозрительныхъ домахъ и т. д. Онъ былъ любопытенъ: если сообщенія казались ему недостаточно подробными, онъ вызывалъ сыщиковъ и требовалъ у нихъ объясненій. И въ то время, какъ первые сановники государства еле могли добиться аудіенціи, всякій, запасшійся пикантной исторіей, былъ желательнымъ гостемъ». Все это требовало громадныхъ расходовъ и не мало находилось охотниковъ на черныя дѣла. Еще бы! Помимо всего прочаго, «знакомство съ чужой корреспонденціей давало имъ возможность играть на биржѣ безъ проигрыша».

Кенигъ, а за нимъ и г. А. Г. останавливаются очень подробно на организаціи того же дѣла въ Германіи. Любопытны по этому поводу происходившія въ разное время многочисленныя пренія въ германскомъ рейхстагѣ. Въ одной изъ своихъ рѣчей въ рейхстагѣ въ 1876 году покойный депутатъ Либкнехтъ привелъ такую «историческую справку»: «18-го мая 1851 года,—началъ онъ,— одно высокопоставленное лицо писало въ частномъ письмѣ *(въ залѣ большое безпокойство)*... да слушайте дальше... писало слѣдующее: «Многаго не могу тебѣ сообщить, такъ какъ большую часть писемъ вскрываютъ». Господа, письмо это написано господиномъ нынѣшнимъ имперскимъ канцлеромъ (Бисмаркомъ) и обращено къ его женѣ. Вы, пожалуй, можете мнѣ сказать: съ тѣхъ поръ прошло двадцать пять лѣтъ, нѣмецкій союзъ не существуетъ, тогдашній представитель Пруссіи въ союзномъ совѣтѣ сталъ нынѣ канцлеромъ германской имперіи. О, я убѣжденъ, что *его* писемъ уже не вскрываютъ, какъ тогда. Но, господа, тѣ самыя лица, которыя занимались тогда чтеніемъ чужихъ писемъ, не только живы, но состоятъ при должностяхъ и почестяхъ; господинъ Штиберъ (директоръ тайной полиціи) царитъ въ Германіи! И потому тѣ, которые въ 1851 году вскрывали письма прусскаго уполномоченнаго, имѣютъ теперь возможность искупить свою вину, вскрывая письма его противниковъ». И много другихъ любопытныхъ фактовъ найдетъ читатель въ цитируемой статьѣ. Мы совѣтуемъ ему ознакомиться съ нею въ подлинникѣ.

За границей.

Общественная жизнь въ Германіи. Германскій рейхстагъ открылъ свою дѣятельность послѣ лѣтней паузы. Первое засѣданіе было посвящено разсмотрѣнію безчисленнаго множества петицій, касающихся измѣненія существующихъ законовъ относительно правъ собраній и ферейновъ, и справившись съ ними, на что не потребовалось много времени, рейхстагъ долженъ былъ приготовиться къ генеральному сраженію и приступить къ второму чтенію таможеннаго законопроекта, надъ детальнымъ обсужденіемъ котораго таможенная коммиссія проработала цѣлыхъ семь мѣсяцевъ почти безъ отдыха. Однако, несмотря на то, что на первомъ парламентскомъ засѣданіи много членовъ отсутствовало дебаты все-таки носили довольно оживленный характеръ. Поднятъ былъ вопросъ объ уравненіи правъ женщинъ въ области закона о ферейнахъ, который до сихъ поръ приравниваетъ ихъ къ несовершеннолѣтнимъ и ученикамъ, неимѣющимъ права участвовать въ политическихъ собраніяхъ и союзахъ. Какъ и слѣдовало предвидѣть и на этотъ разъ пренія не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, но тѣмъ не менѣе они указали, что вопросъ объ уравненіи правъ женщины въ политическомъ отношеніи настоятельно требуетъ своего разрѣшенія. Берлинскія газеты (за исключеніемъ консервативныхъ органовъ), обсуждая пренія рейхстага, высказываютъ мнѣніе, что вопросъ этотъ настолько уже назрѣлъ, что шуточками отдѣлаться отъ него нельзя, также какъ нельзя замалчивать того факта, что женщина все болѣе и болѣе выступаетъ за предѣлы семейнаго круга и

начинаетъ занимать мѣсто во всѣхъ областяхъ экономической жизни государства какъ сотрудница или конкуррентка мужчины. Прусскій министръ фонъ-Гаммерштейнъ, развязно заявившій что «Германія стоитъ въ этомъ отношеніи на той же самой точкѣ зрѣнія, какъ и 50 лѣтъ назадъ», совершенно упускаетъ изъ виду, что условія, именно въ отношеніи экономической борьбы, совершенно измѣнились въ настоящее время и игнорировать появленіе женщинъ на аренѣ этой борьбы невозможно, точно также какъ невозможно въ разныхъ ферейнахъ и собраніяхъ отдѣлить чисто профессіональные интересы отъ политическихъ. Въ рейхстагѣ только одинъ депутатъ центра Тримборнъ защищалъ точку зрѣнія правительства; остальные же депутаты всячески старались изощрять свое остроуміе, направляя свои стрѣлы въ злополучнаго министра и доказывая полную несостоятельность и противорѣчіе существующихъ законовъ о ферейнахъ и собраніяхъ. Инцидентъ въ кёльнскомъ собраніи общества соціальной реформы дало лишній поводъ указать на несостоятельность этихъ законовъ. По закону женщины не имѣли права участвовать въ этомъ собраніи. Между тѣмъ кельнская полиція не сочла возможнымъ вмѣшаться и воспретить англійской фабричной инспектрисѣ миссъ Андерсенъ, явившейся делегатомъ на это собраніе, принимать въ немъ активное участіе. Миссъ Андерсенъ говорила рѣчь, какъ и прочіе ораторы, и оффиціальный представитель правительства ничего не возразилъ противъ ея появленія на ораторской трибунѣ. «Почему же сдѣлано такое исключеніе? восклицаетъ «Frankfurt. Zeit». Или запрещеніе должно быть распространено на всѣхъ женщинъ, или же оно должно быть отмѣнено, какъ устарѣвшее. Прусское правительство несомнѣнно поставило себя въ очень трудное положеніе, такъ какъ оно не можетъ отказать нашимъ женщинамъ въ томъ правѣ, которое дано иностраной гостьѣ. Прусскія женщины должны воспользоваться этимъ фактомъ».

Недавно организованное общество въ Гамбургѣ «Geselschaft Volkosheim», преслѣдующее такія же цѣли, какъ и «Toynbee Hall» въ Лондонѣ, открыло бюро справокъ для рабочихъ, куда они могутъ обращаться за свѣдѣніями и совѣтами по юридическимъ и др. вопросамъ. Члены общества, въ числѣ которыхъ много разныхъ спеціалистовъ, участвуютъ личною дѣятельностью въ этихъ бюро, каждый по своей спеціальности. Кромѣ того, въ помѣщеніи общества устроена читальня, въ которой получаются журналы и газеты, безъ различія политическаго направленія. Съ теченіемъ времени общество предполагаетъ устроить библіотеку для выдачи книгъ и организовать публичныя лекціи по воскреснымъ вечерамъ, а также устраивать различныя развлеченія. Одинъ изъ членовъ предлагаетъ обществу взять подъ свое покровительство ремесленныхъ учениковъ и подмастерьевъ и позаботиться объ улучшеніи ихъ быта посредствомъ организаціи между ними ферейновъ и занятій и развлеченій для нихъ въ свободные отъ работы часы. Такимъ образомъ, гамбургское общество намѣтило для себя широкую программу, которую оно можетъ привести въ исполненіе только постепенно. Средства общества пока ограничены, но подписка идетъ успѣшно и организаторы надѣются на его дальнѣйшее развитіе. Очень много мужчинъ и женщинъ выразили желаніе, кромѣ ежемѣсячнаго взноса,

активно помогать дѣятельности общества, посредствомъ ли писанія лекцій, организаціи медицинской помощи или занятій въ бюро и въ библіотекѣ. Германская печать, очень сочувственно относящаяся къ начинаніямъ гамбурцевъ, выражаетъ надежду, что и другія большіе торгово промышленные центры Германіи послѣдуютъ примѣру Гамбурга въ этомъ отношеніи.

Въ народныхъ школахъ Берлина замѣчается въ послѣднее время усиленіе женскаго элемента среди учительскаго персонала. Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ народное образованіе находилось почти исключительно въ рукахъ мужчинъ и женщины въ школахъ лишь преподавательницы рукодѣлій. Теперь это измѣнилось, женщины преподаютъ въ школахъ наравнѣ съ мужчинами и процентное отношеніе учительницъ все возрастаетъ. Надо отдать также справедливость мужскому педагогическому персоналу школъ, что онъ далеко не относится съ такою враждебностью къ своимъ коллегамъ женщинамъ, какъ это замѣчается въ нѣкоторыхъ другихъ профессіяхъ, напримѣръ, въ медицинской профессіи. Народные учителя требуютъ только одного, чтобы трудъ женщины оплачивался такъ же какъ и трудъ мужчины, такъ какъ если женщины будутъ работать дешевле, то это можетъ дать поводъ къ полной замѣна мужского труда женскимъ, какъ это уже замѣчается на нѣкоторыхъ фабрикахъ. Такое требованіе, конечно, вполнѣ справедливо и поэтому предводительницы женскаго движенія также настаиваютъ на томъ, чтобы женщины не понижали заработной платы посредствомъ удешевленія своего труда.

Новая британская академія. Юбилей въ Оксфордѣ. Идея основанія британской академіи историческихъ, философскихъ и филологическихъ наукъ возникла недавно. До 1899 г. ни одна душа въ Англіи не помышляла о такомъ учрежденіи и британское общество не ощущало въ немъ никакой особенной потребности. Но въ 1899 г. произошле объединеніе великихъ академій міра и Англія оказалась внѣ этого движенія, такъ какъ знаменитое англійское ученое общество «Royal Society» занимается только естественными науками и не представляетъ изъ себя академіи историческихъ, философскихъ и филологическихъ наукъ. Въ собраніи академіи, происходившемъ въ 1899 г. рѣшено было устроить слѣдующій конгрессъ въ Лондонѣ въ 1904 г. и это обстоятельство вынудило англійское общество ученыхъ, подумать объ образованіи новой британской академія. Пятнадцать ученыхъ (изъ которыхъ трое уже умерли въ этотъ промежутокъ времени) составили петицію къ королю и вопросъ объ организаціи академіи теперь разрѣшенъ положительнымъ образомъ. Первые члены новой академіи — 49 человѣкъ, давно уже занимаютъ выдающееся мѣсто, не только въ ученомъ мірѣ, но отчасти и въ политической жизни страны. Впрочемъ, тутъ встрѣчаются люди разныхъ политическихъ направленій. Исторія имѣетъ своимъ представителемъ извѣстнаго дублинскаго профессора Лекки, составившаго себѣ имя и въ области соціальной политики. Джемсъ Брайсъ и Джонъ Марлей также находятся въ числѣ академиковъ по отдѣлу историческихъ наукъ; все это имена достаточно извѣстныя и въ политическомъ отношеніи.

Въ отдѣлѣ философскихъ наукъ въ числѣ будущихъ членовъ академіи находится Бальфуръ, теперешній министръ-президентъ.

Вопросъ новой британской академіи давно уже обсуждается печатью. Относясь, въ общемъ сочувственно къ этой идеѣ, англійскія газеты говорятъ, что въ Англіи все-таки немыслимо такое учрежденіе какъ «Académie française». Въ 1820 г. было организовано королевское общество литературы (Roçl society of Literature» получившее субсидію изъ частной королевской шкатулки, но оно не только не развивалось, хотя во главѣ его стояли такіе люди, какъ Кольриджъ, Ранке, Раулинсонъ, Прескоттъ, Бунзенъ и др., оно влачило самое жалкое существованіе и въ концѣ концовъ превратилось въ общество, гдѣ собираются весьма почтенные пожилые люди и читаютъ другъ другу неинтересныя произведенія, о которыхъ потомъ никто никогда ничего не слышалъ. По этому поводу газеты припоминаютъ слова покойнаго Мѣтью Арнольда, который сказалъ: «Мы не можемъ разсчитывать, что намъ удастся создать учрежденіе, подобное французской академіи, которое занимается всеобщею литературой. Быть можетъ, тевтонскій геній не укладывается въ эти рамки, но возможно также, что уже поздно навязывать ихъ ему. Каждый, знакомый съ нашею національною жизнью можетъ уже теперь предсказать во что бы превратилась со временемъ литературная академія, если бы она была основана въ Лондонѣ. Можно заранѣе назвать всѣхъ ея членовъ, отличительными качествами которыхъ должны быть «distinction и «respectability». Свободный полетъ духа былъ бы принесенъ въ жертву этимъ качествамъ и поэтому пусть лучше все остается по старому».

Оксфордъ приготовляется къ торжественному празднованію трехсотлѣтняго юбилея бодлеяновской библіотеки. Эта библіотека насчитываетъ теперь около 500.000 томовъ, 30.000 манускриптовъ и 20.000 гравюръ на мѣди, въ числѣ которыхъ находится множество рѣдкихъ экземпляровъ. Оксфордскій университетъ вправѣ гордиться этою замѣчательною библіотекой, которая принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ въ Европѣ. Особенно богатъ отдѣлъ восточныхъ рукописей. Библіотека эта испытала много превратностей. Она названа по имени основателя своего англійскаго государственнаго дѣятеля Томаса Бодлея, который задумалъ возобновить старую оксфордскую библіотеку, уничтоженную во времена Эдуарда VI правительственными чиновниками и патерами, которымъ король поручилъ реформу университета. Тогда всѣ сочиненія и рукописи свободомыслящаго содержанія были частью уничтожены, частью распроданы и библіотека совсѣмъ пришла въ упадокъ. Бодлей, задумавшій возстановить ее, посвятилъ всю свою жизнь собиранію книгъ и истратилъ на это все свое громадное состояніе. Въ 1603 году библіотека эта была открыта. Бодлей завѣщалъ въ ея пользу все свое состояніе и такъ какъ примѣръ его нашелъ подражателей среди англійскихъ государственныхъ дѣятелей и ученыхъ, то библіотека быстро разрослась и достигла высокаго процвѣтанія. Къ участію въ празднованіи юбилея будутъ приглашены всѣ ученые міра и Оксфордъ готовится устроить имъ подобающую встрѣчу.

Бурскіе герои. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ одинъ нѣмецкій путешественникъ, побывавшій въ южной Африкѣ, сказалъ о бурахъ: «Это народъ-политикъ до мозга костей». Въ настоящее же время въ Европѣ также находятъ, что буры обладаютъ большими дипломатическими способностями, и это особенно выражалось въ поѣздкѣ бурскихъ генераловъ Девета, Боты и Деларея въ Европу. Они высадились въ Соутгэмптонѣ и ихъ тотчасъ же пригласили на морской парадъ, явившійся эпилогомъ коронаціонныхъ празднествъ. Но бурскіе герои очень вѣжливо отклонили это приглашеніе, сказавъ, что они не могутъ присутствовать на празднествахъ въ то время, какъ ихъ страна находится въ траурѣ, и затѣмъ прибавили съ добродушнымъ юморомъ, «что у нихъ нѣтъ подходящаго костюма». Въ Англіи ихъ поведеніе, преисполненное собственнаго достоинства, произвело очень симпатичное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что на другой день бурскіе герои не отказались посѣтить англійскаго короля, личное вмѣшательство котораго несомнѣнно содѣйствовало окончанію войны. Но съ англійскими министрами они не видѣлись и не бесѣдовали съ ними о дѣлахъ страны. Они отправились прямо въ Голландію къ Штейну и Крюгеру и имѣли длинныя совѣщанія съ бурскими делегатами. Европейскія газеты обращаютъ вниманіе на то, что они тщательно избѣгаютъ вызывать на континентѣ демонстраціи, которыя могли бы разсердить англичанъ, и это объясняется тѣмъ, что они сознаютъ нужду въ добромъ расположеніи англичанъ, чтобы страна могла подняться. Буры были побѣждены не оружіемъ, а страшною нуждой, которую терпѣли ихъ жены и дѣти, и теперь они ожидаютъ, что Англія по возможности исправитъ сдѣланное ею зло. Во всякомъ случаѣ, наученные опытомъ, они не ждутъ многаго отъ платоническихъ выраженій симпатій на европейскомъ континентѣ. Но люди, хорошо знающіе характеръ буровъ, увѣрены, что борьбу нельзя считать прекратившейся; она только будетъ перенесена теперь на политическую почву. Бурская нація не можетъ быть истреблена и англичане лойялисты въ Капской колоніи отлично это сознаютъ; недаромъ опасаясь преобладанія африкандеровъ, требовали пріостановки конституціи въ колоніи, т.-е. отмѣны ея законодательной автономіи. Эти самыя лойялисты теперь очень желаютъ ухода перваго министра Гордона Спригга, который отказался ихъ поддерживать. Все это признаки, указывающіе, что ни духъ оппозиціи афракандеровъ, ни ихъ языкъ, не были побѣждены въ колоніи и теперь, по окончаніи страшной кровопролитной борьбы, африкандеры поднимаютъ голову еще выше, такъ какъ они опираются на героизмъ уничтоженныхъ республикъ, воспоминаніе о которомъ не можетъ исчезнуть никогда.

Изъ пріѣхавшихъ въ Европу бурскихъ героевъ больше всего обращаетъ на себя вниманіе Деветъ, о которомъ ходятъ всевозможныя легендарныя разсказы. Любопытно, что сами англійскія газеты помѣщаютъ разсказы о немъ своихъ корреспондентовъ, рисующіе подчасъ далеко не въ выгодномъ свѣтѣ англійское войско въ Южной Африкѣ. Корреспондентъ «Daily Mail» разсказываетъ напримѣръ, слѣдующее: «Мы услышали о Деветѣ впервые въ маѣ 1900 г. Главная армія лорда Ротберса была на своемъ пути къ сѣверу. По желѣзной дорогѣ мы встрѣтили мало сопротивленія, но къ востоку отъ нея рѣши-

тельный и упорный бурскій вождь Деветъ постоянно тревожилъ аріергардъ Гамильтона и чуть не ежедневно принуждалъ его къ сраженіямъ, крайне затрудняя обозное движеніе, но между Натальспрюйтомъ и Стандертономъ Деветъ внезапно наткнулся на очень сильный британскій отрядъ. Что же онъ сдѣлалъ? Вмѣсто того, чтобы отступить, онъ съ наступленіемъ темноты, прямо двинулся на англійскій лагерь и вмѣстѣ со своимъ безконечно длиннымъ обозомъ прошелъ по главной военной дорогѣ. Конечно, его останавливали нѣсколько разъ на пути, но нисколько не смущаясь онъ отвѣчалъ, что направляется къ другому британскому корпусу, расположенному нѣсколько далѣе впереди, которому онъ долженъ доставить обозъ. Только въ одномъ мѣстѣ группа офицеровъ протестовала противъ его движенія, но не на основаніи какихъ-либо тактическихъ соображеній или подозрѣнія, а потому что Деветъ со своимъ обозомъ поднималъ страшную пыль!

«Въ другой разъ, когда Деветъ совершалъ свой знаменитый переходъ черезъ Оранжевую республику и къ западу отъ Рустенбурга прорвался черезъ англійскія линіи, онъ снова наткнулся на корпусъ, значительно превосходящій его силами. Вечеромъ въ тотъ же день въ англійскомъ лагерѣ было большое ликованіе, такъ какъ всѣ были увѣрены, что Деветъ попался наконецъ въ западню. Повидимому, удалось не только помѣшать его соединенію съ Ботой, но и отрѣзать ему отступленіе. Въ лагерѣ говорили, что ему больше ничего не остается, какъ вступить съ англійскими войсками въ бой на жизнь и смерть или же раздѣлить свою команду на мелкіе отряды, чтобы они могли исчезнуть въ Фельдтѣ. Была полночь и въ лагерѣ всѣ улеглись спать съ пріятною увѣренностью, что завтра утромъ удастся принудить Девета къ сдачѣ. Ночью вдругъ была произведена тревога и до самаго разсвѣта войска стояли на готовѣ, ожидая что будетъ. По направленію изъ лагеря Девета доносился шумъ, скрипъ колесъ, крики погонщиковъ кафровъ. Очевидно, тамъ что-то случилось, но что?—Никто не зналъ отчего! Повидимому, въ лагерѣ буровъ господствовало большое смятеніе и у насъ рѣшили, что они сбились съ пути и каждую минуту могутъ наткнуться на наши форпосты и очутиться у нихъ въ рукахъ, передовые британскіе отряды стояли наготовѣ къ сраженію и все было приготовлено на случай ночного нападенія. Мы были убѣждены, что съ разсвѣтомъ начнется генеральное сраженіе, но когда взошло солнце, то что же представилось нашимъ глазамъ. Около сорока пустыхъ повозокъ и нѣсколько быковъ, которые стояли въ отдаленіи, да еще нѣсколько чернокожихъ и около полдюжины бѣлыхъ,—все инвалиды, которымъ Деветъ поручилъ производить «операціи», т.-е. провозить въ теченіи ночи мимо нашего носа пустыя повозки, въ то время какъ онъ самъ, со всею своею командою и длиннымъ обозомъ со всѣми припасами и т. д., преспокойно обошелъ нашъ лѣвый флангъ и къ утру былъ уже далеко! Все это мы узнали гораздо позднѣе, но въ то утро, когда мы увидѣли исчезновеніе Девета, никто не могъ сказать, куда онъ направился со своею командой.

«Спустя двѣ ночи послѣ этого инцидента часовой у желѣзнодорожнаго переѣзда въ 12 миляхъ къ западу отъ Іоганнесбурга увидалъ кавалериста въ англійской

формѣ конной инфантеріи, который спросилъ у него дорогу на станцію Флорида. Часовой повернулся, чтобы показать ему направленіе, какъ вдругъ почувствовалъ дуло револьвера на своемъ вискѣ и услышалъ голосъ предполагаемаго англійскаго всадника, говорившій: «Ни звука! Тогда съ вами ничего не будетъ сдѣлано!» Взявъ изъ рукъ озадаченнаго часового ружье, всадникъ три раза свиснулъ и спустя нѣсколько минутъ показалась верхушка длинной колонны всадниковъ и цѣлый длинный поѣздъ изъ повозокъ и верховыхъ лошадей, который спокойно перешелъ черезъ желѣзнодорожный путь. По исчисленію часового, буровъ было до 2.000 человѣкъ и 80 повозокъ. Когда всѣ они миновали переѣздъ, всадникъ обратился къ часовому и съ улыбкой сказалъ ему: «Вы будете свободны черезъ часъ. Но если вы раньше этого срока двинетесь съ мѣста, то вы—мертвы. Я оставляю надежнаго стрѣлка тутъ въ кустахъ и онъ немедленно уложитъ васъ на мѣстѣ, если только вы сдѣлаете хоть одинъ шагъ. Когда же пройдетъ назначенный мною срокъ, то вы можете отправиться къ командующему офицеру и сказать ему, что Христіанъ Деветъ со своею командой прошелъ здѣсь въ двадцать минутъ перваго».

Одинъ изъ англійскихъ офицеровъ, капитанъ Корбалисъ, лично знавшій Девета, разсказывалъ про него, что онъ въ высшей степени привѣтливый и справедливый человѣкъ. Своихъ людей онъ держалъ въ рукахъ и они боялись и уважали его. Деветъ безпрестанно отнималъ обозы у англичанъ и у Вреде-форта захватилъ огромное количество припасовъ, военнаго матеріала и одежды. Это была очень богатая добыча, и Деветъ, обратившись къ плѣннымъ англичанамъ, сказалъ: «Ну теперь у насъ довольно всего и потому вы можете поискать и взять себѣ, что вамъ понравится изъ оставшейся добычи». Плѣнные не заставили себя просить и вмѣстѣ съ бурами принялись разорять обозъ. Почтовыя сумки были вскрыты и письма и газеты были разбросаны по всей странѣ. Но нѣкоторыя письма и посылки были все таки доставлены потомъ по адресу, въ томъ числѣ корреспонденціи англійскихъ газетъ. Когда буры двинулись дальше, то отличить побѣдителей отъ побѣжденныхъ было нельзя, такъ какъ всѣ они были одинаково одѣты въ теплые англійскіе зимніе мундиры. А въ это время въ Преторіи 12.000 англійскаго войска мерзли, потому что Деветъ захватилъ всѣ англійскіе зимніе запасы!

Одному изъ своихъ плѣнныхъ офицеровъ Деветъ сказалъ, что онъ отлично сознаетъ, что у буровъ не можетъ быть ни малѣйшей надежды на окончательную побѣду. Но онъ поставилъ себѣ цѣлью сдѣлать эту войну наиболѣе дорого стоющею и разорительной для Англіи и къ этому напрягаетъ всѣ свои усилія. «Надо сознаться,—заключаетъ англійскій корреспондентъ,—что цѣли своей онъ достигъ!»

Секта Сенусси и мусульманское движеніе. Европейская печать въ началѣ этого года впервые заговорила о мусульманской сектѣ Сенусси въ Африкѣ и ея вліяніи. Одни авторы уже видѣли грозную мусульманскую опасность въ развитіи этой секты и утверждали, что цѣль ея—вызвать всеобщее возстаніе Ислама, священную войну противъ христіанъ. Другіе же, наоборотъ, дока-

зывали, что сенуссисты далеко не такіе мистики, какъ члены другихъ религіозныхъ общинъ, и что въ Суданѣ они, прежде всего, стремятся къ колонизаціи, прозелитизму и мирному распространенію своей доктрины. Какъ бы то ни было, но быстрое расширеніе этой могущественной религіозной общины должно было внушать опасенія европейцамъ, тѣмъ болѣе, что они всюду встрѣчались съ ея агентами на западѣ—въ Морокко и на востокѣ—въ Аравіи. Вся сѣверная Африка, отъ Средиземнаго моря до Судана, подчиняется вліянію этой секты и чтитъ ея главу, шейха Сиди-Мохаммедъ-Бенъ-Али, который во всей этой области пользуется гораздо бо̀льшимъ авторитетомъ, нежели самъ калифъ, турецкій султанъ. Враждебное отношеніе шейха Сенусси ко всѣмъ европейцамъ, его недоступность и строгое затворничество, которое онъ соблюдалъ въ своей главной квартирѣ въ одномъ изъ отдаленныхъ оазисовъ Сахары, содѣйствовали, конечно, образованію всевозможныхъ легендъ, провѣрить которыя было очень трудно, и поэтому, личность шейха, также какъ и секта всегда были окружены какимъ-то таинственнымъ ореоломъ. Однако, въ послѣднее время, благодаря англійскимъ изслѣдователямъ, удалось приподнять покровъ этой таинственности. По словамъ англійскихъ путешественниковъ, глава этой секты представляетъ не только могущественную религіозную силу, но является также очень важнымъ факторомъ политическаго положенія.

Секта Сенусси была основана отцомъ теперешняго шейха въ 37 г., который называлъ себя потомкомъ Фатьмы, единственной дочери Магомета. Онъ проповѣдывалъ возвращеніе къ истинной и чистой первоначальной доктринѣ магометанъ и желалъ очистить ученіе Магомета отъ многихъ примѣсей, присоединившихся къ нему впослѣдствіи. Вернувшись изъ Мекки, онъ избралъ своею резиденціею оазисъ Джербубъ, на краю великой Ливійской пустыни и тамъ основалъ монастырь и мусульманскій университетъ, сдѣлавшись признаннымъ главою секты Сенусси. Въ теченіе всей своей жизни онъ употреблялъ всѣ старанія, чтобы распространить вліяніе своей секты, устраивалъ монастыри и высшія школы, которыя становились центромъ религіозной пропаганды и политическаго вліянія секты. По смерти его, ему наслѣдовалъ его сынъ, на котораго онъ указалъ своимъ послѣдователямъ, какъ на Махди—посланнаго пророка, ожидаемаго мусульманами. Сотни тысячъ послѣдователей шейха, разсѣянныя по всей сѣверной Африкѣ, дѣйствительно, глубоко убѣждены, что онъ—посланный пророка Магомета и долженъ утвердить торжество ислама надъ всѣмъ міромъ. Суданскій Махди, Мохаммедъ-Ахметъ, отлично сознавалъ, что въ лицѣ шейха Сенусси онъ имѣетъ могущественнаго соперника, и, поэтому онъ прислалъ ему письмо, приглашая его присоединиться къ махдистскому движенію и назначая его однимъ изъ своихъ эмировъ. Но шейхъ Сенусси не счелъ даже нужнымъ отвѣчать на это посланіе и вмѣсто этого отправилъ своихъ эмиссаровъ въ Вадаи и во всѣ сосѣднія государства центральнаго Судана, предостерегая ихъ противъ притязаній ложнаго пророка въ Хартумѣ.

Однако, самъ шейхъ Сенусси никогда не драпировался въ мантію посланника небесъ и не именовалъ себя Махди. Если таковымъ считали его всѣ его послѣдователи—тѣмъ лучше! Онъ предоставлялъ имъ говорить это. Точно также

онъ не предпринималъ ничего противъ движенія дервишей и держался выжидательнаго образа дѣйствій, но въ округахъ подчинявшихся его вліянію суданскій махдизмъ не имѣлъ никакого успѣха. Шейхъ какъ будто предвидѣлъ паденіе махдизма, и событія блистательнымъ образомъ подтвердили мудрость его осторожной тактики. Остатки суданскихъ махдистовъ и возстаніе сомалійскихъ племенъ не грозятъ такою опасностью европейскому вліянію въ сѣверной и центральной Африкѣ, какъ распространеніе секты Сенусси, никода, впрочемъ, не начинавшей открытыхъ враждебныхъ дѣйствій противъ европейцевъ. Но въ каждомъ столкновеніи, которое возникаетъ между европейскими экспедиціями и мусульманскими племенами Сахары, европейцы видятъ руку шейха Сенусси и ему приписываютъ всѣ свои пораженія и медленные успѣхи своей колонизаціи. Такъ ли это—судить трудно, но весьма вѣроятно, что Сиди-Мохаммедъ не ограничивался только одною платоническою проповѣдью строгой нравственности, которая должна помочь исламу побѣдить міръ, но въ то же время, стремясь къ образованію независимаго, могущественнаго мусульманскаго государства, подготовлялъ средства для этого. Говорятъ, будто въ Джерабубѣ собраны громадные запасы оружія и что сенуссисты давно уже тайно вооружаются для великой борьбы. Какъ бы то ни было, но это тайное общество весьма быстро распространяется и несомнѣнно, что ему слѣдуетъ приписать необычайное распространеніе и укрѣпленіе магометанскаго ученія въ Африкѣ и неуспѣхъ христіанской проповѣди, несмотря на усилія миссіонеровъ; они захватили и Британскую Индію и ихъ можно найти во всѣхъ странахъ, гдѣ есть мусульмане. Вотъ почему европейская печать обращаетъ теперь такое большое вниманіе на это движеніе, и слухъ о смерти шейха Сенусси произвелъ такую сенсацію. Слухъ этотъ требуетъ еще тщательной провѣрки, но даже если онъ подтвердится, то врядъ ли можно разсчитывать, что смерть шейха повліяетъ значительнымъ образомъ на развитіе этого мусульманскаго движенія, такъ какъ причины его успѣха болѣе глубоки и не носятъ такого случайнаго характера. «Во всякомъ случаѣ,—какъ замѣчаетъ одна англійская газета,—христіане еще очень далеки отъ того, чтобы праздновать побѣду надъ мусульманскимъ міровоззрѣніемъ».

Газеты исчезнувшаго города. Вулканическая дѣятельность на вестъ-индскихъ островахъ до сихъ поръ не прекращается, но гибель Сенъ-Пьера мало-по-малу отходитъ уже въ область исторіи. О гибели этого города существуетъ много разсказовъ очевидцевъ этой катастрофы, сообщающихъ различныя подробности и все, что до сихъ поръ извѣстно объ этомъ, указываетъ, что жители погибшаго города не сознавали опасности, грозящей имъ, до самой послѣдней минуты, несмотря на то, что Лысая Гора начала обнаруживать необычную дѣятельность уже съ 25-го апрѣля. Эгу удивительную безпечность обитателей Мартиники подтверждаютъ и найденные недавно послѣдніе номера газеты «Les Coloniess», издававшейся въ Сенъ-Пьерѣ, за недѣлю до катастрофы въ газетѣ появились впервые краткая замѣтка о возобновившейся вулканической дѣятельности Лысой Горы, но главное вниманіе было посвящена депутатскимъ

выборамъ во французскую палату. Одиннадцатаго мая должна была состояться перебаллотировка и этотъ вопросъ больше всего занималъ газету. Но какъ извѣстно вторичнымъ выборамъ уже не суждено было быть. Въ номерѣ отъ 2-го мая помѣщена слѣдующая краткая замѣтка: «Четвергъ 1-го мая. Многія лица въ Сенъ-Пьерѣ подтверждаютъ, что позавчера они ощущали колебанія земли между 3 и 5 часами дня». Еще поразительнѣе, что въ этомъ номерѣ ничего не сообщается о пепельномъ дождѣ, который такъ напугалъ жителей Ле-Премёра; упоминается только объ облакахъ дыма и извѣщается о проектируемой экскурсіи къ кратеру Лысой Горы. Что побуждало печать замалчивать тревожные признаки неизвѣстно. Экскурсія, о которой сообщалось въ газетѣ, не состоялась и въ номерѣ отъ 3-го мая напечатано объ этомъ слѣдующее: «экскурсія, назначенная на завтрашнее утро, не состоится, потому что кратеръ совершенно недоступенъ. Тѣ, кто собирался принять въ ней участіе, получитъ увѣдомленіе, когда она можетъ состояться». Только въ субботу 4-го мая говорится «о настоящемъ и серьезномъ изверженіи» угрожающемъ жителямъ. Въ этомъ номерѣ помѣщенъ подробный отчетъ о дѣятельности вулкана и настроеніи жителей. «Въ городѣ господствуетъ уныніе,—говорится въ этой статьѣ. Губернаторъ пріѣхалъ въ городъ и тотчасъ же отправился въ Премёръ. Онъ приказалъ очистить казармы для жителей Премёра. Пострадавшимъ, число которыхъ велико, оказывается посильная помощь. Попытка пробраться въ округъ къ югу отъ Лысой Горы не увѣнчалась успѣхомъ. Лошади отказываются идти и всякій слѣдъ дороги исчезъ. Жители большихъ поселеній въ окрестностяхъ бросаютъ ихъ и переселяются въ Сенъ-Пьеръ. Слышится ужасающій грохотъ. Вчера ночью патеръ Мари открылъ церковь и огромная толпа поспѣшно наполнила ее, чтобы причаститься Св. Тайнъ. Море имѣетъ черный цвѣтъ. Рѣки наполнены иломъ, какъ во времена большихъ наводненій. Если пепелъ покроетъ и сожжетъ траву, то что будетъ съ нашимъ скотомъ? Сегодня утромъ рынокъ былъ переполненъ ретивыми хозяевами, которые торопились закупать немногіе овощи доставленные изъ деревень. Трудно будетъ въ эти дни продовольствовать населеніе. Около 10¹/₄ часовъ небо снова потемнѣло. По улицамъ города расхаживаютъ люди и звонятъ въ колокольчики. Ученики гимназіи и пансіоновъ распущены...»

Несмотря, однако, на такіе тревожные признаки, въ слѣдующемъ номерѣ отъ 5-го мая снова главное мѣсто отводится выборамъ и только въ концѣ страницы говорится о положеніи вещей въ городѣ. Отчеты и статьи, напечатанные въ этомъ номерѣ, ясно указываютъ, что опасность возрастаетъ. Въ городѣ началось сильное смятеніе, усилившееся вслѣдствіе гибели фабрики Герена. Въ номерѣ отъ 6-го мая сообщается, что вечеромъ 5-го мая городъ погрузился въ темноту, такъ какъ электричество перестало дѣйствовать. Жители почти не спали эту ночь Въ три часа раздался страшный грохотъ, усилившій смятеніе. Въ улицѣ Виктора Гюго всѣ окна были наполнены людями, желавшими знать, что случилось. Говорили, что рѣка вышла изъ береговъ, но тутъ еще не было никакого повода къ безпокойству. Кто-то, стоящій въ окнѣ, замѣтилъ: «Мы не можемъ спать, когда вулканъ такъ крѣпко спитъ, что храпъ его раздается

по всему городу!» «Очевидно этотъ человѣкъ былъ большой философъ», прибавляетъ газета.

Номеръ газеты отъ 6-го мая былъ послѣднимъ и въ немъ извѣщалось, что такъ какъ въ четвергъ праздникъ Вознесенія, то слѣдующій номеръ выйдетъ въ пятницу. Но въ пятницу Сенъ-Перъ уже пересталъ существовать!

Негры въ Кимберлеѣ. «Капскій Наполеонъ» Сесиль Родсъ, какъ извѣстно, создалъ алмазный городъ Кимберлей въ южно-африканской пустынѣ. Этотъ городъ, носящій совершенно европейскій характеръ въ настоящее время, является центромъ алмазной промышленности, такъ какъ около него находятся богатѣйшія въ мірѣ алмазныя копи, эксплуатація которыхъ носитъ весьма своеобразный характеръ. Въ копяхъ работаютъ преимущественно негры, число которыхъ достигаетъ 10.000, и всѣ они помѣщаются въ отгороженныхъ высокою оградою поселеніяхъ, называемыхъ «Compounds», откуда не могутъ выходить ни подъ какимъ предлогомъ. Такихъ укрѣпленныхъ поселеній въ окрестностяхъ Кимберлея существуетъ 17 и самое значительное—«West End Compound» даетъ убѣжище 3.000 чернокожихъ, явившихся сюда изъ всѣхъ концовъ Африки. Одинъ изъ французскихъ журналистовъ, посѣтившій этотъ «Compound», назвалъ его въ шутку «музеемъ негритянской этнографіи». Все это черпокожее населеніе далеко не находятся въ братскихъ отношеніяхъ и порядокъ среди этого сброда удается поддерживать только при помощи желѣзной дисциплины. Тѣмъ не менѣе, по словамъ журналиста, власти и надзиратели обращаются съ ними гуманно и за все свое пребываніе въ Кимберлеѣ, продолжавшееся нѣсколько недѣль, журналистъ не слышалъ ни одной жалобы на дурное обращеніе.

Негры работаютъ тремя смѣнами, по восьми часовъ въ сутки и изъ «Compound'а» въ копи отправляются подземными ходами. Плату они получаютъ хорошую, отъ 18 до 30 шиллинговъ въ недѣлю и кромѣ того имъ выдается премія 10% со стоимости каждаго найденнаго ими алмаза. Такъ какъ негры не имѣютъ права выходить изъ «Compound'а», то алмазная компанія позаботилась объ устройствѣ лавокъ въ самомъ населеніи, гдѣ рабочіе могутъ найти все что имъ нужно за весьма умѣренную цѣну, за исключеніемъ спиртныхъ напитковъ, которые абсолютно воспрещены. Всякій, доставившій контрабанднымъ образомъ бутылку водки въ «Compound», немедленно и навсегда изгоняется оттуда. Такое же строгое правило примѣняется и къ женщинамъ. Ни одна изъ нихъ, кто бы она ни была: мать, жена, сестра и т. д., не имѣетъ права переступить границу «Compound'а», представляющаго такимъ образомъ настоящій монастырь съ весьма строгимъ уставомъ.

Въ поселеніяхъ нѣтъ кабачковъ, но зато устроено множество ресторановъ, гдѣ негры, не желающіе сами готовить себѣ пищу, всегда могутъ найти излюбленныя кушанья. Главный негритянскій ресторанъ въ «West End Compound» содержится однимъ зулусомъ, котораго прозвали «Ростбифомъ». Прежде этотъ зулусъ, также какъ другіе, работалъ въ копяхъ, но, вслѣдствіе несчастнаго случая, лишился ноги и на полученное отъ компаніи вознагражденіе открылъ

ресторанъ, торговля котораго процвѣтаетъ, такъ что онъ, повидимому, очень доволенъ своей судьбой.

Работы въ копяхъ обставлены всевозможными предосторожностями, но, тѣмъ не менѣе, несчастные случаи бываютъ довольно часто. Особенно часто происходятъ обвалы, но въ большинствѣ случаевъ погребенные заживо рабочіе бываютъ спасаемы. Не такъ давно случился большой обвалъ и рабочихъ откопали лишь послѣ 67 часовъ упорнаго труда, причемъ все чернокожее населеніе «Compound'a» выказало большое самоотверженіе въ дѣлѣ спасенія своихъ товарищей. Въ «Compound'ѣ» устроены прекрасныя больницы, обставленныя по-европейски и обладающія вполнѣ достаточнымъ врачебнымъ персоналомъ. По отзыву врачей, негры представляютъ весьма пріятныхъ паціентовъ. Хирурги особенно поражаются ихъ хладнокровіемъ во время операцій. Обыкновенно негръ не соглашается на хлороформированіе и такъ спокойно даетъ себѣ ампутировать руку или ногу, какъ будто дѣло идетъ о комъ-нибудь другомъ.

Въ «Compound'ѣ» устроено нѣсколько школъ, которыя посѣщаются неграми очень охотно, такъ какъ они, вопреки общепринятому мнѣнію, питаютъ большое почтеніе къ образованію. Въ воскресенье и праздничные дни христіанскій проповѣдникъ собираетъ всѣхъ обитателей «Compound'a» для богослуженія, которое заключается въ краткой проповѣди и пѣніи гимновъ подъ аккомпаниментъ бубенъ и барабановъ. Вечеромъ, въ особыхъ помѣщеніяхъ, показываются неграмъ туманныя картины какого-нибудь поучительнаго содержанія. Миссіонеры въ этихъ негритянскихъ поселеніяхъ очень ревниво стараются насадить христіанскую вѣру, но, правду сказать, имъ это не особенно удается, потому что негры удивительно упорно держатся своихъ традицій и обычаевъ. Они охотно слушаютъ миссіонеровъ, но остаются при своихъ убѣжденіяхъ.

Негры, поступающіе на работу въ алмазныя копи, обыкновенно принимаются на извѣстный срокъ, отъ трехъ до шести лѣтъ. Отработавъ свое время, они отправляются на родину, получивъ довольно крупную сумму, которая даетъ имъ возможность занять выдающееся мѣсто среди своихъ родичей, благодаря своему капиталу. Нѣкоторые, впрочемъ, заключаютъ условіе на слѣдующій срокъ, но очень рѣдки случаи, чтобы какой-нибудь негръ состарился на своей работѣ—все-таки каждый изъ нихъ стремится на родину. Выходъ изъ «Compound'a», конечно, составляетъ эпоху въ ихъ жизни, такъ какъ послѣ стольнихъ долгихъ мѣсяцевъ заключенія они снова становятся свободными гражданами. Но прежде чѣмъ получить свободу, они должны еще пройти черезъ цѣлый рядъ испытаній. Ихъ тщательно обыскиваютъ и только послѣ этого двери «Compeund'a» открываются, и негры выходятъ изъ своей добровольной тюрьмы.

Передъ южно-африканской войной въ европейской печати много говорилось объ этой системѣ заключенія негровъ, придуманной Сесилемъ Родсомъ въ видахъ предупрежденія хищнической эксплуатаціи копей. О жизни въ «Compound'ахъ» ходили самые преувеличенные разсказы и секвестрація негровъ рисовалась самыми ужасными красками. Въ сущности же негры терпятъ только одно неудобство —полное лишеніе свободы въ теченіе извѣстнаго времени и невоз-

можность видиться съ семьей, женой и дѣтьми, если онѣ есть. Положеніе же ихъ въ этихъ поселеніяхъ много лучше положенія рабочихъ на золотыхъ пріискахъ во всѣхъ странахъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Дѣти-журналисты.—Театральный пролетаріатъ во Франціи.—Экономическая зависимость женщинъ.—Успѣхи и распространеніе буддизма.

Королевскій прокуроръ въ Комо Лино Ферріани обращаетъ вниманіе въ своей статьѣ о дѣтяхъ-журналистахъ въ «La Revue» на любовь къ журнализму, которая часто очень рано является у дѣтей. Онъ разсказываетъ про себя, что ему было 13 лѣтъ, когда онъ основалъ маленькій журналъ, который выходилъ два раза въ мѣсяцъ и былъ переписанъ, съ первой до послѣдней страницы, рукой своего редактора. Однажды онъ написалъ въ этомъ журналѣ статью въ защиту одного ученика, который, по его мнѣнію, страдалъ отъ несправедливыхъ притѣсненій учителя. Разумѣется, учителю досталось въ этой статьѣ. Когда директоръ школы провѣдалъ объ этомъ, то онъ призвалъ къ себѣ автора для объясненій. Лино Ферріани сознался, что писалъ статью, но замѣтилъ директору, что онъ долженъ былъ бы обратиться къ отвѣтственному редактору. Директоръ улыбнулся и сказалъ Ферріани, что онъ долженъ все-таки извиниться передъ учителемъ, котораго незаслуженно обидѣлъ.

Заинтересовавшись проявленіями дѣтскаго журнализма, Ферріани обратился съ запросомъ въ различныя учебныя заведенія въ Италіи и въ другихъ странахъ и ему удалось добыть нѣсколько экземпляровъ такихъ журналовъ, конечно рукописныхъ, причемъ наибольшее число ихъ было американскаго происхожденія. Эти американскіе ученическіе журналы отличаются отъ прочихъ, во-первыхъ, тѣмъ, что онѣ большею частью находятся подъ покровительствомъ профессоровъ коллегіи, въ которой издаются, и, во-вторыхъ, они имѣютъ политическій оттѣнокъ, совершенно отсутствующій въ европейскихъ ученическихъ журналахъ. Конечно, это указываетъ, что общественная жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ гораздо раньше и гораздо сильнѣе вліяетъ на юныхъ гражданъ, нежели въ другихъ странахъ, и юный американецъ ранѣе своего европейскаго ровесника начинаетъ увлекаться политикой и принимаетъ участіе въ политической жизни своей страны.

«Если сравнить эти американскіе журналы, издающіеся мальчиками отъ 14-ти до 16-ти лѣтъ, съ европейскими ученическими журналами,—говоритъ далѣе Лино Ферріани,—то, прежде всего, бросается въ глаза, что юные американцы болѣе проникнуты сознаніемъ дѣйствительности, совершенно лишены сентиментальной фантазіи и, поэтому, должны вступить на поприще жизненной борьбы болѣе подготовленными. Въ европейскихъ ученическихъ журналахъ преобладаетъ литературная риторика, чувствательный идеализмъ, академизмъ и напыщенность выраженій, указывающая на романическую фантазію авторовъ. Только въ одномъ бельгійскомъ журналѣ, который называется «Le Patriote à l'école»

романтизмъ почти совершенно отсутствуетъ и преобладаетъ политическая нота. Въ этомъ журналѣ ясно отражается агитація, существующая въ странѣ. Онъ выходитъ каждое воскресенье и написанъ красными чернилами. Я не вхожу въ обсужденіе идей, которыя высказываются въ немъ, но нахожу, что онъ хорошо составляется и превосходитъ многія газеты, издающіяся далеко не такими молодыми людьми».

Всѣ эти произведенія зарождающихся журналистовъ имѣютъ психологическое значеніе. Во-первыхъ, они даютъ понятіе о томъ, какъ воспитываютъ молодыхъ людей въ различныхъ странахъ. Затѣмъ они служатъ выраженіемъ умственнаго движенія, существующаго въ странѣ и увлекающаго значительное число новыхъ гражданъ наканунѣ ихъ окончательнаго вступленія на великую арену соціальной жизни. Они вступятъ въ эту жизнь болѣе смѣло и болѣе рѣшительно, если будутъ получать воспитаніе, болѣе соотвѣтствующее правамъ и обязанностямъ, налагаемымъ на нихъ условіями современной соціальной жизни.

Въ этомъ же номерѣ журнала «Revue» помѣщена статья Поля Помтье о театральномъ пролетаріатѣ во Франціи, цифры, которыя приводитъ авторъ, указываютъ на трудное положеніе сценическихъ дѣятелей въ матеріальномъ отношеніи. Авторъ обращаетъ вниманіе на то, что интеллигентные классы не слѣдуютъ за рабочими классами въ ихъ движеніи эмансипаціи и не помышляютъ ни о какой организаціи для защиты своихъ соціальныхъ интересовъ. Эволюція, которая выразилась за послѣдніе годы образованіемъ множества синдикатовъ, не вызвала не малѣйшаго подражанія въ интеллигентныхъ классахъ, которые, однако, не менѣе другихъ страдаютъ отъ неравенства положенія, но, повидимому, не рѣшаются жаловаться, потому что представляютъ привилегированные классы, тщеславіе которыхъ даетъ возможность эксплуатировать ихъ тѣмъ, кто спекулируетъ ихъ бѣдственнымъ положеніемъ. Врачи, ученые, профессора голодаютъ молча. Гордость не позволяетъ имъ говорить о своемъ бѣдственномъ положеніи. Но эта гордость или тщеславіе еще сильнѣе выражается у сценическихъ дѣятелей, для которыхъ она замѣняетъ насущный хлѣбъ. Тѣ изъ нихъ, которые бѣдствуютъ, не сознаются въ этомъ; немногіе же счастливцы такъ шумятъ о своихъ удачахъ, такъ стараются блеснуть ими и похвастать, что публика не замѣчаетъ бѣдности и горя, группирующагося въ той же самой профессіи около этихъ нѣсколькихъ удачниковъ. Никто не видитъ цѣлаго легіона голодающихъ людей за этими царями сцены и не подозрѣваетъ горькой нужды, которая составляетъ удѣлъ огромнаго большинства актеровъ и актрисъ!

Во Франціи, по словамъ автора, изъ 30.000 актеровъ и актрисъ 80 получаютъ дѣйствительно баснословное содержаніе. Это все звѣзды. Затѣмъ 70 также очень хорошо обезпечены, получая отъ 3.000 до 15.000 франковъ ежемѣсячно. Но, затѣмъ, остальное большинство имѣетъ не болѣе 180 фр. въ мѣсяцъ и такъ какъ на омнибусъ имъ приходится тратить не менѣе 17 фр. и на гримъ не менѣе пяти въ мѣсяцъ, то на жизнь у нихъ остается не болѣе 157 фр. Кучеръ омнибуса получаетъ больше, чѣмъ актеръ, не говоря уже о метельщикахъ

улицъ и др. Каждый ремесленникъ больше обезпеченъ, нежели актеръ и тѣмъ не менѣе сценическая профессія всегда переполнена. Всѣ стремятся на сцену въ надеждѣ, что со временемъ удастся пробиться въ первые ряды, такъ какъ всѣ убѣждены въ силѣ своего таланта. Нужда и лишенія кажутся преходящими. И какое множество такихъ людей не хочетъ разстаться со своими иллюзіями, несмотря на всѣ удары и щелчки, лишенія и нужду!

Но положеніе сценическихъ дѣятелей еще болѣе страдаетъ отъ того, что они не имѣютъ никакой профессіональной организаціи для защиты своихъ интересовъ. Они всецѣло находятся въ зависимости отъ антрепренеровъ, отъ случайной удачи и т. д. Авторъ говоритъ о необходимости устройства синдикатовъ различныхъ категорій, о страхованіи противъ неудачъ и кассы для выдачи пособія актерамъ, покинутымъ въ нуждѣ гдѣ-нибудь въ провинціи или за границей. Свою статью авторъ заканчиваетъ словами актера Леграна, который былъ делегатомъ на чикагской выставкѣ: «Чтобы имѣть возможность благородно выполнить нашу профессію, мы должны обезпечить себѣ матеріальную жизнь,—сказалъ онъ.—Мы можемъ достигнуть этого только соединенными усиліями всѣхъ, солидарностью и группировкою нашихъ силъ, однимъ словомъ—синдикатомъ. Развѣ не грустно видѣть, что такая многочисленная и такая полезная корпорація (такъ какъ національный театръ отражаетъ жизнь народа) упорно держится въ сторонѣ отъ соціальнаго движенія? Это просто непонятно, такъ какъ этимъ нарушаются наши собственные интересы. Поэтому, мы обращаемся ко всѣмъ, кто, вслѣдствіе ли своего талантно или заслугъ, или вслѣдствіе богатствъ или удачи, обезпеченъ отъ превратностей судьбы, и говоримъ имъ: подумайте о своихъ несчастныхъ товарищахъ, окажите имъ братскую поддержку и помогите имъ добиться выполненія своихъ справедливыхъ требованій и обезпеченія своей участи. Долгъ солидарности повелѣваетъ вамъ это».

Въ «North American Review» Вернонъ Ли печатаетъ статью объ экономической зависимости женщинъ. По мнѣнію автора, различное положеніе женщины и мужчины въ человѣческой расѣ обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что человѣкъ рождается на свѣтъ гораздо больше безпомощнымъ, нежели всякое другое животное, и нуждается въ теченіе болѣе долгаго времени въ уходѣ и попеченіяхъ, такъ что мать поневолѣ приноситъ въ жертву ребенку свою самостоятельность и, отдавая ему всѣ свои работы, становится въ зависимость вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ отъ мужчины, который снискиваетъ пропитаніе для нихъ обоихъ. Силою вещей женщина устранялась всегда отъ активной жизни, вынужденная посвящать все свое вниманіе семьѣ, и такимъ образомъ постепенно создавалось во вселенной такое положеніе, которое выдвигало мужчину въ качествѣ дѣятеля и кормильца, а женщину осуждало на жизнь рабыни и паразита. Такой образъ жизни долженъ былъ съ теченіемъ времени вызвать у женщины атрофію извѣстныхъ способностей и качествъ ума и выработать типъ женщины, болѣе соотвѣтствующій условіямъ жизни и вкусу мужчины. Работа, которую она должна была дѣлать, не развивала въ ней ка-

ччествъ, появившихся у мужчины и достигшихъ развитія вслѣдствіе соревнованія. Мужчина сдѣлался свободнымъ, женщина же превратилась въ паразита и такимъ образомъ была принесена въ жертву своему полу, т.-е. ея полъ всегда выдвигается на первый планъ. Женщина всегда бываетъ, прежде всего, женщиной, между тѣмъ какъ мужчина, прежде всего, человѣкъ и, какъ таковой, выполняетъ разныя обязанности. Поставленная въ зависимость отъ помощи мужчины, женщина обратилась къ нему, не какъ равная къ равному, не какъ къ товарищу или сопернику, врагу другой національности, вѣры или класса, а какъ къ мужчинѣ, который можетъ быть ея мужемъ и, слѣдовательно, можетъ взять на себя заботу о ней и ея потомствѣ. Въ этомъ-то и заключается причина слабости и униженія человѣка. Мужчины же, подобные Адаму, обвиняютъ въ своемъ паденіи Еву, называя ее орудіемъ дьявола.

Авторъ полагаетъ, что когда женщина займетъ мѣсто въ человѣческой общинѣ, какъ экономическій, нравственный и гражданскій факторъ, рядомъ съ мужчиной, то женскій вопросъ разрѣшится самъ собой; человѣчество только выиграетъ отъ этого, хотя, быть можетъ, женщина и лишится при этомъ нѣкоторыхъ своихъ спеціальныхъ качествъ, которыя дѣлаютъ ее особенно привлекательной въ глазахъ мужчины до сихъ поръ.

Д-ръ Артуръ Пфунтагъ сообщаетъ въ журналѣ «Das Freie Wort» свѣдѣнія объ успѣхахъ и распространеніи буддизма въ Индіи и на Западѣ. Свѣдѣнія эти почерпнуты имъ изъ доклада, прочитаннаго на XIII конгрессѣ оріенталистовъ въ Гамбургѣ, и подтверждаютъ интересный фактъ, что буддизмъ, лишившійся на своей родинѣ въ Индіи своего прежняго значенія послѣ завоеванія Кашмира и уступившій мѣсто исламу, теперь снова начинаетъ прогрессировать. Своими успѣхами буддизмъ обязанъ обществу «Maha-Bodhi», основанному въ Коломбо въ 1891 г. и имѣющему свой органъ «Journal of the Maha-Bodhi Society», очень распространенный въ настоящее время. Общество имѣетъ свои развѣтвленія въ Калькуттѣ, Рангунѣ, Дарджелингѣ, Акобѣ, Мадрасѣ и Мандолаѣ. Благодаря его стараніямъ увеличились буддистскія паломничества и завязались сношенія между выдающимися буддистами. Въ Калькуттѣ основана палійская коллегія и канонической литературѣ буддистовъ оказывается теперь особенное вниманіе, улучшается преподаваніе буддійской религіи и заново издаются многія священныя книги буддистовъ, англійскія же сочиненія о буддизмѣ переводятся на туземные языки. Образъ Будды изображается теперь въ драматическихъ произведеніяхъ, которыя ставятся на индусскихъ театрахъ въ Калькуттѣ и пользуются большимъ успѣхомъ. Все это указываетъ, что индусы снова начинаютъ интересоваться буддизмомъ и это подтверждается между, прочимъ данными народной переписи. Въ 1891 г. насчитывалось въ Индіи около 7.500.000 буддистовъ, въ 1901—9.476.750. Особенно увеличилось число буддистовъ въ Бенгаліи, гдѣ въ 1891 г. было только 10.119 буддистовъ, а въ 1901 число ихъ возросло до 210.528. Въ Калькуттѣ число буддистовъ возросло съ 2.199 до 2.968.

*

Параллельно съ распространеніемъ буддизма въ Индіи надо отмѣтить и его появленіе въ такихъ странахъ, гдѣ раньше о немъ ничего не знали. Въ Англіи перешли въ буддизмъ даже нѣкоторыя изъ духовныхъ лицъ и одинъ перъ англійской короны, а въ Ливерпулѣ построенъ буддійскій храмъ. Въ Соединенныхъ штатахъ успѣхи буддизма также довольно значительны. Въ сентябрѣ 1899 г. въ Санъ-Франциско поселилась буддійская миссія изъ Японіи и сталъ издаваться буддійскій журналъ. Въ Чикаго также организована пропаганда съ цѣлью распространенія буддійскаго ученія и тамъ находится отдѣленіе общества «Maha Bodhi». Вильямъ Гюнтеръ въ своей книгѣ «Indian Empire» говоритъ: «Возрожденіе буддизма вполнѣ возможно въ Индіи въ настоящее время. Кромѣ того ученіе Будды начинаетъ оказывать новое вліяніе на религіозное мышленіе въ Европѣ и Америкѣ». Какъ бы то ни было, но интересно будетъ наблюдать въ двадцатомъ столѣтіи это проникновеніе буддійскихъ идей въ западныя страны. Десять лѣтъ тому назадъ, говоритъ авторъ, идея возрожденія буддизма и распространенія его на Западѣ возбудила бы насмѣшку. Теперь же серьезный наблюдатель не можетъ не признать это вполнѣ вѣроятнымъ, такъ какъ успѣхи буддизма слишкомъ замѣтны.

Вторженіе шарлатанства въ врачебную практику.

(Письмо изъ Берлина).

Всякій, кому приходилось вчитываться въ широко-вѣщательныя рекламы промышленныхъ и торговыхъ фирмъ, занимающія такъ много мѣста въ газетахъ и служащія нынѣ главнымъ источникомъ газетнаго благосостоянія, не разъ, навѣрное, задумывался надъ тѣмъ, какъ много въ нихъ шарлатанства и наглаго обмана, какъ часто онѣ разсчитаны исключительно на легковѣріе и и невѣжество читателей. Въ Германіи газетная реклама развилась очень широко. Нѣкоторыя газеты разсылаютъ ежедневно цѣлые томы всевозможныхъ объявленій. Всякое новое явленіе коммерческой и промышленной жизни находитъ въ нихъ свое отраженіе. Поэтому, онѣ даютъ обильный матеріалъ для ея характеристики. Ни одна нѣмецкая хозяйка, ни одинъ дѣловой человѣкъ не могутъ въ Германіи обойтись безъ газетныхъ объявленій. Но отъ этого объявленія отнюдь не утратили своего подозрительно-шарлатанскаго характера. Напротивъ, бѣглаго знакомства съ отдѣломъ объявленій въ газетахъ достаточно, чтобы убѣдиться, что очень и очень значительная доля не только мелкихъ, но даже крупныхъ, повидимому, солидно обставленныхъ предпріятій, основана на элементарномъ обманѣ. Другія предпріятія зиждятся на чисто психологическомъ разсчетѣ, стремясь возбудить въ публикѣ убѣжденіе въ несуществующихъ выгодахъ, тогда какъ въ дѣйствительности они предлагаютъ лишь тоже самое, что и другія, или даже меньше. И только небольшая часть предпріятій опирается на тѣ сравнительно незначительныя выгоды, которыя они, дѣйствительно,

съ точки зрѣнія холоднаго разсудка, могутъ дать своимъ кліентамъ. Но и эта небольшая часть не обходится безъ извѣстнаго психическаго воздѣйствія на публику и безъ чисто рекламныхъ пріемовъ, ибо она знаетъ, что для того, чтобы добиться успѣха, даже и коммерсантъ долженъ быть своего рода пророкомъ и агитаторомъ. Иначе его предпріятіе не привлечетъ надлежащаго вниманія и погибнетъ, не успѣвъ расцвѣсти. Однимъ словомъ, если теоретики классической политической экономіи для уясненія принциповъ хозяйственной организаціи отвлекались отъ всякихъ неэкономическихъ соображеній и побужденій, то практики коммерческаго дѣла поступаютъ какъ разъ наоборотъ. Современная торговля и промышленность умѣетъ затрогивать чуть ли не всѣ струны человѣческой души; она изучила какъ массовую, такъ и индивидуальную психологію и учитываетъ всякое душевное движеніе, всякую психологическую черту, которая можетъ служить ей въ пользу. Она вмѣшивается въ политику, подчиняетъ себѣ науку и искусство, а въ случаѣ разлада ожесточенно борется съ ними.

Такую борьбу между неразборчивой въ средствахъ и способахъ коммерческой спекуляціей и наукой приходится наблюдать теперь въ Германіи въ области врачеванія человѣческихъ недуговъ. Въ большей части европейскихъ странъ область эта охраняется спеціальными законами. Въ Германіи же леченіемъ болѣзней можетъ заниматься всякій желающій. Единственное ограниченіе, налагаемое германскимъ законодательствомъ на людей безъ спеціальной медицинской подготовки, заключается въ томъ, что они не имѣютъ права титуловать себя ни врачами, ни докторами. При установленіи такого ограниченія и правительство, и даже сами врачи склонны были думать, что этого совершенно достаточно для предохраненія публики отъ шарлатановъ и мошенниковъ. Однако, въ дѣйствительности оказалось иное. Со времени введенія свободы врачебной профессіи число людей, занимающихся врачеваніемъ безъ надлежащаго медицинскаго диплома, такъ сильно и быстро возросло, что конкурренція ихъ очень чувствительно отразилась на практикѣ врачей. Особенно процвѣтаютъ такіе врачеватели въ провинціальной глуши, среди невѣжественнаго и суевѣрнаго католическаго населенія, но и крупные высоко-культурные центры не далеко отстали отъ нихъ. Les extremités se touchent! Что дѣлаетъ въ глуши суевѣріе населенія, того достигаетъ въ большихъ городахъ могущественная реклама, поддерживаемая большей доступностью массы для всякаго рода вліяній и воздѣйствій. Неудивительно поэтому, что процентное отношеніе бездипломныхъ врачевателей къ врачамъ въ собственномъ смыслѣ слова въ высоко-культурномъ Берлинѣ и въ клерикальной Баваріи не особенно разнится. По даннымъ переписи 1897 г. въ Берлинѣ на четырехъ врачей оказалось по одному врачевателю, въ Баваріи же въ 1894 г. врачеватели составляли треть всего числа занимающихся леченіемъ. Но при этомъ нужно замѣтить, что въ Берлинѣ число врачевателей возростало за послѣднія двадцать лѣтъ, возростало въ ужасающей прогрессіи, гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Баваріи, такъ что можно предположить, что Берлинъ если еще и не сравнялся, то скоро сравняется съ нею. Изъ другихъ

государствъ германской имперіи, въ Саксоніи на 100 врачей приходится 41 врачеватель, въ Вюртембергѣ—24 *).

Какими средствами достигли бездипломные врачеватели такихъ колоссальныхъ успѣховъ, можно безъ труда убѣдиться изъ повседневныхъ объявленій въ берлинскихъ газетахъ. Какихъ только посуловъ тутъ нѣтъ! Если бы хоть десятая часть этихъ посуловъ могла осуществиться, человѣчество было бы избавлено отъ большей части болѣзней, которыя ученые врачи упрямо считаютъ неизлечимыми. Большинство бездипломныхъ врачевателей хватаетъ, что называется, быка за рога и съ первыхъ же дней леченія обѣщаетъ избавленіе отъ самыхъ тяжелыхъ болѣзней, не поддававшихся усиліямъ врачей. При этомъ самое леченіе настолько просто, что обыкновенно врачеватель готовъ сообщить его за скромное вознагражденіе письменно. Въ довершеніе эффекта, авторы подобныхъ объявленій неизмѣнно ссылаются на множество благодарственныхъ писемъ отъ исцѣленныхъ ими. И письма эти являются едва ли не самымъ могущественнымъ оружіемъ въ ихъ арсеналѣ. Безъ такихъ писемъ не можетъ разсчитывать на успѣхъ ни одинъ врачеватель. Поэтому, въ началѣ своей практики онъ долженъ обзавестись, прежде всего, достаточнымъ количествомъ ихъ, причемъ, конечно, имя и общественное положеніе авторовъ писемъ имѣетъ особенное значеніе.

О происхожденіи подобныхъ благодарственныхъ писемъ едва ли стоитъ распространяться. Въ основѣ большинства ихъ лежитъ просто какое-либо недоразумѣніе. Если удостовѣряется исцѣленіе отъ какой-либо дѣйствительно неизлечимой болѣзни, то вы можете заранѣе быть увѣрены, что діагнозъ не провѣренъ. Часто увѣренность больного въ своемъ исцѣленіи сводится къ внушенію со стороны врачевателя. Ну а затѣмъ остается, конечно, еще многое множество всякихъ фальсификацій и завѣдомо ложныхъ удостовѣреній, играющихъ въ большинствѣ случаевъ важную роль.

Какъ уже сказано, неизлечимыя болѣзни представляютъ излюбленную область бездипломныхъ врачевателей. На это есть свои причины. Во-первыхъ, лекарь не можетъ навлечь на себя отвѣтственности за неудачное леченіе, во-вторыхъ, въ случаѣ неуспѣха, больной ничего не теряетъ, и въ-третьихъ, наконецъ,—и это, пожалуй, главное,—именно неизлечимые больные служатъ для врачевателей особенно благодарнымъ матеріаломъ. Отчаявшись въ докторахъ, такіе больные прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ, ухватываются за малѣйшую надежду на исцѣленіе и всякое временное облегченіе страданій готовы принять за выздоровленіе. Прибавьте къ этому радужныя завѣренія врачевателя, характерный для врачевателей оптимизмъ въ оцѣнкѣ состоянія больного, и вамъ будетъ ясно, что уже вслѣдствіе одной этой причины они имѣютъ большое преимущество передъ врачами въ глазахъ безнадежно больного.

---

*) Данныя о Берлинѣ взяты изъ отчета берлинскаго полицейскаго управленія, в другихъ мѣстахъ—изъ брошюры Haeseler'a. «Der wirtschaftliche Ruin des Aerztestandes». Frankf. a. M. 1902.

Однако, когда приходится слышать о невѣроятныхъ успѣхахъ какого-нибудь новоявленнаго бездипломнаго генія, невольно возникаетъ вопросъ, нѣтъ ли тутъ какого-нибудь особаго основанія, чего-нибудь такого, что ускользнуло отъ вниманія тоже не безгрѣшной школьной медицины. Сами бездипломные врачеватели любятъ выставлять себя реформаторами врачебнаго искусства. Для поддержанія иллюзіи они издаютъ въ одномъ Берлинѣ 6 «спеціальныхъ» органовъ, организуютъ многочисленныя общества для пропаганды своихъ взглядовъ и иногда вступаютъ въ ожесточенную полемику съ учеными медиками. Но увы! многочисленные факты, обнаруженные какъ судами, такъ и помимо судовъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ лучшемъ случаѣ рѣчь тутъ можетъ быть лишь о неразборчивомъ и не интеллигентномъ примѣненіи какого-нибудь обыкновеннаго медицинскаго пріема или средства. Въ подавляющемъ большинствѣ бездипломные врачеватели заботятся лишь о двухъ вещахъ—о широковѣщательной программѣ и объ избѣжаніи столкновеній съ закономъ.

Благодаря нѣсколько неудачной редакціи соотвѣтствующихъ законовъ, уклониться отъ уголовной отвѣтственности имъ сравнительно не трудно. Германскій законъ допускаетъ въ такихъ случаяхъ два вида уголовнаго преслѣдованія: за обманъ и за причиненіе вреда или смерти по небрежности. Что касается обвиненія въ обманѣ, то оно возможно только при условіи, если будетъ доказано, что виновный сознательно вводилъ съ корыстной цѣлью своихъ паціентовъ въ заблужденіе, а доказать это съ полной очевидностью удается, конечно, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Поэтому, обыкновенно обвиненіе предъявляется лишь по второму пункту. Однако, и тутъ является много затрудненій. Непремѣннымъ условіемъ предъявленія такого обвиненія служитъ то, чтобы врачеватель избралъ леченіе больныхъ своей оффиціальной профессіей. Сверхъ того преслѣдованіе возбуждается только по инициативѣ потерпѣвшихъ. А, между тѣмъ, въ очень многихъ случаяхъ сами потерпѣвшіе прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы скрыть происшедшее. Такъ поступаютъ обыкновенно люди, страдающіе всякаго рода «секретными» болѣзнями. Такъ же поступаютъ и всѣ тѣ, кто стыдится своего обращенія къ врачевателямъ. И если, тѣмъ не менѣе, случаи осужденія послѣднихъ довольно часты,—въ теченіе 1890—97 гг. въ одной Пруссіи было вынесено 177 обвинительныхъ приговоровъ,—то это свидѣтельствуетъ лишь объ обиліи вопіющихъ злоупотребленій, учиняемыхъ ими.

Дѣйствительно, видя передъ собою данныя полицейской статистики Берлина, нельзя не удивляться, съ какимъ легкимъ умственнымъ багажемъ принимаются за исправленіе сложнаго человѣческаго организма всевозможные врачеватели. Оказывается, что 20% изъ 476 берлинскихъ врачевателей были раньше лакеями, кучерами, швейцарами и т. п., т.-е. принадлежали къ прислугѣ. 40% были ремесленниками, 16% приказчиками и конторщиками, причемъ 29% уже раньше свели знакомство съ судами. Еще хуже обстоитъ дѣло съ женщинами-врачевательницами, число которыхъ превышаетъ число врачевателей: 58% изъ нихъ были раньше въ услуженіи, 24% занимались шитьемъ, 10% работали на фабрикахъ и въ мастерскихъ. Поэтому, приходится сдѣлать

выводъ, что образованіе бездипломныхъ врачевателей обыкновенно ограничивается народной школой. Въ видѣ рѣдкаго исключенія попадаются среди нихъ, впрочемъ, и люди съ университетскимъ образованіемъ—бывшіе адвокаты, богословы и даже медики, не одолѣвшіе государственнаго экзамена. Что же касается спеціально-медицинской подготовки, то о ней собственно не можетъ быть и рѣчи, если не считать короткихъ курсовъ, пройденныхъ нѣкоторыми изъ нихъ у свѣтилъ и знаменитостей ихъ профессіи. О характерѣ и значеніи подобныхъ курсовъ можно судить по печатнымъ произведеніямъ корифеевъ нѣмецкаго знахарства, изъ которыхъ я укажу хотя бы на пресловутаго Кнейпа, получившаго широкую популярность и въ Россіи, и на почти столь же знаменитыхъ Куне и Бильца. По мнѣнію обоихъ послѣднихъ авторитетовъ, оспа, скарлатина, дифтеритъ, коклюшъ и золотуха—одна и та же болѣзнь. Сыпи, по ихъ словамъ, лишь проявленіе цѣлительнаго процесса природы, выгоняющаго наружу всякую дрянь. Такое же значеніе приписывается ими нарывамъ. Зато нѣкоторые изъ распространенныхъ способовъ леченія и предупрежденія болѣзней кажутся имъ хуже самой болѣзни. Такъ, напр., Бильцъ рекомендуетъ въ своемъ «трактатѣ» послѣ обязательнаго оспопрививанія немедленно высосать ранку.

Завербовать на свою сторону дипломированныхъ врачей всѣ эти реформаторы медицины не питаютъ ни малѣйшей надежды. Они утверждаютъ, что школа губитъ ихъ навсегда. Однако—die Hölle selbst hat ihre Rechte. Даже и отрицающіе всякую школу врачеватели имѣютъ свои школы и свои теченія. Главная и наиболѣе распространенная изъ такихъ школъ—это школа «естественнаго леченія». Ея преимущество по сравненію съ другими состоитъ въ томъ, что она рѣдко прибѣгаетъ къ «искусственнымъ» пріемамъ, т.-е. къ лекарствамъ, медицинскимъ средствамъ и операціямъ, предоставляя больного обыкновенно своей собственной судьбѣ. Ея излюбленное, примѣняемое противъ всѣхъ почти болѣзней, средство—холодная вода, къ которой присоединяются еще діэтическія предписанія. Поэтому, вредъ, приносимый врачевателями этой школы, носитъ обыкновенно лишь косвенный характеръ, хотя нерѣдки и случаи, что, напр., холодной водой лечатся злокачественныя опухоли.

Въ послѣднее время систему естественнаго леченія стала затмевать другая, еще болѣе упрощенная и обходящаяся даже безъ діэтическихъ средствъ. Эта новая система признаетъ только одинъ способъ излеченія болѣзни—молитвенное сосредоточеніе. Она носитъ названіе «христіанской науки» и проникла въ Германію изъ Америки. Въ Германіи—сначала въ Ганноверѣ, а потомъ и въ Берлинѣ—она распространилась съ быстротой умственной эпидеміи, захвативъ самые разнообразные круги общества. Пропагандисткой ея явилась нѣкая г-жа Шенъ, раньше занимавшаяся въ Америкѣ преподаваніемъ нѣмецкаго языка *). Тамъ она прельстилась нѣсколько уже поблекшими лаврами знаменитой мистриссъ Эдди и, получивъ отъ нея полномочіе, пересадила «христіанскую науку» въ свое нѣмецкое отечество. Въ Берлинѣ она открыла формен-

---

*) Cp. Albert Moll, «Gesundbeten Medizin und Okkultismus. Berlin». 1902.

ную «клинику», быстро снискавшую популярность среди дамъ высшаго круга, и основала общество для распространенія «христіанской науки». По ученію этого новаго откровенія, болѣзней вообще не существуетъ. Большинство лишь обманъ чувствъ. Подобно тому, какъ грѣхъ проистекаетъ изъ ошибочнаго взгляда, будто чувственныя удовольствія могутъ дать счастье, и болѣзнь есть лишь результатъ ложнаго мнѣнія, будто плоть можетъ причинять страданіе. Чтобы изгнать это заблужденіе изъ головы больного, г-жа Шенъ садится около него и вступаетъ съ нимъ въ бесѣду. Но въ то же время она старается «сконцентрироваться», и когда это ей удается, на болящаго снисходитъ благодать. Въ большинствѣ случаевъ паціентъ, если вѣрить г-жѣ Шенъ, немедленно же чувствуетъ при этомъ облегченіе. Подобно другимъ послѣдователямъ «христіанской науки», г-жа Шенъ берется лечить при помощи своего «концентрированія» даже переломы и вывихи. Однако, прежде чѣмъ приступить къ леченію, она благоразумно велитъ приглашать обыкновеннаго врача для вправленія вывиха и наложенія перевязки, такъ какъ въ противномъ случаѣ больной своими движеніями мѣшалъ бы процессу исцѣленія.

Г-жа Шенъ со своей христіанской наукой уже переноситъ насъ на почву мистицизма, хотя и сильно отрезвленнаго погоней за презрѣннымъ металломъ. Какъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что иногда леченіе по способу «христіанской науки» даетъ успѣшные результаты. Разумѣется, факты успѣшнаго леченія относятся, главнымъ образомъ, къ области нервныхъ болѣзней. Но и многія другія заболѣванія поддаются иногда такому психическому леченію. Дѣло только въ томъ, что наряду съ весьма скромной пользой этотъ методъ приноситъ несравненно больше вреда уже однимъ тѣмъ, что отклоняетъ многихъ больныхъ отъ своевременнаго обращенія къ врачу. Въ Америкѣ именно этотъ косвенный вредъ и былъ причиной паденія популярности мистриссъ Эдди. По всей вѣроятности, такова же будетъ участь и г-жи Шенъ.

Подобно другимъ врачевателямъ, г-жа Шенъ не удержалась отъ искушенія лечить по перепискѣ или даже по телеграфу, несмотря на то, что при ея методѣ леченія это особенно затруднительно. Чтобы снять съ себя возможныя нареканія, она заявляетъ, что неизвѣстныхъ ей лицъ она лечитъ по перепискѣ лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія, въ большинствѣ же случаевъ такому леченію подвергаются лишь больные, съ которыми у нея уже раньше установилось духовное общеніе. Въ такихъ случаяхъ, кромѣ ея участія, имѣютъ и окружающіе больного люди. Особенно важно вліяніе окружающихъ для дѣтей и душевнобольныхъ, которые не могутъ «сосредоточиться» сами. По словамъ г-жи Шенъ, подобнымъ образомъ могутъ исцѣляться даже животныя.

Во множествѣ случаевъ «христіанская наука», конечно, совершенно безсильна. Тутъ уже ея сторонникамъ приходится пускаться во всевозможныя діалектическія уловки, чтобы хоть какъ-нибудь оправдать свой взглядъ. Любопытно, какъ сама мистриссъ Эдди объясняетъ подобные факты, напр., отравленіе мышьякомъ или стрихниномъ. По ея словамъ, въ такихъ случаяхъ смерть человѣка обусловливается просто ошибочнымъ мнѣніемъ большинства, будто

мышьякъ или стрихнинъ ядовитъ. Будь они другого мнѣнія, человѣкъ остался бы живъ. Этотъ взглядъ характеренъ для всей ея «христіанской науки», которая совершенно извращаетъ причинную связь явленій.

Казалось бы, больныхъ то и трудно убѣдить въ томъ, что болѣзни не существуетъ. Дѣйствительность показываетъ, однако, иное. Дѣйствительность учитъ, что душа больного и страдающаго человѣка особенно воспріимчива для иллюзій, дающихъ ему хоть тѣнь надежды на избавленіе отъ страданій. На это и спекулируютъ, главнымъ образомъ, всевозможные шарлатаны и аферисты. И тѣ, и другіе встрѣчаются, конечно, сплошь и рядомъ и въ числѣ дипломированныхъ врачей, но тамъ шарлатанство и спекуляція не возведены въ систему, не служатъ главнымъ мотивомъ въ отношеніи врача къ больнымъ. Этимъ объясняется, что врачи не выдерживаютъ конкуренціи аферистовъ.

Торжество шарлатановъ, правда, явленіе преходящее. Нѣтъ никакого основанія опасаться, что научная медицина не выдержитъ его напора и погибнетъ. Но жертвами его являются не сильные, а слабые—недостаточно развитые, слабохарактерные, тяжело больные люди. А имъ еще долго придется ждать разсвѣта.

П. Ш—въ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Оплодотвореніе въ животномъ царствѣ.

Съ того самого времени, какъ человѣкъ сталъ внимательнѣе присматриваться къ окружающему и сталъ дѣлать первыя попытки разобраться въ различныхъ явленіяхъ природы, великая загадка бытія — возникновеніе новаго, молодого организма отъ стараго, тайна зачатія и рожденія,—тревожила его умъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что причинная связь между рожденіемъ и предшествующимъ ему оплодотвореніемъ была установлена ужъ очень давно, вѣроятно еще во времена доисторическія,—однако, сущность послѣдняго загадочнаго процесса и роль въ немъ мужского и женскаго элемента оставались совершенно темными даже въ періодъ наибольшаго расцвѣта науки въ древности—въ эпоху Аристотеля. При зачаточномъ состояніи въ тѣ времена методовъ научнаго изслѣдованія, совершенно естественно, что вопросы столь тонкіе и сложные не могли быть рѣшены сколько-нибудь удовлетворительно. И, дѣйствительно, по мнѣнію нѣкоторыхъ греческихъ мыслителей, напр., сѣмянная жидкость животныхъ происходитъ изъ мозга, а первоначально возникла изъ эѳира или изъ огня. Представленія объ оплодотвореніи очень сбивчивы и неясны даже у отца современнаго естествознанія—Аристотеля. По его мнѣнію, самка представляетъ изъ себя недоразвитаго самца и выдѣленія ея—несовершенное сѣмя, которому не хватаетъ души. Эта душа или движущее начало сообщается сѣменемъ самца, которое не что иное, какъ родъ пѣны или смѣсь водянистаго начала съ теплымъ воздухообразнымъ началомъ. При всей туманности выводовъ Аристотеля, дѣлаемое имъ противопоставленіе дѣятельнаго мужского начала менѣе дѣятельному и неполному женскому въ высокой степени замѣчательно,—это одно изъ тѣхъ геніальныхъ предвидѣній, которыми великій учитель древности какъ бы предугадалъ позднѣйшія открытія!

Въ средніе вѣка вопросъ о сущности процесса оплодотворенія не подвинулся впередъ. Всеобщій застой въ наукѣ, сводившій въ области естествознанія всю научную дѣятельность въ лучшемъ случаѣ къ комментированью древнихъ авторовъ, и между ними прежде всего Аристотеля, сказался и здѣсь. Насколько грубы были представленія о процессѣ размноженія въ эти времена, показываетъ то обстоятельство, что считалось вполнѣ доказаннымъ полученіе помѣсей чело-

вѣка съ животнымъ. Даже еще въ XVI-мъ столѣтіи погибла на кострѣ женщина, у ребенка которой нашли черты сходства съ собакой *).

Первый толчокъ къ научному изслѣдованію вопроса объ оплодотвореніи дало открытіе микроскопа,—честь этого открытія принадлежитъ по версіи наиболѣе заслуживающей довѣрія, фабрикантамъ выпуклыхъ стеколъ Гансу и Захарію Янссенамъ изъ Миддельбурга. Они между 1590 и 1600 годами сдѣлали первую попытку соединить нѣсколько выпуклыхъ стеколъ въ одно цѣлое и получили сложный микроскопъ, который при дальнѣйшемъ своемъ усовершенствованіи открылъ человѣку цѣлый міръ невидимыхъ существъ.

Пользуясь этимъ новымъ орудіемъ изслѣдованія, ученикъ знаменитаго Левенгука студентъ Гаммъ открылъ въ 1677 году присутствіе въ сѣменной жидкости мельчайшихъ инфузоріеобразныхъ существъ, быстро двигавшихся, благодаря своимъ жгутикамъ.

Левенгукъ, какъ говорятъ, выдалъ это открытіе за собственное; впрочемъ, ему, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ честь перваго болѣе подробнаго изслѣдованія живчиковъ, на основаніи котораго онъ высказалъ взглядъ, что въ нихъ то собственно и заключается предсуществующій зародышъ организма. Послѣдователи Левенгука предполагали, что внутри головки человѣческаго живчика находится маленькій человѣчекъ въ сидячемъ положеніи, въ хвостѣ же живчика находится шнурокъ, изъ котораго образуется пуповина. Одинъ изъ изслѣдователей даже видѣлъ этого человѣчка выходящимъ изъ живчика, какъ изъ оболочки. При оплодотвореніи, предполагалось, что зародышъ, заключающійся въ живчикѣ, проникаетъ въ яйцо, внутри котораго лишь выростаетъ и увеличивается, по мнѣнію же другихъ—живчикъ просто впивается хвостомъ въ матку и какъ бы прививается къ ней. Теорія эта встрѣтила, однако, сильное сопротивленіе со стороны возникшаго тогда же противоположнаго ученія, по которому главнымъ элементомъ при развитіи считалось яйцо,—въ немъ предполагался вложеннымъ уже готовый организмъ со всѣми органами и частями, которыя являлись неуловимыми лишь благодаря своей тонкости и прозрачности. Въ яйцѣ должны были находиться вложенными и яйца слѣдующаго поколѣнія, а въ нихъ—яйца дальнѣйшихъ. Ученые задавались серьезно вопросомъ, сколько яицъ должно было заключаться въ ячникѣ прародительницы Евы, и рѣшали его въ томъ смыслѣ, что ихъ заключалось—одно въ другомъ—не менѣе какъ 200.000 милліоновъ! Оплодотворенію при этомъ отводилось второстепенное значеніе: думали, что оно даетъ лишь импульсъ къ развитію.

---

*) Впрочемъ должно замѣтить, что увѣренность въ возможности полученія самыхъ диковинныхъ помѣсей держалась до середины прошлаго столѣтія. Такъ въ 1827 г. Бори-де-Сенъ-Венсенъ утверждалъ, что африканскія обезьяны похищаютъ женщинъ и отъ нихъ родятся метисы. Реомюръ замѣтилъ странную, по его словамъ, привязанность между курою и кроликомъ, надѣялся получить отъ нихъ волосатыхъ куръ или кроликовъ въ перьяхъ, а Бюффонъ, Галлеръ и Боннетъ серьезно обсуждали это предположеніе Реомюра. Локке увѣрялъ, что наблюдалъ дѣтеныша отъ кошки и крысы, а Гумфрей (1813) считалъ коротконогихъ ягнятъ помѣсью овцы съ выдрою.

Обѣ теоріи рухнули, когда накопилось большее количество точныхъ данныхъ о развитіи животныхъ и человѣка. Ихъ окончательно побѣдила, хотя и не безъ упорной борьбы, теорія Каспара Фридриха Вольфа (1759), по которой яйцо представлялось неорганизованнымъ элементомъ, начинающимъ организоваться лишь послѣ оплодотворенія. Позднѣйшія изслѣдованія все болѣе и болѣе подверждали справедливость взгляда Вольфа. Въ то же время постепенно выяснилось, что яйцо равнозначуще съ клѣткою и что принципъ, высказанный Гарвеемъ еще въ 1651 г.—«omne vivum ex ovo»—«все живое изъ яйца»—справедливъ для всего животнаго царства. Однако, открытія въ области природы и развитія яйца мало отражались на взглядахъ на процессъ оплодотворенія,—главнымъ оплодотворяющимъ элементомъ считалась сѣменная жидкость, и даже до конца 40-хъ годовъ XIX столѣтія сѣмянныя тѣльца или живчики разсматривались, какъ паразитическіе организмы, сходные съ инфузоріями,—отсюда и данное имъ названіе «spermatozoa» (т.-е. сѣмянныя животныя).

Съ середины прошлаго вѣка съ развитіемъ ученія о клѣткѣ истинное значеніе сѣмянныхъ тѣлецъ было, однако, окончательно установлено. Выяснилось, что они представляютъ мужскія половыя клѣтки, равнозначащія съ яйцевыми клѣтками, и что сущность процесса оплодотворенія заключается въ сліяніи мужской и женской клѣтки. Сліяніе это предполагалось, первоначально въ очень простой, можно сказать даже грубой формѣ: думали, что живчикъ проникаетъ въ яйцо и растворяется въ его плазмѣ. Однако, позднѣйшія изслѣдованія показали, что дѣло далеко не обстоитъ такъ просто,—напротивъ, оплодотвореніе является однимъ изъ сложнѣйшихъ процессовъ, наблюдаемыхъ въ клѣткѣ. Дальнѣйшая судьба вопроса объ оплодотвореніи тѣсно связана съ развитіемъ нашихъ познаній о процессѣ дѣленія клѣтки.

Долгое время дѣленіе клѣтки считалось процессомъ также очень простымъ, описывали, что сперва образуется перетяжка клѣточнаго ядра, затѣмъ дѣлится перетяжкой протоплазма. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (прямое или амитотическое дѣленіе) процессъ дѣленія, дѣйствительно, происходитъ такимъ простымъ способомъ, но чаще ядро претерпѣваетъ рядъ довольно сложныхъ измѣненій (непрямое или каріокинетическое дѣленіе). Эти измѣненія въ ядрѣ наблюдалъ впервые, повидимому, одинъ изъ русскихъ изслѣдователей, именно, московскій профессоръ ботаники Чистяковъ; онъ сообщалъ о своихъ наблюденіяхъ Московскому обществу любителей естествознанія въ 60-хъ годахъ, но его сообщеніе о какихъ-то видѣнныхъ имъ меридіанахъ и экваторѣ на клѣточномъ ядрѣ, было встрѣчено съ недовѣріемъ и вскорѣ было позабыто *). Лишь въ 1873 году нѣмецкій ученый А. Шнейдеръ открылъ и разъяснилъ происходящія при дѣленіи ядра процессы, которые были затѣмъ подробно изучены цѣлымъ рядомъ выдающихся изслѣдователей и въ настоящее время уже хорошо выяснены. Намъ необходимо познакомиться съ этими процессами хотя въ общихъ чертахъ, такъ какъ иначе трудно будетъ понять сущность процесса оплодотворенія.

---

*) В. Шимкевичъ. «Біологическія основы зоологіи», 1900, стр. 56.

Типичная клѣтка содержитъ (рис. 1, фиг. 1) плазму съ различными въ ней включеніями и ядро (*я*), въ которомъ различаются части, интензивно красящіяся красками—«хроматинныя», и части, слабо красящіяся — «лининовыя» или «ахроматинныя». Пока ядро не собирается дѣлиться, хроматинныя и ли-

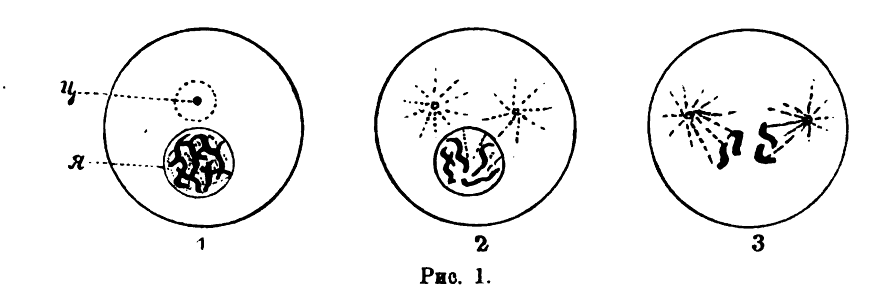


Рис. 1.

ниновыя части распредѣлены въ немъ въ видѣ сѣточки. Около ядра наблюдается обыкновенно еще небольшое тѣльце (*ц*), названное «центрозомой», т.-е. «центральнымъ тѣльцемъ». Его роль въ дѣленіи клѣтки и въ процессѣ оплодотворенія, какъ мы увидимъ, очень значительная.

Передъ началомъ дѣленія хроматинное вещество въ ядрѣ собирается въ нѣсколько лентъ (фиг. 2). Въ то же время вокругъ центрозомы образуется лучистость, какъ будто отъ нея отходитъ множество волоконъ во всѣ стороны, и сама центрозома дѣлится на двѣ, совершенно тожественныя, которыя расходятся къ двумъ полюсамъ клѣтки. Хроматинныя ленты дѣлятся (фиг. 3) на нѣсколько (4, 6, 8 или болѣе) петель, которыя вначалѣ лежатъ безъ особаго порядка,

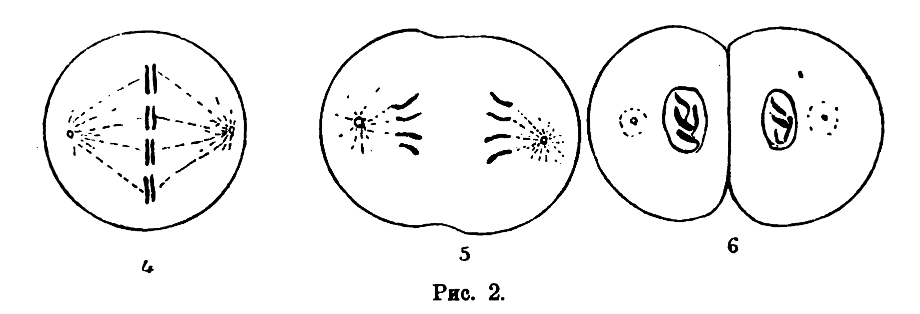


Рис. 2.

затѣмъ располагаются въ плоскости экватора ядра (рис. 2, фиг. 4) и, наконецъ, расщепляются каждая на двѣ петли по всей своей длинѣ. Эти петли на своихъ концахъ соединяются, повидимому, съ волоконцами лининоваго вещества, отходящими отъ обѣихъ центровъ и образующими фигуру въ родѣ двухъ конусовъ или веретена (фиг. 4). Половинки хроматиновыхъ петель какъ бы растягиваются лининовыми нитями по направленію къ обоимъ полюсамъ (фиг. 5). Разойдясь, пучки петель скручиваются въ клубокъ, остатки лининоваго веретена между ними исчезаютъ и, наконецъ, оба клубка превращаются въ два молодыхъ ядра (фиг. 6). Одновременно дѣлится и плазма, чѣмъ заканчивается процессъ образованія двухъ новыхъ клѣтокъ. Сущность этого сложнаго процесса сводится, несомнѣнно, къ ра-

вномѣрному распредѣленію хроматиннаго вещества между обѣими вновь возникающими клѣтками,—оно при расщепленіи петель дѣлится съ большою точностью поровну, главнѣйшею же дѣйствующею частью при дѣленіи являются, повидимому, центрозомы, отъ которыхъ отходятъ лининныя волоконца, растягивающія петли.

Нѣкоторыя соображенія (мы приведемъ ихъ въ концѣ статьи) заставляютъ предполагать, что хроматинное вещество является носителемъ наслѣдственныхъ свойствъ клѣтки, при помощи его различныя качества клѣтки передаются происходящимъ отъ нея дочернимъ клѣткамъ; въ виду этого чрезвычайно важно, чтобы при дѣленіи хроматинное вещество было распредѣлено равномѣрно.

Въ яйцѣ и живчикѣ были найдены всѣ части, свойственныя типичной клѣткѣ. Въ яйцѣ ядро представлено обыкновенно довольно крупнымъ зародышевымъ пузырькомъ съ хроматинными и лининовыми нитями, плазма развита очень сильно и въ большинствѣ случаевъ содержитъ включенія (желточныя крупинки). Въ живчикѣ ядру соотвѣтствуетъ его расширенная головка, которая состоитъ почти сплошь изъ хроматиннаго вещества и очень ярко красится красками; плазма превращается главнымъ образомъ въ жгутикъ, у основанія котораго въ небольшомъ расширеніи располагается центрозома.

Является вопросъ: что же происходитъ со всѣми этими частями во время процесса оплодотворенія?

Впервые подошелъ къ научному рѣшенію этого вопроса Оскаръ Гертвигъ въ 1875 году. Онъ нашелъ для изученія процесса оплодотворенія идеальный объектъ, надъ которымъ съ тѣхъ поръ былъ произведенъ цѣлый рядъ научныхъ изслѣдованій—именно, яйца морского ежа. Яйца эти настолько малы и прозрачны, что подъ микроскопомъ можно превосходно разсмотрѣть ихъ внутреннее строеніе и наблюдать за происходящими въ нихъ измѣненіями. Гертвигъ замѣтилъ, что если оплодотворить подъ микроскопомъ искусственно яйцо морского ежа сѣменною жидкостью, то черезъ нѣсколько минутъ въ яйцѣ замѣчается образованіе лучистости, исходящей отъ одной точки, и, кромѣ того, появляется темное тѣльце, которое красится точно такъ же, какъ ядро. Это темное тѣльце оказалось не чѣмъ инымъ, какъ нѣсколько измѣненной послѣ вхожденія въ яйцо головкой живчика или такъ называемымъ мужскимъ ядромъ, а лучистость возникала отъ центрозомы живчика, находящейся у основанія его жгутика. Дальнѣйшія наблюденія и изслѣдованія самого О. Гертвига, Фоля, Бовери и др. выяснили детали процесса, происходящаго въ яйцѣ морского ежа, съ которыми мы теперь и познакомимся *).

Какъ только одинъ изъ живчиковъ пройдетъ сквозь студенистую оболочку яйца и приблизится къ поверхности послѣдняго, навстрѣчу ему поднимается бугорокъ плазмы, въ который и внѣдряется живчикъ (рис. 3, фиг. 1, *ж*). Затѣмъ, тотчасъ же по всей поверхности яйца выдѣляется тонкая оболочка, препятствующая вхожденію другихъ живчиковъ: при нормальныхъ условіяхъ яйцо оплодотворяется лишь однимъ живчикомъ, если же ослабить жизнедѣятельность яйца

---

*) Для простоты мы беремъ случай, когда живчикъ оплодотворяетъ не вполнѣ созрѣвшее яйцо. Во вполнѣ зрѣломъ соотношенія между ядрами мужскимъ и женскимъ нѣсколько иныя.

какими-либо ядовитыми или наркотизирующими растворами, то оболочка не образуется и въ яйцо можетъ войти нѣсколько живчиковъ. Въ послѣднемъ случаѣ при дальнѣйшемъ развитіи замѣчаются большія неправильности и нормальнаго зародыша не получается. Войдя въ яйцо, живчикъ нѣсколько измѣняется—жгутикъ его

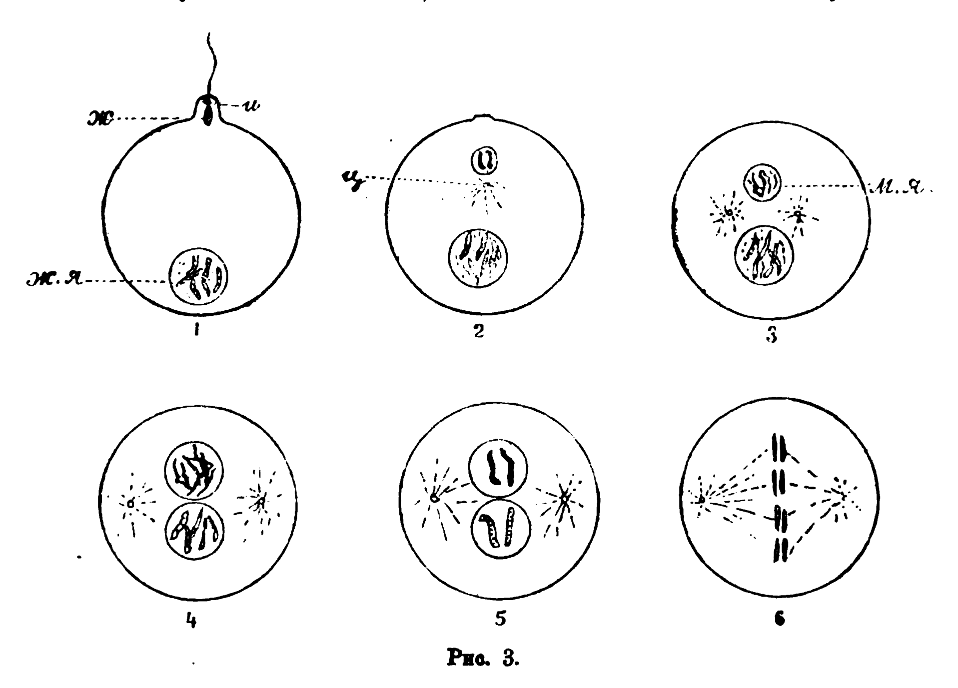


Рис. 3.

исчезаетъ, растворяясь въ плазмѣ яйца, головка увеличивается и превращается въ мужское ядро (фиг. 3, *м. я.*), центрозома дѣлится на двѣ, которыя расходятся къ двумъ полюсамъ *) (фиг. 2 и 4). Въ то же время хроматинныя части обоихъ ядеръ собираются въ нѣсколько хроматинныхъ петель (фиг. 5), которыя, какъ обыкновенно при дѣленіи клѣтки, располагаются въ плоскости экватора, тогда какъ обѣ центрозомы являются полюсами и между ними образуется лининовое веретено (фиг. 6). Послѣ расщепленія хроматинныхъ петель, половинки ихъ расходятся и изъ нихъ образуются два новыхъ ядра двухъ первыхъ клѣтокъ или шаровъ дробленія. Каждое изъ этихъ ядеръ содержитъ части какъ мужского, такъ и женскаго ядра, и всѣ позднѣе образующіяся путемъ дѣленія клѣтки также обладаютъ частичками какъ мужского, такъ и женскаго хроматина. Такимъ образомъ, въ результатѣ процесса оплодотворенія является *соединеніе хроматинныхъ частей ядеръ мужского и женскаго и равномѣрное распредѣленіе ихъ во всѣхъ возникающихъ позднѣе клѣткахъ.*

---

*) Фоль описалъ у морского ежа своеобразное перемѣщеніе и сліяніе двухъ центрозомъ, мужской и женской, дѣлящихся каждая пополамъ, однако, новѣйшій изслѣдователь, Бовери, отвергаетъ существованіе центрозомы у яйца.

Этотъ выводъ является наиболѣе цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ области вопроса объ оплодотвореніи за послѣднія десятилѣтія. Тогда какъ ранѣе оплодотвореніе сводилось къ сліянію *двухъ клѣтокъ*, теперь мы знаемъ, что наибольшее значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ сліяніе *двухъ ядеръ*, ведущее къ соединенію въ яйцѣ хроматиннаго вещества мужской и женской клѣтки и къ равномѣрному распредѣленію его при дальнѣйшемъ развитіи организма между всѣми клѣтками. Центрозома—этотъ пока еще столь загадочный органъ клѣтки—является въ яйцѣ, какъ и вообще въ клѣткѣ, наиболѣе активной частью, отъ нея отходятъ лучеобразно волоконца, растягивающія хроматинныя петли при дѣленіи.

Большинство современныхъ изслѣдователей во главѣ съ Бовери *) не признаетъ существованія дѣятельной центрозомы въ неоплодотворенномъ яйцѣ и считаетъ, что она вносится въ яйцо живчикомъ, какъ мы видѣли это только что на примѣрѣ яйца морского ежа. При всѣхъ позднѣйшихъ дѣленіяхъ клѣтокъ всѣ центрозомы, насколько это возможно прослѣдить, происходятъ отъ этой, внесенной въ яйцо, мужской центрозомы. Безъ участія центрозомъ невозможно дѣленіе клѣтокъ и увеличеніе числа ихъ, невозможно, слѣдовательно, и дальнѣйшее развитіе зародыша. Такимъ образомъ живчикъ вноситъ въ неспособное къ самостоятельному развитію яйцо дѣятельный элементъ, обусловливающій весь дальнѣйшій ростъ развивающагося изъ яйца организма. Оплодотвореніе даетъ толчекъ яйцу и снабжаетъ его механизмомъ, приводящимъ въ движеніе его инертную массу.

Всегда ли, однако, необходимъ такой толчокъ? Наблюденіе показываетъ, что оплодотвореніе далеко не можетъ считаться безусловно необходимымъ для развитія. Очень многія животныя имѣютъ способность размножаться безъ оплодотворенія, такъ, напр., у пчелъ яйца, изъ которыхъ развиваются трутни, не оплодотворяются, точно также тли, червецы, рачки-циприсы, коловратки несутъ яйца, развивающіяся непосредственно безъ участія живчика. Правда, у всѣхъ у нихъ такое размноженіе безъ оплодотворенія или *партеногенезъ*, какъ называется это явленіе, имѣетъ мѣсто не постоянно, а лишь въ теченіе большаго или меньшаго количества поколѣній,—тли, рачки и коловратки, напр., производятъ въ теченіе лѣта рядъ поколѣній самокъ, размножающихся неоплодотворенными яйцами, а передъ наступленіемъ осени у нихъ появляется поколѣніе изъ самцовъ и самокъ, производящихъ яйца, которыя требуютъ оплодотворенія, и эти яйца перезимовываютъ. Животныхъ, у которыхъ съ несомнѣнностью было бы доказано исключительно партеногенетическое размноженіе, неизвѣстно. Имѣется, однако, нѣсколько видовъ рачковъ и одинъ видъ муравьевъ, у которыхъ самцы до сихъ поръ, несмотря на тщательное изслѣдованіе, не найдены.

Какъ бы то ни было, но партеногенетическое размноженіе показываетъ все же, что участіе живчика въ развитіи далеко не такъ необходимо, какъ кажется. Очевидно, яйцо можетъ содержать само въ себѣ все нужное для

*) См. брошюру Boveri. «Das Problem der Befruchtung» Jena. 1902, которая легла въ основаніе этой статьи.

дѣленія и для дальнѣйшаго развитія, можетъ даже содержать или можетъ само воспроизводить первоначальную центрозому, изъ которой развиваются всѣ дальнѣйшія. Центрозома живчика нужна далеко не всегда для того, чтобы вывести яйцо изъ его покоящагося состоянія. Мало того: наблюденія послѣднихъ лѣтъ показываютъ, что тотъ толчокъ, который даетъ яйцу живчикъ, можетъ быть сообщенъ ему совершенно иными средствами,—живчикъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно замѣнить *раздражителями физико-механическаго характера.*

Опытами проф. А. Тихомірова было установлено еще въ 1886 году, что неоплодотворенныя яйца шелковичнаго червя (тутоваго шелкопряда) начинаютъ развиваться точно также какъ оплодотворенныя, если ихъ погрузить на короткое время въ крѣпкую сѣрную кислоту, или если ихъ подвергнуть просто сильному растиранію щеткой или суконкой. Затѣмъ, Р. Гертвигъ наблюдалъ въ яйцахъ морского ежа при дѣйствіи очень слабаго раствора стрихнина или при долгомъ лежаніи въ морской водѣ измѣненія, за которыми слѣдовало дѣленіе ядра и всего яйца. Наконецъ, въ недавнее время (1900 г.) американскій ученый I. Лёбъ (I. Loeb) опубликовалъ свои поразительныя изслѣдованія надъ яйцами морскихъ ежей. Онъ доказалъ съ полной убѣдительностью, что ихъ можно заставить дѣлиться, если помѣстить въ морскую воду, содержащую въ растворѣ нѣкоторое количество извѣстныхъ солей или даже такихъ индифферентныхъ веществъ, какъ сахаръ или мочевина. Ему удалось не только получить правильное дробленіе, но и довести развитіе такихъ яицъ до стадіи личинки (плутеуса).

Наблюденіе Лёба привели его къ очень оригинальнымъ и интереснымъ выводамъ. Производя опыты надъ дѣйствіемъ различныхъ солей на протоплазму яйца, онъ убѣдился, что однѣ изъ солей, напр., хлористый магній, производятъ разжиженія ея, тогда какъ другія, напр., хлористый кальцій, вызываютъ сгущеніе протоплазмы. Яйцо морского ежа, по его мнѣнію, по природѣ своей обладаетъ способностью дѣлиться партеногенетически, но проявленію этой способности препятствуетъ обычный составъ морской воды. Препятствіе это можетъ выражаться или въ томъ, что въ морской водѣ недостаетъ тѣхъ веществъ, которыя, разжижая протоплазму, способствуютъ дѣленію яйца (напр. солей магнія, калія и др.), или же присутствіемъ въ большомъ количествѣ элементовъ, сгущающихъ протоплазму и мѣшающихъ дѣленію (соли кальція, натрія и др.). Живчикъ, по мнѣнію Лёба, проникая въ яйцо, вноситъ въ него нѣкоторое количество неорганическихъ веществъ и тѣмъ либо увеличиваетъ дѣйствіе первыхъ, либо ослабляетъ вліяніе вторыхъ веществъ морской воды. Значеніе его сводится Лёбомъ даже не къ химическому, а прямо къ осмотическому *) дѣйствію,—живчикъ измѣняетъ условія осмоза, почему

*) Осмотическими явленіями называются явленія, получающіяся при прохожденія солей и другихъ веществъ, растворенныхъ въ водѣ, чрезъ перепонку. Если, съ одной стороны перепонки находится растворъ соли, а съ другой вода, то частички соли оказываютъ на перепонку давленіе, называемое осмотическимъ. Различныя соли оказываютъ различное давленіе въ зависимости отъ своего химическаго состава и атомнаго вѣса элементовъ, изъ которыхъ онѣ слагаются.

дѣйствіе его и можно замѣнить дѣйствіемъ соли (хлористаго магнія) или даже дѣйствіемъ мало дѣятельнаго въ химическомъ смыслѣ вещества (напр., сахара или мочевины), которое измѣняетъ осмотическія условія въ томъ женап равленіи. Такимъ образомъ, взгляды Лёба на оплодотвореніе сводятся къ признанію этого процесса преимущественно физико-химическимъ. Лёбъ допускаетъ, что живчикъ, можетъ быть, вводитъ въ яйцо какія-либо бродильныя начала (энзимы), но находитъ все же, что тотъ толчокъ, который производитъ живчикъ, выводя яйцо изъ его состоянія равновѣсія, зависитъ не отъ тѣхъ или другихъ приносимыхъ имъ бѣлковыхъ соединеній, а отъ измѣненія условій осмоза *).

Такое чисто механическое объясненіе процесса оплодотворенія, конечно, очень заманчиво, но пока въ немъ еще много гипотетичнаго. Прежде всего является невыясненнымъ, какимъ способомъ живчикъ, заключающій ничтожное, положительно невѣсомое, количество, солей можетъ измѣнять условія осмоза относительно крупнаго яйца. Еще болѣе трудностей представляетъ примѣненіе этой теоріи къ оплодотворенію въ прѣсной водѣ, минимальное количество солей которой, повидимому, не играетъ никакой роли, такъ какъ яйца (напр., лягушки) могутъ быть оплодотворены и развиваются нормально и въ дестиллированной водѣ.

Въ значительной степени аналогичны опытамъ Леба, но совершенно противоположны имъ по выводамъ опыты германскаго ученаго Г. Винклера, произведенные почти одновременно. Предметомъ изслѣдованія его служили также яйца морского ежа, но Винклеръ заставлялъ ихъ дробиться и развиваться не органическими веществами, а экстрактомъ изъ сѣмянной жидкости того же животнаго, не содержащимъ живчиковъ. Для этого сѣмянная жидкость смѣшивалась съ морской водой и оставлялась стоять нѣкоторое время, затѣмъ полученный такимъ образомъ экстрактъ тщательно профильтровывался, чтобы очистить его отъ живчиковъ. Яйца морского ежа, помѣщенныя въ экстрактѣ, начинали тотчасъ же дѣлиться и развивались до нормальныхъ личинокъ. Единственнымъ отличіемъ отъ нормальнаго хода развитія было отсутствіе образованія желточной оболочки, возникающей на поверхности яйца тотчасъ же послѣ вхожденія живчика. Должно, однако, замѣтить, что искусственное образованіе желточной оболочки давно уже удалось вызвать у тѣхъ же яицъ морского ежа другимъ способомъ, а именно, дѣйствіемъ на неоплодотворенное яйцо хлороформа, гвоздичнаго масла и другихъ раздражающихъ веществъ. Винклеръ дѣлаетъ тотъ выводъ изъ своихъ наблюденій, что толчокъ къ дѣленію яйца дается не измѣненіемъ условій осмоза, какъ утверждаетъ Лебъ, а особымъ органическимъ веществомъ, которое вносится живчикомъ въ яйцо,—соединеніемъ по всей вѣроятности относящимся къ ферментамъ **). То же вещество выдѣляется живчиками въ воду при приготовленіи экстракта и заставляетъ неоплодотворенныя яйца

---

*) I. Loeb. «Farthev experiments on artificial parthenogenesis». «Amer. Journ. of Physiol.» vol. IV, 1900.

**) Участіе въ оплодотвореніи ферментовъ было предположено еще ранѣе, на основаніи другихъ опытовъ, Дюбуа и Піери (см. Winkler. «Nachr. Ges. Wiss. Göttingen. Math. Phys. Klasse», 1900).

дѣлиться. Какъ извѣстно, многіе ферменты отличаются малой стойкостью и, напр., при нагрѣваніи, разрушаются,—то же наблюдалъ и Винклеръ: нагрѣвая экстрактъ до 50—60° С., онъ нашелъ, что яйца въ немъ болѣе не развиваются. Вѣроятность, что побужденіе къ дѣленію яйца обусловливается именно ферментомъ, увеличивается извѣстнымъ свойствомъ ферментовъ производить въ чрезвычайно маломъ количествѣ значительный эффектъ. Тогда какъ трудно представить себѣ, чтобы ничтожное количество неорганическихъ веществъ вносимыхъ живчикомъ въ яйцо, могло бы нарушить условія осмоза, ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что самое малѣйшее количество фермента нарушаетъ равновѣсіе химическихъ силъ въ яйцѣ и, раздражая тѣмъ протоплазму, побуждаетъ ее къ дѣленію. Не видимъ ли мы того же при всѣхъ явленіяхъ броженія? Ничтожнаго количества фермента бываетъ достаточно для того, чтобы нарушить равновѣсіе огромной массы вещества, способнаго къ броженію.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что наука начинаетъ уже подходить къ выясненію вопроса оплодотворенія все ближе и ближе. Много еще въ немъ темныхъ и неясныхъ сторонъ передъ нами, но путь какъ кажется, найденъ правильный! Въ прошломъ году сдѣланъ еще одинъ серьезный шагъ впередъ,—изучены подробности процесса, происходящаго при искусственно вызванномъ партеногенезѣ яицъ морского ежа. Соотечественникъ Леба, американскій ученый К. Уильсонъ (Ch. Wilson) изслѣдовалъ подробно развивающіяся партеногенетически яйца мор-

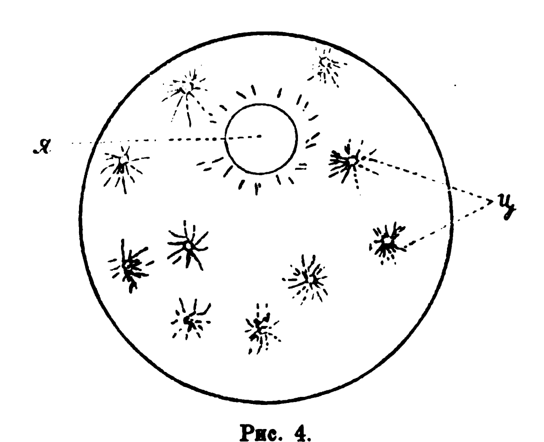


Рис. 4.

ского ежа и сдѣлалъ чрезвычайно интересное открытіе. Онъ помѣщалъ по способу Леба яйца морского ежа въ 6°/o растворъ хлористаго магнія въ морской водѣ и черезъ нѣкоторое время переносилъ ихъ въ чистую морскую воду. Наблюдая ихъ подъ микроскопомъ, онъ замѣтилъ, что благодаря дѣйствію хлористаго магнія въ плазмѣ яйца образуются не одна, а множество (10 и болѣе) лучистостей, исходящихъ каждая отъ небольшого тѣльца *). (Рис. 4, *ц*) Эти тѣльца, какъ показали прямыя наблюденія Уильсона, имѣютъ способность дѣлиться и образо-

*) Лучистости эти видѣлъ еще въ 1896 г. Т. Морганъ, который не могъ, однако, доказать, что это настоящія центрозомы.

вывать новыя лучистости,—слѣдовательно, ничѣмъ не отличаются отъ настоящихъ центрозомъ. Въ дѣленіи ядра принимали участіе, однако, лишь двѣ изъ такихъ искусственно вызванныхъ центрозомъ,—остальныя не играли никакой роли. Дальнѣйшее развитіе шло иногда, по крайней мѣрѣ, нормально, и получались нормальныя личинки. Эти наблюденія Уильсона доказываютъ, что и такое яйцо, которое требуетъ при нормальныхъ условіяхъ для начала развитія участія центрозомы живчика, при измѣненіи этихъ условій (быть можетъ, если справедливо предположеніе Леба, при измѣненіи условій осмотическаго давленія) можетъ развивать самостоятельно центрозомы въ своей плазмѣ. Этою способностью обусловливается, по всей вѣроятности, вообще возможность партеногенетическаго развитія.

Бовери дѣлаетъ возраженіе, что партеногенезъ, полученный дѣйствіемъ хлористаго магнія, не вполнѣ соотвѣтствуетъ нормальному оплодотворенію,—при обычныхъ условіяхъ оплодотворенія въ яйцѣ появляется одна центрозома, которая дѣлится на двѣ и вызываетъ дѣленіе ядра, при искусственномъ партеногенезѣ ихъ появляется много и къ тому же число ихъ непостоянно. На это можно сказать, что все же изъ многочисленныхъ центрозомъ, полученныхъ искусственнымъ путемъ, въ дѣленіи ядра принимаютъ участіе лишь двѣ, какъ и при нормальномъ оплодотвореніи. Наконецъ, возможно, что надлежащимъ подборомъ веществъ и пропорцій ихъ удастся вызвать появленіе въ плазмѣ лишь этихъ двухъ центрозомъ и при искусственномъ партеногенезѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что число такихъ центрозомъ непостоянно и колеблется, надо думать, въ зависимости отъ какихъ-либо внѣшнихъ условій.

Мы не имѣемъ еще пока достаточно данныхъ для того, чтобы судить, что именно вызываетъ появленіе центрозомъ въ плазмѣ и откуда и какъ онѣ появляются. Быть можетъ, соображенія Лёба о значеніи осмотическаго давленія помогутъ впослѣдствіи разобраться въ этомъ сложномъ вопросѣ. Для насъ важно, однако, уже и то, что появленіе центрозомы, за которой, какъ мы видѣли, признается въ настоящее время такое важное значеніе въ дѣленіи ядра и клѣтки, можетъ быть вызвано искусственно, путемъ вмѣшательства физикохимическихъ факторовъ. Это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что и нормальное внесеніе живчикомъ центрозомы въ яйцо, не составляетъ акта, безусловно необходимаго для дальнѣйшаго развитія послѣдняго,—при подходящихъ условіяхъ центрозома можетъ, очевидно, возникать въ самомъ яйцѣ и дѣленіе начинается безъ всякаго участія мужского элемента, какъ мы это и видимъ въ яйцахъ, развивающихся нормально партеногенетически (у тлей, нѣкоторыхъ бабочекъ, циприсовъ, коловратокъ и др.).

Мы говорили, однако, уже выше, что живчикъ вноситъ въ яйцо не одну центрозому,—онъ вноситъ и хроматинные элементы. Мужское ядро, образующееся въ яйцѣ послѣ оплодотворенія изъ головки живчика, содержитъ столько же хроматинныхъ нитей или петель, сколько и женское *) (т.-е. ядро самого яйца).

---

*) Упомянемъ здѣсь, что, вообще говоря, ядра половыхъ элементовъ содер

Спрашивается, насколько существенна эта часть, вносимая живчикомъ въ яйцо, и какова ея роль?

То же партеногенетическое размноженіе показываетъ намъ, что и хроматинъ мужского элемента не безусловно необходимъ—яйцо можетъ развиваться и безъ него. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучителенъ опытъ, приводимый Бовери. При нѣкоторыхъ условіяхъ анэстезированія (усыпленія ядовитыми растворами) только что оплодотвореннаго яйца морского ежа, возможно достичь того, что мужское ядро остается какъ бы въ состояніи оцѣпенѣнія вблизи поверхности яйца и къ женскому ядру приближается одна лишь центрозома живчика. Она дѣлится и вызываетъ нормальное дѣленіе ядра, яйцо дѣлится на два первыхъ шара дробленія, причемъ мужское ядро остается попрежнему неподвижнымъ въ одномъ изъ образовавшихся шаровъ дробленія. Оно не принимаетъ никакого участія въ дальнѣйшемъ дѣленіи яйца, которое протекаетъ вполнѣ нормально, какъ будто бы произошло полное оплодотвореніе.

Такая кажущаяся второстепенность мужского элемента вовсе не означаетъ, однако, что онъ не обладаетъ самостоятельностью. Напротивъ, другой опытъ Бовери показываетъ, что при подходящихъ условіяхъ ядро живчика можетъ принять на себя ту же роль, которая выполняется ядромъ яйца. Бовери путемъ встряхиванія неоплодотворенныхъ яицъ морского ежа въ пробиркѣ разбивалъ ихъ на обломки. Между этими обломками не трудно было отобрать такіе, которые не содержали ядра. Затѣмъ, такіе безъядерные обломки оплодотворялись сѣмянною жидкостью и оказывалось, что живчикъ, входя въ плазму обломка, образовывалъ, какъ при нормальномъ оплодотвореніи, мужское ядро и центрозому, ядро дробилось опять-таки нормально и въ результатѣ получалась личинка, вполнѣ похожая на нормальную, но меньшей величины, какъ бы карликовая.

Еще интереснѣе получимъ результатъ при оплодотвореніи тѣхъ же обломковъ яицъ сѣмянною жидкостью, взятою отъ морского ежа другого вида. Оказалось, что изъ безъядернаго обломка, оплодотвореннаго живчикомъ, развивается личинка по своему строенію, напоминающая личинку того вида, отъ котораго была взята сѣмянная жидкость *).

Такимъ образомъ, надо думать, что оба ядра, и мужское и женское, являются въ значительной степени равноправными въ дѣлѣ развитія. Вышеприведенные опыты Бовери показываютъ, что для возможности развитія въ сущности все равно—мужское ли ядро, женское ли, или же ядро, сложившееся изъ обоихъ, дѣйствуетъ въ яйцѣ,—необходимо лишь вообще присутствіе ядра,

---

жатъ вдвое менѣе хроматинныхъ петель, чѣмъ остальныя клѣтки тѣла того же организма. Это происходитъ благодаря процессу такъ называемой «редукціи хроматина», на которомъ мы не останавливаемся, чтобы не усложнять изложенія. Желающіе найдутъ подробности о немъ въ цитированной выше книгѣ профессора Шимкевича.

*) Эти наблюденія Бовери подверглись жестокой критикѣ со стороны другихъ изслѣдователей, но Бовери защищаетъ ихъ очень энергично, и до сихъ поръ они если не подтверждены другими, то и не опровергнуты.

центрозомы и нѣкотораго количества плазмы яйца, чтобы обусловить развитіе, которое можетъ привести даже къ нормальнымъ результатамъ *).

Если же оба элемента, и мужской, и женскій, равноправны, то почему въ большинствѣ случаевъ все же необходимо сліяніе ихъ наиболѣе существенныхъ частей—ядеръ, или еще точнѣе хроматинныхъ частей ихъ ядеръ?

Правда, мы видимъ, что и въ условіяхъ нормальныхъ, и въ условіяхъ эксперимента такое сліяніе можетъ отсутствовать и все же развитіе отъ этого не страдаетъ,—однако, естественный партеногенезъ—явленіе, какъ ни какъ, относительно рѣдкое, наблюдающееся лишь у нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, искусственный партеногезъ можетъ быть вызванъ лишь совершенно исключительными условіями. Въ большинствѣ случаевъ, для развитія въ естественныхъ условіяхъ требуется оплодотвореніе, которое даетъ не только толчокъ къ дѣленію яйца, но и увеличиваетъ въ послѣднемъ содержаніе хроматинныхъ частей. При чемъ же тутъ это сліяніе хроматинныхъ частей двухъ ядеръ, это увеличеніе запаса хроматиннаго вещества въ яйцѣ?

Здѣсь мы подходимъ къ наиболѣе сложному и трудно выяснимому вопросу въ области проблемы оплодотворенія,—къ вопросу, тѣсно связанному съ значеніемъ оплодотворенія для теоріи наслѣдственности.

Всѣмъ извѣстно и не требуетъ никакого доказательства, что въ результатѣ оплодотворенія получается развитіе новаго организма, совмѣщающаго въ себѣ нѣкоторыя черты отца съ чертами матери. Не можетъ подлежать сомнѣнію также и то, что соединеніе этихъ чертъ можетъ происходить лишь въ моментъ оплодотворенія—только въ этотъ моментъ и можетъ вліять на развитіе организмъ отца. Какія же части живчика могутъ передавать свойства отца оплодотворяемому яйцу? Несомнѣнно, не плазма его—ея количество слишкомъ незначительно по сравненію съ количествомъ плазмы яйца. Если бы наслѣдственныя свойства отца передавались плазмой, они должны были бы выражаться у дѣтеныша въ гораздо болѣе слабой степени, чѣмъ материнскія, между тѣмъ мы часто наблюдаемъ, наоборотъ, преобладаніе чертъ отца. Точно также не можетъ служить для передачи наслѣдственныхъ свойствъ и центрозома,—она исчезаетъ, какъ мы видимъ, часто въ яйцѣ, и, слѣдовательно, у дѣтеныша отсутствовали бы черты матери. Остается третья составная часть ядра—тѣ хроматинныя ленты или петли, которыя образуютъ въ головкѣ живчика компактную, ярко красящуюся различными красками массу, но проявляются въ мужскомъ ядрѣ при началѣ его сліянія съ женскимъ. Въ судьбѣ этихъ хроматинныхъ частей многое указываетъ на то, что именно онѣ служатъ носителями наслѣдственныхъ свойствъ,—прежде всего—ихъ имѣется одинаковое количество какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ ядрѣ оплодотвореннаго яйца. Онѣ претерпѣваютъ сліяніе и съ большою равномѣрностью распредѣляются между клѣтками возникающаго организма.

Если допустить, что наслѣдственныя свойства связаны, дѣйствительно,

*) При всѣхъ опытахъ съ яйцами морскихъ ежей не удается довести развитіе далѣе какъ до появленія личинки (плутеуса), но дѣло въ томъ, что и при нормальномъ развитіи яицъ въ акваріумѣ ихъ не удается вырастить до стадій болѣе близкихъ къ взрослому животному.

съ хроматинными лентами ядра, то мы легко поймемъ, что послѣ завершенія оплодотворенія и развитія, сводящагося къ ряду дѣленій клѣтокъ, свойства какъ отца, такъ и матери должны быть смѣшаны поровну и равномѣрно перетасованы во всѣхъ частяхъ организма. Насколько простираются наши современныя познанія, мы должны признать наиболѣе вѣроятнымъ, что *соединеніе и смѣшеніе наслѣдственныхъ качествъ и составляетъ главную, основную задачу и цѣль процесса оплодотворенія.*

Является вопросъ: для чего же нужно это смѣшеніе свойствъ и какую пользу оно приноситъ организму? Мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ остроумнымъ сравненіемъ Бовери въ рѣчи, произнесенной имъ на съѣздѣ германскихъ естествоиспытателей и врачей въ Гамбургѣ въ прошломъ году. «Мы собрались здѣсь, врачи и естествоиспытатели всѣхъ спеціальностей и направленій, чтобы путемъ обмѣна мыслей и наблюденій способствовать развитію нашей науки. Цѣль нашего единенія, можно сказать, составляетъ смѣшеніе свойствъ въ области мысли. И сколько плодотворныхъ идей, быть можетъ, совсѣмъ незамѣтно, западетъ всхожими зернами въ рабочее поле того или другого изъ насъ, куда иначе это зерно никогда бы не попало! Вѣдь вполнѣ ясно для всѣхъ насъ, что рѣшеніе какой-либо великой научной проблемы рѣдко когда удается какому-либо одному уму,—обыкновенно, необходима одновременная работа многихъ силъ. Уже единеніе двухъ умовъ для совмѣстной работы ведетъ нерѣдко къ результатамъ болѣе великимъ, чѣмъ дѣятельность ихъ порознь! «Вполнѣ аналогичное явленіе представляетъ намъ и смѣшеніе свойствъ при соединеніи клѣтокъ. Результаты его лучше всего видны на самомъ человѣкѣ. Изъ соединенія ничѣмъ не выдающихся качествъ родителей нерѣдко, мы видимъ, рождается геній. Но то, что справедливо по отношенію къ наслѣдованію духовныхъ качествъ человѣка, свойствъ его мозга, должно быть таковымъ и по отношенію къ мышцамъ и костямъ, цвѣтамъ, листьямъ и корнямъ всѣхъ живыхъ организмовъ! Изъ тѣхъ особенностей, которыя были пріобрѣтены обѣими соединяющимися особями лишь отъ ихъ предковъ, путемъ наслѣдованія, либо въ теченіе ихъ самостоятельной жизни, должно скомбинироваться нѣчто новое и, при случаѣ, нѣчто болѣе совершенное, чѣмъ все встрѣчавшееся у предковъ. «Здѣсь наша тема соприкасается съ величайшей современной проблемой,—вопросомъ о происхожденіи органическаго міра. Все, что мы до сихъ поръ знаемъ о природѣ живыхъ организмовъ, заставляетъ насъ думать, что высшія формы произошли отъ низшихъ путемъ постепеннаго измѣненія и что весь органическій міръ отъ первичной—наиболѣе простой стадіи поднялся, медленно и постепенно прогрессируя, къ состоянію наибольшей сложности. Нерѣшенъ лишь вопросъ—какія силы могли обусловить такое постепенное совершенствованіе живыхъ существъ? Мнѣ кажется, и въ этомъ я схожусь съ Вейсманомъ, что однимъ изъ факторовъ этого прогрессивнаго развитія является соединеніе и смѣшеніе особей. И если это справедливо, то результатъ дѣйствія этого фактора—сложность современнаго органическаго міра, вполнѣ соотвѣтствуетъ неизмѣримо великой роли, какую играетъ въ жизни организмовъ сліяніе двухъ клѣтокъ въ одну!»

П. Ю. Шмидтъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Новыя свѣдѣнія о майской катастрофѣ на о. Мартиникѣ.—Сыворотка, убивающая сердце.—Сывороточное леченіе скарлатины.—О способахъ распространенія чумы.—Оспопрививаніе и коклюшъ.—Полученіе азотной кислоты изъ воздуха.

Новыя свѣдѣнія о майской катастрофѣ на о. Мартиникѣ *). Изверженія на Антильскихъ островахъ еще не закончились и могутъ еще вступить въ новую фазу, а именно, отъ выбрасыванія газовъ и пепла вулканы могутъ перейти къ выливанію огненной жидкой лавы. Различныя экспедиціи, снаряженныя для изслѣдованія результатовъ изверженій на мѣстѣ, опубликовали пока лишь предварительные отчеты и не сдѣлали еще окончательныхъ выводовъ изъ своихъ наблюденій. Для окончательнаго сужденія о механизмѣ и причинѣ катастрофы на Мартиникѣ не настало еще время. Тѣмъ не менѣе предварительные отчеты содержатъ нѣкоторыя интересныя данныя, которыя отчасти иллюстрируютъ и подтверждаютъ то, что было извѣстно уже раньше, отчасти вносятъ въ наши свѣдѣнія нѣкоторыя поправки. Остановимся вкратцѣ на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ парижской академіи наукъ профессоромъ Лакруа.

Область разрушенія въ окрестностяхъ Лысой Горы на Мартиникѣ невелика: это полоса вокругъ Лысой Горы съ радіусомъ въ 2—3 клм. Область наибольшаго разрушенія приходится противъ западнаго и юго-западнаго склоновъ вулкана и находится между мѣстечкомъ Сенъ-Филоменой и южной частью Сенъ-Пьера. Разрушеніе города дѣйствительно было произведено, какъ объ этомъ писали уже раньше, не громадной массой пепла и не раскаленными кусками лавы и камнями, а газовымъ потокомъ съ небольшимъ сравнительно количествомъ пепла. Этотъ потокъ горячихъ газовъ былъ направленъ съ сѣвера на югъ и произвелъ преимущественно механическія дѣйствія. По мѣрѣ того какъ подвигаешься отъ вулкана къ югу, слѣды механическаго разрушенія становятся все болѣе слабыми: между кратеромъ, Сенъ-Филоменой и Сенъ-Пьеромъ, а также въ сѣверной части города все разрушено до основанія; далѣе къ югу постройки разрушены лишь отчасти, причемъ особенно важно отмѣтить, что въ южной части города, стѣны, имѣющія протяженіе приблизительно съ сѣвера на югъ, остались почти цѣликомъ на своихъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ другія стѣны разрушены болѣе или менѣе значительно или до основанія. Деревья, вырванныя съ корнемъ, опрокинуты на югъ; въ этомъ же направленіи опрокинуты маякъ, большая чугунная статуя Мадонны; въ этомъ же направленіи передвинуты сорванныя со своихъ мѣстъ желѣзныя рѣшетки кладбища Мульдеусъ и надгробныя мраморныя плиты. Еще дальше къ югу меха-

---

*) См. статью проф. Ф. Ю. Левинсона-Лессинга въ «Научномъ обзорѣ» М. Б. за сентябрь.

ническія поврежденія становятся все менѣе замѣтными и наконецъ, сходятъ на нѣтъ.

Главное разрушеніе произведено, слѣдовательно, газовымъ ураганомъ, который вырвался изъ вулкана къ сѣверу отъ Сенъ-Пьера и направился къ югу, но не по прямому направленію, а, такъ сказать, вѣерообразно. Съ сѣверо-востока на юго-западъ простираются и тѣ трещины, по которымъ теперь образовался рядъ фумаролъ, т.-е. горячихъ газовыхъ выдѣленій. При изслѣдованіи тепловыхъ и физіологическихъ дѣйствій этого газоваго урагана, можно констатировать такое же ослабленіе по мѣрѣ движенія къ югу. Въ области наибольшаго разрушенія трупы не только лишены одежды, которая сгорѣла, но отчасти и сами обуглены съ поверхности; дальше къ югу одежда труповъ лишь отчасти обгорѣла, а еще дальше наблюдаются лишь слѣды ожоговъ или просто признаки смерти отъ асфиксіи удушливыми газами, а не отъ ожоговъ *). Дома загорѣлись и городъ, какъ извѣстно, мгновенно былъ охваченъ пожаромъ; во многихъ домахъ сгорѣло, однако, не все и многіе предметы, случайно защищенные отъ непосредственнаго соприкосновенія съ горячимъ газовымъ ураганомъ, не сгорѣли или пострадали лишь отчасти **). Лакруа дѣлаетъ изъ своихъ наблюденій выводъ, что постройки и люди подверглись очень непродолжительному дѣйствію высокой температуры. Для сужденія о температурѣ интересно отмѣтить, что металлическіе предметы не расплавились и притомъ не только желѣзные, но и мѣдные, напр., мѣдная телефонная проволока (мѣдь плавится при 1054°).

Относительно состава газовъ, изъ которыхъ состоялъ смертоносный ураганъ 8 мая, нѣтъ еще окончательныхъ свѣдѣній. По Лакруа, главной массой газовъ являлись водяные пары; къ нимъ были примѣшаны, но въ небольшихъ количествахъ, сѣрнистый газъ и сѣроводородъ; присутствіе водорода и углеводородовъ также весьма вѣроятно, но не установлено еще окончательно. Значительная часть разрушеній произведена также потокомъ грязевой лавы, т.-е. бурнымъ потокомъ воды, смѣшанной съ вулканическимъ пепломъ и камнями. Этотъ потокъ обладалъ громадной механической силой, произвелъ значительныя разрушенія построекъ и покрылъ мощнымъ слоемъ нѣкоторыя части города и сосѣднихъ мѣстъ. Для этого потока характерно полное отсутствіе сортировки матеріаловъ по крупности зерна: онъ представляетъ безпорядочную смѣсь тончайшей пыли и гигантскихъ глыбъ. Кромѣ того, интересно, что многіе камни покрыты, вслѣдствіе тренія при своемъ движеніи, такими бороздами, которыя характерны для камней въ такъ называемыхъ моренныхъ отложеніяхъ ледниковъ. Для рѣшенія вопроса о томъ, откуда вырвался потокъ газовъ съ пепломъ, устремившійся на Сенъ-Пьеръ, Лакруа постарался собрать свѣдѣнія отъ немногихъ оставшихся въ живыхъ жителей города, а также отъ моряковъ, тѣхъ судовъ, которые были свидѣтелями изверженія. Мнѣнія эти расходятся:

---

*) Интересно, что въ этой части города въ нѣкоторыхъ закрытыхъ домахъ остались въ живыхъ кошки и собаки, между тѣмъ какъ люди задохлись.

**) Между прочимъ въ сильно пострадавшей части города найдены неповрежденными револьверные патроны и каучуковыя трубки.

но однимъ—изверженіе вырвалось изъ склона горы, метровъ на 1.000 ниже вершины, какъ думаетъ, напр., американскій геологъ Хиль, по другимъ—изъ самой вершины, т.-е. изъ стараго кратера; Лакруа склоняется къ этому послѣднему мнѣнію.

По свѣдѣніямъ Лакруа, а также и Флетта *), въ морскомъ днѣ около Мартиники и о. Сенъ-Винцента не произошло никакихъ замѣтныхъ измѣненій уровня, т.-е. опусканій, какъ указывалось раньше; разрывъ кабеля приписывается подводному продолженію тѣхъ трещинъ, по которымъ продолжаютъ въ настоящее время выдѣляться газы, т.-е. по которымъ расположились, какъ указано выше, фумароллы. Впрочемъ, этотъ вопросъ, повидимому, еще не можетъ считаться достаточно разъясненнымъ. Механическія поврежденія прибрежной полосы, какъ, напр., на о. Сенъ-Винцентѣ, гдѣ при устьѣ Валлибю и къ сѣверу отъ него разрушена полоса берега шириною въ 200 метровъ, приписываются мѣстнымъ обваламъ; на Мартиникѣ такія рузрушенія объясняются дѣйствіемъ сильной волны, которая каждый разъ сопровождала изверженіе Лысой Горы. Въ топографіи Мартиники не произошло, по Лакруа, никакихъ измѣненій, которыя слѣдовало бы приписать измѣненіямъ уровня, поднятіямъ или опусканіямъ. Но видъ ближайшихъ вулкану частей острова совершенно преобразовался вслѣдствіе полнаго уничтоженія всякой растительности и благодаря потокамъ грязи и пеплу. Эти потоки грязи и пепелъ быстро размываются благодаря тому, что, вслѣдствіе отсутствія растительнаго покрова, атмосферные осадки превращаются въ бурные потоки, которые быстро уносятъ въ море часть матеріаловъ, которыми во многихъ мѣстахъ покрыта первоначальная поверхность земли.

Остальныя свѣдѣнія, сообщаемыя Лакруа, а также Флеттомъ и нѣкоторыми членами американскихъ экспедицій, можно пока оставить въ сторонѣ, такъ какъ онѣ не содержатъ ничего существенно новаго. Мнѣ думается, что періодъ усиленной дѣятельности Лысой Горы на Мартиникѣ и Суфріера на Сенъ-Винцентѣ еще не законченъ и что, поэтому, окончательное сужденіе о геологическихъ событіяхъ на Антильскихъ островахъ еще впереди. Въ оцѣнкѣ значенія готовящихся событій ошиблись не только жители Сенъ-Пьера; въ этомъ отношеніи ошибся и самъ Лакруа, который имѣлъ передъ собою уже катастрофу Сенъ-Пьера. Не успѣлъ онъ покинуть Мартинику, вынеся изъ своей поѣздки впечатлѣніе, что опасность новаго пароксизма миновала, какъ въ Августѣ случилось новое сильное изверженіе. Въ настоящее время Лакруа стоитъ за эвакуацію всѣхъ населенныхъ мѣстъ, расположенныхъ по массиву вулкана, необходимость которой онъ отрицалъ первоначально; особенное вниманіе должно быть, по его мнѣнію, обращено на южный склонъ горы: въ случаѣ появленія тамъ тревожныхъ симптомовъ, можно будетъ опасаться катастрофы и въ центральной или южной частяхъ острова, которыя до сихъ поръ остались нетронутыми.

Ф. Л.—Л.

---

*) Флеттъ и Андерсонъ представили лондонскому королевскому обществу предварительный отчетъ объ изслѣдованіи послѣдствій изверженія Суфріера на о. Сенъ-Винцентѣ и были свидѣтелями одного изъ изверженій на Мартиникѣ.

Сыворотка, убивающая сердце. За послѣднее время выяснилось, что при впрыскиваніи животному нѣкоторыхъ бактерій кровяная сыворотка его пріобрѣтаетъ способность быстро убивать, а иногда и совершенно растворять соотвѣтствующія бактеріи,—въ ней какъ бы развивается подъ вліяніемъ постоянной борьбы съ данными бактеріями какое-то особое вещество, смертельное для нихъ. Точно также, если многократно впрыскивать животному малыя дозы какого-либо бактерійнаго яда (токсина), то въ сывороткѣ крови вырабатывается какое-то противоядіе (антитоксинъ), уничтожающее дѣйствіе соотвѣтствующаго яда. Это свойство извѣстно уже довольно давно и на немъ основывается, напр., приготовленіе противодифтерійной сыворотки.

Недавно былъ открытъ еще одинъ родъ сыворотокъ, — именно, сыворотки, способныя убивать тѣ или другія клѣтки живого организма — *цитотоксическія сыворотки*, какъ онѣ были названы. Получить такую сыворотку можно, напр., слѣдующимъ образомъ: предположимъ, что мы будемъ впрыскивать кролику ежедневно небольшое количество свѣжей крови морской свинки; мало-помалу кровяная сыворотка кролика пріобрѣтетъ способность быстро растворять красныя кровяныя тѣльца морской свинки, тогда какъ нормальная сыворотка кролика этой способностью не обладаетъ. Если сыворотку эту впрыснуть теперь морской свинкѣ, то у нея будутъ наблюдаться болѣзненныя явленія, зависящія отъ растворенія красныхъ кровяныхъ тѣлецъ (гемолизъ). Очевидно, подъ вліяніемъ борьбы съ инородными кровяными клѣтками въ крови животнаго вырабатывается какое-то вещество, которое обладаетъ способностью растворять эти клѣтки.

Аналогичнымъ образомъ были получены Мечниковымъ и его учениками и послѣдователями цѣлый рядъ сыворотокъ, убивающихъ различныя другія живыя клѣтки, бѣлыя кровяныя тѣльца, сѣмянныя тѣльца, мерцательный эпителій, клѣтки печени, почекъ, щитовидной железы и мозга. Методъ полученія этихъ сыворотокъ былъ тотъ же самый,—эмульсія изъ данной ткани вспрыскивалась въ кровь другого животнаго и подъ вліяніемъ этихъ впрыскиваній въ послѣдней вырабатывалось ядовитое вещество, убивающее соотвѣтствующую ткань перваго животнаго. Далѣе оказалось, что возможно приготовленіе сыворотки, убивающей не только ткань, но и цѣлый органъ, — такъ, Маньковскому удалось путемъ впрыскиванія кошкѣ эмульсіи щитовидной железы собаки получить такую кошачью кровяную сыворотку, которая при впрыскиваніи ея собакѣ вызвала у послѣдней исчезновеніе (атрофію) щитовидной железы.

Въ началѣ нынѣшняго года двумя русскими изслѣдователями, *С. И. Метальниковымъ* и *А. А. Кулябко*, были предприняты въ томъ же направленіи опыты, имѣвшіе въ виду приготовленіе сыворотки ядовитой для сердца *). Мысль объ этихъ опытахъ подали имъ описанныя нами въ октябрьскомъ № «Міра Божія» наблюденія А. А. Кулябко надъ изолированнымъ сердцемъ, — надъ этимъ послѣднимъ особенно легко было провѣрить дѣятельность сыворотки прямыми графическими записями на вращающемся барабанѣ.

---

*) «О кардіотоксической сывороткѣ». «Изв. Ак. Наукъ», т. XVII, № 1, авг. 1902 г.

Сыворотку ядовитую для сердца («кардіотоксическую») удалось приготовить слѣдующимъ образомъ: изготовлялась эмульсія изъ измельченной и растертой въ слабомъ растворѣ поваренной соли сердечной мышцы кролика и впрыскивавалась, приблизительно черезъ недѣльные промежутки, въ брюшную полость морскихъ свинокъ и кроликовъ. Послѣ нѣсколькихъ впрыскиваній животное убивалось, кровь его собиралась въ стаканчикъ и отъ нея, послѣ створаживанія фибрина, отдѣлялась сыворотка. Дѣйствіе этой сыворотки испытывалось на изолированномъ сердцѣ кролика, питаемомъ жидкостью Лока: именно, когда сердце, оживъ начинало болѣе или менѣе правильно работать, черезъ боковую трубку въ него вводилась полученная сыворотка. Для сравненія дѣлались совершенно аналогичные опыты съ нормальной сывороткой.

Эффектъ дѣйствія кардіотоксической сыворотки получался чрезвычайно наглядный; тотчасъ же послѣ ея введенія сокращенія сердца сперва нѣсколько усиливались, затѣмъ начинали замедляться и очень быстро совершенно прекращались—наступала полная остановка сердца въ стадіи расширенія его (діастолическая остановка). Токъ циркулирующей жидкости при этомъ совершенно прекращался, какъ бы отъ закупориванія сосудовъ. Стоило, однако, только удалить находящуюся въ сердцѣ сыворотку путемъ выжиманія или повышеніемъ давленія жидкости, и сердце опять, мало-по-малу, начинало работать. Совершенно иное наблюдалось при дѣйствіи на сердце нормальной сыворотки — дѣятельность сердца нѣсколько понижалась, сокращенія становились нѣсколько слабѣе, однако, полной остановки никогда не наступало, и, по прошествіи нѣкотораго времени, пульсація сердца принимала свой первоначальный характеръ.

Явленіе остановки сердца надъ вліяніемъ кардіотоксической сыворотки по своимъ деталямъ вполнѣ соотвѣтствовало остановкѣ его при прекращеніи доступа циркулирующей жидкости. Изслѣдователи полагаютъ на этомъ основаніи, что сыворотка обусловливаетъ также лишеніе сердца кислорода («асфиксію» сердца), быть можетъ, вслѣдствіе того, что въ ней присутствуютъ легко окисляющіяся вещества—вѣроятно продукты распада бѣлковъ,—которыя и отнимаютъ кислородъ отъ стѣнокъ сердца.

Такимъ образомъ теперь вполнѣ установлено, что и на такой важный органъ, какъ сердце, можно вліять разрушающимъ образомъ ядами, вырабатываемыми въ крови.

Намъ кажется, есть еще одна чрезвычайно интересная сторона въ изслѣдованіяхъ этого рода: мы видимъ здѣсь примѣръ необычайной примѣняемости организма высшихъ животныхъ къ совершенно не встрѣчающимся въ природѣ условіямъ; къ борьбѣ съ бактеріями и ихъ ядами организмъ, несомнѣнно, могъ приспособиться путемъ естественнаго подбора, но, разумѣется, никогда не случается въ природѣ, чтобы организму приходилось вести внутреннюю борьбу съ клѣтками различныхъ органовъ другихъ животныхъ и, тѣмъ не менѣе, организмъ приспособляется къ этимъ небывалымъ условіямъ и вырабатываетъ такія вещества, которыя способны умерщвлять ихъ. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою интересный случай саморегулирующей дѣятельности организма. *П. Ю. Ш.*

Сывороточное леченіе скарлатины. Въ «Semaine medicale» напечатана телеграмма о сообщеніи Мозера, сдѣланномъ имъ на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Карлсбадѣ. Въ этой телеграммѣ говорится что Мозеръ изъ 99 человѣкъ, умершихъ отъ скарлатины нашелъ у 73 стрептоккоки. Культурами стрептоккоковъ скарлатинозныхъ больныхъ онъ иммунизировалъ лошадей по способу Пастера. Сыворотка этихъ лошадей оказалась цѣлебной при скарлатинѣ. Леченіе сывороткой производилось въ клиникѣ Эшериха въ Вѣнѣ и примѣнялось только къ тяжело больнымъ. Изъ больныхъ, къ которымъ примѣнялось сывороточное леченіе, въ 1-ый или во 2-ой день никто не умеръ. Чѣмъ позже была впрыснута сыворотка, тѣмъ результаты были менѣе благопріятны. Несмотря на тяжелые случаи скарлатины и на очень небольшую концентрацію сыворотки, смертность была только 8,9 на 100, тогда какъ въ другихъ госпиталяхъ она достигаетъ 13—14 на 100.

Дѣйствіе такой сыворотки проявляется въ уменьшеніи лихорадки и прочихъ болѣзненныхъ симптомахъ. Дѣйствіе же ея на осложненія, бывающія при скарлатинѣ, еще не выяснены. Часто послѣ вспрыскиванія сыворотки появляется сыпь, такъ какъ вспрыскиваютъ ее въ количествѣ 180 куб. сант.

О способахъ распространенія чумы. *Борель*, директоръ госпиталя въ Камаранѣ, опубликовалъ недавно свои наблюденія надъ распространеніемъ чумы. По его мнѣнію смертность отъ чумы среди крысъ начинается за мѣсяцъ до первыхъ случаевъ смерти среди людей. Предметы не играютъ никакой роли при распространеніи заразы. Здоровые люди не заражаются отъ больныхъ, страдающихъ *бубонной* формой чумы. Чумные же больные, у которыхъ болѣзнь эта проявляется въ видѣ септицеміи и пневмоніи, могутъ заразить только лицъ, окружающихъ ихъ. Случаи чумной септицеміи и пневмоніи появляются послѣ предшествующей имъ бубонной формы чумы. Крысы, мыши и другіе грызуны являются главными распространителями чумы, но и насѣкомыя, блохи, комары и пр., могутъ также перенести чумную септицемію съ больного на лицъ, окружающихъ его.

По Борелю, чума, напр., изъ Юнъ-Нама, гдѣ она эндемична, распространяется весною по окресностямъ, благодаря эмиграціи крысъ. Если климатическія условія будутъ благопріятствовать, то чума можетъ достигнуть одного изъ многочисленныхъ рѣчныхъ портовъ внутри страны, оттуда же легко можетъ быть занесена въ Кантонъ или Гонгъ-Конгъ. Но такъ какъ среди людей первые случаи чумы появляются только черезъ мѣсяцъ послѣ зараженія чумой крысъ, то санитарный надзоръ свободно пропускаетъ корабли изъ Гонгъ-Конга.

Представимъ себѣ, что корабль изъ Гонгъ-Конга идетъ въ Марсель. Переходъ изъ Гонгъ-Конга до Марселя совершается, въ 35 дней. Во время путешествія, слѣдовательно, эпидемія на кораблѣ пройдетъ черезъ всѣ фазы отъ смертности крысъ до смертности отъ чумы среди людей. Такимъ образомъ по приходѣ въ Марсель будетъ обращено вниманіе санитарнаго надзора на этотъ корабль.

Но если этотъ корабль, вмѣсто того, чтобы пойти въ Марсель, пойдетъ въ Бомбей, до котораго переходъ совершается отъ 15 до 18 дней, то чума на

кораблѣ успѣетъ развиться только среди крысъ, и корабль будетъ свободно пропущенъ для дальнѣйшаго плаванія; Бомбей же будетъ зараженъ чумой при посредствѣ крысъ. Такимъ же образомъ зараза кораблями изъ Бомбея будетъ занесена въ Александрію. Послѣ Александріи переходы изъ одного порта въ другой дѣлаются все короче и въ Средиземномъ морѣ они совершаются maximum въ 48 часовъ.

Корабль, идущій изъ Александріи привезетъ въ Смирну крысъ, больныхъ чумой, и здѣсь высадитъ ихъ. Затѣмъ, эпидемія изъ Смирны достигнетъ Константинополя, отсюда Батавіи, изъ этого порта Одессы ничто не наведетъ на слѣдъ, ничто не укажетъ на причину этихъ послѣдовательныхъ зараженій. Такимъ образомъ, нельзя установить, какой именно корабль заразилъ городъ, такъ какъ такой корабль приходитъ изъ города, не объявленнаго еще зараженнымъ, и гдѣ только смертность среди крысъ въ докахъ могла бы обратить вниманіе санитарнаго надзора. Когда же въ данномъ портѣ появились случаи чумы среди людей, то ужъ потеряно время для предупрежденія заноса чумы въ другіе порты, такъ какъ зараженные корабли могли покинуть этотъ городъ ужъ около мѣсяца тому назадъ. Корабли эти увезли съ собой бациллъ чумы не въ сухомъ видѣ на бѣльѣ или предметахъ, но увезли свѣже-зараженныхъ животныхъ, которыя во время пути заразятъ животныхъ другихъ городовъ.

Оспопрививаніе и коклюшъ. Не такъ давно нѣкоторые итальянскіе врачи обратили вниманіе на то, что оспопрививаніе является средствомъ, излечивающимъ и предупреждающимъ коклюшъ. *Дитрикъ*, врачъ въ Алжирѣ, испробовалъ это средство во время эпидеміи коклюша на 42 дѣтяхъ. Результаты получились слѣдующіе: 1) Изъ 12 дѣтей, больныхъ коклюшемъ, которымъ было сдѣлано оспопрививаніе, 3 выздоровѣло, 7 почувствовали сильное облегченіе, такъ какъ приступы кашля стали рѣже и слабѣе, и только у 2-хъ не замѣчалось никакого улучшенія. 2) *Изъ 30 здоровыхъ, которымъ была привита оспа*, 24 *не* заразилися коклюшемъ, 3 заразились, двое, покинувшіе деревню, гдѣ черезъ 8 дней открылась эпидемія, въ день отъѣзда были совершенно здоровы. По мнѣнію Дитрика, изъ этого ясно, что оспопрививаніе оказываетъ цѣлебное дѣйствіе на больныхъ коклюшемъ.

Полученіе азотной кислоты изъ воздуха. Азотная кислота имѣетъ большое значеніе въ техникѣ, но, пожалуй, еще большее въ земледѣліи, гдѣ безъ азотистыхъ удобреній нельзя обойтись. Между тѣмъ, естественныя залежи солей азотной кислоты (селитры) не неистощимы, удобреній животнаго происхожденія недостаточно и поневолѣ приходится думать объ искусственномъ полученіи азотнокислыхъ солей или что то же объ искусственномъ полученіи азотной кислоты. До сихъ поръ эту кислоту получали чисто химическимъ путемъ, обрабатывая естественныя соли азотной кислоты сѣрной кислотой, но дѣло въ томъ, какъ мы уже упоминали выше, что залежи этихъ солей могутъ иссякнуть. Нужно обратиться къ основнымъ, практически неисчерпаемымъ, запасамъ кислорода и азота,—къ нашей атмосферѣ, нужно извлечь эти газы изъ воздуха и химически соединить

ихъ другъ съ другомъ въ той пропорціи, которая соотвѣтствуетъ составу азотной кислоты; нужно, сверхъ того,чтобы такой способъ позволялъ получать большія массы азотной кислоты и чтобы они обходились дешево. Все это почти уже осуществлено. Уже давно было извѣстно, что подъ вліяніемъ электрической искры кислородъ и азотъ воздуха соединяются и образуютъ различные окислы вплоть до азотной кислоты. На этомъ свойствѣ и основанъ новый способъ производства азотной кислоты. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ уже нѣкоторое время дѣйствуетъ компанія, которая добываетъ азотную кислоту прямо изъ воздуха при помощи особыхъ электрическихъ приборовъ, получающихъ энергію отъ Ніагары. Компанія установила динамомашину съ электродвижущей силой въ 10.000 вольтъ и благодаря спеціально изобрѣтенному прибору получаетъ токъ съ 414.000 разрядами въ минуту. Приборъ этотъ состоитъ изъ цилиндрическаго ящика, черезъ который пропускается воздухъ и въ которомъ расположено 6 группъ контактовъ, въ каждой по 23, они соединены съ положительнымъ полюсомъ динамомашины, отрицательный полюсъ ея соединенъ съ другимъ цилиндромъ, находящимся внутри перваго—неподвижнаго и несущимъ на себѣ возвышенія, соотвѣтствующія по числу и по расположенію контактамъ перваго, возвышенія эти находятся на незначительныхъ разстояніяхъ отъ этихъ контактовъ, но не соприкасаются съ ними. Внутренній подвижный цилиндръ можетъ дѣлать въ минуту 500 оборотовъ. Во время каждаго оборота (23×6) сближенія контактовъ внѣшняго и внутренняго цилиндра дадутъ каждый по 6 вольтовыхъ дугъ и слѣдовательно, 828 разъ электрическая дуга образуется и тотчасъ же погаснетъ. Слѣдовательно втеченіе минуты вольтова дуга появится 414 тысячъ разъ. Благодаря этому воздухъ, который пройдетъ черезъ этотъ приборъ будетъ содержать до 2,5% различныхъ соединеній кислорода съ азотомъ; они могутъ быть поглощены водою и такимъ образомъ получатся слабыя азотная и азотистая кислоты. Послѣдняя путемъ быстраго испаренія и окисленія превращается въ азотную.

Ясно, что этотъ способъ полученія азотной кистоты легко вытѣснитъ теперешній химическій, если правильно утвержденія лицъ, стоящихъ во главѣ даннаго предпріятія, что они уже и нынѣ могутъ готовить эту кислоту по цѣнамъ значительно болѣе низкимъ, чѣмъ это возможно для старыхъ способовъ; нужно замѣтить, что и по качеству азотная кислота, добытая изъ воздуха будетъ выше, такъ какъ получается прямо почти совершенно чистой.

Въ будущемъ же стоимость производства уменьшится, настолько, что станетъ выгодно уже изъ этой азотной кислоты добывать искуственно ея соли—селитры, необходимыя для удобренія пахотныхъ земель.

В. Аг.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Ноябрь 1902 г.

Содержаніе: Беллетристика.— Критика и исторія литературы. — Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія.—Философія.—Естествознаніе.— Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Генрихъ Гейне. «Собраніе сочиненій». Т. VIII.—«Викъ». Сборникъ украинскихъ поэтовъ. Т. I и II.

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Томъ восьмой. Съ двумя иллюстраціями. Изданіе Б. П. Вейнберга. IV+833 стр. Спб. 1902. Цѣна 1 руб. 75 коп. Настоящимъ восьмымъ томомъ законченъ русскій переводъ полнаго собранія сочиненій величайшаго германскаго лирика. Пропусковъ, происшедшихъ отъ «независящихъ обстоятельствъ»—очень немного. Русская публика имѣетъ теперь всего Гейне въ прекрасно редактированныхъ г. Вейнбергомъ переводахъ лучшихъ русскихъ поэтовъ. Настоящее изданіе можно поставить въ заслугу г. Вейнбергу, который, такъ сказать, усвоилъ великаго нѣмецкаго поэта Россіи. Г. Вейнбергъ переводилъ прозаическія и стихотворныя произведенія Гейне—и переводилъ прекрасно и художественно— въ теченіе болѣе чѣмъ сорока лѣтъ (мы встрѣчали переводы изъ Гейне, сдѣланные г. Вейнбергомъ, еще въ некрасовскомъ «Современникѣ» 1858 г.).

Почти всѣ переводы стихотвореній, помѣщенныхъ въ восьмомъ томѣ, отличаются точностью и близостью къ подлиннику, а также и художественной передачей нѣмецкаго оригинала. Таковы, напр., въ особенности, переводы М. Л. Михайлова, Л. Н. Плещеева, Ап. Н. Майкова, В. Д. Костомарова, Л. А. Мея, В. И. Водовозова («Германія»), О. Н. Чюминой и Н. А. Добролюбова. Послѣднему (Добролюбову) принадлежитъ, между прочимъ, изумительно мастерской переводъ знаменитаго, извѣстнаго почти всякому нѣмцу, стихотворенія «Du hast Diamanten und Perlen». Затѣмъ, въ первый разъ появляются на русскомъ языкѣ переводы: «1649—1793 гг.» (А. Н. Линдегренъ) и «Легенда замка» (П. О. Морозова). Вообще, надо сказать, что въ восьмомъ томѣ встрѣчается много стихотвореній, донынѣ бывшихъ неизвѣстными русской читающей публикѣ.

Мы должны, впрочемъ, сдѣлать одну оговорку: покойный Д. Д. Минаевъ (котораго мы знали лично) *не зналъ* нѣмецкаго языка, какъ и другихъ иностранныхъ языковъ, и переводилъ стихотворенія Гейне не съ нѣмецкаго подлинника, а съ подстрочныхъ переводовъ прозою, сдѣланныхъ для него другими лицами. Эти-то подстрочные переводы Минаевъ, владѣвшій очень хорошо стихомъ, печаталъ въ свое время въ журналахъ. Поэтому, переводы Минаева ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть точными и близко передающими подлинникъ. А переводовъ Минаева въ восьмомъ томѣ настоящаго изданія помѣщено довольно-таки порядочно.

Затѣмъ, г. Вейнбергъ иногда (впрочемъ, такіе случаи у него очень рѣдкія исключенія) допускалъ неудачный выборъ стихотвореній Гейне, переведенныхъ двумя или нѣсколькими лицами. Приведемъ примѣръ: переводъ гейневскаго стихотворенія «Frühlingsgrüs» (Весеній привѣтъ). Вотъ эти два перевода.

1.

Тихо льются въ душу звуки
Ласково нѣжны!
Уносись въ просторъ широкій
Пѣсенка весны.

**

Мчись ты къ домику—цвѣтами
Весь онъ окруженъ,
Встрѣтишь розу—ей скажи ты
Отъ меня поклонъ.

2.

Въ мое сердце льется тихій,
Мой любимый, тихій звонъ:
Зазвучи же моя пѣсня,
Отнеси ты мой поклонъ!

***

Донеси его до рощи,
Гдѣ цвѣтутъ фіалки ярко;
Если розу тамъ увидишь,
Ей шепни привѣтъ мой жаркій.

Въ настоящемъ изданіи г. Вейнбергъ помѣстилъ (т. VIII, стр. 282) первый переводъ. Предоставляемъ рѣшить самимъ читателямъ, чей переводъ лучше. Кстати добавимъ, что существуетъ еще и третій переводъ этого же стихотворенія, принадлежащій покойному В. И. Водовозову (какъ извѣстно, очень талантливо переводившему Гейне). Переводъ Водовозова помѣщенъ въ «Собраніи оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній В. И. Водовозова», изданномъ В. И. Семевскимъ. Этого послѣдняго перевода мы въ настоящее не имѣемъ подъ руками, почему и не приводимъ его здѣсь.

Но, повторяемъ, что, несмотря на единичные недочеты, настоящее изданіе всего Гейне есть такое капитальное дѣло, за которое г. Вейнбергъ заслуживаетъ искренней благодарности людей, цѣнящихъ творенія великихъ поэтовъ.

Д. П. С.

Викъ (1798—1898). Томъ I. Украинска поэзія видъ Котляревскаго до останнихъ часивъ. Выдання друге. Стр. 494. Томъ II. Украинска проза видъ Квитки до 80-хъ роковъ XIX в. Стр. 584. Томъ III. Украинска проза зъ 80-хъ роковъ XIX в. до останнихъ часивъ. Стр. 566. Кіевъ. 1902 г. Цѣна каждаго тома 2 р. Предлагаемая вниманію читателя книга имѣетъ свою исторію. Въ 1898 г. малорусскіе литературные круги торжественно праздновали столѣтнюю годовщину выхода въ свѣтъ знаменитой «Енеіди» Котляревскаго, появленіе которой положило начало новому періоду малорусской литературы. Тогда же въ средѣ участниковъ торжества зародилась мысль ознаменовать этотъ юбилей изданіемъ сборника, въ который вошли бы образцы малорусской поэзіи за истекшее столѣтіе. Мысль перешла въ дѣло и въ 1900 г. въ Кіевѣ появился въ продажѣ сборникъ «Викъ», составленный изъ избранныхъ стихотвореній малорусскихъ поэтовъ, начиная съ Котляревскаго и кончая современными авторами. Сочувственно встрѣченный печатью, сборникъ разошелся менѣе чѣмъ въ годъ. Успѣхъ этотъ ободрилъ составителей и они ко второму изданію сборника образцовъ малорусской поэзіи присоединили два тома образцовъ малорусской прозы, предположивъ въ непродолжительномъ времени выпустить въ свѣтъ еще одинъ томъ, содержащій въ себѣ образцы малорусской драмы. Такимъ образомъ, по мысли составителей, сборникъ «Викъ», разсматриваемый въ полномъ своемъ объемѣ долженъ дать читателю матеріалъ

для всесторонняго сужденія о жизненномъ развитіи малорусскаго литературнаго творчества въ истекшемъ XIX-мъ столѣтіи, задача важная и отвѣтственная, требующая въ исполненіи своемъ огромнаго труда, безпристрастія и художественнаго вкуса, знаній и любви къ избранному предмету. Всѣ эти качества въ достаточной мѣрѣ обнаружены анонимными составителями сборника; безъ промаховъ, конечно, не обошлось, но о нихъ рѣчь будетъ ниже.

Въ группировкѣ собраннаго матеріала составители правдоподобно руководствовались исключительно хронологическими данными, тщательно выбирая въ то же время изъ произведеній каждаго автора, признаннаго достойнымъ помѣщенія въ сборникѣ, лишь то, что является для него наиболѣе характернымъ, наиболѣе опредѣляющимъ качества и свойства его творчества и размѣры его дарованія. Слѣдуя этому принципу, составители внесли въ сборникъ всѣ роды и виды литературныхъ произведеній, поскольку они проявились въ творчествѣ малорусскихъ писателей, не останавливаясь даже передъ включеніемъ въ составъ «Вика», рядомъ съ оригинальными произведеніями—произведеній явно подражательныхъ и даже прямо переводныхъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ I-мъ томѣ сборника, гдѣ мы встрѣчаемся съ образцами стихотворныхъ переводовъ изъ Софокла, Байрона, Гейне, Ады Негри и др. Такая группировка матеріала, удовлетворяя требованіямъ полноты и законченности общей картины, служитъ къ разнообразію ея перспективъ и въ то же время, въ извѣстныхъ, конечно, границахъ, даетъ просторъ историко-литературнымъ наблюденіямъ. Другая особенность сборника состоитъ въ томъ, что произведеніямъ каждаго автора предшествуетъ краткая его біографія, перечень его литературныхъ трудовъ, а также библіографическій указатель критическихъ и иныхъ статей, къ нему относящихся. Біографіи выполнены со всей заботливостью, указатели сведены съ достаточной полнотою и эту часть труда необходимо поставить въ большую заслугу составителямъ, особенно, если вспомнить, въ какомъ хаотическомъ состояніи находятся до сихъ поръ не только свѣдѣнія о малорусскихъ писателяхъ, но и самыя ихъ произведенія. Огромное количество малорусскихъ изданій давно уже стало библіографической рѣдкостью; произведенія многихъ авторовъ печатались и печатаются то въ Россіи, то заграницей (преимущественно въ Галиціи), что сопряжено съ большими затрудненіями для распространенія; неслыханное изобиліе псевдонимовъ, (у Кулиша такихъ псевдонимовъ насчитывается до 20, у Кониского гораздо больше), все это вмѣстѣ взятое должно было до крайности затруднить работу составителей, которую они, однако, выполнили быстро и добросовѣстно. Съ тѣмъ большимъ изумленіемъ нами было замѣчено, что произведеніямъ писательницъ—Олены Пчилкы и Леси Украинкы не предшествуетъ ни одна строчка біографіи, ни какія-либо свѣдѣнія о нихъ; сказано только, что это псевдонимы. Мы не можемъ понять мотивовъ, которыми руководились составители. Псевдонимъ Олены Пчилкы давнымъ давно раскрытъ, и въ прошломъ году публично чествовали 25-лѣтній юбилей ея дѣятельности; что же касается писательницы, работающей подъ псевдонимомъ Леси Украинкы, то отсутствіе о ней свѣдѣній является существеннымъ упущеніемъ со стороны составителей: нельзя игнорировать такое крупное литературное явленіе, какъ Леся Украинка, которая, соперничая по красотѣ и силѣ дарованія съ Ив. Франкомъ, составляетъ украшеніе родной поэзіи и ея гордость.

Заговоривъ о промахахъ составителей, укажемъ еще на одинъ: среди авторовъ, представляющихъ малорусскую прозу, пропущена Кобылянская, извѣстная не только малорусской, но и русской публикѣ по переводамъ, появившимся въ органахъ русской періодической печати. Пропускъ существенный и не мотивированный, какъ не мотивировано отсутствіе какихъ бы то ни было данныхъ объ Оленѣ Пчилкѣ и Лесѣ Украинкѣ. Можно было бы указать еще нѣсколько болѣе мелкихъ промаховъ, но размѣры рецензіи не позволяютъ намъ

входить въ детальное разсмотрѣніе и къ тому же промахи эти, проявившіеся преимущественно въ выборѣ того, а не другого произведенія, существеннаго значенія не имѣютъ и заслугъ составителей не уменьшаютъ.

Остается вопросъ: какую роль можетъ играть сборникъ, подобный «Вику», и каково его значеніе для текущей современности? Вопросъ этотъ рѣшается двоякимъ образомъ. Для литературы вообще подобные сборники служатъ либо подсобнымъ матеріаломъ для педагогическихъ воздѣйствій въ школѣ и называются тогда хрестоматіями, либо служатъ для подарковъ на именины и большіе праздники и называются тогда антологіями. Иначе рѣшается этотъ вопросъ для малорусской литературы. Въ такихъ литературахъ, какъ малорусская, сборники, аналогичные «Вику», играютъ не подсобную, а вполнѣ самостоятельную роль. Удачно составленные, они представляютъ собою какъ бы сжатый компендіумъ всей литературы, являясь такимъ образомъ превосходнымъ возбудителемъ художественнаго и всякаго иного интереса къ представленной въ нихъ литературѣ; другая, не менѣе важная, сторона подобныхъ сборниковъ заключается въ томъ, что въ нихъ наряду съ распространенными произведеніями появляются обыкновенно произведенія, погребенныя въ мало извѣстныхъ и трудно добываемыхъ изданіяхъ. Такимъ образомъ, подобные сборники одновременно и обслуживаютъ интересы историко литературные, и замѣняютъ въ извѣстной степени и новыя изданія. Переходя къ сборнику «Викъ», мы обязаны признать, что по своему содержанію онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію. Удачный подборъ авторовъ, обдуманность и отсутствіе тенденціозности и пристрастія въ выборѣ пьесъ придаютъ сборнику подлинную цѣну и значеніе показателя уровня развитія малорусскаго художественнаго творчества. Особый интересъ «Вика» заключается еще и въ томъ, что весьма многія стихотворенія и прозаическія произведенія появляются въ немъ впервые въ Россіи; къ таковымъ принадлежатъ: стихотворенія Л. Украинкы, Ив. Франка и др.; разсказы того же Франка, Стефаника, Мартовича, Кобринской, Коцюбинскаго и др., извѣстныя до сихъ поръ въ Россіи только по русскимъ переводамъ.

Внѣшность «Вика» необходимо признать безукоризненной; сборникъ изданъ на прекрасной плотной бумагѣ, отпечатанъ четкимъ шрифтомъ, снабженъ многочисленными, хорошо исполненными портретами. Цѣна «Вика» крайне недорога. *М. Славинскій.*

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. Страховъ. «Критическія статьи».—*Д. Овсянико-Куликовскій.* «Вопросъ психологіи творчества».

Н. Н. Страховъ. Критическія статьи (1861—1894). Т. II. Кіевъ. 1902. Покойный Страховъ еще при своей жизни собралъ большую часть своихъ журнальныхъ статей и перепечаталъ ихъ въ цѣломъ рядѣ сборниковъ съ такими заманчивыми заглавіями, какъ, напримѣръ: «О вѣчныхъ истинахъ», «Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ», «Изъ исторіи литературнаго нигилизма» и т. п. Нѣкоторые изъ этихъ сборниковъ вышли вторымъ и даже третьимъ изданіями, а первый томъ «Критическихъ статей» Страхова (о Тургеневѣ и Львѣ Толстомъ) два года тому назадъ вышелъ даже четвертымъ изданіемъ. При жизни Страхова остались неперепечатанными только тѣ журнальныя статьи, которымъ самъ авторъ не придавалъ особаго значенія и которыхъ онъ не предполагалъ перепечатывать. Такъ можно думать потому, что изъ цѣлаго ряда статей объ одномъ и томъ же предметѣ онъ выбиралъ для перепечатки только нѣкоторыя, а иногда бралъ только одну часть статьи, обрекая остальное забвенію.

Г-нъ Матченко, кіевскій издатель сочиненій покойнаго писателя, не ограничился переизданіемъ его прежнихъ сборниковъ и нашелъ нужнымъ собрать все то, что не вошло въ эти сборники. Такимъ образомъ составился второй томъ «критическихъ статей» Страхова, куда вошли статьи, замѣтки, рецензіи и даже неоконченные отрывки самаго разнообразнаго содержанія. По мнѣнію издателя, перепечатанныя имъ статьи «имѣютъ немалый интересъ и значеніе». Въ этомъ мнѣніи онъ укрѣпился еще сильнѣе, получивъ отъ «одного почтеннаго редактора» письмо, гдѣ сказано, что «*все*, написанное Николаемъ Николаевичемъ, безспорно имѣетъ цѣну». Дѣйствительно, статьи второго тома имѣютъ интересъ, но интересъ очень узкій и спеціальный. Средній читатель не найдетъ въ нихъ почти ничего новаго по сравненію съ другими сборниками Страхова. Вся жизнь и литературная дѣятельность Страхова прошла въ «борьбѣ съ Западомъ», т.-е. съ западно-европейскими мыслителями и съ русскими «западниками», во имя «славянофильской идеи», проповѣдникомъ и защитникомъ которой онъ оставался до конца своихъ дней. Эта же борьба и эта же проповѣдь составляютъ преобладающее содержаніе и главный интересъ и во вновь изданныхъ статьяхъ, только ведется она здѣсь еще менѣе удачно, чѣмъ, напримѣръ, въ трехтомномъ сборникѣ «Борьба съ Западомъ».

Но если новый сборникъ статей Страхова имѣетъ самое скромное значеніе для средней читающей публики, то біографъ покойнаго писателя, историкъ русской журналистики и русскаго общественнаго развитія, а особенно любитель литературныхъ курьезовъ и «полемическихъ красотъ» найдутъ здѣсь много интереснаго. Возьмемъ для примѣра нѣсколько болѣе крупныхъ статей. Въ первой статьѣ сборника, относящейся къ 1868 году, говорится о «бѣдности нашей литературы», но въ то же время доказывается, что «нынѣшнее суровое затишье... есть дѣйствительный шагъ впередъ» (с. 27). Если читатель поинтересуется, какимъ образомъ застой могъ быть признанъ прогрессомъ, то узнаетъ, что въ исторіи русской литературы Страховъ различаетъ такіе періоды: «періодъ восторга» (Ломоносовъ, Державинъ), «періодъ обмана» (Карамзинъ), эпоха Пушкина, эпоха борьбы западниковъ и славянофиловъ и наконецъ эпоха нигилизма, который есть не что иное, какъ выродившееся западничество. А если западничество выродилось, что между прочимъ вызвало и упадокъ литературы, то значитъ побѣда въ ближайшемъ будущемъ будетъ на сторонѣ славянофильства.

Черезъ три года послѣ этого открытія Страховъ помѣщаетъ на страницахъ «Зари» длинную статью «Взглядъ» на нынѣшнюю литературу», гдѣ еще откровеннѣе предвѣщаетъ славянофильской идеѣ «широкую будущность» и выше всякой мѣры превозноситъ славянофиловъ передъ западниками. «Славянофилы— говоритъ онъ, не только не думаютъ восхвалять просвѣщеніе, благосостояніе и развитіе Россіи, но въ сущности смотрятъ на свое отечество гораздо мрачнѣе западниковъ. Они, какъ и западники, признаютъ, что Россія очень молода, очень неразвита, очень груба и бѣдна въ сравненіи съ блестящимъ состояніемъ Запада; но сверхъ того думаютъ, что и то развитіе и просвѣщеніе, которымъ въ нѣкоторой степени обладаетъ Россія, поражено неправильностью, имѣетъ болѣзненный, почти угрожающій смертью характеръ... Славянофилы суть собственно самые крайніе вольнодумцы, которые возстали противъ существующаго порядка въ литературѣ, пошли противъ общаго потока, противъ мнѣній, установившихся и ставшихъ закоренѣлыми предразсудками. Смѣлость западниковъ есть ничто передъ смѣлостью славянофиловъ. Западники плывутъ по вѣтру, идутъ, куда идетъ толпа, славянофилы борются противъ теченія. Свобода мысли, независимость отъ авторитетовъ есть одна изъ основныхъ чертъ славянофильства. Если западники плѣняются политическою внѣшнею свободою, то славянофилы, сверхъ того и болѣе того, плѣнились свободою внутреннею,

духовною независимостью. Разумѣется, для этого стремленія къ внутренней свободѣ требуется больше мужества, больше *вѣры*, *любви* и *надежды*, чѣмъ для обыкновенныхъ стремленій западниковъ... Западники исповѣдуютъ свободу, а въ сущности они рабы европейскихъ понятій; они поклонники всякаго протеста и прогресса, а на самомъ дѣлѣ болѣе другихъ расположены къ довольству и консерватизму; они друзья смѣлыхъ и новыхъ мыслей, за исключеніемъ самой смѣлой и самой новой—славянофильства» (стр. 168—170).

Какъ извѣстно, русское общество отвѣтило на подобное самохвальство полнѣйшимъ равнодушіемъ къ тому органу печати, на страницахъ котораго нашли себѣ пріютъ приведенныя тирады: «Заря» прекратила свое существованіе по недостатку подписчиковъ. Очень характерны для Страхова и «Замѣтки о текущей литературѣ», съ которыми онъ выступилъ въ «Гражданинѣ» 1873 г. Здѣсь онъ констатируетъ «жестокій и небывалый застой въ прогрессивномъ мірѣ нашей журналистики», опять таки какъ результатъ западничества, которое, по мнѣнію нашего славянофила, не сдѣлало «ничего хорошаго» даже въ эпоху своего господства, въ шестидесятые годы.

Нельзя пройти молчаніемъ и статей, написанныхъ Страховымъ въ защиту Карамзина. «Исторіи Государства Россійскаго» Страховъ сочувствовалъ не вполнѣ. Онъ признавалъ ее «нѣсколько фальшивой по тону» и «Исторію села Горохина» считалъ лучшею критикой на Карамзина. Но Карамзина, какъ литературнаго дѣятеля и какъ человѣка, Страховъ цѣнилъ необыкновенно высоко, считая его «истиннымъ чудомъ русской словесности» и даже проповѣдникомъ «крайнихъ идеаловъ, до которыхъ достигла тогда европейская цивилизація». Легко представить, какъ долженъ былъ отнестись такой поклонникъ Карамзина къ статьямъ А. Н. Пыпина, посвященнымъ общественному движенію при императорѣ Александрѣ I и, между прочимъ, совершенно развѣнчавшимъ знаменитаго исторіографа. Страховъ не мало преломилъ копій въ полемикѣ съ «нигилистами», но въ большинствѣ случаевъ онъ соблюдалъ «умѣренность и аккуратность», не желая обогащать и безъ того богатый арсеналъ «полемическихъ красотъ» и въ крайнихъ только случаяхъ употребляя такія выраженія, какъ «ерунда» и «дичь». Но въ защиту Карамзина онъ написалъ не серьезную по тону, но необыкновенно рѣзкую по содержанію статью. «Не будетъ ли его статья—говоритъ Страховъ по адресу Пыпина — клеймомъ позора для его имени?.. *Карамзинъ былъ человѣкъ безсердечный?* Слыхали ли вы что-нибудь ужаснѣе этихъ словъ? Да пребудутъ они вѣчнымъ памятникомъ безсердечія того, кто ихъ произнесъ!.. Господину Пыпину непонятенъ восторгъ Карамзина (въ похвальномъ словѣ Екатерины II), но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что Карамзинъ дуракъ и льстецъ, а слѣдуетъ, что понятія г. Пыпина извращены и ограниченны» и т. д. Въ своей защитѣ Карамзина Страховъ увлекся до того, что заявилъ: «Крѣпостное право есть вздоръ въ сравненіи съ вѣчностью... Если Карамзинъ стоялъ за крѣпостное право, то это свидѣтельствуетъ не противъ Карамзина, а только и единственно *въ пользу крѣпостного права*» (с. 221, курсивъ Страхова).

Статья эта привела въ крайнее смущеніе даже друзей Страхова и подверглась осмѣянію со стороны г. Буренина, нашедшаго въ ней «идіотичные аргументы». Тогда Страховъ испустилъ «Новый вздохъ на гробѣ Карамзина», на этотъ разъ уже по адресу г. Буренина. «Два главныхъ средства у г. Буренина,—писалъ Страховъ тридцать лѣтъ тому назадъ:—искаженіе и умолчаніе. При помощи этихъ средствъ онъ можетъ выйти сухимъ изъ воды и устоять противъ какого угодно противника, чего, конечно, не могъ бы сдѣлать при помощи своей логики, своего слога и своей добродѣтели... Выругать и однакоже не сказать за что, писать такъ, чтобы публика и не догадывалась, что и

какъ говоритъ противникъ,—вотъ высшее мастерство г. Буренина» (стр. 235—236).

Справедливость требуетъ замѣтить, что, громя «западниковъ» и «нигилистовъ» и превознося славянофиловъ, Страховъ не считалъ себя самъ и, дѣйствительно, не всегда былъ на сторонѣ ретроградовъ, что видно и изъ приведенныхъ цитатъ. Случалось Страхову даже защищать нѣкоторыхъ «западниковъ» не только отъ ретроградовъ, но и отъ своихъ единомышленниковъ-славянофиловъ. Такъ, напримѣръ, когда славянофильская Москва назвала сочиненія Бѣлинскаго, Чернышевскаго и др. «недоваренными объѣдками чужихъ мыслей», Страховъ вступился за «двѣнадцать томовъ ясной, отчетливой рѣчи», составляющихъ «настольную книгу каждаго учителя русской словесности въ каждой русской гимназіи» (стр. 9). И въ другихъ статьяхъ Страхова сплошь и рядомъ говорится о Бѣлинскомъ не только въ приличномъ, но даже въ восторженномъ тонѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1862 г. Страховъ писалъ: «Бѣлинскій можетъ быть названъ нашимъ главнымъ освободителемъ отъ предразсудковъ и авторитетовъ. Онъ первый твердымъ, горячимъ голосомъ проповѣдывалъ свободу мысли и успѣлъ возбудить движеніе въ дремлющихъ и покорныхъ умахъ. Прилежно работая надъ нашею литературою, онъ научилъ насъ отдавать самимъ себѣ отчетъ въ ея явленіяхъ и ничему не вѣрить на слово» (стр. 297).

Характерно также отношеніе Страхова къ Добролюбову, которому онъ посвятилъ цѣлую статью въ журналѣ «Время». Хотя въ качествѣ славянофила Страховъ не могъ не признать Добролюбова «силой, развившейся ненормально, въ сторону, безобразно»; хотя въ сочиненіяхъ его онъ нашелъ «очевидные недостатки, промахи всякаго рода, мысли неточныя, недодуманныя, мелкія, фальшивыя, вопіющія противорѣчія и плоскости, концы, вовсе не идущіе къ началу, начала, не доведенныя до конца и т. д.», тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Страхова, «дѣятельность Добролюбова имѣетъ важное значеніе и стоитъ полнаго вниманія»: «Онъ не *авторъ нѣсколькихъ рецензій,* какъ говорятъ одни, а критикъ, котораго голосъ былъ всего сильнѣе впродолженіи четырехъ лѣтъ исторіи нашей литературы, онъ не *микроскопическое явленіе,* какъ говорятъ другіе, а одинъ изъ главныхъ руководителей журнала, который имѣлъ огромный кругъ читателей и пользовался сочувствіемъ публики... Вообще, Добролюбовъ не *юноша, подававшій надежды,* а литераторъ, имѣвшій вліяніе, какое достается не всякому талантливому человѣку, и еще менѣе всякому человѣку, только плодовитому на писанье» (стр. 293—294). Заслуживаетъ вниманія въ этой статьѣ и параллель, которую Страховъ проводитъ между Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ.

Кромѣ указанныхъ наиболѣе крупныхъ статей, въ сборникѣ помѣщены статьи, рецензіи и замѣтки, въ которыхъ говорится о Н. Данилевскомъ и его книгѣ «Россія и Европа», о Некрасовѣ по поводу нашумѣвшей въ свое время обличительной брошюры гг. Антоновича и Жуковскаго, о Пушкинѣ и его «Египетскихъ ночахъ», о Львѣ Толстомъ и его педагогическихъ теоріяхъ, о Погодинѣ и его книгѣ «Простая вещь о мудреныхъ вещахъ», о Дарвинѣ и его теоріи о происхожденіи видовъ, объ Ушинскомъ и его сочиненіи «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія». Кромѣ того, въ сборникѣ есть статьи и замѣтки объ Ап. Григорьевѣ, Достоевскомъ, Писемскомъ, Шиллерѣ, Лассалѣ и др.

С. Ашевскій.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій, профессоръ харьковскаго университета. Вопросы психологіи творчества. Пушкинъ. Гейне. Гёте. Чеховъ. Къ психологіи мысли и творчества. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. С.-Петербургъ. 1902 г. Стр. 301. Цѣна 1 р. 50 к. Чтеніе новой книги проф. Овсянико-Куликовскаго лучше всего начать съ конца, а именно со статьи «Къ психо-

логіи мысли и творчества». Статья эта, представляющая какъ бы компендіумъ большой работы по психологіи творчества и мысли, можетъ быть въ то же время разсматриваема, какъ сводъ всѣхъ общихъ замѣчаній по теоріи литературной критики, въ обильномъ количествѣ вкрапленныхъ авторомъ какъ въ его статьи, помѣщенныя въ настоящей книгѣ, такъ и въ его большія критическія монографіи о Тургеневѣ и Толстомъ, вышедшія нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Несмотря на чрезмѣрную краткость и временами излишнюю схематичность этого свода, статья «Къ психологіи мысли и творчества», пополненная нѣкоторыми выдержками изъ указанныхъ нами выше статей и монографій, даетъ возможность съ достаточной опредѣленностью уяснить тѣ пріемы изслѣдованія художественныхъ произведеній, которыми пользовался проф. Овсянико-Куликовскій, и которыя образуютъ собою его критическій методъ.

Какъ литературный критикъ, проф. Овсянико-Куликовскій принадлежитъ къ немногочисленнымъ въ Россіи представителямъ научной критики; для анализа художественныхъ произведеній онъ пользуется методами научно выработанными, и въ своихъ критическихъ изысканіяхъ связанъ не злобою дня, не опредѣленною группой интересовъ, а ставитъ и дѣлаетъ попытку разрѣшенія вѣчныхъ проблемъ развитія и совершенствованія духа человѣческаго и его носителя—личности. Эта постановка вѣчныхъ проблемъ не удаляетъ, однако, его отъ живого біенія текущей современности; напротивъ, при свѣтѣ общихъ положеній и широкихъ теоретическихъ построеній, текущая жизнь кажется болѣе разумной, а проявленія ея болѣе значительными.

Проф. Овсянико-Куликовскій—эволюціонистъ, и для него изслѣдовать генезисъ какого-либо явленія значитъ въ то же время и намѣтить основные законы, по которымъ оно движется и совершенствуется, и опредѣлить тѣ задачи и цѣли, которымъ это явленіе соотвѣтствуетъ, и которыя оно выполняетъ въ своемъ дѣйствіи. Такъ авторъ поступаетъ, изслѣдуя и рѣшая вопросъ объ искусствѣ, о его задачахъ и цѣляхъ, о его значеніи въ жизни и эволюціи человѣчества.

Для проф. Овсянико-Куликовскаго «художественное творчество есть теоретическая умственная дѣятельность и естественно классифицируется вмѣстѣ съ другими видами таковой же умственной дѣятельности—съ научной и философской». «Искусство—есть извѣстный процессъ мышленія, говоря кратко—возникновеніе въ умѣ конкретныхъ образовъ, надѣленныхъ обобщающей силой и служащихъ для апперцепированія различныхъ общечеловѣческихъ идей». Отличіе искусства отъ науки состоитъ въ томъ, что наука преслѣдуетъ въ своихъ цѣляхъ образованіе обобщающихъ понятій, а искусство—созданіе образовъ, въ которыхъ сосредоточено обобщеніе.

Искусство и наука, по мнѣнію проф. Овсянико-Куликовскаго,—гомологи; въ генезисѣ своемъ они сводятся къ одному началу. На зарѣ культурной жизни въ человѣчествѣ родилось новое чувство—религіозное, которое принадлежитъ къ высшему порядку чувствъ—надъ-соціальному, какъ его называетъ авторъ, понимая подъ этимъ названіемъ независимость этого порядка чувства отъ соціальнаго строя, условія котораго служили, однако, причиною ихъ появленія и начальнаго развитія. Чувство это въ развитіи своемъ выдѣлило два стремленія, двѣ тяги, космическую и человѣческую, иначе, религіозную и этическую, которыя въ дальнѣйшей своей эволюціи преобразовались: космическая въ метафизику и науку, человѣческая—въ искусство. «Въ своемъ историческомъ развитіи,—пишетъ проф. Овсянико-Куликовскій,—отъ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней, метафизика, научная философія и сама положительная наука пронесли черезъ вѣка скрытую, тайную искру религіозности. Въ нихъ космическія стремленія человѣчества находятъ себѣ высшее выраженіе. Въ нихъ чувство мистичности сущаго растетъ и крѣпнетъ, преобразуясь въ новое душевное явленіе или движеніе, явственно обозначившееся только сравнительно

въ недавнее время. Оно свойственно великимъ мыслителямъ и ученымъ и ближайше связывается съ идеей безконечности, которая служитъ необходимымъ психологическимъ и логическимъ основаніемъ какъ метафизическаго, такъ и научно-филофскаго, а равно и спеціально-научнаго познанія. Съ своей стороны и искусство пронесло черезъ вѣка тайную искру религіозности, которая въ немъ дана въ формѣ этической, потому что искусство есть выраженіе не космическихъ, а этическихъ стремленій». Тѣсная связь между искусствомъ и этикой опредѣляетъ и дѣятельную задачу его: «Въ ряду дѣятельностей, воспитывающихъ и распространяющихъ нравственное чувство вмѣстѣ съ идеей человѣчности, особо важное мѣсто принадлежитъ искусству».

Рожденное этикой, искусство служитъ ея высокимъ задачамъ, и въ этомъ отношеніи оно является орудіемъ человѣческаго прогресса; такъ называемое искусство для искусства съ этой точки зрѣнія представляется миражемъ, пустымъ словомъ, лишеннымъ внутренняго содержанія. Искусство облагораживаетъ умъ, оздоровляетъ и упорядочиваетъ чувственную сферу человѣческой психики. «Всякое истинно-поэтическое произведеніе есть, прежде всего, попытка поставить и рѣшить какой-либо общечеловѣческій вопросъ». При этомъ художникъ обобщаетъ извѣстныя явленія духа человѣческаго и воплощаетъ полученные выводы въ конкретныхъ образахъ. «Творческая сила, которая тутъ дѣйствуетъ, есть сила мысли: это тотъ же синтезъ и анализъ, которые являются основами и научной, и философской мысли», причемъ «поэтическое обобщеніе, чтобы имѣть значеніе художественнаго и производить соотвѣтственное воздѣйствіе на мысль, должно быть результатомъ синтеза, какъ основного руководящаго процесса мысли; анализъ же служитъ только помощникомъ, является дѣятелемъ второстепеннымъ». Художественные образы суть умственные продукты явно индуктивнаго характера.

Вслѣдъ за поэтомъ читатель продѣлываетъ тѣ же синтезы и анализы, вновь создаетъ въ своемъ умѣ, индуктивнымъ путемъ, образъ, данный художникомъ, ставитъ вопросъ, рѣшаетъ задачу и «обрѣтаетъ соотвѣтственныя художественныя созерцанія и съ ними связанное душевное умиротвореніе».

Критика является посредникомъ между художникомъ и читателемъ; ея задача: вскрыть содержаніе художественнаго образа, «истолковать процессъ, дать ему психологическое опредѣленіе».

Однако, задача критика не исчерпывается однимъ истолкованіемъ и опредѣленіемъ; въ его истолкованіи и опредѣленіи должно заключаться и сужденіе. Сужденію подлежатъ чувства и идеи, обобщенныя въ художественномъ образѣ; критеріемъ для такого сужденія является нравственное міропониманіе критика.

Необходимъ и другой критерій—для сужденія о формѣ и процессѣ созданія художественнаго образа; по мнѣнію проф. Овсянико-Куликовскаго, такимъ критеріемъ является принципъ экономіи умственнаго труда. Максимумъ художественныхъ чувствъ и идей обобщенныхъ въ минимумѣ образовъ и типовъ—идеалъ совершенства художественнаго произведенія, признакъ геніальности его творца. «Геніальные художники это тѣ, которые создали наиболѣе художественные типы, имѣющіе или могущіе имѣть значеніе общечеловѣческое». Скáла силы художественныхъ образовъ опредѣляется скáлой широты образовъ, созданныхъ ими. Положеніе это относится ко всѣмъ родамъ и видамъ искусства, представители которыхъ разнятся между собою лишь точками приложенія своихъ силъ и дарованій.

Въ тѣсной связи съ изложенными взглядами на искусство, его генезисъ, законы и цѣли находится ученіе проф. Овсянико-Куликовскаго о красотѣ. Не опасаясь обычныхъ упрековъ метафизиковъ въ томъ, что вопросъ о собственномъ значеніи красоты онъ смѣшиваетъ съ вопросомъ о психофизіологическихъ условіяхъ, при наличности которыхъ появляется въ человѣкѣ чувство прекрас-

наго, авторъ категорически отрицаетъ объективное существованіе красоты; для него «это—мифъ, котораго происхожденіе и исторію не трудно прослѣдить». Существуетъ лишь красота субъективная, т.-е. ощущеніе, чувство, сознаніе красиваго, что сводится, въ концѣ-концовъ, къ извѣстнымъ психологическимъ процессамъ, для наименованія которыхъ терминъ «красота» неудобенъ и ненуженъ. Терминъ «красота» устарѣлъ, въ него обычно влагается содержаніе, унаслѣдованное отъ эпохи миѳическаго или въ лучшемъ случаѣ метафизическаго, «субстанціальнаго» мышленія, что крайне неудобно для современнаго эволюціоннаго, «дѣйственнаго» (по выраженію Потебни) мышленія. Уже самый строй современнаго мышленія, по изслѣдованіямъ Потебни, ученикомъ котораго является проф. Овсянико-Куликовскій, обязываетъ къ «устраненію, въ языкѣ и мысли, субстанцій, ставшихъ мнимыми». Отвергая терминъ «красота», проф. Овсянико-Куликовскій не замѣняетъ его новымъ; ощущеніе прекраснаго онъ сводитъ къ особому роду чувства мозгового довольства,—чувство это происхожденія интеллектуальнаго, оно сопутствуетъ всякой работѣ высшей мысли, оно есть специфическая радость творчества. Къ анализу этого чувства проф. Овсянико-Куликовскій обѣщаетъ вернуться въ дальнѣйшихъ работахъ.

Свой критическій методъ авторъ называетъ психологическимъ; ближе этотъ методъ опредѣляется «понятіемъ задачъ психологіи художественнаго творчества, какъ особаго вида работы мысли». Введеніе этого метода въ обиходъ русской критической литературы составляетъ крупную заслугу проф. Овсянико-Куликовскаго; этой заслуги не умаляетъ и то обстоятельство, что при практическомъ примѣненіи этого метода къ анализу художественныхъ произведеній авторъ не всегда получаетъ безспорные выводы. Къ такимъ небезспорнымъ выводамъ принадлежитъ оцѣнка гётевскаго «Фауста», а также недостаточно ясная характеристика значенія произведеній Чехова. Самой блестящей статьей книги является этюдъ о Гейне; одного этого этюда было бы достаточно для того, чтобы горячо рекомендовать читателю новую книгу проф. Овсянико-Куликовскаго. *М. Славинскій.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

В. Модестовъ. «Введеніе въ римскую исторію».—*В. Б.* «На рубежѣ XIX-го в».—*В Глѣбовскій.* «Императрица Екатерина II».—«Разсказы изъ русской исторіи».

Проф. В. И. Модестовъ. Введеніе въ римскую исторію. Вопросы доисторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-римскую эпоху въ Италіи и начало Рима. Часть I. Спб. 1902 г. 256+17+XV и 35 фототипическихъ таблицъ. Авторъ разбираемаго труда достаточно знакомъ русской читающей публикѣ и какъ талантливый ученый, и какъ популяризаторъ, и какъ публицистъ. Его первыя работы въ области древнѣйшей римской исторіи и письменности были встрѣчены въ свое время съ большимъ сочувствіемъ, его исторія римской литературы есть настольная книга всякаго студента-филолога, его переводъ Тацита нашелъ себѣ не малое распространеніе среди читающей публики. Настоящій томъ представляетъ начало обширнаго труда, который долженъ увѣнчать трудовую жизнь автора. Онъ является результатомъ долгой работы на мѣстѣ—въ Римѣ и Италіи, основательнѣйшаго знакомства съ обширнѣйшей литературой итальянской палэо-этнографіи и до-исторической археологіи и тщательнаго комбинированія этихъ данныхъ съ результатами лингвистики и небольшимъ количествомъ литературныхъ данныхъ. Словомъ, передъ нами одна изъ тѣхъ работъ, на которую критика, и отечественная, и иностранная, должна обратить серьезное вниманіе и съ результатами которой придется

считаться будущимъ работникамъ въ области затронутыхъ въ ней вопросовъ. Основной идеей труда является сознаніе необходимости во что бы то ни стало связать результаты изслѣдователей литературнаго преданія и языка съ результатами археологическаго и палэо-этнографическаго изученія Италіи. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что исторію Италіи нельзя писать теперь такъ, какъ въ ту эпоху, которой принадлежитъ классическій трудъ Моммзена; уже давно стало яснымъ, что Римъ безъ Италіи непонятенъ и не можетъ быть понятенъ, Италію же учатъ насъ понимать столько же данныя лингвистическія, которыми такъ искусно воспользовался Моммзенъ, сколько и данныя археологическія и этнологическія, къ которымъ, въ виду ихъ шаткости и неопредѣленности, съ полнымъ правомъ скептически относился Моммзенъ. Работы плеяды итальянскихъ талантливыхъ ученыхъ во главѣ съ Pigorini и Brizio, работы строго научныя и детальныя, многое устранили изъ этой шаткости и неопредѣленности, и, надо думать, близко то время, когда, наконецъ, можно будетъ заполнить пропасть между историческими и до-историческими временами жизни Италіи.

Это-то и пытается сдѣлать авторъ разбираемой книги, и работа его въ виду этого распадается, на двѣ опредѣленныя части. Въ одной онъ набрасываетъ намъ живую и яркую картину культурной жизни до-исторической Италіи, пользуясь результатами работъ итальянской до-исторической археологіи. Онъ проводитъ передъ нами жителей каменнаго вѣка, главнымъ образомъ неолитическаго періода, съ ихъ каменными орудіями и круглыми хижинами, съ ихъ обрядомъ погребенія и чертами внѣшняго быта, останавливаясь особенно подробно на томъ времени, когда внутренняя эволюція и внѣшнія заимствованія привели къ апогею этой культуры—къ такъ называемому энеолитическому періоду, когда къ камню примѣшивается мѣдь. Отъ этой первобытной культуры онъ переходитъ къ новому элементу въ жизни Италіи—къ свайнымъ и quasi—свайнымъ постройкамъ: палафиттамъ (т.-е. свайнымъ постройкамъ на озерахъ) С.-В. Италіи и террамара (т.-е. свайнымъ постройкамъ на сушѣ) долины рѣки По. Ярко и живо набрасываетъ онъ картину этихъ поселеній съ ихъ строго продуманными полу-городами, полу-лагерями, съ ихъ правильными жилищами, съ ихъ строгимъ ритуаломъ погребенія. Онъ слѣдитъ за движеніями и отблесками этой культуры по всей Италіи, ведя насъ вплоть до береговъ Іоническаго моря въ окрестности Тарента. Особенно внимательно собираетъ онъ слѣды этого вліянія на почвѣ древняго Лація. И, наконецъ, въ не менѣе живой и детальной картинѣ, которая, можетъ быть, должна была быть еще болѣе подробной, авторъ знакомитъ насъ съ началомъ желѣзнаго вѣка, съ бронзовой культурой Виллановы, внесшей такъ много новаго и частью принципіально-новаго въ культурную жизнь Италіи. Этотъ рядъ глубоко-интересныхъ картинъ есть, несомнѣнно, лучшая часть работы. Широкая эрудиція автора развертывается здѣсь во всей ея полнотѣ, масса параллелей и аналогій связываетъ ее съ аналогичною и, вѣроятно, современною жизнью Востока, Греціи и центральной Европы.

Этими культурными картинами авторъ, однако, не довольствуется. Ему нужны опредѣленные носители данныхъ культурныхъ стадій, онъ хочетъ установить картину причинной связи смѣны одной культуры другою. Тутъ ему на помощь приходятъ данныя краніометріи и лингвистики. Пользуясь ими, авторъ набрасываетъ слѣдующую картину исторической жизни Италіи до появленія этруссковъ, которыми онъ обѣщаетъ заняться въ слѣдующемъ томѣ. Носители каменной культуры въ Италіи—это люди великой средиземно-морской не арійской расы, открытой проф. Sergi, центромъ которой была сѣверная Африка и которая получила въ Европѣ имя лигуровъ и иберійцевъ. Первымъ арійскимъ племенемъ въ Италіи является населеніе *террамаръ*, пришельцы съ сѣвера, образовавшіе въ долинѣ рѣки По островъ арійской бронзовой культуры

съ обрядомъ тѣлосожженія. Эти арійцы террамаръ подъ давленіемъ новой вѣтви арійцевъ умро-сабелловъ—носителей культуры Вилановы—принуждены покинуть свои жилища и двинуться къ югу, причемъ часть ихъ доходитъ до Тарента, часть сворачиваетъ въ Лацій, гдѣ и осѣдаетъ, соединившись съ мѣстнымъ не арійскимъ неолитическимъ средиземноморскимъ населеніемъ: умбро-сабеллы же совершаютъ побѣдоносное шествіе по всей Италіи, усиленно подвергаясь заморскому греческому вліянію. Ихъ мощь сломили пришедшіе съ Востока этруски.

Такова стройная картина, даваемая авторомъ. Уже сравненіе съ другими теоріями того же характера, хотя бы теоріями Pigorini и Brizio, не говоря уже о характерныхъ метаніяхъ Sergi, показываетъ, насколько мы теперь послѣ незыблемыхъ и строго научныхъ культурныхъ картинъ въ области гипотезъ и построеній. Важнѣе всего для автора его теорія о латинянахъ, потомкахъ жителей террамаръ, и эту часть его дедукціи надо признать наиболѣе слабой: связь между террамарами и Лаціемъ остается такой же слабой, какъ и была, и мы невольно продолжаемъ задавать себѣ вопросъ, почему же арійцы воздвигли террамару около Тарента, а въ Лаціи нѣтъ, и почему здѣсь только неолитическая культура такъ основательно проникла во всѣ поры культуры террамаръ, что у каждаго внимательнаго наблюдателя является впечатлѣніе, будто культура террамаръ только легкимъ слоемъ покрыла неолитическую. И неужели этотъ легкій слой могъ дать основныя черты латинскаго и римскаго характера, какъ того хочетъ авторъ? Если поглубже вдуматься въ эти совпаденія, они, пожалуй, покажутся ужъ не столь убѣдительными, какъ на первый взглядъ.

Какъ бы то ни было, какъ попытка создать стройную картину этнографическаго и культурнаго развитія Италіи, книга г. Модестова заслуживаетъ полнаго вниманія и изученія. Будущее, несомнѣнно, покажетъ, въ чемъ правъ онъ, въ чемъ его противники. На нашъ взглядъ еще много времени пройдетъ и много будетъ положено труда на изученіе до исторической Италіи, пока мы въ состояніи будемъ на мѣсто этнологическихъ гипотезъ и иногда фантазій поставить что-либо прочное. Одно ясно и теперь: нельзя знать Италію и Римъ, не зная результатовъ новѣйшаго археологическаго изученія Италіи.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что литературное прошлое г. Модестова должно было бы заставить его быть болѣе внимательнымъ къ своему изложенію. Приведу два примѣра стилистической небрежности автора: на стр. 17 авторъ говоритъ: «Изъ мѣдныхъ предметовъ, найденныхъ въ Поджо Аквилана, обращаетъ на себя вниманіе кинжалъ съ пятью дырочками, напоминающій съ шестью дырочками кинжалъ Сгургалы, типъ котораго, впрочемъ, древнѣе», или на стр. 49: «Нашелся одинъ скелетъ, который, лежа на спинѣ, подогнулъ ноги».

Книга г. Модестова должна найти себѣ широкое распространеніе, и жаль, если ея стиль оттолкнетъ не увлеченнаго сразу содержаніемъ читателя. Внѣшность книги превосходна, таблицы исполнены тщательно и прекрасно иллюстрируютъ содержаніе книги. *М. Ростовцевъ.*

В. Б. На рубежѣ XIX-го столѣтія. Переводъ Г. Θ. Львовича. Цѣна 2 р. 50 к. Огромное значеніе того переворота, который пережила Франція «на рубежѣ XIX-го вѣка» и который положилъ свой отпечатокъ на все политическое и соціальное развитіе столѣтія, всегда сознавалось очень хорошо какъ сторонниками, такъ и противниками принциповъ 1789 года. Болѣе проницательные, какъ Гёте, могли оцѣнить вліяніе революціи на ходъ европейскаго развитія по ея первымъ шагамъ, другимъ оно сдѣлалось яснымъ позднѣе, когда искры отъ охватившаго Францію пожара подожгли ветхія политическія строенія въ другихъ государствахъ Западной Европы и рухнулъ старый порядокъ, несмотря на героическія усилія, потраченныя на его поддержаніе. Исторія знаетъ много переворотовъ, но она не знаетъ ни одного, который оказался бы столь плодо-

творнымъ, какъ переворотъ 1789 года. Англійская революція середины XVII-го столѣтія въ своемъ родѣ была не менѣе громкимъ событіемъ, но она имѣла исключительно мѣстное значеніе. Европа не доросла до того, чтобы оцѣнить дѣло Кромвеля, его предшественниковъ и сотрудниковъ. Поэтому, англійская революція и не оказала вліянія на Европу. Жившіе подъ эгидою абсолютизма французы, испанцы, нѣмцы, итальянцы XVII-го в. видѣли въ англійскихъ событіяхъ нѣчто въ высшей степени дикое, и ихъ оцѣнка едва ли во многомъ расходилась съ сужденіеми русскаго человѣка того времени, который сказалъ, что англичане «свершили великое злое дѣло: короля своего Карлуса убили до смерти». Не то было съ Европою въ концѣ XVIII-го вѣка. Западный абсолютизмъ уже давно пережилъ апогей своего развитія; устои политическаго быта стараго порядка вездѣ подгнили болѣе или менѣе основательно, и нуженъ былъ толчокъ, чтобы свалить ихъ. Французская революція и стала такимъ толчкомъ.

Авторъ настоящей книги принадлежитъ къ числу горячихъ поклонниковъ дѣла французской революціи и не пропускаетъ ни одного случая, чтобы не подчеркнуть ея великое значеніе. Для него революція — это фактъ, «могучее дѣйствіе котораго еще и теперь чувствуется на каждомъ шагу» и удивляться которому онъ призываетъ своихъ читателей. Этимъ опредѣляется тонъ и характеръ книги. Для автора во всей исторіи революціи почти не существуетъ промаховъ, ошибокъ, увлеченій. Какъ и нѣкоторые изъ французскихъ историковъ, онъ оправдываетъ террористовъ; виновниками въ жестокостяхъ Кутоновъ, Карье, Тюро онъ считаетъ эмигрантовъ и Питта; они организовали коалицію противъ Франціи и поставили защитникомъ послѣдней альтернативу — дать дѣлу революціи погибнуть или крайними мѣрами, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, доставить имъ торжество. Это приблизительно то же, что говоритъ и Ип. Карно въ своей небольшой и не менѣе горячо написанной книжкѣ, вышедшей на русскомъ языкѣ съ именемъ автора и съ полнымъ заглавіемъ подлинника. Но Карно болѣе детально объясняетъ каждую жестокость и суровость революціи вызывающимъ образомъ дѣйствій ея многочисленныхъ враговъ. Нашъ авторъ не хочетъ уступить противникамъ революціи ни въ одномъ пунктѣ. Онъ не боится коснуться такихъ, можно сказать, освященныхъ обычаемъ утвержденій, какъ жестокость Марата. Марата не одинъ Тэнъ представлялъ дьяволомъ въ образѣ человѣка и считалъ олицетвореніемъ всѣхъ ужасовъ революціи; въ Россіи его брата заставили перемѣнить фамилію, чтобы не смущать народъ страшнымъ именемъ; даже сторонникамъ революціи онъ кажется чудовищемъ жестокости. Нашего автора Маратъ совсѣмъ не пугаетъ; онъ—его герой; личная характеристика его почти ничѣмъ не отличается отъ характеристики другихъ дѣятелей революціи. Маратъ въ изображеніи Б. является добродушнымъ даровитымъ человѣкомъ, котораго возвела въ званіе патентованнаго исчадія ада ненависть буржуазіи. Къ буржуазіи авторъ относится безжалостно; только на первыхъ порахъ онъ находитъ для нея нѣсколько одобрительныхъ словъ, а потомъ, по мѣрѣ того, какъ она оттѣсняется съ передового мѣста другими классами, сочувственное отношеніе постепенно смѣняется насмѣшками и злой критикой. Его симпатіи цѣликомъ на сторонѣ демократіи, представителей интересовъ массы; когда онъ описываетъ такія событія, какъ борьбу Горы съ Жирондой, читателю кажется, что онъ слышитъ ободряющіе возгласы по адресу Марата и Анріо. Потому и Маратъ избранъ авторомъ въ герои, что онъ является выразителемъ тенденціи крайнихъ демократическихъ группъ; отношеніе автора къ еще болѣе крайнимъ—гебертистамъ и бабувистамъ остается нѣсколько неяснымъ; онъ признаетъ ихъ вождей за даровитыхъ людей, но, повидимому, считаетъ всю коммунистическую фракцію мало вліятельной.

Авторъ тщательно старается очистить революцію и въ особенности главныхъ дѣятелей демократіи отъ всѣхъ обвиненій, злостно взведенныхъ на нихъ

многочисленными врагами. Во многихъ случаяхъ это оказывается очень не трудно, но зачастую всѣ эти усилія не приводятъ ни къ чему, и факты, приводимые авторомъ, говорятъ совершенно иное, чѣмъ его утвержденія. Эта односторонность должна быть отмѣчена критикой. Авторъ, какъ видно по всему, отлично знакомъ съ литературой по исторіи революціи; ему превосходно извѣстны критическія работы въ этой области; онъ очень умѣло опровергаетъ легенды, неблагопріятныя революціи Но онъ почти не касается апологетическихъ легендъ. Въ описаніи взятія Бастиліи осталась вся старая бутафорія, сохраненъ опровергнутый еще Зибелемъ миѳъ о четырнадцати арміяхъ и нѣкоторые другіе аксесуары «революціонной легенды».

Не слѣдуетъ однако думать, что книга полна подтасовокъ и что всѣ факты въ ней изложены въ партійномъ освѣщеніи: авторъ слишкомъ чуткій и осторожный человѣкъ, чтобы допустить это. Къ Робеспьеру онъ не питаетъ никакой симпатіи, дѣятельность революціоннаго трибунала въ концѣ 1793 и въ первой половинѣ 1794 года онъ прямо осуждаетъ, раскрывая всю ту комедію правосудія, которая была наряжена всесильнымъ диктаторомъ-фанатикомъ. Страшныя нуайады, устроенныя въ Нантѣ Карье, вызываютъ въ немъ ужасъ и онъ едва находитъ имъ объясненіе въ многовѣковомъ гнетѣ; безсмысленная бойня, которой Робеспьеръ думалъ вырвать съ корнемъ крамолу, въ которой гибли правый и виноватый, принцесса и сапожникъ, генералъ и проститутка, всесильный Дантонъ и никому невѣдомый парикмахеръ,—описана превосходно, и авторъ съумѣлъ въ этой кровавой панорамѣ показать свѣтлый уголокъ—идиллію Камиля Демулена и его жены Люссиль Дюплесси, идиллію, окончившуюся тоже на эшафотѣ.

Книга Блосса не претендуетъ на то, чтобы быть научнымъ трудомъ, но у автора, конечно, имѣется извѣстное ученое profession de foi, и оно объясняетъ многое въ книгѣ. «Революція по самой своей сущности была соціальнымъ переворотомъ», говоритъ онъ, и съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ все внутреннее развитіе Франціи съ 1789 по 1804 годъ. Онъ подробно останавливается на положеніи земледѣлія и крестьянъ, промышленности и рабочихъ классовъ. Онъ—сторонникъ классовой теоріи и сводитъ политическіе факты къ соціально-экономическимъ причинамъ. Но не всѣ его конструкціи могутъ быть признаны за правильныя. Когда онъ писалъ свою книгу, еще не выходили два капитальнѣйшихъ изслѣдованія по исторіи революціи—Олара и Жореса, изъ которыхъ первое перевернуло во многомъ наши представленія о политическомъ развитіи Франціи въ эпоху революціи, а другое дало много новаго матеріала для пониманія экономической и общественной стороны переворота. Для нашего автора особенно драгоцѣннымъ оказалась бы книга Жореса, съ которымъ онъ во многомъ сходится въ теоретическихъ воззрѣніяхъ.

А. Дживелеговъ.

В. А. Глѣбовскій. Императрица Екатерина II-ая и ея царствованіе. Историческій очеркъ. Цѣна 45 коп. Не такъ давно «Московскія Вѣдомости» съ обычною своею чистосердечною горячностью обращали вниманіе на не вполнѣ благонадежный составъ преподавателей нашихъ среднеучебныхъ заведеній. Съ гордостью укажемъ имъ на г-на Глѣбовскаго, который рекомендуетъ себя въ предисловіи «преподавателемъ одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній сѣверо-западнаго края»: у насъ нѣтъ полной увѣренности въ типичности г-на Глѣбовскаго, но не погибло еще то сословіе, въ которомъ все таки встрѣчаются такія литературныя индивидуальности! Ибо отъ сравненія съ г. Глѣбовскимъ даже г. Иловайскій можетъ показаться прямо какимъ-то Тацитомъ по радикализму и суровости своихъ приговоровъ. Въ смыслѣ осуществленія горячихъ и задушевныхъ пожеланій «Московскихъ Вѣдомостей» г. Глѣбовскій—говоримъ это смѣло и убѣжденно—побилъ рекордъ въ состязаніи даже съ такимъ труд-

нымъ (въ этомъ отношеніи) противникомъ какъ г. Иловайскій. Чтобы послѣдній не упрекнулъ насъ въ голословности и пристрастіи къ его счастливому конкурренту, приведемъ факты. Позвольте узнать, г. Иловайскій, какъ вы пишете о восшествіи Екатерины на престолъ? Правда, вначалѣ вы говорите «крупнымъ» шрифтомъ, что Петръ III-ій *уступилъ* корону Екатеринѣ, но зачѣмъ же было прибавлять мелкій шрифтъ съ описаніемъ событія? Хорошо, что г. Грингмутъ даже и вашего учебника по русской исторіи, вѣроятно, не читалъ никогда въ своей жизни, а то, конечно, не похвалилъ бы. Зато г. Глѣбовскій пишетъ просто и прямо, безъ обиняковъ, и, прежде всего, искренно (что теперь признано столь важнымъ для преподавателя): «Унаслѣдовавъ русскій престолъ по смерти Елизаветы Петровны, онъ, Петръ III-ій, не могъ привлечь къ себѣ расположеніе народа и уже черезъ полгода, а именно, 28-го іюня 1762 г. долженъ былъ уступить престолъ своей супругѣ и вскорѣ затѣмъ умеръ». Это сказано въ самомъ концѣ 7-й страницы; переворачиваемъ страницу и вмѣсто какого-нибудь подозрительнаго мелкаго шрифта, прямо натыкаемся, безъ всякихъ вставокъ и переходовъ, на стихи: «Была пора, Екатерининъ вѣкъ, въ немъ ожила всей древней Руси слава» etc. Далѣе, г. Глѣбовскій сокращенно излагаетъ г. Иловайскаго и выражаетъ полное свое одобреніе и удовольствіе по поводу всей вообще русской исторіи XVIII-го столѣтія. Вотъ и все. Авторъ уповаетъ на особенно благотворное вліяніе своей книги именно въ сѣверо-западномъ краѣ, имѣющемъ удовольствіе считать г. Глѣбовскаго въ числѣ учителей и наставниковъ своего юношества. Достигнетъ ли эта книга своей цѣли, или нѣтъ—tamen est laudanda voluntas! Достойны быть отмѣченными добросовѣстныя исторіографическія усилія г. Глѣбовскаго! Цѣна же этимъ усиліямъ, по собственной оцѣнкѣ автора,—три пятиалтынныхъ. *Т.*

Разсказы изъ русской исторіи, составленные коммиссіей преподающихъ исторію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ города Тифлиса. Курсъ 1-го и 2-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Тифлисъ, 1902 г., in 8°. Стр. 2 нен.+142+2 нен. Цѣна не означена. Въ этой книжкѣ, претендующей на учебникъ, помѣщенъ двадцать одинъ разсказъ изъ русской исторіи со времени Владиміра I-го и до Александра III-го включительно; составители книжки на обложкѣ сообщаютъ, что она предназначается для 1-го и 2-го классовъ *среднихъ* учебныхъ заведеній; если же обратиться къ ея тексту, то читатель въ правѣ предположить такое заявленіе составителей шутливою мистификаціей. Этотъ тонъ веселой непритязательной шутки проходитъ красною нитью черезъ всю книжку: онъ превосходно выдержанъ до конца, и нельзя отказать составителямъ въ положительной талантливости, съ какою они превратили всю отечественную исторію въ волшебную сказку. Первый разсказъ посвященъ Владиміру I-му, разсказывается о принятіи имъ христіанской вѣры, но вотъ бѣда: остается совершенно неизвѣстнымъ, среди какой же народности жилъ и дѣйствовалъ великій князь Владиміръ I-й? Изъ разсказа мы узнаемъ только, что «съ давнихъ поръ жили въ Кіевѣ люди разныхъ вѣръ: и магометанской, и іудейской, и христіанской» (стр. 2), что при Владимірѣ I-мъ «такъ вотъ и сбылось пророчество Андрея Первозваннаго» и что «хорошо и тепло жилось при этомъ князѣ». Ужасно интересно узнать, что это за народность, о которой идетъ рѣчь въ книжкѣ? Отчего эта народность остается совершенно неизвѣстной, тогда какъ на стр. 14—15 говорится подробно, и кто такіе половцы, и откуда они пришли, и гдѣ жили, и что дѣлали, и кого покоряли. Составитель хорошо освѣдомленъ о половцахъ, жаль только, что его свѣдѣнія по русской исторіи нѣсколько слабѣе, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не повторялъ бы пресловутыхъ ошибокъ роксоланскихъ историковъ и не называлъ бы южно-русскихъ князей *удѣльными*. Особенно комичнымъ и занимательнымъ является разсказъ автора о томъ, «какъ князья только тѣмъ

и занимались: что ссорились другъ съ другомъ и нисколько не думали о защитѣ родной земли», и какъ только «одинъ князь любилъ русскую землю», Владиміръ II-й, имя котораго «стало славно», котораго «крѣпко полюбили» и при которомъ «жилось такъ спокойно и счастливо». Еще жаль, что почтенный составитель третьяго очерка не поясняетъ намъ, что значитъ въ его устахъ превращеніе «удѣльнаго князя» въ «великаго князя»: на стр. 14-й есть фраза, которую читатель не иначе пойметъ, что *удѣльный* значитъ *городовой*. Пока «съ весельемъ и радостью возвращаются русскіе въ родную землю» (стр. 16), переходимъ къ четвертому разсказу о томъ, какъ на русскую землю, *благодаря русскимъ князьямъ,* по утвержденію автора, «обрушилось несчастье, а несчастье это было великое». Характеристика татарскаго ига особенно талантлива, словно современный газетный стонъ надъ пожарищемъ (стр. 22). Заканчивается она словами: «запустѣла русская земля...» Но какая же это земля? До сихъ поръ мы не знаемъ, среди какой народности дѣйствуютъ неизвѣстно откуда явившіеся князья, а теперь мы въ недоумѣніи, о какой русской землѣ идетъ рѣчь. Такъ исторію дѣлаютъ неизвѣстные князья, среди неизвѣстнаго народа и на неизвѣстной территоріи. Ну, развѣ это не сказка? Вслѣдъ за словами: «запустѣла русская земля», начинается пятый разсказъ о томъ, какъ на опустѣлой землѣ «въ такое-то тяжелое время только стонъ и плачъ раздавались»: очевидно, это «уцѣлѣвшіе люди» повылѣзли «изъ лѣсныхъ трущобъ», куда они сперва «отъ страха попрятались». Въ какія же дебри поведутъ насъ далѣе современные слагатели волшебной русской сказки? Дальнѣйшіе разсказы посвящены Куликовской битвѣ, борьбѣ съ Ахматомъ, завоеванію Казани и Сибири—самыя темы любопытны, а еще болѣе занимательно наивное, строго фальшивое и безподобно ненаучное ихъ изложеніе, совершенно не принимающее во вниманіе ни возраста, ни среды, для которыхъ предназначается разсказъ. Объ Иванѣ III-мъ говорится не мало хорошихъ и сильныхъ словъ, чуждыхъ исторической правдѣ; царь Иванъ IV-й пропущенъ, какъ будто его не бывало вовсе... Сказка принимаетъ, наконецъ, чудовищно-фантастическіе размѣры: говорится безъ конца на тему о славѣ, величіи, силѣ какого-то государства... и вдругъ совершенно неожиданно, какъ снѣгъ на голову, *смутное время* (разсказъ XI-й, со стр. 50). Читатель пораженъ: что это за смута въ «столь *могучемъ* государствѣ», въ которомъ «*шестьсотъ лѣтъ* царскій родъ Владиміра правилъ страной». Здѣсь, къ сожалѣнію, вкралась небольшая цифровая ошибка, которую важно исправить и въ педагогическомъ отношеніи, чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе на «юныхъ сихъ»: не лучше ли вмѣсто 600 проставить 736 (т.-е. 1598 — 862 = 736. Sic!!). Впрочемъ, у нашего автора, можетъ быть, были подъ рукою какія-нибудь болѣе точныя даты, да и, наконецъ, цифровая точность—удѣлъ мелкихъ ученыхъ, а не поэтовъ... Сразу отъ смуты скачокъ къ Петру I-му: онъ изображенъ, какъ военный человѣкъ, о реформѣ петровской ни *одного слова*.

Мы не будемъ излагать книжки дальше; мы позволяемъ себѣ только еще разъ подчеркнуть, что вся книжка—веселая, непритязательная шутка.

Но составители забываютъ мудрое правило—шутить въ мѣру. Шутка надъ славной эпохой реформъ императора Александра II-го неумѣстна и недостойна. «Освобожденію крестьянъ» посвящено полторы страницы, о другихъ реформахъ ни звука, зато болѣе шести страницъ отведено покоренію Кавказа и турецкой войнѣ. Исторіи русской, конечно, нѣтъ и слѣда въ учебной книжкѣ гг. просвѣтителей изъ Тифлиса, книжкѣ, которая носитъ характеръ какой-то департаментской отписки, свидѣтельствующей о томъ, что все обстоитъ благополучно. И вотъ представляется любопытнымъ: для написанія своей волшебной сказки люди сходились, обсуждали, спорили... и проглядѣли русскую исторію; они даже и не подняли принципіальнаго вопроса о томъ, можно ли и цѣлесо-

образно ли преподаваніе исторіи дѣтямъ въ возрастѣ 1-го и 2-го классовъ. А вопросъ этотъ рѣшается отрицательно во всякомъ случаѣ. Попытки гг. тифлисскихъ педагоговъ, владимірскаго г. Пузицкаго и с.-петербургскаго г. Елпатьевскаго (объ исторической хрестоматіи котораго мы имѣли случай говорить въ октябрьской книжкѣ нашего журнала) отлично показываютъ, до чего можно дойти въ усердіи кланяться жестокому идолу современности. Никакой вообще учебникъ немыслимо написать коллективно, даже при выработкѣ серьезной въ научномъ и педагогическомъ отношеніяхъ программы, чего въ разбираемой книжкѣ *нѣтъ*: 21 разсказъ книжки объединены одной только тенденціозностью, фальшивымъ морализированіемъ и допотопными представленіями объ исторіи. *В. Николаевъ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. Желѣзновъ. «Очерки политической экономіи».—*А. Зотовъ.* «Соглашеніе и третейскій судъ».—*Эд. Бернштейнъ.* «Современное движеніе доходовъ».

В. Желѣзновъ. «Очерки политической экономіи» («Библіотека для самообразованія», т. XXV). Москва. 1902. Ц. 3 р. 50 к. Въ нашей литературѣ политической экономіи, столь скудной хорошими учебниками, книга г. Желѣзнова составляетъ явленіе рѣдкое и чрезвычайно отрадное. Авторъ—человѣкъ, несомнѣнно, широко образованный, освѣдомленный не только въ литературѣ своего предмета, но и въ конкретныхъ фактахъ и теченіяхъ экономической жизни (что составляетъ такую рѣдкость между русскими экономистами), и обладающій недюжиннымъ даромъ живого, цѣннаго и увлекательнаго изложенія. Г. Желѣзновъ съумѣлъ соблюсти въ своемъ учебникѣ надлежащее соотвѣтствіе между количествомъ фактическаго матеріала, подлежащаго обработкѣ, и той степенью его теоретическаго обобщенія, безъ которой матеріалъ является лишь грудой отпугивающихъ и загромождающихъ сырыхъ фактовъ. Благодаря этому, читатель, слѣдя за изложеніемъ г. Желѣзнова, все время остается въ сферѣ живой и доступной ему экономической дѣйствительности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принужденъ постоянно слѣдить за развитіемъ мысли, освѣщающей и уясняющей излагаемые факты. Сухость теоретика, живущаго исключительно въ сферѣ созданныхъ имъ и не провѣряемыхъ жизнью абстрактныхъ понятій, столь же чужда г. Желѣзнову, какъ и противоположная узость экономиста-практика, для котораго эмпирическое знакомство съ хозяйственной жизнью, имѣющееся у любого опытнаго дѣльца, составляетъ единственный идеалъ экономическаго образованія и который, собственно, презираетъ свою науку, предпочитая ей «пошлый опытъ—умъ глупцовъ». Тѣмъ болѣе обидно, что въ нѣкоторыхъ чертахъ своего экономическаго міровоззрѣнія, авторъ не могъ отдѣлаться отъ столь далекаго ему по существу его научной натуры догматизма марксистской ортодоксіи. Правда, односторонняя теоретическая нетерпимость ко всему, что выходитъ за предѣлы догмы ученія Маркса, отсутствуетъ у г. Желѣзнова, и если не всегда по содержанію, то, по крайней мѣрѣ, по формѣ онъ не выходитъ за предѣлы научной объективности. Однако, исключительное пристрастіе къ нѣкоторымъ излюбленнымъ у насъ сторонамъ ученія Маркса все же иногда вредно отражается на развиваемыхъ авторомъ теоретическихъ взглядахъ.

Сюда принадлежитъ, напр., отношеніе г. Желѣзнова къ «психологической» или «австрійской» школѣ политической экономіи. Конечно, допустимо различное мнѣніе о научной цѣнности защищаемыхъ этой школой взглядовъ, но намъ

думается, что г. Желѣзновъ, отдавая дань ходячимъ еще у насъ воззрѣніямъ, обходится немножко слишкомъ легко съ «австрійцами»—этими, безспорно, наиболѣе даровитыми и глубокими изъ современныхъ экономистовъ-теоретиковъ. Обходя молчаніемъ (быть можетъ, вслѣдствіе вполнѣ понятной необходимости быть краткимъ въ учебникѣ) сложный и длинный рядъ умозаключеній, путемъ котораго эти ученые пытаются вывести изъ своихъ основныхъ принциповъ данныя и опредѣленія, годныя для объясненія конкретныхъ фактовъ экономической жизни, г. Желѣзновъ думаетъ покончить съ разсматриваемымъ ученіемъ указаніемъ на схематичность, общность и неисторичность его основныхъ началъ; между тѣмъ, таковы неизбѣжныя качества всякой болѣе или менѣе глубокой теоріи въ ея абстрактной формулировкѣ: трудовая теорія цѣнности, отвлекающаяся отъ реальныхъ факторовъ образованія цѣнъ, въ этомъ отношеніи можетъ быть совершенно уравнена съ теоріей «предѣльной полезности», и, конечно, не въ схематичности ея лежатъ ея недостатки. Въ частности, при оцѣнкѣ теоріи прибыли Бёмъ-Баверка (стр. 729 и сл.), было бы правильнѣе не отвергать ее совершенно, а вскрыть упущенный Бёмъ-Баверкомъ, но согласующійся съ его ученіемъ, соціальный моментъ образованія прибыли (какъ это дѣлаетъ, напр., Штольцманъ, котораго г. Желѣзновъ, повидимому, не знаетъ). Тогда оказалось бы, что ученіе Бёмъ-Баверка сводится, въ концѣ-концовъ, къ указанію значенія монополіи на капиталъ въ качествѣ источника прибыли, т.-е. стоитъ въ полномъ согласіи съ защищаемымъ г. Желѣзновымъ взглядомъ (стр. 747) *). Будучи столь требовательнымъ къ Бёмъ-Баверку и его единомышленникамъ, г. Желѣзновъ не находитъ не только никакихъ противорѣчій, но даже и никакихъ неясностей въ отрывочныхъ и сбивчивыхъ мнѣніяхъ Маркса, высказанныхъ въ 3-емъ томѣ «Капитала»; если бы мы не имѣли здѣсь дѣла съ очевидной предвзятостью, то мы имѣли бы право упрекнуть автора въ нежелательной научной нетребовательности. Только этой же предвзятостью можно объяснить сознательное игнорированіе г. Желѣзновымъ классическаго ученія Бюхера о раздѣленіи труда (стр. 179). Авторъ считаетъ ученіе Маркса послѣднимъ словомъ науки и въ этомъ вопросѣ и высказываетъ почти единственное въ этомъ смыслѣ мнѣніе, что «работа Бюхера едва ли внесла что-либо новое въ освѣщеніе этого вопроса». Справедливость требуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что г. Желѣзновъ считаетъ необходимымъ рядъ поправокъ къ ученію Маркса: такъ, по вопросу о законѣ заработной платы (стр. 331, прим.), по вопросу о концентраціи капиталовъ (стр. 276—277). Въ общемъ, однако, мы должны повторить: намъ жаль, что широкая и увлекательная панорама экономическихъ явленій, развертывающаяся передъ читателемъ въ мастерскомъ изложеніи г. Желѣзнова, въ нѣкоторыхъ (правда, сравнительно немногихъ) частяхъ своихъ страдаетъ отъ слишкомъ скуднаго и односторонняго ея освѣщенія потускнѣвшими лучами догматическаго марксизма.

Книга, какъ сообщаетъ авторъ, «представляетъ собою исправленное и значительно дополненное изданіе... курса публичныхъ лекцій, читанныхъ авторомъ

*) Отмѣтимъ кстати одно недоразумѣніе. Г. Желѣзновъ замѣчаетъ (на стр. 730), что «позитивная теорія капитала» Бёмъ-Баверка «гораздо болѣе заслуживаетъ названія метафизической». Оставляя въ сторонѣ мало понятный въ примѣненіи къ научной теоріи терминъ «метафизическій», укажемъ, что словомъ «*позитивный*» Бёмъ-Баверкъ только характеризуетъ задачу 2-го тома своего извѣстнаго труда, въ отличіе отъ перваго, содержащаго *критику* другихъ ученій, но отнюдь не изъявляетъ претензіи на особую научную квалификацію содержанія своихъ взглядовъ. Бёмъ-Баверкъ самъ подчеркнулъ это во второмъ изданіи 1-го тома своего труда, по поводу аналогическаго недоразумѣнія, въ которое впалъ другой русскій экономистъ (г. Залѣсскій въ его «Ученіи о доходѣ на капиталъ»).

въ 1898—1899 академическомъ году въ Кіевѣ». Она состоитъ изъ введенія (лекціи 1—2) и ученій о производствѣ (лекціи 3—6), обмѣнѣ (лекціи 7—11), распредѣленіи (лекціи 12—16) и потребленіи (лекція 17-ая). Во введеніи авторъ даетъ очеркъ исторіи экономическаго быта, на основаніи схемы Бюхера, и изложеніе вопроса о задачахъ и методахъ политической экономіи. Въ этомъ вопросѣ онъ приходитъ къ выводу, который почти одновременно съ нимъ установилъ и Зомбартъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи «Der moderne Kapitalismus»: вопросъ о «мотивахъ» хозяйственной дѣятельности въ конечномъ счетѣ сводится къ вопросу объ особенностяхъ данной хозяйственной организаціи. Въ отдѣлѣ о производствѣ обращено особое вниманіе на конкретныя условія приложенія труда въ промышленности. Особенно удачнымъ кажется намъ отдѣлъ объ обмѣнѣ (кромѣ лекціи о цѣнности, страдающей указанной выше односторонностью): сложныя и трудныя ученія о деньгахъ, кредитѣ, кризисахъ и т. п. изложены г. Желѣзновымъ съ почти идеальной ясностью и простотой, причемъ этимъ нисколько не наносится ущерба глубинѣ мысли. Въ лекціяхъ о рынкахъ и о путяхъ сообщенія авторъ подробно останавливается на явленіяхъ русской таможенной и желѣзнодорожной политики. Попутныя, весьма основательныя, замѣчанія о русской экономической дѣйствительности встрѣчаются, впрочемъ, во всѣхъ частяхъ «Очерковъ». Въ отдѣлѣ о распредѣленіи наибольшее мѣсто удѣлено теоріи заработной платы и, главнымъ образомъ, конкретнымъ факторамъ ея (трэдъ-юніонамъ, коллективнымъ договорамъ, стачкамъ, фабричному законодательству и пр.). Реальныя обстоятельства и условія экономической и политической жизни, вліяющія на уровень заработной платы и на всю обстановку жизни рабочаго класса, прекрасно изложены г. Желѣзновымъ. Въ лекціи, посвященной теоретическому анализу заработной платы, мы желали бы только болѣе подробнаго изложенія ученія о фондѣ заработной платы, ученія, которое столь важно въ исторіи науки и споры о которомъ не прекратились и сейчасъ. (Отсутствуютъ указанія на относящіяся сюда воззрѣнія Родбертуса, Herrmann'а, Брентано и др.). Въ лекціи о рентѣ также, къ сожалѣнію, отсутствуетъ изложеніе ученій Родбертуса и Джорджа, которые больше заслуживаютъ упоминанія, нежели Кэри, Бастіа и Шеффле. Наконецъ, относительно лекціи о «потребленіи» замѣтимъ, что авторъ, на нашъ взглядъ, слишкомъ низко оцѣниваетъ роль современнаго кооперативнаго движенія, стоя при этомъ скорѣе на точкѣ зрѣнія старыхъ «кооператоровъ» въ родѣ Голіока (Holyoake), нежели на болѣе правильной и глубокой точкѣ зрѣнія современныхъ теоретиковъ кооераціи, во главѣ которыхъ стоитъ Беатриса Поттеръ-Веббъ. Въ заключеніе позволяемъ себѣ указать еще на одинъ пробѣлъ: совершенно отсутствуетъ въ книгѣ г. Желѣзнова теорія народонаселенія, безъ знакомства съ которой не можетъ обойтись человѣкъ, желающій имѣть хотя и общее, но полное представленіе объ экономической жизни.

Но каковы бы ни были упущенія и частныя погрѣшности «Очерковъ», въ общемъ нельзя не признать за ними выдающихся достоинствъ. Книга г. Желѣзнова по ясности и живости изложенія можетъ успѣшно конкурировать съ лучшимъ нашимъ учебникомъ—«Основаніями политической экономіи» проф. А. И. Чупрова, превосходя ихъ своею новизной и, слѣдовательно, бо́льшей освѣдомленностью въ новѣйшей литературѣ и теченіяхъ дѣйствительности; во всякомъ случаѣ, ей, надѣемся, суждено вытѣснить рядъ безжизненно-доктринерскихъ компиляцій и невѣжественныхъ популяризацій, такъ ходко идущихъ, за недостаткомъ чего-либо лучшаго, на нашемъ книжномъ рынкѣ. И молодежь, и обладающій уже нѣкоторымъ образованіемъ читатель изъ народа съ большой пользой и удовлетвореніемъ могутъ учиться по книгѣ г. Желѣзнова. Въ вели-

*

чайшему сожалѣнію, цѣна (3 р. 50 к.) непомѣрно высока для книги, предназначенной къ распространенію въ широкой массѣ публики. Быть можетъ, при слѣдующихъ изданіяхъ, которыхъ, мы увѣрены, дождется трудъ г. Желѣзнова, издательская фирма найдетъ возможнымъ понизить цѣну.

С. Франкъ.

А. Зотовъ. Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности. Спб. 1902. Стр. VII+476. Ц. 2 р. 50 к. Ни одна страна не привлекала къ себѣ столько вниманія со стороны экономистовъ всѣхъ національностей, какъ Англія. И это предпочтительное вниманіе оправдывалось и продолжаетъ оправдываться самой исторіей промышленнаго развитія Англіи и всего міра. Англія шла впереди другихъ и служила примѣромъ для другихъ въ области экономическихъ явленій, потому что именно у англичанъ экономическія явленія съ особенной рѣзкостью выдѣлились въ самостоятельную область, крѣпко отгороженную отъ другихъ сторонъ человѣческой жизни. А вѣдь въ этомъ выдѣленіи экономическихъ явленій—главная черта XIX-го вѣка—его проклятіе и благословеніе... Вполнѣ понятно, что и русскіе изслѣдователи часто обращаются къ спеціальному изученію англійской промышленной жизни. Конечно, когда читаешь такія заглавія, какъ выписанное нами изъ книги г. Зотова, поневолѣ шевелится русская мысль: отчего это у насъ такъ много сравнительно книгъ и статей о рабочихъ англійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и такъ мало—о рабочихъ русскихъ? Но въ этомъ виноваты не одни русскіе изслѣдователи, а, главнымъ образомъ, самъ предметъ изслѣдованія—сама русская жизнь.

Выбранная г. Зотовымъ тема удачна еще и потому, что изъ всей широкой области англійской экономической дѣйствительности онъ остановился на вопросѣ, особенно поучительномъ для другихъ странъ—вопросѣ о примиреніи между враждующими лагерями рабочихъ и предпринимателей. Вездѣ, гдѣ эти лагери ясно обозначались, гдѣ рабочій вопросъ выдвинулся въ качествѣ неотложной и важной общественной задачи, замѣчается среди рабочихъ стремленіе къ большей умѣренности и скромности въ требованіяхъ и надеждахъ. Они начинаютъ бояться рѣзкаго отчужденія между собой и другими классами. Такой поворотъ имѣетъ свѣтлыя и темныя стороны. Но, во всякомъ случаѣ, онъ обозначаетъ приближеніе къ тому пути, котораго давно уже держатся рабочіе англійскіе. И, повидимому, Англіи суждено быть образчикомъ для другихъ странъ въ распространеніи «промышленнаго мира», какъ раньше она была образчикомъ въ распространеніи промышленной «борьбы всѣхъ противъ всѣхъ», т.-е. промышленной конкуренціи.

Но если тема, которой посвящена книга г. Зотова, интересна и важна, то исполненіе темы должно, намъ кажется, оставить читателя весьма и весьма неудовлетвореннымъ. Г. Зотовъ приводитъ рядъ отрадныхъ фактовъ, показывающихъ, что отдѣльными группами рабочихъ были достигнуты крупные успѣхи путемъ довѣрчиваго и мирнаго отношенія къ союзамъ объединившихся предпринимателей, онъ развертываетъ картину за картиной, въ которыхъ отношенія между работодателями и рабочими принимаютъ характеръ взаимнаго уваженія и доброжелательства, онъ сообщаетъ статистическія цифры, свидѣтельствующія о постепенномъ сокращеніи числа стачекъ, но мы не находимъ критической оцѣнки всѣхъ этихъ свѣтлыхъ и отрадныхъ явленій. Много ли этого свѣта въ темной жизни англійскаго рабочаго, ибо, въ общемъ, она все-таки темна, эта жизнь?.. На какую часть общей массы рабочихъ этотъ свѣтъ распространяется? Какова его сила, каково его отношеніе къ другимъ сторонамъ рабочаго движенія? Вѣдь и англійскіе рабочіе вовсе не такъ ужъ преданы идеѣ мира. Они поневолѣ должны, прежде всего, заботиться не о томъ, чтобы

всѣ споры кончились во что бы то ни стало, а о томъ, чтобы споры кончались въ ихъ пользу. Распространеніе и укрѣпленіе мирныхъ способовъ для рѣшенія споровъ — только одна сторона въ громадномъ процессѣ рѣшенія соціальной проблемы. Каково же отношеніе этой одной стороны къ другимъ? Для отвѣта на всѣ эти вопросы, мы, къ сожалѣнію, находимъ слишкомъ мало матеріала у г. Зотова.

Происходитъ это, прежде всего, отъ того, что г. Зотовъ—слишкомъ усердный и безусловный защитникъ идеи «промышленнаго мира». Миръ самъ по себѣ есть безусловное благо. Но въ дѣйствительной жизни, полной борьбы и горестей, служеніе миру ради самого мира превращается часто въ жалкое и пустое занятіе. Примиреніе, главнымъ образомъ, зависитъ отъ борющихся сторонъ. Кто хочетъ имъ помочь, долженъ, прежде всего, разобраться, гдѣ правда и сколько правды на каждой сторонѣ. Если же мы просто будемъ стараться о скорѣйшемъ примиреніи во что бы то ни стало, то можемъ оказать плохую услугу обоимъ противникамъ. Что если противники окончатъ споръ безчестной гнусной сдѣлкой? Будемъ ли мы привѣтствовать ихъ соглашеніе и восхвалять ихъ миролюбіе? Довѣрчивое и доброжелательное отношеніе рабочихъ къ предпринимателямъ, безъ всякаго сомнѣнія—весьма отрадное явленіе. Но что если оно куплено цѣной отказа отъ лучшихъ идеаловъ рабочаго движенія? Что если пришлось для примиренія съ предпринимателями искоренять въ рабочихъ недовольство унизительными для человѣческаго достоинства условіями труда и «примирять» ихъ съ ихъ униженіемъ и ограниченностью? Быть можетъ, уступки и снисходительность къ работодателямъ обозначаютъ остановку въ развитіи солидарности внутри рабочаго класса? Представимъ себѣ рабочихъ, вполнѣ довольныхъ отупляющимъ режимомъ подневольнаго механическаго труда, и работодателей, вполнѣ довольныхъ своимъ великодушіемъ, которое не позволяетъ имъ напрасно мучить ни свой рабочій скотъ, ни своихъ рабочихъ людей и, наоборотъ, побуждаетъ ихъ кормить досыта и скотъ, и людей — это будетъ «промышленный миръ», миръ невозмутимый, но отвратительный. Поэтому, нельзя высказывать сочувствія или несочувствіи отдѣльнымъ установленіямъ и предпріятіямъ, направленнымъ къ поддержанію промышленнаго мира, не опредѣливъ предварительно своего принципіальнаго отношенія ко всему рабочему вопросу. Между тѣмъ, г. Зотовъ не занимаетъ никакой опредѣленной позиціи по отношенію къ требованіямъ рабочихъ и является просто защитникомъ «промышленнаго мира», какъ таковаго, точно «промышленный миръ» есть абсолютное и безусловное благо. Только въ одномъ мѣстѣ онъ признаетъ относительность этого блага. Говоря о введеніи принудительныхъ государственныхъ третейскихъ судовъ между рабочими и предпринимателями въ Южной Австраліи и Новой Зеландіи, г. Зотовъ высказываетъ опасеніе, какъ бы эта мѣра (въ частности, обязательное раскрытіе передъ судомъ всѣхъ конторскихъ книгъ) не оказалась пагубною «для процвѣтанія духа предпріимчивости, который, во всякомъ случаѣ, составляетъ не менѣе цѣнное достояніе націй, чѣмъ соціальный миръ» (стр. 299). Но если важно оградить, хотя бы и вопреки ближайшимъ интересамъ соціальнаго мира, духъ *предпріимчивости*, то, казалось бы, еще съ большей осторожностью слѣдовало бы ограждать и оберегать духъ *солидарности*, котораго такъ мало въ современной промышленной жизни...

Неудивительно, что г. Зотовъ, даетъ намъ очень одностороннюю оцѣнку дѣятельности уставленій, описываемыхъ въ его книгѣ камеръ соглашенія и третейскихъ судовъ. Въ основѣ обоихъ этихъ установленій лежитъ одно общее начало: рабочія массы вмѣсто того, чтобы самимъ непосредственно рѣшать спорные вопросы, ввѣряютъ свое дѣло, съ согласія предпринимателей, отдѣльнымъ

избраннымъ личностямъ: въ одномъ случаѣ—своимъ выборнымъ представителямъ или должностнымъ лицамъ, въ другомъ—не заинтересованному авторитетному посреднику. Такая передача имѣетъ всегда то преимущество, что обезпечиваетъ болѣе обдуманное, сознательное и безпристрастное рѣшеніе. Но она можетъ имѣть и вредныя послѣдствія, если вытекаетъ изъ слѣпого повиновенія народныхъ массъ авторитету вождей и посредниковъ или изъ холоднаго равнодушія къ своему будущему, къ развитію своихъ силъ, ко всей своей судьбѣ. Въ этихъ случаяхъ слѣпого повиновенія или равнодушія вожди рабочихъ и посредники, не имѣя яснаго представленія о томъ, чего же въ сущности нужно рабочимъ, теряютъ подъ ногами почву и либо постановляютъ совершенно случайныя безпринципныя рѣшенія, либо успокаиваются на томъ «принципѣ», что рабочимъ нужно очень немногаго или, въ сущности, ничего не нужно. Примѣры такихъ неутѣшительныхъ результатовъ примирительной политики могутъ быть почерпнуты и въ книгѣ самого г. Зотова, который однако, непремѣнно и неуклонно старается поддержать вѣру въ спасительность описываемыхъ имъ третейскихъ судовъ и камеръ соглашенія. Насколько случайны бываютъ постановленія третейскихъ судей, видно изъ чрезвычайно интересныхъ свѣдѣній о примѣненіи третейскаго суда въ каменноугольной промышленности сѣверной Англіи (стр. 300 сл.). Возьмемъ, напр., первое рѣшеніе извѣстнаго юриста и общественнаго дѣятеля, заслужившаго себѣ безспорное уваженіе со стороны рабочихъ, такъ и со стороны принимателей, Руперта Кетле. Въ 1875 г. онъ долженъ былъ разсмотрѣть требованіе предпринимателей о пониженіи заработной платы, въ виду пониженія цѣнъ на уголь и другихъ неблагопріятныхъ для предпринимателей условій. Кетле пришелъ къ заключенію, что владѣльцы копей сами виноваты въ тѣхъ стѣсненіяхъ, которыя они стали испытывать, ибо за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, увлекшись безпримѣрнымъ повышеніемъ цѣнъ, они сами предприняли чрезмѣрныя и расточительныя расширенія производства. И все таки онъ постановилъ рѣшеніе противъ рабочихъ и въ пользу предпринимателей, причемъ имъ руководила, главнымъ образомъ, старая отвлеченная теорія о «фондѣ заработной платы». Г. Зотовъ считаетъ эту теорію ошибочной, но тѣмъ не менѣе онъ признаетъ, что приговоръ Кетле, въ конечномъ его результатѣ, былъ вполнѣ правиленъ. Это объясняется тѣмъ, что г. Зотовъ, вмѣстѣ со многими другими защитниками «промышленнаго мира» вообще, считаетъ пониженіе заработной платы вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ всякаго пониженія предпринимательской прибыли. Но эта точка зрѣнія во всякомъ случаѣ не можетъ считаться безспорной и обязательной для третейскаго судьи или для камеръ соглашенія. Есть и другая точка зрѣнія, по которой извѣстный уровень заработной платы, поддерживаемый на достаточной высотѣ даже и въ тяжелыя времена, долженъ служить спасительнымъ тормазомъ для предпринимателей въ ихъ безумной погонѣ за рынками. Если бы этотъ взглядъ, выдвинутый, между прочимъ, извѣстнымъ дѣятелемъ Ллойдомъ Джемсомъ передъ третейскимъ судомъ 1879 г. (стр. 325), получилъ преобладаніе въ соглашеніяхъ между рабочими и предпринимателями, то быть можетъ промышленное развитіе получило бы болѣе спокойный характеръ, и рабочимъ не приходилось бы въ періоды кризиса расплачиваться за «чрезмѣрныя и расточительныя расширенія», съ легкимъ сердцемъ затѣваемыя предпринимателями въ періоды промышленнаго оживленія.

Но противоположная точка зрѣнія, раздѣляемая г. Зотовымъ, слишкомъ соблазнительна для рабочихъ, засѣдающихъ вмѣстѣ съ предпринимателями въ камерахъ соглашенія въ третейскихъ судахъ и не имѣющихъ руководящей идеи для защиты интересовъ своихъ товарищей. Что можетъ быть проще такого «принципа»: когда улучшаются условія для предприниматей, слѣдуетъ «соот-

вѣтственно» улучшить положеніе рабочихъ, когда ухудшаются условія для предпринимателей, слѣдуетъ соотвѣтственно понизить и заработную плату. Дѣло только въ томъ, что при этомъ забывается о главной цѣли рабочаго движенія—о постоянномъ поднятіи общаго уровня рабочихъ классовъ, независимо отъ временныхъ приливовъ и отливовъ предпринимательскаго благополучія. Представители рабочихъ низводятъ свою роль до простой регистраціи данныхъ промышленной статистики. Въ этомъ смыслѣ, напр., высказываются извѣстные вожди нортулемберлэндскихъ углекоповъ, Томасъ Бертъ и Ральфъ Юнгъ. Оба они (стр. 415—416), съ одной стороны, признаютъ камеры соглашенія наилучшимъ способомъ разрѣшенія разногласій, а съ другой, считаютъ тѣ же камеры простымъ автоматическимъ орудіемъ, черезъ посредство котораго общія условія промышленности сказываются на условіяхъ труда: нельзя упрекать камеры соглашенія за пониженіе заработной платы, также какъ термометръ нельзя упрекать за палящее солнце... Подобные взгляды уже явно носятъ всѣ признаки буржуазной теоріи невмѣшательства въ капризную игру всевластнаго кумира—рынка и должны быть поставлены на минусъ слишкомъ усерднымъ проповѣдникомъ «промышленнаго мира».

Это вовсе не значитъ, что мы должны закрывать глаза на безспорныя заслуги тѣхъ симпатичныхъ англійскихъ дѣятелей, которые посвятили свои силы тяжелой работѣ въ «камерахъ соглашенія», «соединенныхъ комитетахъ», третейскихъ судахъ и о которыхъ съ такимъ почтительнымъ и глубокимъ уваженіемъ отзывается г. Зотовъ. (Въ книгѣ приложены портреты 4-хъ выдающихся дѣятелей: предпринимателя Давида Дэля и рабочихъ—Эд. Троу, Р. Юнга и Т. Берта). Эти идейные и энергичные люди работали надъ прекрасной задачей искоренять въ предпринимателяхъ презрѣніе къ рабочимъ и въ рабочихъ злобу и подозрительность къ предпринимателямъ. Успѣхи, достигнутые въ этомъ направленіи, представляютъ большой интересъ и, безъ сомнѣнія, доставятъ не мало удовольствія читателямъ книги г. Зотова. Но защитники «промышленнаго» мира забываютъ, что заливая въ человѣческихъ сердцахъ пламя злобы и зависти, должно въ то же время не только не гасить, а всячески раскалять и разжигать святое недовольство несовершенствами окружающей среды и стремленіе къ инымъ болѣе счастливымъ и благороднымъ условіямъ жизни.

Другой причиной, помѣшавшей г. Зотову дать критическую оцѣнку имѣвшемуся у него матеріалу, является самый объемъ этого матеріала. Его работа вовсе не охватываетъ всей крупной промышленности Англіи. Онъ просто соединилъ въ одну книгу три самостоятельныхъ очерка, имѣющихъ общую тему и относящихся къ отдѣльнымъ отраслямъ англійской промышленности. (Эти очерки были помѣщены раньше въ «Русскомъ Богатствѣ» и «Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи»). Первый очеркъ посвященъ желѣзодѣлательной промышленности Сѣверной Англіи, второй, самый большой и подробный, каменноугольной и металлургической промышленности Нортумберлэнда, Дургэма и Кливелэнда и третій—ланкаширской хлопчато-бумажной промышленности. Нигдѣ нѣтъ указаній на роль тѣхъ же мирныхъ способовъ разрѣшенія споровъ въ другихъ отрасляхъ, нигдѣ не говорится о значеніи описываемыхъ явленій для всего рабочаго класса Англіи, для всего рабочаго вопроса.

Отсутствіе надлежащей критической оцѣнки сообщаемыхъ фактовъ не лишаетъ, однако, этихъ фактовъ глубокаго интереса, а ихъ собирателя — права на благодарность со стороны читающей публики. На всемъ протяженіи книги чувствуется рука добросовѣстнаго и внимательнаго изслѣдователя, на котораго можно положиться относительно фактической стороны дѣла. Большую часть своихъ свѣдѣній авторъ черпаетъ изъ первыхъ рукъ, а многое получено имъ путемъ непосредственныхъ личныхъ сношеній съ выдающимися представите-

лями англійскихъ рабочихъ и другими общественными дѣятелями. Всякій, интересующійся рабочимъ вопросомъ, можетъ найти въ книгѣ г. Зотова массу цѣннаго матеріала и полезныхъ указаній. **А. Рыкачевъ.**

Эдуардъ Бернштейнъ. Современное движеніе доходовъ и задача народнаго хозяйства (Ed. Bernstein. «Die heutige Einkommensbewegung und die Aufgabe der Volkswirtschaft.» Berlin. 1902).

Эд. Бернштейнъ. Предпосылки и т. д. (Ed. Bernstein. «Die Voraussetzungen etc. Zehntes Tausend. Stuttgart. 1902). Проблема движенія доходовъ очень занимаетъ Бернштейна. Онъ говоритъ о ней въ текстѣ своей извѣстной книги, повторяетъ сказанное въ заново написанномъ къ послѣднему изданію—10-я тысяча!—этого сочиненія предисловіи и ей же посвящаетъ названную выше брошюру. Нужно согласиться, что проблема, дѣйствительно, очень важна и что для нѣкоторыхъ крупныхъ вопросовъ соціальной политики она имѣетъ чрезвычайно большое значеніе. Тѣмъ печальнѣе видѣть, что Бернштейнъ разрабатываетъ ее, можно сказать, самымъ легкомысленнымъ образомъ. Все сказанное имъ по этому поводу такъ непродуманно, некритично, поверхностно. Читаешь его и досада невольно овладѣваетъ тобой. Съ именемъ этого человѣка связано цѣлое литературное движеніе. Къ каждому слову его прислушивается почти вся читающая публика. И вотъ почему онъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ братьевъ-писателей, нравственно обязанъ взвѣшивать каждое слово свое. Такія же работы, какъ разбираемая, могутъ только дискредитировать въ глазахъ читающей публики въ высшей степени цѣнную и необходимую критику марксистскаго ученія.

Бернштейнъ такъ формулируетъ свою задачу: «Какъ распредѣляется хозяйственный доходъ той или другой экономической группы и какова тенденція этого распредѣленія (9)?» Рядъ соотвѣтствующихъ цифръ относительно Пруссіи, Саксоніи, Бадена и Англіи кажется ему совершенно достаточнымъ, чтобы придти къ заключенію, что «*во всѣхъ* (курсивъ нашъ *Р. О.*) современныхъ государствахъ кругъ богачей расширяется (21)». Другихъ аргументовъ, помимо этихъ цифръ, Бернштейнъ не приводитъ. А, между тѣмъ въ нихъ-то и должна лежать вся сила доказательства. Ему слѣдовало прослѣдить, проанализировать весь хозяйственный процессъ распредѣленія доходовъ и показать чисто аналитическимъ путемъ необходимость такого расширенія. Цифры могли бы тогда служить наглядной иллюстраціей, но не больше. Не сдѣлавъ такого анализа, не догадавшись даже, что онъ совершаетъ этимъ крупную методологическую ошибку, Бернштейнъ естественно долженъ былъ промахнуться. Каутскому не стоило много труда указать эти промахи (NB Наша оцѣнка бернштейновскаго тезиса сложилась раньше, чѣмъ намъ удалось прочесть Каутскаго. Мы были пріятно поражены полнѣйшимъ совпаденіемъ не только результатовъ нашего анализа, но и самого хода его). Относительно Саксоніи цифры говорятъ не то, что утверждаетъ Бернштейнъ. Данныя Пруссіи и Англіи, вѣрныя сами по себѣ, не могутъ идти въ счетъ. Если Пруссія и Англія расширяетъ кругъ имущихъ, то не нужно забывать, что Пруссія, сдѣлавшись средоточіемъ всей *политической* жизни Германіи, естественно стала привлекать къ себѣ массу состояній изъ другихъ союзныхъ странъ. Такимъ образомъ ростъ числа имущихъ совершается здѣсь не *органически*, не благодаря естественному процессу распредѣленія, а часто *механически*, путемъ присоединенія новыхъ состояній. Что касается Англіи, то и здѣсь Бернштейнъ не принялъ въ разсчетъ ту массу капиталовъ, которая притекаетъ къ ней въ видѣ процентовъ изъ другихъ странъ и прибылей изъ ея громадныхъ колоній. Англія не можетъ служить намъ типомъ обыкновеннаго промышленнаго государства, ибо она по преимуществу живетъ торговлей и процентами съ ссужаемаго капитала. Вообще же

Бернштейнъ не долженъ былъ упускать изъ виду того, что *политическія* единицы—не *экономическія,* а въ поставленной проблемѣ рѣчь можетъ идти только о послѣднихъ. *Р. Ольгинъ.*

ФИЛОСОФІЯ.

Вундтъ. «Введеніе въ философію».—*Вундтъ.* Система философіи».—*Рихардъ Авенаріусъ.* «Человѣческое понятіе о мірѣ».

Вундтъ. Введеніе въ философію. Переводъ со 2 го изд. Г. А. Котляра, подъ ред. кн. С. Н. Трубецкого. М 1892 г. На русскомъ языкѣ имѣется уже цѣлый рядъ «Введеній въ философію» (Паульсена, Кюльпе, Іерузалема). О всѣхъ нихъ мы въ свое время давали отчетъ. «Введеніе въ философію» Вундта отъ нихъ совершенно отличается. «Тѣ сочиненія,—по словамъ самого Вундта,—либо выдвигаютъ на первый планъ собственные взгляды автора, либо въ формѣ критическаго освѣщенія разнообразныхъ точекъ зрѣнія знакомятъ преимущественно съ современнымъ состояніемъ философіи. Предлагаемое сочиненіе исключительно избираетъ путь исторической оріентировки. Оно пытается показать, какимъ образомъ возникли какъ сама философія, такъ и философскія проблемы, и такимъ путемъ оно стремится подготовить систематическое изученіе этой науки въ современномъ ея состояніи».

О внутреннихъ достоинствахъ книги Вундта говорить совершенно излишне; переведена она очень хорошо и такъ же хорошо издана. Что касается ея доступности, то слѣдуетъ сказать, что для лицъ, впервые приступающихъ къ изученію философіи, она будетъ трудно понятной. Ее можно рекомендовать тѣмъ, кто, уже будучи нѣсколько знакомъ съ философіей, желаетъ систематизировать свои знанія. У Вундта они найдутъ оригинальныя характеристики различныхъ направленій въ философіи, теоріи познанія и этикѣ.

Вундтъ. Система философіи. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Водена. Спб. 1902 г. Эта книга, по нашему мнѣнію, представляетъ замѣчательное явленіе въ міровой литературѣ, именно она представляетъ собою новѣйшую попытку построенія *идеалистическаго* міровоззрѣнія на почвѣ положительныхъ наукъ. Въ этой книгѣ Вундтъ строитъ систему философіи, въ которой, по его собственнымъ словамъ, метафизика занимаетъ центральное мѣсто. Въ ней обнаруживаются характерныя особенности стиля Вундта: строго выдержанная терминологія, сжатое и нѣсколько сухое изложеніе. Это сочиненіе больше, чѣмъ всѣ остальныя сочиненія Вундта, требуетъ внимательнаго изученія. Вслѣдствіе этого его нужно было бы перевести особенно тщательно. Этого никакъ нельзя сказать относительно перевода г. Водена. Хотя онъ, повидимому, старательно переводитъ книгу, но многихъ трудностей не преодолѣлъ. Во многихъ случаяхъ онъ колебался, не зналъ, какъ ему перевести. Это колебаніе такъ и осталось въ переводѣ. Напр., очень важный терминъ у Вундта Fortschritt г. Воденъ переводитъ всевозможными терминами: «поступательное движеніе», «прогрессъ», «восхожденіе». На всемъ протяженіи книги онъ не даетъ предпочтенія ни одному термину, а пользуется различными. Даже на одной и той страницѣ (напр, 118) Fortschritt онъ переводитъ сначала посредствомъ «поступательное движеніе», а пятью строчками ниже терминомъ «восхожденіе». То же самое и съ терминомъ Regressus; г. Воденъ переводитъ то посредствомъ «регрессъ», то посредствомъ «нисхожденія» и, наконецъ, въ концѣ книги онъ отмѣчаетъ, что въ 15-ти случаяхъ, въ которыхъ употребленъ терминъ «нисхожденіе», слѣдуетъ употреблять «регрессъ». На стр. 243 Uebereinstimmung переводится посредствомъ «согласованія», двумя

строчками ниже это же слово переводится посредствомъ «совпаденіе» (что уже неправильно). На стр. 257 Einheit переводится то посредствомъ «единство», то посредствомъ «единица». На стр. 402—403 Gemeinschaft разъ переводится посредствомъ «совокупность», нѣсколькими строками ниже «общежитіе» вмѣсто «общество». Терминъ das Geschehen, что значитъ «процессъ», переводчикъ безъ всякой надобности переводитъ терминомъ «бываніе» (напр., стр. 368, 377). На стр. 376 Anlagen переводятся «приспособленіе» вм. предрасположенія. На стр. 379 Sinnesvorstellungen вмѣсто «чувственныя представленія» переводитъ «представленія, связанныя съ ощущеніями». На стр. 382 Innigkeit вм. «тѣсноты связи» совершенно некстати посредствомъ «искренность».

Такихъ неточностей въ переводѣ не мало, а онѣ, конечно, будутъ затруднять изученіе и безъ того труднаго сочиненія. *Г. Ч.*

Рихардъ Авенаріусъ. Человѣческое понятіе о мірѣ. Перев. И. Ѳедорова, подъ ред. М. Филиппова. Библіотека «Научнаго Обозрѣнія». Цѣна 75 к. Въ настоящемъ сочиненіи Авенаріусъ ставитъ себѣ задачей отвѣтить на вопросъ: «что есть все?» Причемъ подъ словомъ «все» разумѣется опытъ въ самомъ широкомъ значеніи слова—«опытъ, какъ измѣнчивое содержаніе». Не опредѣляя ближе понятія опыта, Авенаріусъ пытается только очистить это понятіе отъ всякихъ ненужныхъ предположеній. Чтобы отвѣтить на вопросъ: «что есть все?» онъ ищетъ такой формулы, помощью которой можно было бы выразить всю совокупность очищеннаго опыта, или, какъ выражается Авенаріусъ, «все содержаніе преднайденнаго». Такимъ образомъ, задача Авенаріуса заключается въ томъ, чтобы дать «философское міропонятіе въ противоположность естественно-научному».

Стараясь отрѣшиться отъ «случайныхъ и измѣнчивыхъ вліяній жизни и школы», Авенаріусъ такъ характеризуетъ свое собственное «преднайденное»:

«Я со всѣми моими мыслями и чувствами нашелъ себя среди нѣкотораго окружающаго; это окружающее состояло изъ разнообразныхъ составныхъ частей, которыя другъ къ другу находились въ разнообразныхъ отношеніяхъ зависимости. Къ окружающему принадлежали также сочеловѣки съ многоразличными высказываніями, и то, что они говорили, находилось по большей части опять въ нѣкоторомъ отношеніи зависимости къ окружающему. Въ остальномъ сочеловѣки говорили и поступали подобно мнѣ; они отвѣчали на мои вопросы, какъ я на ихъ; они отыскивали различныя составныя части окружающаго или избѣгали ихъ, измѣняли ихъ, или старались сохранить ихъ неизмѣнными; и что они дѣлали или относительно чего бездѣйствовали, обозначали словами и объясняли свои основанія и намѣренія для дѣйствія и бездѣйствія. Все, какъ и я самъ: такъ что я не иначе думалъ, какъ только, что сочеловѣки такія же существа, какъ я, а я — такое же существо, какъ они.» («Челов. пон. о мірѣ» стр. 9).

Такое содержаніе преднайденнаго Авенаріусъ называетъ естественнымъ міропонятіемъ и, анализируя его ближе, находитъ въ немъ два неравноцѣнныя значенія: 1) опытъ собственно и 2) гипотезу. «Опытъ—преднайденное—включаетъ меня самого и окружающее съ его составными частями, къ которымъ относятся также сочеловѣки и относящіяся сюда зависимости». «Гипотеза заключается въ томъ толкованіи, которое я придаю движеніямъ сочеловѣковъ, (включая сюда движенія органовъ рѣчи и производимые этими послѣдними звуки и шумы), въ томъ смыслѣ, что они — высказыванія, именно, что они относятся, въ свою очередь, къ тонамъ и шумамъ или къ какому-либо вкусу, или желанію точно такимъ же образомъ, какъ это имѣетъ мѣсто при моихъ словахъ и поступкахъ» («Чел. пон. о мірѣ», стр. 10).

Всѣ міропонятія, заключая въ себѣ естественное міропонятіе, отклоняются

отъ него въ большей или меньшей мѣрѣ. Что же побуждаетъ къ измѣненію естественнаго міропонятія? Побуждаетъ къ тому, по мнѣнію Авенаріуса, неправильное толкованіе гипотетической его части, толкованіе, приводящее къ *интроекціи*. Подъ интроекціей Авенаріусъ понимаетъ такое толкованіе движеній другого человѣка, при которомъ мы какъ бы вкладываемъ въ него, интроецируемъ носителя его представленій, чувствъ и воли и говоримъ, что другой человѣкъ обладаетъ внѣшнимъ міромъ, который онъ воспринимаетъ, и внутреннимъ, состоящимъ изъ его воспріятій, опытовъ, познаній. Перенося это воззрѣніе на самихъ себя, мы приходимъ къ убѣжденію, что и сами обладаемъ міромъ внѣшнимъ, который воспринимаемъ, и міромъ внутреннимъ, состоящимъ изъ воспріятій, впечатлѣній и т. п. Понятіе интроекціи совершенно ново. Въ «Человѣческомъ міропонятіи» оно занимаетъ центральное положеніе. Интроекція есть, по мнѣнію Авенаріуса, тотъ посторонній элементъ, благодаря которому естественное міропонятіе претерпѣло измѣненіе. «Вслѣдствіе интроекціи естественное единство эмпирическаго міра раздѣлилось на двое: на внѣшній міръ и на внутренній, на субъектъ и на объектъ».

Толковать движенія другихъ людей при помощи интроекціи, по мнѣнію Авенаріуса, неправильно. Нѣтъ необходимости утверждать, что другіе люди и я самъ *обладаю* представленіями, мыслями и т. п. Если проанализировать содержаніе опыта, то окажется, что «я» и «окружающее» даны оба одинаково непосредственно. Въ содержаніи опыта мы находимъ не только окружающее, но также и «я». Такъ что не «я» преднаходитъ дерево, но «я» и «дерево» совершенно равноцѣнны другъ другу и оба составляютъ содержаніе одного и того же преднайденнаго. Опытъ всегда обхватываетъ какъ «я», такъ и окружающее; «я» дается въ опытѣ всегда, какъ окруженное, «дерево»—какъ противолежащее «я». Хотя «я» и «окружающее» испытываются всегда, какъ противоположные и различные, но *не* различнымъ образомъ и *не* раздѣльно. Когда говорятъ: я испытываю дерево, то это значитъ: мой единый опытъ состоитъ изъ одного, болѣе богатаго, комплекта элементовъ «я» и другого, менѣе богатаго, «дерево».

Это соотношеніе и равноцѣнность обоихъ значеній опыта: «я» и «окружающаго», Авенаріусъ называетъ *эмпиріокритической принципіальной координаціей*. Въ ней человѣческій индивидуумъ составляетъ центральный членъ, окружающее—членъ противоположный.

Вмѣсто интроекціи Авенаріусъ предлагаетъ понятіе принципіальной координаціи. Такъ что высказыванія другого индивидуума слѣдуетъ толковать только въ томъ смыслѣ, что—составная часть окружающаго—сочеловѣкъ есть центральный членъ такой же эмпиріокритической принципіальной координаціи, къ какой принадлежитъ обозначенное черезъ «я», какъ центральный членъ, и обозначенное черезъ «сочеловѣкъ», какъ членъ противоположный.

Устраненіе интроекціи даетъ возможность принять естественное міропонятіе и въ немъ искать отвѣта на міровую загадку: что есть все? На этотъ вопросъ, поставленный въ началѣ сочиненія, Авенаріусъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: все есть преднайденное, вещи и мысли, между собой сравнимыя и принадлежащія къ одной принципіальной координаціи.

Переводъ г. Ѳедорова подъ редакціей г. Филиппова оставляетъ желать очень многаго. Не говоря уже о томъ, что вся книга переведена весьма тяжелымъ и неуклюжимъ языкомъ, переводъ полонъ непростительныхъ неточностей и грубыхъ искаженій. Такъ, на стр. X Авенаріусъ говоритъ: «Zum Zweifel an der Richtigkeit meines bisherigen Weges brachte mich die Unfruchtbarkeit des theoretischen Idealismus auf dem Gebiete der Psychologie», что въ переводѣ значитъ: «Къ сомнѣнію въ правильности того пути, по которому я до сихъ поръ

шелъ, привела меня безплодность теоретическаго идеализма въ области психологіи», г. Ѳ. переводитъ такъ: «Сомнѣніе въ правильности моего прежняго пути привело меня къ признанію безплодности теоретическаго идеализма въ области психологіи» (стр. 4), т.-е. г. Ѳ. совершенно извратилъ смыслъ фразы Авенаріуса. Второй абзацъ 10 го §: «Die Erfahrung —das Vorgefundene—umspannt mich selbst und meine Umgebung mit ihren Bestandteilen (zu denen auch die Mitmenschen zählen)» etc., въ переводѣ г. Ѳ. гласитъ слѣдующее: «Опытъ — наличное—опутываетъ меня самого и мою среду своими составными частями (къ которымъ причисляются также мои ближніе, т.-е. люди)», вмѣсто: «Опытъ — преднайденное—обхватываетъ (включаетъ) меня самого и мое окружающее съ его составными частями» и т. д. Въ § 25 (2-я строка) переводчикъ говоритъ: «R является не только условіемъ и т. д.», вмѣсто того, чтобы сказать: «Не только R является условіемъ» и т. д. На стр. 67 wahrhaft переведено словомъ *вѣроятный*, между тѣмъ, какъ оно означаетъ: *дѣйствительный, истинный*. Въ § 85 въ нѣмецкій текстъ вкралась опечатка, оговоренная въ концѣ оглавленія: вм. das Geschehene слѣдуетъ читать das Geschehen; переводчикъ очевидно, съ опечатками не справлялся, и поэтому das Geschehen—*бываніе* превратилось у него въ *происшедшее*.

Весьма странно передаетъ г. Ѳ. терминологію Авенаріуса. Такъ, напр., Mitmensch переводится имъ нѣсколькими различными терминами: *другой человѣкъ* (стр. 9), *мой ближній* (стр. 12 § 13), *человѣкъ* (§ 24). Въ такомъ же положеніи очутился и терминъ Wert, такъ часто употребляемый Авенаріусомъ. На стр. 10 г. Филипповъ въ примѣчаніи говоритъ: «Слово Wert означаетъ цѣнность, величину, значеніе. Мы избрали первый переводъ, какъ буквальный». Несмотря на такое заявленіе, Wert переводится г. Ѳедоровымъ различно; такъ: (стр. 16 § 25) *цѣнностей E*, (стр. 17) *величинъ E*, нѣсколькими строками ниже опять *цѣнность*, а въ § 163 R-Wert переведено даже *высказываемое* R (!!). Das Vorgefundene (vorfinden, vorfindbar), очень легко и точно передаваемое словомъ: *преднайденное, предънаходимое*, г. Ѳ. переводитъ тоже цѣлымъ рядомъ придуманныхъ имъ терминовъ, вовсе не передающихъ смысла подлинника. Такъ: (стр. 7) *наличное*, (§ 45) *нѣчто непосредственное, находимое* (vorfindbar), въ одномъ и томъ же § 150 то—*находимое въ наличности*, то—*заставаемое*. Едва ли Авенаріусъ, придававшій столь важное значеніе своей терминологіи, одобрилъ-бы такое безцеремонное къ ней отношеніе. Г. Ѳедорову слѣдовало, ранѣе чѣмъ браться за переводъ «Der menschliche Weltbegriff», познакомиться съ переводомъ «Введенія въ критику чистаго опыта Авенаріуса» Карстаньена (переводъ г. Лесевича. Спб. 1899), гдѣ сдѣлана весьма удачная попытка передачи на русскій языкъ своеобразной терминологіи Авенаріуса

Переводъ пестритъ также массой ничѣмъ необъяснимыхъ пропусковъ. Такъ, на стр. 56-й (2-я строка сверху), послѣ слова: «словомъ», пропущено: «эту присущую всякому опыту координацію, въ которой»; въ § 155-мъ (послѣдняя строка) послѣ: «напр.», пропущено: «T и R противоположные члены принципіальной координаціи, центральнымъ членамъ»; на стр. 58-й (3-я строка сверху) пропущено сказуемое: «можетъ быть», благодаря чему получается полная безсмыслица; такая же безсмыслица получилась благодаря пропуску на стр. 64 (2-я строка сверху). Въ § 177-мъ пропущено даже цѣлыхъ тринадцать строкъ (!?), начинающихся такъ: «Und sofern es richtig ist и т. д.».

Не знаю, чьей небрежности приписать, переводчика-ли, редактора или корректора, что одни слова замѣнены другими; такъ, напр., на стр. 5 стоитъ: *философскаго* изслѣдованія, вмѣсто *научнаго* изслѣдованія; на стр. 15—*критически* вм. *теоретически*; на стр. 19—*скелетъ C*, вм. *системъ C*; въ

§ 104 *раздѣлились* вм. *распредѣлились*; на стр. 62 *логически* вм. *біологически*. Въ §§ 170 и 174 «а» и «*а*» идіосиндема поставлены одно на мѣсто другого; то-же самое и по отношенію G и Г въ § 187. Благодаря массѣ подобныхъ искаженій, нѣтъ никакой возможности понять смыслъ многихъ мѣстъ перевода.

Спрашивается теперь отвѣчаетъ ли настоящій переводъ г. Θедорова подъ редакціей г. Филиппова той цѣли, какой долженъ отвѣчать всякій вообще переводъ: дать возможность читателю, незнакомому съ языкомъ подлинника, познакомиться съ идеями переведеннаго сочиненія? Полагаемъ, что нѣтъ.

А. Шиманскій.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

П. Маевскій. «Флора средней Россіи».—*Гексли и Мартинъ.* «Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ».

П. Маевскій. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію среднерусскихъ сѣменныхъ и сосудистыхъ споровыхъ растеній. Изд. 3-е исправ. и дополн. Б. А. Федченко. Изд. Сабашниковыхъ. 1902 г. М. Ц. 3 р. 50 к. Выдержать три изданія для русскаго, научнаго характера, труда это заслуга не малая и достаточная гарантія цѣнности произведенія. Въ силу этого, мы не станемъ распространяться о достоинствахъ «Флоры средней Россіи», упомянемъ только, что нынѣшній редакторъ ея увеличилъ число рисунковъ на 67 (до 221), ввелъ около 70 новыхъ видовъ (одно новое семейство) и пополнилъ мѣстонахожденія сообразно съ появившимися въ промежутокъ отъ 1895 по 1902 годъ работами по ботанической географіи. Насколько мы могли замѣтить, въ перечнѣ литературы пропущена только небольшая замѣточка В. Таліева о вновь найденныхъ видахъ для Уфимской губ., напечатанная въ «Трудахъ Юрьевскаго ботаническаго сада» въ концѣ 1901 или въ началѣ 1902 года. Къ числу недостатковъ «Флоры» Маевскаго надо отнести слишкомъ растянутую таблицу для опредѣленія семействъ (52 стр.); а отчасти и родовъ. Начинающій легко можетъ потеряться въ массѣ подробностей, среди которыхъ фигурируютъ нерѣдко такіе признаки: «рыльце 2-хъ-раздѣльное *или* *) цѣльное» (стр. 9); «плодъ большею частью стручокъ или стручечекъ... *рѣже* плодъ распадающійся на односѣмянные членики *или* онъ въ видѣ односѣмяннаго не раскрывающагося орѣшка» (ibidem); «травы съ цвѣтами, расположенными по большей части по 2 на цвѣтоножкахъ *или* по нѣскольку въ большомъ зонтикѣ, *рѣже* съ одиночными цвѣтами». (ibidem) и т. д. Примѣровъ такихъ «или-или» можно привести весьма много. Всѣ эти колеблющіяся подробности только сбиваютъ и путаютъ начинающаго, который обыкновенно вначалѣ, мало довѣряя своимъ познаніямъ, просматриваетъ обѣ вѣтки дихотомической таблицы. Задача дихотомическихъ таблицъ—какъ можно быстрѣе и безъ затрудненій привести къ опредѣленію даннаго вида. Въ силу этого не послѣднимъ ея достоинствомъ будетъ краткость (напр., Шмальгаузенъ. «Флора средней и южной Россіи, Крыма и сѣвернаго Кавказа»). Достиженіе же цѣли, поставленной (см. «Предисловіе» къ 1-му изд.) авторомъ, ознакомленія съ подробными діагнозами, едва ли достигается такой постановкой дѣла: начинающаго она только запутываетъ, а такъ называемый «ботаникъ-любитель», нѣсколько уже знакомый съ система-

---

*) Курсивъ всюду мой.

тикой, не станетъ заглядывать въ таблицу для опредѣленія семействъ, прямо переходя къ опредѣленію рода или вида. Для подобныхъ задачъ предназначены курсы систематики растеній.

Какъ на другой недостатокъ, можно указать на запутанность нѣкоторыхъ напримѣръ, родовъ Epipactis, Erycimum, Potentilla, Veronica, Orobanche, Vincetoxicum и сем. Labioxae и Cruciferae. Было бы желательно видѣть ихъ въ слѣдующемъ изданіи исправленными. Напрасно также редакторъ не снабдилъ большимъ числомъ рисунковъ сем. Umbellifera и роды Salix и Carex, хотя бы даже въ ущербъ другимъ семействамъ. Рисунки для представителей даннаго сем. и родовъ даютъ гораздо большее представленіе, чѣмъ самыя обширныя и точныя описанія. Вообще-же рисунки исполнены очень недурно; какъ на нѣсколько неудачные можно указать на изображающіе Hepatica triloba, Anthyllis Vulneraria и Chrysosplenium alternifolium.

Невысокая сравнительно цѣна (3 р. 50 к. за почти 700 стр.), мы надѣемся, дастъ широкое распространеніе этой полезной книжкѣ. *Г. Ш.*

Т. Гёксли и Г. Мартинъ. Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Перев. И. А Петровскаго, П. П. Сушкина и Н. К. Кольцова (т. XVII «Библіотеки для самообразованія»). Москва. 1902 г. Цѣна 3 р. 50 к. Въ настоящее время является уже общепризнаннымъ, что ознакомиться съ методами и содержаніемъ естественныхъ наукъ по однимъ лишь книгамъ совершенно невозможно,—необходимо научиться самому читать ту великую книгу природы, которая всегда передъ нами, но листы которой ничего не говорятъ незнакомому съ методами естественно-научнаго изслѣдованія! Наблюденіе и опытъ—вотъ два основные метода современнаго естествознанія, и усвоить ихъ можно, лишь примѣняя ихъ на дѣлѣ, при практическихъ упражненіяхъ надъ объектами живой или мертвой природы. Само собою разумѣется, что и скорѣе и вѣрнѣе всего усвояются пріемы естественноисторическаго изслѣдованія при работѣ въ лабораторіи, подъ руководствомъ и наблюденіемъ опытнаго руководителя,—однако, далеко не всѣ интересующіеся природой имѣютъ возможность пройти такую школу: многимъ приходится ознакомляться съ практикой естественно-историческаго изслѣдованія самоучкой и притомъ нерѣдко идти ощупью, тратить массу времени безъ пользы! Вотъ для такихъ-то лицъ особенно цѣннымъ и незамѣнимымъ руководителемъ является книга Гёксли и Мартина, вышедшая теперь на русскомъ языкѣ уже вторымъ изданіемъ,—имъ мы можемъ горячо рекомендовать ее!

Авторы берутъ въ ней всего лишь 16 представителей животнаго и растительнаго царства, но разсматриваютъ ихъ съ такою исчерпывающею подробностью, что занимающійся, слѣдующій ихъ указаніямъ и продѣлавшій рекомендуемый ими практическій курсъ ботаники и зоологіи, получаетъ не только очень полный запасъ свѣдѣній о главныхъ чертахъ организаціи важнѣйшихъ группъ растительнаго и животнаго царства, но и ознакомляется въ совершенствѣ со всѣми наиболѣе существенными методами изслѣдованія. Особенно много мѣста удѣлено авторами съ полной основательностью анатоміи лягушки, какъ классическаго объекта для знакомства съ организаціей позвоночныхъ, къ тому же объекта, такъ сказать, общедоступнаго и очень удобнаго съ практической стороны. Изложеніе книги, встрѣтившей у насъ въ своемъ 1-омъ изданіи очень сочувственный пріемъ и пользующейся почетною извѣстностью и на Западѣ, чрезвычайно ясно и систематично, полная научность свѣдѣній гарантируется именемъ проф. Томаса Гёксли.

Второе изданіе отличается отъ перваго многими существенными измѣненіями и дополненіями. Прежде всего измѣненъ порядокъ изложенія — именно, въ первомъ изданіи авторы начинали курсъ съ разсмотрѣнія низшихъ формъ

животнаго и растительнаго царства, теперь же они находятъ болѣе выгоднымъ въ педагогическомъ отношеніи начинать съ позвоночныхъ и уже послѣ основательнаго ознакомленія съ высшими формами переходить къ низшимъ, — порядокъ, который имѣетъ многое за себя! Кромѣ того, увеличено на 3 число разсматриваемыхъ представителей и внесены всѣ измѣненія, вызванныя прогрессомъ науки за время, истекшее съ выхода перваго изданія.

Переводъ со второго англійскаго изданія сдѣланъ вновь и выполненъ очень добросовѣстно, крупныхъ погрѣшностей нами не замѣчено. Переводчики внесли и нѣкоторыя измѣненія соотвѣтственно съ условіями русской природы, къ сожалѣнію, не вездѣ: такъ, на стр. 343 предлагается достать «личинокъ омара», что у насъ, конечно, невыполнимо, это мѣсто подлинника вполнѣ могло бы быть выпущено. Нѣкоторые недосмотры замѣчены нами также въ приложеніи, гдѣ излагаются общія указанія относительно микроскопической техники, такъ въ рецептѣ борнаго кармина (стр. 744) не указано, что смѣсь должно кипятить, между тѣмъ иначе она не растворится, не указано также, какъ и чѣмъ должно отмывать краску. Всѣ такіе промахи очень нежелательны, такъ какъ книга предназначается прежде всего для лицъ, не имѣющихъ руководителя.

Внѣшность книги, какъ и всей серіи «Библіотеки для самообразованія» московской коммиссіи по организаціи домашнихъ чтеній, вполнѣ хороша, печать, бумага и рисунки не оставляютъ желать ничего лучшаго и по объему книги (762 стр.) цѣну нельзя признать высокой. *П. Ю. Шмидтъ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(отъ 15-го сентября по 15-ое октября 1902 г.).

Гарузѣевъ. Въ землѣ и подъ землей. Изд. Луковникова. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

К. Фламаріонъ Популярная астрономія. Прилож. къ журналу «Самообразованіе». Спб. 1902.

Князева. Природа, ч. I и II. Изд. Курнина. Мск. 1902 г. Ц. 40 к.

Князева. Природа. Первыя понятія о физич. явленіяхъ. Изд. то же. Ц. 30 к.

Онацкій. Учебникъ географіи. Изд. Тихомірова. Мск. Ц. 50 к.

Роайе. Исторія неба. Изд. Луковникова. Спб. Ц. 65 к.

Шекспиръ. Собраніе сочиненій. Изд. Маркса. Спб. 8 том. Пер. Соколовскаго. Ц. кажд. тома 1 р. 25 к.

Шекспиръ. Собраніе сочиненій. Т. I. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Б—ка великихъ писателей. 1902 г.

Эм. Зола. Трудъ. Перев. и изд. О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 50 к.

Авсѣенко. Люди и жизнь. Изд. Суворина. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Эл. Ожешко. Аргонавты. Собр. сочин. Т. VIII. Изд. Фукса. Кіевъ. Ц. за всѣ 12 т. 5 р.

Ея же. Два полюса. Тоже. Т. IX.

Л. Урванцовъ. Ночь и друг. разск. Изд. т-ва «Трудъ». Спб. Ц. 1 р.

П. Засодимскій. Въ зимнія сумерки. Изд. Курнина. Мск.

Жюль Ренаръ. Рыжикъ. Изд. Головкиной. Харьк. Ц. 40 к.

Висковскій. Разсказы. Одесса. 1902 г. Ц. 60 к.

Милліонъ терзаній. 2 т. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. за кажд. томъ.

Арсеньева. Разсказы изъ русск. исторіи. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Емельяновъ-Коханскій. Почти обо всемъ. Мск. 1903 г. Ц. 1 р.

Сельма Лагерлефъ. Чудеса антихриста. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 20 к.

Ив. Рукавишниковъ. Стихотворенія. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 80 к.

В. Вересаевъ. Разсказы. Т. II. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Сборникъ стихотвореній на евр. мотивы. Спб. Ц. 15 к.

В. Рышковъ. Разсказы. Изд. Картавова. Спб. Ц. 75 к.

А. Роботковъ. Мечты и думы. Мск. 1902 г. Ц. 50 к.

А. Крымскій. Пальмове Гылля. Кіевъ. 1902 г. Ц. 50 к.

Марко Вовчокъ. Народни оповиданія. Т. I и II. Кіевъ 1902 г. Ц. 50 к. кажд. тома.

Л. Косуновичъ. Книга мелодій. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.

К. Головинъ. Театральный цвѣтокъ.

Его же. На вѣсахъ. Полное собр. соч. Т. V. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Предтеченскій. Астрономъ-любитель. Изд. Сойкина. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Морисъ Мюро. Еврейскій умъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Г. Брандесъ. Натурализмъ въ Англіи. Русскіе писатели. Собр. сочин. Т. VI. Изд. Фукса. Кіевъ. 1902 г. Ц. за 12 т. 6 р.

Эрн. Ренанъ. Философскія драмы. Философскія статьи. Собр. сочин. Т. VII. Изд. Фукса. Кіевъ. 1902 г. Ц. за 12 т. 6 р.

Его же. Происхожденіе языка. Что такое нація. Историч. статьи. Т. VIII. Изд. то же.

Трохимовичъ. Афоризмы. Спб. 1902 г. Ц. 40.

В. Зелинскій. Собраніе критич. матеріаловъ для изуч. произвед. И. С. Тургенева. Мск. 1902 г. Ц. 2 р.

Гансъ Файгингеръ. Ницше, какъ философъ. Мск. 1902 г. Ц. 2 р.

Рихардъ Мутеръ. Исторія живописи. Изд. т-ва «Знаніе». Т. II. Ц. 2 р. 50 к.

П. Некрасовъ. Философія и логика науки о масс. проявленіяхъ человѣч. дѣятельности. Изд. матем. о-ва. Мск. 1902 г. Ц. 70 к.

В. Метельскій. Средніе вѣка. Сист. курсъ всеобщ. исторіи. Одесса. 1902 г. Ц. 1 р.

Злобинъ. Сборникъ гимновъ и пѣсенъ на 2, 3 и 4 голоса. Кіевъ. 1902 г. Ц. 1 р.

Литвиновъ-Фалинскій. Отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ. Спб. 1902 г. Ц. 3 р.

Правосл. богословская энциклопедія. Изд. подъ ред. А. П. Лопухина. Прил. къ журн. «Странникъ» за 1902 г.

В. Пискарскій. Исторія Испаніи и Португаліи. Изд. Брокгауза и Ефрона. Спб. Ц. 1 р.

Мижуевъ. Исторія колоніальной имперіи. Изд. то же. Ц. 1 р.

В. Залѣсскій. Лекціи исторіи философіи права Казан. универс. Ц. 3 р.

Трохимовичъ. Письма о приличіи и стыдливости. Спб. 1902 г. 1 р. 45 к.
В. Штепенко. Пособія для историч. изученія русской словесности въ средне-учебн. завед. Ч. I. Спб. 1902 г. Ц. 65 к.
То же. Ч. II. Ц. 75 к.
То же. Ч. III. Ц. 70 к.
П. Жидъ. Гражданское положеніе женщины. Изд. кн. маг. «Книжное дѣло». Мск. 1902 г. Ц. 2 р.
Н. Зиминъ. Научное изслѣдованіе америк. способа очищ. воды. Мск. 1902 г.
Н. Зиминъ. О порчѣ водопроводн. трубъ обратн. токомъ электр. трамвая. Мск. 1902 г.
П. Адамовъ. Руководство къ веденію сочиненій въ среднихъ и низш. учебн. заведеніяхъ. Изд. Тресвиной. Рига. 1903 г. Ц. 1 р. 75 к.
Раевскій. Методич. указанія по препод. предметовъ. Мск. К. Тихомірова. 1902 г. Ц. 75 к.
Бернаръ-Лазарь. Соціальн. задачи юдаизма и еврейскій народъ. Одс. 1903 г. Ц. 30 к.
К. Тепловъ. Польская вольница. Спб. Изд. Луковникова. Ц. 30 коп.
Ч. Диккенсъ. Оливеръ Твистъ. Въ сокращ. перев. Л. Шелгуновой. Спб. Изд. то же. Ц. 40 к.
И. Ярковскій. Плотность свѣтового эѳира. Брянскъ. 1901 г. Ц. 25 к.
В. Святловскій. Жилищный вопросъ съ экономич. точки зрѣнія. Спб. 1902 г.
М. Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Вып. XXI. Изд. Юргенсона. Мск.
Д-ръ Л. Кюльцъ. Отвѣтъ на исповѣдь врача Вересаева. Мск. 1903 г. Изд. маг. Альшвангъ и Герлахъ.
Н. Исполатовъ. Мысли стараго врача по поводу «Записокъ врача» Вересаева. Новороссійскъ. 1902 г. Ц. 40 к.
Овсянико-Куликовскій. Синтаксисъ русск. языка. Изд. Жуковскаго. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 75 к.
П. Поповъ. Сборникъ ариѳм. задачъ при обученіи глухонѣмыхъ. Спб. Изд. п—ва о глухонѣмыхъ. Ц. 40 к.
Lanceray. Antologie des poétes russes. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
Альмедингенъ. Глина и фарфоръ. Спб. Изд. Луковникова. Ц. 25 к.
А. Ивановъ. Разск. о землѣ и небѣ. Изд. то же. Ц. 15.
Д. Языковъ. М. Н. Загоскинъ. Мск. 1902 г.
Проф. Гравицъ. Гигіена повседневной жизни. Безпл. прилож. къ «Спутнику Здоровья».
Гордонъ. Сіонизмъ и христіане. Спб. 1902 г. Ц. 20 к.
Шляпошниковъ. Всем. еврейскій конгрессъ сіонистовъ въ Базелѣ. Изд. о—ва «Улей». Харьк. Ц. 25 к.
Рѣчь Израиля Зангвилля. Изд. то же. Ц. 3 к.
Рѣчь Макса Нордау. Изд. то же. Ц. 5 к.
Хайкисъ. Будущій герой или юность одного мечтателя. Изд. то же. Ц. 25 к.
М. Буберъ. Еврейское искусство. Изд. то же. Ц. 10 к.
Рѣчь д-ра Герцля. Изд. то же. Ц. 3 к.
Новый организац уставъ. Изд. то же. Ц. 5 к.
Степовынъ. Корыстни звирятка. Изд. благотв. о—ва. Спб. 1902 г. Ц. 3 к.
Его же. Про Гордыну. То же. Ц. 5 к.
Коваленко. Видъ чего вмерла Мелася. Изд. то же. Ц. 3 к.
Гринченко. Оповид. про Ивана Котляренскаго. Изд. то же. Ц. 3 к.
Имшенецкій. Про пошести. Изд. то же. Ц. 3 к.
И. Тобилевичъ. Хозяинъ. Кіевъ. 1902 г. Ц. 10 к.
Г. Задера. Петро Кравецъ. Ростовъ на-Дону. 1901 г. Ц. 10 к.
Чикаленко. Розмова про сельске хозяйство. Изд. благотвор. о—ва. общедоступн. кн. Ц. 5 к.
Вермель. И. И. Левитанъ. Спб. 1902 г.
Трипольскій. М. В. Остроградскій. Празднованіе столѣтія дня его рожденія. Полтава. 1902 г. Ц. 75 к.
Ефременковъ. Замѣтки изъ исторіи славянофильства. Воронежъ. 1902 г.
Ончуковъ. О расколѣ на ниж. Печорѣ. Спб. 1902 г.
Сборникъ статист. свѣдѣній по Моск. губ. Ц. 75 коп.
Текущая сельско хоз. статистика. Олонецк. губ. 1902 г. Вып. V.
Отчетъ благотв. о—ва. Изд. общепол. и дешев. книгъ за 1901 г.
Отчетъ о съѣздѣ учителей и учительницъ народн. учил. Аккерманъ. 1902 г.
Тридцать лѣтъ жизни учебн. отдѣла о—ва распр. технич. знаній. Ц. 1 р.
Отчетъ о дѣятельности харьк. коммиссіи по устройству нар. чтеній за 1901 г.
Отчетъ о дѣятельности поп—ства о глухонѣмыхъ за 1901 г. Спб.
Отчетъ о дѣятельн. комит. по устройству сельск. б—ъ къ за 1900 г. Харьк.
Миропольскій. Лѣствица. Поэма. Изд. «Скорпіонъ». Мск. 1902 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The Boer Fight of Freedom*» *by Michael Davitt. New-York and London* (*Funk and Wagnall's Company*). (*Борьба буровъ за свободу*). Несмотря на то, что авторъ этой книги англичанинъ, въ ней высказывается весьма строгое порицаніе, не только войны, затѣянной Англіей, но и вообще поведенія Англіи въ южно-африканскомъ вопросѣ. Авторъ разсказываетъ исторію войны, ея причины и происхожденіе и доводитъ свой разсказъ до взятія Преторіи. Къ бурамъ авторъ относится въ высшей степени симпатично и расточаетъ имъ похвалы, большею частью, впрочемъ, вполнѣ заслуженныя. Во всякомъ случаѣ его исторія войны, несмотря даже на нѣсколько пристрастное освѣщеніе, заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны читателей и читается съ большимъ интересомъ.

(Manchester Guardian).

«*Der Hypnotismus*» *von D-r L. Loewenfeld. Handbuch der Lehre von der Hypnose und der Suggestion mit besonderer Berücksichtigung ihres Bedeutung für Medizin und Rechtspflege* (*Bergmann*). (*Гипнотизмъ*). Чрезвычайно обстоятельное изслѣдованіе ученія о гипнотизмѣ. Авторъ посвятилъ спеціальное вниманіе нѣкоторымъ вопросамъ, которые у другихъ авторовъ, писавшихъ о гипнотизмѣ, затрогиваются болѣе или менѣе поверхностно, а именно: патологическому гипнозу, массовому внушенію и необычнымъ явленіямъ сомнамбулизма. Авторъ касается въ своемъ изслѣдованіи и такихъ явленій, какъ ясновидѣніе, телепатія и т. д. Онъ не отрицаетъ возможности ихъ и говоритъ, что, быть можетъ, мы тутъ имѣемъ дѣло съ такими же доселѣ неизвѣстными намъ силами, какія недавно были открыты, напримѣръ, въ Рентгеновскихъ лучахъ.

(Franfurt. Zeit).

«*Auf Java und Sumatra*» *von D-r K. Grisenhagen, prof. der Botanik an der Universität München. Streifrüge und Forschungsreisen im Lande der Malaien. Leipzig.* (*Teubner*). (*На Явѣ и Суматрѣ*). Занимательная книга. Авторъ описываетъ свое девятимѣсячное пребываніе на Явѣ и Суматрѣ, куда онъ отправился для ботаническихъ изслѣдованій, и свои экскурсіи внутрь этихъ острововъ.

(Berliner Tageblatt).

«*La Politique comparée de Montesquieu, Rousseau et Voltaire*» *par Emile Faguet* (*Lecène et Oudin*). (*Сравнительная политика Монтескьё, Руссо и Вольтера*). Изслѣдуя политическіе взгляды великихъ французскихъ писателей XVIII-го вѣка политическую эволюцію Франціи, авторъ приходитъ къ заключенію, что во всѣхъ волненіяхъ и сотрясеніяхъ XIX-го вѣка можно прослѣдить однѣ и тѣ же основныя, руководящія идеи, наслѣдованныя имъ отъ прошлаго вѣка, политическія теоріи, вдохновлявшія часто помимо ихъ вѣдома, всѣ партіи, получили свое начало въ тѣ времена, когда наступила усиленная реакція противъ религіознаго ига и стремленіе къ свободѣ совѣсти; тогда же народилась и соціологія. Вольтеръ, Монтескь и Руссо олицетворяютъ въ себѣ три направленія, и до сихъ поръ управляющія Франціей, и во всѣхъ политическихъ манифестахъ, которые покрываютъ и будутъ покрывать стѣны французскихъ домовъ въ теченіе еще многихъ лѣтъ, постоянно можно будетъ находить перефразировку того, что говорили названные три писателя. Конечно, и XIX вѣкъ придумалъ новыя идеи, но онъ не имѣлъ времени провѣрить ихъ на опытѣ и подвергнуть болѣе глубокому изслѣдованію. Эта задача предоставляется XX-му вѣку, который наслѣдуетъ его идеи, подобно тому, какъ наслѣдовалъ XIX-ый вѣкъ идеи предшествовавшаго столѣтія.

(Journal des Débats).

«*Le Monde Slave*», *études politiques et littéraires, par Louis Léges membre de l'Institut. — 2-ème série* (*Hachette*). *3 fr. 50.* (*Славянскій міръ*). Эта вторая серія очерковъ и лекцій о славянскомъ мірѣ представляетъ такой же выдающійся интересъ, какъ и первая. Въ ней заключаются, между прочимъ, слѣдующіе очерки: «Исторія Польши». «Мицкевичъ въ Швейцаріи».— «Происхожденіе Россіи».—«Славянскія рукописи» и т. д.

(Journal des Débats).

«*Die Verbreitung der Thierwelt*», *von D-r W. Kobelt. Mit 12 Tafeln in Farbendruck und Autotypie, vielen Abbildungen im Text. Leipzig* (*Touchnitz*). (*Распространеніе животнаго міра*). Вышло пять выпусковъ этого прекраснаго изданія, представляющаго родъ географіи животнаго міра. Но авторъ не ограничивается только современною эпохой, а изслѣдуетъ распространеніе животныхъ въ прежніе періоды существованія земли. Онъ стремится доказать, что нынѣшній животный міръ не составляетъ продукта одной опредѣленной эволюціи, а образовался путемъ цѣлаго ряда различныхъ эволюцій въ различныя геологическія эпохи. Изданіе очень хорошо иллюстрировано.

(Francfurt Zeit).

«The Theory of Prosperity». by prof. S. N. Patten. London (Macmillan and C⁰) 5 s. (Теорія благосостоянія). Авторъ принадлежитъ къ числу весьма оригинальныхъ мыслителей, отличающихся отъ современныхъ англійскихъ экономистовъ, большею частью поглощенныхъ чисто статистическими изслѣдованіями или разработкою деталей теоріи, основныя положенія которой остаются незыблемыми. Авторъ не раздѣляетъ общераспространеннаго мнѣнія, что великіе основные принципы экономической науки уже установлены разъ навсегда. Онъ ищетъ новыхъ путей, и его разсужденія блестящи и остроумны, хотя, быть можетъ, не всегда съ ними можно согласиться. Во всякомъ случаѣ, заслуга автора заключается въ томъ, что онъ заставляетъ провѣрить тѣ главныя положенія экономической науки, которыя до сихъ поръ считались неприкосновенными. (Daily News).

«Die Stil unserer Kleidung». Eine aesthetische Studie. Von Margarethe Bruns. Mit einer Einleitung von Max Bruns and 24 Abbildungen (Bruns Verlag). (Стиль нашей одежды). Въ послѣднее время очень много писалось и говорилось о нецѣлесообразности и вредѣ современной одежды, въ особенности женской. Авторъ касается въ своей книгѣ эстетической стороны этого дѣла и надѣется такимъ образомъ заставить своихъ читателей, и въ особенности читательницъ, обратить болѣе серьезное вниманіе на этотъ важный вопросъ. (Berliner Tageblatt).

«Au pays des coupeurs de têtes» (A travers Bornes) par Adolphe Combanaire (Plon) Paris (Въ странѣ головорѣзовъ). Очень интересное описаніе путешествія, совершеннаго авторомъ, инженеромъ и изслѣдователемъ, въ странѣ даяковъ, въ Борнео. Авторъ отправился туда съ цѣлью розыскать въ неизслѣдованныхъ еще областяхъ этого острова лѣса каучука, которые могли бы доставлять въ изобиліи необходимый для сооруженія морскихъ кабелей матеріалъ. Странствуя внутри страны, по дѣвственнымъ лѣсамъ Борнео, авторъ вступилъ въ близкія сношенія съ даяками и хорошо изучилъ это любопытное племя. Его путешествіе увѣнчалось успѣхомъ, такъ какъ онъ нашелъ громадные лѣса каучуковыхъ деревьевъ, но ему пришлось испытать многое во время своихъ странствованій, не разъ подвергаться большой опасности и переносить разныя лишенія. Онъ очень живо и занимательно разсказываетъ свои приключенія и свою жизнь среди даяковъ. (Temps)

«The Primrose and Darwinism» by a Field Naturalist. M. A. Camb. (Grand Richards). (Буквица и дарвинизмъ). Въ этой книгѣ заключается критика теоріи Дарвина оплодотворенія цвѣтовъ. Авторъ подвергаетъ ее сомнѣнію на основаніи своихъ личныхъ наблюденій въ полѣ, надъ цвѣтами. (Times).

«Medical Ethics» by Robert Saundby (Wright and C⁰). Bristol (Медицинская этика). Эта небольшая книга можетъ служить хорошимъ руководствомъ въ сложныхъ вопросахъ медицинской этики и всего, что касается профессіональнаго поведенія. Свои положенія авторъ подкрѣпляетъ различными фактами и примѣрами. Многіе изъ выдающихся медицинскихъ дѣятелей, какъ видно изъ приведенныхъ отзывовъ, поддерживаютъ взгляды автора. (Bookseller).

«Spiritism or Telepathy?» Results of Psychical Research. By Minot S. Javage (Спиритизмъ или телепатія). Авторъ собралъ въ этой книгѣ результаты многочисленныхъ психическихъ изслѣдованій, которыя могутъ способствовать разрѣшенію проблемъ, волнующихъ человѣческій умъ. Различные примѣры и факты, которые приводитъ авторъ изъ области телепатіи и спиритизма, представляютъ огромный интересъ. (Bookseller).

«Personal Idealism». Philosophical Essays by Eight Members of the University of Oxford. Edited by Henry Sturt (Macmillan and C⁰). (Личный идеализмъ). Въ восьми очеркахъ, заключающихся въ этой книгѣ, различные авторы вполнѣ свободно излагаютъ свои философскія воззрѣнія и стараются подкрѣпить ихъ остроумными аргументами. (Bookseller).

«The Play of Man» by Karl Groos. Translated by Elizabeth L. Baldivin mith a Preface by S. Mark Baldivin (Heinemann). (Игры человѣка). Этой книгѣ предшествовало въ 1898 г. другое сочиненіе того же самаго автора.—«Игры животныхъ», которое было переведено съ нѣмецкаго тѣмъ же самымъ переводчикомъ. Обѣ книги представляютъ единственный по формѣ и цѣльности трудъ по философіи и психологіи игръ. (Athaeneum).

«Fhoughts on Education» by Mandell Creighton (Longmans and C⁰). (Мысли о воспитаніи). Авторъ высказываетъ такъ много здравыхъ взглядовъ на вопросы воспитанія и при этомъ обнаруживаетъ такое безпристрастное отношеніе къ различнымъ педагогическимъ теоріямъ и экспериментамъ, что книгу его было бы полезно прочесть всѣмъ воспитателямъ и общественнымъ дѣятелямъ. (Athaeneum).

«Travels in Space». A history of Aerial Navigation. By E. Seton Valentine an F. C. Tomlinson. With an Introduction by Sir Hiram Maxim (Hurst and Blackett). (Путешествія въ воздушномъ пространствѣ). Въ высшей степени интересно изложенная исторія воздухоплаванія, отъ древнѣйшей эпохи до послѣдняго времени. Книга очень обильно и хорошо иллюстрирована. (Athaeneum).

«Du choix d'une carrière» par Gabriel Hanotaux (*О выборѣ карьеры*). Молодые люди, говоритъ авторъ, часто откладываютъ до послѣдней минуты выборъ карьеры и рѣшаютъ наугадъ. Между тѣмъ, это рѣшеніе слишкомъ важно и потому оно не должно быть предоставлено случайности. Желая подать дружескіе и практическіе совѣты въ этомъ отношеніи какъ отцамъ семействъ, такъ и молодымъ людямъ, авторъ подвергаетъ подробному обсужденію тѣ карьеры, которыя открываются передъ молодыми людьми, вступающими на жизненное поприще. Онъ разсматриваетъ мотивы, которыми должна руководствоваться молодежь при выборѣ какой-либо профессіи и дѣятельности, дающей исходъ накопившейся у нихъ энергіи. (Revue de Paris).

«L'Occultisme et le Spiritualisme». Exposé des théories philosophiques et des adoptations de l'occultisme. Par G. Encausse (Papus), docteur en médecine de la Faculté de Paris, directions de l'Ecol supérieure libre der sciences hermétiques. (Felix Alcan). 2 fr. 50. (*Оккультизмъ и спиритуализмъ*). Вслѣдствіе тѣхъ затрудненій, которыя испытываютъ позитивисты и матеріалисты, стараясь объяснить нѣкоторыя психологическія явленія составляющія предметъ серьезнаго вниманія въ настоящее время (интуиція, телепатія, пророческіе сны, явленія, «психической» силы и т. д.), многіе изслѣдователи обратились къ древней философіи патріарховъ, гностиковъ алхимиковъ и др. ища у нихъ объясненій явленія спиритизма, гипноза, вліянія свѣтящихся тѣлъ на умъ человѣка и т. п. Эта древняя философія извѣстна теперь подъ именемъ о культизма и съ нею то авторъ знакомитъ читателей въ своей книгѣ, представляющей серьезное критическое изслѣдованіе отношеній между оккультизмомъ и спиритуализмомъ. Авторъ начинаетъ съ изложенія, наиболѣе странныхъ теорій мистики и философіи оккультистовъ и выдвигаетъ тѣ аргументы, которые спиритуализмъ извлекаетъ изъ самыхъ новѣйшихъ научныхъ открытій въ пользу своей теоріи. (Journal des Débats).

«Avant la Gloire». Leurs Débuts. Par Henri d'Alméras. Première série. Paris (Société française d'Imprimerie et de Librairie (*До славы*). Авторъ задался цѣлью изобразить первые шаги современныхъ литературныхъ знаменитостей на литературномъ поприщѣ. Начало всегда бываетъ труднымъ и это подтверждается на литературной карьерѣ еще болѣе, чѣмъ на всякой другой. Каждому изъ писателей, добившихся впослѣдствіи славы, приходилось преодолѣвать немалыя затрудненія въ началѣ своей карьеры и никому изъ нихъ слава не далась легко. Въ своей книгѣ авторъ описываетъ первые литературные шаги 28 французскихъ писателей, начиная съ Гонкура и кончая самыми молодыми—Морисомъ Барресомъ, который родился въ 1862 г. (Journal des Débats).

«Geschichte der biologischen Wissenschaften» von Carus Stern (Verlag Schneider und C°). Berlin (*Исторія біологическихъ наукъ*). Авторъ развертываетъ передъ глазами читателей исторію успѣха біологическихъ наукъ въ XIX вѣкѣ, идей и наблюденій, и резюмируетъ выводы и заключенія, которыя являются прямымъ результатомъ пріобрѣтенныхъ знаній въ области естественныхъ наукъ. Но такъ какъ авторъ не ограничивается только простымъ изложеніемъ, а хочетъ убѣдить своихъ читателей, то многіе мѣста его книги отличаются особенною теплотой и блескомъ изложенія. Авторъ является непримиримымъ противникомъ догматическаго упорства какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни. (Frankfurt. Zeitung).

«Women's Suffrage: a Record of the women's suffrage Movement in the British Isles by Helen Blackburn (Williams and Norgate) 6 s. (*Избирательное право женщинъ*). Авторъ разсказываетъ исторію женскаго избирательнаго движенія въ Англіи, гдѣ это движеніе, за исключеніемъ острова Майна, далеко еще не достигло такихъ результатовъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ книгѣ помѣщены, кромѣ того, біографическіе очерки и портреты женщинъ, много поработавшихъ для расширенія гражданскихъ правъ женщинъ и проповѣдывавшихъ соціальныя и воспитательныя реформы. Въ дополнительной главѣ разсказывается объ успѣхахъ, достигнутыхъ женскимъ избирательнымъ движеніемъ въ нѣкоторыхъ британскихъ колоніяхъ. (Morning Post).

«Les systèmes Socialistes» par Vilfredo Pareto (Giarde et Brière). 1902 (*Соціалистскія системы*). Авторъ, профессоръ лозаннскаго университета, подвергаетъ безпристрастной критикѣ различныя соціалистскія системы и въ своемъ введеніи указываетъ на выдающуюся роль, какую играетъ чувство во взглядахъ людей на организацію общества. Его книга изобилуетъ историческими примѣрами и отличается силою аргументаціи. (Journal des Débats).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

СОЦІОЛОГІЯ,

ЕЯ ЗАДАЧИ И НОВѢЙШІЕ УСПѢХИ.

А. ЛОРІА.

Переводъ съ нѣмецкаго **Н. А.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

I.

Задачи соціологіи.

Соціологія—наука новаго времени, и теперь она дѣйствительно заслуживаетъ названія *новой науки*, названія, которымъ каждое столѣтіе обозначаетъ вновь нарождающіяся дисциплины, которымъ Вико въ XVIII столѣтіи окрестилъ философію исторіи, а Dupont de Nemours политическую экономію. Но—хотя это и можетъ показаться парадоксальнымъ—я не замедлю добавить, что соціологія, являясь наиболѣе новой изъ соціальныхъ наукъ, въ то же время и самая старая. Но какъ же это возможно? Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и непонятнаго для того, кто глубже вдумывался въ исторію развитія человѣческаго мышленія. Здѣсь проявлялась въ дѣйствительности очень простая, въ то же время основная истина: человѣкъ отъ природы склоненъ къ энциклопедизму и обобщеніямъ и только долгій процессъ вызываетъ въ немъ способность къ анализу и спеціализаціи. Природа создаетъ энциклопедистовъ и только образованіе спеціалистовъ. А. Дюма, съ свойственной ему тонкой проницательностью, сказалъ, что спеціалистъ—кретинъ современнаго образованія; подъ этой немного грубоватой фразой скрывается неопровержимая истина, что человѣкъ со своимъ разумомъ выходитъ изъ рукъ природы цѣльнымъ и только медленная работа исторіи образуетъ маленькій отрывочный умъ цивилизованнаго человѣка. Первыя попытки мышленія на различнѣйшихъ поляхъ изслѣдованія носятъ, поэтому, не частный, отрывочный, а общій характеръ. Онѣ разсматриваютъ не только какую-либо *одну* сторону явленія, не только какое-либо *одно* явленіе, а совокупность явленій, представляющихся наблюдателю. Только на позднѣйшихъ стадіяхъ развитія становятся замѣтными поверхностность и недостаточность знаній, которыхъ не можетъ избѣжать первоначальный убогій энциклопедизмъ, и вслѣдствіе этого начинается терпѣливая работа спеціалиста, который изъ массы вначалѣ изучаемыхъ явленій только *одно* вовлекаетъ въ сферу своего изслѣдованія, чтобы подвергнуть его прилежному многостороннему разсмотрѣнію. Такимъ образомъ, мысль, теряя въ объемѣ, пріобрѣтаетъ въ глубинѣ и достигаетъ того, что побѣдоносно прони-

каетъ въ сущность разсматриваемаго явленія. Потомъ тотъ же самый процессъ изслѣдованія повторяется на другомъ явленіи, затѣмъ на третьемъ и т. д., и такимъ образомъ природа и теченіе каждаго явленія опредѣляется съ достаточной точностью. Но когда всѣ отдѣльныя явленія основательно изслѣдованы въ ихъ изолированномъ видѣ, тогда становится возможнымъ перейти къ изученію *всей совокупности* тѣхъ же самыхъ явленій; тогда можно отъ дифференціаціи, продолжающейся въ теченіе столѣтій, перейти къ интеграціи; тогда, наконецъ, можно и должно возстановить первоначальный энциклопедизмъ, который, однако, является уже теперь не такимъ поверхностнымъ и невѣжественнымъ, какъ прежде, а методически, научно обоснованнымъ на результатахъ положительнаго, экспериментальнаго изслѣдованія.

Это представляетъ величественную параболу, описанную развитіемъ человѣческаго мышленія; это есть биномическій законъ, блестяще раскрывающійся въ этомъ, какъ и всякомъ другомъ проявленіи мысли и жизни. Человѣкъ начинаетъ съ того, что становится энциклопедистомъ и съ гордостью утверждаетъ: homo sum, nihil humani a me alienum esse puto *); затѣмъ онъ спеціализируется, угнетенный поверхностностью и непродуктивностью энциклопедизма, и спеціальной работой уясняетъ постепенно отдѣльные элементы всей совокупности явленій; наконецъ, когда эта работа произведена уже въ достаточномъ размѣрѣ, когда всѣ отдѣльныя стороны дѣйствительности основательно изучены, изслѣдователь переходитъ къ синтезу пріобрѣтеннаго матеріала и возстановляетъ энциклопедизмъ вновь, но уже не тотъ импульсивный, а хорошо обдуманный и научный энциклопедизмъ, опирающійся на помощь отборныхъ методовъ изслѣдованія и ихъ завоеваній въ области спеціальныхъ наукъ. Поэтому только тогда, когда отдѣльныя явленія основательно изучены и сведены къ ихъ послѣднимъ причинамъ, выступаютъ полные свѣта научные синтезы, которые производятъ переворотъ въ человѣческомъ мышленіи даже на отдаленнѣйшихъ областяхъ изслѣдованія; другими словами—великіе синтезы появляются какъ разъ тогда, когда анализъ достигаетъ величайшаго прогресса. И это понятно, потому что оба эти логическихъ процесса тѣснѣйшимъ образомъ связаны другъ съ другомъ; только когда проникаешь въ мельчайшія явленія, удается понять всѣ проявленія цѣлаго и охватить ихъ единой формулой.

Пройденная соціологіей парабола даетъ этому блестящее подтвержденіе. На зарѣ научныхъ изслѣдованій мыслители, занимавшіеся изученіемъ соціальныхъ явленій, изслѣдовали не то или другое отдѣльное явленіе соціальной жизни, какъ, напр., юридическую, политическую или религіозную ея сторону, но захватывали соціальную жизнь во всей ея совокупности, изучая ея природу и законы, другими словами—философы древности, размышлявшіе о явленіяхъ человѣческаго общежитія, были

*) Я человѣкъ и думаю, что ничто человѣческое мнѣ не чуждо.

въ дѣйствительности соціологами и «дѣлали» соціологію такъ же, какъ Журденъ, одинъ изъ персонажей Мольера, «дѣлалъ» прозу, т.-е. не зная ея. Сочиненія Платона и Аристотеля, этихъ двухъ учителей человѣческаго рода, называются «О политикѣ», на самомъ дѣлѣ это—настоящіе трактаты по соціологіи, потому что они захватываютъ разнообразнѣйшія проявленія соціальной жизни; съ одинаковой безпартійностью трактуютъ они о юридическихъ, хозяйственныхъ, моральныхъ, политическихъ и другихъ соціальныхъ явленіяхъ и съ блестящимъ краснорѣчіемъ объясняютъ ихъ взаимныя явленія и ихъ сложныя соотношенія. Конечно, соціологическій синтезъ древности былъ, какъ это легко понять, поверхностенъ, иногда даже дѣтски-наивенъ, вполнѣ соотвѣтствуя той эпохѣ, когда, по выраженію Маколея, философія слова господствовала надъ философіей вещей. Поэтому пытливые мыслители не замедлили признать необходимымъ отъ пустыхъ и безплодныхъ обобщеній перейти къ мелочнымъ и терпѣливымъ изслѣдованіямъ отдѣльныхъ соціальныхъ явленій. И уже въ древнемъ Римѣ встрѣчаемъ мы не столько энциклопедистовъ, изучающихъ структуру и законы человѣческаго общества въ его цѣломъ, сколько спеціалистовъ, занятыхъ однимъ изъ соціальныхъ явленій—правомъ. Точно также и средніе вѣка даютъ намъ рядъ спеціалистовъ, которые съ необыкновенною тщательностью изучаютъ то или другое соціальное явленіе; таковы теологи, казуисты и т. д. Такъ медленная работа исторіи вноситъ въ пріятныя и симметрическія формы греческихъ философовъ угловатыя и рахитическія формы римскихъ юристовъ и средневѣковыхъ толкователей. Во время ренессанса, открывшаго собой эпоху абсолютическихъ правительствъ и централизованныхъ государствъ, выступили политики, которые съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ изучали нормы хорошаго управленія, и среди нихъ процвѣтали историки и философы исторіи, занятые изслѣдованіемъ великихъ нормирующихъ законовъ политики. Позднѣе, когда подъ волшебнымъ жезломъ капитала выросли гигантскія фабрики съ ихъ пестрой свитой богатства, бѣдности и голода, возникла политическая экономія, поставившая себѣ задачей изучить законы производства и распредѣленія богатствъ. Съ развитіемъ торговли появилось торговое право; съ увеличеніемъ преступленій, этого ядовитаго продукта современной капиталистической культуры, уголовное право возвысилось до положенія науки. Научному изученію народонаселенія, методической обработкѣ данныхъ о его состояніи и движеніи, обязана своимъ возникновеніемъ статистика и т. д. И такимъ образомъ различнѣйшія стороны общественной жизни постепенно сдѣлались предметомъ серьезнаго методичнаго изученія, такъ что удается проникать въ ея внутреннюю структуру и объяснять ея таинственное развитіе.

Однако, различныя соціальныя науки, которыя, благодаря анализу отдѣльныхъ соціальныхъ явленій, дифференцировались такимъ обра-

зомъ другъ отъ друга, развивались совершенно самостоятельно и въ разныхъ направленіяхъ, ничего иногда не зная одна относительно другой. И во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что скучные учебники отдѣльныхъ дисциплинъ никогда не пропускали обычной главы о взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ соціальныхъ наукъ. Но въ этихъ схоластическихъ упражненіяхъ, служившихъ исключительно для увеселенія готовящихся къ экзамену кандидатовъ, пытались дать лишь самое блѣдное представленіе о той связи, которая существуетъ между различными соціальными явленіями и изучающими ихъ науками. Существуетъ еще такъ называемая философія права, которая претендуетъ по меньшей мѣрѣ на то, чтобы свести юридическія науки къ догматическому единству. Если даже пренебречь отрывочнымъ характеромъ установленнаго такимъ образомъ синтеза, то все же нельзя не признать, что эта доктрина, проявившая тенденцію объединить различныя юридическія науки, была не болѣе, какъ метафизика, которая выводилась изъ произвольно установленныхъ принциповъ и не имѣла рѣшительно никакого понятія объ элементарныхъ требованіяхъ положительнаго метода. Что касается другихъ соціальныхъ наукъ, то онѣ не ощущали даже отдаленнѣйшей потребности въ объединяющемъ синтезѣ и ограничивались тѣмъ, что изображали отдѣльныя соціальныя явленія вдвойнѣ,—въ видѣ голаго ихъ описанія и въ видѣ ихъ философіи. Такимъ образомъ, наряду съ исторіей получилась философія исторіи, наряду со статистикой—философія статистики, рядомъ съ географіей—философія географіи, рядомъ съ политической экономіей—ея философія и т. д.; первыя настолько же отличались шаблонностью и эмпиризмомъ, насколько вторыя пустотой и апріорностью.

Чѣмъ больше, между тѣмъ, прогрессировала спеціальная работа, чѣмъ больше накоплялось фактовъ, тѣмъ настоятельнѣе ощущалась потребность въ принципѣ, который былъ бы въ состояніи объединить различныя области изслѣдованія. Выражаясь другими словами, прогрессъ аналитической работы, дойдя до извѣстнаго пункта, самъ вызывалъ настоятельную необходимость синтеза. Такимъ образомъ должны были вновь отъ отдѣльныхъ дисциплинъ права, морали, политики, статистики подняться къ единой наукѣ объ обществѣ, которая охватывала бы общія проявленія соціальной жизни, словомъ—къ общей наукѣ соціологіи. Такимъ образомъ синтетическая наука Платона и Аристотеля возродилась вновь, но какъ не похожа она на прежнюю! И дѣйствительно, это уже не разукрашенная риторикой и фразами, окоченѣвшая наука, преподносимая намъ древностью, а наука, основанная на фактахъ и цифрахъ, вооруженная всѣми вспомогательными средствами наблюденія и подсчета, обогащенная безконечнымъ множествомъ положительныхъ данныхъ, которыя добыты отдѣльными науками въ теченіе ихъ многовѣковаго развитія.

И единство, которое ожидаютъ отъ этой науки, уже не такъ аб-

страктно и метафизично, какъ то, которое стремилась дать античная философія, а конкретно и положительно. Оно не спускается съ высоты внизъ, а подымается изъ глубины вверхъ. Оно не выводится произвольно изъ какой-либо идеи, а старательно доказывается фактами. Дѣло идетъ, стало быть, въ дѣйствительности не о томъ, чтобы разнообразныя проявленія соціальной жизни формулировать въ единомъ, вѣчномъ и сверхчувственномъ принципѣ, а чтобы открыть тѣ общіе источники, которые даютъ начало соціальнымъ явленіямъ, обнаружить тѣ простыя и первоначальныя общія явленія, только дальнѣйшимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ которыхъ представляются различные соціальныя факты; свести, наконецъ, всѣ эти факты къ единой, общей подчиняющей мысли. Обнаружить процессъ, посредствомъ котораго вырастаютъ отдѣльныя соціальныя явленія; вскрыть единство, существующее между ними на основаніи ихъ сродства или первоначальнаго тожества; вывести, наконецъ, изъ структуры и превращеній соціальныхъ клѣтокъ структуру и видоизмѣненія являющагося ихъ продуктомъ соціальнаго организма—все это составляетъ функцію, образуетъ задачу соціологіи.

Соціологія въ ея современномъ видѣ есть, такимъ образомъ, наука, которая поставила себѣ цѣлью изслѣдовать общее происхожденіе всѣхъ соціальныхъ явленій, изучить статику и динамику общества, условія его жизнедѣятельности, фазы проходимыя имъ въ его развитіи, его характерные признаки, законы послѣдовательности соціальныхъ явленій и ихъ возможнаго развитія. Ея высшая задача, далеко превосходящая, какъ каждый видитъ это, все то, что ставили себѣ до сихъ поръ отдѣльныя соціальныя науки, является, на первый взглядъ, задачей такого рода, которая превышаетъ силы не только одного человѣка, но и силы цѣлаго и даже нѣсколькихъ поколѣній. Окончательное установленіе этой еще нарождающейся теперь науки и будетъ, впрочемъ, дѣломъ не одного человѣка, и даже не одного поколѣнія. Но сколько бы трудностей она ни представляла, какіе бы большіе кадры ученыхъ она ни требовала, она непремѣнно должна разрѣшиться, потому что соотвѣтствуетъ неустранимой потребности нашего времени; потому что она является выраженіемъ болѣзненно ощущаемаго пробѣла въ нашей культурѣ,—и неизбѣжно она выполнится и восторжествуетъ. Конечно, юная наука не нашла еще своего Ньютона и Кеплера. Но ихъ появленіе не заставитъ теперь долго ждать себя, и можно поэтому предсказать, что окончательное установленіе соціологіи составитъ славу XX-го столѣтія, какъ обоснованіе экономической науки было славой XIX-го, а политической науки славой XVIII-го вѣка.

Характеръ, природа и содержаніе новой науки обнаружатся въ блестящемъ свѣтѣ, когда мы разсмотримъ три великія школы, послѣдовательно одна за другой оспаривавшія поле изслѣдованія и придававшія этому послѣднему извѣстное направленіе и отпечатокъ,—интел-

лектуальную школу Огюста Конта, біологическую Герберта Спенсера и экономическую, связываемую обыкновенно съ именемъ Карла Маркса. Но прежде чѣмъ приступить къ ихъ изученію, мы должны разсѣять нѣкоторыя важныя представленія о характерѣ соціологіи, которыя все еще циркулируютъ въ обществѣ.

Утверждаютъ, что соціологія вполнѣ покрывается философіей исторіи и что, вслѣдствіе этого, она или научно излишня, или дѣлаетъ не что иное, какъ то, чѣмъ безплодно занималась уже давно существующая наука. Но это невѣрно. Новая наука отличается отъ философіи исторіи, прежде всего, тѣмъ, что послѣдняя анализируетъ общество въ его движенія, она же изучаетъ коллективныя установленія столько же въ ихъ движеніи, сколько и въ статикѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что съ тѣхъ поръ, какъ фундаментальной догмой, къ которой примыкаютъ глубочайшія изслѣдованія ея послѣдователей, сдѣлался законъ эволюціи, элементамъ динамики соціологія придаетъ большее значеніе, чѣмъ элементамъ статики. Но это не что иное, какъ случайность современнаго состоянія науки или единодушіе писателей, случайно преобладающихъ на полѣ работы, но не составляетъ въ дѣйствительности существенной черты новой науки, положенія которой могутъ быть также примѣняемы къ типическому стаціонарному обществу. Кромѣ того, соціологія отличается отъ философіи исторіи еще тѣмъ, что она касается не исключительно только историческихъ фактовъ, но точно также статистическихъ, юридическихъ, моральныхъ и вообще всѣхъ основныхъ явленій человѣческаго общества. Далѣе, философія исторія стремится ввести въ изслѣдованные ею факты единство, подводя ихъ подъ знамя абстрактнаго, метафизическаго, сверхчувственнаго принципа; между тѣмъ, соціологія никогда не взываетъ къ помощи такого принципа, не содержитъ въ себѣ ничего апріорнаго и произвольнаго, и устанавливаетъ между отдѣльными соціальными явленіями единство, не подчиняя ихъ какой-либо *идеѣ*, а подводя ихъ подъ одинъ или нѣсколько рядовъ осязаемыхъ, добросовѣстно изученныхъ и установленныхъ фактовъ.

Еще менѣе можно согласиться съ утвержденіемъ, что соціологія замѣняетъ старую философію права, являясь, такъ сказать, ея наслѣдницей. Правда, такое мнѣніе находитъ себѣ очень видную поддержку въ томъ, что соціологія опредѣляется иными, какъ ученіе о естественномъ образованіи справедливости или права вообще. Но изученіе естественнаго права составляетъ, по нашему мнѣнію, лишь часть той задачи, которой посвящена соціологія и которая охватываетъ анализъ всѣхъ проявленій общественной жизни.

Поэтому, съ полнымъ правомъ можно и должно сказать, что соціологія равно замѣняетъ и философію права, и философію исторіи, потому что она даетъ все, что обѣщали эти послѣднія и даже больше; то же самое можно сказать относительно философіи географіи, фило-

софіи экономической науки и проч., которыя можно уже считать за побѣжденныя и умирающія дисциплины и положеніе которыхъ, безъ сомнѣнія, должно быть занято новой наукой. Можно, поэтому, въ извѣстномъ смыслѣ утверждать, что соціологія подписала этимъ наукамъ смертный приговоръ, но, быть можетъ, было бы ближе къ истинѣ сказать, что онѣ уже раньше умерли и что соціологія едва успѣла констатировать ихъ смерть.

Не болѣе основателенъ и тотъ, проявляемый со всѣхъ сторонъ страхъ, что соціологія захватитъ области отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ и задушитъ ихъ въ своихъ безчисленныхъ оборотахъ. Въ дѣйствительности уже Контъ обратилъ вниманіе на то, что наряду съ науками, трактующими объ отдѣльныхъ группахъ однородныхъ явленій, есть еще мѣсто такимъ, которыя упорядочиваютъ и систематизируютъ открытія, сдѣланныя учеными различныхъ спеціальностей. Какъ разъ теперь соціологія и имѣетъ своей задачей систематизировать и упорядочить результаты различныхъ соціальныхъ наукъ, сводя ихъ къ одному знаменателю и объясняя ихъ происхожденіе изъ одной общей группы причинъ. Но такое упорядоченіе, очень далекое оттого, чтобы угрожать цѣльности и самостоятельности частныхъ наукъ, занимавшихся до сихъ поръ отдѣльными соціальными фактами, предполагаетъ ихъ наличность и строится именно на основаніи пріобрѣтенныхъ ими данныхъ. Нѣтъ ничего, поэтому, ошибочнѣе мнѣнія, которое какъ разъ высказано Контомъ, что политическая экономія должна превратиться въ соціологію, потому что первая относится ко второй, какъ слѣдствіе къ посылкѣ. Несмотря на это, соціологія никогда не будетъ въ состояніи замѣнить или уничтожить политическую экономію. Каждая отдѣльная соціальная наука, несмотря на то, что съ появленіемъ соціологіи постепенно измѣняется, всегда будетъ сохранять свое собственное существованіе и свою собственную не уменьшающуюся сферу дѣятельности.

Болѣе того. Не подавляя отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ, соціологія оживляетъ ихъ, оплодотворяетъ и расширяетъ, создаетъ имъ новую атмосферу и поднимаетъ до высокаго синтеза. Изслѣдуя циркулирующую во всѣхъ соціальныхъ явленіяхъ лимфу, она раскрываетъ тайныя причины, которыя обусловливаютъ непрерывный процессъ развитія и постоянное измѣненіе, а пользуясь результатами отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ, она образуетъ для всѣхъ ихъ необходимое введеніе и неоцѣнимое орудіе изслѣдованія. Подъ магическимъ дыханіемъ новаго соціальнаго синтеза пробуждаются старыя соціальныя науки отъ сна, въ которомъ онѣ окоченѣли, и пріобрѣтаютъ новыя силы. Исторія перестаетъ быть монотонной хроникой военныхъ и династическихъ дѣяній и становится методическимъ изображеніемъ развитія человѣчества. Право отбросило старый формализмъ и вздорныя мудрствованія, въ которыхъ оно заржавѣло, чтобы возвыситься до болѣе глу-

бокаго анализа существующихъ между индивидуумами и классами отношеній. Политическая экономія становится соціальной экономіей; она оживляется отъ соприкосновенія съ плодотворной доктриной развитія и удачно начинаетъ морфологическія изслѣдованія отношеній, существовшихъ между собственностью и трудомъ въ процессѣ историческаго развитія. Наука уголовнаго права уже не является болѣе ужаснымъ призракомъ уничтоженія и мести, который хочетъ мученій и смерти грѣшника, но становится прекрасной теоріей милосердія и прощенія, которая разсматриваетъ преступника, какъ продуктъ несчастныхъ обстоятельствъ. Вообще, теперь уже нѣтъ такой науки, занятой какой-либо одной стороной соціальнаго многогранника, которая не извлекла бы изъ новой общей науки цѣнной пользы и широкихъ побужденій; но эта послѣдняя стремится, по прекрасному выраженію Банни (Banni), стать единственнымъ центральнымъ пунктомъ, въ которомъ сходились бы всѣ другія соціальныя науки,—сдѣлаться корнемъ и общей основой этихъ послѣднихъ,—быть, съ одной стороны, систематической и систематизирующей наукой, съ другой—наукой, оплодотворяющей, руководящей.

Что соціологія еще очень далека отъ подобнаго идеала, этого не осмѣлится оспаривать ни одинъ мыслящій умъ. Напротивъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что новая наука еще слишкомъ далека отъ той послѣдовательности метода, отъ той точности теоріи, отъ той строгости законовъ, которыя составляютъ признакъ и существенную необходимость науки, въ дѣйствительности заслуживающей подобнаго названія. Но признавая все это, я не могу, однако, не считать неразумными и преувеличенными всѣ сомнѣнія и отрицанія, которыя окружаютъ возникающую науку и ея первые робкіе шаги на трудномъ пути истины.

Нѣкоторые выражаютъ сомнѣнія въ серьезности новой науки. И самъ я лѣтъ 20 тому назадъ высказался въ такихъ выраженіяхъ, которыя едва ли можно считать за очень почтительныя по отношенію къ нашей наукѣ. Но я вовсе не долженъ теперь, вслѣдствіе этого, идти въ Каноссу. Мои тогдашнія слова относились къ нѣкоторымъ второстепеннымъ явленіямъ въ области соціологическихъ изысканій и не касались твореній великихъ мастеровъ, которымъ я всегда платилъ дань безусловнаго уваженія. Они затрогивали соціологію на біологическомъ основаніи, господствовавшую въ то время, и не касались и не могли касаться новой соціологической науки, которая всегда твердо идетъ впередъ, если утверждается на незыблемой основѣ экономическаго анализа.

Болѣе сильнымъ, однако, является другое возраженіе, направляемое противъ соціологіи. Она не содержитъ еще такого пункта, говорятъ, относительно котораго были бы согласны различные писатели; наоборотъ, соціологи раздроблены на множество несоглас-

ныхъ школъ; иногда децентрализація идетъ въ соціологіи вплоть до индивидуумовъ; поэтому съ полнымъ правомъ можно сказать, что она буквально заслуживаетъ классическаго девиза: quot capito tot sententiae *). Но въ дѣйствительности упрекъ подобнаго рода можетъ быть обращенъ и противъ другихъ наукъ, въ прочности и значеніи которыхъ никто, конечно, не осмѣливался бы сомнѣваться. Въ политической экономіи, напр., мнѣнія писателей также расходятся; иногда даже они совершенно противоположны, такъ какъ консерваторы борятся здѣсь съ соціалистами, защитники свободной конкуренціи выступаютъ противъ приверженцевъ охранительныхъ пошлинъ; монометталисты и биметталисты находятся въ горячей борьбѣ. Въ наукѣ уголовнаго права классическая школа борется противъ положительной школы. И въ области естествознанія борьба не менѣе оживленна. Въ біологіи, напр., Ламаркъ, Дарвинъ, Вейсманъ, Негели, Ру, Копе (Cope) являются защитниками во многихъ отношеніяхъ различныхъ и противоположныхъ доктринъ. Мало того, ересь проникаетъ даже въ математику, гдѣ *не*-эвклидова геометрія (обоснованная на исключеніи извѣстной теоремы, что сумма трехъ угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ) съ увеличивающимся успѣхомъ угрожаетъ вѣковымъ положеніямъ Эвклида. Но никто, конечно, не захочетъ вывести изъ этихъ внутреннихъ несогласій доказательство нежизнеспособности соотвѣтствующихъ дисциплинъ. Напротивъ, эти несогласія *суть необманчивый* симптомъ жизни, проявляющійся въ новыхъ откровеніяхъ мышленія. Въ то же время именно у старыхъ наукъ, наканунѣ ихъ упадка, начинается не нарушаемое новыми точками зрѣнія и новыми идеями согласіе. Такъ, напр., не существуетъ никакихъ разнорѣчивыхъ школъ въ области нумизматики. Бѣда, если науки замкнутся въ башняхъ молчанія, подобныхъ тѣмъ, что возвышаются въ покинутыхъ равнинахъ Индіи, гдѣ висятъ трупы, отданные на съѣденіе воронамъ и коршунамъ. Бѣда, если науки дѣлаются кладбищами, гдѣ покоятся остовы догмъ, обгладываемыя оскопленной критикой немногихъ толкователей.

Говорятъ еще, что соціологіи недостаетъ прочнаго фундамента, говорятъ, что она является незрѣлымъ обобщеніемъ, наконецъ, съ насмѣшкой говорятъ о новыхъ энциклопедистахъ, что они вызвали рожденіе смерти.

Тяжелые упреки, каждый видитъ это. Но они не могутъ, они не смѣютъ застрять на порогѣ преисполненной надеждъ новой науки.

Тѣмъ, кто утверждаетъ, что соціологіи недостаетъ прочнаго фундамента, я могу возразить, что солиднѣйшія постройки были воздвигнуты наперекоръ всѣмъ законамъ статики и равновѣсія. Такъ, напр., обелискъ св. Петра въ Римѣ былъ воздвигнутъ наперекоръ всѣмъ

---

*) Сколько головъ, столько мнѣній.

законамъ статики и, однако, онъ незыблемо установленъ искусствомъ столѣтія. Даже математическія вычисленія покоятся не на абсолютно незыблемыхъ основаніяхъ, такъ что одинъ французскій математикъ долженъ былъ сказать тѣмъ, кто въ этомъ сомнѣвался: Allez en avant; la foi vous viendra *). И мы должны быть довольны, если соціологіи дана возможность достигнуть той скромной степени прочности и условной достовѣрности, которую не претендуютъ еще переступить даже самыя достовѣрныя и точныя науки.

Тѣмъ, которые утверждаютъ, что соціологія есть незрѣлая наука, я возражу, что всѣ великія человѣческія творенія незрѣлы по существу. И иначе быть не можетъ, такъ какъ нововведенія не возникаютъ, если они не преодолѣваютъ яраго врага новизны, который относится къ послѣдней въ высшей степени отрицательно и потому самому не можетъ создать благопріятныхъ для развитія новыхъ идей условій. Незрѣло научное единство, къ которому стремится соціологія; пусть будетъ такъ! Но вѣдь и итальянское единство признавалось многими видными людьми въ періодъ 1849—1859 гг. незрѣлымъ и, однако, оно побѣдоносно осуществилось. Въ Германіи одинъ извѣстный ученый Рошеръ выразилъ въ 1870 г. мнѣніе, что время для объединенія Германіи еще не созрѣло и что историческія условія страны еще не согласуются съ нимъ, и посмотрите—нѣсколько мѣсяцевъ спустя Бисмаркъ привелъ его побѣдоносно къ цѣли. Незрѣлой считалась и эмансипація рабовъ въ Америкѣ въ 1864 году, и, однако, она была рѣшена и имѣла вполнѣ благополучный исходъ. Незрѣлымъ называется нынче женское движеніе,—и уже во многихъ цивилизованныхъ странахъ оно увѣнчалось славными результатами. Вообще, съ полнымъ правомъ можно сказать, что всѣ великія и прекрасныя вещи возникаютъ преждевременно, и если, поэтому, соціологія объявляется незрѣлою, то именно изъ этого факта мы и можемъ почерпнуть доказательство и очень благопріятное предзнаменованіе ея будущаго величія.

---

*) Ступайте только впередъ, увѣренность придетъ.

Глава II.

Соціологія на психологической основѣ.

Величественное умственное движеніе, вызвавшее къ жизни соціологію настоящаго времени, началось во Франціи, которой, кажется, выпала на долю задача давать человѣчеству новые импульсы. И, дѣйствительно, въ началѣ XIX-го вѣка Сенъ-Симонъ въ своихъ сочиненіяхъ и проповѣдяхъ къ своимъ вѣрующимъ ученикамъ установилъ первыя основоположенія новой общей науки. Правда, подобно Платону и Аристотелю, Сенъ-Симонъ удержалъ названіе «Политики» для обозначенія своихъ изслѣдованій; но онъ спѣшитъ добавить, что политика должна заниматься не исключительно лишь управленіемъ государствъ, но и изслѣдовать также условія существованія и законы развитія всего общества. Поэтому, его сочиненія охватываютъ на самомъ дѣлѣ область соціологіи. Однако, въ его нѣсколько нестройныхъ сочиненіяхъ нельзя найти хотя бы даже несовершенной системы новой науки и тѣмъ менѣе строго формулированныхъ и связанныхъ другъ съ другомъ положеній. И мы не можемъ удивляться, если въ сочиненіяхъ нѣсколько страннаго писателя, желавшаго стать своего рода папой промышленности и ввѣрить философамъ и банкирамъ руководительство обществомъ, встрѣчаемъ временами удивительныя воззрѣнія и химерическія построенія. Однако, среди фантастическихъ взглядовъ и забавныхъ утопій въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона находятся нѣкоторыя поистинѣ глубокія и геніальныя мысли, использованныя послѣдующими соціологами. Сенъ-Симонъ не додумался еще до построенія великаго закона развитія, которому подчинена жизнь человѣческихъ обществъ; но, съ другой стороны, онъ и не окаменѣлъ на догмѣ неподвижности, составляющей характерную черту соціальныхъ изслѣдованій античныхъ и среднихъ вѣковъ. Онъ допускалъ, что человѣческія общества развиваются, но что ихъ движеніе не непрерывно прогрессивно, а волнообразно или нарушается внезапными и несчастными реакціями; на основаніи этой мысли онъ различалъ *органическія* и *критическія* эпохи. Въ первыя эпохи, говоритъ онъ, всѣ проявленія человѣческой дѣятельности заранѣе предвидены, классифицированы и упорядочены посредствомъ

какой-либо одной общей идеи, а цѣль соціальной дѣятельности вполнѣ достаточно опредѣлена. Въ послѣднихъ, напротивъ, всякая общая дѣятельность, всякая координація не удается, и общество представляетъ не что иное, какъ агломератъ изолированныхъ и враждебныхъ другъ другу индивидуумовъ. Это—мысль, которая являлась уже въ старыхъ религіозныхъ космогоніяхъ, отличавшихъ славные вѣка античнаго міра отъ эпохи его упадка и разрушенія; было бы не трудно видѣть предшественника Сенъ-Симона въ святомъ Іоаннѣ или пророкахъ Израиля, проповѣдывавшихъ величіе и паденіе народовъ, или въ авторѣ книги Даніила, въ которомъ Реннанъ какъ разъ увидѣлъ обоснователя философіи исторіи. Но въ гораздо болѣе непосредственной связи стоятъ мысли Сенъ-Симона съ ученіемъ Вико о соціальныхъ круговращеніяхъ, по которому одна цивилизація исчезаетъ, уступая мѣсто другой, и затѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, вновь появляется. Извѣстная намъ исторія показываетъ, по Сенъ-Симону, двѣ органическія эпохи,—древніе вѣка востока и средніе вѣка, за которыми слѣдуютъ двѣ великія критическія эпохи: греко-римская и современный міръ; но онъ думаетъ, что въ концѣ мы достигнемъ третьей органической эпохи, эпохи мира, цивилизаціи и равноправія, которая послѣдуетъ за эпохой кризисовъ и окончательно осуществитъ соціальное равновѣсіе.

Мнѣ не зачѣмъ доказывать въ этой конструкціи Сенъ-Симона все произвольное, что въ ней содержится. Онъ преувеличиваетъ, если мумьеобразную и летаргическую эпоху древняго востока и средневѣковье, эту эпоху обскурантизма и грубости, украшаетъ именемъ органическихъ періодовъ, а такіе чрезвычайные обширные періоды, какъ греко-латинскій и современный, относящіеся къ великолѣпнѣйшимъ страницамъ исторіи человѣчества, разсматриваетъ съ точки зрѣнія явленій кризиса или паталогическихъ аномалій. Точно также мало надежны его разсужденія относительно величайшей соціологической проблемы, касающейся причинности соціальныхъ явленій. Геніальный мыслитель имѣетъ за собой, во всякомъ случаѣ, ту заслугу, что онъ обратилъ вниманіе на существованіе и важность этой великой проблемы соціальнаго детерминизма; но когда онъ пытается ее разрѣшить, онъ впадаетъ въ самый нерѣшительный эклектизмъ, утверждая, что всякая политическая система одинаково покоится какъ на жизнеспособной философской, такъ и на экономической системѣ; такимъ образомъ онъ обнаружилъ тотъ философскій дуализмъ, которымъ, къ сожалѣнію, одушевлено еще и въ настоящее время много соціологовъ, но который недостоенъ мыслителя и абсолютно неспособенъ систематически упорядочить всю совокупность соціальныхъ явленій. Однако, въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона находятся также и нѣкоторыя наблюденія не малаго значенія, напр., относительно трехъ стадій развитія человѣчества—теологической, метафизи-

ческой и позитивной,—мысль, дальнѣйшее развитіе которой мы встрѣтимъ еще у Огюста Конта, или его указанія на противоположность военнаго и промышленнаго типовъ обществъ—наблюденіе, вновь встрѣчающееся у Конта и Спенсера; сюда же относятся и разсужденія относительно происхожденія политическихъ явленій изъ хозяйственныхъ, составляющія нѣкоторымъ образомъ прелюдію къ современной школѣ такъ называемаго матеріалистическаго пониманія исторіи.

Несмотря на эти достойные вниманія намеки, Сенъ-Симонъ все же принадлежитъ доисторическому времени соціологіи, которая лишь позднѣе возвысилась до положенія науки, благодаря другому французскому ученому, вышедшему изъ школы Сенъ-Симона, но во многихъ отношеніяхъ отъ него независимому,—Огюсту Конту. Ему, прежде всего, принадлежитъ та заслуга, важность которой мы вовсе не желаемъ преувеличивать,—что онъ далъ новой наукѣ имя, которое она носитъ сейчасъ, и вѣроятно, несмотря на пуристовъ, недовольныхъ этимъ чуждымъ словомъ, будетъ носить и въ будущемъ. Однако, эта заслуга Конта послѣдняя въ ряду тѣхъ, которыя онъ пріобрѣлъ при обоснованіи новой науки; онъ старался точно обозначить мѣсто, принадлежащее ей въ системѣ человѣческаго познанія, объяснить ея основные законы и дать имъ возможно широкое научное развитіе.

Чтобы опредѣлить мѣсто соціологіи въ системѣ человѣческаго знанія, Контъ предпринялъ классификацію наукъ, которая и по настоящее время удерживается еще многими, несмотря на критику, которой она была подвергнута, прежде всего, со стороны Г. Спенсера. Науки о явленіяхъ, равно какъ и явленія сами образуютъ, по Конту, непрерывный рядъ, въ которомъ прогрессивно уменьшающейся общности и абстрактности соотвѣтствуетъ прогрессивно увеличивающаяся сложность и конкретность. Первое мѣсто въ ряду занимается общими и абстрактными науками, отъ которыхъ постепенно можно переходить къ конкретнымъ и именно вслѣдствіе этого менѣе строгимъ дисциплинамъ. Такимъ образомъ іерархическій порядокъ наукъ представляется, по Конту, въ слѣдующемъ видѣ: 1) математика, 2) астрономія, 3) физика, 4) химія, 5) біологія, 6) соціологія, причемъ каждая слѣдующая наука менѣе абстрактна и обща, чѣмъ предыдущая и изслѣдуетъ болѣе сложныя и конкретныя явленія. Такъ какъ конкретныя науки нельзя изучать прежде, нежели не ознакомишься съ положеніями, установленными науками абстрактными, то іерархическій порядокъ наукъ въ то же время указываетъ и хронологическій порядокъ ихъ изученія, т. е. изучаютъ, прежде всего, самую абстрактную науку, не имѣющую ни съ какой другой точекъ соприкосновенія—математику; астрономію, получившую уже нѣкоторыя свои основоположенія отъ математики, можно изучить лишь вслѣдъ за этой послѣдней; на томъ же основаніи физику можно изучать лишь послѣ математики и астрономіи, и такъ далѣе, пока мы не достигнемъ соціологіи. А такъ какъ эта послѣдняя

является наиболѣе конкретною изъ всѣхъ наукъ, то она не можетъ приступить къ изученію затрагиваемыхъ ею явленій прежде, нежели не усвоитъ себѣ истинъ, открытыхъ всѣми другими науками, и поэтому-то она выступаетъ лишь тогда, когда всѣ другіе предметы человѣческой мысли уже установлены и развиты. Поэтому-то соціологія и является позднѣйшей изъ всѣхъ наукъ; этимъ-то и объясняется ея сравнительно позднее появленіе на интеллектуальномъ горизонтѣ человѣчества, этимъ же самымъ дано основаніе и тому, почему она сдѣлала до сихъ поръ такіе маленькіе успѣхи въ розысканіи истины.

Классификація наукъ Конта обнаруживаетъ рядъ важныхъ пробѣловъ. Она не включаетъ въ себѣ физіологію, которую Контъ временно и невѣрно подчинилъ біологіи, предоставивъ себѣ право образовать изъ нея впослѣдствіи одну главу изъ френологіи, науки въ высшей степени гипотетической, но съ большимъ успѣхомъ проповѣдуемой въ то время Галлемъ (Gall), предшественникомъ нашего геніальнаго Ломброзо. Далѣе, эта классификація наукъ не включаетъ въ себѣ политическую экономію и другія соціальныя науки, относительно которыхъ Контъ совершенно невѣрно думалъ, что онѣ должны слиться съ открытой имъ новой синтетической наукой. Но несмотря на эти и другіе пробѣлы, которые легко можно было бы указать, классификація Конта въ существенныхъ чертахъ логична, цѣлесообразна и можетъ быть, поэтому, принята. Но все-же когда ее принимаешь, нельзя ни на минуту забывать, что она не только совершенно не исключаетъ, но даже, напротивъ, признаетъ, что болѣе конкретныя и болѣе позднія науки могутъ доставить въ свою очередь цѣнныя вспомогательныя средства для наукъ болѣе абстрактныхъ и, поэтому, болѣе раннихъ: Если, напр., утверждаютъ, что соціологія обязана своими собственными основоположеніями другимъ наукамъ и могла, поэтому, возникнуть лишь позже послѣднихъ, то это ничуть не исключаетъ того, что эти ранѣе возникшія науки, въ свою очередь, могутъ получить новый свѣтъ отъ достигнутыхъ соціологіей результатовъ, новыя данныя, чтобы правильно установить нѣкоторыя изъ своихъ положеній. И дѣйствительно, біологія, психологія и нѣкоторыя другія еще болѣе общія науки уже не мало воспользовались пріобрѣтеніями соціологіи. Іерархія и хронологическая послѣдовательность наукъ вообще не исключаетъ ихъ взаимнаго воздѣйствія на успѣхи одна другой.

Опредѣливъ такимъ образомъ положеніе соціологіи въ системѣ наукъ, Контъ тщательно разсматриваетъ задачу ея—открытіе законовъ человѣческаго общества. Въ этомъ отношеніи онъ различаетъ двѣ существенно различныя области изслѣдованія — статику и динамику. Первая анализируетъ общество въ его стаціонарномъ состояніи, послѣдняя—въ его движеніи, которое Контъ въ противоположность Сенъ-Симону считаетъ непрерывнымъ и прогрессивнымъ. Нападки на это различіе не прекращались. Говорили, что если чисто механическія по-

ложенія статики и динамики примѣнять къ соціальному тѣлу, то это значитъ становиться на точку зрѣнія того стараго воззрѣнія, по которому общество является механизмомъ, но что это не согласуется уже съ современнымъ воззрѣніемъ, которое разсматриваетъ общество, какъ организмъ. Но если даже и согласиться со всѣмъ этимъ, то все же остается несомнѣннымъ, что многія соціальныя явленія нельзя болѣе или менѣе основательно проанализировать, если не представлять себѣ общества въ состояніи извѣстнаго равновѣсія; и что установленное Контомъ различіе можетъ быть плодотворнымъ, по крайней мѣрѣ, въ видѣ метода изслѣдованія.

Контъ не даетъ соціальной статикѣ сколько-нибудь широкаго или глубокаго развитія. Онъ довольствуется указаніемъ, что человѣческое общество обязано своимъ происхожденіемъ не пользѣ совмѣстной жизни, сознанной людьми и заставившей ихъ соединиться, какъ это думали нѣкоторые, ибо само сознаніе пользы явилось, какъ результатъ общественности и, слѣдовательно, не могло быть причиной ея возникновенія; оно является результатомъ врожденныхъ человѣку психологическихъ свойствъ, влекущихъ его къ совмѣстной общественной жизни. Эти психологическія свойства, въ особенности изслѣдуемыя Контомъ, сводятся къ двумъ: склонности людей къ обществу себѣ подобныхъ и стремленію дѣлать другимъ добро. Но, съ другой стороны, встрѣчаются у человѣка и нѣкоторые эгоистическія склонности, заставляющія его удаляться отъ общественнаго состоянія. Отсюда антагонизмъ, борьба между альтруистическими инстинктами, побуждающими его жить въ обществѣ, и эгоистическими, увлекающими его выступить изъ общества. Существованіе общества и его постоянное развитіе находятся въ прямомъ отношеніи къ перевѣсу альтруистическихъ инстинктовъ надъ чистымъ и абсолютнымъ эгоизмомъ.

Тѣ двѣ великія формы обобществленія, которыя вызвали побѣду альтруистическихъ инстинктовъ надъ эгоистическими, суть семья и раздѣленіе труда, или промышленныя кооперація. Уже не индивидуумъ, а семья, является, по Конту, соціальной клѣткой. Но изученіе семьи остается все еще въ сферѣ біологіи и не составляетъ, поэтому, части собственно соціологическаго изученія, которое начинается лишь изслѣдованіемъ самого общества. Общество и только одно оно образуетъ, по Конту, соотвѣтствующій объектъ новой науки; исключительно вокругъ общества должны вращаться изслѣдованія добросовѣстныхъ соціологовъ; и Контъ съ самаго начала совѣтуетъ пренебречь изслѣдованіями, касающимися семьи или самого индивидуума. Онъ даже утверждаетъ, что индивидуумъ вовсе не существуетъ, что это абстрація и что лишь одно общество есть дѣйствительность. Едва ли нужно указывать, что это утвержденіе чистая безсмыслица, ибо индивидуумъ— это существо, существованіе котораго каждый можетъ установить; котораго мы встрѣчаемъ на улицѣ; котораго привѣтствуемъ, которому

пожимаемъ руку; между тѣмъ, общество всегда есть метафизическое твореніе, которое никто никогда не встрѣчалъ и которому не пожималъ руки. Очертанія его до того неопредѣленны и расплывчаты, что они могутъ быть приспособлены къ различнѣйшимъ интерпретаціямъ. Для одного общество является націей, для другого совокупностью индивидуумовъ одной и той же расы, для третьяго жителемъ одной и той же части свѣта, для четвертаго, наконецъ, оно сливается съ всѣмъ человѣчествомъ; и требуется отъ соціологовъ очень тонкое остроуміе и большія силы, чтобы достаточно обозначить границы этого, по существу своему неопредѣленнаго понятія. Если, съ другой стороны, индивидуумъ, какъ это утверждаетъ Контъ, есть абстракція, то какъ же можетъ тогда существовать общество, какъ нѣчто дѣйствительное, если оно само составляетъ сумму индивидуумовъ. Какимъ же образомъ нѣсколько соединившихся абстракцій могутъ образовать дѣйствительность?

Разсматривая затѣмъ въ этой части своего сочиненія раздѣленіе труда, онъ освѣщаетъ его выдающіяся преимущества, но умѣетъ одновременно оцѣнить какъ слѣдуетъ и его вредныя стороны, изъ которыхъ наиболѣе тяжелой является то, что, безпрерывно выполняя какую-либо одну, иногда безотрадно машинообразную и частичную работу, какъ, напр., отшлифовку иголочнаго острія, человѣческое существо тупѣетъ. И философъ позитивизма совершенно правъ. Раздѣленіе труда является въ дѣйствительности однимъ изъ плодотворнѣйшихъ открытій человѣческой интеллигенціи, даже въ смыслѣ прекрасной характеристики людей, какъ разумныхъ существъ, ибо только эти послѣдніе умѣютъ распредѣлять работу. Дураки, напр., никогда не соединяются для этого; и это обстоятельство позволяетъ очень легко, какъ мы знаемъ это изъ опыта, при помощи небольшого числа больничныхъ сторожей сохранять порядокъ въ домахъ для умалишенныхъ. Но сообщество и въ особенности раздѣленіе труда является въ то же время и ужаснымъ средствомъ угнетенія духовныхъ силъ, потому что, если люди принуждены продѣлывать какую-либо единственную однообразную, безконечно повторяющуюся операцію, въ нихъ замираютъ всѣ умственныя способности. Однако, Контъ стоитъ на почвѣ фантазіи, когда въ видѣ средства противъ такихъ вредныхъ вліяній рекомендуетъ, учрежденіе духовной власти, которая наставляла бы спеціализировавшихся людей въ синтетическихъ и общихъ воззрѣніяхъ.

Въ высшей степени значительное мѣсто въ системѣ Конта занимаетъ соціальная динамика или изученіе закона развитія человѣческаго общества. Сначала Контъ указываетъ вторичные факторы развитія, которые онъ сводитъ къ тремъ: недовольство, смерть и быстрое возрастаніе народонаселенія. Недовольство является для состоятельныхъ классовъ тѣмъ же, чѣмъ голодъ для несостоятельныхъ—побужденіемъ къ дѣятельности. Конечно, и недовольство и голодъ однихъ людей побуждаютъ къ великимъ дѣламъ, другихъ же къ великимъ

преступленіямъ; и если мы обязаны именно недовольству удивительными стихами Байрона, то такимъ же образомъ оно послужило почвой и для скандальнѣйшихъ дѣяній Нерона и Людовика XV. Но несмотря на все это, безъ сомнѣнія вѣрно, что недовольство является могущественнымъ коэффиціентомъ изобрѣтеній и плодотворныхъ возбужденій, и если бы въ мірѣ не существовало недовольства, многія изобрѣтенія не были бы доведены до конца, многія возвышенныя творенія остались бы невыполненными. Вторымъ факторомъ прогресса является смерть, Если бы человѣкъ былъ безсмертенъ, прогрессъ не могъ бы совершаться, ибо недоставало бы вѣчнаго круговращенія существъ, живого обмѣна различныхъ, враждебныхъ другъ другу человѣческихъ стремленій, которыя безъ отдыху тянулись бы кверху въ вѣчномъ погонѣ жизни. Такъ, прогресса не могло быть въ царствѣ лилипутовъ, которое описалъ намъ юмористъ Свифтъ. Его жители были безсмертны или кончали тѣмъ, что сами лишали себя жизни отъ угнетающей монотонности своего безконечнаго существованія. Смерть возбуждаетъ столкновеніе консервативнаго духа старости съ новаторскими стремленіями юности; изъ этой безпрерывной сильной борьбы вырастаетъ влеченіе къ дѣятельности, неумолкающій споръ и плодотворное споспѣшествованіе человѣчеству на пути прогресса. Эти замѣчанія Конта находятъ въ настоящее время сильное подкрѣпленіе въ теоріяхъ Вейсмана, этотъ послѣдній обращаетъ вниманіе на то, что смерть создана природой исключительно къ выгодѣ рода и что ей одной обязанъ возникновеніемъ естественный отборъ, посредствомъ котораго родъ прогрессируетъ. Съ другой стороны, не менѣе очевидно, что слишкомъ кратковременная жизнь препятствовала бы всякому соціальному прогрессу, дѣлая невозможнымъ осуществленіе великихъ намѣреній и окончаніе благородныхъ дѣяній вѣчнаго значенія. Отсюда видно, что продолжительность человѣческой жизни какъ разъ такова, какая требуется для упроченія нормальнаго прогресса, ибо она исключаетъ какъ безсмертіе, которое мѣшало бы всякому развитію, такъ и эфемерную скоротечность, которая погубила бы его въ самомъ началѣ. Наконецъ, быстрое возрастаніе народонаселенія составляетъ также способствующій прогрессу факторъ, такъ какъ оно ускоряетъ смѣну человѣческихъ поколѣній; уменьшая различіе въ возрастѣ между отцами и дѣтьми, оно менѣе подчиняетъ этихъ послѣднихъ авторитету первыхъ и дѣлаетъ ихъ независимѣе отъ ихъ руководительства; оно обостряетъ, наконецъ, борьбу индивидуальныхъ стремленій и способствуетъ выростающему изъ нея соціальному движенію. Поэтому, тамъ, гдѣ поколѣнія быстрѣе слѣдуютъ одно за другимъ, браки заключаются раньше, борьба мнѣній много живѣе и развитіе тѣмъ болѣе ускоряется. И до сегодня можемъ мы наблюдать это въ молодыхъ странахъ, напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ, и даже среди рабочихъ классовъ старыхъ націй, гдѣ именно вслѣдствіе болѣе раннихъ браковъ — одна изъ отличительныхъ чертъ этихъ классовъ—

*

проявляется бо̀льшая живость и бо̀льшая умственная возбудимость, чѣмъ въ буржуазныхъ классахъ. И нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что радикальныя наклонности низшихъ слоевъ населенія необходимо въ большей своей части свести на тѣ умственныя вліянія, которыя вырастаютъ изъ болѣе быстрой смѣны поколѣній.

Переходя затѣмъ къ изслѣдованію главной причины, опредѣляющей соціальное развитіе, Контъ приходитъ къ заключенію, что развитіе общества строго обусловливается развитіемъ идей, или—другими словами—соціальный прогрессъ является лишь продуктомъ умственнаго развитія. Дайте мнѣ духовное состояніе народа, говоритъ Контъ, и я вамъ укажу на условія его существованія и его соціальное положеніе. Человѣческій интеллектъ въ своемъ многовѣковомъ развитіи долженъ пройти три стадіи; онъ началъ *теологической* фазой, перешелъ въ *метафизическую* и теперь приближается къ *положительной*, которая принадлежитъ будущему. Этимъ тремъ стадіямъ умственнаго развитія соотвѣтствуютъ столько же стадій соціальнаго развитія,—военная, правовая (gesetzliche) и промышленная; и философія исторіи Конта устанавливаетъ теперь единственную для себя задачу доказать согласіе этихъ двухъ рядовъ развитія. Поскольку дѣло касается первой фазы, или теологическаго періода, изложеніе Конта является въ достаточной мѣрѣ соответсѣтвующимъ дѣйствительности. Нашъ философъ наблюдаетъ, что фетишизмъ создаетъ первое влеченіе къ искусству, которое доставляетъ первые инструменты ручной работы и способствуетъ развитію торговли. Внушая человѣку поклоненіе мѣстнымъ божествамъ, примитивная религія соединяетъ его съ землей и даетъ ему такимъ образомъ побужденіе къ земледѣльческой жизни. Появляющійся затѣмъ политеизмъ порождаетъ вражду и войны между народами; такъ, съ теологическимъ направленіемъ мышленія соединяется происхожденіе военной системы человѣческихъ обществъ. Войны дѣлаютъ возможнымъ взятіе врага въ плѣнъ и устанавливаютъ тѣмъ самымъ рабство. Поэтому, это характерное для стараго времени учрежденіе является ничѣмъ инымъ, какъ продуктомъ политеизма. Постепенный переходъ отъ политеизма къ монотеизму вызываетъ къ жизни противоположныя явленія,—рѣдкость войнъ, переходъ отъ рабства къ крѣпостничеству и, наконецъ, къ свободѣ труда. Такимъ образомъ фетишизмъ умерщвляетъ плѣннаго, политеизмъ сохраняетъ, а монотеизмъ освобождаетъ его, и въ каждомъ данномъ случаѣ основное положеніе общества составляетъ лишь необходимый продуктъ господствующаго въ немъ умственнаго направленія.

Во всякомъ случаѣ, уже изъ этой первой своей части схема Конта наталкивается на большія трудности и почти непреодолимыя препятствія. Достаточно указать уже на то, что доктрина Конта, въ силу которой рабство является продуктомъ политеизма, совершенно не въ состояніи объяснить то колоссальное развитіе рабства, которое наблюдается въ странахъ и у народовъ, въ сущности монотеистическихъ. Также бо-

лѣе или менѣе краснорѣчивыя декламаціи философа противъ аномаліи, чудовищности и отвратительности возрожденія стараго языческаго рабства въ колоніяхъ не могутъ объяснить эту тайну.

Но такого рода трудности кажутся очень маленькими по сравненію съ тѣми, которыя представляются нашему философу, когда онъ переходитъ къ изученію слѣдующихъ соціальныхъ фазъ. И въ самомъ дѣлѣ, едва только достигаетъ онъ метафизическаго періода, который начинается съ XIV-го вѣка, какъ сразу замѣчаетъ, что его теза колеблется, и онъ становится принужденнымъ признать, что съ начала этого періода уже болѣе не умственное развитіе опредѣляетъ соціальное развитіе, а наоборотъ—развитіе промышленности обусловливаетъ эстетическія, научныя и военныя установленія и вообще положеніе и развитіе общества. Контъ спѣшитъ, правда, прибавить, что всемогущество умственнаго фактора надъ обществомъ вновь проявится въ будущемъ, когда метафизическое направленіе мышленія будетъ совершенно вытѣснено, освободивъ мѣсто истинно позитивному образу мыслей, и уже никогда не исчезнетъ. Но въ данный моментъ нашъ философъ долженъ съ прискорбіемъ признать, что его теза стоитъ вверхъ ногами, что не умственное состояніе, а промышленность опредѣляетъ положеніе и законы общества, что—выражаясь другими словами—экономическія отношенія суть тѣ, которыя обусловливаютъ умственную и соціальную организацію народовъ. Такимъ образомъ Контъ, котораго вслѣдствіе его изслѣдованій теологическаго періода, необходимо разсматривать, какъ обоснователя соціологіи на интеллектуальной основѣ, въ слѣдующей части своего труда дѣлаетъ плодотворную брешь въ своей тезѣ, чрезъ которую могло проникнуть въ соціологію болѣе современное и болѣе вѣрное направленіе на экономической основѣ, и оно дѣйствительно проникаетъ.

Воодушевленный своей основной концепціей, что соціальное развитіе составляетъ продуктъ умственнаго развитія, въ истинности которой его не могъ разувѣрить даже этотъ сильный ударъ, Контъ пророчествуетъ наступленіе такой эпохи, когда наука будетъ господствовать надъ судьбой возрожденныхъ народовъ. Въ этомъ будущемъ обществѣ міръбудетъ управляться, съ одной стороны, духовной властью состоящей изъ корпораціи позитивныхъ философовъ, которымъ нельзя будетъ обогащаться и которые будутъ обязаны жертвовать всѣмъ своимъ временемъ изученію общихъ законовъ матеріи и духа; съ другой, свѣтской властью, состоящей изъ корпораціи капиталистовъ—въ особенности банкировъ, которые должны будутъ примѣнять эти законы къ производству.

Я, конечно, не стану вдаваться въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ изслѣдованій Конта, который именно въ этомъ пунктѣ покидаетъ твердое основаніе позитивнаго изученія и впадаетъ въ воздушныя пространства утопіи. Извѣстно, что предложенныя Контомъ соціальныя

реформы были придуманы имъ въ то время, когда трагедія семейной жизни затемнила ясность его ума; никакой цѣнности они не имѣютъ, являясь только достойнымъ жалости памятникомъ погасшаго могущественнаго духа. Въ первыхъ томахъ своего курса, которые онъ написалъ, когда жилъ съ капризной и своенравной женой, онъ стремится навѣки подчинить женщину, какъ несовершеннолѣтнее существо, опекѣ мужа, отца, брата. Напротивъ, позднѣе, послѣ того, какъ онъ стряхнулъ домашнее ярмо посредствомъ формальнаго развода и завязалъ сношенія съ прекрасной Клотильдой де-Во; послѣ того, какъ эти отношенія прекратились съ ея смертью и Контъ погрузился въ аскетическое обоготвореніе ея памяти,—онъ признаетъ женщинъ высшими существами, къ которымъ каждый истинный позитивистъ долженъ относиться съ горячимъ почтеніемъ. Онъ сдѣлался провозвѣстникомъ новой религіи, въ которой гуманность является высочайшимъ существомъ, Клотильда святой женой, земля великимъ фетишемъ, а онъ, Контъ, великимъ первосвященникомъ; онъ возвѣщалъ религію, которая допускаетъ молитву въ качествѣ воспоминанія и почитанія дорогихъ и избранныхъ лицъ, которая имѣетъ свое позитивное Pater и Ave и праздники. Изъ трехъ женщинъ, которыхъ онъ любилъ въ своей жизни, своей возлюбленной Клотильды, своей матери Розаліи и своей служанки Софіи, создаетъ онъ Троицу. Католическій календарь хочетъ онъ замѣнить позитивнымъ, въ которомъ каждый день долженъ носить имя великаго поэта или великаго человѣка науки, или великаго благодѣтеля человѣчества; имена менѣе великихъ людей должны пополнять календарь въ високосные годы.

Этого достаточно. Не будемъ болѣе разсматривать эти несчастныя заблужденія. Система Конта или ея существеннѣйшее положеніе о зависимости соціальнаго развитія отъ развитія умственнаго была принята многими мыслителями и еще далѣе развита въ своихъ отдѣльныхъ частямъ. Первымъ изъ нихъ является Адольфъ Кетле (Quetelet), который пишетъ въ своей «Соціальной физикѣ»: «Внѣ науки не существуетъ ничего дѣйствительно прогрессивнаго. Всѣ способности человѣка, не обоснованныя на наукѣ, по самому существу своему стаціонарны и ихъ законы—законы неподвижности, всѣ другія развиваются только въ зависимости отъ науки. Поэтому, наука могла бы дать масштабъ развитія человѣчества». Та же самая мысль была повторена Боклемъ, который пытался доказать ее очень остроумнымъ путемъ. Могло быть лишь два фактора соціальнаго развитія, говоритъ онъ,— интеллектъ и мораль; но мораль стаціонарна и не измѣняется отъ одной эпохи до другой, и онъ указываетъ на неизмѣнное число совершаемыхъ годъ отъ году преступленій; неизмѣнный элементъ, конечно, не можетъ быть причиной измѣняющагося по существу результата, каковымъ именно и является развитіе человѣчества; поэтому причиной его не можетъ быть что-либо иное, какъ интеллектуальный элементъ.

Исходя изъ этой мысли Бокль изображаетъ развитіе западной цивилизаціи въ своей чудесной «Исторіи цивилизаціи Англіи», которая, къ сожалѣнію не была окончена, благодаря смерти автора, сдѣлавшагося жертвою лихорадки во время своего путешествія по далекой Сиріи; книга его навсегда останется памятникомъ развитія мысли и науки Запада. Эдгаръ Кинэ, Фюстель-де-Куланжъ и Максъ Мюллеръ точно также могутъ быть въ извѣстномъ смыслѣ разсматриваемы какъ ученики Конта, потому что исторію цивилизаціи они ставили въ связь съ исторіей мистическихъ и религіозныхъ идей.

Прежде чѣмъ прослѣдить въ сочиненіяхъ его вѣрнѣйшихъ учениковъ повторенія и переработанныя теоріи учителя, необходимо рѣшить весьма существенный вопросъ: совпадаетъ ли доктрина Конта съ дѣйствительностью? Дѣйствительно ли она заслуживаетъ признанія современной научной соціологіи?

Достаточно самаго простого наблюденія, чтобы доказать, что основная теорія Конта далеко не является плодомъ работы единственнаго ума и связана съ идеями раньше существовавшихъ и современныхъ ему мыслителей. Въ самомъ дѣлѣ, уже членъ конвента, маркизъ Кондорсэ, въ своихъ размышленіяхъ о прогрессѣ человѣческаго духа утверждалъ, что соціальное развитіе является продуктомъ интеллектуальнаго; то же самое положеніе устанавливалъ Тюрго и, какъ мы уже упоминали, раньше его защищалъ еще Сенъ Симонъ. И на противоположномъ берегу Рейна эта же теза, хотя въ болѣе скрытой формѣ, была возвѣщена Гегелемъ, изображавшимъ исторію, какъ эволюціонное развитіе идеи. Такое одновременное зарожденіе одной и той же мысли у такихъ различныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга писателей само по себѣ достаточно, чтобы сдѣлать понятнымъ, что она возникла не самопроизвольно, не какъ грибъ, выскочившій изъ земли, а была необходимымъ продуктомъ существовавшихъ тогда соціальныхъ условій. И конечно, никогда еще не были условія болѣе благопріятны для возникновенія такой теоріи. Это были, въ дѣйствительности, времена, когда одинокіе мыслители вносили въ міръ вещей глубокій и рѣшительный переворотъ. Франклинъ обуздалъ молнію; Уаттъ (Watt) изобрѣлъ паровую машину, которая революціонизировала промышленность; Адамъ Смитъ установилъ теорію свободной торговли, низлагавшей ограниченіе ея пошлинами; Руссо своимъ общественнымъ договоромъ потрясъ политику и свергнулъ съ трона династіи; Кантъ изгналъ божество изъ царства разума и поколебалъ основные столпы вѣры. Ученые того времени вѣрили, что можно измѣнить видъ земли, можно предписать ей путь по неизмѣннымъ велѣніямъ абстрактной логики. Какая же другая теорія при такихъ обстоятельствахъ могла быть болѣе естественной и болѣе понятной, чѣмъ та, согласно которой идея устанавливаетъ и предопредѣляетъ соціальное развитіе, и наука обусловливаетъ развитіе человѣчества и управляетъ его судьбой?

Но если легко признать возникновеніе философіи Конта, какъ необходимый выводъ эпохи, въ которую жилъ авторъ, если она безъ сомнѣнія находила достаточное основаніе для своего существованія и непосредственный импульсъ въ условіяхъ времени, то не менѣе достовѣрно, что подобной общей теоріи развитія человѣчества недостаетъ настоящей основы и вѣрности. Мы уже видѣли, что Контъ самъ уже, хотя и неохотно, осудилъ ее, признавъ что его теорія не находитъ никакого примѣненія въ періодѣ, простирающемся отъ XIV-го вѣка до нашихъ дней, такъ какъ въ этомъ періодѣ не идея, но промышленность опредѣляетъ соціальное развитіе. Что же нужно сказать о философіи исторіи, которая признается въ своемъ безсиліи объяснить цѣлыхъ шесть столѣтій исторіи, и притомъ наиболѣе изслѣдованныхъ и наиболѣе прогрессивныхъ въ исторіи человѣчества? Помимо того, главное заблужденіе Конта состоитъ въ томъ, что онъ разсматриваетъ идеи, человѣческую интеллигенцію, какъ нѣчто первоначальное, какъ нѣчто первозданное, развивающееся въ силу самой себя, по имманентнымъ законамъ. И все это абсолютно не обосновано. Человѣческая мысль, въ сущности, скорѣе необходимый продуктъ дѣйствительности, въ которой она живетъ, обстоятельствъ, въ которыхъ она развивается. Современное дѣйствительно позитивное изслѣдованіе, принимая это во вниманіе, приходитъ къ тому, что ставитъ это положеніе Конта совершенно обратно и заключаетъ, что не соціальное развитіе составляетъ продуктъ умственнаго, а наоборотъ—это послѣднее является продуктомъ перваго, другими словами—не образъ мышленія человѣка опредѣляетъ формы его бытія, а наоборотъ, формы его бытія опредѣляютъ образъ его мышленія. Такое пониманіе не ведетъ, правда, къ познанію первоосновы вещей, такъ какъ соціальное развитіе, или формы человѣческаго бытія, въ свою очередь, то же должны быть результатами причинъ, которыя нужно объяснить, но все же можно заключить, что соціальная теорія Конта безвозвратно осуждена.

Но это еще не все. Если бы теорія Конта была вѣрна, то прогрессъ мысли долженъ бы идти соразмѣрно съ прогрессомъ политическаго и соціальнаго состоянія; но въ видѣ правила вновь встрѣчается какъ разъ обратное. Въ дѣйствительности очень часто страны, въ которыхъ политическая и соціальная жизнь придавлена несправедливыми и тиранническими властителями, проявляютъ удивительный умственный расцвѣтъ, замѣчательнѣйшій размахъ литературы, науки и искусства. И это вовсе не чисто случайное совпаденіе, а имѣющій свои основанія и легко объяснимый фактъ. Именно несчастные и тяжелыя условія общественной жизни удаляютъ наиболѣе одаренныхъ людей отъ политической и общественной дѣятельности, погружая въ ту спокойную атмосферу идеализма, гдѣ они могутъ отдаться чистому творчеству. Поэтому эпохи полнѣйшаго соціальнаго застоя обыкновенно являются эпохами наиболѣе яркой умственной производительности; достаточный

примѣръ представляетъ прежде всего эпоха Перикла въ Аѳинахъ, время Льва X-го въ Италіи, эпоха Мильтона въ Англіи. Германія достигла вершины философіи съ Кантомъ, Шеллингомъ и Гегелемъ подъ абсолютнымъ и реакціоннымъ правительствомъ. Таковъ параллелизмъ между умственнымъ и соціальнымъ развитіемъ! Не параллелизмъ, а скорѣе пропасть замѣчается между этими двумя великими проявленіями человѣчества, и только цѣлительное вліяніе будущаго развитія можетъ какимъ-нибудь образомъ ее уничтожить.

Я хотѣлъ, насколько возможно, дать общее представленіе о доктринѣ Конта, о ея достоинствахъ и заблужденіяхъ, которыми она испорчена. Конечно, эти заблужденія являются нынѣ общепризнанными, и теперь не существуетъ болѣе ни одного безусловнаго приверженца этой соціологической системы; ее можно разсматривать вполнѣ съ исторической точки зрѣнія. Если она, однако, окончательно разрушена, то все же теорія Конта останется навсегда достойной памяти, какъ первая попытка систематизаціи соціальныхъ явленій; она содержитъ, несмотря на свои фундаментальныя заблужденія, полныя свѣта истины, изъ которыхъ соціологи всѣхъ временъ должны извлекать пользу. И на самомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ современнѣйшихъ соціологовъ дѣйствительно обязаны Конту многими важными точками зрѣнія. У него заимствовалъ Спенсеръ многія понятія, которыя онъ такъ мастерски развилъ въ своихъ «Принципахъ соціологіи»; къ Конту примыкаютъ нѣкоторыя сужденія и теоріи де-Греефа; разсужденія Тарда о подражаніи обнаруживаютъ рѣшительное вдохновеніе контовскими идеями; точно также въ высшей степени интересная попытка Гиддингса дать соціологіи психологическое основаніе имѣетъ болѣе или менѣе непосредственную связь съ ученіемъ основателя позитивизма. Именно теорія Конта о зависимости соціальнаго развитія отъ развитія интеллектуальнаго, если она и была безспорно ложной, все же дала необычайно сильный толчокъ къ изслѣдованіямъ по исторіи науки, религіи, вообще исторіи мысли, получившимъ, брагодаря этой доктринѣ, особенную привлекательность и значеніе, которыхъ они никогда, ни прежде, ни позже, не достигали. И если лавры, которыми эта система пыталась увѣнчать человѣческій интеллектъ, дѣлая его повелителемъ исторіи и развитія, уже поблекли, то все же, благодаря своему внутреннему величію, система Конта составляетъ вѣнецъ славы, которая на вѣчные времена останется украшеніемъ и гордостью человѣческаго ума.

III.

Соціологія на біологической основѣ.

Всѣ величайшія открытія, дѣлающія честь человѣческому духу, сдѣланы два раза,—первый разъ непроизвольно, и какъ бы въ шутку, второй—съ сознаніемъ важности и плодотворности изобрѣтенія. Въ театрѣ шутка идетъ послѣ драмы; но на аренѣ жизни, наоборотъ, шутка предшествуетъ драмѣ, забавное изобрѣтеніе идетъ раньше изобрѣтенія серьезнаго. Африка была объѣхана вокругъ, по порученію Нехао, на 21 столѣтіе раньше Бартоломея де-Діазъ; Америка на 5 столѣтій раньше Колумба была открыта исландцами; каменный уголь, печать и порохъ сдѣлались много раньше извѣстны китайцамъ, чѣмъ англичанамъ, Гуттенбергу и Шварцу; но всѣмъ этимъ преждевременнымъ открытіямъ недостаетъ сознанія ихъ значенія, тѣхъ соціальныхъ преимуществъ, которыя они позволяютъ извлечь изъ себя; тѣхъ новыхъ функцій, въ которыхъ они могутъ быть полезны. Они являются еще времяпрепровожденіемъ отдѣльныхъ единицъ, но не соціальными нововведеніями. Соціальныя нововведенія появляются много позже, вмѣстѣ со вторичнымъ изобрѣтеніемъ. Поэтому, совершенно справедливо, если человѣчество награждаетъ славой открытія не первыхъ изобрѣтателей, а вторыхъ, именно имъ выражаетъ всю свою благодарность, потому что первые не имѣли никакой иной цѣли, какъ удовлетворить эгоистическому чувству удовольствія, польстить собственному тщеславію или избавиться отъ скуки; послѣдніе, напротивъ, стремились къ тому, чтобы иногда цѣною лишеній и нужды обратить свои открытія на общественную пользу и сдѣлать изъ нихъ средства для вѣчнаго благополучія всего человѣчества.

Эти соображенія не являются, кажется, излишними въ томъ пунктѣ нашего изслѣдованія, гдѣ мы дѣлаемъ нѣкоторыя подготовленія къ анализу второй и во многихъ отношеніяхъ величайшей соціологической школы, которая обосновываетъ свои принципы на данныхъ біологіи. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ почти основныя идеи этой школы были намѣчены уже раньше, нѣкоторыми писателями другихъ временъ. Такъ, мысль, что общество есть организмъ, находится уже у Платона, Бе-

кона, Гоббеса (который такъ далеко пошелъ въ этомъ направленіи, что иллюстрировалъ эту мысль болѣе или менѣе живописными примѣрами), у Руссо и Гегеля. Идея, что соціологія должна основываться на біологіи и извлекать для себя пользу изъ изученія отношеній между человѣческимъ и животнымъ обществами, неоднократно выражалась Контомъ, классификація наукъ котораго разсматриваетъ соціологію, именно какъ продолженіе біологіи. Та же самая идея развитія мелькаетъ въ сочиненіяхъ Гераклита, Канта, Гегеля, у цѣлой плеяды современныхъ и старыхъ мыслителей. И однако, несмотря на это, соціологію на біологической основѣ весь ученый міръ соединяетъ съ именемъ Герберта Спенсера. Почему это? Потому, что идеи, бывшія у болѣе раннихъ мыслителей лишь робкими намеками и бездоказательными утвержденіями, въ сочиненіяхъ великаго англійскаго философа въ первый разъ приведены были посредствомъ одного господствующаго принципа въ систему строго упорядоченныхъ и логически доказанныхъ положеній; сверхъ того, предшествующіе теоретики только подтверждали это положеніе, Спенсеръ же сдѣлалъ его нагляднымъ и доказывалъ сильными и вѣскими аргументами.

Проникнувъ въ область соціологіи путемъ біологическихъ изысканій, Спенсеръ, силой собственныхъ біологическихъ изслѣдованій, какъ бы видитъ себя приведеннымъ къ тому, чтобы приписать біологическому элементу наиважнѣйшее значеніе въ образованіи соціальныхъ явленій. Поэтому, онъ отвергаетъ ученіе Конта, по которому интеллектуальный элементъ, мысль, господствуетъ надъ общественными отношеніями, и рѣшительно утверждаетъ, что не столько идеи, сколько чувства управляютъ и двигаютъ міромъ, или, что человѣкъ дѣйствуетъ не по внушеніямъ своихъ мыслей, но въ силу своихъ чувствъ и страстей. Отсюда онъ выводитъ, что соціальная статика и динамика можетъ быть изслѣдована не помощью анализа умственнаго творчества человѣка, но посредствомъ изученія жизни самого индивидуума, или законовъ его внутренней организаціи; другими словами, не философія, а біологія можетъ раскрыть тайны общественнаго устройства.

Неоцѣнимая помощь, которую біологія можетъ доставить соціологіи, становится тотчасъ же ясной и заслуживающей вниманія, какъ только умъ устанавливается на томъ основномъ положеніи, что всякій *организмъ есть общество и всякое общество—организмъ*. Всякій организмъ потому общество, что онъ есть совокупность солидарныхъ между собою и взаимными отношеніями тѣсно связанныхъ клѣтокъ; всякое же общество является потому организмомъ, что оно тоже состоитъ изъ клѣтокъ (индивиддумовъ), которыя тѣснѣйшимъ образомъ солидарны другъ съ другомъ и соорганизованы въ цѣляхъ существованія и развитія аггрегата. И даже во многихъ частностяхъ возможно провести аналогію между обществомъ и организмомъ. Въ отличіе отъ неорганическихъ тѣлъ, которые хотя и увеличиваются въ объемѣ, но не растутъ

внутренно (какъ, напр., минералы, увеличивающіеся чрезъ послѣдовательную инкрустацію), органическія тѣла растутъ не только въ смыслѣ увеличенія объема, но они усложняются также въ своей собственной структурѣ, они становятся все болѣе расчлененными и проявляютъ прогрессивную дифференціацію своихъ органовъ и функцій. Точно также обстоитъ дѣло и съ человѣческимъ обществомъ. Первобытныя общества совершенно недифференцированы; въ нихъ каждый индивидуумъ является одновременно воиномъ, охотникомъ, рыболовомъ; врачи—одновременно и знахари, и заклинатели духовъ: также и у низшихъ организмовъ не существуетъ спеціальныхъ органовъ для питанія, движенія, дыханія и т. д. Но точно также, какъ органическое развитіе высшихъ формъ характеризуется образованіемъ особенныхъ органовъ, изъ которыхъ каждый приспособленъ къ выполненію какой-либо спеціальной функціи, переходъ человѣческихъ обществъ на болѣе высшую ступень характеризуется появленіемъ различныхъ спеціализированныхъ соціальныхъ органовъ. Такъ образуются спеціальные органы соціальнаго питанія (земледѣліе, промышленность), соціальной циркуляціи (торговля), соціальной защиты (войско, суды) и т. д. Но этого еще недостаточно. Самою выдающеюся характерной чертой животнаго организма, снабженнаго различными спеціализированными органами, является существующая между этими послѣдними тѣснѣйшая солидарность, или абсолютная зависимость одного отъ другого, вслѣдствіе чего, если одинъ изъ нихъ пріостанавливается въ своей дѣятельности, другіе сразу дѣлаются неспособными функціонировать дольше. Какъ скоро сердце прекращаетъ работу, легкія перестаютъ дышать, мозгъ думать, нервы вибрировать, двигательные центры коченѣютъ и т. д. Точно такая же строгая солидарность существуетъ между органами соціальнаго аггрегата. Если каменный уголь становится дорогимъ, рабочіе разсчитываются съ фабрикъ; если земля не доставляетъ сырого матеріала, промышленность пріостанавливается, торговля застаивается, войско нуждается въ оружіи и аммуниціи. И подобно тому, какъ совмѣстная дѣятельность и солидарность становится тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ сильнѣе развивается индивидуальный организмъ, такъ же происходитъ и съ соціальнымъ организмомъ. Болѣе того: жизнь животнаго организма, за исключеніемъ неожиданныхъ катастрофъ, продолжительнѣе, чѣмъ жизнь его частей; клѣтки разрушаются и воспроизводятся вновь, органы обновляются, но организмъ остается. Также и жизнь соціальнаго аггрегата много длиннѣе жизни его клѣтокъ или индивидуумовъ, изъ которыхъ онъ состоитъ; поколѣнія за поколѣніемъ сходятъ въ могилу, общества же продолжаются вѣчно или исчезаютъ лишь по истеченіи періода въ нѣсколько сотенъ лѣтъ.

На этомъ не кончается однако, аналогія между индивидуальнымъ и соціальнымъ организмомъ. У животныхъ организмовъ замѣчается три рода тканей. Первый подверженъ непосредственному вліянію окру-